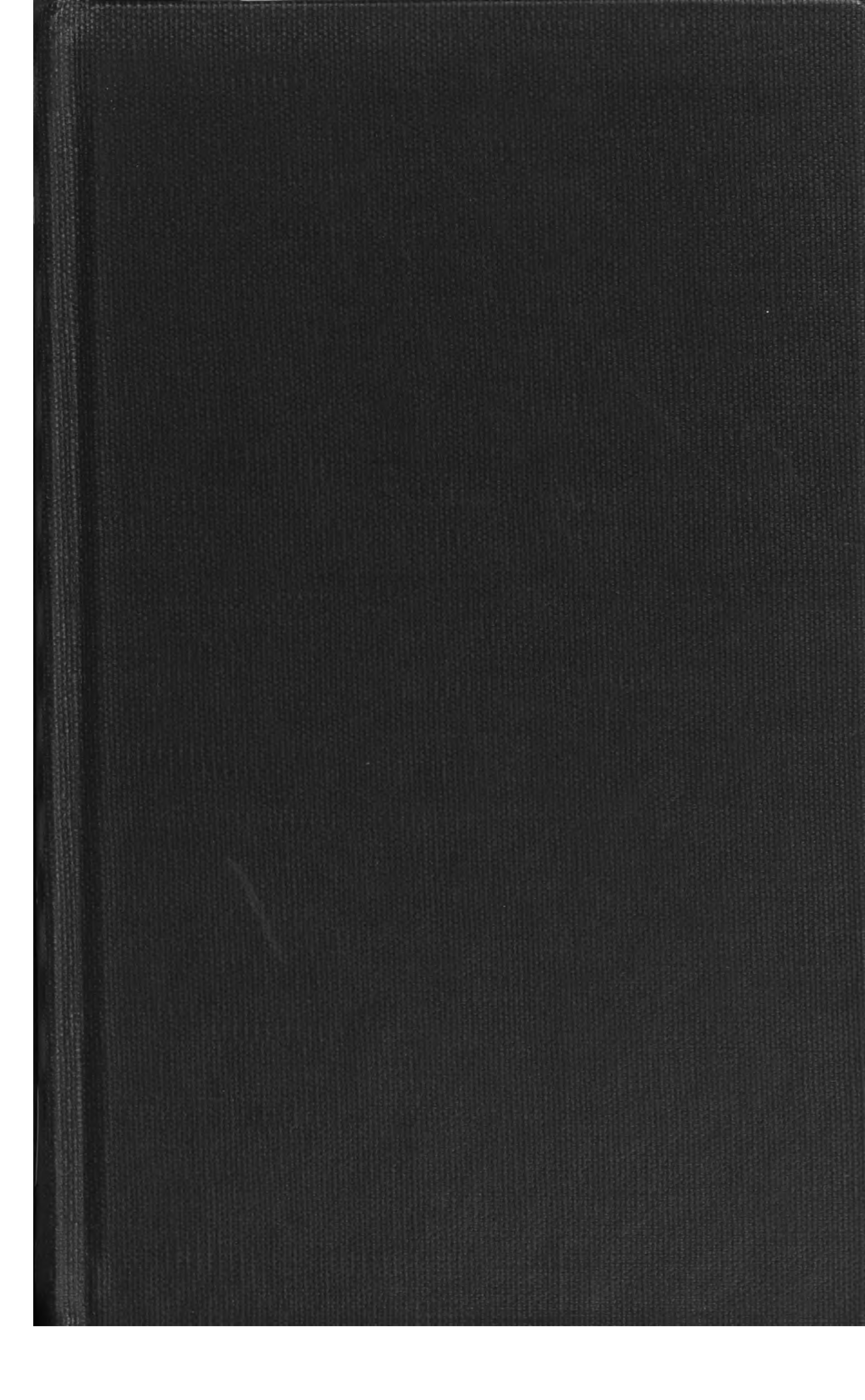
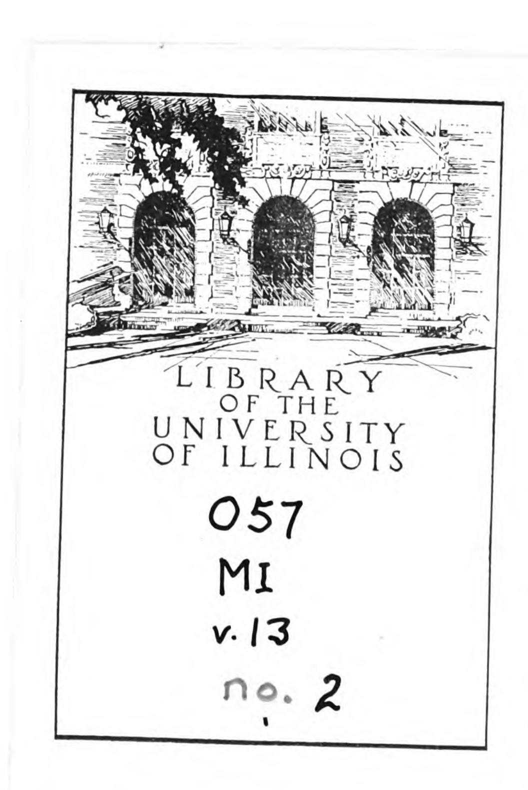



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS
057
MI
v.13
no. 2

Годъ XIII-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

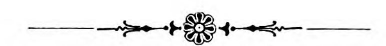
ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ФЕВРАЛЬ.

1904 г.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43)
1904.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Годъ XIII-й. № 2-й.

/mir bozhii/

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ФЕВРАЛЬ.

1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1904.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28-го января 1904 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ТЕОДОРЪ МОММЗЕНЪ.

(1817—1903 г.).

Говорить о Моммзенѣ—значитъ говорить о судьбахъ изученія античности за послѣднія три четверти вѣка въ Германіи, въ той странѣ, которая была въ концѣ XVIII-го и въ XIX-мъ вв. носительницей такъ называемаго германскаго возрожденія, не менѣе плодотворнаго въ своихъ результатахъ, чѣмъ то, носительницами котораго были Италія и Франція. Одной изъ основныхъ частей этого возрожденія было болѣе глубокое и болѣе полное пониманіе античности: Востока, Греціи и Рима, т.-е. тѣхъ сѣмянъ, изъ которыхъ выросъ могучій лѣсъ современной культуры, понимая подъ этимъ словомъ и государственность, и соціальный строй, и науку, и нравственность. Это пониманіе въ свою очередь открываетъ намъ глаза на самихъ себя и на современность, сталкиваетъ насъ съ основами и элементами нашего бытія, съ тѣми эмбріанами, изъ которыхъ выросло наше внутреннее я, даетъ стройный и прозрачный набросокъ тѣхъ устоевъ и идей, на которыхъ покоится современность, или лучше—даетъ намъ контуры той богатой формами и красками картины, которая ежедневно частями проходитъ передъ нами и носитъ имя эволюціи современности. Только зная, какъ и почему входили элементы и идеи античности въ современность, какъ перерабатывалъ и впитывалъ ихъ нашъ міръ, какъ постепенно или внезапно выдѣлялись одни и отходили на задній планъ другія, и съ другой стороны, зная, какъ постепенно научались мы улавливать эти идеи въ нашемъ преданіи объ античномъ мірѣ, только зная это, мы въ правѣ будемъ сказать, что дѣйствительно идемъ къ пониманію современности совершенно также, какъ только зная и понимая жизнь протоплазмы мы въ правѣ говорить объ организмахъ и законахъ ихъ бытія.

Правда, Моммзенъ занимался спеціально только одной эпохой въ жизни античности и однимъ изъ античныхъ государственныхъ образованій—Римомъ, но его геній царилъ и въ другихъ ея областяхъ, его методы находили себѣ примѣненіе и въ области изученія греческаго міра, его энергія руководила рядомъ научныхъ предпріятій, выходив-

шихъ за предѣлы его спеціальности. Онъ являлся лучшимъ доказательствомъ единства античнаго міра, соединяя въ своемъ научномъ синтезѣ явленія эллинства и романизма въ ихъ взаимодѣйствіи на пути созданія античной культуры.

Центромъ жизни Моммзена всегда была научная дѣятельность, ею онъ главнымъ образомъ воодушевлялся, она руководила имъ въ его взглядахъ и міровоззрѣніи; говорить о Моммзенѣ значитъ прежде всего говорить о полной, богатой и многосторонней научной жизни, значитъ говорить о самой наукѣ въ ея поступательномъ движеніи.

Но, говоря о Моммзенѣ, все-таки нельзя говорить только о наукѣ и только о далекомъ прошломъ. Значительной частью своего бытія Моммзенъ стоялъ въ руслѣ современнаго движенія, какъ общественный дѣятель и работникъ первостепеннаго значенія. То, что онъ узналъ, изучая корни современности въ антикѣ, онъ не хранилъ про себя и не сообщалъ въ видѣ теоретическихъ построеній, а стремился приложить къ окружавшей его жизни, желая направить ее туда, куда звали ее по его мнѣнію законы міровой эволюціи.

Моммзенъ былъ дѣтищемъ того бурнаго періода въ жизни германства, когда оно сбрасывало съ себя цѣпи абсолютизма путемъ революцій и дѣятельной ежедневной оппозиціонной работы, и онъ навсегда остался противникомъ абсолютизма и борцомъ противъ него, опредѣленнымъ сторонникомъ демократіи въ формахъ народнаго представительства. Эту тенденцію проявлялъ онъ и въ своей парламентской дѣятельности и еще сильнѣе въ первый періодъ своей жизни, когда благодаря борьбѣ съ абсолютизмомъ онъ временно принужденъ былъ покинуть каѳедру на родинѣ и искать пріюта и мѣста для дѣятельности въ Швейцаріи. Эта тенденція сквозитъ и въ его произведеніяхъ, главнымъ образомъ, въ наиболѣе индивидуальномъ и художественномъ изъ нихъ—въ его римской исторіи.

Не менѣе тѣсно связанъ былъ Моммзенъ и съ другой идеей эпохи созданія великой Германіи, съ идеей необходимости созданія единаго національнаго германскаго государства, которое должно было сдѣлаться, въ представленіяхъ создававшихъ его, носителемъ великой германской культуры, именно германской, а не нѣмецкой, такъ какъ Моммзенъ, по крайней мѣрѣ, ни на минуту не исключалъ изъ великой Германіи будущаго равноправной англо-саксонской сестры. Эта идея великой германской культуры и государства, созданная германствомъ эпохи борьбы за государство и культуру, сдѣлала Моммзена, если хотите, націоналистомъ и закрыла ему глаза на возможность смѣны германства другой націей и на призракъ далекаго будущаго—единое денаціонализованное культурное человѣчество. Романскія націи отжили, славянство—для Моммзена, ученаго по преимуществу,—не внесло въ міровую науку новаго творческаго элемента, и Моммзенъ, воспитанный на крови и желѣзѣ Рима и Германіи, не видѣлъ всего ужаса примѣ-

ненія ихъ къ устраненію препятствій съ дороги, по которой побѣдоносно двигалась культурная Германія.

Но націоналистомъ узкимъ и близорукимъ Моммзенъ никогда не былъ, и политика постояннаго насилія была ему глубоко антипатична. Не даромъ онъ, будучи депутатомъ въ рейхстагѣ, упорно боролся съ Бисмаркомъ, и не одна смѣлая и прямая рѣчь его открыто осуждала политику желѣзнаго канцлера; не даромъ въ моменты разгара антисемитизма онъ, лучшіе ученики котораго принадлежали еврейской національности, открыто выступалъ въ бесѣдахъ и брошюрахъ противъ враговъ еврейства, не только осуждая ихъ политику насилія, но и высказываясь за необходимость и желательность слiянія элемента арійскаго съ семитическимъ.

Вездѣ передъ нимъ прежде всего стоялъ культурный идеалъ, всегда онъ боролся и ратовалъ за свободу—свободу гражданства, свободу мысли, свободу слова и пера, рѣзца и кисти. Уже маститымъ старцемъ поднялся онъ на защиту этихъ идеаловъ, когда имъ грозила опасность отъ повышенной стыдливости нѣкоторыхъ вліятельнѣйшихъ руководителей германской политики.

Политическая дѣятельность Моммзена, которой мы должны были коснуться, желая возсоздать образъ Моммзена, какъ человѣка, а не только какъ научнаго фактора, стояла, однако, какъ было сказано, далеко не въ центрѣ его дѣятельнности. Не центромъ была для него и другая форма общественнаго служенія—передача знаній съ профессорской каѳедры: учениковъ у него было много, слушать его съѣзжались со всей Германіи, болѣе—со всего культурнаго міра, лекціи его и въ особенности практическія занятія были полны обаятельности, но не онѣ все-таки были главнымъ стимуломъ его жизни. Болѣе дома чувствовалъ онъ себя, насколько я могу судить по бесѣдамъ съ его друзьями и учениками, въ академіи, чѣмъ въ университетѣ, за своимъ письменнымъ столомъ или среди камней и монетъ музеевъ, чѣмъ на каѳедрѣ. Наука и научный прогрессъ захватывали его цѣликомъ и приковывали десятками часовъ къ книгамъ, памятникамъ, перу и бумагѣ. Характеристика Моммзена должна поэтому исходить изъ его научной дѣятельности и къ ней же возвращаться. Исчерпывающей она, однако, быть не можетъ, такъ какъ неисчерпаемъ запасъ научныхъ идей и новыхъ точекъ зрѣнія, неисчерпаема и неуловима подчасъ тонкость и сила его научнаго анализа, безконечно разнообразіе его комбинаторскаго таланта. То, что здѣсь будетъ сказано, заранѣе обречено въ силу этого быть лишь намекомъ на характеристику безъ всякой претензіи ни на внутреннюю, ни на внѣшнюю полноту.

По образованію Моммзенъ былъ юристомъ, юристомъ той школы, которая сблизила юриспруденцію съ исторіей, примѣнивъ къ ней историческій методъ. Основателемъ этой школы былъ Savigny и по его пути пошелъ съ первыхъ шаговъ и Моммзенъ. Изученіе римскаго

гражданскаго права—основы права всѣхъ почти современныхъ державъ—было и осталось главнымъ объектомъ изученія ученыхъ юристовъ: въ этой области работали крупнѣйшіе изъ плеяды юристовъ исторической школы (въ области римскаго права) и самъ Savigny, и Пухта, и Рудорфъ, и Пернисъ, и Митуейсъ. Область права государственнаго и даже уголовнаго издавна находилась въ вѣдѣніи историковъ, филологовъ и антикваровъ. Острота и точность юридическаго анализа, глубина и прозрачность опредѣленій и терминологіи, систематизація явленій подъ опредѣленныя юридическія понятія — все это было достояніемъ юристовъ и гражданскаго Права Рима, и всего этого не было среди филологовъ и антикваровъ, создававшихъ изъ обломковъ государственное и отчасти уголовное право римской республики и имперіи. А между тѣмъ эта точность и прозрачность были настоятельно необходимы для пониманія основъ римскаго государственнаго строя, безъ чего Римъ и его міровая задача оставались почти полной загадкой, оставалось загадкой, какъ и почему Римъ объединилъ около себя міръ, какъ и почему на развалинахъ и основахъ римской государственности выросли и развились новыя государственныя образованія западной Европы. Необходима была такая же точная система римскаго государственнаго права, какая создана была и создавалась для права гражданскаго. Дѣло созданія такой системы было, однако, безконечно сложно и трудно. Для гражданскаго права существовалъ разнообразный юридическій матеріалъ, уже приведенный въ систему римскими юристами съ ихъ удивительной точностью и полнотою, ничего подобнаго государственное право не имѣло, матеріалъ приходилось собирать отовсюду по отдѣльнымъ крупинкамъ, искать его тамъ, гдѣ на первый взглядъ его и быть не могло. Въ гражданскомъ правѣ существовала благодаря усиліямъ и римскихъ юристовъ, и ученыхъ новѣйшаго времени опредѣленная строгая терминологія—для государственнаго права ее надо было еще создать. Гражданское право, хотя и стоитъ въ тѣснѣйшей связи со всѣмъ укладомъ соціальной, экономической и государственной жизни, эволюціонируя вмѣстѣ съ ними, все же изучалось и можетъ изучаться и чисто теоретическимъ путемъ, и изученіе это можетъ быть полезнымъ и плодотворнымъ для выработки основныхъ гражданско-правовыхъ понятій — государственное право такъ тѣсно связано съ исторіей государства—политической, соціальной, экономической и культурной—что теоретическое изученіе его немыслимо.

Несмотря на указанную колоссальную трудность заданія, Моммзенъ, пройдя строгую юридическую школу и одновременно съ этимъ школу филолого-антикварную, берется за ея разрѣшеніе. Съ первыхъ шаговъ его дѣятельности, какъ можно видѣть по содержанію его первыхъ работъ, она направляется на разработку отдѣльныхъ государственно-правовыхъ вопросовъ.

Но уже первые шаги показали, что для успѣшнаго разрѣшенія великой задачи нужно многое и многое. Нужно было прежде всего собрать, провѣрить и очистить отъ сора вѣковъ матеріалъ, и притомъ матеріалъ не только государственно-правовой, но и историческій. Съ первыхъ моментовъ ясно было, что, только прослѣдивъ шагъ за шагомъ за эволюціей римскаго государства и римскаго общества, можно будетъ думать о созданіи системы и выдѣленіи основъ римскаго государственнаго права: надо было создать исторію Рима, т.-е. пересоздать то, что было сдѣлано, но съ новыхъ точекъ зрѣнія и на основаніи новаго матеріала.

Тотъ, кому когда-либо приходилось имѣть дѣло съ историческими построеніями, знаетъ, что, какъ ни велика геніальность строящаго, постройка, возведенная имъ, рискуетъ остаться воздушнымъ замкомъ, если она не стоитъ на прочномъ фундаментѣ достовѣрнаго и критически провѣреннаго матеріала. Мало того, самая солидная на первый взглядъ постройка, если только окажется, что два три основныхъ камня въ ней не твердый гранитъ, а легко вывѣтривающійся песчаникъ, или что ключевые камни сводовъ обладаютъ внутреннимъ недостаткомъ, лопаются и разсыпаются, неминуемо должна рушиться и погибнуть. То же и въ исторіи: первымъ дѣломъ историка является собрать возможно большее количество матеріала, вторымъ—разсортировать его по степени достовѣрности въ зависимости отъ времени возникновенія и большей или меньшей документальности, третьимъ—подвергнуть каждый фактъ ряду строжайшихъ критическихъ опытовъ, и только тогда начинается сопоставленіе однороднаго, созданіе общихъ схемъ эволюціи и какъ отдаленная и наиболѣе трудно достижимая цѣль,—выдѣленіе законовъ историческаго развитія. Не мѣняется дѣло и тогда, когда изслѣдователь идетъ обратнымъ путемъ, создавая на основаніи небольшого запаса извѣстныхъ ему фактовъ общее построеніе. Только тогда имъ можно будетъ пользоваться, когда оно будетъ провѣрено указаннымъ путемъ, т.-е. собраніемъ, сортировкой и критической повѣркой матеріала.

Намѣченные принципы критицизма впервые выработаны были въ области изученія римской исторіи; создателемъ ихъ является величайшій критико-историческій умъ начала XIX в.—Нибуръ. Отъ него изъ области римской исторіи критицизмъ разлился широкой волною по всѣмъ областямъ историческаго знанія и сдѣлался его незыблемымъ принципомъ. Всецѣло стоялъ на точкѣ зрѣнія Нибура и Моммзенъ.

Итакъ первымъ требованіемъ, которое Моммзенъ себѣ поставилъ, было тщательное собираніе и провѣрка матеріала. Такъ какъ матеріаломъ для историка служатъ преимущественно тексты литературные и документальные, то требовалось и тщательнѣйшее изученіе языка или языковъ, на которыхъ эти тексты написаны.

Вторымъ отправнымъ пунктомъ—и въ этомъ дорогу показалъ

Нибуръ—было изучать Римъ не въ его изоляціи, а въ тѣсной связи со всей Италіей, которая дала мощь его государственности, и странами эллинскаго востока, которыя создали его культуру.

Въ этихъ рамкахъ Моммзенъ и принялся за собираніе и провѣрку матеріала. Одна часть этого матеріала—литературная—была болѣе или менѣе обработана и использована; большинство произведеній римскихъ историковъ было издано, многія оцѣнены критически; новыхъ путей прокладывать было нечего, надо было идти по торной, хотя и трудной дорогѣ выдѣленія первоисточниковъ литературныхъ и документальныхъ и оцѣнки ихъ.

Иначе обстояло дѣло въ области матеріала документальнаго, цѣнность котораго въ римской исторіи впервые была въ надлежащей мѣрѣ понята и выяснена Моммзеномъ по почину великаго итальянскаго ученаго маркиза Боргези. Документальный матеріалъ по исторіи Рима и Италіи хранится не въ архивахъ и библіотекахъ, а въ музеяхъ и руинахъ древнихъ городовъ; это по большей части не бумажные и пергаментные оригиналы и рукописныя копіи документовъ разнообразнаго характера, начиная отъ закона и кончая купчей крѣпостью, а мраморныя плиты и бронзовыя доски, на которыхъ публиковались во всеобщее свѣдѣніе тѣ документы, которые теперь лежатъ въ архивахъ и публикуются при посредствѣ книгъ и газетъ; это такъ называемыя *надписи.*

«Каменный архивъ» древняго міра, начиная отъ востока и кончая Италіей и Римомъ, издавна интересовалъ и внимательныхъ путешественниковъ, и пытливыхъ любителей и знатоковъ старины. Со времени итальянскаго возрожденія, когда все античное пріобрѣло въ глазахъ тогдашняго человѣчества такую огромную цѣнность, и эти мраморы и бронзы, покрытые буквами и словами, дававшими связные тексты, гдѣ жители итальянскихъ городовъ въ своемъ городскомъ патріотизмѣ искали и находили связь между собой и своими предками, гражданами могучаго Рима, сдѣлались предметомъ общаго вниманія и собиранія, ихъ читали, списывали, собирали въ сборники безъ провѣрки и критики, какъ попало, вычитывали изъ нихъ то, что хотѣлось вычитывать путемъ искаженій и добавленій, а если и этому упрямые камни не поддавались, фальсифицировали документы и на камнѣ, и на бумагѣ, указывая въ послѣднемъ случаѣ на фантастическія бронзы и мраморныя доски, съ которыхъ яко бы списанъ документъ.

Въ такомъ видѣ находился каменный и бронзовый архивъ Греціи, Италіи и Рима впродолженіи болѣе 4-хъ вѣковъ, и можно себѣ представить, что это были за Авгіевы конюшни. Провѣрка архива была крайне трудна. Камни лежали повсюду: ими украшали стѣны дворцовъ и сельскихъ хижинъ, грудами валялись они на дворахъ и поляхъ, многое было уничтожено—пошло на грандіозныя постройки ренессана или въ печи для известки средневѣковья и возрожденія. Въ лучшемъ

случаѣ камни спали мирнымъ сномъ въ такъ называемыхъ музеяхъ, въ дворцахъ и виллахъ знати, монастырей и церквей и всѣхъ городовъ Италіи, начиная отъ Рима и Флоренціи и кончая какимъ-нибудь Vico Equense.

А между тѣмъ какія сокровища хранилъ этотъ архивъ! Тутъ были и памятники прошлаго отдѣльныхъ италійскихъ общинъ на ихъ языкахъ: этрусскомъ, осскомъ, умбрскомъ, фалисскомъ и т. д., ихъ законы свѣтскіе и духовные, ихъ календари, ихъ договоры. Но преобладалъ, конечно, Римъ и латинскій языкъ. Начиная съ VI в. до Р. X., постепенно увеличиваясь въ числѣ и разнообразіи, двигаются ряды законовъ, магистратскихъ распоряженій, совѣтовъ, которые давалъ сенатъ магистратамъ, религіозно-сакральныхъ предписаній, календарей, хроникъ, уставовъ тѣхъ или другихъ соціальныхъ группъ, ихъ постановленій, ихъ петицій, почетныхъ декретовъ тому или другому государственному дѣятелю и т. д., и т. д.

Такое богатство матеріала не было и не могло быть использовано тѣми, кто искалъ и полноты, и достовѣрности: характеръ случайности, недостатокъ аналогій для первичнаго даже объясненія и вѣчное сомнѣніе въ подлинности лишали матеріалъ половины его значенія. Необходима была, и настоятельно, провѣрка, не менѣе необходимо было и методическое собираніе. Задача была колоссальной трудности.

Надо было: 1) собрать и списать всѣ оригиналы, гдѣ бы они ни были, 2) отдѣлить настоящее отъ поддѣльнаго, 3) объѣздить и изучить всѣ библіотеки и отыскать въ нихъ старыя копіи, 4) сличить эти копіи съ оригиналами, 5) выбросить фальсификаціи и искаженія. Только тогда можно было сгрупировать матеріалъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ, для чего опять таки необходимо было установить историческую географію Италіи. И, наконецъ, только послѣ этого можно и должно было опредѣлить время, установить содержаніе и опредѣлить значеніе документа. И только тогда можно было приступить къ конструкціи на основаніи матеріала, вводя его въ общее зданіе исторической эволюціи.

Моммзенъ не испугался колоссальности задачи. Чтобы сказать новое слово, нуженъ былъ новый матеріалъ. Для исторіи Рима, гдѣ все такъ темно и такъ спорно, каждая документальная крупинка была крупинкой чистаго золота, сравненіе съ которой ярко показывало и то, чего мы не знаемъ, и то, какъ мало мы знаемъ якобы установленное и достовѣрное.

Юношей еще взялся Моммзенъ за дѣло, сначала одинъ, затѣмъ съ нѣсколькими друзьми, наконецъ, съ фалангой учениковъ, и къ году его смерти весь матеріалъ былъ собранъ. Въ 30 съ лишнимъ огромныхъ томахъ in folio лежатъ передъ нами критически провѣренные и сведенные матеріалы, болѣе 100.000 документовъ самаго разнообразнаго характера.

Съ этимъ матеріаломъ въ рукахъ впервые явилась возможность говорить не только о политической, но и объ экономической и соціальной исторіи Рима, заполняя ее не гаданіями и фантазіей, а строгими и точными данными. Являлась надежда на то, что можетъ быть когда нибудь можно будетъ приступить и къ Риму съ тѣмъ методомъ который далъ и обѣщаетъ дать столько крупнаго и хорошаго въ изученіи современности—съ методомъ статистическимъ.

Но надписи не поглотили Моммзена даже какъ собирателя и первоизслѣдователя матеріала. Въ библіотекахъ рылся онъ, не только отыскивая старыя копіи съ надписей, въ музеяхъ искалъ онъ не однихъ камней. Не одинъ документъ поздняго времени важный для исторіи эпохи паденія римской имперіи, не одна серія рукописей, дававшая вмѣсто полуфантастическаго провѣренный текстъ, прошла черезъ руки геніальнаго изслѣдователя, и результатомъ было появленіе критическаго твердо обоснованнаго текста нашихъ юридическихъ источниковъ, источниковъ, иллюстрирующихъ аграрную эволюцію, и ряда источниковъ чисто историческихъ.

Въ музеяхъ вниманіе Моммзена привлекали послѣ надписей прежде всего—монеты, этотъ важнѣйшій показатель экономической жизни того народа, которому онѣ принадлежатъ, это средство, которое впервые создало возможность мірового обмѣна и міровой торговли, этотъ свидѣтель политическаго роста государства въ ущербъ другимъ ранѣе самостоятельнымъ, это отраженіе--въ надписяхъ и изображеніяхъ—политической исторіи народа, его религіи, его легендарнаго прошлаго, его художественнаго умѣнья и хотѣнья. Моммзенъ было первымъ послѣ Эккеля, который поставилъ нумизматику на твердую базу изученія не только съ исторической, но и съ экономической точки зрѣнія. Въ широкихъ рамкахъ его историческаго пониманія монеты заговорили и сказали намъ столько, сколько мы отъ нихъ и ожидать не могли. И эти памятники занимали Моммзена до послѣднихъ дней его жизни. Когда ему въ день 80-лѣтней годовщины со дня его рожденія друзьями и почитателями поднесенъ былъ довольно значительный капиталъ, онъ отдалъ эти деньги на дѣло созданія такого же общаго сборника монетъ, каковъ былъ его Corpus надписей. Около этого дѣла желѣзная энергія геніальнаго старца сплотила академіи всѣхъ народовъ, и Моммзенъ умеръ, увѣренный, что дѣло пойдетъ впередъ въ рукахъ его учениковъ и коллегъ.

Все это нагроможденіе и первообработка матеріала были для Моммзена лишь средствомъ для достиженія высшихъ цѣлей. Изученіе языка Рима и языковъ Италіи, изученіе документальнаго матеріала, изданіе памятниковъ литературы, изслѣдованіе вопросовъ хронологическихъ, метрологическихъ, грамматическихъ, юридическихъ, военныхъ, административныхъ, религіозныхъ, литературныхъ вело его къ одной главной цѣли—возстановленію въ могучемъ синтезѣ прошлаго Рима

въ рамкѣ его предшественниковъ и съ проницательнымъ взглядомъ въ будущее.

Этимъ мы переходимъ отъ характеристики анализа Моммзена къ попыткѣ дать хотя бы намекъ на силу и остроту его синтеза.

Результатами синтеза были его «Исторія Рима» и его «Римское государственное право».

Первое произведеніе въ 4 томахъ (I – III и V) выдержало уже восемь изданій. Рѣдко встрѣчаешь человѣка, интересующагося исторіей не только въ Германіи, который бы не читалъ этого произведенія, нѣтъ, кажется, языка (конечно изъ языковъ культурныхъ), на который оно не было бы переведено. Это одно доказываетъ, что «Римская исторія» не только великое научное произведеніе, но и крупное литературное созданіе. Нѣтъ, можетъ быть, на нѣмецкомъ языкѣ другого такого труда, гдѣ бы сочетались такъ гармонично мастерство литератора, истиннаго художника слова, съ колоссальнымъ даромъ научнаго синтеза и анализа. Врядъ ли найдется такое историческое произведеніе, въ которое при полной научности построенія влито было столько художественной индивидуальности и творчества и въ картинахъ, и въ сравненіяхъ, и въ характеристикахъ. Живыми были для Моммзена великіе дѣятели Рима, живыми были для него и великіе историческіе процессы, живы они и для читателя «Римской исторіи». Кто разъ прочелъ характеристику жизни и дѣятельности колосса—Цезаря, тотъ не забудетъ ея никогда, хотя бы образъ Цезаря и показался ему инымъ при дальнѣйшемъ изученіи его дѣятельности *). Какъ къ живымъ современникамъ относится Моммзенъ къ дѣятелямъ минувшаго: хула и хвала обычный его пріемъ, ѣдкая иронія и сарказмъ обычное его оружіе, и кажется, что не только Фабіевъ, Цицероновъ, Помпеевъ и Цезарей видитъ передъ собой Моммзенъ, но и дѣятелей современнаго ему міра и Германіи.

Эта индивидуальность и художественность сдѣлали то, что по книгѣ Моммзена учились не только исторіи Рима, но почерпали изъ нея и политическія идеи, и многія замѣчанія его объ абсолютизмѣ и демократіи, объ олигархіи и аристократіи и теперь еще звучатъ, особенно для насъ, живымъ упрекомъ и глубокимъ поученіемъ.

Но все это не въ ущербъ научности и полнотѣ содержанія. Впер-

---

*) Интересно свидѣтельство въ этомъ отношеніи одного изъ самыхъ крупныхъ историковъ древности O. Hirschield'a въ его рѣчи по поводу 80 лѣтняго юбилея Моммзена, рѣчи, напечатанной только теперь послѣ смерти Моммзена (Der Zeitgeist (Beiblatt къ Berl. Zageblatt отъ 30 ноября): „Не могу забыть я того глубокаго впечатлѣнія, которое оставило на насъ учениковъ чтеніе намъ нашимъ учителемъ исторіи характеристики Цезаря изъ только что появившагося третьяго тома „Римской исторіи". Исторія Рима сразу перенеслась для насъ изъ тумана прошлаго въ яркій свѣтъ современности: она сдѣлалась для насъ, я бы сказалъ, событіемъ".

вые изъ рукъ мастера вышла *вся* исторія Рима. Его матеріалъ обязывалъ его къ полнотѣ, а современная жизнь съ новыми запросами и вопросами требовала ея отъ него. Его великій предшественникъ Нибуръ и современная ему историческая наука властно указывали ему, что историкъ долженъ знать и понимать все: и политику, и государственное право, и политическую экономію, и основы соціальной науки. Создать всѣ эти рубрики и для Рима было не трудно, трудно было заполнить ихъ надлежащимъ содержаніемъ. Изъ современниковъ Моммзена этимъ содержаніемъ обладалъ одинъ онъ и онъ наполнилъ этимъ содержаніемъ полупустыя до него рубрики соціальной, экономической, культурной и государственно-правовой исторіи Рима.

Цѣльный образъ предсталъ благодаря ему передъ нами—образъ города на Тибрѣ, города неустанно идущаго впередъ, сливающагося съ Италіей, затѣмъ со всѣмъ тогдашнимъ міромъ, и мы начинаемъ понимать, какъ и почему это было такъ.

Исторіи разложенія этого могучаго организма подъ бременемъ императорскаго абсолютизма Моммзенъ не далъ; рядъ картинъ жизни отдѣльныхъ провинцій есть то единственное цѣльное, что далъ онъ намъ въ области исторіи римской имперіи. Но если исторія римской имперіи будетъ когда-нибудь написана, то этимъ мы будемъ обязаны тому же Моммзену. Онъ не далъ цѣльнаго образа, но элементы этого образа найдутся у него полностью. Вся почти жизнь римской имперіи разсказана имъ въ сотняхъ отдѣльныхъ статей: тутъ и аграрный строй, тутъ и военная организація, тутъ и исторія соціальныхъ группъ—сословій, обществъ и т. п., тутъ и администрація въ ея эволюціи отъ Августа до Византіи, тутъ и литература въ лицѣ отдѣльныхъ ея корифеевъ, тутъ и отдѣльные носители власти и характеристика отдѣльныхъ эпохъ, тутъ и исторія религіи въ связи съ государствомъ отъ культа императоровъ вплоть до христіанства и его мучениковъ. Синтеза всего этого, правда, Моммзенъ не успѣлъ или не хотѣлъ дать, и намъ остается только преклониться либо предъ желѣзной рукой рока, либо передъ волей геніальнаго работника.

Свои взгляды на исторію вообще Моммзенъ набросалъ особенно ярко въ одной своей ранней работѣ о Швейцаріи въ римское время. «Нѣтъ исторіи безъ фантазіи, но и не все то исторія, о чемъ угодно было фантазировать александрійскимъ и современнымъ филологамъ. Настоящее историческое изслѣдованіе не стремится возстановить въ возможной полнотѣ міровой дневникъ и не желаетъ снабдить примѣрами кодексъ нравственности: оно ищетъ высотъ и общихъ взглядовъ и со счастливыхъ пунктовъ въ счастливые часы ему удается взглянуть внизъ на неизмѣнные законы необходимости, которые вѣчно и твердо стоятъ, какъ Альпы; удается взглянуть и на разнообразныя страсти людей, которыя окутываютъ эти Альпы, какъ облака, не измѣняя ихъ. Эту картину трудно передать тому, кто не взошелъ съ

вами на гору и не осмотрѣлся самъ въ этомъ чуждомъ ему мірѣ; въ лучшемъ случаѣ ее можно воспроизвести неясно и неполно. Дерево науки приноситъ, какъ дерево Гесперидъ, свои золотыя яблоки только тѣмъ, кто самъ ихъ срываетъ для себя; другимъ можно ихъ показать, но не дать».

Исторія Рима была, однако, только одной частью дѣла жизни Моммзена и, можетъ быть, даже только подготовительной частью. Его главный трудъ—это «Система римскаго государственнаго права». Здѣсь Моммзенъ развернулъ все то колоссальное знаніе, которымъ онъ обладалъ, здѣсь онъ показалъ и школу строгаго юриста, и пытливость и комбинаціонный даръ глубокаго лингвиста, и пониманіе великаго историка. Въ трехъ томахъ его «Системы» возстаетъ и оживаетъ передъ нами весь строй Рима глубоко неизмѣнный въ его основахъ, но окрашивающійся то въ тотъ, то въ другой цвѣтъ подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ условій. Какъ вѣхи стоятъ въ римской государственности понятія магистратуры, магистратской власти—духовной и свѣтской, сакральной и политической городской черты, концентрируются на нашихъ глазахъ функціи сената и магистратуръ, функціи революціоннаго трибуната съ разрушительной, но оплодотворяющей властью, функціи народа въ его собраніяхъ, и результатомъ этой концентраціи является не теоретическая схема, а жизненный обзоръ римской конституціи, которая такъ органически выросла изъ римскаго народа съ его исторіей, экономическимъ и соціальнымъ укладомъ.

Но наступаетъ грозная эпоха революціи, трещитъ и ломится устарѣвшій остовъ республиканской конституціи, монархическій востокъ навязываетъ свою государственность, міръ ищетъ единства государственности и власти. Упругій организмъ римской вѣковой конституціи не подается, много брешей, много щелей, вода хлещетъ въ нихъ, но традиція сильна и спасти ее надо. И создается компромиссъ, компромиссъ старой конституціи съ новымъ въ Римѣ монархическимъ началомъ, компромиссъ, сущность котораго первый уловилъ Моммзенъ, которому онъ далъ имя принципата.

Снопъ свѣта палъ на всю римскую исторію, лишь только открылись наши глаза на это государственно-правовое образованіе. Мы поняли, откуда шли эти потоки крови, залившіе римскую имперію, мы поняли, чѣмъ были обязаны принципату провинціи и чѣмъ онъ держался, мы поняли, какъ временная двойственность должна была мирно или насильственно перейти въ единство, мы поняли также, почему это единство было только единствомъ власти, а не единствомъ культуры, почему міръ раскололся надвое и создались съ одной стороны романскія государства Европы и съ другой Византія съ ея преемницей. Теорія принципата была откровеніемъ и какъ таковое она и сознается болѣе вдумчивыми и добросовѣстными историками Рима.

Нечего и говорить, что основныя идеи великаго государственно-

правового синтеза Моммзена такъ обставлены анализомъ, такъ искусно составлены изъ массы аналогичнаго матеріала, такъ строго-логически проведены при посредствѣ точныхъ и яркихъ терминовъ и понятій, такъ ясно и сжато изложены чисто юридическимъ конкретнымъ языкомъ, что всѣ 5 томовъ стоятъ передъ нами, какъ одно цѣлое, какъ одинъ великій памятникъ геніальнаго творчества.

Для довершенія дѣла Моммзена—выясненія всего, что характеризовало бы римскую жизнь, какъ жизнь государства по преимуществу, не хватало еще одного—полнаго и яснаго опредѣленія отношенія государства къ тому изъ его гражданъ, кто нарушалъ его интересы и признанные имъ нравственные законы,—не хватало системы римскаго уголовнаго права. Закончивъ систему государственнаго права, Моммзенъ, уже въ возрастѣ болѣе 70-ти лѣтъ, когда большинство думаетъ о покоѣ и могилѣ, берется за новый колоссальный трудъ—систему римскаго уголовнаго права; въ 1899 г. и этотъ трудъ—томъ въ 1.000 съ лишнимъ страницъ—былъ законченъ и далъ намъ такую же стройную, прозрачную, научно живую картину, какъ и прежнія работы.

Послѣдней великой работой синтеза, за которой застала его смерть, была попытка возстановить совмѣстно съ А. Гарнакомъ рядъ образовъ важнѣйшихъ дѣятелей поздне-римской исторіи. Одновременное изданіе важнѣйшаго юридическаго памятника позднягo Рима—Ѳодосіева кодекса—показываетъ, что эти характеристики должны были возникнуть въ рамкѣ изученія поздне-римской государственности, что подтверждаютъ и послѣднія статьи Моммзена и краткій очеркъ этой государственности въ краткомъ изложеніи Моммзеномъ своего «Государственнаго права».

До послѣднихъ часовъ своей жизни Моммзенъ не переставалъ работать и творить; за всю свою жизнь онъ не написалъ ни одной строчки, гдѣ бы не было творчества и самостоятельнаго труда, изъ 30.000 написанныхъ имъ страницъ, въ болѣе чѣмъ 1.000 трудахъ нѣтъ ни одной, которая не обогатила бы нашего знанія или міра нашихъ идей. Передъ такой жизнью и такою дѣятельностью намъ, скромнымъ рядовымъ, можно только преклониться, преклониться передъ этой сѣдовласой тонкой и рѣзкой головой, передъ этимъ тщедушнымъ, теперь мертвымъ тѣломъ, въ которомъ жило безсмертное творчество, безсмертныя идеи и желѣзная беззавѣтная энергія, соединенная съ проникновенной любовью къ свободѣ, культурѣ и наукѣ.

М. Ростовцевъ.

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

(Годы 1850 и 1851).

(*Продолженіе* *).

XI.

Въ слѣдующіе затѣмъ дни стало повторяться то же самое. Я все вникалъ въ жизнь моихъ новыхъ сожителей и товарищей по заключенію и знакомился все болѣе съ особенностями ихъ жизни.

Новоприбывшихъ не посылали сейчасъ же на работы, но давали имъ отдохнуть нѣсколько дней отъ путешествія, потому и мнѣ сдѣлано было это снисхожденіе. Люди уходили на работу, возвращались на короткое время для обѣда, и до самаго вечера я ихъ не видѣлъ. Вечеромъ же они приходили усталые и скоро укладывались спать. Разговоры мои съ ними были короткіе. Нѣсколько новыхъ личностей обратили на себя вниманіе. По вечерамъ нѣкоторые, имѣвшіе кое-какую пищу, принесенную ими изъ города, видя меня мимо идущимъ, обращались ко мнѣ со словами: «Не хотите ли повечерять съ нами вмѣстѣ», но я благодарилъ, неособенно дорожа пищею, привыкнувъ уже къ воздержанію въ казематѣ, и говорилъ, что я сытъ. «А ну же, еще попробуйте, можетъ быть, скушаете». Вообще обхожденіе ихъ со мною было очень привѣтливое. Турки были со мною особенно любезны и угощали меня иногда гороховыми пирогами, въ родѣ лепешекъ, покупаемыми ими въ городѣ. Кельхинъ былъ моимъ утѣшителемъ во время дня, Биліо возвращался позднѣе другихъ, и вечернія мои бесѣды были большею частью съ нимъ. Онъ говорилъ мнѣ между прочимъ, что имущество мое, привезенное со мною, плацъ-майоръ заявилъ намѣреніе продать съ аукціона, имѣя въ виду купить нѣкоторыя вещи (дорожную шапку, часы и т. п.) самому подъ чужимъ именемъ. Читатель помнитъ вопросъ этого человѣка при моемъ первомъ свиданіи съ нимъ—«*много ли у тебя вещей ?*»—въ этомъ высказался весь его хищническій характеръ,—у него тогда уже появилась мысль о возможности поживиться чужимъ добромъ. Биліо говорилъ, что вещи эти, по закону,

*) См. „Міръ Божій". № 1, январь 1904 г.

принадлежатъ моимъ наслѣдникамъ, если я самъ ими не могу владѣть. Права эти меня мало интересовали. Тутъ дѣло уже было не о вещахъ, а о томъ, чтобы какъ нибудь сохранить жизнь свою и достоинство. Я бы голый бѣжалъ, еслибы могъ изъ этого жилища скорби, неволи грязи, и мнѣ было уже не до вещей моихъ.

— Но онъ подлецъ,—говорилъ Биліо про плацъ-майора.—Онъ, образованный человѣкъ, могъ бы, кажется, понять всю безнравственность такого поступка—васъ лишить вещей, имѣя возможность сохранить ихъ до вашего выхода!

— Чортъ его возьми!—говорилъ я. Пусть дѣлаютъ, что хотятъ. Тамъ же есть комендантъ,—онъ же долженъ за ними смотрѣть.

— Комендантъ?—говорилъ Биліо.—Этотъ старый трусъ вѣритъ во всемъ Червинскому, а этотъ картежникъ, игрокъ!

— Ну Богъ съ ними! Не будемъ говорить объ нихъ!—И затѣмъ мы переходили къ обыкновеннымъ разговорамъ.

Ужаснѣйшая нечистота, неопрятность были для меня трудно переносимы, насѣкомые осыпали меня, и я горько жаловался на эту нечисть, поддерживаемую еще болѣе тюфяками арестантовъ. На эти жалобы мои новый мой пріятель Биліо говорилъ мнѣ:

— Ахъ! это одна изъ самыхъ малыхъ тягостей, которыми мы обсыпаемы здѣсь!—Онъ уже сдѣлался безчувственъ къ такого рода впечатлѣніямъ.—Не блохи, не вши тяжелы,—онѣ не заѣдятъ человѣка, а люди невыносимы!

Также тяготился я страшно духотою спертаго воздуха по ночамъ. Въ помѣщеніи были кое-какія отдушины, которыя открывались по временамъ помощью висячихъ веревокъ. Между арестантами было много уже старѣющихъ, которые еще, однакоже, не признаны были неспособными къ работамъ. Между ними были слабые, боявшіеся простуды. Они не любили этихъ душниковъ и старались ихъ держать закрытыми. «Вишь опять открылъ душникъ, проклятый!» говоритъ одинъ, слѣзая съ наръ и, потянувъ веревку, захлопываетъ вентиляторъ. Черезъ нѣсколько времени подходитъ другой арестантъ, тоже слабый, и, потянувъ веревку въ другую сторону, съ гнѣвомъ произноситъ: «Этакая духота!.. Спать нельзя! Тутъ задохнешься скоро! Чучело заморское!..»

Мое помѣщеніе было какъ разъ близъ этого вентилятора, и я, съ своей стороны, вскакивая съ наръ, потихоньку отворялъ его, сколько могъ.

XII.

Настало 6 января, праздничный день—Крещеніе. Утреннюю зарю пробили, какъ обыкновенно, но никто не торопился вставать. Медленно поднимались арестанты, шли мыться, и большая часть ихъ одѣвалась

болѣе чисто,—у кого было что надѣвать; на нѣкоторыхъ были цвѣтныя рубахи. Многіе передъ образами молились, не торопясь, ставъ на колѣни и прижимая пальцы къ груди, ходившіе мимо сторонились. Затѣмъ начались разговоры, болтовня, шутки, смѣхъ, движеніе прохаживавшейся взадъ и впередъ многочисленной толпы, безпрестанно сталкивающихся людей, между которыми нѣсколько десятковъ ступали тяжеловѣсно, гремя кандалами... Бряцающій звукъ этихъ цѣпей у каждаго имѣлъ свой особый, ему одному свойственный звукъ (timbre). По этому характерному звуку, соединенному всегда съ однимъ и тѣмъ же темпомъ походки, я скоро сталъ узнавать каждаго близь меня идущаго по звону его кандаловъ. Сомкнутыя заклепанными гвоздями, желѣзныя плоскія кольца, вышиною съ вершокъ и толщиною съ мѣдный пятакъ, свободно обхватывали нижніе концы голеней. На нихъ висѣли съ каждой стороны удобно-подвижные, соединенные тремя звеньями 4 желѣзные прута, толщиною съ писчее перо. Въ срединное, соединяющее прутья обѣихъ сторонъ, кольцо вдѣвался ремень, который и былъ носимъ поясомъ или же, вмѣсто этихъ прутьевъ, были сплошныя цѣпи съ обѣихъ сторонъ сходившіяся въ одно большое кольцо, въ которомъ и продѣтъ былъ поясной ремень. Такимъ образомъ весь этотъ гремучій желѣзный аппаратъ поддерживался въ висячемъ положеніи и, болтаясь, издавалъ своеобразный звонъ. Подъ кольцами же на голеняхъ, которыя обхватывали голое тѣло и причиняли боль, подшивались уже арестантомъ особаго рода ремни—подкандальники (поджильники).

Въ это утро гремѣлъ цѣлый оркестръ цѣпныхъ инструментовъ. Музыка эта,—тихія колебанія разно звучавшихъ звеньевъ цѣпей, какъ бы звуки природы, шумъ волнъ или пѣніе птицъ, не имѣла ничего шумнаго, непріятно раздражающаго.

Одинъ другого арестанты поздравляли съ праздникомъ, говорили, шутили и, повидимому, отдыхали отъ обыкновеннаго будничнаго дня. Они любили праздники, соблюдали и чтили ихъ.

Но вотъ на середину прохода выносится узкій длинный столъ и на немъ ставится разнаго рода пища—хлѣбы, булки, крендели, гороховые пироги, куски сала и свинины,—все это благотворительныя приношенія несчастнымъ заключеннымъ. Нарѣзанные куски хлѣба и пищи положены въ обиліи кучами,—общая трапеза для всѣхъ арестантовъ, и двое изъ нихъ, артельщики, раздаватели пищи всѣмъ подходящимъ, соблюдаютъ порядокъ и безобидно надѣляютъ каждаго по мѣрѣ количества запаса. Подходящіе берутъ пищу, садятся на свои мѣста и начинаютъ ѣсть. Тутъ, откуда ни возьмись, многіе вытаскиваютъ шкалики съ водкой, иные и порядочные запасы спиртнаго напитка—полуштофики и, взаимно угощаясь отдѣльными группами, вкушаютъ полученную пищу. Между тѣмъ, подходитъ и обѣденный часъ, и посуды наполняются свареннымъ въ кухнѣ супомъ съ крупою, и, кромѣ

того, еще второе праздничное кушанье—пшенная каша съ саломъ. Все смолкло и усердно предалось насыщенію своихъ живущихъ всегда въ проголодь утробъ. Даже и въ острогѣ оправдалось мудрое изреченіе Brillat-Savarin: «La table est le seul endroit où l'on ne s'ennuie jamais pendant la premiére heure».

Запрещенный напитокъ циркулировалъ къ тому же обильно, и унтеръ-офицеры и фельдфебель, щедро угощаемые, предавались общему отдохновенію. Кто покраснѣлъ весь, начинаетъ ругаться, буянитъ и замахивается въ драку, но остановленный смиряется, хмурясь, кто сидитъ грустный, въ раздумьи и молчаньи, кто изливаетъ чувства объятіями всѣхъ встрѣчныхъ и слюнявыми лобзаніями. Одинъ, бѣлобрысый, высокій, знакомый уже читателю, испивъ водки, сидитъ, поникнувъ головой, крѣпко задумавшись, и вздохнувъ произноситъ: «Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи твоемъ»!

Близъ него находящійся говоритъ, смѣясь:

— Ты чего разнюнился? Днесь со мною будеши въ аду!

Тотъ вскакиваетъ съ мѣста и, окинувъ его презрительнымъ взоромъ, восклицаетъ:—Безстыдный!... Не боишься ты Бога! Чьи слова произносишь и коверкаешь?!... и, плюнувъ, отходитъ отъ него. Разсердившій его былъ высокаго роста, лѣтъ 40 мужчина, худой, съ большимъ носомъ—бывшій, какъ я послѣ узналъ, псаломщикъ, по прозванію Ефимовъ—по природѣ своей большой комикъ, о которомъ я имѣю еще кое-что разсказать впослѣдствіи.

— Эхъ! Вы, ребята!—восклицаетъ порядочно уже хлебнувшій горѣлки фельдфебель, выйдя на средину.—Пьяницы вы, бродяги!.. Ну, у кого еще есть водка?..

— Всю выпили,—отвѣчаетъ кто-то поодаль за спиною его.

— Кто сказалъ?.. кто это?.. выходи!.. Никто не отвѣчаетъ и не обращаетъ на него вниманія. Шумъ, говоръ, звонъ цѣпей, пѣсни, то хоромъ, то по одиночкѣ, всякій предается веселью по своему. Нѣкоторые сидятъ осовѣвши или ложатся на нары.

Не всѣ, однако же, пили, не у всѣхъ была водка, да многіе были и непьющіе, отрекшіеся отъ нея и соблюдавшіе воздержаніе. Я былъ угощаемъ многими, но, обмочивъ губы, удалялся и вновь былъ угощаемъ.

Уставъ глядѣть на это невиданное мною зрѣлище, я подсѣлъ къ туркамъ, непьющимъ по ихъ закону и сидѣвшимъ отдѣльною группою. Затѣмъ пошелъ я въ казарму неспособныхъ, посѣтить Кельхина и нашелъ его тоже выпившимъ.

Такъ проходилъ день Крещенія, — первый видѣнный мною въ острогѣ праздникъ. Читатель понимаетъ, что послѣ слишкомъ сорокалѣтней давности, въ памяти моей сохранилась только общность всего видѣннаго и слышаннаго мною въ дни моей молодости. Поблекли живые образы, голоса и рѣчи отдѣльныхъ личностей, которыхъ

имена напрасно силюсь я вспомнить. Но и въ этой туманной картинѣ выступаютъ еще нѣкоторыя черты и слышанныя мною въ то время слова и изреченія. Ихъ стараюсь я теперь возстановить, по возможности, въ цѣлости ихъ подлинника. Голосъ мой слабъ для разсказа или пѣсни, и перо непривычно къ литературному повѣствованію. Съ трудомъ выискиваются слова для описанія этого дѣйствительнаго и нынѣ существующаго еще въ жизни человѣка особаго рода *дантовскаго ада*, сокрытаго какъ бы въ подземныхъ жилищахъ отъ взоровъ сотней милліоновъ свободно проживающаго населенія городовъ и деревень, не имѣющаго о немъ никакого понятія.

Не знаю, какъ я буду продолжать, не знаю, что писать — такъ много скучившихся вмѣстѣ, роящихся и мелькающихъ въ памяти разнообразнѣйшихъ, но оборванныхъ въ живой цѣлости впечатлѣній. Какъ разобраться въ этомъ хаосѣ элементовъ скорби и мученій человѣка, представшихъ однажды въ жизни и быстро, какъ все прочее, промелькнувшихъ передъ моими глазами? Потому писаніе это такъ медленно и такъ туго подвигается, и я нахожусь въ большомъ сомнѣніи, справлюсь ли я съ предпринятымъ мною трудомъ.

Ахъ! вѣдь это было давно, очень давно!

XIII.

Проживъ недѣли двѣ подъ ошеломляющимъ вліяніемъ совсѣмъ новыхъ для меня впечатлѣній, я сталъ все болѣе подумывать о крайней надобности мнѣ разъяснить мою дальнѣйшую жизнь относительно самыхъ необходимыхъ нуждъ. Первое, что дало себя почувствовать это, что я былъ съ самаго моего пріѣзда все въ одномъ и томъ же бѣльѣ,— не зная, какъ это будетъ далѣе, я счелъ нужнымъ переговорить съ ближайшимъ моимъ начальствомъ, помимо приставленнаго ко мнѣ глупаго надсмотрщика, прямо съ фельдфебелемъ, при приходѣ его. Онъ приходилъ два раза въ день—утромъ и вечеромъ. Его всѣ именовали по имени и отчеству, и я поступилъ такъ же: объяснивъ ему, что я, по пріѣздѣ моемъ, хожу въ одномъ своемъ бѣльѣ, я просилъ его приказать дать мнѣ казенную чистую рубаху, чулки и подштаники, на что онъ отвѣтилъ мнѣ:

— Здѣшнее, у насъ въ цехгаузѣ, бѣлье грубое, для васъ неудобное. Арестанты всѣ, кто можетъ, носятъ свое бѣлье, и вамъ дозволятъ носить ваше собственное, въ которомъ вы пріѣхали; надо доложить о томъ ротному. Я это сдѣлаю сегодня же, но, вѣдь надо же вамъ будетъ и стирать бѣлье; арестанты большею частью отдаютъ здѣшнимъ дешевымъ прачкамъ или стираютъ сами. Надо будетъ доложить ротному, и онъ это устроитъ. Объ васъ спрашиваютъ меня каждый день ротный командиръ и плацъ-майоръ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ была выражена мною и другая просьба относи-

тельно выхода моего на работу вмѣстѣ съ прочими арестантами. Въ тотъ же день вечеромъ фельдфебель принесъ мнѣ и отвѣтъ:

— Все бѣлье ваше, привезенное вами съ собою, по приказанію коменданта взято на храненіе для васъ ротнымъ командиромъ, и онъ, и жена его поручили мнѣ вамъ передать, что они будутъ каждую недѣлю вамъ выдавать одну смѣну чистаго бѣлья, черное же, снятое вами, будетъ относиться къ нимъ для стирки.

Такой отвѣтъ былъ для меня неожиданностью: этотъ человѣкъ, столь грубо обошедшійся со мною въ день постриженія и побритія меня арестантомъ, будетъ надѣлять меня хранящимся у него моимъ бѣльемъ! На другой день подошелъ ко мнѣ одинъ изъ арестантовъ, на котораго я прежде не обращалъ вниманія,—высокій, полный, съ жирнымъ лоснящимся лицомъ. Въ рукахъ у него былъ узелокъ—онъ принесъ мнѣ отъ ротнаго командира чистое бѣлье и заявилъ, что возьметъ у меня чёрное. Я очень удивился этому,—отчего передается мнѣ бѣлье не черезъ унтеръ-офицера, а черезъ арестанта какого-то мнѣ неизвѣстнаго? Я спросилъ его имя и фамилію, онъ назвался Ляляинымъ. Тѣмъ не менѣе обмѣнъ бѣлья состоялся, и онъ ушелъ. Это мнѣ показалось страннымъ и возбудило во мнѣ сомнѣнья и думы. Въ скоромъ времени оказалось, что это было новымъ тайнымъ надо мною надзоромъ въ средѣ арестантовъ. Первое время моего пребыванія въ острогѣ начальство очень опасалось, чтобы чего либо со мною не случилось среди бродягъ и разбойниковъ, къ сожительству съ которыми я присужденъ былъ; оно должно было сохранить меня въ продолженіи 4-хъ лѣтъ и выпустить цѣлымъ и невредимымъ для исполненія дальнѣйшаго надо мною по приговору наказанія. Это, полагаю, и было причиною, побуждавшею начальство относиться столь заботливо ко мнѣ. Упомянутый арестантъ не долго приносилъ мнѣ бѣлье: своими неумѣстными разспросами, съ желаніемъ отъ меня вывѣдать объ отношеніяхъ моихъ къ нѣкоторымъ арестантамъ, онъ возбудилъ во мнѣ сомнѣнія, и я не захотѣлъ болѣе говорить съ нимъ и получать черезъ него мое бѣлье, для этого есть у меня унтеръ-офицеръ,—и шпіонскіе вопросы его и заботы обо мнѣ прекратились.

Въ слѣдующій затѣмъ день исполнена была и другая моя просьба черезъ фельдфебеля: мнѣ разрѣшено было выходить на работу вмѣстѣ съ прочими. Тутъ тоже видно было какъ бы заботливое обо мнѣ въ этомъ отношеніи распоряженіе—посылать меня на работы легкія. Но легкія въ смыслѣ начальства были физически нетяжелыя, а въ моихъ желаніяхъ были работы въ болѣе людныхъ мѣстахъ. Большая часть работъ однако же производилась не въ городѣ, а въ крѣпости, да и всѣ работы вообще, назначавшіяся арестантамъ, были, можно сказать, нетяжелыя.

XIV.

Въ предыдущемъ разсказѣ моемъ я часто упоминалъ о туркахъ. Группа иностранцевъ этихъ, мною столь неожиданно встрѣченныхъ въ арестантскомъ острогѣ, раздѣляющихъ со всѣми прочими суровое заключеніе, не могла не поразить меня несоотвѣтственностью ихъ мѣстонахожденія. Удивленный и, какъ оріенталистъ, обрадованный такою находкою, я сейчасъ же, какъ читатель уже знаетъ, обратился къ нимъ съ горячимъ привѣтствіемъ на ихъ родномъ языкѣ. Это мое обращеніе къ нимъ, громко, какъ бы внезапно отъ сердца излившееся въ первый же вечеръ моего вхожденія въ острогъ, удивило ихъ и сразу привлекло ихъ ко мнѣ. Дальнѣйшее сближеніе мое съ ними послѣдовало быстро, и они мнѣ, новичку въ новой и трудной для меня обстановкѣ, оказывали постоянную помощь. Они были мои вѣрные друзья и слуги, которыхъ я съ самаго начала оцѣнилъ и которые въ продолженіе всей моей жизни въ острогѣ радовали мое сердце. Объ нихъ считаю моимъ долгомъ разсказать подробно теперь же, чтобы не прерывать дальнѣйшій разсказъ. Ихъ было 6 человѣкъ.

Ибрагимъ-ибнъ-Джамиль—мулла, уже немолодой, съ посѣдѣвшими волосами, но бодрый, лѣтъ 40, ростомъ ниже средняго, кожа лица и рукъ смуглая; черты лица правильныя, выраженіе серьезное, вдумчивое. У нихъ у всѣхъ оно было таковое подъ гнётомъ совершившейся надъ ними судьбы. Голова его была всегда покрыта шапочкою, опоясанною небольшою чалмою свѣтлаго цвѣта изъ простой ткани. Онъ представляется мнѣ и нынѣ въ болѣе обычной его позѣ сидящимъ на нарахъ, съ поджатыми подъ себя ногами, среди своихъ земляковъ, разсказывающимъ имъ что либо — поученіе или сказку. Онъ говорилъ своимъ народнымъ языкомъ, который скоро сталъ и мнѣ понятенъ. Его плавная, красивая, спокойная рѣчь разсказа перемѣшивалась нерѣдко ритмованнымъ размѣромъ. Изъ сказокъ этихъ только нѣкоторыя выраженія остались у меня въ памяти. Я вовсе не думалъ тогда, что теперь они были бы мнѣ такъ дороги, я передалъ бы на русскомъ эти живые разсказы, которые врядъ ли существуютъ въ печати и которые мнѣ посчастливилось слушать въ такомъ исключительномъ положеніи. Онъ любилъ передавать разсказы путешественниковъ, съ описаніемъ природы, — въ нихъ были сады, поля, лѣса, горы и моря, трудности путешествія: описывалось населеніе разныхъ мѣстностей, опасныя и забавныя встрѣчи, длинные утомительные походы и странствія, пріятный отдыхъ и нетороплинвые переходы, гдѣ срывались цвѣты—нарциссы, тюльпаны, душистая сумбуль, при угощеніи кофе и куреніи ароматнаго табака.

Лицо его было привѣтливо, оно оживлялось улыбкою, но смѣющимся я его не помню. Онъ ходилъ всегда на работу наравнѣ съ прочими и

всегда въ кругу своихъ земляковъ. Онъ часто жаловался мнѣ на судьбу свою и своихъ соотечественниковъ, и что при нихъ даже нѣтъ молебной книги—алькорана, которая въ настоящее время, при неволѣ, была бы для всѣхъ ихъ большимъ утѣшеніемъ. Я слушалъ его разсказы, бесѣдовалъ со всѣми ими по братски. Часто произносилъ онъ любимыя всѣми правовѣрными мусульманами слова: «Инша Аллахъ, инша Аллахъ!» (дастъ Богъ, дастъ Богъ) будемъ на волѣ вновь, но теперь надо сохранить намъ свои силы и душу отъ упадка, отъ грѣха,—и заключалъ словами:—Альхамду Лиллаги (хвала Богу). Ихъ обычаи по религіи внушали имъ всѣмъ чистоту, омовеніе ногъ передъ молитвою, трезвую жизнь. Разсказы муллы были только въ свободные праздничные дни.

Другіе члены этой замкнутой въ себѣ какъ родной семьи были: 2) Мустафа-Халиль-оглу. Это былъ коренастый мужъ, выше средняго роста, смуглый, съ круглымъ лицомъ, полный собой, мускулистый матросъ или земледѣлецъ, лѣтъ 35, кроткій, тихій характеромъ. Я помню его большей частью сидящимъ или медленно прохаживающимся въ молчаніи, съ выраженіемъ лица добродушнымъ, задумчивымъ, грустнымъ: и было надъ чѣмъ задумываться и о чемъ грустить! 3) Джамиль-Джурга, былъ харатеромъ противоположенъ предыдущему: небольшого роста, худой, живой, лѣтъ 30, лицомъ слегка рябоватый, горячій, оживленный. Исторія его жизни отличалась отъ прочихъ его земляковъ совершеннымъ имъ неудачнымъ побѣгомъ. Онъ былъ вмѣстѣ съ другими своими земляками первоначально въ военномъ острогѣ въ Севастополѣ, потомъ со всѣми вмѣстѣ переведенъ въ крѣпость Кинбурнъ, при устьѣ Днѣпра, нынѣ упраздненную; тамъ онъ одинъ изъ всѣхъ отважился совершить побѣгъ, но былъ пойманъ, преданъ суду и по военнымъ законамъ прогнанъ сквозь строй; все это ничѣмъ не заслуженное страданіе сдѣлало его еще болѣе задумчивымъ, молчаливымъ. (Портретъ его, мною нарисованный позже, сохранился у меня). 4) Мехмедъ Инглизъ (англичанинъ): лѣтъ 23, высокаго роста, тонкій, стройный, рыжій, характера веселаго, живого, подвижной, отличался ловкостью и хитростью. Выходя на работу и проходя съ другими по базарамъ города, онъ не считалъ грѣхомъ украсть, что могъ, и всего чаще приносилъ онъ куски мяса или плоды, овощи—все, что попадалось подъ руку, что можно было стащить. Онъ дѣлалъ это такъ ловко и проворно, что ни разу не попадался. Мулла говорилъ про него:—«Онъ не былъ такой на родинѣ, а здѣсь имѣетъ будто бы оправданіе въ нашей бѣдности, мы всѣ его срамимъ, но онъ смѣется, говоритъ, что это не онъ крадетъ, а неволя и голодъ!» Объ немъ существуетъ разсказъ, переданный мнѣ не имъ самимъ, а его земляками. Года три тому назадъ Мехмедъ заболѣлъ какою-то болѣзнью съ жаромъ и бредомъ. Онъ былъ немедленно отправленъ въ военный госпиталь, въ арестантскую палату. Это было лѣтомъ, въ августѣ мѣсяцѣ, и съ нимъ случилось происшествіе, оставившее по себѣ память на весь го

спиталь: госпиталь былъ, какъ и острогъ, на крутомъ берегу Днѣпра. Мехмеду, въ жару и бреду, удалось какъ-то выскочить, на виду караула, изъ госпиталя. За нимъ бросились въ погоню, но пока произошла тревога, онъ бѣгомъ сбѣжалъ съ крутизны и, бросившись въ Днѣпръ, поплылъ на ту сторону и скрылся въ камышахъ... Можетъ быть, такая холодная ванна его привела въ сознаніе. Это было вечеромъ, въ августѣ, и онъ былъ голый. Между тѣмъ въ госпиталѣ сдѣлалась тревога:—«Бѣжалъ арестантъ!» Посланы были за нимъ двѣ лодки, которыя переѣхали на другую сторону, и тутъ люди, бывшіе въ лодкахъ, услышали громкіе стоны и крики, призывавшіе на помощь. Идя по направленію голоса, они нашли Мехмеда лежавшимъ на пескѣ, обсиженнымъ комарами по всему тѣлу. Онъ уже выбился изъ силъ отгонять ихъ, лежалъ и стоналъ, его подняли, прикрыли и доставили обратно въ госпиталь. Побѣгъ этотъ не имѣлъ для него никакихъ послѣдствій, такъ какъ онъ былъ совершенъ не въ полномъ сознаніи. 5) Старикъ Османъ—былъ въ числѣ уже неспособныхъ, но иногда ходилъ вмѣстѣ съ другими на работу. 6) Абу-Турабъ—большой дылда, очень высокаго роста, простой матросъ или феллахъ (земледѣлецъ), лѣтъ 35, личность безцвѣтная, обладалъ большой силою.

Такова была группа турокъ, отличавшаяся отъ нашей русской братіи, какъ уже выше сказано, чистотою, трезвостью и честностью. Всѣ они были бѣдны, никто изъ нихъ не зналъ никакого ремесла, носили казенное бѣлье. Не помню, чѣмъ они добывали себѣ вещи необходимыя для жизни, но у нихъ были всегда мыло и полотенце. Между собою они дѣлились всѣмъ. При видѣ этихъ чужестранцевъ иного племени и подданства невольно рождается вопросъ, какъ они попали къ намъ въ Россію и угодили въ военный острогъ!?

Вопросъ этотъ разрѣшается конвенціею двухъ сосѣднихъ государствъ—Россіи и Турціи относительно турецкихъ контрабандистовъ, сбывавшихъ свои товары на черноморскомъ кавказскомъ берегу. Турецкое правительство предоставило полную власть россійскому надъ пойманными контрабандистами, ея подданными, и послѣднее, захвативъ ихъ на самомъ дѣлѣ контрабанды, посадило сначала въ севастопольскій военный острогъ, а оттуда перевело въ херсонскій, безъ опредѣленія срока ихъ заключенія, и затѣмъ какъ бы забыло объ нихъ, а мѣстное начальство само не рѣшилось ходатайствовать объ ихъ освобожденіи, и они сидѣли уже годы въ этомъ острогѣ, куда я привезенъ былъ арестантомъ въ 1850 г. Такова была жестокая судьба, постигшая ихъ. Разсказъ ихъ о томъ, какъ это все случилось, представляетъ большой интересъ.

Они, выѣхавъ изъ одного изъ черноморскихъ портовъ Анатоліи, кажется, изъ Арзерума, на большомъ морскомъ парусномъ суднѣ, съ грузомъ товаровъ всякихъ мелочей изъ издѣлій Малой Азіи, отправились открытымъ моремъ къ черноморскому берегу Кавказа. Тамъ про-

дали все береговымъ черкесамъ, черезъ которыхъ привозимые ими предметы распространялись по ауламъ Кавказа. Эти, нынѣ плѣнные турки, были смѣлые, опытные моряки, вооруженные на случай битвы контрабандисты, умѣвшіе пользоваться и темнотою ночи и туманами. Путешествія эти они совершали нѣсколько лѣтъ благополучно и, забравъ мѣстные продукты Кавказа (лѣсъ), возвращались на свою родину, но счастье измѣнило имъ и вотъ однажды, не помню, въ которомъ изъ сороковыхъ годовъ, сдавъ благополучно товаръ, они отплыли уже въ открытое море, какъ вдругъ застигнуты были военнымъ крейсеромъ.

Они попробовали защищаться, но сейчасъ же убѣдились, что это было невозможно. Ихъ всѣхъ съ судномъ забрали, и они доставлены были въ Севастополь, гдѣ и были посажены въ военный острогъ, наравнѣ съ прочими заключенными. Все имущество ихъ было отобрано кромѣ бѣлья и платья. Такъ началась ихъ подневольная жизнь, и они уже были тамъ не первыми плѣнными.

Незадолго до ихъ прибытія, въ Севастополѣ была большая партія турокъ, которая, однако же, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, спаслась отъ своего плѣненія бѣгствомъ моремъ, уплывъ на рабочемъ парусномъ суднѣ къ берегамъ Турціи. Вскорѣ послѣ этого происшествія въ Севастополь привезены были и тѣ турки, которыхъ я засталъ въ Херсонѣ. Вслѣдствіе возможности легкаго побѣга изъ Севастополя, послѣдовало распоряженіе о высылкѣ ихъ въ крѣпость Кинбурнъ при устьѣ Днѣпра, а потомъ, по упраздненіи этой крѣпости, они были перевезены въ херсонскую арестантскую роту. Они разсказывали, что жизнь ихъ въ севастопольскомъ острогѣ была несравненно легче, главнымъ образомъ по близости моря, любимой ихъ стихіи, съ которой они сроднились съ малолѣтства. Побѣгъ, совершенный ихъ предшественниками, разсказанъ мнѣ былъ ими съ особеннымъ увлеченіемъ и заслуживаетъ быть упомянутымъ въ этомъ описаніи.

Партія турокъ, заключенная въ севастопольскомъ острогѣ, была больше ихъ числомъ; они прожили тамъ нѣсколько лѣтъ, оказались хорошими работниками и, по своей спокойной и трезвой жизни, пользовались довѣріемъ начальства. Въ городѣ были работы, соединенныя съ привозомъ матеріала (песку, глины и пр.) съ береговыхъ, но не въ самой близи лежащихъ острововъ. Турокъ, какъ матросовъ, назначали на эти поѣздки. Приготовившись къ побѣгу, взявъ пищи и все необходимое, утромъ рано сѣли они въ большую, рабочую, парусную лодку. Ихъ сопровождали, какъ обыкновенно, два конвойныхъ съ ружьями и унтеръ-офицеръ съ тесакомъ. Разстояніе отъ берега было не очень близкое, и, отчаливъ, они натянули парусъ. По проѣздѣ порядочнаго уже разстоянія унтеръ-офицеръ замѣтилъ, что лодка идетъ не къ мѣсту назначенія, а прямо въ открытое море. Онъ сказалъ рулевому держать къ острову, но въ это время всѣ турки встали и,

обезоруживъ конвойныхъ и унтеръ-офицера, объявили, что они плывутъ въ Турцію. Изумленные проводники ихъ закричали и стали просить о возвращеніи, но лодка вѣтромъ уносилась все далѣе въ море. Тогда турки запѣли священныя пѣсни, поздравляли другъ друга и своихъ русскихъ спутниковъ считали уже своими товарищами по отплытію въ безбрежное море и дѣлились съ ними запасами пищи, утѣшали и уговаривали ихъ, что, Богъ дастъ, они привезутъ ихъ въ свою родину, гдѣ жить людямъ лучше, вольнѣе, а они избавятся отъ 25-ти лѣтней солдатчины. Отважные мореплаватели плыли весь день и ночь, уносимые попутнымъ вѣтромъ, къ берегамъ Турціи. Унтеръ-офицеръ плакалъ и жаловался на свою судьбу. Наступила ночь, руководителемъ направленія были однѣ звѣзды. Къ утру, на разсвѣтѣ, они увидѣли вдали берегъ и, подъѣхавъ ближе, узнали крѣпость Варну. Проѣхавъ въ отдаленіи, они приблизились къ берегамъ Балканскаго полуострова и къ утру другого дня увидѣли Константинополь. Когда они пристали, то, покинувъ лодку, всѣ ушли и съ ними вмѣстѣ ушли и двое конвойныхъ, а унтеръ-офицеръ, оставшись одинъ въ лодкѣ, заявилъ о себѣ и о случившемся въ русскомъ посольствѣ. Тамъ, конечно, въ немъ приняли участіе и при первой возможности посадили на пароходъ въ Севастополь. Высадившись на родинѣ, онъ явился своему начальству, и тутъ пошли для него терзанія—онъ былъ арестованъ, отданъ подъ судъ и лишился унтеръ-офицерскаго чина, такъ что было и о чемъ сожалѣть впослѣдствіи. Таковъ былъ разсказъ турокъ объ этомъ славномъ побѣгѣ ихъ земляковъ.

— Теперь уже,—говорилъ мулла,—убѣжать нельзя, надо ждать, что Богъ дастъ!

Разсказъ же обо всемъ ихъ плаваніи и прибытіи въ Константинополь былъ сообщенъ вернувшимся оттуда унтеръ-офицеромъ.

О дальнѣйшей судьбѣ описанныхъ мною турокъ въ херсонскомъ острогѣ я узналъ впослѣдствіи, по прошествіи болѣе 20 лѣтъ послѣ выхода моего изъ острога. Они были освобождены изъ ихъ безсрочнаго заключенія по окончаніи Крымской кампаніи, вмѣстѣ съ прочими плѣнными турками.

XV.

Нѣтъ возможности разсказывать все въ послѣдовательности, какъ и что было со мною и совершалось на моихъ глазахъ впродолженіи всего моего пребыванія въ этой многострадальной обители. Первые дни, о которыхъ я разсказывалъ, запечатлѣлись въ моей памяти сильнѣе послѣдующихъ. Житье мое въ новой моей обстановкѣ съ каждымъ днемъ становилось мнѣ все болѣе обыкновеннымъ, и вся послѣдующая жизнь какъ бы стушевалась въ моей памяти, остались въ ней только общность, сущность всего видѣннаго: обычныя явленія аре-

стантской жизни и нѣкоторыя только чѣмъ-либо выдававшіяся происшествія—по отношенію къ общей жизни обитателей острога или же ко мнѣ лично.

Попробую представить живущихъ со мною въ острогѣ картинами въ различное время дня и ночи.

Воскресный день, восьмой часъ утра, разсвѣтаетъ, на гауптвахтѣ у самаго острога бьется утренняя заря: люди просыпаются, но не вскакиваютъ торопливо, какъ въ будніе дни, нѣкоторые дремлютъ, иные встаютъ. Праздничный день цѣнится ими, какъ спокойный, безъ криковъ и торопливыхъ понуканій. Каждому дозволено дѣлать, что онъ хочетъ, въ замкнутомъ пространствѣ острога,—въ предѣлахъ, конечно, ничегонедѣланія. Арестанты, когда не торопятся, въ праздничные дни дѣлаютъ тоже туалетъ очень простой, но у кого есть чистое бѣлье, тотъ надѣваетъ его, и моются они въ этотъ день почище будняго дня. Въ казармѣ тишина и нѣтъ еще никакой толкотни въ срединномъ, узкомъ по числу жителей проходѣ; иные подходятъ къ образамъ—шепчутъ молитвы. Затѣмъ начинается день: чаю ни у кого въ заводѣ не было, и никто о немъ не упоминалъ. Люди прохаживались взадъ и впередъ или садились на нары кучками бесѣдующихъ, но о чемъ говорить? Новостей извнѣ не приходитъ, внутри все безсмѣнно одно и то же, книгъ ни у кого нѣтъ, большинство безграмотны. Это совершенное бездѣйствіе оторванныхъ отъ жизни людей, въ запертомъ, тѣсномъ жилищѣ, лишенныхъ всякаго развлеченія, въ совершенно однообразной, изо дня въ день повторяющейся обстановкѣ, въ праздникъ еще считающихъ грѣхомъ всякую работу, если бы у кого и была такая, оказываетъ притупляющее вліяніе на душевное состояніе. Этимъ положеніемъ они обречены, повидимому, на полное безмысліе—это безцѣльно-движущіеся автоматы. Но размышленіе это вѣрно только съ перваго взгляда. Такая жизнь, конечно, не изощряетъ, а притупляетъ всякую умственную дѣятельность, но у каждаго изъ этихъ несчастныхъ, лишенныхъ свободы, обреченныхъ на годы безжизнія, есть свое прошедшее,—оно, по утратѣ, стало еще милѣе прежняго и глубоко врѣзалось въ памяти, какъ драгоцѣнное, незабвенное, неувядаемое. Оно всегда при нихъ, какъ живое, но постоянно оплакиваемое. Настоящее, какъ бы ни было скверно, можетъ заслонить его только временно, но отнять его отъ насъ оно не можетъ. Прожитое прошедшее оставляетъ неотъемлемую часть нашей жизни, и вотъ, въ свободные дни, въ праздники, никѣмъ не понукаемые жители острога могутъ всего легче предаваться естественному ходу мыслей, влекующихъ ихъ въ воспоминанія. Эти-то воспоминанія и составляютъ предметъ ихъ размышленій наиболѣе въ праздничные дни и въ дообѣденное время, когда они сидятъ молча или прохаживаются въ одиночку, раздумывая, какъ бы ничего не видя. И вотъ, передъ глазами такого погруженнаго въ думу встаетъ его родной уголокъ, деревня, село, городъ,

семья, люди, въ средѣ которыхъ онъ жилъ, любимые имъ. Воспоминанія людей безконечно разнообразны, и они-то у заключенныхъ составляютъ самую лучшую часть жизни, а сонъ, съ его сновидѣніями, нерѣдко открываетъ намъ и то, что нами было совсѣмъ забыто. Позднѣе, на моихъ же сожителяхъ, я удостовѣрился въ томъ, что сидящіе въ одиночку въ молчаніи уносятся въ міръ видѣній прошлаго. Примѣромъ тому вспоминаются мнѣ многіе, отвѣчавшіе мнѣ на вопросъ: о чемъ задумались? «Такъ ничего,—задумался о прошломъ!» И это было большею частью въ праздникъ и въ дообѣденное время. Въ такое время они наиболѣе расположены были вести съ кѣмъ-либо тихую бесѣду о быломъ въ своей жизни, подѣлиться своимъ горемъ. Рѣдко случалось мнѣ отъ нихъ слышать что либо жестокое, противное нравственнымъ чувствамъ; подробности разсказаннаго о какомъ либо совершенномъ преступленіи сглаживаютъ, смягчаютъ вину,—особенно если примѣшивается къ тому горькое сожалѣніе и сознаніе заслуженнаго наказанія. Въ праздничный день всего удобнѣе бесѣдовать съ ними о прошломъ и вызвать откровенный разсказъ. Въ этомъ отношеніи вспоминаются мнѣ бесѣды со многими изъ числа описанныхъ.

Морозовъ разсказывалъ мнѣ о своемъ прегрѣшеніи, нѣмецъ колонистъ—о своемъ убійствѣ изъ ревности, Еремѣевъ—о своихъ странствіяхъ въ Анатоліи; Глущенко—о совершенномъ имъ убійствѣ злодѣя ротнаго командира; Степанъ Колюжный—о своей невинности въ совершенномъ убійствѣ его пріятелями.

Также въ праздничные дни жители острога бываютъ наиболѣе расположены и къ другого рода теченію мыслей: какъ бы ни были жестоки людскіе суды, назначающіе нерѣдко и пожизненныя наказанія, обрекающія на вѣчную неволю, но никто въ сердцѣ своемъ не можетъ вѣрить въ исполненіе того, а хранитъ надежду на освобожденіе раньше срока такъ или иначе, и если теряетъ ее, то замышляетъ, обдумываетъ побѣгъ, какъ единственное спасеніе, и совершаетъ его нерѣдко при самыхъ неожиданныхъ обстоятельствахъ, немыслимыхъ для глазъ и ушей самыхъ бдительныхъ сторожей острога.

Но вотъ настало обѣденное время. Всякій спѣшитъ за своею порціей, которая въ праздникъ нѣсколько питательнѣе—болѣе крѣпкій мясной отваръ, и болѣе въ немъ крупы. Въ эти дни кто имѣетъ возможность, выпиваетъ. Обѣдъ скоро кончается, во многихъ уголкахъ бесѣда оживленнѣе, громче; слышны смѣхъ, возгласы, порою шутливыя ругательныя слова. Въ срединномъ проходѣ движенія учащаются, люди сталкиваются и отпускаютъ другъ другу непривѣтливыя слова; кандалы бренчатъ повсюду. Въ эти дни мнѣ было наиболѣе скучно, такъ какъ выходъ на работу, какая бы она ни была, доставлялъ мнѣ развлеченіе и отдыхъ отъ казармы. Многіе изъ жителей острога послѣ обѣда ложились на нары и засыпали, и я отъ скуки ложился. Въ утреннее время я большею частью бесѣдовалъ съ арестантами и

всегда нѣкоторую часть утра проводилъ среди турокъ и посѣщалъ стариковъ (въ сравненіи съ тогдашнею моею молодостью) Кельхина и Воронова. И здѣсь, какъ въ тѣсномъ казематѣ, повторилось безпріютное *верченіе* въ самомъ себѣ, но оно было все же не столь однообразно, и меня окружали не голыя стѣны, а люди, также страдающіе, какъ и я, и это мирило меня съ обстановкой, И жилище мое было просторнѣе, съ возможностью всегда выйти подышать воздухомъ на дворѣ.

Въ средѣ сожителей моихъ, съ которыми пришлось мнѣ жить въ такомъ общеніи, не было людей талантливыхъ или любителей чего либо,—это была обыкновенная безцвѣтная людская толпа. Пѣсней я почти не слышалъ за все время, кромѣ иногда одиночныхъ и мало характерныхъ. Пѣвцовъ не было вовсе, скучно было — очень скучно!

Въ январѣ темнѣло рано,—часа въ четыре съ половиною. Зажигались мерцавшіе огнями деревяннаго масла свѣтильники—маленькія и рѣдкія лампы. У арестантовъ были въ запасѣ свѣчи и свѣчку или огарокъ можно было всегда купить для вечерней работы, игры въ карты или для какого-либо другого дѣла.

Вечеромъ послѣ ѣды допивалась водка—если оставалось что отъ обѣда, а то и новая приносилась унтеръ-офицерами, которые пили тоже. Бесѣды отдѣльными групами оживлялись. Движенія въ срединномъ проходѣ учащались еще болѣе, а съ ними и тихое бряцанье цѣпей. Этотъ тихій перезвонъ желѣзныхъ колецъ нисколько не безпокоилъ меня, но при общей тишинѣ навѣвалъ на меня особаго рода думы о безуміи людскомъ, налагавшемъ на своихъ ближнихъ тяжелыя цѣпи и позорныя клейма! Позднѣе уже появлялся Биліо—личность оставшаяся мнѣ и по сю пору загадочною. По приходѣ онъ всякій разъ окруженъ былъ арестантами и разсказывалъ имъ мѣстныя новости. Я вновь возлежалъ съ нимъ на нарахъ. Каковъ бы онъ ни былъ, но ко мнѣ онъ былъ искренно расположенъ. Болтали, смѣялись и затѣмъ расходились по своимъ мѣстамъ. А на верхнихъ нарахъ слышны были разговоры за игрою въ карты. Такова была печальная жизнь заключенныхъ херсонскаго военнаго острога. Сонъ успокаивалъ все, и безсонницы, кажется, ни у кого не было,—несмотря на неудобное ложе—жесткое и грязное.

Большіе праздники отличались обиліемъ пищевыхъ приношеній благотворителей. Между ними преобладали бѣлыя булки, пироги съ кашею, горохомъ. Свинина, иногда говядина подавались разрѣзанными порціями. На свѣтломъ праздникѣ, конечно, были творогъ, пасха, куличи, яйца и другія яства. Ими заставлялся узкій, длинный столъ, состоявшій просто изъ досокъ, клавшихся на перекладины, приносимыя къ обѣденному часу, и затѣмъ убираемый—для освобожденія прохода. За супомъ и за кашей съ саломъ ходили сами въ

кухню. Ко мнѣ пищевары были особенно благосклонны при раздачѣ порцій. Послѣ, и даже за обѣдомъ, уже появлялись бутылки съ водкою, пьянство было порядочное, въ казармѣ громкіе разговоры, шумъ и споры—до драки не доходило.

Объ упомянутыхъ въ этой главѣ новыхъ личностяхъ (колонистѣ, нѣмцѣ, Колюжномъ и Еремѣевѣ) не было ничего сообщено на предъидущихъ страницахъ, потому считаю нелишнимъ, въ виду послѣдующаго разсказа, дополнить недостающее.

Колонистъ нѣмецъ — Іоганъ Куммеръ былъ человѣкъ лѣтъ 45, средняго роста, брюнетъ, съ крупными чертами лица. Онъ держалъ себя сосредоточенно былъ задумчивъ и молчаливъ, прохаживался медленно. Однажды, въ праздничный день онъ разсказывалъ мнѣ тревожнымъ голосомъ, по-нѣмецки, о своемъ злоключеніи, когда онъ изъ ревности убилъ человѣка.

Несмотря на тягость совершеннаго имъ преступленія, онъ былъ изъ числа срочныхъ и отбывалъ свои годы въ надеждѣ возвращенія къ свободной жизни—въ свою колонію.

Еремѣевъ Дементій (Еремка-пьяница), человѣкъ этотъ хорошо сохранился въ моей памяти: средняго роста, лѣтъ 40, лицомъ рябоватый; къ спокойной бесѣдѣ не склонный. Онъ умѣлъ шить обувь и тѣмъ зарабатывалъ себѣ кое-что. По праздникамъ принаряжался, но сильно запивалъ и любилъ картежную игру. Откуда онъ родомъ, мнѣ осталось неизвѣстнымъ, да онъ, кажется, скрывалъ свое происхожденіе отъ всѣхъ, и откровенная бесѣда съ нимъ была бы невозможна. Онъ былъ въ Сибири, оттуда бѣжалъ и пойманный вновь уходилъ и наконецъ для безопасности ушелъ въ азіатскую Турцію, гдѣ странствовалъ нѣсколько лѣтъ и научился турецкому языку, но, соскучившись по родинѣ, возвратился въ Россію и, какъ бѣглый, послѣ разныхъ странствій попалъ въ херсонскій острогъ. Попадался онъ черезъ свое пьянство. Арестанты болѣе опытные замѣчали на его лбу и скулахъ слѣды клеймъ, которые выступали слегка красными линіями при всякомъ его разгоряченіи въ пьяномъ видѣ и послѣ бани. Ближайшее начальство, вѣроятно замѣчало то же, но поведеніе его все же не подавало повода къ возбужденію противъ него никому не нужнаго дѣла. Онъ одинъ, кромѣ меня, говорилъ съ турками на ихъ родномъ языкѣ и говорилъ бойко, простонароднымъ языкомъ. Турки отзывались о немъ, какъ о пьяницѣ, много крутившемъ жизнью.

Степанъ Колюжный (Степа молодчикъ): маленькаго роста, юный, круглолицый блондинъ,—красавчикъ, съ голубыми глазами. Онъ привлекалъ меня своею наружностью и тихимъ, кроткимъ нравомъ, а между тѣмъ онъ, несмотря на свою молодость, былъ отягченъ кандалами. Онъ былъ извѣстный въ острогѣ плясунъ. Глядя на него, невольно возникалъ вопросъ, что могъ онъ совершить, чтобы быть присужденнымъ къ такому тяжелому наказанію?! Изъ разговора

съ нимъ о его дѣлѣ я ничего не могъ выяснить. Онъ не считалъ себя виновнымъ. Теперь только пришлось мнѣ впервые уразумѣть, какое огромное упущеніе было съ моей стороны пренебречь выясненіемъ тогда же возникавшихъ во мнѣ вопросовъ,—по отношенію столькихъ на моихъ глазахъ проходившихъ фактовъ.

XVI.

На работу выходили обыкновенно съ разсвѣтомъ во всякое время года и возвращались съ закатомъ солнца. Уже не разъ описаны были пробужденіе отъ сна и поспѣшное вставаніе арестантовъ съ уходомъ на дворъ. За стѣною люди, выведенные на работу, становились въ рядъ, одинъ подлѣ другаго, за ними стояла вооруженная стража. При этомъ присутствовало ближайшее начальство — фельдфебель, унтеръофицеры и командированное какое-либо лицо отъ инженернаго управленія, со спискомъ въ рукѣ, въ которомъ написаны требованія на предстоящія работы извѣстнаго числа рабочихъ. Затѣмъ, однимъ изъ унтеровъ отсчитывались по означеннымъ числамъ рабочіе на каждую группу, къ которой тутъ же назначалось нужное число конвойныхъ съ острожнымъ унтеръ-офицеромъ, причемъ число вооруженной стражи назначалось всегда, по крайней мѣрѣ, втрое менѣе числа рабочихъ. Каждая группа, отсчитанная, отправлялась сейчасъ же. Большая часть работъ производилась въ границахъ крѣпости, но окружавшій ее валъ обнималъ большое пространство, и населеніе его было не малое. Зимою производились работы печныя, рубка дровъ, переноска строительнаго матеріала, расчистка улицъ отъ снѣга, если былъ таковой, что случалось рѣдко, такъ какъ большею частью стояли вѣтры, небольшіе морозы и гололедица. Какія еще были работы — не помню. Арестанты всѣ были въ полушубкахъ, конвой же въ однихъ своихъ солдатскихъ шинелькахъ. Таковые порядки были при Николаѣ I: военное министерство держалось строгаго, суроваго режима: русскій солдатъ долженъ переносить все, и холодъ и зной, долженъ быть сытъ безъ достаточной пищи, совершать безъ усталости походы и переносить безропотно всѣ тягости службы и побои въ теченіе 25 лѣтъ.

Въ первый разъ, когда я вышелъ со двора въ общій арестантскій нарядъ, встрѣтилось недоразумѣніе, въ какую группу назначить меня. Имѣлось въ виду, по заботливости обо мнѣ начальства, посылать меня на работу болѣе мелкую и чистую. Таковою оказалась рубка дровъ, и я изъявилъ желаніе стать въ числѣ назначенныхъ на рубку дровъ. Начальство не возражало, и я отправился съ прочими на инженерный дворъ. Нарядъ былъ небольшой — человѣкъ 8. Распредѣлялось, кому пилить, кому рубить, розданы были пилы и топоры. Я взялъ топоръ, но какой-то начальствующій инженерными работами, одѣтый по формѣ инженернаго вѣдомства, молодой человѣкъ, можетъ быть,

нѣсколькими годами старше меня, средняго роста, красивый, стройный мужчина, поговоривъ съ унтеръ-офицеромъ, подошелъ ко мнѣ и предложилъ мнѣ оставить топоръ, такъ какъ «рабочихъ рукъ, — сказалъ онъ,—довольно, а вамъ такая работа непривычна».

Это былъ первый, на свободѣ живущій, человѣкъ въ Херсонѣ, который показалъ мнѣ свое сочувствіе и участіе, — первый, который привлекъ меня къ себѣ — Александръ Михайловичъ Бушковъ. Онъ имѣлъ непосредственное наблюденіе надо всѣми инженерными работами и подъ своимъ начальствомъ цѣлую команду такъ называемыхъ военно-рабочихъ. (Въ числѣ ихъ были и выпущенные уже на волю изъ числа арестантовъ). Я поупрямился оставить работу и выражалъ желаніе и даже необходимость мнѣ, въ моемъ положеніи, хорошей проходки и тѣлодвиженія,—тѣмъ не менѣе, по просьбѣ его, я въ этотъ разъ оставилъ работу и вступилъ съ нимъ въ разговоръ, который меня интересовалъ. Онъ мнѣ сказалъ, что здѣсь, въ этомъ домѣ, живетъ инженеръ Николай Евстафіевичъ Рудыковскій, который желалъ бы познакомиться со мною, но — прибавилъ онъ — «крѣпостное начальство имѣетъ объ васъ строгія предписанія и всякій вашъ шагъ будетъ извѣстенъ ему, потому надо нѣсколько подождать». Онъ ушелъ со двора, и я принялся было вновь за рубку дровъ, но арестанты смѣялись и тоже пригласили меня не браться за топоръ и вовсе не думать о томъ. «Никому не нужна ваша работа, и безъ васъ она будетъ сдѣлана». Тѣмъ не менѣе я началъ рубить дрова, для освѣженія застоявшейся крови, и, порубивъ немного, оставлялъ и потомъ опять рубилъ — я хотѣлъ привыкнуть рубить дрова. Другого дѣла не было у меня, и это было первое мое дѣло въ арестантской ротѣ. Рубка дровъ начинала меня интересовать, и я, не утруждая себя, съ отдыхами производилъ ее и тѣмъ былъ доволенъ собою. Арестанты смѣялись.

Запасы дровъ были большіе, и рубка ихъ продолжалась нѣкоторое время. Я назначаемъ былъ на эту работу всегда, когда требовался на то нарядъ.

Другая работа моя, или лучше работа, при которой я присутствовалъ, которая мнѣ вспоминается, это кладка печей. Она производилась печниками, и я былъ въ сторонѣ отъ этой работы, но это производилось въ комнатахъ и въ нихъ мнѣ удавалось встрѣчаться съ жильцами квартиры. Всѣ мимо проходящіе смотрѣли на меня съ любопытствомъ, но никто не отважился заговорить съ сосланнымъ по политическому дѣлу арестантомъ. Въ работѣ этой я не участвовалъ, но все же было лучше, чѣмъ сидѣть безвыходно въ казармѣ. Во-первыхъ, проходка, а во-вторыхъ я увидѣлъ и нѣкоторыхъ новыхъ людей, кромѣ тѣхъ, которые меня каждый день окружали. Изъ другихъ работъ были переноски строительнаго матеріала, при которыхъ я только присутствовалъ, такъ какъ арестанты не допускали меня браться за

тяжести. Однажды, помню я, поднимали цѣлое утро наверхъ ордонансъгауза большой гербъ — желѣзнаго двуглаваго орла. Съ этимъ была большая возня, требовалось умѣнье, чтобы вся эта тяжесть не грохнулась на землю и не убила кого-нибудь. Теперь по истеченіи 52 лѣтъ, я, къ сожалѣнію, не могу вспомнить, какія еще работы производились въ моемъ присутствіи зимою, кромѣ упомянутыхъ здѣсь. Изъ нихъ рубка дровъ была для меня самая подходящая и желательная, на которой я впервые и встрѣтился съ инженеромъ Н. Е. Рудыковскимъ, что имѣло для меня самыя благотворныя послѣдствія.

XVII.

Прерываю описаніе арестантскихъ работъ и моего въ нихъ участія въ зиму 1850 года; скажу только, что я выходилъ на работу ежедневно и, по возвращеніи въ казарму, чувствовалъ себя нѣсколько освѣженнымъ прогулкою и встрѣчами съ новыми лицами, которыя случайно проходили мимо партіи арестантовъ. Тягость моего положенія, однако же, чувствовалась постоянно. Немногіе изъ жителей острога доставляли мнѣ нѣкоторое развлеченіе, ихъ было очень мало, и они всѣ, проведя годы острожной жизни, уже привыкли, приспособились къ оной, и на нихъ уже былъ отпечатокъ покорности своей судьбѣ, хотя въ тайникѣ души у каждаго тлилась искра надежды на освобожденіе—окончаніемъ ли недолгаго уже срока или царскимъ манифестомъ, или же, наконецъ, постоянно замышлаемымъ и обдумываемымъ побѣгомъ.

Я томился, скучалъ полнымъ бездѣліемъ, оторванный ото всѣхъ моихъ привычныхъ занятій. Читать и писать что-либо было немыслимо; надсмотрщики надо мной отняли бы у меня всякій къ тому матеріалъ. Кромѣ этой скуки, которой я томился, оторванный отъ всего свѣта, тяготила меня ежеминутно страшная, совсѣмъ непривычная мнѣ нечистота, которую я не испытывалъ и при всѣхъ лишеніяхъ одиночнаго заключенія въ крѣпости, — я, какъ уже сказано, былъ осыпаемъ блохами и вшами; первыя совались повсюду, даже скакали въ ротъ. Все это не могло быть безропотно переносимо, и я страдалъ и мучился. Въ первые мѣсяцы моей жизни въ острогѣ, терпя столь тяжелое горе, я все болѣе проникался мыслью о несоразмѣрности наложеннаго на меня жестокаго наказанія съ моею ничтожною провинностью, если таковою можно назвать найденныя между моими бумагами случайныя мысли, набросанныя перомъ или карандашомъ на одиночныхъ листкахъ.

И мнѣ все чаще, въ первые мѣсяцы, приходило на мысль, что ссылка моя въ арестантскую роту была только для устрашенія: обстригли подъ гребенку, побрили головы и заставили надѣть арестантскія куртки и шапки, на нѣкоторыхъ даже навѣсили кандалы. Мнѣ казалось, что это не можетъ продлиться долго. Въ назначенный

мнѣ четырехлѣтній срокъ я никогда не вѣрилъ, и въ первые мѣсяцы мнѣ казалось, что ежедневно я могу быть возвращенъ въ мою прежнюю жизнь. Объ этомъ тайномъ моемъ помышленіи я неговорилъ никогда никому, но оно было во мнѣ и поддерживалось несоразмѣрно большимъ наказаніемъ. Проходили, однако же, мѣсяцы, и я все сидѣлъ въ острогѣ, все ждалъ, наконецъ, прошло уже болѣе полугода, и я убѣдился въ томъ, что это не шутка, а ссылка настоящая— дѣйствительная, неотмѣняемая. Что жъ дѣлать? Оставалось терпѣть.

Между тѣмъ настала масляница, великій постъ — дни благочестія, молитвы и раскаянія. И великіе грѣшники, жители острога, допускаемы были тоже къ посѣщенію храмовъ. Они водились въ соборную церковь не большими партіями по обыкновеннымъ воскресеніямъ, а въ великій постъ они допускаемы были и къ говѣнію. Я всегда старался бывать за обѣдней, въ числѣ партіи, назначенной въ церковь, человѣкъ двадцать числомъ и болѣе, въ сопровожденіи одного унтеръ-офицера и многихъ конвойныхъ, которые, оставивъ ружья при входѣ въ церковь, входили въ нее тоже и становились возлѣ арестантовъ, которые всѣ вмѣстѣ занимали всегда одно и то же мѣсто—справа по входѣ въ соборъ, въ небольшомъ углубленіи капитальной стѣны, позади вольныхъ мірянъ Я былъ среди нихъ и старался бывать сколь возможно часто.

И вотъ, на первой недѣли великаго поста я стоялъ въ соборѣ между арестантами, мы говѣли. Въ предыдущей моей жизни я пересталъ совсѣмъ бывать въ церкви, считая это тратою времени, но тогда, при безвыходномъ моемъ заключеніи въ казармѣ, это было для меня отдыхомъ и развлеченіемъ. Мои сожители внимали церковному пѣнію и усердно молились, нѣкоторые съ колѣнопреклоненіемъ. Мы ходили два раза въ день и возвращались по окончаніи вечерняго служенія, нѣсколько позже обыкновеннаго по отношенію къ закату солнца. Въ пятницу вечеромъ арестанты допущены были къ исповѣди. Они подходили, входили и выходили одинъ за другимъ довольно скоро; выйдя, молились подъ образами и становилися на свои мѣста. Очередь дошла до меня, и я вошелъ въ завѣшанное исповѣдное мѣсто. Въ немъ сидѣлъ старый, сѣдой протоіерей собора. Когда я подошелъ, онъ сказалъ мнѣ:

— Ну, какіе твои грѣхи, говори!

Я затруднялся, что ему сказать; въ тонѣ словъ его выражалась торопливость, я медлилъ отвѣтомъ, не зная, что сказать, и онъ продолжалъ:

— Ну, говори, что ты сдѣлалъ, за что ты арестантомъ... обманулъ, обокралъ, убилъ, можетъ быть, кого?

Я еще больше смутился и тихо отвѣтилъ:

— Батюшка! Я ничего такого никогда не дѣлалъ.

— За что же ты здѣсь съ арестантами?

Отвѣтъ мой былъ:

— Я не знаю.

— Откуда ты и по суду за что обвиненъ,—спрашиваю я?

— Я изъ Петербурга и сосланъ сюда за участіе въ политическомъ дѣлѣ, но по совѣсти скажу вамъ на исповѣди—я ни въ чемъ не виноватъ... хотя и просилъ со страха прощенія.

Тутъ онъ задумался, посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Такъ это ты, что присланъ сюда,—недавно изъ Петербурга! Фамилія ваша какъ?

— Моя фамилія Ахшарумовъ.

— Да, такъ вотъ что!.. Жаль, жаль мнѣ васъ... Стало быть, вышло какое недоразумѣніе, когда вы не чувствуете себя виновнымъ! Грѣха, стало быть, нѣтъ? (Я молчалъ). Ну и утѣшьтесь этимъ—бываютъ и по суду ошибки... Все тайное обнаружится, и вы будете вознаграждены за страданіе... Какъ же вы живете, въ острогѣ,—со всѣми прочими?

— Да, я живу въ острогѣ, съ арестантами.

— Дозволяется ли вамъ чѣмъ заниматься?.. Есть ли у васъ книги?

— Я ничѣмъ не занимаюсь, книгъ у меня нѣтъ.

— О! это тяжело, очень тяжело!

— Батюшка! позвольте васъ просить — дайте мнѣ что-нибудь читать.

— Дамъ,—какую бы книгу вы желали? Если у меня есть, конечно.

— Можетъ быть, у васъ есть проповѣди какого-либо извѣстнаго проповѣдника?.. Іоанна Златоуста или другаго?..

— Есть, и я вамъ дамъ ее, придите ко мнѣ.

— Меня никуда не выпускаютъ, и мнѣ не повѣрятъ, что къ вамъ. Вы сами меня потребуйте къ себѣ, тогда меня должны будутъ отпустить въ сопровожденіи конвойнаго.

— Такъ вотъ какъ!.. Хорошо, я скажу коменданту, и васъ отпустятъ.

— Прошу васъ, сдѣлайте это.

Онъ положилъ мнѣ на голову эпитрахиль и прочиталъ надо мною молитву, затѣмъ отпустилъ.

Какъ только я вышелъ и присоединился къ своей средѣ, меня встрѣтили всѣ вопросомъ:

— Что это онъ васъ такъ долго держалъ, развѣ грѣховъ такъ много?

Тутъ нашъ арестантъ псаломщикъ Иванъ Ефимовъ, смѣясь, добавилъ про меня:

— О! злоба его велика, и беззаконіямъ его нѣтъ конца... сердце его твердо, какъ камень, и жестко, какъ нижній жерновъ—съ полунагихъ снималъ онъ платье...

— Перестань врать,—сказалъ тутъ же близъ него стоящій,—вѣдь мы въ церкви!

— Слова мои изъ библіи, какое тутъ вранье.

— Такъ они къ намъ неподходящія — понимаешь ты?! Голова твоя пустая, а языкъ, какъ мельница!..

Разговоръ этотъ продолжался вполголоса, и стоявшій подлѣ меня сказалъ мнѣ: «Этотъ человѣкъ не злой, любитъ сболтнуть и посмѣяться».

Мы оставались, пока всѣ арестанты поисповѣдались, и вернулись въ казарму позже обыкновеннаго.

XVIII.

Великій постъ 1850 года прожитъ былъ мною однообразно, печально. Съ арестантами встрѣчаясь ежеминутно и сталкиваясь въ срединномъ проходѣ, я перезнакомился почти со всѣми, хотя и не зналъ каждаго по имени. Всѣ они были со мною привѣтливы, иные даже услужливы. Пища была постная, но по вкусу она мнѣ болѣе приходилась, такъ какъ сала не клалось болѣе въ нее, хлѣбъ остался тотъ же самый, а квасъ приготовлялся чаще прежняго.

Вскорѣ я замѣтилъ, что въ праздничные дни, по утрамъ въ срединномъ проходѣ проходилъ иногда медленно солдатъ, смотря на полки надъ нарами, и останавливаясь, спрашивалъ что-то. Это не замедлилось объясниться. Солдаты приходили покупать у арестантовъ хлѣбъ—вѣроятно, онъ былъ лучше испеченъ. Ежедневный хлѣбный паекъ былъ 4 фунта, и не всѣ съѣдали его до конца. Несъѣденное сбывалось солдатамъ. Отъ моей ѣды оставался всегда порядочный излишекъ, и куски эти охотно покупались по копейкамъ.

Наше русское воинство въ различныхъ полкахъ и мѣстностяхъ Россіи, по количеству и качеству пищи, кормится весьма различно. Это зависитъ, конечно, всецѣло отъ командующихъ ими начальниковъ. Въ тѣ времена, 50 лѣтъ тому назадъ, при Николаѣ I, извѣстно было и ему самому, что командиры обогащались и должность эта даже давалась для поправленія средствъ жизни. Этотъ же, какъ бы добрый, старый обычай переходилъ и на подвѣдомственные имъ низшіе отдѣлы полка,—батальонные, ротные командиры, и фельдфебели дѣлали себѣ сбереженія на счетъ солдатской пищи и вообще всего содержанія солдата, сколько могли, такъ что оно было всюду неудовлетворительно. Недаромъ образовалась всѣмъ извѣстная поговорка, даже бывшая уже въ печати, сколько мнѣ помнится, въ «Русской Старинѣ» въ 80-хъ годахъ: «Русскій солдатъ голъ, какъ соколъ, голоденъ, какъ песъ, остеръ, какъ бритва».

Въ 1850 году, въ Херсонѣ стоялъ виленскій пѣхотный полкъ, который впослѣдствіи, въ 1854 году, участвовалъ въ закавказской дѣйствующей арміи—въ Азіатской Турціи и большая часть его пала при штурмѣ Карса. Я знаю это потому, что въ 1854 году и я былъ переведенъ въ этотъ самый полкъ. Имъ-то, будущимъ моимъ сослуживцамъ, я и продавалъ хлѣбъ. Деньги эти, собираемыя мною по копей-

камъ, употреблялись на покупку крайне нужнаго мнѣ мыла, что и дѣлалось съ помощью турокъ.

Въ казармѣ, какъ уже извѣстно читателю, была большая печь, она топилась зимою каждый день. Ее топили матеріаломъ, растущимъ въ большомъ обиліи по ту сторону отлогаго берега Днѣпра, поросшаго высокими камышами. Я въ первый разъ въ жизни въ 1850 году узрѣлъ это отопленіе. Большія, необъятныя руками связки камышинъ волоклись по земляному полу сѣней и втягивались въ казарму по мѣрѣ надобности. Втолкнутыя въ печь и зажженныя, онѣ быстро загорались большимъ огнемъ, сгорали и были безостановочно замѣняемы другими. Большая, толстая печь становилась, какъ жаркое горнило; стѣны ея нагрѣвались сильно, и теплота отъ нихъ распространялась по всей казармѣ. Меня эта новость занимала въ первое время, и я смотрѣлъ, какъ камыши вспыхивали большимъ пламенемъ. Въ иные дни топленіе это соединено было съ печеніемъ хлѣба. Пекли хлѣбъ два арестанта, которые варили пищу и жили въ кухнѣ. Хлѣба пеклось большое количество, на двѣ казармы, потому это дѣло продолжалось нѣсколько часовъ. По окончаніи печенія оставалась пустая жаркая печь и тутъ, къ удивленію моему, хлѣбопеки предлагали всѣмъ, кто хотѣлъ, очищеніе жаромъ носимыхъ арестантами рубахъ, онучъ и портковъ. Охотниковъ всегда было много, и, снявъ съ себя всѣ свои покровы, они, голые, приносили ихъ для очищенія, и вещи эти партіями вводились въ духовую печь: клопы, блохи и вши лопались отъ жара, и затѣмъ всякій бралъ свою одежду и надѣвалъ ее уже очищенной. Меня удивляла такая находчивость русскаго человѣка, до которой наши ученые додумались настоящимъ образомъ только въ 60-хъ годахъ минувшаго вѣка, и я могу сказать, какъ врачъ, что первую дезинфекціонную камеру жаромъ я видѣлъ въ 1850 году, въ херсонскомъ военномъ острогѣ, гораздо прежде, чѣмъ изобрѣтены были аппараты Шиммельбуша и другихъ гигіенистовъ въ лабораторіяхъ Европы.

XIX.

Жизнь моя въ острогѣ продолжалась однообразно-томительно, скучно,—безъ всякаго интересовавшаго меня умственнаго дѣла. Я все ближе знакомился съ моими сожителями, то съ тѣмъ, то съ другимъ, и примѣнялся къ моей новой жизни. По вечерамъ возвращался изъ ордонансъ-гауза Биліо и приносилъ нѣкоторыя городскія новости о людяхъ мнѣ незнакомыхъ, о распоряженіяхъ начальства и о ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и о ихъ страсти къ картамъ. Въ одинъ изъ вечеровъ, въ теченіе великаго поста, онъ мнѣ принесъ новость о беззаконныхъ, какъ онъ говорилъ громко, намѣреніяхъ плацъ-майора относительно привезенныхъ мною въ Херсонъ вещей. «Онъ воз-

намѣрился продать ихъ съ аукціона, на томъ основаніи, что арестантъ не имѣетъ права имѣть имущества; все должно быть продано и вырученныя отъ продажи деньги обращены на улучшеніе пищи арестантовъ». Я объ этихъ правилахъ не имѣлъ никакого понятія, потому и считалъ нужнымъ безропотно покориться этому. Биліо, однако же, высказывалъ другое мнѣніе, быть можетъ, слышанное имъ отъ другихъ,— что это относится только къ бродягамъ, не имѣющимъ родства, мое же имущество, за невозможностью мнѣ владѣть имъ, подлежитъ отдачѣ моимъ роднымъ. Я не рѣшался претендовать на что-либо, такъ уже я отягченъ былъ всѣмъ со мною случившимся. Биліо, однако же, совѣтовалъ мнѣ увидѣть коменданта и просить его не допускать этой продажи, но лишеніе свободы до такой степени превышало лишеніе вещей, которыя когда-то въ будущемъ могутъ мнѣ понадобиться, что я былъ равнодушенъ къ потерѣ ихъ. Дальнѣйшія свѣдѣнія о положеніи этого дѣла я получалъ ежедневно. Биліо, ругая плацъ-майора, говорилъ, что это картежникъ, играющій на большую ставку, и что продажа моихъ вещей съ аукціона затѣяна была имъ съ цѣлью пріобрѣсть посредствомъ подставного лица нѣкоторыя изъ моихъ вещей. Наконецъ, продажа эта совершилась, и плацъ-майоръ захватилъ себѣ часы, мѣховую шапку и нѣкоторыя другія вещицы.

Ближайшимъ моимъ начальникомъ былъ ротный командиръ Петрини. Ему ввѣрено было исполненіе всего строжайшаго обо мнѣ предписанія, врученнаго коменданту привезшимъ меня фельдъ-егеремъ. Читатель отчасти уже знакомъ съ нимъ по описанію моего пріема въ арестанскую роту. Онъ былъ человѣкъ старый, изношенный жизнью, и въ немногія кратковременныя мои съ нимъ встрѣчи производилъ на меня впечатлѣніе—испитого, жалкаго больнаго; руки его, всегда грязныя, тряслись, голосъ его былъ слабый, грудной, сиплый. Его именовали капитаномъ, но въ умственномъ отношеніи онъ производилъ впечатлѣніе человѣка какъ бы вовсе неразвитого. Онъ приходилъ въ роту раза два въ недѣлю, прохаживался, какъ бы осматривая все, причемъ дежурный унтеръ-офицеръ сопровождалъ его, отвѣчая на его вопросы. Иногда онъ садился въ описанной досчатой канцеляріи и требовалъ къ себѣ нѣкоторыхъ арестантовъ.

При приходѣ онъ считалъ, кажется, своею служебною обязанностью увидѣть меня и освѣдомиться, какъ я тутъ живу, причемъ всегда говорилъ мнѣ «ты». Разговоры были короткіе; онъ не зналъ, что сказать; я молчалъ, и онъ уходилъ. Между прочимъ я счелъ нужнымъ поблагодарить его за сохраненіе моего бѣлья и его заботы обо мнѣ. Онъ казался довольнымъ этимъ и сказалъ, что это не онъ, а его жена, и что она желаетъ меня видѣть. Я съ удивленіемъ услышалъ это и молча смотрѣлъ на него. «Ну, это мы устроимъ... Можно тебѣ будетъ придти къ намъ съ работы поблизости», сказалъ онъ.

Однажды, по приходѣ, онъ позвалъ меня въ канцелярію и ска-

залъ, что унтеръ-офицеръ Керсанфовъ жаловался на меня, что я на него кричу, на что я отвѣтилъ, что онъ не даетъ мнѣ говорить съ арестантами, и что это такой человѣкъ, что выводитъ меня изъ терпѣнія.

— Ну, я тебѣ назначу другого унтеръ-офицера... надо будетъ сказать плацъ-майору.

— Зачѣмъ же нуженъ для меня особый человѣкъ?—спросилъ я.

— Ну, такъ приказалъ комендантъ и отмѣнить совсѣмъ его приказаніе я не могу!

Я привелъ эти разговоры, чтобы показать читателю обращеніе со мною этого человѣка, каковаго я никакъ не могъ ожидать по первоначальному его пріему; онъ ко мнѣ, видимо, благоволилъ, и я чувствовалъ, что долженъ быть въ моихъ словахъ съ нимъ сдержанъ и все же почтителенъ къ его капитанскому чину.

XX.

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего разговора съ капитаномъ Петрини подошелъ ко мнѣ вечеромъ одинъ изъ унтеръ-офицеровъ по фамиліи Матвѣевъ, нравившійся мнѣ по своему обращенію съ арестантами. Онъ объявилъ мнѣ, что назначенъ начальствомъ для присмотра за мной,—вмѣсто Керсанфова. Сказавъ мнѣ это, онъ вызвалъ меня въ сѣни и спросилъ меня:

— Скажите, пожалуйста, что случилось, развѣ вы что нибудь сказали или сдѣлали что-либо?

— Я? Нѣтъ, ничего не сдѣлалъ и не сказалъ.

— Такъ отчего же меня потребовалъ плацъ-майоръ и, смѣнивъ Керсанфова, приказалъ мнѣ смотрѣть за вами и день, и ночь?!

Я объяснилъ ему, что все это случилось помимо моего вѣдома, что я только просилъ капитана принять отъ меня Керсанфова и не назначать для меня никакого особаго надзора,—потому что нечего смотрѣть за мною... меня здѣсь всѣ видятъ.

— А больше этого ничего вы не говорили и обо мнѣ тоже?

— Ничего не говорилъ.

— Такъ это, значитъ, плацъ-майоръ самъ выдумалъ Богъ знаетъ что. Нашъ ротный капитанъ сказалъ мнѣ только, что онъ назначаетъ меня, вмѣсто Керсанфова, и ничего болѣе не прибавлялъ, что если вамъ нужно что, то чтобы вы сказали мнѣ, это для меня не трудно, и я этимъ нисколько не тягощусь, но плацъ-майоръ приказывалъ и днемъ, и ночью наблюдать за вами—это уже Богъ знаетъ что и зачѣмъ?

— Я также думаю, что плацъ-майоръ самъ не знаетъ, чего опасается. Васъ только тревожитъ напрасно!

— Да чего мнѣ за вами смотрѣть?!.. Васъ всѣ знаютъ, всѣ видятъ; да объ васъ никто дурного слова не сказалъ; еще буду я по ночамъ уходить въ казарму?!.. Я недавно женился!

— Такъ чего же вамъ свою жизнь портить... Я увѣряю васъ, что за мною не надо вовсе смотрѣть, и прошу васъ, идите спокойно домой. Мы всѣ будемъ спать преспокойно, и плацъ-майоръ тоже!

— Ну я такъ и сдѣлаю—пойду домой и буду ночевать дома, меня и пушками не разбудитъ плацъ-майоръ!

Этимъ кончился этотъ забавный разговоръ, показавшій мнѣ, что одинъ только грубый плацъ-майоръ чего-то опасается.

Все послѣдовало, какъ мы переговорили, и я почувствовалъ особое расположеніе къ этому молодому, еще не испорченному унтеръ-офицеру.

Тутъ же вскорѣ случилось и другое обстоятельсто, облегчившее нѣсколько мою жизнь въ острогѣ. Въ одинъ изъ дней—это было уже на страстной недѣлѣ, прибѣжалъ ко мнѣ одинъ изъ турокъ—молодой Мехмедъ Инглизъ и сообщилъ мнѣ, «что старикъ, сосѣдъ его по ночлегу на верхнихъ нарахъ, переведенъ въ отдѣленіе неспособныхъ, и его мѣсто осталось пустымъ, хорошо бы вамъ занять это мѣсто, —сказалъ онъ,—и я бы желалъ, чтобы вы, а никто другой помѣстились подлѣ меня». Мнѣ хотѣлось самому перейти на верхнія нары, чтобы не быть внизу посрединѣ казармы—на самомъ видномъ мѣстѣ для всѣхъ проходящихъ, и его приглашеніе стало вдругъ моимъ самымъ лучшимъ, горячимъ желаніемъ въ эту минуту, и неисполненіе его было бы для меня уже очень прискорбно.

«И въ самомъ дѣлѣ для меня,—думалъ я,—самый лучшій, уютный уголокъ!» Я боялся только, чтобы ротный Петрини этому не воспротивился, но что будетъ послѣ,—это неизвѣстно, а мѣсто освободившееся могутъ занять, и я сейчасъ же перемѣстился туда. Въ тотъ же день объ этомъ я сообщилъ унтеръ-офицеру Матвѣеву, который противъ такого моего перемѣщенія ничего не имѣлъ, и вопроса объ этомъ болѣе никто не поднималъ. Верхнія нары, куда я перешелъ, были четвертыя или пятыя по счету, считая отъ замыкавшей острогъ капитальной задней стѣны,—противоположной входу изъ сѣней.

Вечеромъ Мехмедъ и я тамъ улеглись, какъ близкіе пріятели. Это положеніе мое наверху было несравненно лучше прежняго—низкаго, гдѣ по срединному проходу безпрерывно мимо меня туда и сюда ходили люди,—тамъ же наверху я былъ уединенъ въ своемъ уголкѣ и чувствовалъ себя какъ бы пріютившимся въ самомъ для меня лучшемъ мѣстѣ казармы. Одного мнѣ недоставало—я болѣе не слышалъ уже вечерней молитвы Морозова, которою какъ бы кончался мой день и которая производила на меня особое умиротворяющее дѣйствіе.

XXI.

Была страстная недѣля въ концѣ. Работы не производились болѣе. Арестанты бывали чаще въ церкви, и любимая молитва молящихся

«Господи и владыко живота моего...» творилась ими усердно,—со слезами и колѣнопреклоненіемъ.

Всѣ церковные праздники чтутся арестантами, и свѣтлѣйшій праздникъ, наиболѣе возбуждающій воображеніе темнаго люда,—ожидаемъ былъ всѣми жителями острога съ радостнымъ чувствомъ высокаго благоговѣнія. Звонъ колоколовъ, пушечные выстрѣлы и пасхальныя пѣсни—все содѣйствуетъ къ усиленію торжества. Но арестанты въ ночное время не были допущены къ заутренѣ. Тѣмъ не менѣе они не спали въ ожиданіи Воскресенія Господня въ полночь. Не раздѣляли этого настроенія только мои друзья турки—да колонистъ-нѣмецъ, да наши два застарѣлые нигилиста—Кельхинъ и, конечно, на все свысока смотрящій и надо всѣмъ смѣющійся Биліо. Когда я зашелъ провѣдать перваго, онъ мнѣ сказалъ:

— Сегодня они всѣ въ бреду, какъ бы сумасшедшіе, а завтра будетъ большое пьянство.

Биліо въ этотъ вечеръ пришелъ позднѣе обыкновеннаго. Хотя и не было въ этотъ день присутствія въ ордонансъ-гаузѣ, но онъ выходилъ съ конвойнымъ и, возвращаясь, зашелъ на гауптвахту къ своему знакомому, въ этотъ день стоявшему на посту, офицеру, который его угощалъ чаемъ и водкою. Придя въ казарму, онъ разсказывалъ свою откровенную бесѣду съ прекраснымъ человѣкомъ офицеромъ. Они оба, выпившіе, конечно, договорились до того, что офицеръ изъявлялъ готовность, въ день его дежурства, снять постъ часового, для облегченія побѣга Биліо, какъ бы давно уже имъ замышляемаго, но теперь онъ болѣе расположенъ, чѣмъ когда-либо, исполнить свое намѣреніе и думаетъ бѣжать съ наступленіемъ полной весны. На мой вопросъ, какъ онъ совершитъ побѣгъ, онъ объяснялъ мнѣ, какъ именно это возможно,—пробраться черезъ чердакъ въ новостроющуюся казарму, примыкающую къ этому дому, и затѣмъ у него есть люди въ городѣ, которые его примутъ, снабдятъ платьемъ, но что онъ уйдетъ не одинъ, а съ нимъ вмѣстѣ бѣжитъ и Менщиковъ, да и меня онъ не оставитъ здѣсь одного. Изъ города онъ имѣлъ въ виду бѣжать въ Галицію къ польскимъ помѣщикамъ, которые его примутъ радостно, и мое съ нимъ прибытіе, какъ политическаго эмигранта, заинтересуетъ ихъ.

Галиція, говорилъ онъ, это чудная страна, ему давно знакома, и помѣщики ея несомнѣнно окажутъ намъ помощь и содѣйствіе во всемъ.

Я слушалъ его разсказъ, но не вѣрилъ ничему, что онъ говорилъ, такъ какъ онъ былъ подъ вліяніемъ спиртныхъ паровъ, и я радъ былъ, когда онъ кончилъ.

Нѣкоторые арестанты зажигали лампадку подъ образами, крестились и отходили. Было по всей казармѣ тихое, благочестивое, безцѣльное хожденіе взадъ и впередъ, въ ожиданіи наступленія великаго завтрашняго дня.

Турки сидѣли въ отдѣльности и тихо бесѣдовали съ чувствомъ глубокой тоски объ отдаленности ихъ отъ родины и ото всѣхъ своихъ народныхъ праздниковъ, обреченные отбывать безмѣрно великую, безсрочную ссылку въ чужой странѣ, въ херсонской военной тюрьмѣ, по жестокому договору такъ называемыхъ дружественныхъ государствъ.

Но вотъ насталъ и столь ожидаемый великій день Свѣтло-Христова воскресенья. Ночью спали всѣ спокойно. Пробужденіе было медленное. Вставъ, всѣ одѣлись въ чистое бѣлье, одинъ другого поздравляли, христосовались. Часовъ около 11 внесенъ былъ складной длинный столъ и поставленъ въ срединѣ казармы, въ проходѣ, такъ что по обѣимъ сторонамъ его оставалось достаточно мѣста для прохода. Установленный столъ покрытъ былъ небѣленою грубою скатертью, и затѣмъ приносились всѣ имѣвшіеся въ обиліи запасы пищи,—здѣсь были яйца, куличи, творогъ, пасхи, куски нарѣзанной говядины свинины, пироги,—все это были приношенія благотворителей къ свѣтлому празднику.

Кромѣ того, въ кухнѣ приготовлена была лучшая, болѣе сытная пища.

Опять же за ѣдою появились бутылочки съ водкою, и затѣмъ началось уже разъ описанное, почти поголовное опьяненіе, перемѣнившее настроеніе заключенныхъ,— болтовня, разговоры болѣе громкіе, порою возгласы... Боюсь прикоснуться къ описанію картины этого праздничнаго кажущагося отдыха,— такъ она разнообразна по проявленіямъ въ отдѣльныхъ личностяхъ этой оживившейся толпы; иные сидѣли въ раздумьѣ и шептали что-то. Исчезла изъ памяти моей за 52 года окружавшая меня рѣчь арестантская, съ ея характерными выраженіями, но лица нѣкоторыхъ стоятъ передо мной, какъ живыя, также какъ и голоса нѣкоторыхъ слышатся мнѣ. Еремѣевъ былъ очень подвиженъ, перемѣнялъ мѣста, заговаривалъ съ разными кучками сидѣвшихъ, ища забвенія своей неволи, не находя ни въ чемъ покоя. При мнѣ подошелъ онъ къ туркамъ:

— Мустафа, Мехмедъ! убѣжимъ изъ неволи за Дунай или въ Анатолію... тамъ лучше живется, тамъ люди лучше... тутъ жить нельзя... пропадемъ мы всѣ!..

— Анатолія!.. это наша родная страна! Инша Аллахъ, инша Аллахъ! (Богъ дастъ...), но тамъ водку не пьютъ, зачѣмъ ты пьешь?

— Радъ бы оставить, да не могу теперь,—отвѣчаетъ онъ и уходитъ.

Колонистъ-нѣмецъ то сидѣлъ одинъ, то прохаживался въ раздумьѣ. Я подошелъ къ нему:

— Вы, кажется, не пьете?

— Я не пью,—Gott bewahre (Боже сохрани!), отъ водки еще хуже. А вы пьете?

— Я? Нѣтъ, я совсѣмъ не привыченъ—меня угощаютъ, но я мочу только губы.

— Я совѣтую вамъ не привыкать вовсе.

— Конечно, конечно,—я не пилъ никогда и не буду пить... Позвольте спросить, надѣетесь вы выйти скоро изъ острога?

— Охъ, я уже прожилъ 5 лѣтъ, осталось еще 3 года. Богъ знаетъ, какъ нибудь доживу ихъ!

Разговаривалъ я съ Глущенко и съ Менщиковымъ, и со многими другими... Большая часть были навеселѣ. Вертясь туда и сюда, не зная, куда примкнуться отъ скуки, я взобрался въ мой высокій пріютъ и прилегъ уснуть. Я спалъ недолго; проснувшись, спустился внизъ и тамъ увидѣлъ туже картину,—казалось, было еще болѣе шума.

Подъ вечеръ этого дня, еще засвѣтло, въ помѣщеніи неспособныхъ, куда я пришелъ побесѣдовать съ Кельхинымъ и Вороновымъ, случилось происшествіе, врѣзавшееся глубоко въ моей памяти.

Кельхинъ и Вороновъ въ отдѣленіи неспособныхъ помѣщались одинъ противъ другого на нижнихъ нарахъ близъ срединной части казармы: Кельхинъ—справа отъ входа съ сѣней, у внутренней стѣны, примыкавшей къ отдѣленію, гдѣ жилъ я, а Вороновъ—слѣва, у наружной стѣны, выходившей окнами на дворъ. Посрединѣ казармы неспособныхъ, какъ я уже упоминалъ, была отлогая, лѣстница для всхода на верхнія нары, такъ какъ старые, слабые жильцы этого отдѣленія не могли взлѣзать по зарубкамъ на столбахъ, какъ это дѣлалось въ нашемъ отдѣленіи. Кельхинъ и Вороновъ были два товарища, раздѣлявшіе постоянно между собою тяжелую подневольную жизнь Оба они были малопьющіе.

Я вошелъ въ отдѣленіе ихъ и засталъ Кельхина сидящимъ на нарахъ помѣщенія Воронова; оба они меня встрѣтили привѣтливо, и мы расположились втроемъ. Мы бесѣдовали о дѣлахъ текущаго дня, о томъ, что видѣли и слышали въ нашихъ казармахъ, ни газетъ, ни книгъ у насъ не было, и мы жили вполнѣ однимъ настоящимъ, для насъ столь тяжелымъ временемъ; оторванные отъ жизни, мы были какъ бы въ одиночномъ заключеніи.

Во время нашей бесѣды мы стали замѣчать, что противъ насъ на верхнихъ нарахъ какой-то несчастный говорилъ самъ съ собою, повидимому въ пьяномъ бреду. Онъ лежалъ на животѣ, головою къ срединному проходу и по временамъ приподнималъ голову. Бредъ его становился все сильнѣе и громче и все болѣе привлекалъ вниманіе проходившихъ.

— Кто это?—спрашивали нѣкоторые.

— Это старый Савва Баламутенко.

— Что же это онъ во снѣ говоритъ?

— Нѣтъ, лежитъ и все вретъ что-то.

Бредъ становился все сильнѣе, слышались отдѣльныя слова—то ругательства, то молитвенныя. «Господи! помоги!.. Сподоби меня грѣшнаго!»

За тѣмъ онъ высунулъ голову сверху и, смотря на внизу сидѣвшихъ, произносилъ озлобленно сквернословія.

— Савва, Савва! что ты это?—сказалъ кто-то.

— Я васъ, антихристы, адово племя, всѣхъ уложу тутъ!

Всѣ перестали говорить, проходившіе останавливались и съ удивленіемъ смотрѣли, что съ человѣкомъ сдѣлалось.

Онъ выдвинулся головой еще болѣе и излился цѣлымъ потокомъ страшныхъ ругательствъ.

— Ироды! лиходѣи, костогрызы, отродье дьявола, сонмище нечестивыхъ... Я васъ всѣхъ утихомирю...—онъ произносилъ ужасныя ругательства и окончилъ ихъ словами:—теперь насталъ судъ Божій,—моею рукою я уложу васъ всѣхъ...

При этомъ онъ всталъ и съ ножомъ въ рукѣ, потрясая имъ, съ верхнихъ наръ бросился по лѣстницѣ внизъ, держа въ правой рукѣ поднятый ножъ.

Сидѣвшіе и стоявшіе внизу только въ эту минуту поняли угрожавшую всѣмъ опасность и вскочили со своихъ мѣстъ, но яростный, разскраснѣвшійся безумецъ застрялъ на лѣстницѣ съ поднятой, державшей ножъ, рукой. Она была крѣпко обхвачена у самой кисти болѣе сильною рукою за нимъ стоявшаго старика въ чалмѣ,—это былъ его сосѣдъ по нарамъ—турокъ Османъ, помѣщавшійся, по старости лѣтъ, въ отдѣленіи неспособныхъ. Другой сосѣдъ его разжалъ пальцы, стиснувшіе ножъ, и онъ выпалъ на лѣсницу. Покушавшійся на жизнь всѣхъ безумецъ обезоруженный упалъ внизъ, и на него накинулись близъ него стоявшіе и стали его немилосердно бить кулаками, проталкивая далѣе, какъ бы прогоняя его сквозь строй кулаковъ; онъ упалъ на полъ. Сейчасъ закричали:

— Давайте веревку, свяжемъ его,—и черезъ минуту онъ былъ привязанъ въ сидячемъ на полу положеніи къ одному изъ столбовъ, поддерживавшихъ верхнія нары.

Надзиравшаго за порядкомъ начальства не нашлось въ цѣлой казармѣ, и когда пришелъ унтеръ-офицеръ и узналъ обо всемъ случившемся, то одобрилъ совершившуюся надъ виновнымъ расправу.

Жаль было смотрѣть на этого несчастнаго, не пришедшаго еще въ полное сознаніе совершившагося надъ нимъ суда. Старикъ этотъ былъ средняго роста, смуглый, полный лицомъ, съ прямымъ носомъ и большими глазами, чертами и складомъ лица походившій на фотографію философа Эммануила Канта. Жаль было смотрѣть на него, но никто не предлагалъ его развязать... «Пусть выдохнется изъ его глупой башки спиртъ».

Д. Ахшарумовъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

УТРО.

Солнце!.. Сіяетъ, пронизанъ лучами,
Утренній блѣдный туманъ!
Скрашена жизнь золотыми мечтами,
Сладокъ минутный обманъ!

Сѣрыя стѣны и темныя крыши—
Грустно-томительный видъ,
Что мнѣ до нихъ, когда выше ихъ, выше
Яркое солнце горитъ!

Горечь заботъ и тоску, и тревоги,
Все въ этотъ мигъ я забылъ,
Солнце и жажда широкой дороги
Вызвали силы и пылъ!

Вотъ уже снова подходитъ день сѣрый,
Съ холодомъ прожитыхъ бѣдъ!
Но не разстанусь я съ пылкою вѣрой,—
Въ сердцѣ и утро, и свѣтъ!

А. Лукьяновъ.

ДУНЕЧКА.

Разсказъ.

По росписанію на N станціи поѣздъ стоитъ двадцать минутъ; однако, прошло тридцать минутъ и больше, а все еще не было замѣтно никакихъ признаковъ движенія.

Даже на локомотивѣ, давно набравшемъ воду, вмѣсто машиниста, вертѣлся какой-то мало внушительный молодецъ въ кожаной курткѣ и отъ скуки перебранивался съ двумя подростками изъ мастерскихъ, зазѣвавшимися около поѣзда.

Подъ вагонами давно проползли черные смазчики и прозвучало зловѣщее постукиваніе ихъ молотковъ—это непріятное напоминаніе о всегда близкой опасности.

Въ буфетѣ пассажиры успѣли истребить весь запасъ котлетъ съ горошкомъ и штуфата съ макаронами и по второму разу принимались пить чай. Съ прилавка исчезли подсохшіе буттерброды, окоменѣлые пряники и засиженныя мухами пестрыя коробочки съ шоколадомъ.

Русскіе пассажиры, какъ извѣстно, закусываютъ на станціяхъ ровно столько, сколько времени стоитъ поѣздъ, и ничто ихъ такъ не возмущаетъ въ пути, какъ слишкомъ короткія остановки.

На этотъ разъ и буфетный ларь на платформѣ расторговался на славу. Особенный успѣхъ имѣли горячія сдобныя пышки. Высокая старуха, таскавшая ихъ откуда-то въ ведрѣ подъ жирнымъ полотенцемъ, чуть что не плакала отъ обиды, зачѣмъ не догадалась замѣсить вдвое больше.

— Небось! въ другорядъ не промахнусь... дай срокъ!—утѣшала она себя вслухъ, разсовывая теплыя пышки въ протянутыя руки и собирая пятаки.

— Ишь, вѣдьма—наколдовала!—злился ея конкурентъ саечникъ, коренастый мужичонко на деревянной ногѣ, съ огромной корзиной на ремнѣ.—Гляди, ребята... кабы она не замѣсила эти свои пули на кониномъ салѣ?.. Не спроста, поди, старая корга у татаръ на фатерѣ-то стоитъ...

— Ахъ... ахъ... аспидъ!—заголосила старуха.—И не постыдится же поганить Божій даръ дорожному человѣку!.. ахъ ахъ... А еще убогій человѣкъ на свѣтѣ живетъ...

— Да чтой-то, право, и въ самомъ дѣлѣ! Да я ихъ вовсе послѣ этого и кушать не могу?—обидилась на такую брань краснощекая купеческая дѣвица, только было вонзившая свои острые зубки въ румяную корочку.

— Пустое дѣло, Гликерія Сидоровна... кушайте на здоровье! Нѣшто всѣхъ охальниковъ переслушаешь!—успокаивалъ барышню сопровождающій молодой приказчикъ.

— Нѣтъ ужъ, какъ хотите, Парменъ Ивановичъ, а только маменькѣ я ихъ послѣ этого не понесу.

Дѣвица взяла у него изъ рукъ запасныя пышки и стала кушать, облизывая жирныя губки.

И Парменъ Иванычъ тоже получилъ одну пышку и тоже скушалъ ее, посмѣиваясь на дѣвичье лукавство.

— Слухай ты, бабка! Чтобы мнѣ безпремѣнно были эти твои пышки, какъ я назадъ отъ Челябина оборочусь... Къ заговѣнью жди вѣрно!—крикнулъ издали высокій человѣкъ въ бараньей шубѣ и перебросилъ черезъ сосѣдей двугривенный прямо бабѣ въ ведро.

— Будемъ ждать, господинъ купецъ... милости просимъ! Много благодарны вашему степенству...—кланялась въ поясъ высокая старуха.

Русскимъ добродушіемъ и дешевымъ русскимъ досугомъ вѣяло надъ этой картиной случайно застрявшаго поѣзда.

Волновались только два какихъ-то француза изъ спальнаго купе второго класса, объяснявшіеся на совершенно непостижимомъ для другихъ русскомъ языкѣ. Каждыя пять минутъ французы выскакивали на платформу, гдѣ находили все такъ же беззаботно разгуливающую публику. Они бѣжали въ телеграфъ—единственное мѣсто, гдѣ можно было найти не могущаго отлучиться чиновника. «Опозданіе» ничего не разъясняло нетерпѣливымъ европейцамъ и они сговаривались писать что-то въ жалобную книгу.

Французы горячо старались подбить на жалобу и молоденькаго офицера; но офицерикъ—совсѣмъ еще мальчикъ—жестоко конфузился своею корпусного французскаго языка, такъ что даже вовсе не вникалъ въ то, что тѣ ему запальчиво разъясняли, перебивая другъ друга. Офицерикъ припоминалъ грамматику, краснѣлъ и тутъ же рѣшилъ пересѣсть отъ нихъ въ другой вагонъ.

. . . .

— Пышечки-съ? изволили запастись? дорожное дѣло!—заговорилъ молодой человѣкъ, догоняя на платформѣ свою спутницу изъ некурящаго отдѣленія для чистой публики.

Барышня несла пару пышекъ въ обрывкѣ сѣрой бумаги.

— Не себѣ... для моей паціентки взяла. Ничего, вкусныя,— сказала барышня и вздохнула:—кабы знали, до чего боюсь... не разболѣлась бы она въ дорогѣ! Вотъ горе-то...

— Спаси Богъ! Это хоть кому бѣда, а не то что женскимъ дѣломъ... Спасибо, при васъ есть лекарства всякія на первый случай...

— И то я сама себя за нихъ похваливаю,—засмѣялась мило дѣвушка:—не думала, что моя салицилка такъ скоро понадобится! Вотъ, еще бѣда-то, Господи...

— Богъ милостивъ. Главное, при васъ теперь ужъ страху того нѣтъ.

Дѣвушка сдѣлала строгое лицо и смѣрила его своими блестящими глазами.

— Да вы вообразили, кажется, что я докторъ?

— Хоть побожиться—сейчасъ захворать готовъ безо всякаго страху!—крикнулъ онъ съ увлеченіемъ.

— Что-жъ, вы думаете, я и васъ тоже лечить стала бы? Какъ бы ни такъ! Выдумаете тоже!

Дѣвушка засмѣялась и полѣзла на высокія ступеньки третьеклассснаго вагона.

Этотъ молодой человѣкъ былъ, однако, не слишкомъ молодъ, а, что называется, въ самой порѣ. Былъ онъ весь какъ сбитый— съ крѣпкими румяными щеками, бѣлыми зубами и веселыми сѣрыми глазами. Темная бородка, словно бы только для степенности, подстрижена клиномъ, а все такъ же непокорно курчавится. Видно, что человѣкъ выросъ на вольномъ воздухѣ, на сытныхъ хлѣбахъ, въ легкой работѣ. Одѣтъ онъ былъ, какъ одѣваются зажиточные молодые купцы или мелкіе заводчики, кому и въ городѣ бывать часто приходится, да и Москва тоже не въ диво.

А миловидная барышня — въ дешевенькой мерлушковой шапочкѣ и въ шубкѣ суконной городского фасона, вовсе не для сибирскаго путешествія.

Ѣдетъ одна, Богъ ее знаетъ куда.

Барышня съ самой Москвы на виду у цѣлаго вагона: еще и отъѣхать не успѣли, какъ у нея завязался скандалъ съ кондукторомъ изъ-за багажа.

Онъ не доглядѣлъ, когда носильщики перетаскали ей такую пропасть вещей. И всѣ, какъ одна, зашиты аккуратненько въ сѣрую парусину; квадратные да длинные тючки разной величины понадѣланы. Основательно барышня куда-то перебирается.

Сначала и пассажиры тоже недовольно между собой переговаривались: «Помилуйте, если каждый такую пропасть багажа натащитъ — вѣдь даже и положить некуда... Съ какой же стати у кого одна, двѣ корзины, да узелочекъ какой-нито, а тутъ посчитайте-ка! Да все тяжелыя, претяжелыя».

Барышня ужасно волновалась, сдѣлалась вся красная.

...Что-жъ теперь дѣлать? Она не можетъ ничего сдать въ багажъ, потому что нѣтъ лишнихъ денегъ. Дорога большая.

Женщины, какъ водится, первыя стали ворчать. Но, какъ только разгорѣлся споръ съ начальникомъ, такъ онѣ сейчасъ же и поддались присущей большинству женщинъ страстишкѣ не подчиняться установленнымъ правиламъ, а хоть что-нибудь да сдѣлать на даровщинку—не себѣ, такъ другому.

Полная старая барыня, занявшая уютный уголъ за дверью и тоже обложенная цѣлой горой корзинокъ, свертковъ и мѣшковъ, сейчасъ же взяла подъ свою защиту незнакомую дѣвицу. Коль скоро ея багажъ имѣетъ вполнѣ приличный видъ и не возбуждаетъ жалобъ другихъ пассажировъ -- это выходитъ одно пустое притѣсненіе.

— Смотрѣли бы сами во-время! Что-жъ теперь, высаживаться, что ли по вашей милости?—вступился рѣшительно и молодой человѣкъ.

Кондукторъ воевалъ добрую четверть часа, и не то, чтобы онъ сдался на аргументы, но взглянулъ нечаянно въ боровшіеся со слезами испуганные молодые глаза и вдругъ махнулъ рукой съ смущенной усмѣшкой.

— А-а ну! одному всѣхъ не переспорить. Сами и отвѣтите, ежели контроль обратитъ вниманіе. Моя, что ли, дорога и въ самомъ дѣлѣ!

Ему отвѣтили дружнымъ смѣхомъ одобренія.

Въ маленькомъ отдѣленіи послѣ этого сразу стало оживленно. Всѣ между собой перезнакомились; стали припоминать разныя непріятныя приключенія и ругать желѣзнодорожные порядки—не замѣтили, какъ и промелькнули первые перегоны. Потомъ всѣ почувствовали приступъ голода,—того своевольнаго дорожнаго голода, который точно спѣшитъ отпраздновать временное освобожденіе отъ всѣхъ установленныхъ правилъ и расписаній.

Полная дама вынула изъ дорогой камышевой корзинки нѣсколько свертковъ и бутылочку съ наливкой; накрыла цвѣтной салфеткой плоскую корзинку и усѣлась такъ, чтобы хозяйство ея было не слишкомъ на виду.

Сосѣдка пострадавшей барышни, худенькая пожилая женщина, болѣзненная или, быть можетъ, просто очень зябкая, долго возилась со своимъ туалетомъ. Бережно повѣсила у окошка старинную лисью шубу съ выношеннымъ рыжимъ воротникомъ и стала на себя наматывать безъ конца вязанныя фуфайки, шарфы и напульсники. Поверхъ всего завернулась въ толстѣйшій пледъ, а ноги засунула въ мѣшокъ. Сибирское путешествіе наводило на нее ужасъ.

Завтракъ она ѣла точно крадучись, уходя для этого съ головою въ свой пледъ.

Молодой человѣкъ помѣщался на другомъ концѣ. Сразу виденъ человѣкъ, которому приходится много ѣздить; все у него приспособлено удобно и на видъ аккуратно, хоть багажъ небольшой. Ѣды своей не было. Онъ сходилъ въ буфетный вагонъ и оттуда ему принесли нѣсколько бутербродовъ съ солониной и бутылку пива. Молодой человѣкъ, закусывая, не прятался, какъ дамы.

У противоположныхъ оконъ сидѣли двѣ закутанныя простыя женщины въ платкахъ, съ румяными лицами. Онѣ переговаривались шопотомъ и все время жевали бублики.

Въ дальнемъ углу спалъ высокій старикъ, накрывшись бараньей шубой, и болѣзненно охалъ во снѣ. Противъ него мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, въ тщедушномъ дѣтскомъ польтишкѣ, забрался съ ногами на скамейку и смотрѣлъ въ окно.

Женщины окликнули мальчика:

— Отецъ, что ли? Хворый?

И дали ему бубликовъ.

Послѣ этого мальчикъ снялъ съ полки маленькій узелокъ и тоже растянулся спать.

Въ некурящемъ отдѣленіи никого больше не было.

Барышня, поднявшая шумъ, долго сидѣла красная и хмурая. Она не притрагивалась къ своимъ вещамъ, какъ будто все еще не вѣрила, что ее оставили въ покоѣ; можетъ быть, боялась контроля. Такъ и сидѣла, какъ вошла въ вагонъ—въ застегнутой шубкѣ и барашковой шапочкѣ. Пока было свѣтло, смотрѣла въ окно и въ разговорахъ не принимала участія. И до самаго вечера не ѣла.

Молодой человѣкъ каждую минуту на нее взглядывалъ и ему было ее жаль. Куда она ѣдетъ одна? Брала досада на старухъ: болтаютъ безъ умолку невѣсть о чемъ, не могутъ приласкать одинокую дѣвушку.

Самъ онъ заговорить не смѣлъ. Сидитъ, не ѣвши. До какихъ же это поръ она такъ будетъ сидѣть?

Молодой человѣкъ такъ и не услѣдилъ—поѣла ли дѣвушка передъ сномъ, или нѣтъ. Старухи улеглись спать и фонарь закрыли зановѣской. Не сразу послѣ того и барышня стала укладываться.

Темно... не разберешь. Возится чего-то тихонько, какъ мышка И куда ѣдетъ одна?..

Ему не спалось. Вышелъ постоять на тормазъ. Про дѣла по думалъ, про Иркутскъ... А въ груди словно какая-то неловкость которой раньше не было.

Вернулся въ вагонъ. Укладывался чуть дыша, чтобы н

нашумѣть. Спятъ всѣ, кажется. На той скамейкѣ кто-то вздохнулъ... не она ли?

...Небось тоже, поди, тоска беретъ. Куда одна ѣдетъ? Сирота, пожалуй... Ну, не то, чтобы робкая очень. Молчитъ...

Молодой человѣкъ заснулъ и увидѣлъ сонъ: заводскій приказчикъ въ Иркутскѣ прокутилъ деньги, тысяча рублей... Онъ метался по совершенно пустой квартирѣ и не могъ найти ни одного человѣка—всѣ разбѣжались. Что теперь отъ отца будетъ! Какъ вдругъ на порогѣ столкнулся съ барышней. Торопился—бѣжалъ пароходъ захватить, а она стоитъ въ дверяхъ въ мерлушковой шапочкѣ, смотритъ на него и смѣется. Такъ вотъ куда она одна ѣхала!..

На утро въ некурящемъ отдѣленіи для чистой публики царило благодушное настроеніе только что начавшагося длиннаго пути. Ночь на вагонныхъ скамьяхъ показалось отдыхомъ, въ сравненіи съ только что пережитой суетой и волненіями далекихъ сборовъ. Каждый чувствуетъ въ себѣ неистощимый запасъ терпѣнія и безсознательно старается обзавестись пріятными интересами.

Даже барышня сидѣла не такая ужъ хмурая, какъ вчера, и съ шапочкой своей разсталась. Не отрываясь, все въ окно глядитъ.

Публика вѣжливо поздоровались между собой, какъ знакомые.

Женщины въ платкахъ позвали мальчика къ себѣ пить чай изъ большого жестяного чайника. И больному старику тоже налили кружку.

Двѣ пожилыя спутницы, отдохнувъ, стали еще разговорчивѣе. Начался обмѣнъ біографическихъ свѣдѣній, безъ которыхъ многіе, а въ особенности дамы не могутъ и допустить никакого общенія съ ближнимъ. Почему-то имъ подозрителенъ каждый незнакомецъ, еще не успѣвшій отрекомендоваться чиновникомъ, купцомъ или учителемъ. Каждая женщина, въ особенности же молодая, обязана сообщить, гдѣ именно находятся въ эту минуту ея супругъ или родители, какъ и почему она здѣсь одна?

Но странно! При такой подозрительности, рѣдко кому приходитъ въ голову отнестись съ недовѣріемъ къ подобнымъ автобіографіямъ.

Въ некурящемъ отдѣленіи разговоры были самые безобидные.

Полная дама—настоящая барыня, бывшая помѣщица. Ѣздила въ Москву по старому тяжебному дѣлу, теперь возвращается къ женатому сыну, у котораго живетъ седьмой ужъ годъ. Сынъ служитъ по акцизу, средства небольшія. Невѣстка женщина легкомысленная—мужа плохо бережетъ, дѣтей балуетъ, за богатыми тянется. Одна дѣвочка косенькая. Московскій адвокатъ изъ своей выгоды тянетъ процессъ годами. Противная сторона закупила свидѣтелей взятками. Сынъ ничего въ дѣлахъ не понимаетъ и т. д., и т. д.

Сосѣдка молчаливой барышни тоже оказалась далеко не такой скромницей, какъ казалось на первый взглядъ. Она еще дальше, чѣмъ полная барыня, разсказывала семейныя исторіи—но только не свои, а богатыхъ и благороднѣйшихъ фамилій, гдѣ она воспитывала дѣтей и была совсѣмъ, какъ родная. Тутъ были и свадьбы, и семейныя ссоры, и страшныя болѣзни, и самоубійства, и разореніе.

...И вотъ, на старости лѣтъ приходится тащиться на новое мѣсто, въ Иркутскъ. Она боится Сибири—суроваго климата, людей... Еще разъ въ незнакомую семью, опять привыкать и сживаться, только на этотъ разъ уже совсѣмъ одной безъ немногихъ старыхъ связей. Пожалуй, никогда больше не увидитъ родной Москвы!

Старенькая гувернантка не плакала, но глубоко волновалась, такъ что жаль слушать.

Барыня утѣшала ее тѣмъ, что у всякаго свое горе, никто безъ горя не проживетъ! Какихъ ужъ радостей ждать на старости лѣтъ!

Тогда молодой человѣкъ началъ разсказывать про Сибирь, и изъ его разсказовъ выходило, что это первое мѣсто на земномъ шарѣ: живи, работай да богатѣй! Во всемъ раздолье, всего непочатой край! Климатъ здоровый, природа красивая, земля всѣмъ богатая.

Отецъ хоть и не коренной сибирякъ (заводикъ свой небольшой у нихъ), да товаръ весь за Уралъ пошелъ. Ему мало и жить дома приходится. Онъ увлекся: принялся объяснять ничего не понимающимъ женщинамъ, что по нынѣшнимъ временамъ около такого пустяшнаго дѣла вовсе и путаться-то не стоитъ. Прямая выгода—продать все и заведенье за что ни то, чтобы окончательно на ту сторону перекинуться. Тамъ и небольшіе капиталы дорогого стоютъ! Дѣловъ всякихъ и-и-и Боже мой! Только зѣвать нельзя, потому что народу всякаго валомъ валитъ... Рвутъ!

— Ну, такъ зачѣмъ же вы зѣваете?!—крикнула вдругъ молчавшая до этой минуты барышня.

Разсказы старухъ ее вовсе не интересовали; а съ него не сводитъ засвѣтившихся любопытствомъ глазъ. Звонко такъ это восклицаніе у нея вырвалось.

Молодой человѣкъ, по живости, все время кружился въ узкомъ проходѣ, а тутъ ужъ и вовсе очутился на ихъ скамейкѣ.

Не замѣтилъ, какъ гувернантка, недовольная такой фамильярностью, переложила подальше свои подушки.

— Господи, Боже мой! Такъ нѣшто со старымъ человѣкомъ можно сговорить?—воскликнулъ онъ оскорбленно.—Да мы съ отцомъ три ужъ года не живемъ, а надо сказать грыземся денно

и нощно! Только вотъ, коли по дѣлу уѣдешь—немножко будто сердце отойдетъ. Видишь—нечего съ него взять-то! И правда, старый человѣкъ.

— Однако! не очень нынче почтительно объ родномъ отцѣ выражаются,—отнеслась неизвѣстно къ кому язвительно гувернантка.

Купчикъ обиженно вскинулся:

— Ничуть, помилуйте! Что вы это! И сейчасъ даже говорю: старый человѣкъ. Дѣло свое, кровное. Отъ родителя принялъ, да и самъ втрое больше за свой вѣкъ нажилъ—кому не жалко! Своихъ трудовъ жалко — родныхъ мѣстовъ — могилокъ — всего жалко. Мы этого развѣ не понимаемъ? А только надо впередъ жить — вотъ объ чемъ разговоръ. Закипитъ дѣло со всѣхъ концовъ—петлей захлестнетъ—ну и задушитъ! Очень просто. Сбытъ-то у насъ куда? То-то вотъ и есть! Заводовъ своихъ разведется, словно грибовъ послѣ дождика, такъ куда мы съ нашимъ подвозомъ да тарифами годимся? То-то вотъ и есть!

Барышня иронически засмѣялась:

— Небольшая хитрость разсчитать! Стало быть, вашъ папаша самъ себѣ врагъ?

— И врагъ! именно что врагъ! Себѣ врагъ. Вотъ ужъ лучше нельзя, какъ вы сказали!—восклицалъ онъ, съ безсильной злобой взмахнувъ обѣими руками.

— Ахъ, что это—на родного отца! Слушать даже неловко,—волновалась гувернантка.

Полная дама тоже вступилась:

— А вы, молодой человѣкъ, чѣмъ папашу огорчать — лучше бы взяли, да собственное дѣло какое-нибудь и завели... коли это такъ ужъ тамъ легко, по вашимъ разсказамъ. А то у дѣтей всегда родители виноваты: не понимаютъ... не уступаютъ... Вотъ и я: процессъ не такъ веду, какъ надо—адвоката неудачно выбрала... время пропустила... Всегда во всемъ родители виноваты.

Веселые глаза предпріимчиваго заводчика были уже не веселые, а колючіе, и какъ будто даже не сѣрые, а черные. Слова вылетали у него жестко, съ присвистомъ, напоминающимъ лязгъ желѣза.

— Позвольте, сударыня! Это довольно странно говорить, когда вы чужихъ дѣлъ не можете знать... Свое дѣло начать... чего ужъ лучше! Какой дуракъ откажется!.. А только зачѣмъ же меня до какихъ лѣтъ на старой зарубкѣ продержали?.. Я сколько выгодныхъ случаевъ упустилъ! Денегъ голыми руками изъ земли не вырвешь, хоть и много золота у насъ въ Сибири.

Видно было, что барышня его жадно слушаетъ и понимаетъ каждое слово, тогда какъ вовсе не желали или не могли понимать тѣхъ же словъ двѣ старшія слушательницы.

— Ну да, это всегда ужъ такъ,—сказала вдругъ дѣвушка совершенно спокойно, какъ человѣкъ, у котораго все давно окончательно рѣшено:—«Погоди, да посиди... Не огорчай, да не груби... Вотъ я помру, тогда дѣлай что хочешь». Извѣстное дѣло, какіе съ дѣтьми разговоры! Жизнь-то насъ дожидаться будетъ, должно быть.

— Вотъ, вотъ! такъ какъ разъ и есть! Что же мнѣ смерти желать родному отцу, что ли?.. При дѣлѣ толкусь—хозяинъ не хозяинъ, приказчикъ не приказчикъ... Думаю, что слѣдуетъ одно сдѣлать, а намѣсто того долженъ совсѣмъ противное исполнять!

Барышня посмѣивалась и кивала головой. Старыя дамы молчали, не желая вступать въ дерзкія пререканія, и только выразительно переглядывались.

Женщины на другой сторонѣ тоже любопытно слушали, склоняясь другъ къ дружкѣ головами, и обмѣнивались какими-то замѣчаніями.

И больной старикъ проснулся; сидѣлъ, накинувъ на плечи баранью шубу, опустивъ на грудь больное темное лицо подъ шапкой спутанныхъ волосъ и вытянувъ на колѣняхъ изсохшія руки. Дремалъ или слушалъ, кто его знаетъ... Мальчикъ спалъ.

На станціи барышня и заводчикъ, точно сговорившись, встали оба разомъ и вышли.

— Одного поля ягоды! — сказала вслѣдъ язвительно гувернантка.

Полная дома вздохнула:

— Оно, пожалуй, и всегда въ томъ же родѣ было... рази что нынче еще откровеннѣе пошло—не церемонятся. Охъ дѣтки, дѣтки, того не помнятъ, что родительскій конецъ не за горами! Въ землю съ собою ничего не унесемъ... все ихнее будетъ...

— Господи... прежде и подумать не смѣли бы! Я разсказывала, какое это прекрасное семейство Пестуновы—такой почтительности къ отцу съ матерью я и не видывала: праздникъ ли, именины, день свадьбы—съ утра начинаются у насъ депеши, подарки, сюрпризы. На лѣто со всѣхъ концовъ и съ семьями съѣзжались къ отцу въ подмосковную.

Слушательница ея горько улыбалась и сочувственно кивала головой; извѣстно, молъ, все это, слишкомъ извѣстно! Голосъ разсказчицы началъ дрожать:

— Ахъ... даже и сейчасъ не могу безъ слезъ вспомнить. Точно какъ все, все только однимъ человѣкомъ держалось!.. Умеръ онъ и ужасъ начался съ этимъ дѣлежомъ. Боже мой... точно вдругъ совсѣмъ другіе люди сдѣлались!.. Всѣ перессорились: братья, сестры, мать, родня вся...

— Матушка, да отчего же это? Развѣ завѣщанья не было?

— То-то не было завѣщанья—развѣ онъ думалъ умереть въ одну минуту! И вдругъ долги оказались во всѣхъ концахъ. Закладныя, что ли, какія-то... письма. Вѣдь какъ богато жили! Никто, ну никто ничего не понималъ: признавать или не признавать—кто виноватъ—когда что было—ничего неизвѣстно! Я не могу вамъ объяснить—какихъ-то большихъ денегъ не оказалось. Искали, искали... всѣхъ подозрѣвали. Просто адъ былъ, а не жизнь! И мои два билета такъ и пропали.

— Что-о?.. ваши билеты?! вотъ такъ благородное семейство!—всплеснула руками полная дама.

Но старушка страшно огорчилась:

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ не говорите такъ — Богъ съ ними! я и думать давно забыла. Никто вѣдь не знаетъ. Аркадій Николаевичъ взялъ у меня эти билеты, чтобы обмѣнять—срокъ какой-то выходилъ, а онъ какъ разъ и умеръ... Гдѣ ужъ тутъ въ такой путаницѣ!..

— Да развѣ вы-то молчали?! Отчего же вы не объяснили?..—допытывала та запальчиво.

Но отчего-то старушкѣ не удавалось объяснить, чего собственно тогда нельзя было разобрать и кто именно ей не повѣрилъ... Она мучилась и уклонялась отъ нечаянно поднятыхъ разспросовъ.

— Увѣряю васъ... и вспоминать давно перестала... не состояніе вѣдь! не прожила бы я сложа ручки на эти два билетика. У нихъ и не столько пропало!...

...Бываютъ же такіе неудачные разговоры. Не о себѣ вовсе завела, не для того, чтобы осудить когда-то горячо любимыхъ людей... Всплакнула противъ воли скупой, короткой слезой стариннаго горя.

. . . .

Тѣмъ временемъ знакомство молодыхъ единомышленниковъ туго подвигалось впередъ. Одно — именами обмѣнялись, могли теперь звать другъ друга Авдотьей Ивановной и Семеномъ Никаноровичемъ.

Барышня, какъ только вышла изъ вагона, такъ сейчасъ же и сдѣлалось опять неприступная. «Да» да «нѣтъ», смотритъ въ сторону и разговора не поддерживаетъ.

А купчикъ совсѣмъ другого ожидалъ, ему хотѣлось завязать настоящее знакомство. Дорога дальняя, а дѣвицъ такихъ, какъ эта Авдотья Ивановна, онъ еще сроду не встрѣчалъ. Казалась она ему до необыкновенности умной и серьезной.

И наружностью очень ему нравилась. Глаза такіе внимательные да спокойные—безъ ласки и безъ игры, какъ обыкновенно оно у дѣвицъ принято. Оттого, должно быть, ихъ взглядъ словно

какъ безпокоитъ его—хочется, чтобы взглянула ласковѣе. Лицо свѣжее, какое-то ясное, хоть не улыбается. Смѣется съ насмѣшкой. Не должно быть, чтобы очень добрая!

...Куда только одна ѣдетъ?

...Какая надобность скрывать—понять невозможно.

И отъ старухъ въ вагонѣ все шуточкой отдѣлывается: «Далеко!» да «край свѣта!» Тѣ обидѣлись и перестали спрашивать. Билетъ до Иркутска—этого-то ужъ не скроешь, но только ѣдетъ дальше куда-то... Изъ Петербурга.

«...Ну, зато и сама ни о чемъ не распрашиваетъ... не любопытно, стало быть!—замѣчалъ онъ съ обидой.—Хошь для ловкости, для разговору спросила бы о чемъ-нибудь... такъ нѣтъ, готова хошь цѣлый часъ молча по платформѣ гулять» . . . .

Такъ и тянулись первые дни путешествія, пока странная таинственность Дунечки не привела къ неожиданной непріятности.

Не сразу, правда, но все-таки молодые люди замѣтили наконецъ, что двѣ главныя пассажирки некурящаго отдѣленія совсѣмъ перемѣнили свое обращеніе: поглядываютъ подозрительно, между собой говорятъ вполголоса...

За молодой спутницей неотступно слѣдятъ — дуракъ и тотъ догадается, о чемъ шушукаются. Авдотья Ивановна, когда не спитъ, на всѣхъ станціяхъ изъ вагона выходитъ, и онъ слѣдомъ. Глядишь—непремѣнно ужъ которая-нибудь изъ старухъ у окошка дежуритъ.

Само собой, молодому человѣку немудрено догадаться, что у нихъ на умѣ:

«Ну, наплевать—очень мнѣ нужно! Судачьте, пожалуй, отъ нечего дѣлать... Хочу слѣдомъ ходить и хожу», думалъ съ досадой. Семенъ Никаноровичъ и ни на іоту не измѣнялъ своего поведенія.

На повѣрку, однако-жъ, оказалось, что его проницательность немногого стоила. Полная барыня, наконецъ, рѣшилась—остановила у двери, когда онъ собирался выскользнуть вслѣдъ за Дунечкой. Тутъ онѣ вдвоемъ и принялись его образумливать:

...Кто такая? куда эта дѣвица одна отправляется?

...Водой не разольешь, а онъ до сихъ поръ и не узналъ ничего! Дѣло дорожное... Съ чего бы, кажется, молодой дѣвицѣ дичиться да скрываться отъ почтенныхъ людей?.. Нѣтъ ужъ, не изъ добра тайны-то дѣлаютъ! Сибирь вѣдь, не какое-нибудь другое мѣсто... Мало ли куда тутъ народъ пробирается... Кого понесетъ сюда зря, безъ роду безъ племени? Да и не отпустятъ никогда одну, молоденькую... Нѣтъ ужъ, тутъ видно дѣла особенныя какія-нибудь... Богъ съ ней совсѣмъ!..

...Онѣ изъ сочувствія... Молодость опрометчива... долго ли впутаться, самъ радъ не будешь...

Когда Семенъ Никаноровичъ взялъ, наконецъ, въ толкъ, какія подозрѣнія волнуютъ почтенныхъ попутчицъ, онъ, не долго думая, на слѣдующей же остановкѣ все это и приподнесъ Авдотьѣ Ивановнѣ; пусть же она казнится! до чего своей гордостью довела.

Дунечка побѣлѣла вся отъ оскорбленія. Кто хорошо зналъ Дунечку, тотъ понялъ бы, что она даже вся растерялась отъ обиды. Для ея юной отваги это былъ еще первый урокъ; кромѣ довѣрія и похвалъ, она до сихъ поръ ничего отъ людей не испытала. Училась она легко, вездѣ ее отличали, начальство ею гордилось... Она и не понимала даже, что это значитъ бояться чего-нибудь. Дунечка привыкла говорить, посмѣиваясь: «мнѣ везетъ!».

Привыкла Дунечка, что ей одни завидуютъ, а другіе словъ не находятъ, какъ ее и расхвалить,—а тутъ вдругъ какія-то нестоющія старушонки посмѣли наводить на нее тѣнь!..

Теперь изъ гордости Дунечка и подавно ничего про себя говорить не хотѣла. А чтобы въ вагонѣ не оставаться, они уговорились напиться чаю вмѣстѣ на большой станціи.

Семенъ Никаноровичъ распорядился. Чай простывалъ, но Дунечки все нѣтъ какъ нѣтъ изъ дамской комнаты. Онъ и самъ не пьетъ, ждетъ.

Ужъ и пассажиры выходить стали... Сейчасъ звонокъ дадутъ... Что такое значитъ?..

Такъ и остался на этотъ разъ Семенъ Никаноровичъ безъ чаю. Дунечка выглянула изъ двери и крикнула его:

— Бѣгите въ вагонъ скорѣе—принесите мой мѣшокъ черный!.. Скорѣе, скорѣе...

— Помилуйте, когда же теперь?! Звонокъ...

— Бѣгите, коли вамъ говорятъ! Что вы время тратите?!.

Даже ногой топнула отъ нетерпѣнія. Онъ бросился, какъ мальчишка, кондуктора на бѣгу спросилъ, сколько минутъ осталось. Принесъ мѣшокъ.

— Пять минутъ! ради Бога... Авдотья Ивановна... еще останемся тутъ, что тогда дѣлать!.. Только-только поспѣть.!.

Будто не ей говорятъ; возится около какой-то дѣвицы.

— На те! накапайте двадцать капель скорѣе...—сунула ему маленькую скляночку:—ахъ Господи... да все равно куда!.. вонъ чашка стоитъ—не видите?.. ну, на полъ выплесните, чего вы боитесь!.. ахъ, Господи, что за люди!

Командуетъ, тормошитъ, а у него руки трясутся, гдѣ ему двадцать капель накапать!..

Выхватила изъ рукъ склянку, плеснула какъ попало въ чашку и стала той въ ротъ вливать. Барышня, бѣлая точно бумага, закрыла глаза, лежитъ на стульяхъ. Все съ нея поснимала, платье разстегнула—ну, какъ такую на морозъ вести!

Стали одѣвать вдвоемъ.

— Ну, ну!.. Голубушка... Милочка... Минуточку!.. Семенъ Никаноровичъ, вина рюмку скорѣе въ буфетъ достаньте—крѣпкаго..! скорѣе!..

Едва-едва въ поѣздъ попали; спасибо кондукторъ свистка не давалъ, пока они волокли свою больную. Дунечка сѣла съ нею въ вагонъ.

Такъ и кончилась Дунечкина тайна; волей-неволей теперь пришлось сознаться во всѣхъ своихъ дипломахъ: фельдшерица она и акушерка, недавно курсы всякіе кончила.

Послѣ того Семенъ Никаноровичъ съ торжествомъ влетѣлъ въ отдѣленіе и накинулся на старухъ.

Пристыженныя его упреками, дамы встрѣтили Дунечку очень ласково, но она явилась только для того, чтобы забрать свой багажъ.

— Барышня уговорила пересѣсть къ ней. Да и самой мнѣ нельзя такую больную оставить. Дурнота можетъ легко повториться...

...А сама-то радехонька отъ несносныхъ старухъ отдѣлаться! Теперь ужъ и вовсе вцѣпятся выспрашивать. Положимъ, сидѣть тамъ не важно, не отдѣленіе... Народу всякаго больше... ну, зато барышня милая, славная. То ли дѣло вдвоемъ-то!

Семенъ Никаноровичъ прямо оторопѣлъ отъ такого сюрприза. Какъ, помилуйте, рази возможно? Общій вагонъ! Лучше же барышню эту сюда переправить...

Но Дунечка не слушала, только бросала ему на руки одну вещь за другой:

— Несите, несите... некогда спорить!

...Ничего! кавалеръ услужливый, и изъ другого вагона все равно на побѣгушкахъ при ней останется. Дунечкѣ стало отъ всего этого весело, превесело...

Ему дипломы Дунечкины окончательно вскружили голову. Слыхалъ и онъ, само собой, что нынче молодыя дѣвицы всему могутъ обучиться, которая захочетъ, — однако, ученую женщину воочію увидѣть довелось еще впервые.

Плохо Семенъ Никаноровичъ разбирался въ собственныхъ ощущеніяхъ...

Чувствовалъ почтеніе... боязнь, какъ бы невзначай глупости какой не ляпнуть—то-то на смѣхъ подниметъ! Но въ то же время, какъ будто и жалость...

...Образованная дѣвица, молодая, а вѣдь работа не легкая; не на себя вѣдь, а на другихъ работа...

Купеческій аршинъ давалъ себя знать: хозяинъ ты или не хозяинъ, это во всякомъ дѣлѣ сразу видать.

. . . .

Въ общемъ вагонѣ дѣвушки помѣстились тѣсно, но такъ другъ дружкѣ обрадовались, что и не чувствовали этого. Проболтали всю ночь до разсвѣта, пока, наконецъ, барышня изъ силъ выбилась и задремала.

А Дунечка такъ разволновалась — сна ни въ одномъ глазу. Воздухъ въ вагонѣ тяжелый... Въ сумракѣ завѣшанныхъ фонарей отовсюду несется сонное дыханіе. Кто храпитъ, кто носомъ свиститъ, гдѣ бормочутъ спросонья. Ворочаются съ тяжелыми вздохами.

Душно. Стекла замерзли. Дунечка протаяла себѣ чистый кружочекъ и глядитъ въ него.

Мимо бѣгутъ все тѣ же снѣжныя равнины, лѣса, горы вдали. Сколько ужъ дней! Кажется, будто все одно и тоже чередуется: будто и раньше проносился мимо этотъ самый лѣсъ, такія именно горы на горизонтѣ. Вниманіе, любопытство — все притуплено... Богъ съ ней и съ красотой!

Растетъ въ душѣ одно чувство оторванности, и отъ него както особенно подбираются силы. Зоркость. Опаска. Надѣяться не на кого—держи ухо востро.

Каждаго человѣка Дунечка пронизываетъ зоркими взглядами, ни на кого не глядитъ, какъ бывало, дома — все равно какъ на стѣну Ей это чувство нравится. И спится въ полъ-уха, точно какъ бывало въ палатахъ на дежурствѣ...

...Ухъ, далеко все это! Хорошо, беззаботно... Всѣ, знай похваливаютъ—и способная то она, и усердная. Доктора ласково улыбаются... профессора хвалятъ... Старшія фельдшерицы слѣдятъ, съ глазъ не спускаютъ... Мужчины увиваются, только позволь... Студенты шутятъ, какъ товарищи.

...Хорошо! А все-таки не жалко, что кончилось. Было и довольно... дальше пора. Вотъ что-то за одиннадцать тысячъ верстъ Богъ пошлетъ?.. Только бы на безчестныхъ людей не наскочить, а больше чего же бояться? Усердная она будетъ по-прежнему. Дѣла тамъ, небось, и не передѣлаешь. Женщинъ тамъ мало, а такихъ-то и вовсе нѣтъ...

Барышня закашлялась во снѣ и со стономъ перевернулась на другой бокъ.

«Ахъ, Господи! Вотъ какъ такая несчастная справится?» думаетъ Дунечка.

Блѣдная, худенькая... Кашляетъ... Ѣдетъ учительницей къ переселенцамъ какимъ-то подъ Иркутскомъ.

...Съ такими-то силенками! Не понимаетъ...

Волнуютъ Дунечку ея медицинскія познанія.

...Чахотка, у барышни, должно быть! И неужели отговорить было некому? Не одна же во всемъ свѣтѣ...

Нетерпѣніе беретъ разспросить барышню хорошенько. Этой неожиданной подругѣ сама она рѣшилась, наконецъ, выговорить: *Портъ-Артуръ*.

Никому до сихъ поръ Дунечка не говорила, куда ѣдетъ: «про себя отнюдь ничего не разсказывать»—она еще дома рѣшила себѣ за правило и видѣла въ этомъ особенно тонкую дипломатію.

...Да очень ужь барышня эта симпатичная! И такъ тепло разспрашиваетъ, дивится ея предпріимчивости. Ну, да и намолчалась она тоже довольно! Когда проводы-то были въ Петербургѣ? Батюшки, далеко какъ! А вдругъ и никогда вернуться не придется? Развѣ знаешь...

Станція... да, кажется, не маленькая?..

...Вотъ и слава Богу!

Дунечка чувствовала потребность уйти отъ расшевелившихся мыслей... Не зачѣмъ унылость на себя зря напускать? Наколола поскорѣе свою шапочку и вышла подлядѣть на тормазъ.

Холодно!.. Чай пить рано еще... а хочется! Нѣтъ, надо свою барышню подождать.

— Сбитень горячій! Сбитеню горяченькаго кому угодно! Сби-итень!

— Молочка парного! Молочка тепленькаго, сударушка, не возьмешь ли?

«Ишь какъ славно!» подумала сударушка и взяла у женщины горлончикъ молока за пятакъ. Въ дорогѣ все нравится, все вкусно. Деньжонокъ только хоть малость бы побольше... бѣда!

— Авдотья Ивановна! вотъ неожиданность! Что это вы рань какую поднялись?

Семенъ Никаноровичъ такъ весь и просіялъ, завидя свой предметъ на тормазѣ.

— А для васъ будто не рань? Безсонница у васъ, что ли?—кокетничаетъ Дунечка.

Головой кивнула—руки заняты, прихлебываетъ молоко изъ высокаго горлончика.

— Наше дѣло привычное. Я вѣдь не барышня! А вамъ надо себя беречь. Отдыхать.

— Отъ чего отдыхать-то, на лавочкѣ сидя? Я и не понимаю даже, во что это люди столько спать могутъ. Съ боку на бокъ, знай, переворачиваются. И какъ не противно!

И правда, лицо у нея ничуть не усталое. Зарозовѣлось на морозѣ. На верхней губкѣ усики бѣлые отъ молока.

— Двадцать шесть градусовъ. Не простудитесь!

Давно ужъ Семенъ Никаноровичъ поглядываетъ жалостливо на дрянную ватную шубку.

— Что за бѣда, я зябнуть люблю!

...А-ахъ, штучка! Ну что за дѣвушка! И зачѣмъ врутъ, будто питерскія всѣ дохлыя да зеленыя? Такую вездѣ поискать. «Зябнуть люблю!»

Сѣрые глазки все больше разгораются. Стоитъ на ступенькѣ, глазъ съ нея не сводитъ.

— Авдотья Ивановна, да уговорите вы свою барышню въ нашъ вагонъ перебраться. Ну, какъ возможно вамъ въ общемъ столько времени ломаться?! Я мигомъ распоряжусь, вещи перетащимъ. Я свою всю скамейку вамъ уступлю. Мнѣ что! Я съ тѣмъ мальчикомъ устроюсь.

Смѣется:

— Что вы, что вы! Вотъ выдумали. Стану я взадъ да впередъ перетаскиваться!

— Помилуйте, что за бѣда такая? Не сами же вы потащите. Дозвольте только, я сейчасъ.

— Да вы совсѣмъ рехнулись, кажется! Моя барышня спитъ сладкимъ сномъ. Мы съ нею всю ночь проболтали.

— Ну, вотъ видите! А у насъ бы вы почивали во время.

— Спите себѣ на здоровье, мы вамъ не завидуемъ!

Засмѣялась и скрылась въ вагонѣ со своимъ горлончикомъ.

Дальше, черезъ двѣ станціи, Семенъ Никаноровичъ угощалъ обѣихъ барышень кофеемъ и до того присталъ къ учительницѣ, что пришлось, чтобы отвязаться отъ него, влить въ чашку ложечку его рому.

Эта ни въ какое сравненіе не пойдетъ съ Дунечкой. И куда тоже такая странствуетъ? Чудно! Заведены у господъ дворянъ порядки, нечего сказать! Купеческую дѣвицу да ни въ жизнь изъ хорошаго дома одну блуждать не отпустятъ, даромъ что необразованіе. А тутъ больная... тысячи верстъ... Пропадетъ гдѣ-нибудь.

И сквозь такое свое благородное негодованіе что же слышитъ Семенъ Никаноровичъ?

— Знаете, Дунечка?—говоритъ учительница прихлебывая съ ложечки кофе:—въ Портъ-Артурѣ вашемъ, говорятъ, сливокъ ни за какія деньги не достанете. Сметана рубль фунтъ стоитъ.

Онъ такъ и подскочилъ на мѣстѣ, даже ложечка оловянная изъ рукъ покатилась.

Дунечка взглянула въ его растерянное лицо и прыснула со смѣху:

— Ну, вотъ, здравствуйте! Ха-ха-ха... Нужно вамъ было тайну мою выдавать... сколько время берегла!

— Почему тайна? Я развѣ знала! Отчего тайна?—заволновалась барышня.

— Полюбуйтесь сами, какъ огорошили человѣка! Старухи тамъ давно ужъ порѣшили—какъ вамъ покажется?—на каторгу я

будто пробираюсь къ кому-то... не шучу, не думайте!—и блеснула на него злыми глазами:—Что? Стыдно теперь, небось?

Семенъ Никаноровичъ побогровѣлъ отъ незаслуженной обиды:

— Помилуйте! Такъ рази же это черезъ меня? Кто и предупредилъ-то васъ, коли не я!? Извѣстно... Старухи-сплетницы, такая ужъ по всему свѣту привычка. Я у васъ, Авдотья Ивановна, какъ ни повернись, во всемъ виноватъ выхожу!

Учительница, опустивъ чашку, съ интересомъ слушала.

— Что-жъ, вамъ это очень ужъ обидно кажется?..—спросила она своимъ тихимъ, неспокойнымъ голоскомъ.

— Это вы меня спрашиваете? Благодарю покорно!—вспыхнула отъ самолюбія Дунечка.

— Говорится: отъ сумы да отъ тюрьмы не зарекайся.

— Ну это вольному воля.

— Помилуйте! Какая ужъ воля, коли тюрьма!—хихикалъ Семенъ Никаноровичъ.

— Очень просто. Можно вѣдь и своей косой удавиться, когда веревки взять негдѣ.

— Ого! Да вы вотъ какая!

Барышня покачала головой и принялась допивать свой кофе.

— Да ужъ живой въ руки никому не далась бы... Что это за глупый разговоръ завели!

— Вѣдь про васъ, сколько я понимаю, тѣ старушки подумали, что вы, можетъ быть, къ близкому человѣку куда-нибудь ѣдете— продолжала спокойно выяснять дѣвушка, будто и не слыхала Дунечкинаго восклицанія.

— Да за близкаго-то развѣ нѣтъ стыда?! Ужъ кто туда угодилъ, тому поздно помогать... бѣжать развѣ! Вотъ это я понимаю...

— Ахъ, батюшки... слушать даже страхъ беретъ!—ерзалъ восторженно купчикъ.

Дунечка вдругъ разсердилась и крикнула:

— Ну, чего вы притворяетесь, будто всего боитесь? Ничуть это не интересно, не воображайте!

— Я ничего не воображаю, а вотъ вы-то что такое говорите? Въ Сибирь попали, такъ думаете, что тутъ и закона нѣту?

— Опять глупости говорите. Ну что мнѣ законъ? Я полезное дѣло дѣлаю, и для меня вездѣ одинаково.

— Ну, а коли кто-нибудь возьметъ, да и помѣшаетъ вамъ дѣлать ваше полезное дѣло, тогда что?—спросила съ усмѣшечкой Юлія Николаевна.

— Какъ помѣшаетъ... кто? Лечить-то? Да у меня дипломы, что вы это!

— Лечить, лечить! Первый попавшійся урядникъ. Вотъ, Семенъ Никанорычъ разскажетъ, что у васъ мысли вредныя, за-

мыслы опасные—кому-то бѣжать помочь готовы,—вотъ и довольно! Поворачивайте-ка, сударыня, откуда пожаловали. Возвращайтесь въ Питеръ правоту свою доказывать...

— Ха-ха-ха—ловко подвели, ей-Богу!—хлопнулъ себя по колѣну купчикъ.—Думаете не бываетъ? сколько угодно! У насъ такъ въ приходѣ учителя высадили лучшимъ манеромъ... Ни душой, ни тѣломъ, вѣрьте совѣсти! Писарь приревновалъ къ вдовушкѣ—лавочница тамъ у насъ одна... Вотъ какъ разъ этакъ же: поѣзжай, миляга, прокатайся въ губернію, тамъ ужъ разберутъ! Коли ты не виноватъ—оправятъ. Только ужъ къ намъ-то назадъ не поворотили. Такимъ манеромъ и убрали человѣка въ три дня.

— Звонокъ!.. Бѣжимъ... бѣжимте, Юлинька! Семенъ Никанорычъ, заплатите за насъ да приходите въ вагонъ считаться!—крикнула, убѣгая Дунечка.

. . . .

На другой день учительница совсѣмъ разнемоглась; сильно кашляла и вся разслабла.

Дунечка давала ей свою салицилку и поглядывала озабоченно. На станціи, гдѣ поѣздъ неожиданно застрялъ, Дунечка купила для нея пару пышекъ и понесла въ вагонъ, пока теплыя.

Въ ихъ вагонѣ никого еще не было, кромѣ двухъ мужиковъ, и пахло скверно ржавой селедкой, которой они закусывали.

Юлія Николаевна лежала, накрывшись съ головой своимъ шотландскимъ плэдомъ.

...Простынутъ пышки, невкусныя будутъ... Дунечка сѣла на свое мѣсто, не зная, будить ее или нѣтъ?..

Но та сейчасъ же почувствовала и открыла голову.

— Ахъ, славно задремала безъ тряски... Мы все еще стоимъ? Или другая станція?

— Та самая, стоимъ безъ малаго часъ... Впереди задержка какая-то... французы бѣсятся, смѣхъ смотрѣть! Будто помогутъ этимъ... Это хорошо, что вы поспали. Нате, вотъ, пышки... Ѣшьте скорѣе—простыли.

— Спасибо. Не страшно? не сальныя?

Захватила пышку кончиками пальцевъ и оглядываетъ брезгливо со всѣхъ сторонъ.

— Да будетъ ужъ вамъ гримасничать! Ѣшьте. Въ деревнѣ и такихъ не будетъ.

— Отчего? въ деревнѣ я возьму дѣвочку и выучу ее стряпать по своему.

— Ну-у? Неужели вы умѣете? А у меня, вотъ, и мать кухарка, да я ничего не понимаю. Я хотѣла бы въ гостинницѣ жить, еслибы не дорого. Ужасно люблю въ гостинницѣ, безъ заботъ Всегда бы такъ жила.

— Вотъ странный вкусъ!—подивилась барышня:—Развѣ гостинница домъ? Грязно... Лакеи... противно.

— Ну, это безъ денегъ. Съ деньгами все чудесно. Я лѣтомъ при дѣтяхъ въ Крымъ ѣздила, въ отелѣ жили... вотъ прелесть! Чуть-чуть тогда не вышло мѣсто за границу—подумайте!—на одинъ всего часъ опоздала .. вотъ обида-то! Барыня сама ужасно жалѣла... Не повезло. Теперь ужъ раньше въ Америку попаду.

Юлія Николаевна расхохоталась отъ неожиданности.

— Экъ васъ дергаетъ, Дунечка! Еще до мѣста не дотащилась, а ужъ объ Америкѣ мечтаетъ!

Дунечка не понимала ея удивленія:

— Не буду же я на одномъ мѣстѣ сидѣть—какая мнѣ неволя! Не велика невидаль Портъ-Артуръ... воображаю! Дыра, небось, порядочная.

— Такъ зачѣмъ же вы въ столицѣ не остались, коли дыры боитесь?

— Не у чего оставаться, оттого и не осталась. Грошъ платятъ. Сгніешь у нихъ въ больницѣ на одномъ мѣстѣ. Такъ и не увидишь ничего дальше своего носа. На то и голова на плечахъ, чтобы разсудить.

— И отчего это, Дунечка, вы такъ любите путешествовать?..—спросила задумчиво учительница.—Я ненавижу вагоны... А на пароходѣ страшно больна всякій разъ... Въ экипажѣ, можетъ быть, и я любила бы.

— Гдѣ вамъ! Въ экипажѣ всю растрясло бы,—подсказала Дунечка и засмѣялась:—удивительно, право, какъ это вамъ барская жизнь въ прокъ не идетъ... Ну, какъ мы растемъ? Теперь, когда сама понимаешь, такъ даже вспомнить страшно. А я, вонъ, и больна ни разу не была!

— А статистика что говоритъ, Дунечка? Цифры статистическія? Учили васъ, небось...

Она замахала руками:

— Знаю, знаю! Молчите!

Смахнула крошки съ шотландскаго плэда и нѣжно запахнула его на худенькихъ колѣняхъ дѣвушки. Такъ вотъ и притягиваетъ ее эта милая барышня!..

Худенькая... бѣленькая... съ печальными глазами... Волосики каштановые тонкіе, тонкіе, какъ паутина. И мягкій англійскій плэдъ съ его клѣтками... и малиновая канаусовая наволочка на пуховой подушкѣ... и старый кожаный сакъ изъ дорогого магазина... И тихій голосъ, и мягкій говоръ—все, все выдѣляло ее нѣжнымъ красочнымъ пятномъ среди темнаго досчатаго вагона и толпы грубыхъ лицъ и неуклюжихъ, безцвѣтныхъ одеждъ...

Юлія Николаевна устремила въ окно задумчивый взоръ. Тон-

кія брови поднялись, бѣлый лобъ собрался длинными морщинками.

«Сколько ей лѣтъ?» спросила себя мысленно Дунечка и въ первый разъ увидѣла такъ ясно, что тутъ уже нѣтъ первой молодости. Нѣтъ непочатыхъ силъ, бьющихъ ключомъ въ ней самой. Не одно плохое здоровье, кашель... Нѣтъ, еще что-то неподвижное... унылое глядитъ изъ этихъ печальныхъ молодыхъ глазъ.

— Вамъ бы на югъ куда-нибудь мѣста поискать, а не въ Сибирь,—сказала Дунечка своимъ убѣжденнымъ тономъ «почти доктора».—И кто только пустилъ сюда... удивительно!

— Пустить... не пустить... некому, Дунечка, слава Богу...

Дунечка договорить не дала, ее развлекла собственная мысль:

— Знаете, я думаю иной разъ, какъ это прежде-то жили женщины, дѣвушки?.. Боже мой! Даже морозъ по кожѣ подеретъ... А ужъ въ нашемъ-то быту и до самой смерти никуда не выбиться бы—только къ муженьку богоданному подъ кулаки! Юлинька, вы это думаете когда-нибудь?.. Вѣдь жили же! Сколько народу жило... Такъ и померли!

— Живутъ все такъ же и посейчасъ. Вы сами избавились, такъ думаете и все кончилось?..—нахмурилась та.

Смѣлыя черты Дунечки затуманились, легкій вздохъ приподнялъ грудь...

Народъ входилъ въ вагонъ. На платформѣ плоско и назойливо звякалъ колокольчикъ. Въ дверь вошли клубы морознаго воздуха.

— Закройтесь, закройтесь! Ноги подожмите! Да затворяйте вы дверь, рукъ у васъ нѣтъ, что ли?!.—командовала сердито Дунечка.

Юлинька кашляла и вся сжалась подъ своимъ клѣтчатымъ платкомъ. Пахнуло и дегтемъ, и рыбой, и водкой.

— И правда, не перебраться ли намъ въ тотъ вагонъ? Все-таки свинства такого нѣтъ, почище публика,—сказала сердито Дунечка.

— Ахъ, нѣтъ... съ мужиками лучше. Что-жъ дѣлать!.. Мы хоть тутъ сами по себѣ... А тамъ эти ваши старухи пристанутъ съ совѣтами... Не хочу.

— Мать-то жива у васъ?—спросила вдругъ Дунечка, когда суета улеглась, и вагонъ зажилъ привычной жизнью.

И странное дѣло! Юлію Николаевну не задѣлъ неожиданный вопросъ въ ея устахъ.

— Мать ко мнѣ пріѣдетъ, когда я устроюсь... Если сносно будетъ,—отвѣтила она, помолчавъ.

— Н-ну??. вотъ и моя тоже!—воскликнула радостно Дунечка: Мѣсто получу, первымъ дѣломъ къ себѣ мать выпишу. Только собьютъ ее, пожалуй, пріятельницы... Забоится!

— Да вы же сами долго на мѣстѣ не усидите? Вы вѣдь въ Америку? Или это еще не навѣрное?—пошучивала барышня.

— Какъ не навѣрное?! Напротивъ, сидѣть да не собраться, такъ когда же еще! Я вѣдь не по билету, я также фельдшерицей на пароходъ поступлю, мнѣ же деньги заплатятъ. Какъ же мнѣ не съѣздить? Вотъ, одна бѣда, англійскому языку сколько-нибудь выучишься не скоро, пожалуй... Трудно ужъ очень.

— Ну, вотъ... гдѣ же матери за вами угоняться! Однако, должно быть, Дунечка, умная она, ваша мать?

Дунечка вертѣлась на скамейкѣ. Когда подняла голову, глаза ея влажно блестѣли.

— Еще бы не умная! Свое кровное отдавала, что прикоплено за цѣлую жизнь... въ нянькахъ прежде служила въ богатыхъ домахъ. А вѣдь сама скупущая! Откуда иначе-то и деньги бы? Въ баню гривенникъ истратить жалѣетъ, до старости въ пятикопеечную бѣгаетъ. А все-таки повѣрила же, что умнѣе на ученье истратить, чѣмъ приданое для пьяницы какого-нибудь копить. Ну, на курсахъ-то вовсе мало платить пришлось—первый годъ только, а то меня вездѣ отъ платы освобождали. Да не одна вѣдь плата—жить, одѣться, все надо. Книги... Умная!.. Ну, только и упрямая!.. Характерная, бѣда!

— А моя... какъ ангелъ, кроткая!—прошептала Юлинька и вся согнулась впередъ, такъ что виденъ былъ только тонкій проборъ да блѣдный лобъ съ длинными морщинками.

Дѣвушки замолчали. Съ дальнаго конца вагона долеталъ пѣвучій голосъ жирнаго монаха, разглагольствовавшаго съ утра до ночи передъ скучающими спутниками: описанія святынь и богомолій, душеспасительный гнѣвъ передъ мірскими беззаконіями и газетные отчеты о грабежахъ и убійствахъ.

— Хорошо, коли мать къ вамъ пріѣдетъ... За вами кому-нибудь да надо ходить, я ужъ вижу. Неосторожная вы изъ рукъ вонъ!—сказала угрюмо Дунечка.

Дѣвушка вздохнула и выпрямилась.

— Не стоитъ. Надоѣла осторожность. Все равно, ничего не перемѣнишь! А мать это огорчаетъ... Вотъ, и не знаешь сама, чего желать... Пусть лучше отдохнетъ безъ меня.

— Ну, что пустяки говорить! Какой для матери отдыхъ, если она за васъ безпокоиться должна. И какъ это только вы поѣхали...

Дунечка вдругъ запнулась и начала краснѣть.

— Юлія Николаевна... да вы не обижаетесь ли, что я такъ спрашиваю?.. Что-жъ, мы обѣ дѣвушки... попали Богъ знаетъ куда, никогда больше и не встрѣтимся... Вы не подумайте — я вѣдь тоже смерть не люблю про себя болтать, а, вотъ, съ вами. .

сама не знаю—говорить хочется... право! а вамъ, пожалуй, непріятно, что чужая лѣзетъ?

— Нѣтъ, нѣтъ... ничего! нѣтъ, ничего...—заспѣшила Юлія Николаевна и стала часто мигать глазами.

Завозилась на скамейкѣ.

— Ахъ какъ сидѣть жестко—спину всю разломило! и подушка не помогаетъ...

— Постойте-ка, я вамъ одну штуку достану!—крикнула обрадованнымъ голосомъ Дунечка.—Есть у меня... и чего я, дура этакая, раньше-то не вспомнила!..

Въ одинъ мигъ вскочила на скамейку и стала тащить съ полки сѣрый тюкъ.

— Что вы дѣлаете—не надо! Бросьте... не хочу я!—сопротивлялась барышня.

— Ахъ, Господи... да не мѣшайте вы мнѣ!—отмахнулась сверху Дунечка.—Сами не знаете, про что говорятъ, а не хотите...

— Не стоитъ распаковывать!

Сѣрый тюкъ колыхался надъ ихъ головами. Дунечка вся покраснѣла, какъ розанъ.

Мужики сидѣли вокругъ, поднявъ любопытные глаза, и ждали—свалится ли имъ на головы сѣрый тюкъ, или дѣвушка справится. Видно было, что ихъ это добродушно занимаетъ отъ скуки, но никакая догадка не шевелится въ головахъ.

— На̀-земь теперь! на̀-земь скачи! такъ не удержать... а-ахъ!—крикнулъ испуганный голосъ мальчика.

Дунечка и сѣрый тюкъ одновременно мелькнули въ воздухѣ. Кругомъ засмѣялись. Мальчикъ подскочилъ и сталъ поднимать.

— Говорилъ не сдержать... рази можно!

— А ты, умникъ, гдѣ раньше-то былъ?—крикнула со злостью Дунечка.—Ну и народъ, провославные! Двадцать мужиковъ, разиня ротъ, сидятъ, а помочь женщинѣ не догадаются. Какъ есть кавалеры!

— Дунечка! съ ума вы сошли? перестаньте!—крикнула на нее тревожно учительница.

— А ты, барышня, не нѣмая—быдто какъ разговариваешь... Языкъ-то не отвалится помочи попросить...

— Ишь выговоръ какъ строго дала!

— Другая-то посмирнѣе будетъ... Козыриста больно!.. Кавалеровъ ей, вишь, подай...

Дунечка, красная и злая, вытянулась въ струнку и на всѣхъ оглядывалась:

— Мнѣ никого не надо, а я на васъ дивлюсь. Коли изъ васъ который-нибудь руку себѣ порубитъ или палецъ занозитъ, такъ

меня, небось, звать не понадобится. Я свое дѣло знаю! Такъ и каждый долженъ.

— Твоя правда, красавица... не вдомёкъ, не взыщи, — засмѣялся тихонько маленькій старичекъ и съ удовольствіемъ покрутилъ совсѣмъ бѣлой головой.

— Дунечка... да не связывайтесь вы... Что съ вами!? — волновалась Юлія Николаевна; даже лицо у нея покраснѣло пятнами отъ испуга...

Дунечка сѣла и сразу успокоилась.

— А вы не трусьте—не медвѣди, не укусятъ.

И точно, волноваться было нечего. Отсутствіе кавалерскаго духа сказалось и дальше: всѣ сейчасъ же вернулись къ прерваннымъ дѣламъ и разговорамъ; двѣ дѣвушки не занимали больше ничьего вниманья. Только любопытный мальчуганъ застрялъ въ проходѣ.

Дунечка достала изъ тюка кожаную подушку, набитую волосомъ, и заставила учительницу сѣсть на нее.

— Одна наша роженица, больная, на память мнѣ подарила... Генеральша...

— Больная?—переспросила Юлинька, и въ лицѣ ея мелькнула брезгливость, но она уже сидѣла на подушкѣ и чувствовала невозможность бороться съ Дунечкиной распорядительностью.

. . . .

Ночь. Юлія Николаевна не спитъ. Растрясло, все тѣло болитъ... Ноги тоскуютъ, нельзя больше лежать. Душно!

Она отказалась отъ надежды уснуть и сидѣла, покорно съежившись въ уголкѣ.

Дунечка давно сладко спитъ.

Качка вагона расколыхала голову. Сознаніе дѣйствительности смутно, точно неживое... Такое же, какъ этотъ сѣрый жесткій вагонъ, съ неумолкающимъ грохотомъ дерева и желѣза... Кажется, и никогда больше не будетъ ничего мягкаго, свѣтлаго, тихаго...

Какъ искры, пронизываютъ ее внезапныя вспышки страха: что, если неудача?.. Если не выйдетъ ничего хорошаго тамъ, въ этомъ Большомъ Логу?..

«Заболѣю... Не справлюсь... Просто, сжиться не съумѣю съ чужимъ... Вѣдь ни съ чѣмъ, ни съ чѣмъ я никогда не умѣла сживаться!—думаетъ съ раскаяніемъ Юлія Николаевна.—Чулковы мои, какіе-то они стали теперь? Нельзя судить по письмамъ. Что, коли и они тоже чужіе?.. Много времени прошло. Господи... какая безобразная даль!.. Еще шесть дней ѣхать. Въ эту ли субботу? Кажется, вѣрно: шестнадцатаго суббота въ три часа восемнадцать минутъ. Опозданіе есть. Сегодня девятое?.. Навѣрное ли сегодня девятое?..»

Она вдругъ теряла нить и не могла ясно возстановить въ памяти сдѣланной дороги. Точно роешься въ осколкахъ, изъ которыхъ надо склеить разбитую вещь.

Только обморокъ и знакомство съ молодой фельдшерицей, ѣдущей въ Портъ-Артуръ, выступаетъ отчетливымъ реальнымъ фактомъ. Раньше точно и не было ничего, кромѣ мучительной смуты воспоминаній... Только теперь, уцѣпившись за эту жизнерадостную Дунечку, она всплыла на поверхность.

Дорожныя впечатлѣнія больше не скользятъ по ней безотчетно. Зато дорога теперь кажется длиннѣе и тягостнѣе. А ночью опять пересиливаетъ усталость, опять она безпомощно барахтается въ безцѣльныхъ думахъ о прошломъ...

Опять она подъѣзжаетъ съ матерью къ вокзалу по ужасной московской распутицѣ. Идетъ снѣгъ. Къ вечеру стало морозить, крупныя пушистыя хлопья медленно падаютъ въ неподвижномъ воздухѣ. Послѣ вьюги и сырости послѣднихъ дней, въ этой свѣжей тишинѣ была какая-то печальная покорность. Падаютъ... падаютъ бѣлыя хлопья... Какъ засыпаютъ могилу.

...Мать не плачетъ больше. Только мучительно суетится и говоритъ безъ передышки.

Въ сумракѣ вагона всплываетъ измученное лицо, съ выплаканными, растерянными глазами... Разстегнутая ротонда ползетъ съ плечъ, она каждую минуту поправляетъ ее дрожащими руками. подъ ротондой домашняя сѣрая кофта, бѣлый воротничокъ вокругъ сморщенной тонкой шеи... Эта морщинистая шея—самое жалкое.

Она старается представить себѣ мать иначе, спокойнѣе и не можетъ. Не можетъ увидѣть этого лица раньше—въ тяжкой орьбѣ послѣднихъ мѣсяцевъ. Не хотѣли отпустить въ Сибирь.. Тамъ одна смута отчаянной борьбы! Слезы, обиды, споры. Слезы, слезы...

Все кончилось, но сухіе, растерянные глаза несутся вмѣстѣ съ нею въ черную даль.

«Зачѣмъ они боролись со мной, вѣдь они же видѣли, что я умираю отъ московской жизни! Медленно умираю,—думаетъ съ волненіемъ дѣвушка, точно надѣется на этотъ разъ объяснить все кому-то, кто тамъ, за чернымъ стекломъ, летитъ рядомъ съ поѣздомъ и требуетъ къ отвѣту.—Какъ, какъ не видѣть, что ѣтъ настоящей жизни въ этой бездушной суетѣ! въ безумной жестокой роскоши на трескучихъ улицахъ, залитыхъ фальшивымъ свѣтомъ! Нѣтъ больше у людей отдыха темной божьей ночи».

...Мечутся отъ тревоги что-то упустить... гдѣ-то прозѣвать... Бьются, изъ силъ выбиваются все за этотъ безсмысленный блескъ, высасывающій изъ нихъ душу! И не замѣчаютъ, какъ жизнь уходитъ безъ смысла.

...Зачѣмъ, зачѣмъ?..

...Никто не знаетъ, оттого всѣ и рвутся учить... Съ паѳосомъ провозглашается каждая мелькнувшая догадка. Сколько пророковъ! Бѣгутъ слушать каждаго, кто влѣзъ на каѳедру, даже не спросятъ: что сдѣлалъ въ своей жизни этотъ человѣкъ, чтобы имѣть право учить другихъ?

...О! какая страшная усталость! Она давно бросила ходить на лекціи, не читала ничьихъ проповѣдей, все неудержимѣе отставала отъ несущагося потока. Пока осталась совсѣмъ одна и ее охватилъ ужасъ.

...Вѣдь и такъ тоже жизнь уходитъ безслѣдно, какъ вода въ рѣкѣ!

...Прочь... дальше куда-нибудь — туда, гдѣ сурово и тихо. Тогда въ успокоенной душѣ, какъ въ устоявшейся водѣ, проступятъ невидныя тѣни—родятся собственныя, свободныя мысли. Съ ними жизнь перестанетъ быть страшной... Ей казалось, что она бѣжитъ изъ плѣна. Она спѣшила, лихорадочно спѣшила...

...«Я не знаю,—говоритъ она кому-то за стекломъ,—можетъ быть, у меня ни на что не хватитъ ужъ силъ... Но чтобы жить въ тишинѣ... не спѣша переливать свое маленькое знаніе въ нетронутыя души—вѣдь на это немного потребуется силъ? Только отдохнуть—надо отдохнуть».

Каждый день она твердитъ эту свою вѣру, чѣмъ жила весь послѣдній годъ,—но отчего же какая-то новая тревога въ ея душѣ?

...«Оттого что грудь болитъ... я больна! Нѣтъ, нѣтъ, я ничего не боюсь. Это отъ усталости»,—оправдывается тревожно Юлія Николаевна.

Отъ усталости ли? Не оттого ли тревога, что въ разступившемся передъ нею просторѣ невѣдомой новой жизни она уже не одна?

Звонкимъ эхо летитъ въ этотъ просторъ звучный и смѣлый голосъ Дунечки, чужой дѣвушки, въ чьихъ ловкихъ рукахъ она очнулась отъ своего глубокаго обморока. Этотъ голосъ говоритъ не о покоѣ и тишинѣ...

Въ N*** поѣздъ стоитъ полчаса. Дунечка слетала въ аптеку за Доверовымъ порошкомъ для своей паціентки.

Семенъ Никаноровичъ сопровождалъ; погонялъ извозчика, хоть маленькая сибирская лошадка и безъ того летѣла, какъ вѣтеръ.

Купчикъ все пристаетъ съ некурящимъ отдѣленіемъ; а Дунечка и безъ того сердитая сегодня. Скучно стало. И свои-то дѣльныя мысли точно какъ завалились куда-то.

— Да не приставайте вы, что это, право!—осадила она его наконецъ.—Не на рукахъ же мы стащимъ туда мою Юлію Николаевну. Не хочетъ она ни за что къ старухамъ, сказано вамъ по русски!

— Помилуйте, да съ какой же стати такое безпокойство терпѣть? Неужели образованная дѣвица и вдругъ понять не можетъ.

— Мы съ вами такъ понимаемъ, а она совсѣмъ иначе. Ей, можетъ быть, очень даже нравится мучиться. Не нужда вѣдь и въ Сибирь погнала. Мать старуху бросила...

— Тсс... Отъ бездѣлья придумываютъ!

Дунечка сверкнула на него глазами.

— Ну, да! Небось, вы отъ бездѣлья запьете да безобразничать пуститесь? То же да не то, должно быть! Я вотъ и сама въ Портъ-Артуръ рѣшилась, и у меня тоже мать осталась. Такъ я зато вѣдь знаю твердо, что стану тамъ дѣлать. А ей все равно—что,—какъ—ни о чемъ вовсе не заботится! Больная совсѣмъ,—а будто какъ не понимаетъ—точно ребенокъ! Я ее какъ родную полюбила, а только понять ничего нельзя.

— Вѣрьте слову—понимать-то нечего, коли здраваго смыслу нѣту. Всякій умный человѣкъ старается, чтобы лучше для себя сдѣлать.

— Ну, объ этомъ-то и дуракъ всякій тоже старается. Однако, скажу я вамъ, какой дрянной городишко! Ни за что тутъ жить не стала бы. Точно весь пустой!

— Дома хорошіе. Ишь хоромина какая выведена! Извозчикъ, это чей домъ будетъ, по правую руку?

— Купца, чей еще... Кожевенникъ у насъ, Масловъ Провъ Петровичъ.

— Провъ!—засмѣялась Дунечка.—Извозчикъ! А дѣвушки красивыя есть по вашимъ мѣстамъ?

Семенъ Никаноровичъ такъ и взыгралъ отъ радости—слава тебѣ Господи, разгулялась Дунечка!

Извозчикъ обернулся и поглядѣлъ на нее хмурыми глазами:

— Небось, думаешь, сама ты всѣхъ бойчѣй на свѣтѣ?

— Ха, ха, ха!—сердитый какой, дяденька! И не старикъ еще... Что-жъ ты такъ рано построжѣлъ?

Дунечкѣ вдругъ захотѣлось смѣяться—шалить. Пріятно такъ щекочетъ въ груди, щиплетъ пальцы и уши. Но тихо, тихо... Точно и не холодно... Блѣдная заря въ небѣ...

Мужикъ величественно отвернулся къ своему дѣлу и ничего ей не отвѣтилъ. Стегнулъ легонько лошадь подъ горку.

— А-ахъ славно! Кататься смерть люблю!

Купчикъ издалъ презрительный звукъ губами.

— Это развѣ катанье? Вотъ у насъ въ городѣ, послѣ обѣдни, въ праздникъ молодые купцы своихъ женъ катаютъ—ну! Это оно дѣйствительно есть что поглядѣть!

— И у васъ есть лошади? Свою жену тоже катать будете? Лукаво поглядываетъ на него бочкомъ Дунечка.

— Чѣмъ мы хуже людей,.. съ какой это стати! Я за рысака ничего не пожалѣю. Эхъ, Авдотья Ивановна, Авдотья Ивановна!

— Ха, ха, ха! что вамъ имя мое понравилось? Гадкое имя, терпѣть его не могу. Крестили, меня не спрашивали.

— Чѣмъ же-съ? Вовсе напрасно хулите. Имя самое коренное— Дунечка....

— Ахъ, вы! Да какъ вы это смѣете?!

. . . .

А пришла въ вагонъ—опять сѣро, глухо, скучно.

Юлинька молчитъ; сидитъ глаза закрывши.

Дунечка сообразила, что, должно быть, она надоѣла барышнѣ своими нотаціями. Бросить надо спорить съ ней.

Вытащила свои дѣловыя, портъ-артурскія мысли и уныло погрузилась въ нихъ.

...Деньги къ концу подходятъ, а пути то еще сколько впереди! Да во что еще иркутская остановка обойдется, даже и разсчитать впередъ невозможно... вотъ ты тутъ и вертись! А ну, какъ недохватка? Что тогда? Бѣда....

...Чудная мать, ей-Богу!.. Не могла дать четвертную лишнюю, чтобы безъ страху быть... Кабы не было, а то не дала. Разсердилась. «Куча денегъ». Одиннадцать тысячъ верстъ—мѣсяцъ пути—гдѣ ей это разсчитать! Вотъ теперь и умудряйся, какъ знаешь...

...Гостинницы, навѣрно, дороги въ Иркутскѣ... Ѣда, это пустое: на чаѣ съ булками недѣлю прожить хоть бы что безъ работы! Въ номерахъ, извѣстно, летятъ деньги. Скука какая!

Можно бы у Семена Никаноровича спросить, не знаетъ ли онъ, куда заѣхать подешевле—на квартиру къ кому-нибудь... Какъ ему не знать!

...Нѣтъ... Стыдно... Не хочется. Онъ, противный, и такъ все высматриваетъ глазами своими купеческими...

Шубейку свою Дунечка изъ-за него давно уже возненавидѣла, а въ Петербургѣ совсѣмъ за приличную считала. Годъ всего какъ и справлена. И частенько ни для чего она на станціяхъ чаи съ нимъ распиваетъ въ компаніи, чѣмъ бы свой чай въ чайникѣ заварить. Уговариваетъ... Пристаетъ... Догадается какъ разъ, что каждый гривенникъ на счету... А ужъ самъ-то сколько денегъ проѣдаетъ, просто страхъ! На каждой станціи что-нибудь пьетъ да закусываетъ. Житье господамъ купцамъ! Женъ на рысакахъ въ перегонку катаютъ... Наряды на ярмаркѣ покупаютъ...

Ничего, не злой, хорошій мужъ будетъ, не скупой... А глупъ, небось, ни объ чемъ нѣтъ понятія! Вовсе малограмотный, должно быть, по разговору видно...

...Однако, Дунечка-голубушка, гдѣ же это ты денегъ украдешь, коли своихъ капиталовъ не хватитъ? Нищета проклятая! Есть ли что хуже на свѣтѣ?....

Даже голова у Дунечки заболѣла отъ натуги, пока она свою бѣду обдумывала. А перестала думать—сразу и позабыла. На станціи опять весело со своимъ кавалеромъ вдоль поѣзда взадъ и впередъ бѣгала.

Пирожки вкусные торговка носила; только она не взяла, побоялась: «буду терпѣть, дѣлать нечего!».

А Семенъ Никаноровичъ что-то особенно увивается сегодня... А ужъ голосъ-то... Такъ въ душу и льется!.. Краснѣетъ поминутно... Взгляды умильные... Намеки... Влюбился, совсѣмъ какъ надо быть.

Дунечка давно это видитъ, а теперь ужъ и вовсе какъ будто начинаетъ что-то... Даже самой безпокойно сдѣлалось.

Публика тоже любопытно поглядываетъ, какъ молодой купчикъ около петербургской барышни увивается. Пассажиры давно приглядѣлись другъ къ другу—улыбаются, будто знакомые, которые и не разговариваютъ. Старухи изъ некурящаго отдѣленія отъ оконъ не отходятъ, провожаютъ ихъ негодующими взглядами. Спасибо, въ ихъ вагонѣ все мужички да бабы, тѣ хоть въ чужія дѣла не мѣшаются.

Дунечка почувствовала себя неловко и раньше времени прекратила прогулку. А въ вагонъ влетѣла съ задорнымъ смѣхомъ.

— Ха-ха-ха... Поздравьте меня, Юлинька! Не сегодня-завтра объясненіе въ любви предстоитъ... Это называется—времени даромъ не терять!..

— А... а!.. давно видно было... совсѣмъ плѣнили!—приглядывалась къ ней съ улыбкой учительница.—А вы порядочная кокетка, Дунечка.

— Ну, что вы это! Не гнать же безъ причины. Онъ любезный... не лишнее въ дорогѣ! Какая бѣда, кто меня здѣсь знаетъ? На службѣ, само собой, сохрани Богъ себя неосторожно повести, а тутъ всѣ вольныя птицы... Не большой грѣхъ въ кои-то вѣки повеселиться на досугѣ.

— Кошкѣ игрушки, да мышкѣ слезки... Или, можетъ быть, онъ вамъ тоже нравится?

— Мнѣ!? Да что вы, что вы! вотъ выдумали...

Покраснѣла своимъ красивымъ яркимъ румянцемъ.

«Вотъ она, свободная-то душа!..—думала, любуясь ею, Юлія Николаевна.—Такой бѣжать не отъ чего: никакая ноша за плечами не тянетъ. Просто—стоитъ на крылечкѣ только что проснувшійся человѣкъ яснымъ утречкомъ, на солнышко жмурится—

выбираетъ, по которой дорожкѣ побѣжать... Ахъ, какая счастливица!..»

— Вы развѣ замужъ вовсе не собираетесь?.. Зарокъ?.. —спросила она ласково.

Дунечка не сразу отвѣтила. Сняла свою шубку, шапочку и завернулась въ теплый платокъ.

— Коли я замужъ зря выскочу — ну, тогда, значитъ, душа коротка оказалась. Сборы только большіе.

— Это какъ же понимать надо—*зря?*.. Безъ любви, что ли?

Усмѣхнулась и снисходительно поглядѣла на барышню.

— Можно и по любви, да зря. Не изъ-за чего жизнь-то ломать. Развѣ для любви стоитъ ломать, что ужъ сдѣлано?.. Сколько труда, усилій... Надолго ея хватаетъ, любви этой!

— Ну... разная тоже любовь бываетъ, это вы напрасно,—возразила Юлинька.

— Ничего не разная. У васъ это, у дворянъ, о любви невѣсть что воображаютъ... да чего только и не натерпятся черезъ нее! Воображаютъ, будто она сильнѣе всего на свѣтѣ.

— Да вы, Дунечка, вѣрно и влюблены-то никогда еще не были?.. Недосугъ... отъ большаго прилежанія.

Дунечка нахмурилась и помолчала нѣсколько минутъ.

— Была, не безпокойтесь... Въ студента. Давно ужъ...

«Удивительное дѣло! Даже и про это говорить охота. Говоримъ сейчасъ, а больше никогда и не встрѣтимся... Все равно, что самой себѣ сказала», подумала Дунечка. Вздохнула печально.

— Гдѣ-то онъ теперь мыкается, несчастный? Вотъ ужъ кому тоже нянька нужна, все равно какъ вамъ!..

— Отчего же такъ?—подсказала Юлія Николаевна.

— Выслали его тогда. Больной... за душой ни гроша... Нигдѣ ни души... Умеръ, должно быть. Да и лучше.

— Фу, что говоритъ, а еще любила!

Дунечка вспыхнула и насупилась.

— Потому и говорю, что жалѣю. Кромѣ мученья всякаго, этотъ человѣкъ ничего для себя въ жизни не найдетъ. Горе его обойдетъ, такъ онъ и самъ въ догонку за нимъ пустится. Тутъ люби не люби—все одно.

— Вотъ что! Такихъ людей не мало, Дунечка, для которыхъ жизнь мученье. Неужто всѣхъ ихъ въ гробъ заколотить?..

Дунечка сердито дергала бахрому сѣраго платка.

— Не понимаете, что я говорю... Странно даже!

— Понимаю, понимаю! Благополучные люди—прекрасные люди. А кто мучается, тотъ и другимъ жизнь портитъ... Зрѣлище непріятное! Не вы одна такъ думаете, Дунечка! Вамъ Богъ проститъ... совсѣмъ вы юная. Не потому, сколько лѣтъ, а всѣмъ... сы-

рая еще вы совсѣмъ! Мнѣ оттого на васъ смотрѣть весело—весной вѣетъ. А только слушать васъ жутко подчасъ.

Дунечка, смущенная, напряженно силилась понять. Не въ первый разъ она такое слышитъ... Пусть хоть разъ бы одинъ человѣкъ объяснилъ понятно: почему точно какъ *стыдно* быть счастливой?.. Коли ты всего сама добилась, повезло тебѣ, неужто это все равно, будто ты чужое отняла?!. Да съ какой же стати, Господи, кто это выдумываетъ!

Дунечка не могла успокоиться. Облокотилась локтями въ колѣни, легла лицомъ на руки и крѣпко задумалась, съ наивнымъ усиліемъ на цвѣтущемъ лицѣ. Даже подушечки надъ бровями вспухли.

— Вотъ, и васъ не понимаю... для чего въ дикую глушь пропадать тащитесь черезъ силу? въ Сибирь...

— Тамъ у меня знакомые живутъ. Къ хорошимъ людямъ поближе.

— Да жизнь-то какая же тамъ съ вашимъ-то здоровьемъ? Какъ ужъ тогда и жить, не понимаю. По моему, каждый человѣкъ долженъ все выше да выше карабкаться, коли силы хватаетъ,—только это и жизнь. Тогда всѣмъ хорошо и будетъ, когда на худое никто соглашаться не захочетъ, развѣ не правда?.. Ну, осталась бы я въ Петербургѣ. Ничего, кромѣ мѣста при больницѣ, не высидѣла бы, сколько ни сиди! А работы столько за свои гроши навалятъ, что о частной практикѣ и думать позабудь. Ну, вотъ, коли я могу иначе устроиться, такъ для чего я мириться на этомъ должна?!

Юлія Николаевна разсмѣялась наивной убѣдительности этихъ интонацій.

— Вы же и не должны вовсе, Дунечка! Развѣ я вамъ это совѣтую? Портъ-Артура не побоялись и отлично. Тамъ навѣрно и докторовъ, и фельдшерицъ мало.

— То-то и есть!—подхватила Дунечка съ одушевленіемъ.—А доктора, мужчины и женщины, все наровятъ въ Питерѣ или въ Москвѣ, сбившись какъ овцы, сидѣть безъ хлѣба. Да и учительницы все равно также. Вотъ и вы—поѣдемте-ка со мною въ Портъ-Артуръ, а? Вотъ бы чудное дѣло! Открыли бы себѣ собственную школу... ребятъ небось всякому учить нужно. Зажили бы себѣ безбѣдно. Юлинька! душечка...

Юлія Николаевна смѣялась тихимъ, искреннимъ смѣхомъ, такъ что слезы на глазахъ выступили.

— Ну чего вы все смѣетесь? Я не шучу нисколько. То ли дѣло вдвоемъ! Давайте-ка вдвоемъ жизнь завоевывать! а?

— Завоюете, одна завоюете! Ну, а дѣло-то свое вы, Дунечка, любите?

— Какъ же не любить!

— Да вѣдь веселаго въ немъ ничего нѣтъ...

— Какого же отъ дѣла веселья надо? Наработаешься, тогда и веселись. Тоже и тамъ, я думаю, со скуки не умираютъ. Я и платье бѣлое съ собой везу! Для нашего вечера выпускного сшито... досталось ради него полгода скряжничать, впроголодь сидѣть... Охъ, чего не хочу, такъ это каждый грошъ считатъ! Я не скупая, не въ мать.

— Будутъ у васъ и деньги!

— Само собой, будутъ. Этого ужъ я давно не боюсь, чтобы вовсе безъ денегъ биться. Я хочу, чтобы твердо на ноги стать и впередъ ничего не страшиться. Болѣзни... старость... Думать надо во-время.

Юлія Николаевна всматривалась въ ея лицо, какъ созерцаютъ чужую безсознательную силу.

А Дунечка смотрѣла въ окно, и ея спокойныя черты точно подернулись дымкой. Дунечка вздохнула протяжно и глубоко.

— Да! скоро какъ все перевернулось, коли подумаешь,— всего-то какихъ-нибудь шесть лѣтъ! А каково было начинать— мать уломать?.. Въ голову ей это втиснуть насильно, что не страшно, что берусь по силамъ... Не пропадутъ ея кровные гроши. Да, всего было! Съ простымъ человѣкомъ вѣдь чѣмъ трудно: то она тебѣ вѣритъ, то опять вдругъ раздумала. Безъ всякой причины. Застарѣлый страхъ въ душѣ.

— Всякому свое...—уронила съ горечью учительница.—Навѣрное, каждую мать легче уговорить, чтобы она помогла вверхъ карабкаться—тутъ каждая собственную грудь подставить готова. Другое мудренѣе, Дунечка!

Въ эту минуту на другомъ концѣ вагона, въ аудиторіи словоохотливаго монаха, поднялся какой-то споръ. На нѣсколько минутъ перекрикивающіе другъ друга голоса и стучащіе колеса вагона отняли охоту вступать съ ними въ состязаніе. Пока не прошелъ черезъ вагонъ кондукторъ, безцеремонно прикрикнувъ на публику.

Голоса сейчасъ же загудѣли сдержаннѣе, на низкихъ нотахъ; и у Дунечки точно вырвалось неожиданное восклицаніе:

— А вѣдь несчастная ваша мать, Юлинька! Не для того она васъ ростила да воспитывала, чтобы вы съ какими-то переселенцами горе мыкали. Тифомъ или оспой тамъ заразитесь и умрете безъ помощи. Каково ей? Вы слишкомъ какъ-то мудрено жить хотите, оттого вамъ и тошно все на свѣтѣ. О смерти думаютъ... О смерти пишутъ—это молодые-то! Стихи нынче, и то все больше про смерть сочиняютъ. Чудаки, ей-Богу! А для меня смерть—первый и есть врагъ.

— Да, да, да! такъ и надо—такъ и живите!..—воскликнула горячо Юлинька.

— А вы сами иначе? Это отчего же?

— Я другое дѣло! Какъ бы мнѣ вамъ это объяснить покороче? Оттого что *для себя* мнѣ ничего добиваться не пришлось... Понимаете? Даромъ все досталось.

Дунечка звонко расхохоталась.

— И правда! Богачиха какая,—восемь тысячъ верстъ, больная, въ третьемъ классѣ катитъ! Въ мужицкой избѣ зарыться... Чудаки, ей Богу.

«А ты на крылечкѣ стоишь яснымъ утречкомъ, на солнышко щуришься, въ путь собираешься... Счастливица, счастливица!»

И вѣдь, навѣрное, на дѣлѣ Дунечка гораздо добрѣе своихъ эгоистическихъ разсужденій. Юлія Николаевна думала о томъ, какъ заботливо эта чужая дѣвушка за нею ухаживаетъ. Въ неудобный вагонъ къ ней перебралась, слѣдитъ за каждымъ шагомъ, точно какъ за маленькой, пристаетъ. Навѣрно и для всякаго больного то же самое сдѣлаетъ. Много, много эта Дунечка за свой вѣкъ дѣла передѣлаетъ, хоть и на балахъ танцовать тоже поспѣетъ, и щеголять будетъ напропалую на свои трудовыя денежки. Безотчетно—безъ пышныхъ словъ. Энергія трудовая заложена въ ея мускулахъ, вырощенная поколѣніями. Охъ, хорошо это—дѣлать безъ словъ!..

...Сами мы не замѣчаемъ, какъ слова впередъ уже берутъ силы, разряжаютъ порывъ. Покипятилась и отвела душу! Мало развѣ этого бывало?..

...Оттого и надо бѣжать туда, гдѣ совсѣмъ безъ словъ... Послѣднія силы экономить. Немного силъ остается...

Встрѣча съ Дунечкой встряхнула усталую апатію, въ какой начался для нея далекій путь. Все рѣшено. Сотни разъ вывернуто на лицо и на изнанку—больше мудрить не надъ чѣмъ. Поздно.

Самое надежное спокойствіе вливала ей въ душу эта увѣренность, что жизни впереди остается только небольшой клочокъ. Можно ужъ теперь все, все постороннее откинуть и повиноваться только одному сокровенному голосу... Съ нимъ и кончить лицомъ къ лицу.

Ей казалось, что не она одна это понимаетъ, а и другіе всѣ тоже понимали, изъ Москвы провожая ее. Мать...

Но вотъ встрѣча съ интересной задорной попутчицей снова всколыхнула весь остатокъ силъ.

...Въ путь, въ схватку съ жизнью, въ молодую безпечную схватку! Съ этими проносящимися вихорьками молодого задора—съ радостнымъ ощущеніемъ жизни въ собственныхъ жилахъ—въ чудномъ кипѣніи пылкихъ мыслей въ мозгу—въ тревожно спѣшащихъ впередъ ударахъ сердца! Молодость!!.

...Боже мой... да развѣ она на много моложе ея, эта Дунечка?.. Какихъ-нибудь пять лѣтъ!..

. . . .

Подъ вечеръ слѣдующаго дня Дунечка стала подолгу исчезать изъ вагона. Въ пути, между станціями, несмотря на морозъ, она стояла на тормазѣ, уступая мольбамъ влюбленнаго купчика.

Завтра—Иркутскъ. Не для чего, казалось бы, и слушать Дунечкѣ любовныя признанія чужого человѣка, да, видно, не такъ легко побороть въ себѣ жуткое дѣвичье любопытство. Было что-то особенное, точно пророческое, въ этой быстрой побѣдѣ надъ проѣзжимъ купчикомъ... Что-то, поднимавшее въ душѣ новую волну веселаго задора.

...Только успѣла въ путь тронуться, до мѣста не добралась еще, а судьба уже выкинула крупный жребій: выбирай, красавица! Не пожелаешь ли лучше зажить барыней въ крѣпкомъ купеческомъ домѣ, на готовыхъ хлѣбахъ? Простишься разъ навсегда со всѣми бѣдами и заботами трудовой женской доли.

...Не польстишься ли поработить это рвущееся къ тебѣ молодое сердце? Не тянетъ ли тебя перевѣдаться съ истинной мужской страстью, не скованной никакими мудреными тонкостями?..

Чувствуетъ Дунечка, кабы не это странное мѣсто на тормазѣ, не грозящее ежеминутно появленіе кондуктора... чего добраго, давно ужъ схватилъ бы ее Семенъ Никаноровичъ въ охапку, чтобы отогрѣть своими поцѣлуями. Взываютъ они къ ней, эти скованные поцѣлуи на его упругихъ яркихъ губахъ... и въ мерцающихъ глазахъ... и въ судорожныхъ, безцѣльныхъ движеніяхъ рукъ...

...А ей жутко и весело!

Весело, что хоть на минуту можно поддаться искушенію: безъ страха взглянуть за ограду строгаго благоразумія, какимъ она всю напередъ, точно крѣпкимъ заборомъ, обнесла свою жизненную дорожку. Дома Дунечка никакого риска себѣ не позволила бы; а тутъ соблазняетъ дорожная мимолетная свобода... Точно, право, помолодѣла она съ той минуты, какъ сѣла въ вагонъ!.. Даже и забота досаднаго безденежья безсильна побѣдить радостное предвкушеніе ожидающихъ впереди успѣховъ.

...Вотъ, еще и до Иркутска не доѣхала!.. А что будетъ дальше за тѣмъ чужимъ, такъ загадочно звучащимъ именемъ? Тамъ... тамъ, что только ей вздумается, все и будетъ! Женихи, либо трудовая безбѣдная свобода. Какъ самой захочется! Только ужъ скуки, петербургской скуки, навѣрное, не будетъ.

Никакъ не можетъ Дунечка обуздать какой-то безразсудной, опьяняющей самоувѣренности, какъ нельзя остановить горячую молодую лошадку, закусившую удила.

...Что такое Семенъ Никаноровичъ?—такъ себѣ, купчикъ необразованный... въ третьемъ классѣ ѣздитъ безъ нужды...

Поѣздъ летитъ, пошатывая тормазъ. Мимо мелькаютъ точно картины заколдованнаго сна... Непривычныя очертанія далекихъ горъ (она думала сначала, что это облака), необозримо синѣющіе лѣса, охваченные разлившимся бѣлымъ океаномъ. Въ вышинѣ быстро темнѣетъ безоблачное небо... Сгущается синева морозной дали, какъ будто все тяжелѣе становится неподвижный воздухъ.

Позади поѣзда густой черно-бурый свитокъ медленно развертывается крутыми клубами... Поѣздъ оставляетъ за собою между небомъ и землей фантастическую дорогу.

А другая, узенькая стальная дорожка перерѣзала бѣлый океанъ... Дико, непонятно, какъ это могло сдѣлаться!.. Какая сила споритъ дерзко съ бѣлой стихіей, не даетъ ей поглотить двѣ стальныхъ черточки, еле замѣтно намѣченныя геройскими усиліями?..

Да! Не стоять бы предпріимчивой Дунечкѣ на этомъ покачивающемся тормазѣ, еслибъ не работали для нея многія поколѣнія тѣхъ самыхъ «чудаковъ», кого понять ей такъ мудрено. Но все же, безсознательно, она стремится уже примкнуть къ нимъ, хоть и вѣритъ Дунечка въ своей наивности, что она сдѣлаетъ все какъ-то иначе, *по своему*. Вѣритъ, что навсегда останется такой же безмятежной, будетъ такъ же твердо знать, чего хочетъ, что нужно, чего нельзя... Дунечка увѣрена, что и науку жизни она постигнетъ такъ же легко, какъ всѣ свои учебники, за которые она всегда получала полный баллъ.

Дрожь поѣзда непріятно отдавалось у нея въ ногахъ, и назойливое физическое ощущеніе мало-по-малу разогнало очарованіе.

Дунечка перестала стоять смирно,—пожаловалась на холодъ.

Семенъ Никаноровичъ разсказывалъ ей свою семейную исторію безъ утайки. Этимъ онъ надѣялся доказать ей неопровержимо всю серьезность своихъ намѣреній. Дѣло видимое, что никакой порядочный человѣкъ не будетъ болтать зря про свое семейство первому встрѣчному.

Переломивъ свою гордость, онъ признался ей даже и въ томъ, что было у нихъ въ семьѣ самаго досаднаго, стыднаго—въ неудачной женитьбѣ старшаго брата, Ильи: жена сбѣжала съ заѣзжимъ актеромъ, не пожалѣла ни дѣтей, ни его, ни стариковъ.

— Вотъ и судите сами—старикъ, хоть ворчунъ, а не безжалостной души человѣкъ. Въ другой семьѣ, думаете, потерпѣли бы?—небось, вернули бы силкомъ такую безстыдницу! На скандалъ пошли бы, только чтобы въ своемъ правѣ настоять.

— Не очень, видно, свободно у васъ женамъ-то живется!—вставила задорно Дунечка, пожимаясь плечиками отъ мороза.

— Какъ-съ? Такой свободы и нигдѣ быть не можетъ. Законъ одинъ.

— На арканѣ притащить—тоже вѣдь не находка! Не тѣ ужъ нынче времена, чтобы съ женщинами, какъ съ рабами поступать.

Семенъ Никонорович сейчасъ же испугался побѣдоноснаго тона.

— Для того и разсказывалъ... Семейнаго секрета не пожалѣлъ, только чтобы вы, Авдотья Ивановна, довѣриться вполнѣ могли! Такое дѣло на чистоту надо... Не одинъ вѣдь человѣкъ, тутъ вся семья...

Дунечка все больше труситъ такихъ рѣчей, хоть и выдерживаетъ шутливый тонъ.

— Да, что вы... о чемъ это вы, Семенъ Ниакнорович! Лучше бы ужъ вы секретовъ своихъ вовсе и не разсказывали. Вовсе ни къ чему это!

— Авдотья Ивановна!.. Чтожъ...—только вѣдь самыхъ главныхъ словъ не сказалъ еще—не смѣю!—Однако для васъ и такъ довольно ясно..

— Богъ съ вами... Я лучше уйду! Не держите меня. Вы невѣсть что придумаете, а послѣ меня же обвинять станете.

Онъ изо всей мочи тискалъ себѣ грудь руками, впиваясь въ нее восторженными и страдающими глазами. Шуба распахнута, а у самого шея вся мокрая на тридцатиградусномъ морозѣ.

— Да что это, Господи... За кого вы считаете меня, Авдотья Ивановна?.. Я рази не понимаю! Съ бухта барахта, не сходя съ поѣзда, рази возможно! Только и прошу васъ объ одномъ, чтобы не сомнѣваться... Вотъ, Богъ дастъ, въ Иркутскъ благополучно прибудемъ...

— Семенъ Никанорович... да вы и правда рехнулись совсѣмъ! Точно какъ вы купили меня—я ужъ и слушаться васъ должна!.. Ха, ха, ха—смѣшно, право! Прiѣдемъ въ Иркутскъ—счастливо оставаться. Мнѣ направо, а вамъ налѣво. Очень вамъ благодарна за любезную компанiю.

Ушла . . . .

Дунечка вернулась въ вагонъ красная и хмурая. Слава Богу, хоть барышня досады ея не видитъ—лежитъ съ закрытыми глазами. Она тихонечко усѣлась на своемъ мѣстѣ.

Руки и ноги зашлись отъ холода. На сердцѣ безпокойно...

...Завела прiятельство отъ скуки. Дальше да больше... Теперь вотъ и отвяжись отъ него въ Иркутскѣ! Сѣлъ на извозчика да поѣхалъ слѣдомъ—какъ она запретитъ ему?!. Онъ-то у себя дома—а она что? Въ пустомъ карманѣ грошъ болтается!..

...Собственными руками, кажется, побила бы себя. Что на-

дѣлала! Точно дѣвчонка допрыгалась. Пуще всего стыдно: въ такую ли серьезную минуту пустяками забавляться! Чужому проѣзжему мужчинѣ позволила за собой ухаживать.

...Ужъ *позволила*, нечего тутъ вилять!—прикрикнула на себя Дунечка, кусая до боли губы, горѣвшія отъ мороза.—Жениха въ вагонѣ подцѣпила—можно поздравить!

Отъ ея недавняго побѣдоноснаго настроенія теперь не оставалось и слѣда. Незнакомый страхъ, точно холодъ, волнами вливается въ сердце... Никогда дома Дунечка такъ не потеряла бы головы. Смиренный влюбленный Семенъ Никаноровичъ вдругъ потерялъ свою прежнюю физіономію и превратился въ какого-то безличнаго, символическаго ловца, раскидывающаго сѣти... Вотъ онѣ, любезности-то мужскія—дадутъ себя знать!

Собственное привычное благоразуміе грызло ее, какъ упрекъ. Отличаться на 12 балловъ привыкла Дунечка во всемъ, а не такіе промахи давать! И Портъ-Артуръ какъ-то сразу померкъ въ ея воображеніи и не манилъ уже радужными лучами быстрыхъ успѣховъ.

— Что это? Кажется, вы плачете?

Снизу, съ малиновой шелковой подушечки за нею нѣсколько минутъ уже слѣдили усталые ласковые глаза.

Дунечка съ досадой обмахнула глаза.

— Вотъ еще выдумаете! Не доставало... Намерзлась съ дуру. Сижу да злюсь на себя.

— Да, долго. Я ужъ боялась, не свалились ли вы съ поѣзда, долго очень...

Дунечка не расположена откровенничать. Лицо ея, когда она крѣпко задумается, всегда странное дѣлается,—тревожное и недовольное. Видно, что ей хочется сбросить это съ себя, какъ можно скорѣе.

Юлія Николаевна тоже поднялась — потянулась... мучительно зѣвнула. Внутри все точно горитъ отъ наростающей усталости... Кажется, что совсѣмъ больше не спишь, хоть и видятся тягостные, взволнованные сны. . Охъ, хоть бы денекъ одинъ остановки!

Она вынула изъ сака флаконъ съ одеколономъ, смочила себѣ виски и руки и молча протянула его сосѣдкѣ.

Дунечка только качнула мрачно головой.

— Ну, кажется, и вы, наконецъ, усталость почувствовали? У меня живого мѣста не осталось... Никогда это не кончится! Такъ и будетъ вѣчно толочь насъ въ деревянной ступѣ... Не думала я, что такая мука. Въ ребрахъ боль—вздохнуть нельзя. Тутъ и въ цѣлый мѣсяцъ не отдышишься. А вамъ то еще даль какую тащиться!

— Мнѣ ничего. Нигдѣ не болитъ. Только голова, должно быть, глупая стала, пробурчала Дунечка сквозь зубы.

Въ слѣдующую остановку Дунечка въ первый разъ еще не вышла изъ вагона. Осталась сидѣть, не поворачиваясь къ окну, какъ будто и не замѣтила, что подъѣхали къ станціи.

Дверь хлопаетъ каждую минуту. Ходятъ взадъ и впередъ, холоду напустили...—вотъ несносно! Она, и не оборачиваясь, все-таки видитъ, какъ Семенъ Никаноровичъ нѣсколько разъ прошелъ подъ окномъ. Глядитъ на нихъ...

Вдругъ Юлинька кивнула ему головой.

— Да вы никакъ его сюда позвали?—встрепенулась испуганно Дунечка.

А въ отвѣтъ ей Семенъ Никаноровичъ уже входитъ въ вагонъ, благодарно улыбаясь, и часто, часто мигая взволнованными глазами.

— Вы зачѣмъ мою Дунечку на тормазѣ заморозили, а?—шутитъ строго Юлія Николаевна.

Дунечка вспыхнула, какъ зарево, прыгнуть готова, чтобы ей ротъ зажать...

— Я и самъ... вѣрьте совѣсти—мѣста себѣ не найду! до того безпокоюсь за нихъ,—заволновался купчикъ.—Отлично теперь чаю горячаго съ ромомъ, Авдотья Ивановна!.. Дозвольте, ради Господа, прислать, я однимъ духомъ!

— Никто васъ не проситъ, успокойтесь пожалуйста. Коли я озябла, такъ сама и знаю, что мнѣ дѣлать,—оборвала грубо Дунечка.

Но голосъ предательски дрогнулъ. Она прижалась лицомъ къ стеклу.

Семенъ Никаноровичъ растерянно топтался на мѣстѣ, громко дышалъ и мялъ въ рукахъ шапку.

— Сколько еще станцій до Иркутска?—спросила учительница, чтобы вывести изъ неловкаго молчанія.

И не поняла, почему и этотъ невинный вопросъ еще пуще прогнѣвалъ Дунечку. Она метнулась отъ окна и уставилась злыми глазами въ страдальческое лицо своего кавалера.

— Вамъ идти пора. Тутъ сейчасъ толкотня начнется — звонокъ...

Купчикъ покорно откланялся въ нѣсколько пріемовъ.

. . . .

— Н-ну? Что же, однако, произошло у васъ? — начала дружески разспрашивать барышня, когда вагонъ пришелъ въ порядокъ, и снова заработала деревянная ступа. — За что вы его, бѣднаго, такъ шугаете, Дунечка?

Дунечка еще немного помаялась, какъ маются характерные дѣти, прежде чѣмъ сдаться чужой волѣ. Наконецъ, созналась все-таки.

...Зарвалась она съ этимъ купчикомъ. Теперь и сама не знаетъ, какъ ей отъ него отдѣлаться... вотъ оно, бездѣлье-то до чего доводитъ! Сроду такихъ глупостей за ней не водилось... Въ дорогѣ въ опасное положеніе сама себя поставила! Вдругъ да ему вздумается ее преслѣдовать... куда податься безъ денегъ въ чужомъ мѣстѣ?

...Онъ—взглянуть вѣдь довольно—совсѣмъ какъ ошалѣлъ! Ничего не разузнавъ, ни въ чемъ не увѣрившись, — женихомъ заговорилъ! И того даже не знаетъ, можетъ быть, она про свои дипломы все наврала. Не показывала вѣдь она ихъ ему! Всему такъ и повѣрилъ по первому слову...

Совсѣмъ расходилась Дунечка. И не разберешь—самолюбіе ли, или другое что въ ней бушуетъ. Обижена она, испугана или тронута такимъ благороднымъ довѣріемъ?

Призадумалась и Юлія Николаевна.

...Случай-то оригинальный ужъ очень. Кто же его знаетъ, на что такой рьяный уралецъ способенъ, ошалѣвъ отъ внезапной страсти!

...Положимъ, подозрительность Дунечкина только наивна — ее ни одинъ мужчина за искательницу приключеній не приметъ, на это глазъ у нихъ безошибочный. И въ томъ, какъ храбрая Дунечка вдругъ перетрусила, сказалась только вся ея чистота и неопытность. Но за всѣмъ тѣмъ—сватовство къ одинокой проѣзжей дѣвушкѣ не могло не казаться подозрительнымъ...

...Вѣдь женихомъ сдѣлаться не трудно... Чего добраго, ему того только и хочется! Время весело провести въ Иркутскѣ. Развѣ и того хуже не случается съ одинокими женщинами? Даль... дичъ... глушь...

Вотъ и сидѣли онѣ теперь обѣ хмурыя, скупыя на слова, переворачивая въ умѣ тревожныя мысли и пряча ихъ, отъ стыда, даже другъ отъ друга... Мелькнула передъ ними специфическая *опасность*, окружающая женскую молодость повсюду, гдѣ только она отважится выйти изъ-подъ охраны, положиться на собственныя силы. И обѣ дѣвушки, такія разныя во всемъ, одинаково ощущали въ эту минуту свое одиночество. Почувствовалось смутное вѣяніе темныхъ угрозъ...

. . . .

Тѣмъ временемъ за окномъ стало совсѣмъ ужъ черно.

Какъ вдругъ онѣ были поражены совершенно неожиданнымъ появленіемъ въ ихъ вагонъ самого виновника всѣхъ этихъ волненій.

Дунечка коротко и ясно постановила до самаго Иркутска носа не высовывать изъ вагона. Но Семенъ Никоноровичъ, никоимъ образомъ не ощущая въ себѣ ничего устрашительнаго,—

напротивъ, исполненный тревоги, смущенія и безпокойства, не простудилась бы его барышня по его милости—могъ ли Семенъ Никаноровичъ понять истинный смыслъ такой внезапной перемѣны въ ея обращеніи?..

«Нахолодалась... распростудилась... расхворалась», носилось въ его смятенномъ воображаніи.

Тому, какъ Дунечка отшучивалась отъ его любовныхъ признаній, онъ не придавалъ никакого значенія. Обыкновенное дѣло, дѣвица должна себя повести достойно, не обрадоваться же ей сразу незнакомому человѣку.

Дунечка пусть свою линію ведетъ—онъ отъ того не терялъ еще надежды покорить ее своимъ безкорыстіемъ. Дѣвица все равно замужъ должна выйти, а чѣмъ же онъ, помилуйте, не партія для такой новомодной невѣсты, коли у нея всего и за душой что одни какіе-то дипломы.

На этотъ разъ Дунечка приняла его не такъ грубо, какъ давеча. Она какъ-то безпомощно притихла, предоставляя подругѣ вести разговоръ.

А Юлія Николаевна сразу повеселѣла, какъ только взглянула въ напряженно-робкое лицо злополучнаго жениха. Экъ, занеслись онѣ куда съ Дунечкой! Вотъ, ужъ именно-то у страха глаза велики!

Купчикъ, убѣдившись, что, пока что, все слава Богу благополучно, скромно удалился.

Дѣвушки устроились на ночь привычнымъ уже способомъ, какъ онѣ устраиваются каждый вечеръ, повторяя съ точностью всѣ малѣйшіе пріемы; однако имъ не спалось. Юлія Николаевна попробовала осторожно позондировать почву.

...Право, этотъ купчикъ славный малый, повидимому. И предстоитъ ему, пожалуй, не весело расплачиваться за ея мимолетное развлеченіе... Что объ этомъ думаетъ Дунечка?

— Не было печали заботиться!—буркнула она сердито.—Вѣрьте вы имъ больше. Небось, у самого цѣлая семейка гдѣ-нибудь припрятана, а прикидывается смирненькимъ. Безобразники всѣ они.

— Ай-ай упрямица какая! Сама же кругомъ виновата, а на него не знаетъ ужъ что и взвести... Хорошо это развѣ?

Дунечка завозилась на скамейкѣ.

— Безъ васъ знаю, что скверно, да вовсе не объ немъ забота.

Еще разъ Юлія Николаевна почувствовала все коренное различіе ихъ психологій. Ничего отъ человѣка не видала Дунечка кромѣ хорошаго, но и не сомнѣвается въ своемъ правѣ вовсе не считаться съ нимъ: влюбился такъ влюбился—твое дѣло, самъ не будь плохъ. Странное какое-то безсердечіе!

«Очень ужъ на *насъ* не похоже. Изъ насъ каждая на ея

мѣстѣ давно угрызалась бы и считала своей обязанностью *няньчиться* и лечить отъ любви—раздумывала барышня:—но вѣдь вылечить-то несомнѣнно гораздо вѣрнѣе именно такая, ничѣмъ не прикрашенная трезвость!»

...А ей все-таки было не по себѣ. Оголенность какая-то безотрадная...

А Дунечка лежала, хмуро глядя въ круглую дыру вентилятора на потолкѣ, и дѣйствительно думала все время только о себѣ. Сама съ собой помириться никакъ не могла за все это легкомысліе.

— Знаете что, Юлинька?—заговорила она вдругъ, приподнимаясь на локтѣ отъ внезапнаго оживленія:—Я теперь поняла, откуда это взялось, что барыни только объ одной любви и думаютъ! Даже встрѣтиться просто съ чужимъ мужчиной для нихъ нельзя. Одно ухаживаніе. А коли нѣтъ этого, тогда скука.

Она злорадно засмѣялась и легла опять на подушку.

— Будто ужъ всѣ женщины объ любви думаютъ, что вы это!

— Всѣ, всѣ! Которыя ничего другого не задумали. Это-то я и хочу сказать. Вотъ и я!.. Всего второй мѣсяцъ, какъ руки сложила, и ужъ готово дѣло! Романъ въ вагонѣ, гадость этакая! Небось прежде, когда зубрила да дежурила, да на массажъ бѣгала, да еще и обшивать себя должна была, тогда, небось, и настоящая любовь меня одолѣть не могла. Думаете, не хотѣлось мнѣ все кинуть да за моимъ бѣдненькимъ студентомъ на край свѣта броситься? Не хотѣлось?

...Такъ вотъ оно что!—встрепенулась обрадованно ея собесѣдница.—Пожалуй, она его и до сихъ поръ любитъ? Какъ это я сразу же не догадалась.

А Дунечка точно на эту ея мысль отвѣтила:

— Нѣтъ ужъ... Коли я тогда для него своего дѣла не бросила... Вотъ я вамъ что скажу: не нужно, чтобы одинъ человѣкъ для другого всю свою жизнь перепортилъ, все равно изъ этого толку никакого не выйдетъ... пожалѣетъ когда-нибудь! Я и тогда знала, что пожалѣю, оттого и не сдѣлала. И онъ зналъ. И не звалъ даже. Какъ будто трудно отказаться отъ всего на свѣтѣ, когда влюблена! А какъ помѣшать этому потомъ вернуться, вотъ чего люди не помнятъ ..

«Не надо, надо, не надо», подхватилъ кто-то тамъ, за тонкой деревянной стѣнкой и выбивалъ безъ конца сухимъ мелкимъ стукомъ: «Не надо, надо, не надо»...

Тяжелая желѣзная волна съ грохотомъ прокатилась подъ поѣздомъ и встряхнула темную головку на красной подушкѣ.

Дунечка вздохнула. Что-то и къ ней тоска подкрадывается.

— Еще Богъ одинъ знаетъ, что меня тамъ ждетъ, въ Портъ-

Артурѣ этомъ!.. Хочу то я въ Америку попасть... а какъ бы вмѣсто того въ какіе-нибудь китайскіе безпорядки не угодить.

— Ну, вотъ и выходите-ка лучше замужъ за этого купчика! А дѣло ваше всегда при васъ будетъ.

— Вспомнили! Да что это моя барышня больно нынче его расхваливаетъ?.. Ужъ самой ей Сенечка не приглянулся ли?..

— Какія глупости!

— Ха, ха, ха, ха!..

— Господи, воля твоя... спать людямъ не даютъ до какого часа... Полуночницы! —крикнулъ вдругъ сердитый старческій голосъ съ середины вагона.

— За день не настрекочутся... какой ужъ тутъ сонъ!.. охъ-хо-хо... Помяни господи царя Давида...

Дѣвушки переглянулись и опять расхохотались въ подушки.

Вокругъ опять сейчасъ же воцарился сонъ. Усталый и оттого такой тяжелый сонъ придавилъ всѣхъ въ этой трясущейся клѣткѣ съ каждымъ днемъ все усталѣе и тяжелѣе. Вздыхаютъ, охаютъ, храпятъ, бормочутъ и тяжело ворочаются на деревянныхъ доскахъ люди раздавленные усталостью, одурѣвшіе отъ непрерывной тряски.

. . . .

— Спите?..

— И не начинала!..

— Тсс... говорите шопотомъ. Дунечка, вотъ что... Хотѣлось бы вамъ еще разъ полюбить кого-нибудь?..

— Что вздумала!.. Да съ какой стати?..

— Такъ не хотите?..

. . . .

— Братцы!.. держи его, держи!.. Братцы!.. помоги-и-те!..

— Гдѣ?.. что такое?!.

— Кто кричитъ?!.

— Господи, твоя воля... гдѣ?.

— Спите, спите себѣ... ничего!.. Мальчонка во снѣ крикнулъ... Привидилось... Спите съ Богомъ! урезонивалъ старческій голосъ.

Мальчикъ плакалъ. Кто-то его бранилъ сердито...

Съ фонаря отдернули занавѣску. Неряшливая картина человѣческихъ тѣлъ, кое-какъ распростертыхъ на доскахъ въ грудахъ тряпья и ситцевыхъ подушекъ, все, что было затушовано таинственно полумракомъ, теперь рисовалось во всемъ своемъ уродствѣ.

Мчитъ человѣческія тѣла, стуча и содрогаясь, тѣсная клѣтка, проносясь ежесекундно надъ смертельной опасностью...

. . . .

— Такъ, значитъ, вы не хотите?.. Дунечка?—продолжаетъ спрашивать задумчиво тихій голосъ.

— Не знаю сама...—шепчетъ въ недоумѣніи Дунечка.—Хо-

рошо коли любить во всю жизнь только одного!.. Ужъ тогда все равно, хорошо придется или худо... Все равно какъ судьба.

— Ну, да. Вы хоть разузнали бы, живъ ли тотъ студентъ... Какъ это вы можете, право!..

Дунечка не откликнулась.

...Это она правду сказала: надо, чтобы времени не оставалось томиться—говоритъ себѣ строго Юлинька:—Ну, никого, такъ никого. Не надолго вѣдь... Одна простуда покрѣпче и finita la comedia. Такъ не все ли равно?

...Все равно совсѣмъ хорошо никогда не могло бы быть. Никогда... Надо душу здоровую, какъ у этой завоевательницы... Ну и значитъ все равно. Уйти въ самую глушь, гдѣ вся эта мучительная нескладица жизни проносится гдѣ-то поверхъ тебя, не задѣвая.

...А вдругъ дотащишься, да и разболѣешься серьезно?.. Бррр... Нѣтъ, вздоръ! Пройдетъ... Пустяки это. Грудь болитъ отъ тряски. Расколотило всю.

...Боже мой, что за блаженство—пріѣхать! Ну, вотъ и испытаешь блаженство... Спина перестанетъ болѣть.

Мысль вяло, но все-таки напряженно кружится на одномъ мѣстѣ, точно на привязи... А позади все сливается въ безформенное тусклое пятно.

...Кажется тамъ ничего и не было, кромѣ мучительнаго метанья отъ одного къ другому...

Вспыхиваютъ и погасаютъ надежды...

...Какъ спичками чиркаютъ, освѣщая темноту. И кидаютъ... Въ мгновенныхъ вспышкахъ совершается движеніе. Потухшія спички больше не нужны.

...Еслибъ можно было безстрастно созерцать, и только. Измученный путникъ сбросилъ на землю опустошенную котомку и любуется издали на прекрасный, богатый городъ. Жить въ этомъ городѣ ему не придется, онъ даже и не войдетъ въ него. Но хорошо любоваться съ горы, издали слушать мощный гулъ жизни.

...Тамъ, можетъ быть... въ пустыняхъ, впервые заселяемыхъ человѣкомъ, не тамъ ли и есть эта гора, откуда возможно только созерцать?.. И ничего для себя не желать.

Дунечка сладко спала.

. . . .

На утро Дунечка совершенно измѣнила свою тактику; она опять начала выходить изъ вагона на всѣхъ станціяхъ.

Юлія Николаевна оставалась лежать подъ шотландскимъ пледомъ среди общаго дѣлового оживленія, какое настаетъ въ вагонахъ въ послѣдніе часы длиннаго пути.

Люди встряхнулись, собрали остатки силъ и рвутся нетерпѣливо впередъ всѣми своими помышленіями. Одни наскоро ра-

спрашиваютъ, другіе особенно дружелюбно дѣлятся своими свѣдѣніями. Рѣчистый монахъ, всю дорогу игравшій въ вагонѣ первую роль и собиравшій цѣлый клубъ въ своемъ углу, теперь былъ совсѣмъ забытъ. Его витіеватыя рѣчи слишкомъ далеки отъ насущныхъ требованій минуты; мистическіе разсказы, волновавшіе досужную душу, въ эту минуту совершенно безполезны передъ чисто практическими затрудненіями, встающими въ той или иной формѣ для каждаго третьеклассснаго пассажира.

А въ некурящемъ отдѣленіи изъ старыхъ пассажировъ подъ Иркутскомъ оставались только Семенъ Никаноровичъ да старая гувернантка.

Старушка сидѣла уже совсѣмъ одѣтая и обложенная аккуратно завязаннымъ багажомъ. Весь путь привычная наблюдательница была развлечена дорожнымъ романомъ, разыгравшимся между ея бывшей сосѣдкой и пріятнымъ молодымъ человѣкомъ, котораго они съ толстой помѣщицей такъ напрасно старались предостеречь во-время отъ ея коварства; но въ эти послѣднія минуты ничто не могло уже отвлечь отъ собственныхъ печальныхъ заботъ.

Она не выпускала изъ рукъ носового платка, скатаннаго въ трубочку, чтобы незамѣтно обмахивать имъ сочившіяся изъ глазъ слезы... Не обильныя и горячія слезы молодого протеста, всегда облегчающія душу, а нѣмыя и безсильныя жалобы усталости, передъ новой тягостной задачей...

Старушка тихонько вытирала маленькія холодныя слезинки и твердила мысленно имена своихъ будущихъ питомцевъ...

Дунечка побѣгала на станціяхъ и, повидимому, вызнала все, что ей было нужно знать. Въ вагонъ она возвращалась молчаливая и озабоченная...

Юлинька, больная, еле живая, ничего не замѣчала и не разспрашивала. Не до того ей! Она почти и глазъ не открывала всѣ послѣднія станціи. Въ ней только растетъ апатія, по мѣрѣ того, какъ силы уходятъ.

Но вотъ Дунечка вернулась въ вагонъ, солидно усѣлась на свое мѣсто и сама заговорила:

— Слушайте-ка, Юлія Николаевна, что я теперь говорить буду. Будетъ ужъ вамъ спать все, право!

Какимъ-то особеннымъ тономъ сказала—пригнулась вся къ ней, точно не надо, чтобъ ихъ другіе слышали.

Учительница невольно встрепенулась отъ своей лихорадочной дремоты.

— Не очень вѣдь вамъ, я думаю, въ иркутскую-то больницу лечь охота? а?

Отъ Дунечки еще вѣяло морозомъ. Щеки пылаютъ, глаза блестятъ. Удивительное дѣло! Точно вчера сѣла въ поѣздъ.

Юлія Николаевна поднялась съ подушки. Она чувствовала въ

этой шуткѣ что то серьезное, что необходимо сейчасъ разсудить... Но было такъ мучительно трудно собрать мысли... Что она выдумываетъ въ послѣднюю минуту! Мучительница.

Долго она не могла усвоить себѣ хорошенько, что же толкуетъ Дунечка. Несообразное... невѣроятное... Зачѣмъ?

...Вмѣстѣ съ нею собирается въ Большой Логъ свернуть... что за вздоръ такой!? Большой Логъ — когда она ѣдетъ въ Портъ-Артуръ! Отдыхать? Кто же повѣритъ ей, съ такимъ лицомъ?

— Не шутите теперь со мной, Дунечка. Я не могу! — взмолилась она жалобно.

Дунечка начала раздражаться.

...Ну какое же тутъ диво такое, что ужъ и понять нельзя? Никто вѣдь не командировалъ ее въ Партъ-Артуръ, и мѣста готоваго для нея тамъ не припасено пока.

— Сейчасъ только вы это открыли, должно быть!?—крикнула Юлинька.

— Не открыла, а деньги всѣ растранжирила, коли хотите знать! Чѣмъ въ Иркутскѣ въ конецъ разориться, лучше же я отдохну съ вами хорошенько, да, можетъ быть, еще и подвезетъ заработать сколько-нибудь. Авось и тамъ тоже ребята родятся! Поняли теперь?

Но Юлинька упрямо трясла головою и твердила свое:

— Въ Портъ-Артуръ вчера еще! Сегодня утромъ въ Портъ-Артуръ ѣхала!

— Вотъ и неправда!—зазсмѣялась Дунечка.—Я это вчера ужъ вечеромъ придумала.

— Не врите! Нечего тутъ придумывать, смысла никакого нѣтъ. Это вы изъ-за меня хотите, точно я не понимаю! Меня оставить боитесь.

Дунечка открыто и ясно поглядѣла ей въ глаза.

— Вовсе не для васъ. А разумѣется, я рада, что такъ и вамъ будетъ лучше, вдвоемъ на первое время... Будете моя первая паціентка Сибирская! Не бойтесь, я осторожная. Чего не знаю и соваться не стану. А немножко все-таки знаю.

— Ахъ, милая... Славная...

Юлинька закрыла глаза, чтобы задержать нахлынувшія слезы..

Дунечка развеселилась. Сама не знаетъ, отчего такъ вдругъ показалось жутко остаться одной .. То ли дѣло вдвоемъ-то! Хоть на край свѣта вдвоемъ весело.

До станціи, на которой выходить, оставалось всего два часа. Дунечка живо уложилась за обѣхъ; а барышня отъ неожиданно охватившаго теплаго чувства душевнаго успокоенія, вдругъ уснула глубокимъ сномъ.

Дунечка какъ увидала, что она спитъ, сейчасъ же бросила возню и присѣла тихонько.

Изъ-за шотландскаго плэда бѣлѣетъ осунувшееся лицо. Глаза стали огромные въ темныхъ впадинахъ. Бѣлый лобъ голубѣетъ на на вискахъ, сухія губы болѣзненно сжаты.

...Ну, вотъ и слава Богу. Каково бы это теперь бросить ее въ такомъ состояніи? Возни ей всякой, небось, пропасть цѣлая предстоитъ. Стужа страшная. Ее и изъ избы выпускать нельзя первое время, далъ бы Богъ только добраться безъ большой простуды

«Это я хорошо выдумала... со страху, а хорошо! -- размышляетъ все довольнѣе Дунечка.—Просто сдѣлать для чужого человѣка небось поскупишься, а какъ будто не все равно? Не поспѣю въ Портъ-Артуръ забраться! Вотъ небось, какъ самой-то круто пришлось, тогда живо рѣшилась... По крайней мѣрѣ, отъ той глупости сразу отдѣлалась... Береженаго Богъ бережетъ».

Довольна Дунечка, что «вывернулась», но брови снова хмурятся и вспухаютъ надъ ними некрасивыя подушечки.

. . . .

На N*** станціи Семенъ Никаноровичъ внезапно былъ огорошенъ непонятнымъ зрѣлищемъ: кондукторъ сталъ таскать изъ вагона слишкомъ знакомые ему аккуратные сѣрые тюки и складывалъ ихъ тутъ же на платформѣ, вокругъ желѣзной колонки.

Дунечка выносила на тормазъ вещи помельче и подавала ихъ ему.

Семенъ Никаноровичъ бросился разспрашивать.

— Не мѣшайте! Послѣ!..

— Какъ, помилуйте! Что такое случилось? Авдотья Ивановна... Юлія Николаевна!..

Втискался въ дверь навстрѣчу тюкамъ, мѣшаетъ выйти.

— Да что въ самомъ дѣлѣ мѣшаете, глазъ у васъ нѣтъ, что ли?—крикнула Дунечка, краснѣя отъ досады.—Видите—выходимъ, торопиться надо, а вы мѣшаете!

Юлія Николаевна сжалилась и объяснила ему: Авдотьѣ Ивановнѣ вздумалось проводить ее въ Большой Логъ, тамъ отдохнуть нѣсколько дней вмѣсто города

Такъ все просто, резонно, хорошо. Словечка противъ сказать нельзя.

А его лихорадка колотитъ отъ внезапнаго волненія. Въ головѣ такая сумятица пошла—двухъ мыслей не можетъ связать... Что дѣлать-то теперь!?

— Авдотья Ивановна! Авдотья Ивановна!

Звонокъ звенитъ.

— Авдотья Ивановна... не по-божески это! За что такое оскорбленіе человѣку... чѣмъ я такъ провинился противъ васъ?! Кажется, всей душой...

— Господи твоя воля... да отвяжитесь хоть теперь-то! Ни въ чемъ я васъ не виню. съ чего вы это выдумали? Очень даже бла-

годарна за всѣ ваши услуги, желаю вамъ всякаго счастья въ жизни. Прощайте, Семенъ Никаноровичъ!—Что-жъ, и руки подать не хотите?—Всего, всего вамъ хорошаго.

Темные глаза, полные жуткаго грознаго огня, впиваются въ ея лицо.

Дунечка въ смущеніи нагибается къ своимъ тюкамъ.

— Семенъ Никаноровичъ!—зоветъ его учительница.—Когда будете опять въ Иркутскѣ, милости просимъ ко мнѣ въ гости, въ Большой Логъ. Спасибо вамъ большое за ваше вниманіе.

Смотритъ на нее, точно спросонья.

— Благодарю покорно... Сочту за долгъ... Что-жъ, я вѣдь и въ Портъ-Артуръ махну—этимъ вы меня не испугаете, Авдотья Ивановна! Я вѣдь не шутки шутилъ—не на вѣтеръ увѣрялъ.

Хлопаютъ тяжелыя двери... Щелкаютъ засовы... Точно прямо въ грудь ему ударяютъ...

Дунечка улыбается:

— Ну, гдѣ ужъ! Слишкомъ далеко въ Портъ-Артуръ—хлопотать не стоитъ. Счастливаго пути, Семенъ Никаноровичъ!

— Господи, да кабы одно словечко только сказали мнѣ вовремя, рази я и самъ не слѣзъ бы здѣсь?!. Хошь проводилъ бы васъ самъ, по крайности... Провались они совсѣмъ всѣ мои и дѣла... Богъ вамъ судья, Авдотья Ивановна!—кричитъ уплывающій въ морозномъ туманѣ Семенъ Никаноровичъ...

— Уфъ!. Вывернулась!—не очень, однако, беззаботно смѣется Дунечка.—Не даромъ я Иркутска трусила...

— Правда. Умница вы...—похвалила озабоченно Юлія Николаевна.

— Хороша умница! Набѣдила да въ кусты... Кто же его зналъ!..

Дунечка сердито двигала сѣрые тюки.

— Еще что въ голову лѣзетъ: чего добраго... не прискакалъ бы завтра слѣдомъ въ Большой Логъ?.. Вотъ исторія! И зачѣмъ вамъ нужно было приглашать его...

— Изъ-за васъ же пожалѣла бѣднягу. Распинался всю дорогу... Ну, не бѣда, довольно вамъ трусить! Доѣдетъ въ Иркутскъ и въ ту же минуту купцомъ обернется вашъ Сенечка. Такъ отъ бездѣлья только дурятъ.

Дунечка вздохнула съ облегченіемъ.

— Правда... Не сунется, коли не вовсе дуракъ. Авось разсудитъ по умному... Фу, надоѣло какъ! Пора, пора...

Да! пора къ своимъ дѣламъ! Къ маленькимъ, невзрачнымъ и затруднительнымъ дѣламъ одинокихъ женщинъ съ тощими карманами. Э-э-э... все не бѣда! Пусть только минуютъ ихъ непрошенные услужливые благодѣтели.

Дунечка распоряжалась:

— Ступайте вы теперь въ буфетъ, кофейку намъ спросите. А я пойду лошадей рядить.

— Съ какой же стати вы одна... Вмѣстѣ и пойдемте,—сопротивлялась барышня.

Но Дунечка не пустила. Не у чего тутъ двоимъ хлопотать, мерзнуть только зря...

— Ваше одно дѣло: Боже васъ сохрани, простудиться у меня не смѣйте! Я все за васъ сдѣлаю.

Однако, не успѣли еще подать кофе, какъ Дунечка уже разыскала ее, красная и озабоченная.

— Слушайте-ка, вотъ еще сюрпризъ! Не совѣтуютъ намъ теперь ѣхать въ Логъ—поздно.

— Какъ поздно?.. Что за вздоръ!

— Черезъ часъ темнѣть начнетъ. Говорятъ, здѣсь надо переночевать, завра съ утра выѣхать.

— Пятнадцать-то верстъ?.. Что вы ихъ слушаете!

— То-то не пятнадцать, а тридцать двѣ версты. Да все время лѣсомъ ѣхать.

— Не можетъ быть! Мнѣ же писали, что пятнадцать верстъ.

— Смѣшная вы... учить мы ихъ, что ли, будемъ? Когда говорятъ, что тридцать...

— Да какъ же писали?..

— Почемъ же я знаю! Схожу къ начальнику станціи, что-нибудь посовѣтуетъ...

Юлія Николаевна раскашлялась отъ волненія.

— Постойте... погодите! Боже мой... какъ же теперь?.. вотъ еще недоставало!..

Но Дунечка отъ ея волненія только скорѣе успокоилась.

— Да что за бѣда такая? Чего вы тутъ испугались? Заночуемъ гдѣ-нибудь, за деньги вездѣ пустятъ... Вдвоемъ не страшно. Разумѣется, лучше выѣхать съ утра... Что и тамъ-то вечеромъ сдѣлаешь!.. А я схожу, поговорю все-таки.

Сложила на скамейкѣ около нея свой сѣрый платокъ и ручной мѣшокъ и налегкѣ отправилась за справками. Юлія Николаевна взволнованно смотрѣла ей вслѣдъ...

...Со своей дороги среди пути свернула... зачѣмъ ей Большой Логъ? Въ Иркутскѣ оставаться не хотѣла, такъ могла бы дальше ѣхать. Денегъ грошъ... все ни по чемъ!..

...Цѣль одна—и оглядываться ей не на что. Гнета на душѣ никакого... На крылечкѣ стоитъ яснымъ утречкомъ, выбираетъ, по какой ей дорожкѣ побѣжать.

...Счастливица!

Ольга Шапиръ.

НА КРАЙНІЙ СѢВЕРЪ.

(Въ Русской полярной экспедиціи барона Э. В. Толля).

ЧАСТЬ 2-я.

*(Продолженіе *).*

I.

Задачи русской полярной экспедиціи.—Перемѣна первоначальнаго плана.—Общій видъ мѣста послѣдней зимовки экспедиціи: лагуна Нерпалахъ, постройки на косѣ.—Судно.—Судовая жизнь.—Каютъ-компанія и нижняя палуба.—Инородцы.—Порядокъ дня.—Дежурства и вахты.—Собаки; враждебные лагери; неблагородство псовъ; аборигены „Зари".—„Грозный". — Отъѣздъ А. А. Бялыницкаго—Бирули.—Баня.—Медицинскій осмотръ.—Мои обязанности.—Somateria spectabilis.—Погода.—Геологическія прогулки.—Кочевники тундры.—Охотничьи экскурсіи.—Почта.

По первоначальному плану русская полярная экспедиція, послѣ зимовки на восточномъ Таймырѣ, должна была прослѣдовать далѣе на востокъ и остановиться для второй зимовки у предполагаемой земли Санникова **). Кромѣ географическихъ задачъ, цѣлью экспедиціи было по возможности всестороннее изслѣдованіе природы и климата полярныхъ странъ. По этому плану послѣ второй зимовки экспедиціи предстояло пройти черезъ Беринговъ проливъ. Изслѣдованіе морской—по преимуществу глубоководной—фауны части Ледовитаго океана, соприкасающейся съ Великимъ океаномъ, и сѣверныхъ водъ этого послѣдняго, а также и гидрографическихъ свойствъ упомянутыхъ морей, составляло одну изъ важныхъ задачъ экспедиціи.

Но, какъ показалъ опытъ прошлаго, исходъ полярныхъ экспедицій почти никогда не соотвѣтствуетъ первоначальному плану. При ничтожныхъ средствахъ, которыми располагаетъ человѣкъ въ борьбѣ съ природой крайняго сѣвера, послѣдняя въ большинствѣ случаевъ остается побѣдительницей. Хотя иногда, благодаря благосклонному вмѣшательству стихій, и открываются неожиданно цѣлые архипелаги

---

*) См. „Міръ Божій", № 1, январь 1904 г.

**) Еще спутникъ Геденштрома, мѣщанинъ Санниковъ, видѣлъ въ 1810 г. на сѣверо-востокѣ отъ острова Котельнаго высокія скалы, которыя, по его оцѣнкѣ, находились верстахъ въ 70-ти отъ сѣвернаго берега острова. То же видѣлъ впослѣдствіи баронъ Толль.

острововъ (земля Франца-Іосифа, открытая въ 1872 г. австрійской экспедиціей Вильчека-Пайера на суднѣ «Tegetthoff»), но бываетъ и такъ, что отторгнатая отъ судна часть состава экспедиціи носится болѣе полгода по морю на льдинѣ (американская экспедиція Hall'я на суднѣ «Polaris») или—вынужденная покинуть разбитое судно—тащится среди льдовъ на шлюпкахъ, чтобы погибнуть на негостеріимномъ берегу (De-Long).

«Зарѣ»—судну русской полярной экспедиціи—пришлось зимовать не на Восточномъ, а на Западномъ Таймырѣ, сравнительно болѣе изслѣдованномъ. Отсюда былъ откомандированъ начальникомъ экспедиціи командиръ судна лейтенантъ Н. Н. Коломейцевъ, на мѣсто котораго назначенъ лейтенантъ Ф. А. Матисенъ.

Во время навигаціи слѣдующаго 1901 года «Заря» достигла острова Беннета, но Санниковой земли, не смотря на сравнительно свободное ото льда море, не нашла. Весьма вѣроятно, что это былъ одинъ изъ тѣхъ миражей, которые неоднократно вводили въ заблужденіе полярныхъ путешественниковъ.

Такъ какъ зимовка у Беннетта, при отсутствіи подходящей бухты, представляла большія затрудненія, а кромѣ того на Котельномъ островѣ работалъ вспомогательный отрядъ экспедиціи подъ начальствомъ К. А. Воллосовича, то «Заря» пошла туда и нашла въ лагунѣ Нерпалахъ хорошую гавань.

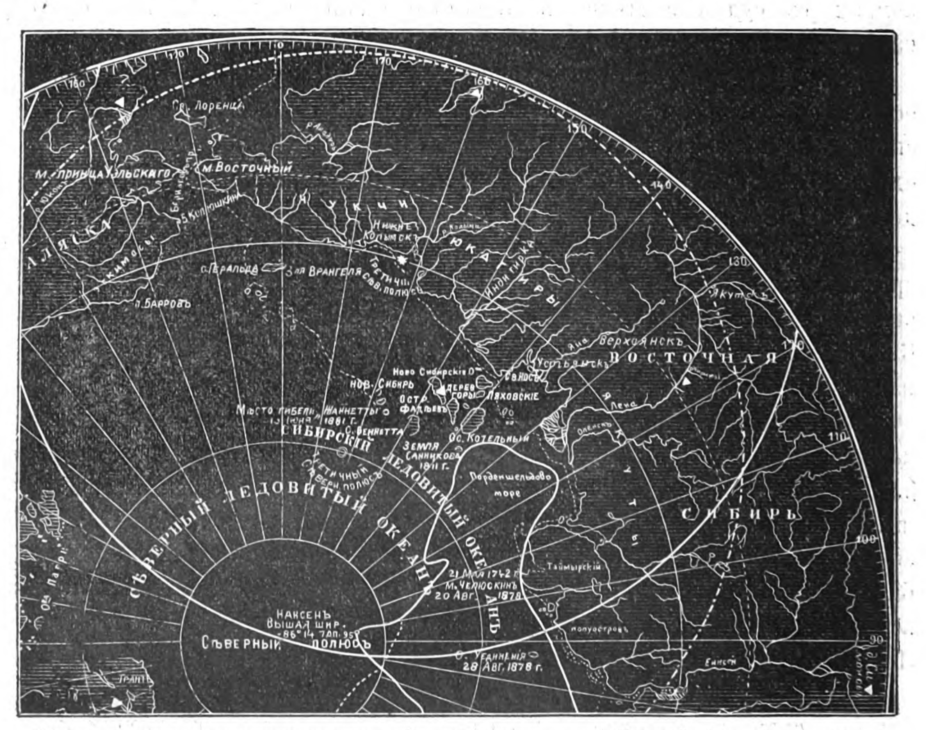
На основаніи свѣдѣній о количествѣ каменнаго угля на суднѣ начальникъ экспедиціи пришелъ къ заключенію, что угля не хватитъ для плаванія черезъ Беринговъ проливъ, а потому рѣшилъ перемѣнить планъ экспедиціи. По новому плану зоологъ экспедиціи А. А. Бялыницкій-Бируля долженъ былъ отправиться на Новую Сибирь для біологическихъ и геологическихъ работъ, а самъ баронъ Толль съ астрономомъ Ф. Г. Зебергомъ—на островъ Беннетта, открытый Де-Лонгомъ и почти не изслѣдованный.

Когда я пріѣхалъ на судно, А. А. Бялыницкій-Бируля уже оканчивалъ свои приготовленія къ отъѣзду. Кругомъ былъ зимній пейзажъ. Не совсѣмъ еще откопанная изъ снѣга шхуна «Заря» издали красовалась своими стройными мачтами. Она стояла, плотно вмерзшая въ ледъ, неподалеку отъ входа въ лагуну Нерпалахъ, узкія косы которой, отдѣленныя одна отъ другой проливомъ всего шаговъ въ 100 шириной, сливались съ моремъ подъ общимъ снѣжнымъ покровомъ. На одной изъ косъ, именно на западной, словно затерявшійся въ далекой сѣверной глуши хуторокъ, выдѣлялись экспедиціонныя постройки: поварня К. А. Воллосовича, магнитный домъ, метеорологическая станція; поближе къ проливу, почти у самаго конца косы,—баня. Нѣсколько знаковъ—столбовъ стояло на берегахъ лагуны.

«Заря»—пріобрѣтенная въ Норвегіи китобойная шхуна—до своего новаго крещенія носила имя «Harald». Приспособленіе ея для надобно-

стей экспедиціи состояло, главнымъ образомъ, въ перестройкѣ жилыхъ помѣщеній.

Экипажъ судна состоялъ изъ начальника экспедиціи, двухъ офицеровъ, двухъ ученыхъ, врача и 12-ти человѣкъ команды. Въ носовой части судна, подъ рубкой и командирскимъ мостикомъ находилась каютъ-компанія, въ которую выходили четыре каюты съ лѣваго и три съ праваго борта. Въ этихъ каютахъ помѣщались: начальникъ экспедиціи баронъ Толль, командиръ «Зари» Ф. А. Матисенъ, я, Ф. Г. Зебергъ, А. А. Бялыницкій-Бируля—рядомъ съ пустой каютой, которую занималъ бывшій командиръ судна лейтенантъ Н. Н. Коломейцевъ и



Карта части сѣвернаго полушарія, гдѣ находятся Ново-Сибирскіе острова.

гдѣ впослѣдствіи помѣщалась часть библіотеки и лейтенантъ А. В. Колчакъ. Наши каютки всѣ были одинаковы. Въ каждой—небольшой столикъ, высокая койка съ ящиками подъ ней, умывальникъ, каждая освѣщалась небольшимъ круглымъ иллюминаторомъ, въ просторѣчіи называемымъ окномъ. Каютъ-компанія—довольно большая комната, въ которую свѣтъ проникалъ сверху—черезъ люкъ со стекляной рамой, поднимавшейся для вентиляціи. По серединѣ каютъ-компаніи стоялъ большой обѣденный столъ; у передней стѣны—піанино, подарокъ Великаго Князя; вблизи піанино—софа. Въ простѣнкахъ между каютами были устроены полки для библіотеки экспедиціи. Портреты—патрона экспедиціи, Великаго Князя Константина Константиновича и

д-ра Нансена, въ широкополой шляпѣ и плащѣ болѣе похожаго на испанскаго гидальго, чѣмъ на полярнаго путешественника,—украшали каютъ-компанію. Черезъ маленкую переднюю каютъ-компанія сообщалась со шканцами (средняя часть судна, около гротъ-мачты). Другая дверь вела въ крошечный корридорчикъ, а оттуда—на бакъ (носовая часть палубы) и на нижнюю палубу, гдѣ помѣщалась команда.

Въ чистомъ и свѣтломъ помѣщеніи нижней палубы вдоль стѣнъ были устроены койки, на которыхъ размѣщались матросы, кромѣ машинной команды: боцманъ Бѣгичевъ, Толстовъ, Желѣзниковъ, Евтихѣевъ, Стрыжовъ, Безбородовъ. Рядомъ находился камбузъ (кухня) съ поворомъ Ѳомой. Небольшія сѣнцы соединяли помѣщеніе команды и камбузъ съ нижнимъ трюмомъ, гдѣ были сложены съѣстные припасы, коллекціи и часть багажа экспедиціи. Люкъ изъ этого трюма, сообщавшагося еще съ ниже его находившимся, выходилъ на шканцы.

Кормовую часть верхней палубы занимала лабораторія. Лабораторія состояла изъ четырехъ комнатъ. Первая — собственно передняя, сообщавшаяся съ отдѣленіемъ трюма, служила для склада коллекцій и т. п. и выходила на корму. Въ слѣдующей лейтенантъ Колчакъ работалъ по гидрологіи, о чемъ свидѣтельствовали глубинные термометры, градуированные цилиндры, приборъ для титрованія соли морской воды etc. Здѣсь же лежали на полкахъ коробки для коллекцій, въ ящикахъ—банки съ коллекціями морской фауны.

Эта комната сообщалась съ двумя остальными. Камни на столѣ въ лабораторіи барона Толля, книги на полкѣ краснорѣчиво говорили о спеціальности хозяина. Тутъ же маленькая каморка для фотографіи, которой занимался лейтенантъ Матисенъ, а отчасти баронъ и А. А. Бялыницкій-Бируля. Послѣдняя комната въ лабораторіи была отведена для зоологическихъ и ботаническихъ работъ. Здѣсь занимался А. А. Бялыницкій-Бируля и мой предшественникъ д-ръ Вальтеръ.

Подъ лабораторіей находилось машинное отдѣленіе съ темнымъ помѣщеніемъ, которое избрала себѣ мѣстомъ жительства машинная команда, предпочитавшая его «нижней палубѣ». Здѣсь помѣщались: машинистъ Огринъ, помощникъ его — Шервинскій, кочегары: Пузыревъ, Носовъ и Клюгъ.

Въ отдѣльномъ помѣщеніи хранился пиронафтъ, который употреблялся для освѣщенія, керосинъ, спиртъ и т. д.

Экспедиція была всесторонне снаряжена, а для измѣренія глубинъ и работъ на большихъ глубинахъ обставлена много богаче нансенской. Къ сожалѣнію, работать на большихъ глубинахъ экспедиціи такъ и не пришлось.

За время стоянки судна у острова Котельнаго экипажъ его увеличился нѣсколькими инородцами, которые въ обычныхъ разговорахъ именовались у насъ якутами, хотя среди нихъ были юкагиры и тунгусы (ламуты?). Такъ какъ они, дѣйствительно, объякутѣли почти до

полной потери своей національности, то въ этомъ отожествленіи ихъ съ якутами и мѣстный элементъ—въ лицѣ Стрыжова — не находилъ большой неправильности. Инородцевъ было шесть человѣкъ. Трое изъ нихъ уѣзжали съ А. А., двое должны были ѣхать съ барономъ.

Однообразно и несложно протекала жизнь на суднѣ. Часовъ съ 7-ми утра «каютъ-компанія» начинала просыпаться. Это былъ часъ метеорологическихъ наблюденій, которыя производились 3 раза въ сутки (раньше были ежечасныя): въ 7 ч. утра, въ 1 ч. пополудни и 9 ч. вечера. Въ наблюденіяхъ участвовала поочередно вся каютъ-компанія, а завѣдующимъ метеорологіей былъ лейтенантъ Матисенъ.

Одинъ за другимъ поднимались члены каютъ-компаніи. Кофейникъ и чайники съ чаемъ и кипяткомъ перемѣщались со стола на керосинку и обратно, пока всѣ встанутъ. Послѣ чая каждый занимался своимъ дѣломъ: баронъ у себя въ лабораторіи; астрономъ Зебергъ или возился на вольномъ воздухѣ съ астрономическими наблюденіями, или тщательно занимался приготовленіями къ далекому путешествію; лейтенантъ Матисенъ, если не былъ занятъ въ лабораторіи фотографіей, пользовался освободившимся въ каютъ-компаніи столомъ для черченія карты. Я или снималъ шкурки съ птицъ, или читалъ, или практиковался, какъ новичокъ, въ ходьбѣ на лыжахъ.

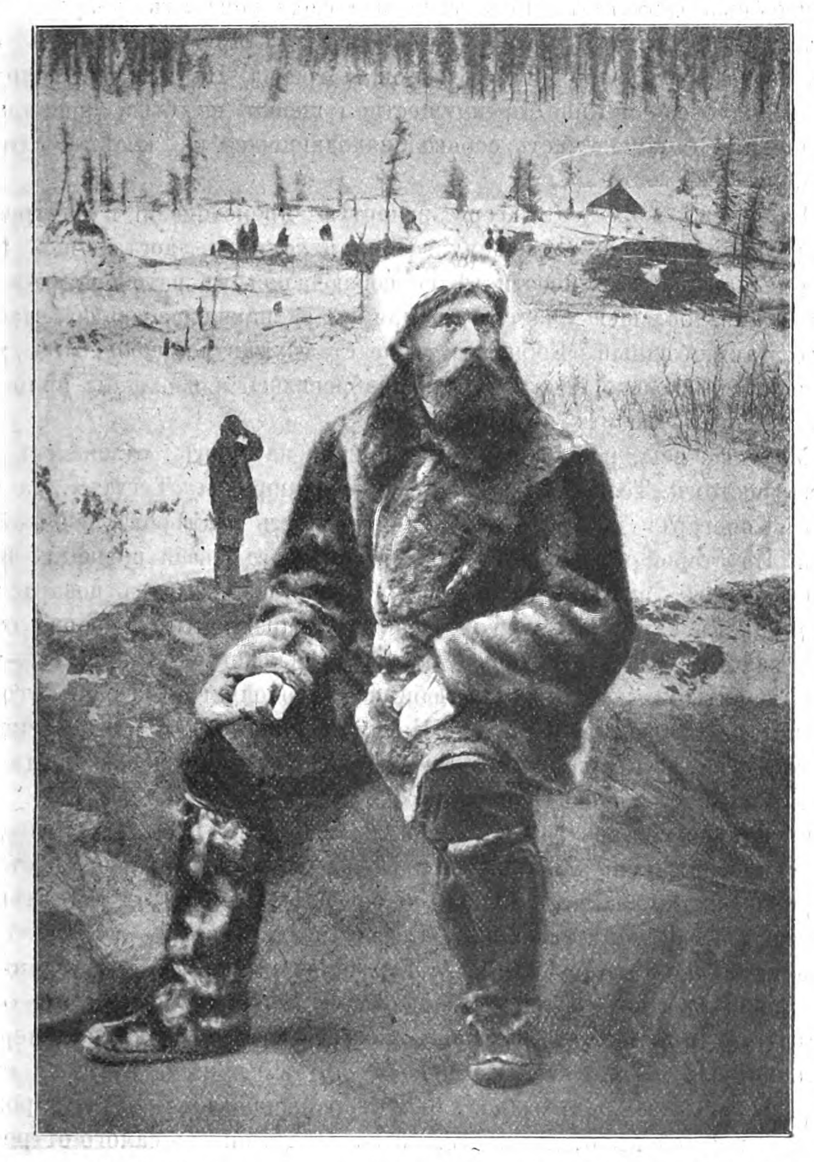
Въ полдень мы снова сходились въ каютъ-компаніи для завтрака. Къ завтраку почти всегда имѣлось мясное блюдо—изъ оленины. За завтракомъ слѣдовалъ чай и пріятная бесѣда. Затѣмъ опять каждый принимался за свою работу—до 3-хъ часовъ, когда въ каютъ-компаніи сервировался five, или, вѣрнѣе, three o'clock tea. Въ 6 часовъ мы обѣдали. Какао и сгущенное молоко для желающихъ находились постоянно подъ обѣденнымъ столомъ.

Изрѣдка послѣ вечерняго чая устраивалось коротенькое музыкальное soirée. Ф. А. Матисенъ сыграетъ что-нибудь изъ Чайковскаго, Шуберта... Иногда заводили грамофонъ, у котораго инструментальные номера выходили недурно. Ф. А. Матисеномъ было записано пѣніе матросовъ «Зари» и наша декламація.

У команды пока было немного работы, и нерѣдко въ часы досуга раздавались съ нижней палубы звуки гармоники или тренканье гитары. Обѣдала команда въ 12 час., а въ 6 час. вечера ужинала.

Всѣ члены каютъ-компаніи поочередно дежурили. Дежурство продолжалось сутки. На обязанности дежурнаго, кромѣ метеорологическихъ наблюденій, лежалъ присмотръ за порядкомъ на суднѣ. Дежурный долженъ былъ наблюдать за уборкой жилыхъ помѣщеній, присутствовать при вечерней молитвѣ на нижней палубѣ, дѣлать обходъ судна въ ночное время въ предупрежденіе пожара, на случай ночной тревоги спать одѣтымъ. Матросы и поваръ несли двухчасовую вахту. На обязанности вахтеннаго лежало бдѣніе и неустанное смотрѣніе. Покажется ли медвѣдь, или стадо оленей на горизонтѣ, произойдетъ

ли вообще что-нибудь экстраординарное, онъ долженъ былъ доложить. По праздникамъ, обыкновенно черезъ воскресенье, на нижней палубѣ совершалось передъ завтракомъ богослуженіе, состоявшее изъ



Баронъ Э. В. Толль по портрету, снятому во время экспедиціи 1893 г.

чтенія и пѣнія молитвъ. За священника былъ лейтенантъ Колчакъ, а въ его отсутствіе—квартирмейстеръ Толстовъ.

Видную роль въ судовой жизни играли собаки. Онѣ были разбиты на два лагеря: часть собакъ, преимущественно молодыя, появившіяся на свѣтъ на суднѣ во время экспедиціи, жили возлѣ «Зари» на льду,

остальныя на косѣ, гдѣ метеорологическая станція и поварня Воллосовича, въ которой поселились инородцы. Между обоими лагерями не существовало даже и вооруженнаго мира, а отношенія носили явно враждебный характеръ. Если туда или сюда попадалъ непрошенный гость изъ противнаго лагеря, его встрѣчалъ дружный лай, а если онъ не спѣшилъ ретироваться, хорошая трепка. На сторонѣ молодого поколѣнія было важное преимущество: щенки не были привязаны, тогда какъ бо́льшая часть собакъ, находившихся на косѣ, были на привязи.

Въ средѣ каждаго лагеря зачастую происходили и внутреннія междоусобія, поводовъ къ чему всегда находилось достаточно. Правила рыцарской вѣжливости рѣдко соблюдались въ ратоборствахъ между псами, большею частью цѣлая орава накидывалась на слабѣйшаго; такъ, бѣдный «Бобка» чуть не сталъ жертвой кроваваго междоусобія: нѣсколько псовъ на него набросилось и плохо бы пришлось бѣднягѣ, если бы ихъ не разогнали.

Молодые псы, родившіеся и выросшіе на суднѣ, отличались малымъ ростомъ. Только каштановые «Мальчикъ» и «Тугутъ», да черный «Кочегаръ» достигли почти нормальныхъ размѣровъ ѣздовой собаки. По старой памяти всѣхъ молодыхъ псовъ звали щенками. Каждый «щенокъ» имѣлъ своего патрона. Такъ, напр., нашъ поваръ, воспитавшій въ камбузѣ глупаго «Кочегара», предпочтительно ему отдавалъ наиболѣе вкусные кухонные остатки. Смышленый «Таймыръ»—черный съ пятнами песъ — былъ любимцемъ покойнаго Носова, который пріучилъ его прыгать на руки. Щенки, вообще, были много ласковѣй къ людямъ, чѣмъ ихъ индигирскіе коллеги, не видавшіе никогда въ жизни ласки отъ своихъ хозяевъ.

Общимъ любимцемъ на суднѣ былъ самоѣдскій песъ «Грозный», часто сопровождавшій меня при ходьбѣ на лыжахъ. Крупный песъ съ остроконечными ушами, темной, неопредѣленнаго цвѣта шерстью и узкими монгольскими глазами, «Грозный» уже попалъ въ печать, но пока анонимно (въ письмѣ А. А. Бялыницкаго-Бирули, напечатанномъ въ «St-Petersburger Zeitung»). Каждый найдетъ, что поразсказать о его подвигахъ. Разскажутъ, какъ онъ таскалъ изъ моря тюленей (нерпъ), какъ воевалъ съ медвѣдями, причемъ чуть не палъ жертвой своей храбрости. Остальныхъ собакъ онъ терроризировалъ, давъ хорошую трепку каждой въ отдѣльности, но впослѣдствіи его самого оттрепала цѣлая собачья коалиція, рѣдкій случай собачьей солидарности: псы довольно туго понимаютъ общность интересовъ. Къ людямъ «Грозный» былъ ласковъ, но не любилъ, чтобы ласкали другихъ собакъ: онъ ревновалъ. Однимъ изъ проявленій его нѣжности бывала попытка лизнуть въ лицо. Страстный охотникъ, «Грозный» неизмѣнно увязывался, если видѣлъ, что кто-нибудь пошелъ съ ружьемъ. Предупреждая репрессіи въ видѣ привязыванія на веревку, онъ умчится впе-

редъ и уже не подбѣжитъ на зовъ. Но стоило только присѣсть и покопаться въ снѣгу, какъ бы что-то отыскивая, какъ онъ мчался со всѣхъ ногъ, начиналъ ожесточенно скрести передними лапами, нюхать и лаять, пока не убѣдится въ обманѣ и снова не умчится впередъ, чобы снова попасться на ту же удочку. При всей своей охотничьей страсти «Грозный» портилъ охоту, благодаря отсутствію чутья и дрессировки. Полезенъ онъ былъ только при охотѣ на медвѣдя.

Первые дни по пріѣздѣ на «Зарю» я отдыхалъ... Сходилъ въ баню. Банька, маленькая и уютная, хотя и не очень комфортабельная, останется надолго однимъ изъ памятниковъ экспедиціи въ безлюдныхъ странахъ. Темный передбанникъ, крошечное оконце въ самой банѣ, досчатый, съ нѣкоторымъ изъяномъ полъ; большія жестянки изъ-подъ консервовъ вмѣсто шаекъ... все же лучше, чѣмъ болѣе просторная баня въ селѣ Казачьемъ, гдѣ ноги мои буквально примерзали къ ледяному полу.

Черезъ четыре дня послѣ моего пріѣзда мы проводили А. А. Бялыницкаго-Бирулю съ промышленниками на Новую Сибирь, а еще черезъ пять дней лейтенантъ Колчакъ отправился въ экскурсію къ Бѣльковскову острову.

По порученію начальника экспедиціи я произвелъ медицинскій осмотръ экипажа «Зари». Всѣ съ понятнымъ любопытствомъ ждали результатовъ осмотра. Большинство, очевидно, не успѣвшее отдохнуть отъ долгой зимней ночи, оказалось блѣдными, нѣкоторые — слегка одутловатыми, но больныхъ не было, если не считать помора Евтихѣева, еще не вполнѣ оправившагося отъ цынги, да повара, страдавшаго въ незначительной степени мышечнымъ ревматизмомъ, а главное—ипохондріей. Освидѣтельствовалъ я и собиравшихся въ далекій трудный путь. Баронъ Толль отъ освидѣтельствованія отказался, увѣряя, что чувствуетъ себя вполнѣ здоровымъ. Ф. Г. Зебергъ оказался здоровымъ.

Хирургическіе инструменты, лѣкарства и перевязочный матеріалъ я нашелъ въ довольно жалкомъ состояніи. Массу бинтовъ мягкой марли пришлось выбросить за бортъ, до того они пропитались сыростью и краской оберточной бумаги. Объ асептикѣ не могло быть и рѣчи, не смотря на асептичность полярной атмосферы. Салициловый натръ въ огромной банкѣ стоялъ на обѣденномъ столѣ и его ѣли, сколько находили нужнымъ. Инструменты заржавѣли... Изъ лѣкарствъ пользовались антипатіей листья наперстянки (folia Digitalis), которые нѣкоторые считали причиной смерти д-ра Вальтера. Симптомы болѣзни его, о которыхъ передавалъ мнѣ баронъ Толль, особенно сильно взволнованный смертью доктора, были слишкомъ недостаточны для посмертнаго діагноза. Повидимому, было какое-то сердечное страданіе, быть можетъ, аневризма аорты.

Покойный докторъ завѣдывалъ хозяйствомъ на суднѣ, работалъ

по орнитологіи и бактеріологіи. Занятія орнитологіей, къ которой я раньше не имѣлъ никакого отношенія, были сопряжены для меня съ нѣкоторыми затрудненіями. Бактеріологію, по недостатку времени и руководствъ, я упразднилъ.

Скоро представился мнѣ случай снимать птичью шкурку. 3-го мая собаки совсѣмъ было поймали самца somateria spectabilis, по мѣстному туркана (видъ гаги: Prachteiderente понѣмецки.) Его спасъ отъ растерзанія матросъ Желѣзниковъ. Красивая птица—въ прелестномъ брачномъ нарядѣ, съ мясистымъ, оранжеваго цвѣта наростомъ на головѣ, съ нѣжно-зелеными, синими и иными перьями, величиной съ домашнюю утку,—турканъ былъ сфотографированъ. Это былъ первый представитель своего вида за лѣто 1902 года. Очевидно, негостепріимный сѣверъ еще не приготовилъ достаточно пищи дли своихъ залетныхъ гостей: птица почти не могла летать, погибая отъ истощенія. Желудокъ ея, по вскрытіи, оказался совершенно пустымъ.

Погода въ концѣ апрѣля и началѣ мая стояла прекрасная. Хотя бывалъ и туманъ, и снѣгъ, но часто небо бывало бирюзовое, безоблачное, воздухъ прозрачности удивительной. Температура поднималась за день до—4° R, опускаясь къ ночи до—10° R.

Баронъ Толль читалъ мнѣ лекціи по геологіи съ демонстраціей на своихъ коллекціяхъ, которыя онъ окончательно упаковывалъ передъ отъѣздомъ. Пользуясь хорошей погодой, мы дѣлали небольшія геологическія прогулки къ Сѣверному мысу—верстахъ въ 7-ми отъ судна. Сначала мы натолкнулись на «нѣмые» слои, но дальше пошли ископаемые остатки: раковины, кажется, девонскаго періода, растенія. Но болѣе интересны остатки третичнаго періода, упоминаемые еще старинными путешественниками и—въ видѣ мамонтовой кости—издавна эксплуатируемые промышленниками. Странно какъ-то представить себѣ, что по этой мерзлой пустынѣ когда-то, рядомъ съ третичнымъ оленемъ, разгуливалъ длинношерстый мамонтъ, ощипывая листья и молодые побѣги ольхи и ивы,—деревьевъ, достигавшихъ порядочныхъ размѣровъ, скитался мускусный быкъ... Дѣла давно минувшихъ дней, зиписанныя на каменныхъ скрижаляхъ великой книги природы. Нынѣ только стада дикихъ оленей тянутся къ сѣверу да перелетныя птицы на время оживляютъ пустынные острова. Граница лѣсовъ лежитъ болѣе, чѣмъ на три градуса южнѣе, чѣмъ въ третичную эпоху, когда она достигала приблизительно 75° с. ш. *).

Очень пріятно было прогуливаться по начавшей уже оживать тундрѣ. Такъ легко дышалось свѣжимъ морознымъ воздухомъ. Тундра кое-гдѣ начинала чернѣть. Бѣлыя куропатки, которыхъ здѣсь два вида,—повидимому, постоянные жители здѣшней тундры: ихъ видѣли на островахъ и зимой. Во время весенняго переселенія

*) Ново-Сибирскіе острова расположены между 73-мъ и 76° с. ш.

оленей онѣ любятъ слѣдовать за стадомъ, пользуясь пищей, выкапываемой изъ-подъ снѣга оленьими копытами, а можетъ быть питаясь и какими-либо оленьими паразитами.

Около 10-го мая на тундрѣ, а преимущественно на скалахъ около моря, появилось немного чаекъ и кайръ (Cephus Mandti),—послѣднія почти исключительно у крутыхъ обрывовъ. Это небольшія водяныя птицы, черныя съ бѣлымъ, съ ярко-красными лапками. Черные гуси (bernicla brenta) потянулись на сѣверъ. Любопытствующая куропатка сѣла на мачту и, спугнутая выстрѣломъ, поспѣшно улетѣла на родную тундру.

Стадо за стадомъ перекочевывали на сѣверъ олени, нерѣдко становясь добычею охотниковъ. А охотники у насъ всѣ страстные. Равнодушныхъ почти не было. Свѣжее мясо не переводилось. Къ сожалѣнію, жертвами нерѣдко являлись вотъ - вотъ готовыя разрѣшиться отъ бремени самки. Съ одного такъ называемаго выпоротка я снялъ его бархатистую шкурку. Эти выпоротковыя шкурки употребляются на сѣверѣ для мелкихъ мѣховыхъ издѣлій, напр., шапокъ.

Я долго не рѣшался одинъ углубляться въ тундру, въ которой не могъ оріентироваться.

Охота далеко не всегда бывала удачной. Нерѣдко охотники, пробродивъ нѣсколько часовъ, возвращались съ пустыми руками. Отправляясь на охоту въ первый разъ, я взялъ съ собою лучшаго изъ стрѣлковъ — Алексѣя. Исходили мы съ нимъ верстъ двадцать, а видѣли только одну куропатку, которая такъ и улетѣла, не дождавшись моего выстрѣла. Несмотря на половину мая, почти вся тундра была покрыта снѣгомъ... Кое-гдѣ снѣгъ стаялъ и на чернѣющей пятнами тундрѣ виднѣлись сухія клочья прошлогодней растительности или мелкіе камни. Идти было тяжело, особенно мѣстами, гдѣ попадался глубокій снѣгъ. Прилегъ отдохнуть,—спина примерзла къ землѣ. Пришелъ на судно усталый и съ волчьимъ аппетитомъ, т.-ч. не наводилъ ни малѣйшей критики на Ѳому.

Вскорѣ я поѣхалъ на собачьей нартѣ съ однимъ изъ нашихъ охотниковъ за убитымъ имъ наканунѣ оленемъ. День былъ облачный, но не туманный. Собаки оказались не на высотѣ призванія и недолго везли насъ рысью.

Сравнительно скоро нашли мы двѣ первыя вѣхи, поставленныя охотникомъ. Здѣсь наше вниманіе привлекло пасшееся верстахъ въ двухъ стадо оленей. Охотничье сердце не выдержало, и мой спутникъ сталъ къ нимъ подкрадываться, а я остался съ каюромъ и сдѣлалъ маленькую рекогносцировку въ другую сторону. Тишину тундры одинъ за другимъ огласили пять выстрѣловъ. Каюръ издали наблюдалъ за результатомъ. Упалъ одинъ олень послѣ перваго выстрѣла, остальные выстрѣлы, направленные въ бѣжавшее стадо, не попали въ цѣль. Убитой оказалась беременная важенка. Быстро,—поперечнымъ разрѣ-

зомъ—содралъ проворный якутъ шкуру съ добычи, быстро выпустилъ внутренности, быстро слопали проголодавшіеся псы рѣдкое лакомство въ видѣ кишекъ, послѣда и пр.

Такъ какъ отъ убитаго ранѣе оленя, который и былъ собственно цѣлью поѣздки, мы вовсе не хотѣли отказываться, то поиски продолжались. Во время этихъ разъѣздовъ по тундрѣ и я два раза имѣлъ случай пропуделять — въ куропатокъ. Хотя онѣ подпускали меня довольно близко, но такъ перепугались выстрѣла, что не имѣли мужества дождаться его повторенія.

У собакъ при видѣ звѣря или птицы являлась необыкновенная прыть: онѣ неслись, сломя голову, впередъ, лая и подвизгивая. Одинъ песъ былъ привязанъ у насъ позади нарты. Когда я направился къ сидѣвшей на тундрѣ парѣ куропатокъ, вся свора рванулась впередъ. Мой спутникъ, не ожидавшій толчка, потерялъ равновѣсіе и упалъ назадъ. Веревка, которой была привязана собака, захлестнулась у него вокругъ шеи, но, къ счастью, разорвалась, а освобожденый песъ, перегоняя меня, пустился къ куропаткамъ съ радостнымъ лаемъ, чѣмъ далъ мнѣ поводъ свалить свою неудачу на его непрошенное вмѣшательство.

Поколесивъ еще по тундрѣ, мы, наконецъ, нашли убитаго наканунѣ оленя. Около трупа было много свѣжихъ песцовыхъ слѣдовъ, но трупъ оленя, къ нашему удивленію, не былъ тронутъ этими мародерами.

Намъ встрѣчалось много оленьихъ стадъ отъ шести до восьми штукъ въ каждомъ, но мы не стрѣляли, т. к. и два оленя представляли достаточный грузъ. Впрочемъ, одинъ разъ мой спутникъ соблазнился. Изъ-за пригорка, когда уже судно было у насъ въ виду, показалась пара вѣтвистыхъ оленьихъ роговъ. Соблазнительно! По всѣмъ правиламъ охотничьяго искусства сталъ онъ подкрадываться къ оленю, а я, въ качествѣ профана, слѣдилъ за его пріемами въ цѣляхъ назиданія. Вдругъ присматривавшійся нѣкоторое время каюръ всталъ на нарту и возгласилъ: «кыл сох!» (оленя нѣтъ!) Я дернулъ его за полу, увѣщевая не мѣшать. Но и охотникъ поднялся на ноги и сдѣлалъ досадливый жестъ рукой. Оказалось, что великолѣпные рога были жалкими остатками давно убитаго или погибшаго естественной смертью животнаго.

Неровная поверхность. Небольшія, но иногда довольно крутыя горки, и собаки чуть не кубаремъ скатывались внизъ. Тихо. Запоетъ гдѣ-то вдали скрытая отъ нашихъ взоровъ пуночка—и опять все смолкнетъ.

Проѣздили мы часовъ восемь, а такъ какъ не захватили ни провизіи, ни табаку, то сильно соскучились о суднѣ. Появились уже съѣдобнаго характера мечтанія... Наконецъ, наступилъ вожделѣнный моментъ. Вкусный разсольникъ и пирожки съ грибами и кашей стояли на столѣ.

Послѣ нѣсколькихъ охотничьихъ неудачъ я сталъ посвящать нѣкоторое время стрѣльбѣ въ цѣль, въ чемъ, однако, преуспѣвалъ гораздо меньше, чѣмъ въ ходьбѣ на лыжахъ. Хорошо было скользить на лыжахъ по твердому снѣгу лагуны, летѣть съ горы или мчаться подъ парусомъ.

11-го мая вернулся съ экскурсіи А. В. Колчакъ. Онъ объѣхалъ кругомъ Бѣльковскій островъ и открылъ вблизи него новый островокъ, названный, по имени его спутника, островомъ Стрыжова.

13-го мая въ нашей жизни случилось великое событіе: пришла почта, которую уже перестали ожидать. Пришла она въ 5 час. утра, когда всѣ спали, кромѣ вахтеннаго. Первымъ проснулся Ф. А. Матисенъ, а услышавъ разговоръ, и я скоро одѣлся и вышелъ въ каютъ-кампанію. Но, увы! писемъ мнѣ не было: вѣроятно, почта вышла изъ Якутска «яко тать въ нощи».

«Новыя» газеты, телеграммы Россійскаго агентства, печатающіяся въ Якутскѣ съ конца 1901 г., вскорѣ послѣ открытія телеграфа; Petermann's Miitheilungen», «Geographical Journal»—и ни одного «толстаго» журнала. Почта пополнила нашу библіотеку количественно, но не качественно. Въ библіотекѣ экспедиціи имѣлась богатѣйшая полярная литература на пяти языкахъ, съ рѣдкими и дорогими экземплярами, много беллетристики — и ничего по исторіи, философіи, соціологіи.

Получилъ я съ почтой маленькую, завернутую въ бумагу посылочку. На бумажкѣ надпись: «Катинъ—Ярцеву отъ ямщика Дмитрія». Развертываю: презентъ въ видѣ подержаннаго уже («прокуреннаго») мундштука изъ мамонтовой кости, выкрашеннаго «для красоты» фуксиномъ или чѣмъ-то вродѣ этого.

Привезшіе почту инородцы,—мой знакомецъ Семенъ и Гаврило, такой же маленькій и невзрачный, но—въ противоположность своему товарищу—съ тупымъ, равнодушнымъ лицомъ,—разбили палатку, или тардохъ (та же ураса) на льду лагуны возлѣ судна и улеглись въ ней спать, предпочитая ее и нижней палубѣ, и поварнѣ. Возлѣ палатки расположились усталыя собаки...

II.

Приготовленія къ путешествію на островъ Беннета.—Сниманіе птичьихъ шкурокъ.—Метеорологическія наблюденія.—Медицинская практика.—Гастрономическія тонкости.—Dolce far niente —Моя каюта.—Полярные миражи.—Ясный день.—Куропаточьи слѣды.—Послѣдняя прогулка.—Бѣлый медвѣдь.—Отъѣздъ лейтенанта Колчака.—Инструкція начальника экспедиціи.—Отъѣздъ барона Э. В. Толля и Ф. Г. Зеберга.

Еще до моего пріѣзда начались приготовленія Э. В. Толля и Ф. Г. Зеберга къ поѣздкѣ въ «Америку», какъ шутя назвалъ баронъ въ разговорѣ съ промышленниками открытые американцами острова Беннета.

Отъѣзжавшимъ предстояло прежде всего ликвидировать текущія дѣла: упаковать геологическія коллекціи, оставить инструкціи, закончить и сдать командиру судна письма и телеграммы, кончить астрономическія наблюденія и выкладки.

Скоро начались и активныя приготовленія къ путешествію. Пускаясь въ такое рискованное предпріятіе, слѣдовало все предусмотрѣть и, не обременяя себя лишнимъ грузомъ, не забыть ничего необходимаго. Изъ пищевыхъ продуктовъ предпочтеніе отдавалось, разумѣется, такимъ, въ которыхъ при наименьшемъ вѣсѣ было больше питательности. Въ списокъ вошли: пеммиканъ (мясной порошокъ), бульонъ въ плиткахъ, шоколадъ, мясной шоколадъ, сгущенное молоко, датское масло, сухари въ видѣ галетъ и т. д. По составленному заранѣе списку я выдавалъ Ф. Г. Зебергу провизію вмѣстѣ съ лейтенантомъ Колчакомъ, завѣдывавшимъ продовольствіемъ послѣ смерти д-ра Вальтера до моего пріѣзда. Начался сборъ инструментовъ (анероидъ, термометры, астрономическіе инструменты), оснащиванье байдарокъ, или каноэ *). Заготовлялись нарты съ нейзильберными полозьями, которыя въ теплое время года легче на ходу, чѣмъ съ деревянными. Нарты при переправахъ черезъ полыньи должны были служить скрѣпленіемъ между байдарками, которыя баронъ предполагалъ для большей устойчивости связывать вмѣстѣ. Былъ приготовленъ и общій парусъ для байдарокъ. При путешествіи на собакахъ поставленныя на нарты байдарки могли служить вмѣстилищемъ багажа. Въ лабораторіи, въ трюмѣ, возлѣ судна на льду кипѣла работа. «Заря» представляла изъ себя самоудовлетворяющуюся трудовую ячейку. Портняжное, сапожное, слесарное, кузнечное, плотничье, столярное и иныя ремесла имѣли здѣсь иногда очень искусныхъ представителей.

Баронъ, очень заботившійся о томъ, чтобы не было лишняго груза, просилъ составить ему самую крошечную дорожную аптечку. Составилъ я на дорогу коротенькое наставленіе о пользованіи вывиховъ и переломовъ, относительно чего устно далъ болѣе подробныя разъясненія.

По плану барона Толля взятой съ собой провизіи должно было хватить до Беннета, отчасти на продовольствіе тамъ и на обратный путь, если бы судну не удалось подойти къ Беннету. Тюлени, моржи, бѣлые медвѣди и птицы должны были обезпечить существованіе путеше-

---

*) Взятыя въ экспедицію байдарки—небольшія просмоленныя лодки, закрытыя сверху просмоленной матеріей съ однимъ или двумя круглыми отверстіями для гребцовъ. Весла у нихъ—двухлопастныя. Одномѣстныя байдарки вѣсили 50 фунт., двухмѣстныя—90 фунт. Эти байдарки, обладая всѣми достоинствами Нансенскихъ, тоже имѣвшихся на „Зарѣ“, представляли даже преимущества: были не такъ вертки. Главный недостатокъ ихъ—низкій носъ, благодаря чему носомъ байдаркы зарывалась въ волнѣ, что нѣсколько замедляетъ передвиженіе.

ственниковъ на мѣстѣ, а депо провіанта на островахъ (см. 1-ю часть)— обратный путь.

Готовившіеся къ отъѣзду инородцы-промышленники, безстрашные въ скитаніяхъ по родной тундрѣ, въ столкновеніяхъ съ медвѣдемъ, искусные и опытные охотники, робѣли передъ страннымъ для нихъ путешествіемъ. Дикарь, по всей организаціи своей болѣе приспособленный къ жизни среди дикой природы, съ болѣе всестороннимъ развитіемъ органовъ чувствъ, достигающимъ поразительной остроты, пасуетъ передъ культурнымъ человѣкомъ въ новой для обоихъ обстановкѣ. На амплуа проводниковъ они, конечно, не годились, но баронъ очень цѣнилъ ихъ, какъ опытныхъ каюровъ и искусныхъ стрѣлковъ. При этомъ онъ считался съ возможностью, что «якуты» струсятъ при видѣ воды, и предлагалъ въ такомъ случаѣ отпустить ихъ обратно отъ первой-же полыньи. Баронъ Толль умѣлъ прекрасно ладить съ инородцами, не прибѣгая къ мѣрамъ принужденія.

Пока шли эти приготовленія, обычныя занятія на суднѣ продолжались. Пользуясь отчасти указаніями барона, я приступилъ къ препаровкѣ птицъ. Дебютировалъ я на somateria spectabilis и не могу похвалиться, что дебютъ былъ удачнымъ. За турканомъ послѣдовали кайры (Cephus Mandti).

На каждую птицу вначалѣ я тратилъ по цѣлому дню, и нельзя сказать, чтобы результатъ вполнѣ окупалъ потраченныя усилія. Велъ я и орнитологическій журналъ.

Завѣдывавшій метеорологіей лейтенантъ Матисенъ посвятилъ меня въ нехитрую технику наблюденій. Имѣлось у насъ и краткое руководство главной физической обсерваторіи. Порядокъ наблюденій былъ таковъ. Запишешь показанія барометра и запаснаго анероида, висѣвшихъ въ каютъ-компаніи, смѣришь атмосферные осадки, отмѣтишь направленіе и силу вѣтра по флюгеру, устроенному на мачтѣ судна и идешь на косу. Тамъ, въ метеорологической будкѣ, висѣли минимальный и максимальный термометры, термометръ обыкновенный, психрометръ. Изъ самопишущихъ приборовъ дѣйствовалъ барографъ. Вблизи будки 4 термометра служили для измѣренія температуры почвы: одинъ на поверхности и три на различныхъ глубинахъ. Наблюденія заносились въ книжку установленнаго Главной Физической Обсерваторіей образца.

На суднѣ всѣ интересовались метеорологическими наблюденіями. Съ любопытствомъ поглядывали на наблюдателей инородцы, которыхъ забавлялъ механизмъ наблюденія.

Полярная весна наступала очень медленно. 14-го мая въ первый разъ температура поднялась выше 0°, на палубѣ было +0.5° R, а преимущественно держалась на —2°—4°, послѣ полудня опускаясь до —6° и ниже; а на глубинѣ 40—80 снт. держалась на —17°—18° С. Снѣгъ началъ рыхлѣть, но процессъ таянія все еще оставался незамѣтнымъ.

Было время самое благопріятное для прогулокъ. Всѣ розовѣли на моихъ глазахъ. Больныхъ не оказывалось. Иногда только кто-нибудь изъ матросовъ, поднявши изъ удальства тяжесть не по силамъ, приходилъ пожаловаться на боль въ спинѣ. Попросишь освободить его на время отъ работъ, въ чемъ пока не было затрудненія, такъ какъ и работы пока не много—и послѣ отдыха боль проходитъ. Да мой неизмѣнный паціентъ—судовой поваръ время отъ времени приходилъ пожаловаться на свои недуги. Вырвалъ нѣсколько зубовъ. Иной разъ голова у кого-нибудь разболится послѣ бани, что и со мной случалось. Поспишь плохо, если это случится въ дежурство—и все.

Поваръ Ѳома, съ которымъ меня сближала медицина и кулинарія, часто бывалъ моимъ собесѣдникомъ. Разъ въ недѣлю я выдавалъ провизію ему и уполномоченному отъ команды, каковымъ обыкновенно бывалъ Толстовъ; иногда его замѣнялъ Носовъ. Каждый день я заказывалъ обѣды и завтраки, причемъ Ѳома наводилъ критику на наши вкусы и на имѣвшуюся на суднѣ провизію. Стараясь разнообразить столъ, мы съ Ѳомой придумали дѣлать творогъ изъ неподслащеннаго консервнаго молока, которое у насъ потреблялось не очень охотно. Первое время творогъ былъ плохъ, но потомъ выходили прекрасныя ватрушки. Охотники, убивая иногда, противъ желанія, беременныхъ важенокъ, обыкновенно брезговали плодомъ. Но скоро у насъ стали появляться «отбивныя котлеты» изъ выпоротка. Появленіе ихъ на обѣденномъ столѣ нѣкоторыми было встрѣчено неодобрительно, однако вскорѣ «отбивныя котлеты à la Ѳома» пріобрѣли права гражданства.

Анекдоты о нашей гастрономіи нерѣдко циркулировали у насъ за столомъ, на ряду съ разсказами изъ полярнаго быта и критикой полярныхъ авторовъ. Послѣ обѣда, который у насъ начинался въ 6 час. и состоялъ въ будни изъ двухъ, а по праздникамъ иногда изъ трехъ блюдъ, у насъ часъ-другой проходилъ въ безмятежномъ отдыхѣ. Кто, развалясь на софѣ, слушалъ музыку, то легкую и игривую, то грустную и мечтательную; кто, углубясь въ полученныя съ почтой газеты, возмущался коварной англійской политикой или разсказывалъ веселый газетный анекдотъ; кто сообщалъ что-либо новое изъ «Петермана» или «Geographical Iournal». Съ интересомъ мы слѣдили за ходомъ экспедиціи Свердрупа, дѣлая предположенія о вѣроятномъ ея исходѣ. Иногда завязывались интересные споры. Произведенія Боборыкина и Лѣскова, имѣвшіяся въ нашей, богатой беллетристикой, библіотекѣ, также служили темой для разговора.

Вечеромъ я любилъ почитать въ своей каютѣ и подвести итогъ дня. Моя маленькая каютка казалась мнѣ очень уютной, когда я расположилъ медицинскіе инструменты и фотографіи на покрытомъ клеенкой столѣ... Каюта моя была обращена на сѣверъ. Косые лучи полуночнаго солнца проникали ко мнѣ сквозь небольшой иллюминаторъ. Полночь была самымъ свѣтлымъ временемъ дня въ моей каютѣ.

Очень интересное явленіе, на которомъ не разъ останавливалось вниманіе полярныхъ путешественниковъ, это—миражи, зависящіе отъ своеобразнаго преломленія лучей полярнаго солнца. Стебли сухой травы вершка въ три вышиной кажутся кустами и деревьями, песецъ или собака принимаютъ видъ медвѣдя. Со мной случился такого рода анекдотъ. Въ облачную, но не туманную погоду я поѣхалъ съ матросомъ Безбородовымъ за убитымъ имъ наканунѣ оленемъ. Пока онъ отыскивалъ уже убитаго оленя и увлекался преслѣдованіемъ новой добычи, я бродилъ по тундрѣ, забрелъ куда-то въ сторону и, не надѣясь встрѣтиться со своимъ спутникомъ, взялъ по компасу направленіе и пошелъ къ судну. Шелъ и оглядывался: не увижу ли Безбородова. И увидѣлъ... прямо на меня бѣжавшаго медвѣдя. Я былъ вооруженъ трехстволкой, съ двумя дробовыми и однимъ винтовочнымъ стволомъ, но такъ какъ стрѣлокъ я плохой, то сердце у меня екнуло. Однако, ничего не оставалось, какъ идти навстрѣчу непріятелю, что я и сдѣлалъ, скрѣпя сердце. Разстояніе между нами быстро уменьшалось. Любопытство, впрочемъ, проснулось и въ этотъ критическій моментъ. Мнѣ захотѣлось получше разглядѣть хозяина снѣжной пустыни, родственнику котораго—бурому медвѣдю робкіе якуты юга при встрѣчахъ говорятъ съ почтительнымъ поклономъ: «баратур, тойонъ, мей міеха, колеймя!» (ступай, господинъ, не трогай меня, проходи мимо!) Я навелъ бинокль... и что-же увидѣлъ? Представьте себѣ: собаку. Это былъ одинъ изъ щенковъ, оторвавшійся отъ нарты и взявшій прямой курсъ къ судну. Досадно! Но обрадовавшійся встрѣчѣ песъ такъ добродушно помахивалъ хвостомъ и, какъ мнѣ казалось иронически поглядывалъ, что мнѣ и самому стало смѣшно. «Что же? вмѣсто вурдалака—вы представьте Вани злость—въ темнотѣ предъ нимъ собака на могилѣ гложетъ кость», вспомнилось нелестное для меня сопоставленіе изъ стихотворенія Пушкина.

Начиналась пора любви у куропатокъ. Какъ-то пошли мы съ А. В. Колчакомъ въ тундру въ сладкой надеждѣ на ихъ мясо. Увязавшійся за нами страстный промышленникъ «Грозный» покатилъ впередъ, пугая, надо полагать, все, что встрѣчалось на его пути, и испортилъ охоту. Небо было обложено облаками. Вдругъ кто-то словно приподнялъ край завѣсы. Быстро прояснило. Сквозь прозрачный воздухъ было хорошо видно и невооруженнымъ глазомъ находящійся въ 30 верстахъ къ западу Бѣльковскій островъ. Дичи мы не встрѣтили никакой, и только слѣды куропатокъ, песца и мыши-лемминга да норки послѣдней свидѣтельствовали, что тундра живетъ.

На обратномъ пути, когда мы уже примирились съ неудачей и, закинувъ за спину ружья, увлеклись разговоромъ, почти прямо изъ-подъ носа у насъ вылетѣла пара куропатокъ. Немного дальше, на полуобнаженной отъ снѣга проталинѣ, мы увидѣли массу слѣдовъ куропатокъ. Ясные отпечатки лапокъ и крыльевъ расфуфыренныхъ ухажеровъ-самцовъ перекрещивались во всѣхъ направленіяхъ.

Небо все больше прояснивало. На сторонѣ небосклона, противуположной солнцу, осталось небольшое облачко, окруженное двумя концентрическими кольцами радуги. Когда мы вернулись на судно, не оставалось ни облачка на блѣдно-голубомъ небѣ, а на южной сторонѣ горизонта показалось пять большихъ концентрическихъ радужныхъ полукруговъ.

Проталины увеличивались. Снѣжные края ихъ принимали изгрызенно-узорчатыя очертанія. На лыжахъ еще было хорошо ходить, только не по тундрѣ. Я дѣлалъ большіе успѣхи въ этомъ спортѣ, къ которому другіе уже охладѣли. Районъ моихъ прогулокъ на лыжахъ расширился. Свободный отъ торосовъ ледъ лагуны былъ оченъ удобенъ для этой цѣли.

18 мая въ послѣдній разъ мы сдѣлали съ барономъ небольшую геологическую прогулку—все къ тому же сѣверному мысу. Я шелъ на лыжахъ. Разстояніе по шагомѣру, захваченному барономъ, оказалось=$7^1/_2$ километрамъ. Немного за мысомъ есть уютный оврагъ, состоящій повидимому изъ девонскихъ отложеній. Летали и пѣли миловидныя пуночки, у которыхъ наступила «пора любви и грусти нѣжной».

Спустя нѣкоторое время подъѣхалъ на собакахъ А. В. Колчакъ съ каюромъ Алексѣемъ. Баронъ кое-что намъ указывалъ и объяснялъ. Покончивъ съ геологіей, мы поѣхали на «Зарю». Собаки шли ходко, предвкушая пріятное освобожденіе отъ скоро надоѣвшей имъ сбруи.

Температура, еще 17 мая опускавшаяся до—10° R. на палубѣ судна, съ 20 числа нерѣдко поднималась до+1°—+1,5° R, хотя минимумъ вся еще оставался ниже точки замерзанія. У кормы судна очищенной отъ снѣга, выступившая на поверхность вода уже не замерзала. Снѣгъ сталъ рыхлымъ и влажнымъ. Въ трещинахъ льда подъ снѣгомъ проступила вода. Пейзажъ еще оставался зимнимъ, хотя въ ясные дни солнце свѣтило такъ ярко. Черныя кочки оттаивавшей тундры больше и больше выступали сквозь снѣжный покровъ и мякли подъ лучами незаходящаго солнца.

Охотники стали чаще встрѣчать пасшихся на кочковатой тундрѣ куропатокъ. Стада оленей съ беременными, разрѣшающимися и разрѣшившимися уже отъ бремени важенками все еще тянулись къ сѣверу. Стали чаще показываться голубовато-сѣрыя чайки (larus glaucescens u l. affinis). Появился первый отрядъ куликовъ, съ далекаго знойнаго юга прилетающихъ лѣтомъ на прохладный и туманный сѣверъ.

Оживленіе еще не распространилось на ближайшія окрестности судна. Здѣсь природа оставалась мертвой. Скованное прочной ледяной корой зимнимъ сномъ спало полярное море. Медленно дѣлало свою работу сѣверное солнце.

Барометрическое давленіе колебалось. Вѣтеръ съ юга приносилъ

тепло и паденіе барометра; вѣтеръ съ сѣвера—холодъ и повышеніе давленія. Стало больше облачныхъ и туманныхъ дней, но иногда вѣтеръ въ какой-нибудь часъ-два разгонялъ и разсѣевалъ облака. Отмѣтишь при утреннемъ наблюденіи облачность 9 или 10, слоистыя или разорвано-слоистыя, а часамъ къ 9 утра на небѣ уже ни облачка... къ слѣдующему наблюденію опять соберутся облака. Вѣтеръ достигалъ 20 метр. въ секунду (23—V: OSO, 20 метр.).

Просматривалъ въ стереоскопъ фотографіи «прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ», а также Таймыра, Карскаго моря и пр. Пейзажи, разумѣется, представляютъ большое сходство. У Ф. А. Матисена—богатая коллекція снимковъ.

Изъ замѣчательныхъ событій было появленіе 21-го мая вблизи судна бѣлаго медвѣдя,—перваго, котораго я видалъ въ родной ему обстановкѣ. Знатный туземецъ былъ усмотрѣнъ изъ рубки въ подзорную трубу. Онъ совершалъ свой променадъ по берегу тундры. Первымъ пустился къ нему Безбородовъ, вооруженный берданкой. За нимъ послѣдовалъ боцманъ, предшествуемый «Грознымъ». Я въ это время демонстрировалъ Ф. Г. Зебергу вправленіе вывиховъ и лѣченіе переломовъ. Съ возможнымъ терпѣніемъ окончивъ свою лекцію, я бросился въ рубку и припалъ къ подзорной трубѣ. Затѣмъ схватилъ винчестеръ и пустился догонять боцмана. «Грозный,» достигнувъ тундры съ поспѣшностью, какую позволяла его тучность, въ недоумѣніи остановился: впопыхахъ онъ потерялъ медвѣдя, который уже былъ далеко. Я былъ слишкомъ легко одѣтъ, чего сгоряча не замѣтилъ, но скоро сталъ мерзнуть, а потому вернулся вспять, предоставивъ другимъ преслѣдовать бѣжавшаго непріятеля. На обратномъ пути я встрѣтилъ промышленниковъ Николая и Василія, которые настолько сохранили хладнокровіе и разсудительность, что запрягли собакъ и на собакахъ ѣхали за медвѣдемъ. Они, конечно, обогнали матросовъ и убили медвѣдя. Вернулись они къ полночи, употребивъ на охоту болѣе 4-хъ часовъ.

Великолѣпный звѣрь, болѣе сажени въ длину, въ теплой бѣлой шубѣ, недавно начавшей линять, лежалъ навзничь на нартѣ. Изъ двухъ ранъ еще сочилась кровь. Одна рана была незначительна: пуля угодила въ лапу, которую и раздробила. Зато другая пуля прошла подъ лопатку: этого было довольно. Возлѣ нарты вертѣлась собака со сдернутымъ и окровавленнымъ лоскутомъ шкуры, ворча на убитаго врага. Безбородова и боцмана очень огорчилъ коварный поступокъ «якутовъ», которые не подсадили въ нарту Безбородова, когда мимо проѣзжали. Когда баронъ купилъ у якутовъ шкуру медвѣдя и подарилъ ее Безбородову, командиръ спросилъ послѣдняго, удовлетворенъ ли онъ. Тотъ отвѣчалъ сконфужено: «Да я, ваше благородіе... да не въ томъ интересъ, ваше благородіе... самому-бы убить... мы для экспедиціи, ваше благородіе»...

На другой день за обѣдомъ былъ бифштексъ изъ медвѣжьей вы-

рѣзки. Съ приправой изъ спаржи и зеленаго горошка съ острымъ подливомъ,—бифштексъ былъ довольно вкусенъ: специфическимъ для бѣлаго медвѣдя привкусомъ рыбы почти не отдавало. Но все-же, не говоря даже объ оленѣ, и бурый медвѣдь гораздо вкуснѣе.

Въ день медвѣжьей охоты мы проводили А. В. Колчака въ далекую экскурсію. Онъ отправлялся для изслѣдованія внутренней части Котельнаго острова, чтобы вдоль рѣки Балыктаха дойти до морского берега, а оттуда изслѣдовавъ землю Бунге, пройти на Ѳаддѣевскій островъ.

Баронъ Толль и Ф. Г. Зебергъ были окончательно готовы къ отъѣзду. Баронъ передалъ командиру «Зари» Ф. А. Матисену слѣдующіе документы:

«— Нерпичья губа. «Яхта Заря» 19/v—1/vi 1902 г.»

«Инструкція командиру яхты «Заря» лейтенанту Матисену.

«Отправляясь на дняхъ съ астрономомъ Ф. Г. Зебергомъ и въ сопровожденіи двухъ промышленниковъ, якута Василія и тунгуса Николая, впередъ на островъ Беннета, предлагаю Вамъ послѣ вскрытія моря выйти на «Зарѣ» изъ настоящей гавани, подойти къ острову Новая Сибирь, гдѣ вы снимите у мыса Высокаго старшаго зоолог. А. А. Бирулю съ его партіей,—оттуда взять курсъ къ острову Беннетта, къ мысу Эмма, лежащему по De Long'у подъ 76° 38′ 17″ ц и 148° 20′ Z. Тамъ я буду ждать прибытія «Зари».

«Изъ важнѣйшихъ дѣлъ, которыя необходимо докончить до открытія навигаціи, позволю обратить Ваше вниманіе на слѣдующее:

1) Сооруженіе на могилѣ покойнаго доктора Германа Эдуардовича Вальтера желѣзнаго креста и ограды, заготовленныхъ во время зимы благодарною командою «Зари» въ память возлюбленнаго ихъ доктора. Крестъ и цѣпочная ограда должны быть сооружены такъ, чтобы не затрудняли въ будущее время вынуть гробъ изъ могилы.

2) Точное измѣреніе при закладкѣ знака экспедиціи его уровня надъ моремъ и разстоянія его отъ морского берега. Такое же измѣреніе разстоянія отъ моря морскихъ знаковъ, которые вы ставите на косѣ у входа въ гавань.

3) Устройство одного депо со слѣдующимъ содержимымъ: провизіи на 23 человѣка на 3 мѣсяца, рыбнаго корму для 60 собакъ на 3 мѣсяца, три ящика съ патронами для берданки, ящикъ керосину, нѣсколько фунтовъ свѣчей, спички въ запаянныхъ жестянкахъ и нѣкоторое количество соли.

4) Желательно побуждать команду, во время охотничьихъ и другихъ экскурсій, искать выходы каменнаго угля около морского берега или по рѣкамъ и собирать остатки ископаемыхъ животныхъ и растеній. Важно было бы сдѣлать нѣсколько взрывовъ въ открытыхъ К. А. Воллосовичемъ мѣстонахожденіяхъ третичныхъ отложеній съ растительными остатками.

«Что касается указаній относительно вашей задачи, снять меня съ партіей съ острова Беннетта, то напомню только извѣстное вамъ правило, что всегда слѣдуетъ хранить за собою свободу дѣйствія судна въ окружающихъ его льдахъ, такъ какъ потеря свободы движенія судна лишаетъ Васъ возможности исполнить эту задачу.

«Предѣлъ времени, когда Вы можете отказаться отъ дальнѣйшихъ стараній снять меня съ острова Беннетта, опредѣляется тѣмъ моментомъ, когда на «Зарѣ» израсходованъ весь запасъ топлива для машины до 15 тоннъ угля.

«Представляя себѣ приблизительно ту же картину, которую мы видѣли въ прошломъ году, именно поясъ непроницаемаго льда около 14 миль, окружающій южный конецъ острова Беннетта, вы, приставая къ границѣ пака, отправите партію нѣсколькихъ опытныхъ и смѣлыхъ людей къ мысу Эмма. Если обстоятельства дозволятъ, то было бы желательно съ ними же отправить нѣкоторое количество консервовъ къ острову Беннетта для устройства депо для будущихъ экспедицій.

«По чертежу De-Long'a восточный мысъ на южной оконечности названъ мысомъ Эмма. По его указанію берегъ здѣсь скалистый и настолько узокъ, что американцы съ трудомъ разбили здѣсь свои палатки; поэтому и кэрнъ экспедиціи Жаннетты поставленъ восточнѣе мыса Эмма.

«Тамъ, вѣроятно, и будетъ нашъ знакъ, который укажетъ людямъ, въ какомъ направленіи насъ искать. Около этого пункта одна часть нашей партіи съ 7-го по 21-е августа стараго стиля будетъ наблюдать за условленными сигналами, о которыхъ Вы до моего отъѣзда представите мнѣ выработанный Вами проектъ. Если поиски нашихъ слѣдовъ приведутъ къ отрицательнымъ результатамъ или Вы, вслѣдствіе неимѣнія болѣе 15 тоннъ угля, будетъ принуждены взять обратный курсъ, не снявъ меня съ партіей, то Вы съ этимъ количествомъ угля дойдетъ на «Зарѣ», по меньшей мѣрѣ, до острова Котельнаго, а идя частью подъ парусами, быть можетъ, и до Сибирскаго материка.

«Къ востоку отъ Быковской протоки устья Лены, между мысами Быковскимъ и Караульнымъ, имѣется въ бухтѣ Тикси хорошая гавань. У мыса Караульнаго вы встрѣтите М. И. Бруснева, ожидающаго нашего прибытія, а въ концѣ августа выйдетъ сюда навстрѣчу «Зарѣ» пароходъ «Лена». При помощи послѣдней «Заря», какъ я надѣюсь, можетъ войти черезъ Быковскую протоку въ рѣку Лену, а затѣмъ вверхъ по рѣкѣ до Жиганска, гдѣ найдете хорошее мѣсто для зимней стоянки судна.

«Для плаванія выше Жиганска придется пользоваться пароходомъ «Лена». Было бы желательно зафрахтовать этотъ пароходъ для членовъ экспедиціи и всего груза экспедиціи на проѣздъ вверхъ по Ленѣ до Усть-Кута, откуда остается около 600 верстъ ѣзды по почтовому тракту до г. Иркутска.

«Если лѣтомъ нынѣшняго года ледъ около Ново-Сибирскихъ острововъ и между ними и островомъ Беннетта совсѣмъ не исчезнетъ и не дастъ такимъ образомъ плавать «Зарѣ», то предлагаю Вамъ оставить судно въ этой гавани и вернуться со всѣмъ экипажемъ судна зимнимъ путемъ на материкъ, слѣдуя извѣстному маршруту съ острова Котельнаго на Ляховскіе острова. Въ такомъ случаѣ вы возьмете съ собою только всѣ документы экспедиціи и важнѣйшіе инструменты, оставивъ здѣсь остальной инвентарь судна и всѣ коллекціи.

«Въ этомъ же случаѣ я постараюсь вернуться до наступленія морозовъ къ Ново-Сибирскимъ островамъ, а затѣмъ зимнимъ путемъ на материкъ.

«Во всякомъ случаѣ твердо вѣрю въ счастливое и благополучное окончаніе экспедиціи.

Бар. Э. Толль».

Командиру яхты «Заря», лейтенанту Ѳедору Андреевичу Матисену.

«Поручая вамъ вести весь личный составъ Русской Полярной Экспедиціи, ученый персоналъ и команду судна экспедиціи на яхтѣ «Заря» или другимъ, указаннымъ мною въ инструкціи отъ 19-го мая, путемъ до сибирскаго берега и дальше на родину, я передаю вамъ, въ пользу единодушнаго исполненія этой задачи, на тотъ случай, если вамъ не удастся снять меня съ острова Беннетта, или на случай моей смерти, всѣ права начальника экспедиціи.

«Бар. Толль».

„Заря“, Нерпичья губа, 20-го мая 1902 г.

Мнѣ баронъ Толль поручилъ уложить сушившіяся въ комнатѣ, сосѣдней съ лабораторіей, третичныя глины и упаковать экспедиціонную библіотеку. Аптека наша пополнилась полбутылкой коньяка и полбутылкой мадеры, переданными мнѣ барономъ передъ отъѣздомъ. Въ пустой каютѣ съ полдюжины бутылокъ шампанскаго дожидались торжественнаго момента встрѣчи съ уѣзжавшими товарищами.

Вечеромъ 23-го мая баронъ Э. В. Толли и Ф. Г. Зебергъ уѣхали на 3-хъ нартахъ, изъ которыхъ одну разсчитывали бросить на Новой Сибири.

Матросы Толстовъ и Евтихѣевъ поѣхали проводить уѣзжавшихъ и вернулись черезъ 4 дня съ массой камней для геологической коллекціи, собранныхъ недалеко отъ стана Дурново, и двумя убитыми чайками.

Ѣзда на деревянныхъ полозьяхъ становилась затруднительной,— рыхлый снѣгъ прилипалъ къ нимъ, а потому баронъ взялъ у провожавшихъ нарту со стальными полозьями,— въ обмѣнъ на третью изъ своихъ нартъ.

В. Катинъ-Ярцевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ПОТОКЪ.

ДРАМА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Макса Гальбе.

Перев. съ нѣмецкаго **Д. Борисова** и **М. Григорьева**.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Филиппина Доорнъ.

Петръ Доорнъ, помѣщикъ и смотритель надъ плотиной. } ея внуки.

Генрихъ Доорнъ, инженеръ } ея внуки.

Яковъ Доорнъ 17 лѣтъ } ея внуки.

Рената, жена Петра.

Рейнгольдъ Ульрихсъ.

Анна, служанка.

Дѣйствіе происходитъ на Вислѣ; первый актъ—въ февральскій воскресный день, два послѣднихъ—десять дней спустя, послѣ обѣда и вечеромъ.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

Дѣйствіе происходитъ въ домѣ Доорновъ. Широкая старинная комната съ низкимъ потолкомъ. Слѣва и въ задней стѣнѣ по два окна съ маленькими стеклами. Справа, ближе къ задней стѣнѣ, печь съ лежанкой. Слѣва, у передняго окна, рабочій столикъ съ кресломъ и скамеечкой для ногъ. Посрединѣ комнаты круглый дубовый столъ и такіе же стулья. Сзади, между окнами, большой коричневый дубовый шкафъ. Одна дверь слѣва, въ серединѣ, выходитъ на плотину, у подножія которой стоитъ домъ, другая, справа, въ глубинѣ ведетъ въ другія комнаты дома. Справа на авансценѣ широкая витая деревянная лѣстница ведетъ въ верхній этажъ дома. Изъ задняго окна видна широкая, покрытая снѣгомъ равнина, у горизонта все глубже спускающаяся къ (невидимому) морю. Въ лѣвое окно видна тянущаяся у самаго почти дома высокая плотина съ расположенной недалеко отъ нея сторожевой будкой. Февральское воскресное утро, на дворѣ густыми хлопьями падаетъ снѣгъ и трещитъ морозъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-ое.

(Ульрихсъ и Яковъ Доорнъ сидятъ на лежанкѣ у печи. Около Якова лежитъ старая книга. Яковъ—семнадцатилѣтній рослый юноша, безъ бороды и усовъ. Ульрихсъ — уже сгорбленныя старикъ, лѣтъ шестидесяти, съ растрепанной бородой и краснымъ лицомъ).

Яковъ. А затѣмъ? Затѣмъ потокъ такъ таки сразу и прорвался? Вдругъ? Въ одну ночь?

Ульрихсъ. Я тебѣ уже не разъ объ этомъ разсказывалъ. Лучше всего совершенно забыть объ этомъ. Такая вещь можетъ каждый день случиться.

Яковъ. Каждый день! Да! Наша Висла точно дикій звѣрь. Какъ тѣ дикіе звѣри, которыхъ на ярмаркѣ показываютъ. Пока желѣзныя рѣшетки, за которыми они находятся, выдерживаютъ, мы со смѣхомъ смотримъ на ихъ разинутую пасть и думаемъ: реви себѣ. Но пусть только хоть одинъ прутъ ослабнетъ! Тогда бѣда!

Ульрихсъ. Погляди-ка, чего только онъ не знаетъ!

Яковъ (*показываетъ рукой*). Вотъ эта плотина, дядя Рейнгольдъ, и есть именно эта рѣшетка...

Ульрихсъ (*съ удивленіемъ*). Смотри-ка...

Яковъ (*прерывая его*). Даже прутъ, который можетъ ослабѣть, и тотъ здѣсь имѣется; это колѣно у сторожки, гдѣ плотина уже разъ чуть не поддалась. И если снова, при разливѣ или ледоходѣ, она когда-нибудь опять поддастся, звѣрь прорвется... и... (*Онъ останавливается, какъ бы самъ ужаснувшись*).

Ульрихсъ. И что, думаешь ты, тогда произойдетъ?

Яковъ. Тогда онъ всѣхъ насъ сожретъ, этотъ звѣрь!

Ульрихсъ (*покачивая головой, смотритъ на него съ удивленіемъ*). И онъ всѣхъ насъ сожретъ.

Яковъ. А развѣ не такъ, дядя Рейнгольдъ?

Ульрихсъ. Именно такъ, мой мальчикъ! Я удивляюсь только, откуда ты все это знаешь? Вѣдь не въ деревенской школѣ ты этому научился?

Яковъ. Скверно, что мнѣ пришлось побывать только въ деревенской школѣ. Для тѣхъ двухъ этого было мало. А для меня довольно и свиней пасти.

Ульрихсъ. Кому-нибудь и за свиньями ходить надо!

Яковъ (*вскакиваетъ*). Придетъ еще день расплаты! Вѣрь мнѣ! Этотъ день настанетъ!

Ульрихсъ. До этого дня еще не мало воды утечетъ. Садись-ка лучше и успокойся! Съ такой вещью можно ждать, пока тебѣ гробъ сколотятъ. Да и въ могилу уйдешь, не получивъ по счету.

Яковъ (*опять садится, дрожа*). Мнѣ холодно. Нѣтъ ли у васъ чего-нибудь съ собой, дядя? Водки или чего-нибудь другого?

Ульрихсъ (*неувѣренно*). Что за глупость ты несешь, мой мальчикъ? Откуда у меня можетъ быть водка?

Яковъ (*хлопаетъ его по карману сюртука*). Да я, вѣдь, вижу тутъ бутылку! Не разсказывайте мнѣ сказки.

Ульрихсъ. Бѣсенокъ! (*Онъ вытягиваетъ бутылку изъ кармана сюртука и смотритъ кругомъ подозрительно*). Не увидѣлъ бы насъ кто-нибудь!

Яковъ (*задорно*). А кто можетъ увидѣть? Старуха сидитъ наверху

въ своей комнатѣ и думаетъ о своихъ грѣхахъ. А пока *онъ* и Рената вернутся изъ церкви...

Ульрихсъ. Они могутъ сейчасъ тутъ быть. Санная дорога теперь хороша. Просто летишь. Особенно при попутномъ вѣтрѣ.

Яковъ. Пусть себѣ приходятъ. Пусть всѣ видятъ, какъ я напиваюсь Да и что другое мнѣ остается дѣлать!

Ульрихсъ (*протягиваетъ ему бутылку*). Ну, пей, мальчикъ! Но оставь и для меня.

Яковъ (*съ поднятой бутылкой*). На здоровье! За любовь! Да здравствуетъ самая прекрасная женщина! (*Онъ пьетъ*). А какъ зовутъ ее?

Ульрихсъ (*подмигивая*). А какъ ее звать будутъ?

Яковъ. Я говорю только, да здравствуетъ самая прекрасная женщина! (*Онъ снова пьетъ*).

Ульрихсъ (*съ безпокойствомъ*). Ну, однако, довольно. Теперь моя очередь. (*Онъ беретъ бутылку у него, съ удареніемъ*). Итакъ, за нашу знакомку! (*Онъ пьетъ*).

Яковъ (*разгорячившись*). Самая прекрасная женщина! Самая прекрасная женщина! (*Онъ вскакиваетъ и ходитъ по сценѣ*). Ахъ, если бы ея не было! (*Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ*). Знаете ли вы, дядя Рейнгольдъ? что значитъ ставить какую-нибудь женщину превыше всего? Испытали ли вы это когда-нибудь?

Ульрихсъ. Испыталъ ли я? Нѣтъ, я тебѣ не проболтаюсь. Это моя тайна.

Яковъ (*съ удивленіемъ*). Я думаю, отъ своего друга ничего не скрываютъ! А вѣдь вы мой лучшій другъ? Развѣ нѣтъ?

Ульрихсъ (*серьезно*). Мальчикъ, каждый человѣкъ имѣетъ свою тайну, въ которую онъ никого не посвящаетъ. Тебѣ это тоже придется еще пережить.

Яковъ (*страстно*). Ахъ, что еще придется пережить! Ахъ, женщины! Женщины! Женщинъ хотѣлъ бы я имѣть! Нѣтъ, одну только хотѣлъ бы я имѣть! Я бы передъ ней молился на колѣняхъ! И ее я не могу имѣть! Никогда въ жизни! Что скажете вы на это, дядя Рейнгольдъ. (*Онъ стоитъ, какъ будто ждетъ отъ него чего-то*).

Ульрихсъ. Что скажу я на это? Я скажу, что вотъ это (*Онъ высоко поднимаетъ бутулку*) лучше, чѣмъ всѣ женщины и всякая любовь! Это водка съ ромомъ! (*Онъ прикладывается къ бутылкѣ и пьетъ*).

Яковъ (*какъ бы вспомнивъ что-то*). Знаете ли вы, что значитъ слово Рената?

Ульрихсъ. Откуда мнѣ знать? Я не французъ.

Яковъ. Это латинское слово. Я справлялся въ книгѣ. Оно значитъ возрожденная... Возрожденная! Какъ красиво звучитъ это! Оно напоминаетъ что-то лучшее, что-то прекрасное. Оно звучитъ, какъ райская пѣснь.

Ульрихсъ *(смотритъ на него опять съ удивленіемъ).* Какія у тебя однако причуды являются! И откуда онѣ только берутся у тебя, мальчикъ?

Яковъ. Я и самъ не знаю. Такъ себѣ въ голову приходятъ. И у васъ, дядя, явятся такія мысли, если вы будете стоять на полѣ и не видѣть кругомъ себя никого, кромѣ нѣсколькихъ батраковъ, которые пашутъ землю. Плугъ взрываетъ землю и звенитъ, какъ будто могилу роетъ. А ребята поютъ что-то печальное, что такъ и хватаетъ за сердце. А съ моря кучами подымаются тучи, густыя и бѣлыя, и дивишься, откуда это вдругъ точно высокія горы выросли... Развѣ вамъ, дядя Рейнгольдъ, тогда не приходятъ въ голову такія мысли?

Ульрихсъ. Нѣтъ. Мнѣ? Никогда. Знаетъ Богъ, что нѣтъ. Если я и думаю, то лишь о томъ, глубоко ли пашутъ работники или нѣтъ, да попаду ли я во-время къ обѣду. А что касается облаковъ, которыя тебѣ кажутся горами, то ихъ приноситъ съ моря сѣверный вѣтеръ. Они предсказываютъ только бурю и больше ничего.

Яковъ. Возможно. Я себѣ представляю все это иначе.

Ульрихсъ. А я тебѣ скажу, откуда у тебя всѣ эти бредни.

Яковъ. Я знаю, вы думаете, изъ старыхъ книгъ, которыя тамъ на чердакѣ лежатъ и которыя я въ свободное время читаю? Не такъ ли?

Ульрихсъ. Именно. Отъ нихъ у человѣка умъ за разумъ заходитъ.

Яковъ *(взволнованный).* Это единственное удовольствіе, которое у меня еще остается! Неужели и его у меня отнимутъ?

Ульрихсъ. Ну, ну! Успокойся! Не горячись! *(съ значительнымъ жестомъ).* Вѣдь это только ради него. Ты знаешь вѣдь, какъ онъ обо всемъ этомъ думаетъ. Онъ уже такой человѣкъ.

Яковъ *(пылко).* Все равно. Онъ мнѣ не господинъ, что бы онъ тамъ изъ себя ни корчилъ. Я такой же сынъ своего отца, какъ и онъ. Чѣмъ я виноватъ, что отецъ думалъ только о немъ и забылъ меня и Генриха! Это вина отца! *(Ходитъ большими шагами взадъ и впередъ)* (*Короткая пауза*).

Ульрихсъ *(указывая на книгу, которая лежитъ на скамьѣ).* Это тоже одна изъ тѣхъ старыхъ книгъ, что на чердакѣ валяются?

Яковъ *(успокоившись, подходитъ къ нему ближе).* Да, это старая хроника Вердера. Въ ней описано, что случилось въ этой странѣ за двѣсти-триста лѣтъ. И даже еще раньше. Всѣ ледоходы, всѣ наводненія и всѣ войны, которыя вели и Густавъ-Адольфъ и ордены рыцарей, убійства, грабежи, постои, кто владѣлъ какимъ имѣніемъ и кто... Никто теперь уже не помнитъ всего этого, но въ книгѣ все это опять оживаетъ. Цѣлыя ночи могъ бы я сидѣть и читать ее.

Ульрихсъ *(задумчиво).* Такъ, такъ! Значитъ, тамъ разсказано и объ Ульрихсахъ и о ледоходѣ 1833 года, когда отецъ мой потерялъ все свое имущество.

Яковъ. Нѣтъ, такъ далеко она не заходитъ. Человѣкъ, который написалъ ее, умеръ задолго до этого времени.

Ульрихсъ. Тогда я скажу, что нужно написать новую книгу, въ которой былъ бы описанъ этотъ ледоходъ. Люди не могутъ запомнить такого большого наводненія. И много времени еще пройдетъ, пока опять будетъ такое наводненіе. На землѣ моего отца песку нанесло до четырехъ футовъ вышины. Вотъ о чемъ нужно было бы книгу написать. И такую книгу я прочелъ бы.

Яковъ. А что бы вы сказали, если бы я написалъ эту книгу?

Ульрихсъ. Отъ тебя этого можно ждать.

Яковъ *(пылко)*. Я составлю продолженіе этой хроники. И вы потому должны мнѣ обо всемъ подробно разсказывать. Иначе у меня ничего не останется. Прежде вы уже такъ хорошо начали свой разсказъ...

Ульрихсъ. А гдѣ, бишь, я остановился?

Яковъ. Какъ отецъ вашъ въ такой же точно день, какъ и сегодня... это было тоже какъ разъ въ февралѣ и отецъ вашъ пошелъ на внѣшнюю плотину, чтобы посмотрѣть, каковъ уровень воды и скоро ли начнется ледоходъ. И рѣка спокойно лежала, ледъ былъ крѣпокъ, такъ что возъ съ сѣномъ могъ бы проѣхать. Что же дальше случилось? Неужели вода такъ-таки сразу хлынула?

Ульрихсъ. Сразу! Въ пять часовъ вечера ледъ еще даже и не тронулся, а уже ночью въ три часа вода стояла въ домахъ до самаго чердака. И скажу я тебѣ, паренекъ, вода все поднималась да поднималась, быстрѣе, чѣмъ гусь ныряетъ.

Яковъ. И тогда плотину прорвало? Не такъ ли?

Ульрихсъ. Прорвало! Да, цѣлый кусокъ, какъ отсюда до сторожевой будки. И вся рѣка со льдомъ и всѣмъ, что на ней, прорвалась чрезъ эту дыру и прямо на нашъ домъ. Льдинъ набросало тогда, какъ въ бурю. Онѣ все наголо очистили. Самые толстые стволы были точно срѣзаны. Кто разъ видѣлъ это, тотъ уже никогда не забудетъ. Съ тѣхъ поръ прошло уже шестьдесятъ лѣтъ, а я все помню, точно сегодня это было.

Яковъ. А какъ выглядѣло все послѣ этого?

Ульрихсъ. Словно послѣ потопа. Отецъ мой рыдалъ, какъ ребенокъ. Ничего не помогало. Онъ еще долженъ былъ благодарить Бога, что твой дѣдушка за гроши купилъ разоренный участокъ. Говорили тогда, что изъ жалости да по родству онъ сдѣлалъ это. Такъ домъ Ульрихсовъ перешелъ къ вамъ, Доорнамъ, а отецъ мой ушелъ на чужбину и нашелъ тамъ раннюю смерть. И это называютъ Божьей справедливостью. Прорви плотину полумилей ниже насъ, и мы бы еще сидѣли въ своемъ домѣ и вмѣсто Доорна смотрителемъ надъ плотиной былъ бы Ульрихсъ. А если бы плотину прорвало выше полумилей, тутъ у колѣна, тогда былъ бы разоренъ твой дѣдушка. Тогда ему пришлось бы уйти на чужбину. И это называютъ Божьей справедливостью. И отъ этого зависитъ человѣческая судьба. (*Онъ опять вытаскиваетъ свою бутылку и пьетъ*).

Яковъ (*возбужденный*). Ахъ! Оставьте! Справедливость! Справедливость! Если бы на свѣтѣ была справедливость, то отецъ сдержалъ бы обѣщаніе, которое онъ далъ мнѣ за два дня до смерти. Я больше не вѣрю въ справедливость.

Ульрихсъ (*насторожившись*). Что именно могъ тебѣ обѣщать отецъ? объ этомъ ты мнѣ никогда ни слова не говорилъ.

Яковъ (*тѣсно придвинувшись къ нему таинственно*). Онъ привлекъ меня къ себѣ. Это было въ послѣдніе дни его жизни. Онъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ. Вотъ оно тамъ стоитъ, то кресло, въ которомъ онъ сидѣлъ. Онъ взялъ меня за руку. «Ты хорошій мальчикъ, сказалъ онъ мнѣ,—и тебѣ не должно быть хуже, чѣмъ другимъ». И потомъ сказалъ мнѣ совсѣмъ тихо, что, когда онъ умретъ, я получу въ наслѣдство домъ Ульрихсовъ. Онъ напишетъ это въ завѣщаніи, И онъ далъ мнѣ слово. Въ этомъ я готовъ присягнуть.

Ульрихсъ (*пораженный*). И это ты держалъ при себѣ девять лѣтъ?

Яковъ. Я не забылъ этого, вы сами видите.

Ульрихсъ. Плохо только то, паренекъ, что никто тебѣ не повѣритъ, если ты явишься съ этимъ. И плохо тебѣ придется, если кто-нибудь, кромѣ меня, узнаетъ объ этомъ. Не говори *ему* ни слова, вотъ тебѣ мой совѣтъ. Представь себѣ, что все это тебѣ приснилось. Человѣку часто снятся странныя вещи.

Яковъ (*дико*). Я бы ему все это въ лицо крикнулъ. Но я не сдѣлаю этого... Пусть будетъ такъ, до поры до времени.

Ульрихсъ. И мнѣ тоже разъ снилось, что я такой же землевладѣлецъ, какъ мой отецъ до того наводненія, и что я опять имѣю тотъ участокъ, который твой отецъ завѣщалъ тебѣ. Ну, а когда я утромъ проснулся... Пріятнаго аппетита! И какъ бы взглянулъ на меня твой братъ, если бы я пришелъ къ нему и сказалъ: «домъ Ульрихсовъ опять принадлежитъ мнѣ, мнѣ это сегодня приснилось». Видишь, мальчикъ, ужъ такъ на свѣтѣ все ведется. Снамъ ни одинъ человѣкъ не повѣритъ.

Яковъ (*страстно*). Отецъ! Отецъ! Почему ты не сдержалъ своего слова? Ты видишь теперь, что съ твоимъ сыномъ! (*Онъ хватаетъ голову обѣими руками*).

Ульрихсъ (*осторожно*). Можетъ быть, у него не хватило времени? Или завѣщаніе, въ которомъ онъ это сдѣлалъ, потерялось? Или что-нибудь въ этомъ родѣ?

Яковъ (*смотритъ на него пораженный*). Потерялось, говорите вы? (*Онъ хватаетъ его за руку*).

Ульрихсъ (*отбиваясь*). Мало ли что говорятъ, паренекъ.

Яковъ (*въ возбужденіи*). А вы знаете что-нибудь, дядя Рейнгольдъ?

Ульрихсъ (*какъ прежде*). Я ничего не знаю. Оставь меня въ покоѣ. У меня нѣтъ охоты мѣшаться въ петровы дѣла.. Хочешь выпить, мальчикъ?.. На, бери. (*Протягиваетъ ему бутылку*). Ты голый бѣд-

някъ. Да и съ меня много не возьмешь. Ну, а бѣдняки должны другъ другу помогать на этомъ свѣтѣ. Хотя бы только рюмкой водки.

Яковъ *(пьетъ и отдаетъ бутылку назадъ).* А знаете ли вы, дядя Рейнгольдъ, какая исторія разсказывается въ этой старой хроникѣ?

Ульрихсъ. Ну, какая?

Яковъ. Мы читаемъ тутъ о молодомъ сынѣ владѣльца и о его старшемъ братѣ, который обманомъ лишилъ его наслѣдства. И изъ-за этого между ними возникъ споръ, такъ какъ старшій не хотѣлъ ничего уступить. Да, тутъ это все разсказано. *(Онъ раскрываетъ книгу и, указывая на одно мѣсто, читаетъ).* Въ лѣто отъ Рождества Христова 1647, въ воскресенье, во время Троицы, случилось въ Валдау на рѣкѣ Вислѣ, что младшій сынъ умершаго графа Михаила Доберштейна, именемъ Христіанъ...

ЯВЛЕНІЕ 2-ое.

(Госпожа Доорнъ показывается наверху на лѣстницѣ).

Ульхрисъ (*быстро*). Спрячь книгу, старуха идетъ.

Яковъ (*съеживается, захлопываетъ книгу, прячетъ ее*). И должна же была она какъ разъ теперь придти!

Г-жа Доорнъ (*спускается съ лѣстницы, сердито*). Что ты тамъ въ карманѣ прячешь? Покажи-ка?

Яковъ. Я ему читалъ изъ книги.

Г-жа Доорнъ. Что за книга?.. Покажи ее!

Яковъ (*задорно не трогаясь съ мѣста*). Мнѣ кажется, что хотя бы въ воскресенье я могъ бы почитать.

Г-жа Доорнъ. Возьми Библію, если тебѣ нечего дѣлать (*къ Ульрихсу*). Ну, а ты? Что за исторіи ты опять разсказывалъ мальчишкѣ? (*Останавливается передъ нимъ и подозрительно на него смотритъ*).

Ульрихсъ (*вставъ и смотря ей прямо въ глаза*). Исторіи о временахъ, которыя уже прошли!

Г-жа Доорнъ (*мрачно*). Что было, то прошло. Измѣнить уже ничего нельзя и поправить тоже. Господь нашъ великъ въ своемъ милосердіи (*къ Якову*). Иди, принеси изъ другой комнаты Библію и почитай мнѣ.

Яковъ (*молча уходитъ направо*).

Ульрихсъ (*послѣ короткой паузы*). И кто бы могъ тогда предсказать, Филиппина, что ты будешь сидѣть надъ Библіей! Какъ бы надъ нимъ смѣялись, особенно мы съ тобой! Помнишь, на травкѣ подъ грушей? Не такъ ли?

Г-жа Доорнъ. Это всѣмъ суждено!.. Это будетъ и съ тобой!

Ульрихсъ. Не вѣрю я этому. Да на мнѣ и не лежитъ столько грѣховъ сколько на тебѣ! Чортъ побери!

Г-жа Доорнъ (*съ тревогой*). Кто обо мнѣ скажетъ? Ты, можетъ быть?

Ульрихсъ. Я? Нѣтъ! Навѣрное нѣтъ! Я не брошу въ тебя камнемъ. Я меньше, чѣмъ кто-либо.

Г-жа Доорнъ (*уклоняясь отъ отвѣта*). Есть ли у тебя еще что-нибудь въ карманѣ, или ты уже все пропилъ?

Ульрихсъ. Мелочь у меня не держится, это мое старое горе. А крупныхъ у меня и въ поминѣ не было.

Г-жа Доорнъ (*ищетъ въ карманѣ*). Я вѣдь только въ прошлое воскресенье дала тебѣ талеръ.

Ульрихсъ. Туда ему и дорога!

Г-жа Доорнь (*вынимаетъ большой карманный платокъ, въ одномъ изъ угловъ котораго завязанъ талеръ*). На, бери, но держи языкъ за зубами! (*Она даетъ ему талеръ*).

Ульрихсъ. Кажется, я сорокъ лѣтъ уже это дѣлаю.

Яковъ (*приходитъ съ Библіей*).

Ульрихсъ (*быстро*). Большое спасибо! Пойду посмотрѣть, что на скотномъ дворѣ дѣлается.

Г-жа Доорнъ. А что на рѣкѣ слышно? Скоро начнется ледоходъ?

Ульрихсъ. Пока все еще снѣгъ да морозъ. А отъ этого вода только прибываетъ!

Г-жа Доорнъ. Въ этомъ году мнѣ чудится что-то недоброе. Съ каждымъ годомъ это становится ближе! А теперь оно уже совсѣмъ недалеко!

Ульрихсъ. Я всегда говорю, рѣкѣ нечего торопиться. Еще не мало можетъ пройти, пока она тронется! Но это не можетъ не быть, и чѣмъ дольше его ждешь, тѣмъ вѣрнѣе оно будетъ. Таково мое мнѣніе.

Г-жа Доорнъ. Кажется, строить должны? Хотятъ вѣдь регулировать рѣку и плотину исправить?

Ульрихсъ (*смѣется*). Регулировать рѣку? Чорта съ два она будетъ считаться съ тѣмъ, регулируютъ ли ее, или нѣтъ! Она дѣлаетъ, что хочетъ! Ба, да мнѣ это все равно! Не правда ли, Яковъ? Намъ это все равно! Такъ или иначе намъ нечего терять. (*Онъ беретъ свою шапку и уходитъ направо. Въ окно видно, какъ онъ идетъ по плотинѣ по направленію къ сторожевой будкѣ*).

Г-жа Доорнъ (*къ Якову*). Садись тамъ у стола и почитай мнѣ! (*Она указываетъ на круглый столъ и сама садится на скамью у печки*).

Яковъ. Что мнѣ читать?

Г-жа Доорнъ. Раскрой Старый Завѣтъ: Экклезіастъ, глава первая и вторая. Тамъ что-то подчеркнуто. Читай это.

Яковъ (*раскрываетъ книгу и читаетъ*). «Суета суетъ,—сказалъ проповѣдникъ:—суета суетъ, все суета. Что за выгода человѣку при всѣхъ трудахъ его, что трудится онъ подъ солнцемъ? Одно поколѣніе отходитъ, другое поколѣніе приходитъ, а земля во вѣки пребываетъ».

Г-жа Доорнъ (*повторяя*). Одно поколѣніе отходитъ, другое поколѣніе приходитъ, а земля во вѣки пребываетъ. (*Вдругъ вся съеживается*). Шш!

Яковъ (*тоже пораженный*). Что случилось? Къ чему вы прислушиваетесь?

Г-жа Доорнъ. Развѣ ты ничего не слышишь? Мнѣ все кажется, что кто-то идетъ!

Яковъ (*спустя мгновеніе*). Я ничего не слышу.

Г-жа Доорнъ (*бормочетъ*). Мнѣ все кажется, кто-то ѣдетъ сюда.

Яковъ (*читаетъ дальше*). «Всѣ слова слабы; не можетъ человѣкъ переговорить всего; не насытится глазъ зрѣніемъ; не наполнится ухо слушаніемъ. Что было, то и будетъ; и что дѣлалось, то и будетъ дѣлаться; и нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ»...

Г-жа Доорнъ. И нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ. Замѣть себѣ это и сообразно этому поступай.

Яковъ (*задорно*). Что мнѣ до того, что тутъ написано! Это для старыхъ людей, не для меня.

Г-жа Доорнъ. Молчи и слушай, что я тебѣ говорю! Ты думаешь что съ тобой поступили особенно нехорошо? А я говорю тебѣ: то что съ тобой случилось, случается каждый день. Ты не первый, ты не послѣдній. Слушайся того, кто господинъ тебѣ!

Яковъ (*вспыливъ*). Кто мнѣ господинъ? Хотѣлъ бы я знать это!

Гжа Доорнъ. Петръ—твой господинъ! Такъ рѣшилъ это твой отецъ въ своемъ завѣщаніи, и такъ оно должно быть въ семьѣ, чтобы всѣ держались вмѣстѣ и слушались старшаго. Что станется съ имѣніемъ, если каждый сможетъ отрѣзать себѣ по куску и уйти, куда глаза глядятъ? (*Она останавливается и опять прислушивается*). Пст! Молчи!.. Сани! Совсѣмъ далеко!

Яковъ. У меня не такой тонкій слухъ, какъ у васъ.

Г-жа Доорнъ. Я могла бы слышать, какъ трава растетъ, если бы хотѣла. Я говорю тебѣ, къ намъ ѣдутъ сани.

Яковъ. Ну, да! Петръ и Рената. Кто другой? (*Слышенъ колокольчикъ*). Дѣйствительно, теперь уже слыхать!

Г-жа Доорнъ. Это наши сани?

Яковъ. Я вѣдь знаю нашъ колольчикъ. Теперь они заворачиваютъ съ поля на плотину... Вотъ они! (*Мимо окна налѣво проѣзжаютъ сани и останавливаются*).

Г-жа Доорнъ. Это Петръ и Рената? Видишь ты ихъ?

Яковъ (*всталъ и смотритъ въ окно налѣво*). Рената какъ разъ вылѣзаетъ изъ саней.

Г-жа Доорнъ. А Петръ?

Яковъ. Онъ тоже тутъ.

Г-жа Доорнъ (*складываетъ руки*). Благодареніе Господу (*Опять слышенъ колокольчикъ. Сани опять проѣзжаютъ мимо оконъ и исче-*

заютъ. Тишина. Затѣмъ открывается дверь налѣво, и со двора входятъ Рената, а за нею Петръ, оба въ шубахъ. Петръ — лѣтъ тридцати пяти, высокій и крѣпкій, съ жесткимъ выраженіемъ и рѣзкими чертами лица. Рената лѣтъ тридцати, но, несмотря на серьезное выраженіе лица, выглядитъ гораздо моложе).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Рената. Здравствуйте, бабушка!

Г-жа Доорнъ (*бормочетъ*). Здравствуй!

Рената (*снимая съ себя шубу*). Здравствуй, Яковъ!

Яковъ (*бросается быстро къ ней*). Здравствуй, Рената. Подожди, Рената. Подожди, я помогу тебѣ. (*Онъ помогаетъ ей раздѣваться*).

Рената. Спасибо. Уже.

Петръ (*снимая шубу, язвительно Якову).* Вѣжливъ, какъ оберъкельнеръ!

Яковъ *(вспыхнувъ).* Развѣ я когда-нибудь тебѣ прислуживалъ?

Петръ *(бросаетъ ему свою шубу).* На! Повѣсь ее! Покажи свое умѣнье!

Яковъ *(отступаетъ на шагъ назадъ, такъ что шуба падаетъ на полъ).* Бацъ! Вотъ она лежитъ! *(Какъ будто бы зоветъ собаку)*. Каро! Апортъ!

Петръ *(повелительно)*. Поднять! *(Такъ какъ Яковъ не трогается)*. Поднять, говорю я тебѣ!

Яковъ. Тебѣ придется ждать! Нагнись-ка самъ! *(Онъ поворачивается къ нему спиной).*

Петръ *(внѣ себя)*. Болванъ! Нахалъ! *(Онъ хочетъ броситься на него)*

Рената *(становится передъ нимъ).* Прошу тебя, успокойся!

Петръ *(какъ бы укрощенный ея взглядомъ, но ворча*). Понятно, этого надо было ожидать! *(Онъ отворачивается).*

Рената *(спокойно*). Конечно! (*Она нагибается, чтобы поднять шубу*).

Яковъ (*замѣтивъ это бросается къ ней*). Нѣтъ, не ты! Я! Я!

Рената Пусти, я ее повѣшу!.

Яковъ Нѣтъ! Нѣтъ! Ради тебя я это сдѣлаю! Только не для него! *Онъ поднимаетъ шубу*, *относитъ ее къ шкафу и вѣшаетъ ее тамъ*).

Петръ (*полуобернувшись у окна слѣва).* Комедія!

Яковъ (*Ренатѣ, которая подошла со своими вещами*). Такъ! Теперь твои вещи!

Рената (*отдаетъ ему свои вещи*). Спасибо Яковъ!

Петръ. Можетъ быть, теперь, когда ты уже выполнилъ свои рыцарскія обязанности, ты сдѣлаешь мнѣ одолженіе и дашь себѣ трудъ отправиться на конюшню и посмотрѣть, выпрягъ ли Іобстъ лошадей и далъ ли онъ имъ кормъ? Напоить ихъ нужно только черезъ четверть часа! Маршъ!

Яковъ. Тебѣ нечего командовать. Я и самъ пойду. Мнѣ все-таки

лучше на конюшнѣ со скотиной, чѣмъ дышать съ тобой однимъ воздухомъ въ комнатѣ! (*Онъ быстро уходитъ направо*).

ЯВЛЕНІЕ 4-ое.

(Тѣ же безъ Якова).

Петръ Посмотри-ка! Этому молодчику слѣдовало бы намордникъ надѣть.

Г-жа Доорнъ. Наказаніе намъ съ этимъ мальчикомъ! Наказаніе!

Петръ. И что тутъ удивительнаго? Онъ видитъ, что у него есть защита.

Рената. Не забывай, что Якову семнадцать лѣтъ. Такъ не обращаются со взрослымъ человѣкомъ. И меньше всего со своимъ же собственнымъ братомъ.

Петръ (*сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, останавливается передъ ней*). Можетъ быть ты предпишешь мнѣ, какъ обращаться съ этимъ болваномъ?

Рената (*смотритъ ему твердо въ глаза*). Да, я хочу это сдѣлать, Петръ.

Петръ (*наморщивъ лобъ*). Не позволяй себѣ слишкомъ много со мной!

Г-жа Доорнъ. Я всегда говорила, что Господь Богъ намъ этого мальчика послалъ въ наказаніе. Въ наказаніе за наши прегрѣшенія.

Петръ (*мрачно*). Пусть онъ бережется! (*Молчаніе*).

Г-жа Доорнъ (*Петру*). Хорошую ли проповѣдь произнесъ сегодня пасторъ?

Петръ. Не знаю. Я его не слушалъ.

Г-жа Доорнъ. На какую тему была проповѣдь?

Рената (*послѣ нѣкотораго молчанія*). Объ избіеніи дѣтей въ Виѳлеемѣ.

Г-жа Доорнъ. И о чемъ только они теперь не говорятъ проповѣдей!

Петръ. Да! Какъ будто и безъ нихъ мало несчастій на этомъ свѣтѣ! И проповѣдь тоже должна намъ о нихъ напоминать!

Рената. Проповѣдь была очень хороша. Я вспоминала о нашихъ маленькихъ дѣтяхъ, что лежатъ тамъ на кладбищѣ.

Петръ (*мрачно*). А когда ты не думаешь о нихъ?

Рената. Да! Бѣдныя, маленькія дѣти! И почему они должны были погибнуть!

Патръ. Почему ты меня спрашиваешь? Развѣ я всевѣдущъ?

Рената. Ты знаешь это, Петръ! Ты знаешь это такъ же хорошо, какъ и я.

Петръ (*жестко*). Ничего я не знаю. Я ни во что не вѣрю. Я стою на своемъ посту и держусь. До послѣдней капли крови стоять буду. И если мнѣ придется погибнуть, я погибну. Но пока я ни одной пяди не уступлю изъ того, что мнѣ принадлежитъ. Замѣть себѣ это!

Рената. Я, вѣдь, знаю тебя. Я знаю, что ты, какъ кремень. Но и ты знаешь меня.

Петръ. Да, тебя я успѣлъ узнать!

Рената. Я могу быть такъ же тверда, какъ и ты. Мои мертвыя дѣти стоятъ рядомъ со мною. Они защищаютъ меня отъ тебя. (*Она быстро уходитъ въ среднюю дверь направо*).

ЯВЛЕНІЕ 5-ое.

(Тѣ же безъ Ренаты).

Г-жа Доорнъ (*смотря ей вслѣдъ*). Пусть бы она мертвыхъ въ покоѣ оставила! Тѣ уже давно успокоились. Господь Богъ нашъ отнялъ у васъ дѣтей. Господь Богъ можетъ вамъ опять послать ихъ.

Петръ. Нѣтъ, этого онъ не можетъ, пока между нами будутъ продолжаться тѣ отношенія, въ которыхъ мы уже давно находимся.

Г-жа Доорнъ. Она все еще съ тобой, какъ прежде?

Петръ. Все еще! Съ того самаго дня! Ничего не перемѣнилось!

Г-жа Доорнъ. Я всегда тебя считала человѣкомъ, который умѣетъ добиться своего. Теперь я вижу, что ошиблась.

Петръ. Съ нею я не могу справиться. Я безсиленъ противъ нея.

Г-жа Доорнъ. Такой человѣкъ, какъ ты, могъ бы, однако, справиться съ слабой женщиной?..

Петръ. Могу ли я ее заставить?

Г-жа Доорнъ. Она жена твоя. Она въ твоей власти. Ты имѣешь надъ ней права. Ты можешь дѣлать, что угодно.

Петръ. Я не могу этого. Она слишкомъ много знаетъ. Въ этомъ все несчастье.

Г-жа Доорнъ (*раздражительно*). Не стоитъ ли кто за дверьми?

Петръ (*отворяетъ дверь съ правой стороны и опять ее запираетъ*). Никого нѣтъ!

Г-жа Доорнъ (*встаетъ и убѣдившись, что никто не подслушиваетъ у среднихъ дверей съ правой стороны, опять садится*). Всегда лучше, если знаешь это навѣрное!

Петръ (*опять задумавшись*). Она слишкомъ много знаетъ! Да! Если бы не это!

Г-жа Доорнъ. Почему же ты былъ такъ глупъ и выболталъ ей то, что кромѣ насъ двоихъ никто не долженъ былъ знать?

Петръ (*въ мрачномъ раздумьѣ*). Почему я сдѣлалъ это? Теперь я тоже спрашиваю себя объ этомъ! Но въ тотъ день, когда моихъ дѣтей вытащили изъ Вислы и мертвыхъ внесли въ домъ, въ этотъ несчастный день я не могъ иначе поступить! Я долженъ былъ ей тогда сказать это! Долженъ былъ! Иначе это задушило бы меня,—такъ я думалъ. Всего только за полчаса передъ тѣмъ они еще играли на плотинѣ. Богъ знаетъ, какъ ихъ унесло въ воду! Что это была за сила! Точно

рѣка сама протянула за ними свою руку! Какъ будто она хотѣла крикнуть мнѣ: «Око за око, зубъ за зубъ!» (*Онъ останавливается и проводитъ рукой по лбу*).

Г-жа Доорнъ. Ты пришелъ бы лучше ко мнѣ и облегчилъ бы свое сердце.

Петръ (*въ затрудненіи*). Чѣмъ могли вы мнѣ помочь, бабушка? Развѣ у васъ совѣсть была чище?

Г-жа Доорнъ (*осматривается боязливо кругомъ*). Глупыя рѣчи! Какъ будто я виновата!

Петръ (*обрывая ее*). Ну, ладно!

Г-жа Доорнъ (*какъ прежде*). Радуйся лучше, что ты сохранилъ цѣликомъ свое прекрасное имѣніе! Что тебѣ не пришлось его дѣлить. Что было бы, если бы ты долженъ былъ Якову отдать домъ Ульрихсовъ, а Генриху выплатить его долю наличными? Наличными деньгами въ такое плохое время? Что было бы тогда?

Петръ. Да, я не вынесъ бы этого. Съ такимъ завѣщаніемъ я былъ бы окончательно разоренъ!

Г-жа Доорнъ (*молчитъ и, приставивъ руку къ уху, прислушивается, вдругъ вздрагиваетъ*). Тише! Тише! Ты ничего не слышишь?

Петръ (*прислушивается*). Нѣтъ! Ни звука не слышно!

Г-жа Доорнъ (*съ ужасомъ*). Къ намъ ѣдетъ кто-то, говорю я тебѣ!

Петръ (*занятый своими мыслями*) Когда подумаешь только—дѣтей нѣтъ! Наслѣдниковъ нѣтъ! Для кого же я надрываюсь? Для кого я работаю? . . . Странно складываются иногда обстоятельства!

Г-жа Доорнъ (*встаетъ*). Уходи лучше! Ты не мужчина! Я уйду наверхъ къ себѣ, въ свою комнату! Я не хочу ничего ни видѣть, ни слышать. Если возможны такія вещи, я не гожусь болѣе для этого свѣта. (*Она беретъ свою библію и медленно направляется къ лѣстницѣ направо*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

(Тѣ же и Рената).

Рената (*опять входитъ въ ту же дверь, въ которую она вышла*). Черезъ полчаса будетъ обѣдъ, бабушка. Хотите ли вы у себя обѣдать, или спуститесь внизъ?

Г-жа Доорнъ. Я уже больше не сойду внизъ, я ничего больше не желаю! Должно быть, наступило другое время, совсѣмъ не похожее на то, когда я была молода. Я бы никогда не повѣрила, что мужчина не есть мужчина! Что возможно хоть что нибудь подобное!

Рената (*приближается къ ней*). Что вамъ нужно? кто васъ обидѣлъ?

Г-жа Доорнъ (*смѣривъ ее враждебнымъ взглядомъ*). Кто меня обидѣлъ? (*Она смѣется злобнымъ отрывистымъ смѣхомъ*). Глупые воп-

росы! Не гожусь я больше для новомодныхъ людей, какъ вы. Я сдѣлаю то же, что и старый барсукъ. Зароюсь въ свою нору и ужъ больше не покажусь на свѣтъ Божій. *(Она поворачивается къ ней спиной и уходитъ къ себѣ наверхъ).*

Рената *(смотритъ ей вслѣдъ, затѣмъ молча направляется къ своему рабочему столику у окна слѣва).*

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

(Тѣ же безъ госпожи Доорнъ).

Петръ *(отходитъ отъ окна, откуда онъ наблюдалъ предыдущую сцену, и направляется къ Ренатѣ, какъ бы принявъ твердое рѣшеніе).* Рената, слышала ли ты, что сказала бабушка?

Рената. Да.

Петръ *(съ едва сдерживаемымъ возбужденіемъ).* Рената, я достаточно наказанъ. Пойми же это!

Рената. Пойми и ты другихъ!

Петръ. Развѣ я могу вернуть жизнь нашимъ дѣтямъ?

Рената. Нѣтъ! Этого нѣтъ! Этого нельзя вернуть! Но твое . . .

Петръ *(внѣ себя, бросаясь къ ней).* Рената?!

Рената *(смотритъ на него спокойно).* Ну?

Петръ *(овладѣваетъ собой).* Поди уже лучше прямо въ судъ и донеси на меня!

Рената. Вѣдь я твоя жена!

Петръ. Развѣ это такъ? . . . Я думалъ, что ты уже забыла это?

Рената *(твердо).* Я была когда-то твоей женой и ношу твое имя.

Петръ (*ядовито*). Вотъ какъ! Она не хочетъ, чтобы пачкали ея имя. И она еще говорила когда-то о своей любви!

Рената. Я ношу твое имя и потому молчу, какъ молчала всѣ эти годы. И чего мнѣ все это стоило, знаю только я одна.

Патръ (*внѣ себя*). Лицемѣріе! Низкое пошлое лицемѣріе! Ты только потому держала языкъ за зубами, что тебѣ это выгодно было. Потому что жила на мои такъ называемые... (*Онъ останавливается и, такъ какъ она молчитъ, продолжаетъ*). Ну скажи же! Скажи же! Назови это настоящимъ именемъ! Потому что и ты тоже *пользовалась* этимъ! Ты корчила изъ себя добродѣтельную, недоступную женщину и при этомъ очень недурно жила на мой счетъ!

Рената (*вспыхнувъ, но сдерживая себя*). Ты... ты... Лжешь ты! Какъ я тебя умоляла! Годами умоляла! Какъ я тебя упрашивала исправить твою несправедливость!.. Я на колѣняхъ лежала предъ тобой! И теперь!.. теперь..? (*Она ломаетъ въ отчаяніи руки*).

Петръ (*стоитъ предъ ней наружно спокойный*). Рената, выслушай меня!

Рената (*не слушая его*). Какую жизнь вела я съ того самаго дня!

Позволяла ли я себѣ что-нибудь лишнее въ теченіе этихъ годовъ Приняла ли я отъ тебя хоть одинъ грошъ? Я сама платила за все, что мнѣ нужно было! Ничего у меня не было съ тобой общаго! И ты еще упрекаешь меня, что я пользовалась твоими преступными деньгами?!. Ты упрекаешь меня въ этомъ?.. *Ты меня?..* (*Она хочетъ уйти*).

Петръ (*заступая ей дорогу*). Рената, ты должна меня выслушать

Рената. Пусти меня.

Петръ (*рѣшительно*). Не раньше, чѣмъ ты меня выслушаешь!

Рената. Хорошо, я слушаю... Я должна это, конечно, сдѣлать (*стоитъ у средняго стола, скрестивъ на груди руки*).

Петръ. Рената, я не могъ поступить иначе, чѣмъ я поступилъ.

Рената. Такъ говоритъ каждый преступникъ!

Петръ (*дрожа отъ гнѣва*). Рената, не говори такимъ образомъ! Мнѣ хотѣлось бы иногда не сознавать, что я дѣлаю!

Рената Тѣмъ лучше... Тѣмъ лучше...

Петръ (*все еще сдерживаясь*). Рената, ты знаешь, въ какомъ положеніи были наши дѣла послѣ смерти отца. Долгая болѣзнь отца! Кирпичный заводъ началъ строиться! На шеѣ масса долговъ! Къ тому же плохія времена! Мы всѣ вмѣстѣ были бы разорены, если бы все устроилось согласно послѣдней волѣ моего отца!

Рената. Но почему его послѣдняя воля была такова?

Петръ. Потому что онъ былъ не въ полномъ умѣ! Потому что въ своемъ лихорадочномъ бреду онъ не могъ разсчитать, къ чему все это привело бы! Къ разоренію! Къ банкротству! Къ гибели всего, что держалось уже сотни лѣтъ! Я, какъ старшій, несъ за все отвѣтственность. Я былъ капитаномъ, который долженъ былъ за все отвѣчать. Безъ меня судно давно бы уже погибло въ потокѣ, и всѣ, кто былъ бы на немъ, вмѣстѣ съ нимъ! Ты также!

Рената (*мрачно*). А все, что ты выбросилъ за бортъ, все, чѣмъ ты заплатилъ, чтобы потокъ тебя освободилъ, — всего этого ты не считаешь?

Петръ. Я улучшилъ наше имѣніе! Я пустилъ въ ходъ кирпичный заводъ! Я выплатилъ всѣ долги! Сотни и сотни моргеновъ песку изъ ульрихсовскаго участка, которые съ 1833 г. лежали необработанными, я опять обработалъ и сдѣлалъ ихъ плодородными! Какихъ денегъ все это стоило! Кто бы другой справился со всѣмъ этимъ? А я добился своего! Я создалъ пшеничныя поля тамъ, гдѣ мой отецъ ходилъ по колѣна въ песку! Это мое дѣло! Я думаю, государство и правительство могутъ быть мною довольны (*Онъ говоритъ страстно, но сдержанно; вытираетъ потъ со лба*).

Рената. Теперь ты красно говоришь! Но вспомни тотъ часъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, когда ты узналъ о постигшемъ тебя Божьемъ наказаніи. Вспомни о тѣхъ двухъ трупикахъ, предъ которыми ты

самъ себя обвинилъ сильнѣе, чѣмъ могъ тебя обвинить кто-нибудь другой.

Петръ Я потерялъ тогда разсудокъ! Меня тогда несчастье съ ума свело! Пора, наконецъ, похоронить это и забыть!

Рената (*страстно*). Мнѣ забыть, что мои дѣти погибли?

Петръ (*съ трудомъ сдерживаясь*). Рената, не доводи меня до крайности! Я несчастный человѣкъ! Слишкомъ дорого заплатилъ я за все! Теперь довольно! Начнемъ новую жизнь!

Рената (*съ широко раскрытыми глазами, точно передъ ней призракъ*). Новую жизнь, мы съ тобой?! Чтобы опять повторилось все то же?!. И чтобы они опять тутъ лежали?!

Петръ (*въ порывѣ дикой страсти*) Рената?!.. (*Хочетъ ее обнять*).

Рената (*отталкиваетъ его съ крикомъ*). Не прикасайся ко мнѣ! Ты заклейменъ!..

Петръ (*отступаетъ назадъ*) Ахъ ты... ты... (*На дворѣ слышенъ звонъ колокольчика, но оба они не обращаютъ на него вниманія*).

Рената Не прикасайся ко мнѣ!

Петръ. Ты еще будешь раскаиваться! Ты еще не знаешь меня! Но ты меня узнаешь! Меня и мою власть!

Рената. И твоя власть также имѣетъ предѣлы! Я нахожусь подъ защитой Бога (*Она поворачивается, чтобы уйти направо. Въ это время двери раскрываются настежь*).

ЯВЛЕНІЕ 8-ое.

(Тѣ же и Яковъ).

Яковъ (*врывается, почти задыхаясь*). Знаете ли вы, кто тамъ?. Братъ Генрихъ тамъ! Пріѣхалъ братъ Генрихъ!

Петръ (*быстро поворачивается*). Кто пріѣхалъ? Чортъ подери!

Яковъ. Братъ Генрихъ тутъ. Братъ Генрихъ! Онъ пріѣхалъ на саняхъ съ вокзала. (*Въ раскрытыя двери входитъ Генрихъ подъ руку съ Ульрихсомъ*).

ЯВЛЕНІЕ 9-ое.

(Тѣ же. Генрихъ и Ульрихсъ).

Ульрихсъ (*говоритъ горячо*). Возможно ли это? Голубчикъ! Ты думаешь, что онъ тамъ гдѣ-то далеко на Рейнѣ торчитъ, а онъ вдругъ тутъ.

Генрихъ. Да, да! Только что вывезенъ изъ Дюссельдорфа. Восемь дней назадъ никто объ этомъ и не думалъ. Я меньше всѣхъ.

Ульрихсъ. И ты переведенъ сюда, какъ настоящій инженеръ?

Генрихъ. Какъ настоящій инженеръ.

Ульрихсъ. Откуда ты сани досталъ?

Генрихъ. Я взялъ ихъ на станціи... Ба, вспомнилъ! Надо кучеру заплатить, дядя, а?

Ульрихсъ. Сейчасъ будетъ исполнено. (*Уходя*). Кто бы могъ думать? Такая исторія! (*Исчезаетъ, качая головой*).

ЯВЛЕНІЕ 10-ое.

(Тѣ же, безъ Ульрихса).

Генрихъ (*запираетъ дверь, идетъ къ Петру и протягиваетъ ему руку*). Здравствуй, Петръ!.. Ты удивленъ?

Петръ (*успѣвшій овладѣть собой, протягиваетъ ему механически руку*). Да! Ты умѣешь устраивать сюрпризы. Въ этомъ тебѣ нельзя отказать.

Генрихъ. Спроси объ этомъ у министра, который меня вдругъ сюда перевелъ. Въ прошлый вторникъ я получилъ свое назначеніе на Вислу, въ четвергъ вечеромъ я уже сидѣлъ въ вагонѣ. И сегодня я уже на мѣстѣ. Ты видишь, что бюрократія не всегда идетъ черепашьимъ шагами. Иногда и она дѣйствуетъ на курьерскихъ.

Петръ. Да, какъ видно.

Генрихъ. Такая большая рѣка, точно важный баринъ. Разъ онъ зоветъ, нужно сейчасъ же броситься къ нему. Онъ не ждетъ.

Петръ. А что ты будешь тутъ дѣлать? Не хотятъ ли и у насъ регулировать рѣку?

Генрихъ. Именно это. Завтра начинаются измѣренія. И потому я тутъ.

Петръ. Вы, бюрократы, сами не знаете, чего хотите. Сегодня одно, завтра другое.

Генрихъ. Но я-то знаю, чего хочу. Будь въ этомъ увѣренъ. Это не первая рѣка, съ которой мнѣ приходится имѣть дѣло. Моимъ учителемъ была сама Миссисиппи.

Петръ. Во всякомъ случаѣ тебя можно поздравить. Ты быстро сдѣлалъ карьеру.

Генрихъ. Я принималъ участіе въ большихъ работахъ по регулированію Рейна. Мнѣ тогда повезло... Но прежде я еще долженъ засвидѣтельствовать мое почтеніе хозяйкѣ дома. (*Подходитъ къ Ренатѣ*). Здравствуй, Рената!

Рената (*протягиваетъ ему руку*). Здравствуй, Генрихъ!

Генрихъ (*улыбаясь*). Ты, вѣроятно, едва меня узнала?

Рената (*слабо улыбаясь*). У меня все-таки не такая короткая память.

Генрихъ. Какъ-никакъ, но двѣнадцать лѣтъ не шутка. Они могутъ сильно измѣнить человѣка. Особенно три года въ Америкѣ. Всяко бывало! Да!

Рената. И несмотря на это, ты мало измѣнился съ того времени, когда былъ студентомъ.

Генрихъ. И ты тоже съ того времени, когда была невѣстой.

Рената. Ты находишь это?

Генрихъ. Ты была уже невѣстой, когда мы видѣлись въ послѣдній разъ.

Петръ. Ты уѣхалъ какъ разъ въ день нашего обрученія.

Генрихъ (*небрежно*). Такъ? Возможно.

Петръ. Да, такія вещи забываются.

Генрихъ (*обращается къ Якову*). Ну, а ты, Яковъ? Какимъ бравымъ молодцомъ сталъ ты, однако! Тебя я никогда не узналъ бы.

Яковъ (*молчитъ*).

(*Короткая пауза*).

Рената. Не хочешь ли ты раздѣться, Генрихъ?

Генрихъ. Клянусь Богомъ, объ этомъ я и забылъ на радостяхъ. Но можно ли мнѣ? Позволите ли вы это?

Петръ. Оставь, пожалуйста, эти фразы.

Рената. Ты всегда для насъ дорогой гость, Генрихъ.

Генрихъ. Мнѣ стыдно предъ вами. Я пріѣхалъ сюда съ нечистой совѣстью. (*Онъ раздѣвается*).

Рената. Съ нечистой совѣстью? Ты?

Генрихъ. Да я, вѣдь, всѣ эти двѣнадцать лѣтъ ни разу не написалъ вамъ, ни разу не поинтересовался вашей жизнью.

Петръ (*холодно*). Въ такихъ дѣлахъ каждый долженъ самъ съ собой считаться.

Генрихъ. У меня были вполнѣ достаточныя основанія. По крайней мѣрѣ, мнѣ такъ казалось. Конечно, это было глупо и мелочно съ моей стороны. Я уже давно понялъ это. Но, какъ часто случается въ жизни, свою ошибку не удается исправить. Теперь я могу это сдѣлать. Сама судьба даетъ мнѣ указаніе. Я могу сказать тебѣ это, Петръ. Я долженъ у тебя просить прощенія.

Петръ. Ты у меня? За что?

Генрихъ. Ты поймешь меня!

Петръ. Еслибъ я только зналъ, въ чемъ дѣло?

Генрихъ. Развѣ я тебѣ долженъ еще объяснять? Это вышло изъ-за наслѣдства, изъ-за завѣщанія.

Петръ. Вотъ какъ!

Генрихъ. Ты знаешь, я былъ въ Америкѣ, когда умеръ нашъ отецъ и пришло извѣстіе, что мы, младшіе братья, лишены наслѣдства. Въ сущности это было мнѣ безразлично Я отчасти уже былъ вознагражденъ тѣмъ, что получилъ образованіе. Но все же... можетъ быть, это зависѣло отъ тамошней атмосферы... Она дѣлаетъ иногда человѣка жесткимъ и недовѣрчивымъ... И съ моей стороны было глупо и мелочно, что я взвалилъ на тебя всю вину. Какъ будто отецъ не поступалъ по своей волѣ! Теперь я самъ себя въ этомъ упрекаю. Говоря короче, я стыжусь теперь, что такъ долго разыгрывалъ роль оби-

женнаго. Дай мнѣ твою руку и прости меня. (*Хочетъ протянуть ему руку*).

Рената (*которая слушала съ увеличивающимся волненіемъ, тихо вскрикиваетъ*). Боже мой! (*Хватается за сердце, шатается*).

Яковъ (*не спускавшій съ нея глазъ, бросается къ ней*). Рената, что съ тобой? Ты... ты... ты падаешь! Рената... милая Рената!

Генрихъ (*тоже бросается къ ней*). Ради Бога! Что случилось?

Яковъ (*отталкиваетъ Генриха*). Я! Я!

Рената (*оправляется*). Ничего! Оставьте меня только! (*Она освобождаетея отъ Якова*).

Генрихъ. Дать тебѣ стаканъ воды?

Рената. Нѣтъ. Нѣтъ... Это только такъ, это сейчалъ пройдетъ.

Петръ (*наблюдавшій эту сцену, стоя у стола, рѣзко*). Когда тебѣ станетъ лучше, ты, можетъ быть, будешь добра и позаботишся объ обѣдѣ. Мы всѣ голодны.

Рената. Да, да, я иду уже. (*Она быстро уходитъ направо въ заднюю дверь*).

ЯВЛЕНІЕ 11-ое.

(Тѣ же безъ Ренаты).

Генрихъ (*смотритъ ей вслѣдъ, качая головой*). Развѣ тебя не безпокоитъ это? Часто ли это съ ней бываетъ?

Петръ (*мрачно*). Бабьи капризы! Дурачества! Противъ этого ничего не подѣлаешь! (*Онъ идетъ къ средней двери направо, но еще разъ оборачивается*). Извини! (*Онъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 12-ое.

(Тѣ же безъ Петра).

Генрихъ (*послѣ короткой паузы оборачивается, качая головой, къ Якову, который остался стоять у стола, наполовину повернувшись спиной къ Генриху*). Что тутъ происходитъ, Яковъ?

Яковъ (*строптиво*). А я откуда знаю?

Генрихъ (*дѣлаетъ къ нему шагъ*). Я спрашиваю тебя, что тутъ происходитъ?

Яковъ. А тебѣ что за дѣло? Двѣнадцать лѣтъ ты даже не спрашивалъ о насъ! А теперь ты хочешь сразу получить отвѣтъ? Я не отвѣчу тебѣ!

Генрихъ. Даже въ томъ случаѣ, если я тебя объ этомъ попрошу, Яковъ?

Яковъ. Ты пріѣхалъ и думаешъ, что тебѣ стоитъ только протянуть палецъ и всѣ бросятся къ тебѣ на шею? Но только не я. Тебѣ этого долго придется ждать!

Генрихъ. Что сталось съ нашимъ маленькимъ Яковомъ?

Яковъ. Тебѣ легко корчить изъ себя важнаго барина! Ты хоть что-нибудь получилъ изъ своего наслѣдства. Ты самъ говоришь, что могъ учиться. А я долженъ былъ ходить въ деревенскую школу. И никто даже пальцемъ о палецъ не ударилъ!

Генрихъ. Ты правъ, Яковъ. Я долженъ былъ о тебѣ позаботиться. Но пойми же, у меня. самого было не мало хлопотъ. Мнѣ тоже не такъ легко пришлось, какъ ты думаешъ. Итакъ, дай мнѣ руку! Мы, вѣдь, братья. Мы, вѣдь, теперь въ отцовскомъ домѣ! (*Онъ протягиваетъ ему руку*).

Яковъ. Я не знаю никакого брата! Я не знаю отцовскаго дома! (*Онъ разражается страстными рыданіями*).

Генрихъ (*кладетъ ему руку на плечо*). Но Яковъ! Яковъ! Что съ тобой?

Яковъ (*рыдаетъ*). Я ничего не имѣю. И я самъ ничто. Оставь меня въ покоѣ. (*Онъ быстро уходитъ налѣво*).

(*Генрихъ остается въ глубокомъ раздумьѣ*).

(З а н а в ѣ с ъ).

АКТЪ ВТОРОЙ.

Обстановка перваго дѣйствія. Между первымъ и вторымъ актомъ проходить около десяти дней. Послѣ обѣда. Вокругъ дома завываетъ вѣтеръ. Заходящее солнце то появляется изъ-за облаковъ, то опять скрывается за ними Къ концу акта начинаетъ смеркаться. Рената сидитъ на авансценѣ справа, у рабочаго столика, занятая работой. Яковъ стоитъ перецъ ней, повернувшись спиной къ дубовому столу.

ЯВЛЕНІЕ 1-ое.

Яковъ. Она меня выгнала. Она говоритъ, что никого не хочетъ видѣть.

Рената (*оставивъ работу, въ раздумьѣ*). Это продолжается уже цѣлую недѣлю.

Яковъ. Съ того времени, какъ Генрихъ тутъ. Съ воскресенья она ни разу не сошла внизъ.

Рената. Да, съ того самаго дня.

Яковъ. Вообще все перемѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ онъ тутъ.

Рената (*молчитъ*).

Яковъ. Ты тоже другая стала, чѣмъ раньше. Совсѣмъ, совсѣмъ другая.

Рената (*въ затрудненіи*). Какъ это такъ?

Яковъ. Прежде ты всегда меня просила, чтобы я тебѣ читалъ вслухъ! Это были лучшіе часы! Лучшіе часы...

Рената. Все будетъ опять по старому, Яковъ, обѣщаю тебѣ это. Только не теперь! Не теперь!

Яковъ (*страстно*). Когда же? Это я и говорю! Никогда уже больше не будетъ такъ, какъ было. Такъ хорошо уже никогда не будетъ. Никогда, никогда больше... Мнѣ плакать хотѣлось бы! Убить хотѣлось бы мнѣ!

Рената (*въ ужасѣ*). Яковъ! Яковъ!.. (*Она отворачивается*) Нѣтъ! Что вы за люди!

Яковъ (*внезапно бросается къ ней, хватаетъ ея руки, со слезами на глазахъ*). Неужели я такой плохой человѣкъ, Рената? Скажи мнѣ только! Скажи мнѣ только!

Рената. Ты вовсе не плохой человѣкъ, Яковъ. Но ты долженъ владѣть собою.

Яковъ. Но если я не въ состояніи?.. Если я не могу?

Рената. Вамъ, мужчинамъ, легко это сказать! Вспомни насъ, женщинъ! Съ дѣтства намъ проповѣдуютъ: сдерживай себя! Откажись отъ этого, откажись отъ того! Терпи то, чего нельзя вытерпѣть!.. А вы? вы?

Яковъ (*задумавшись о чемъ-то другомъ*). Я говорю тебѣ, Рената, когда они всѣ будутъ бросать въ меня каменьями, ты должна за меня заступиться. Обѣщаешь ты мнѣ это? Когда меня не станетъ?

Рената (*слабо улыбаясь*). О Яковъ, Яковъ! Иногда сама не знаешь, смѣяться ли надъ тобой или плакать.

(Дверь слѣва отворяется, входятъ Петръ и Генрихъ. Оба въ платьяхъ для верховой ѣзды и длинныхъ сапогахъ, съ мѣховыми фуражками. Въ раскрытую дверь врывается шумъ все усиливающейся бури).

ЯВЛЕНІЕ 2-ое

(Тѣ же, Петръ и Генрихъ).

Генрихъ (*снимая фуражку и поправляя свою одежду*). Здравствуй, Рената! Слышишь, какъ завываетъ буря?

Рената. Я люблю, когда такъ воетъ и шумитъ. Такъ и кажется, что что нибудь должно перемѣниться на этомъ свѣтѣ.

Петръ (*бросаетъ свою фуражку на столъ*). Нелѣпость! Міръ всегда останется одинаковымъ. Дуракъ тотъ, кто надѣется на лучшее!

Генрихъ (*весело*). Ого! Развѣ этотъ бурный вѣтеръ не приноситъ намъ весну? Ее-то ты, вѣдь, признаешь?

Петръ. Весна или осень, лѣто или зима— я не вижу никакой разницы! Я вижу только вѣчно одно и то же, изъ года въ годъ, пока не ляжешь въ гробъ. Тогда достигъ того, что нужно.

Генрихъ (*качаетъ головой*). Я знаю, ты всегда былъ пессимистомъ. Но такимъ, какимъ ты *теперь* сталъ.... Нѣтъ, этого нельзя было ожидать. Когда-то ты былъ очень усерднымъ и ловкимъ танцоромъ.

Петръ. Я, кажется, уже съ самой своей свадьбы не танцовалъ.

Генрихъ. Тебѣ бы слѣдовало больше встрѣчаться съ людьми, Петръ. У тебя угрюмый характеръ.

Петръ. Поживи въ этой пустынѣ, такъ сказать, на аванпостѣ! Веди эту борьбу, которую я велъ и которую я все еще веду!

Рената. Для тебя получены телеграммы, Петръ. Кажется, телеграммы о состояніи рѣки.

Петръ. Ты могла бы это раньше сказать. Гдѣ же онѣ?

Рената. Тамъ на подоконникѣ. Ихъ только что принесъ Ульрихсъ.

Генрихъ. Бьюсь объ закладъ, что рѣка уже тронулась.

Петръ (*подходитъ къ окну, беретъ телеграммы, пробѣгаетъ ихъ*). Не легко придется намъ въ эту ночь!

Генрихъ (*подходя къ нему*). Покажи-ка! (*Онъ также просматриваетъ телеграммы*). Сообщеніе черезъ Вислу уже прервано! Вода уже стоитъ высоко и начался ледоходъ. Такъ, такъ! А вотъ телеграмма съ верховьевъ. (*Читаетъ*) «Рѣка только что тронулась, вода быстро поднимается, при южномъ вѣтрѣ». Когда она подана? Полтора часа тому назадъ... Очевидно, у насъ это начнется еще до вечера.

Петръ. Яковъ!

Яковъ (*который отошелъ въ сторону, какъ бы совершенно не интересуясь разговоромъ, оборачивается наполовину*) Въ чемъ дѣло?

Петръ. Пойди сейчасъ же въ сторожку и телефонируй въ Эшенкругъ, чтобы были вызваны всѣ сторожевые посты до самаго Зандкруга. Держать наготовѣ людей и лошадей! Рѣка трогается... Понялъ?

Яковъ. Рѣка трогается, да... Больше ничего?

Петръ. Я уже обо всемъ распорядился! И... вѣрно! Да! если что-нибудь случится, пусть меня позовутъ. Иди!

Яковъ. Хорошо, хорошо! (*Онъ выходитъ налѣво въ главную дверь*)

Петръ (*кричитъ ему вслѣдъ*). Возвращайся сейчасъ же назадъ. Ты можетъ быть, понадобишься...

Яковъ (*молча выходитъ. Видно, какъ онъ уходитъ по плотинѣ налѣво къ сторожкѣ*).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

(Тѣ же, безъ Якова).

Генрихъ. Я очень радъ, что увижу, наконецъ, настоящій родно, ледоходъ. При этомъ случаѣ многому можно будетъ научиться. Я вѣдь, порядкомъ забылъ здѣшнія условія.

Петръ. И вотъ, теперь ты являешься къ намъ на востокъ съ опытомъ, почерпнутымъ въ Рейнской провинціи, и хочешь просвѣтить насъ, бѣдныхъ пруссаковъ.

Генрихъ. Во всякомъ случаѣ, я сдѣлаю все, что въ моихъ силахъ. Это мой долгъ.

Рената (*подымаетъ голову отъ своей работы, которой она молча занималась*). Какъ идутъ твои измѣренія, Генрихъ? Доволенъ ли ты своими людьми?

Генрихъ. Превосходно! Все это опытные служащіе. Мы быстро подвигаемся впередъ. Вотъ, посмотри чертежи! (*Онъ вынимаетъ большой свертокъ чертежей и развертываетъ передъ ней*).

Рената (*разсматриваетъ ихъ внимательно*). Если я не ошибаюсь, линія проходитъ здѣсь передъ самымъ нашимъ домомъ, гдѣ плотина дѣлаетъ наибольшій выгибъ, на голомъ колѣнѣ, какъ его тутъ называютъ.

Генрихъ. Совершенно вѣрно! На голомъ колѣнѣ!.. А знаешь ли ты, Петръ, что самое скверное мѣсто всего нижняго теченія находится какъ разъ передъ твоимъ домомъ? Что плотина нигдѣ не подвергается опасности въ такой степени, какъ здѣсь, на голомъ колѣнѣ? Знаешь ли ты все это?

Петръ. Если ты думаешь меня этимъ напугать, то ты ошибаешься. И я повторяю тебѣ въ десятый разъ, все ваше регулированіе вы смѣло могли бы оставить при себѣ. Я не придаю ему большого значенія. Я полагаюсь на наши крѣпкія руки, и больше ни на что!

Генрихъ. Ты думаешь: послѣ тебя хоть потопъ.

Петръ. Та-та-та! Я просто думаю, разъ плотина выдержала до сихъ поръ, она выдержитъ и дальше.

Генрихъ. Сколько же еще?.. А наши дѣти? Наше потомство?

Петръ. Дѣтей у меня нѣтъ. А до потомства какое мнѣ дѣло?

Рената (*разсматривавшая все время чертежи*). Возьми, Генрихъ! Благодарю тебя (*даетъ ему чертежи*). Если у тебя какъ-нибудь найдется свободное время, ты долженъ будешь кое-что мнѣ болѣе подробно объяснить.

Петръ. Что ты смыслишь въ этомъ? Хотѣлъ бы я знать! Что можетъ тебя тамъ интересовать!

Генрихъ (*съ порывомъ*). О, я это вполнѣ понимаю! Рената истая дочь своего отца. Правда, Рената, вѣдь твой отецъ всегда интересовался постройкой плотинъ и подобными вещами?

Рената (*нѣсколько разстроганная*). Ты помнишь еще это, Генрихъ?

Генрихъ. Даже очень хорошо.

Рената. Да, я научилась обращаться съ циркулемъ и чертежной доской. Это былъ любимый конекъ отца. Особенно, когда онъ продалъ землю и жилъ въ городѣ. Я ему часто помогала дѣлать модели плотинъ.

Генрихъ (*раскладываетъ чертежи на среднемъ столѣ, стоитъ около нихъ въ сильномъ возбужденіи*). Ты поймешь теперь, Рената, мое настроеніе съ тѣхъ поръ, какъ я принялъ на себя эту работу. Представь себѣ: новое русло для рѣки! Новую плотину! И ее построить долженъ я! Сама судьба выбрала меня для этого! Пройдутъ цѣлыя поколѣнія, пока снова представится инженеру такая задача.

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

(Тѣ же и Анна).

Анна (*входитъ справа по лѣстницѣ останавливается*). Можетъ быть, барыня поднимется наверхъ на минуту?

Рената (*смотря на нее*). Что случилось?

Анна. Старая барыня наверху опять что-то неспокойна. Она такъ много говоритъ съ собою, что ничего нельзя понять. Просто страшно становится.

Рената. Я сейчасъ приду, иди.

Анна (*уходитъ наверхъ*).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

(Тѣ же безъ Анны).

Рената. Извини, Генрихъ.

Генрихъ. Пожалуйста, безъ извиненій!

Рената (*уходитъ также направо по лѣстницѣ*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

(Тѣ же безъ Ренаты).

Генрихъ (*къ Петру*). Что такое собственно съ бабушкой? Что у нея за удивительные припадки?

Петръ. Она впадаетъ во второе дѣтство.

Генрихъ. Ты думаешь, она спросила меня хоть бы однимъ словомъ, какъ я поживаю? Ни одного слова!

Петръ. У старыхъ людей свои причуды.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

(Тѣ же и Яковъ).

Яковъ (*входитъ молча слѣва; осматриваетъ работу, которую Рената оставила у швейной машины*).

Генрихъ. Я этому, конечно, не придалъ особеннаго значенія. Раза два я былъ у нея наверху...

Петръ (*прерывая его*). Ты бы лучше этого не дѣлалъ. Она, вѣдь, тебя не узнаетъ.

Генрихъ. Да? Ты думаешь? Съ какихъ поръ она страдаетъ этимъ?

Петръ. Давно уже. Это на нее находитъ вдругъ и также внезапно проходитъ. Иногда въ одной формѣ, иногда въ другой.

Генрихъ. Развѣ этому нельзя помочь?

Петръ (*пожимая плечами*). Мы, вѣдь, всѣ когда-нибудь состаримся.

Генрихъ (*качаетъ головой*). Что это была за женщина, когда я уѣхалъ!

Петръ. Двѣнадцать лѣтъ, вѣдь, не шутка для человѣка.

Генрихъ. Да, только теперь замѣчаешь, какой длинный путь остался позади.

Петръ (*къ Якову*). Телефонировалъ ты въ Эшенкругъ.

Яковъ. Да.

Петръ. Вызваны уже сторожевые посты?

Яковъ. Большая часть уже тамъ, остальные прибудутъ къ вечеру.

Петръ. Что дѣлается съ рѣкой?

Яковъ. Она лежитъ, точно подкрадывается.

Петръ. Все еще спокойно?

Яковъ. Иногда только слышно, какъ что-то во льду трещитъ, лопается. Затѣмъ все опять становится тихо.

Петръ. Это первый признакъ... Что буря уже стихла?

Яковъ. Нѣтъ. Она все еще бушуетъ. На плотинѣ еле-еле можно удержаться. Такъ и срываетъ тебя внизъ.

Петръ. Сегодня каждый можетъ показать себя мужчиной. Сегодня не помогутъ ни громкія слова, ни красивыя фразы.

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

(Тѣ же, и Ульрихсъ).

Ульрихсъ (*входитъ слѣва, онъ немного навеселѣ, но владѣетъ собой; обращается къ Петру*). Я хотѣлъ только сказать, что изъ Эшенкруга тебѣ телефонируютъ насчетъ подвоза песку къ плотинѣ. Они не могутъ никакъ сговориться, какъ распредѣлить работу.

Петръ (*вспыливъ*). Не могутъ сговориться?.. Какъ будто я не распорядился уже обо всемъ! Какъ будто доля каждаго не была написана чернымъ по бѣлому!

Ульрихсъ. Рогаль говоритъ, съ него слѣдуетъ только одна подвода. Его дворъ, молъ, никогда не ставилъ больше одной подводы,—говоритъ онъ. А на его домѣ записаны двѣ подводы. Онъ не доставитъ ихъ,—говоритъ онъ. А другіе говорятъ,—что приказано, то исполнять. Онъ, молъ, можетъ потомъ жаловаться, говорятъ они. И если онъ не поставитъ двухъ подводъ, то и другіе только по одной дадутъ,—говорятъ они. Объ этомъ они и спорятъ. Они велѣли сказать, чтобы ты пріѣхалъ. Вотъ, что они велѣли сказать.

Петръ. Чтобы ихъ всѣхъ громомъ побило—всю эту банду! Они заслуживаютъ, чтобы ихъ всѣхъ вмѣстѣ потопили. Осѣдлалъ ли ты уже вороного?

Ульрихсъ. Все готово. Этого подлеца едва можно удержать. Онъ уже вырылъ яму, величиною въ конюшенную дверь. Величиною въ конюшенную дверь!

Генрихъ (*Петру*). Поѣхать мнѣ съ тобой?

Петръ. Покорно благодарю. Я это самъ улажу съ сосѣдями. Мы обойдемся безъ высшаго начальства.

Генрихъ (*пожимая плечами*). Пожалуйста, какъ угодно!

Петръ (*беретъ свою мѣховую фуражку, къ Ульрихсу*). Что дѣлается тамъ, въ сторожкѣ? Смотри, чтобы тамъ не слишкомъ напивались!

Ульрихсъ (*важно*). Да, я смотрю за этимъ. Я уже все устрою.

Петръ (*смотритъ пристально на него*). У васъ уже опять красный носъ?

Ульрихсъ. Ты, можетъ быть, этимъ хочешь сказать, что я пьянъ?

Петръ (*откланиваясь*). Ну, хорошо... Итакъ, ѣдемъ! (*къ Якову*). А ты отъ времени до времени заглядывай въ сторожку, да присматривай за ребятами. Черезъ полчаса я вернусь. Вы, дядя, пока оставайтесь во дворѣ. (*Онъ выходитъ въ сопровожденіи Ульрихса въ заднюю дверь направо*).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

(Тѣ же, безъ Петра и Ульрихса).

Генрихъ (*снова наклоняется надъ своими чертежами, углубляется въ нихъ*).

Яковъ (*приближается черезъ нѣсколько мгновеній къ Генриху*). Эти чертежи относятся къ исправленію рѣки?

Генрихъ (*разсѣянно*). Да, по крайней мѣрѣ, часть ихъ.

Яковъ. Итакъ, это рѣшенное дѣло?

Генрихъ (*какъ и раньше*). Какъ такъ? О чемъ ты говоришь?

Яковъ. Что рѣка должна быть отведена? Подальше отсюда?

Генрихъ. Да, это рѣшенное дѣло.

Яковъ. И больше тутъ не будетъ ни разлива, ни ледохода?

Генрихъ (*смотритъ на него съ удивленіемъ*). Развѣ это тебѣ доставляло столько радости, Яковъ?

Яковъ. И больше нельзя будетъ слышать, какъ шумитъ рѣка и грохочутъ льдины? Всему этому придетъ конецъ?

Генрихъ. Да, это все должно прекратиться. Именно для этого я здѣсь.

Яковъ (*вспыливъ*). Въ такомъ случаѣ я желаю тебѣ, чтобы рѣка осрамила тебя со всей твоей пачкотней. Чтобы погибли всѣ твои высокомѣрныя затѣи и дѣла! Вотъ, чего я тебѣ желаю!

Генрихъ (*невольно смѣется*). Спасибо, ты дѣйствительно добрый человѣкъ.

Яковъ. Ты, вѣрно, думаешь, что только ты можешь командовать? Что все должно танцовать подъ твою дудку? Какъ бы не такъ. Тамъ тебѣ хорошенько достанется. Тебѣ тамъ придется испытать не мало. Это не то, что кружить головы бабамъ.

Генрихъ (*становясь серьезнымъ*). Что это значить? Прошу тебя, объяснись.

Яковъ. Объясни это себѣ самъ. Для глухого двухъ обѣденъ не служатъ.

Генрихъ (*пожимаетъ плечами*). Что изъ тебя только стало? Съ тобой и спорить не стоитъ.

Яковъ. Да, да! Разыгрывай изъ себя опять важнаго барина. Жаль, что Ренаты нѣтъ здѣсь. Жаль, что не можешь ей опять пустить пыль въ глаза. (*Онъ идетъ налѣво въ дверь, отворяетъ ее, оборачивается еще разъ къ Генриху*). И если ты хочешь знать, кого ты еще съ ума свелъ? Бабушку свелъ ты съ ума. Ты слышишь? Бабушку!

Генрихъ (*энергично*). Это уже слишкомъ... ты объяснишь мнѣ теперь... (*Онъ идетъ къ нему*).

Яковъ (*съ озлобленіемъ*). Это неправда, что она уже давно въ такомъ положеніи. Петръ тебѣ все это навралъ. Только съ тѣхъ поръ, какъ ты тутъ, она стала такая. Именно съ этого дня она такая. Теперь ты знаешь это, ты виноватъ во всемъ. Запомни это хорошенько. (*Онъ выходитъ, хлопнувъ дверьми*).

Генрихъ (*стоитъ, точно остолбенѣлый, хватается за голову*). Но почему же я виноватъ, я?.. Вѣдь это... (*Тряхнувъ головой*). Нелѣпость. Безсмыслица! (*Онъ подходитъ къ среднему столу, углубляется въ чертежи и дѣлаетъ кое-какія замѣтки. Дверь справа пріотворяется, Ульрихсъ просовываетъ въ дверь свою голову, осторожно осматривается и затѣмъ подходитъ ближе*).

ЯВЛЕНІЕ 10-ое.

(Генрихъ и Ульрихсъ).

Ульрихсъ. Ты? Генрихъ?

Генрихъ (*смотритъ на него*). А, это вы, дядя?

Ульрихсъ. Ты слышалъ, какой онъ мнѣ упрекъ бросилъ?

Генрихъ (*разсѣянно*). Нѣтъ. А что?

Ульрихсъ. Ну, такъ ты узнаешь.

Генрихъ. Ничего не понимаю.

Ульрихсъ (*подходитъ къ нему совсѣмъ близко*). Я пьянствую? Дядя Рейнгольдъ пьянствуетъ... Слышалъ ли ты что-нибудь подобное?

Генрихъ (*улыбаясь*). А, вотъ что? Ну, это было не въ серьезъ сказано.

Ульрихсъ. Ты и не знаешь, что это за человѣкъ. Онъ малѣйшаго удовольствія никому не хочетъ позволить. Какъ будто не всѣ мы любимъ рюмочку выпить. Между нами мы можемъ объ этомъ свободно говорить.

Генрихъ (*какъ прежде*). Развѣ вы его такъ боитесь?

Ульрихсъ. Я боюсь?!. Боюсь! Чего мнѣ бояться? Развѣ я похожъ на человѣка, у котораго совѣсть не чиста, и я долженъ чего-нибудь бояться? А?

Генрихъ. Нѣтъ, нѣтъ, конечно нѣтъ.

Ульрихсъ. Могу тебя увѣрить: такіе люди выглядятъ совсѣмъ иначе.

Генрихъ (*качая головой*). Конечно, конечно. Что это вамъ вдругъ въ голову пришло?

Ульрихсъ (*упрямо*). Ты можешь сказать,—дядя Рейнгольдъ вовсе не ангелъ. Это такъ. Мнѣ пришлось побывать не въ одной передѣлкѣ. И много я видѣлъ такого, на что я долженъ былъ закрывать глаза. Но чего не сдѣлаетъ человѣкъ, чтобы только имѣть теплый уголъ! Видишь ты, паренекъ, такъ обстоитъ дѣло. По охотѣ, вѣрь мнѣ, никто такихъ вещей не сдѣлаетъ.

Генрихъ (*начинаетъ внимательно прислушиваться къ его словамъ*). Что все это значитъ? За этимъ вѣдь что-нибудь скрывается? Вообще...

Ульрихсъ (*опомнившись и отрезвившись*). Да и что это должно значить? Ничего это не значить. Я это такъ себѣ говорю.

Генрихъ (*съ неудовольствіемъ*). Теперь вы опять увиливаете. Всѣ отъ меня тутъ увиливаютъ. Ни отъ кого я не могу получить ясный отвѣтъ. Что же это носится тутъ въ воздухѣ? Чего нельзя никакъ поймать и схватить и что все-таки таится во всѣхъ углахъ и витаетъ вокругъ тебя?.. Что это такое, дядюшка? Объясните мнѣ это.

Ульрихсъ. Не спрашивай меня, голубчикъ. Въ странное время живемъ мы. Въ такое время, когда все возможно. И здѣсь будетъ то же, что и тамъ вотъ (*указываетъ на рѣку*). Случится то же самое, что съ рѣкой.

Генрихъ. Что вы этимъ хотите сказать, дядюшка?

Ульрихсъ. Что дѣлается съ рѣкой, когда приходитъ ея время?

Генрихъ. Вы хотите сказать, что она разливается?

Ульрихсъ (*хлопаетъ его по плечу*). Именно такъ, паренекъ. Она разливается. И какъ бы крѣпко ее ни держалъ ледъ, разъ пришло время, она разливается. И мнѣ кажется, что этотъ часъ почти насталъ уже.

ЯВЛЕНIЕ 11-ое.

(Тѣ же и Рената).

Рената (*входитъ съ правой стороны и направляется къ своему рабочему столику*).

Ульрихсъ (*торопливо*). Я вотъ все стою тутъ и забываю, что у тебя есть работа. Я не буду больше мѣшать тебѣ...

Рената (*усѣвшись*). Это вы отъ меня убѣгаете, дядя Ульрихсъ?

Ульрихсъ. Эхъ! Куда мнѣ убѣжать... Нѣтъ. Я еще хотѣлъ тебя спросить о чемъ-то, паренекъ...

Генрихъ. О чемъ именно?

Ульрихсъ. Скажи мнѣ голубчикъ: все, что ты тутъ рисуешь, пишешь, вычисляешь—для чего собственно все это нужно? Для чего эта вся работа? Или ты дѣйствительно думаешь, что ты справишься вотъ съ той?

Генрихъ. Я надѣюсь на это, дядя Рейнгольдъ.

Ульрихсъ. Ну, а ты, Рената? Ты вѣдь чертовски умная баба и больше понимаешь въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ десять плотинныхъ присяжныхъ. И вотъ я спрашиваю тебя, вѣришь ты въ это?

Рената. Да, дядя Рейнгольдъ. Я твердо увѣрена, что то, чего хочетъ Генрихъ, правильно.

Ульрихсъ (*качая головой*). Я всегда говорю,—свѣтъ съ каждымъ днемъ все больше съ ума сходитъ. Со времени Адама рѣка текла по своему руслу. Такъ, а не иначе текла она. И вотъ теперь ей хотятъ запретить это. Ей хотятъ дать предписанія. Согласится ли только эта бестія!

Генрихъ (*отрываясь отъ чертежей*). Она дожна будетъ сдѣлать это. Мы будемъ поступать съ ней такъ, какъ и слѣдуетъ въ такомъ случаѣ поступать. Медленно, осторожно, шагъ за шагомъ! Не сразу! Нѣтъ, съ хитростью! Мы, такъ сказать привлечемъ и выманемъ ее. И въ одно прекрасное утро мы поймаемъ ее въ новое русло и уже не выпустимъ оттуда. Видите, такъ оно будетъ сдѣлано. Такъ справился человѣкъ со всѣми хищными животными!

Ульрихсъ. Отчего же прежде не пришла никому въ голову такая мысль? Когда я вспомню только, что несчастья 1833 г. могло бы и не быть! Явись только такой человѣкъ, какъ ты, и все было бы иначе... Голубчикъ ты мой, голубчикъ! (*Онъ хватается за голову, точно она кружится*).

Генрихъ. Да, если бы, если бы! Съ идеями случается то же, что и съ вашимъ льдомъ. Онъ тоже не трогается раньше, чѣмъ пробьетъ его часъ.

Ульрихсъ. А сколько времени понадобится тебѣ для твоей работы?

Генрихъ. Двѣнадцать или тринадцать лѣтъ, думаю я, при такомъ положеніи, какъ теперь.

Ульрихсъ (*чешетъ затылокъ*). Хорошій кусочекъ времени. Знаешь ты, кѣмъ я себѣ теперь кажусь?

Генрихъ. Ну, кѣмъ?

Ульрихсъ. Мнѣ кажется, что я теперь, точно патріархъ Моисей. Стою высоко на горѣ и смотрю на страну, въ которой текутъ млеко и медъ. Но не для меня предназначена эта страна. Вѣдь я не ступлю на нее... Нѣтъ! Мнѣ отъ этого не будетъ ни тепло, ни холодно. (*Онъ нахлобучиваетъ на голову шапку и уходитъ вглубъ направо*).

ЯВЛЕНІЕ 12-ое.

(Тѣ же безъ Ульрихса).

Рената (*еще ниже склоняется надъ своей работой*).

(*Продолжительное молчаніе*).

Генрихъ (*разсѣянно роется въ своихъ бумагахъ, потомъ поднимаетъ глаза*) Нашъ старикъ все еще не можетъ забыть прошлое.

Рената (*не смотря на него*). У него живо сохранились въ памяти событія дѣтства. Такія картины остаются навсегда.

Генрихъ (*улыбается*). Испытала ли уже нѣчто подобное ты, старуха?

Рената. Иначе я этого не знала бы.

Генрихъ (*встаетъ и начинаетъ ходить по комнатѣ*). Ахъ да! Картины изъ временъ юности. Воображеніе всегда ихъ прикрашиваетъ. Въ дѣйствительности онѣ далеко не такъ розовы. Въ дѣйствительности мы были бы не особенно благодарны, если бы намъ пришлось опять ихъ пережить.

Рената. Ты думаешь?

Генрихъ. Вполнѣ убѣжденъ. Большую часть мы все равно забываемъ.

Рената. Не всѣ люди забываютъ такъ скоро, какъ ты, Генрихъ!

Генрихъ. Возможно. У меня просто не было времени вспоминать объ этомъ.

Рената (*серьезно*). А у меня его было много!

Генрихъ (*спустя мгновеніе, смотря на нее*). Кромѣ того важно и то, что нужно вспоминать или забывать. Я по крайней мѣрѣ умно поступилъ, постаравшись все забыть. (*Рената молчитъ*). Развѣ ты со мной не согласна, Рената?

Рената (*спокойно*). Вполнѣ, Генрихъ.

Генрихъ (*съ волненіемъ*). Это была моя обязанность, Рената. Этого требовало чувство самосохраненія. Я погибъ бы въ этой борьбѣ. И поэтому я долженъ былъ уѣхать. Я долженъ былъ выбить это изъ своей головы. (*Онъ ожидаетъ отвѣта. Такъ какъ она молчитъ, онъ опять начинаетъ ходить, останавливается около своихъ чертежей, разсматриваетъ ихъ, затѣмъ опять обращается къ ней*). Ты только что у бабушки была, Рената?

Рената. Да.

Генрихъ. Въ какомъ она положеніи теперь?

Рената. Все въ томъ же.

Генрихъ. Знаешь ли, въ чемъ меня только что упрекнулъ Яковъ?

Рената (*смотритъ на него вопросительно*).

Генрихъ. Что я виноватъ въ болѣзни бабушки. Что скажешь ты на это?

Рената (*въ смущеніи*). Я вѣдь не врачъ, Генрихъ.

Генрихъ. Но почему же вы не приглашаете врача?

Рената (*какъ прежде*). Ты вѣдь знаешь, мы въ деревнѣ предпочитаемъ и жить, и умерать безъ врача.

Генрихъ (*послѣ нѣкотораго молчанія*). Скажи мнѣ, ради Бога, какимъ образомъ могла Якову придти въ голову сумасшедшая мысль приписать вину мнѣ?

Рената (*все еще въ затрудненіи*). У Якова постоянно бываютъ такія странныя причуды.

Генрихъ. Я уже не мало думалъ объ этомъ. И сейчасъ опять...

Рената. Иногда я просто боюсь за него.

Генрихъ. Я не могу скрыть отъ тебя Рената,—по отношенію къ мальчику много согрѣшили...

Рената (*мучаясь*). Я знаю это, Генрихъ.

Генрихъ. Но объ этомъ въ другой разъ. Теперь я хотѣлъ бы только знать... (*Онъ останавливается предъ ней*) Яковъ говоритъ, что бабушка находится въ такомъ положеніи со дня моего пріѣзда.

Рената. Это вполнѣ возможно.

Генрихъ (*въ возбужденіи*). Такъ это вѣрно? Это такъ? (*Онъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и останавливается передъ ней опять*). Почему же Петръ утверждаетъ, что она давно въ такомъ состояніи? Во всякомъ случаѣ задолго до моего пріѣзда?

Рената. Развѣ Петръ утверждаетъ это?

Генрихъ. Конечно! Всего за полчаса предъ этимъ! А за четверть часа Яковъ утверждалъ прямо противоположное! Какъ согласить одно съ другимъ? (*Онъ стоитъ въ ожиданіи предъ Ренатой*).

Рената (*молчитъ, не поднимая глазъ*).

Генрихъ (*настойчиво*). Объясни мнѣ это, Рената!

Рената (*закрывая лицо руками*). О Боже! Какъ ты меня мучаешь! О Боже! Боже мой! (*Она встаетъ и отходитъ къ окну налѣво*).

Генрихъ (*отворачивается*). Опять никакого отвѣта! Опять то самое неизвѣстное, что окружаетъ тебя тутъ со всѣхъ сторонъ! Загадочное, что ложится на тебя, точно кошмаръ!

Рената (*въ отчаяніи*). Сжалься! Я прошу тебя, Генрихъ! Сжалься!

Генрихъ (*съ неудовольствіемъ*) Я уже молчу. (*Онъ опять дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, подходитъ къ ней и смотритъ на нее съ глубокимъ участіемъ*). Рената, ты страдаешь?

Рената (*прячетъ свое лицо въ руки, судорожно и молча всхлипываетъ*).

Генрихъ (*мягко*). Бѣдное дитя! Что только изъ тебя сдѣлали! (*Онъ кладетъ свою руку на ея волосы*).

Рената (*содрогается отъ его прикосновенія*). Оставь меня, Генрихъ! Оставь!

Генрихъ. Бѣдное дитя! (*Снаружи буря шумитъ все глуше, облака бѣгутъ по небу, вдругъ заходящее солнце врывается въ комнату*). Вотъ! Смотри на солнце, Рената! Смотри только, какъ горитъ весь домъ! Не напоминаетъ ли тебѣ это что-нибудь?

Рената. Что именно?

Генрихъ. Наше школьное время въ Маріенбургѣ. Большую комнату подъ аллеями у тети Амаліи. Я часто видѣлъ ее во время захода солнца, когда она вся точно горѣла отъ лучей его.

Рената (*вспоминая*). Большую комнату у тети Амаліи? Да, да!

Генрихъ. Но только въ это время года. Позже солнце казалось

инымъ. Только ранней весной, какъ теперь. И потому-то и было такъ пріятно увидѣть его снова. Это было точно предчувствіе, точно надежда.

Рената (*съ трудомъ*). Предчувствіе!.. Надежда!.. Куда все это исчезло?

Генрихъ. Мужайся, Рената! Мужайся! Смотри на солнце нашего дѣтства! Развѣ оно не горитъ такъ же, какъ и прежде?

Рената (*устремивъ взоръ предъ собой*). Какъ и прежде? (*По небу проходитъ облако. Опять становится темно. Рената поднимаетъ глаза и меланхолически улыбается*). Видишь, оно опять ушло! Навсегда!

Генрихъ (*веело*). А я говорю, оно опять вернется.

Рената (*задумчиво*). Никогда, никогда больше, Генрихъ! Что прошло, то не вернется!

Генрихъ (*опускаясь на ручку кресла, стоящаго съ лѣвой стороны*) Знаешь ты, что за день сегодня, Рената?

Рената (*оперишись на окно, смотритъ вдаль*) Что за день?..

Генрихъ. Сегодня масляница, Рената! Сегодня тамъ на Рейнѣ все вверхъ ногами ходитъ.

Рената. Совсѣмъ иначе, чѣмъ у насъ тутъ, около сѣраго моря.

Генрихъ. Да! Немного иначе! Тамъ люди легче на подъемъ, чѣмъ мы, тяжеловѣсные сѣверяне. И легкомысленнѣе насъ, и, можетъ быть, счастливѣе.

Рената. Хочется тебѣ назадъ туда?

Генрихъ. Подумай только, я провелъ тамъ на югѣ двѣнадцать лѣтъ своей жизни. И что за годы! Самые лучшіе, самые жизнерадостные, какіе только имѣетъ человѣкъ!.. Теперь, когда я объ этомъ думаю, я знаю, что все это уже прошло. Любовь, дружба, счастье, все это уже пережито! Все это только, какъ далекій, далекій сонъ! И развѣ все, что вчера случилось, не было, какъ во снѣ?.. Безуміе! Безуміе! (*Встаетъ, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, затѣмъ опять возвращается*). Можетъ быть, ты въ самомъ дѣлѣ права, Рената! Можетъ быть, солнце никогда не будетъ намъ такъ свѣтить, какъ свѣтило когда-то.

Рената (*грустно*). И ты тоже такъ теперь думаешь?

Генрихъ. Но есть еще нѣчто другое, Рената, что вноситъ свѣтъ въ темную жизнь. (*Рената смотритъ на него вопросительно*). Это трудъ, Рената! Трудъ во имя великаго дѣла! Онъ даетъ намъ силу и размахъ, когда все уже потеряно! (*Солнце снова врывается въ комнату, покрывая все золотымъ блескомъ*). Смотри, Рената, вотъ оно снова явилось, еще разъ мы видимъ вмѣстѣ, какъ горитъ заходящее солнце!

Рената. Дѣйствительно ли ты все уже пережилъ, Генрихъ?

Генрихъ. Также какъ и ты, Рената.

Рената. Ты и я! Мы, женщины, можемъ только разъ пережить, что вы, мужчины, переживаете нѣсколько разъ.

Генрихъ. Все это глупости, Рената. Старые предразсудки! Мы, современные люди, думаемъ объ этомъ совершенно иначе.

Рената (*колеблясь*). Генрихъ, я хотѣла бы тебя спросить кое о чемъ.

Генрихъ. Пожалуйста.

Рената (*какъ и раньше*). Почему именно ты до сихъ поръ не подумалъ жениться?

Генрихъ (*спокойно*). А, можетъ быть, Рената, я уже женатъ?

Рената (*изумленния*). У тебя... жена?

Генрихъ. Не передъ людьми и закономъ! Пойми меня только правильно! Но передъ самимъ собой! Передъ моей совѣстью!

Рената (*все еще смотритъ на него пристально*). Ты... имѣешь... жену?...

Генрихъ (*серьезно*). Имѣлъ.

Рената. Гдѣ же она?

Генрихъ. Она умерла.

Рената (*опускаетъ голову*). Умерла!

Генрихъ (*встаетъ и ходитъ по комнатѣ*). Да, и она должна была уйти отсюда! И она, такая жизнерадостная! Ничего она такъ не боялась, какъ холодной земли, и бѣдняжка должна была лечь въ эту землю совсѣмъ молодой. И вмѣстѣ съ ней ребенокъ.

Рената (*тихо*). Ребенокъ также?

Генрихъ. Да, она умерла отъ родовъ .

Рената. Давно ужъ это было?

Генрихъ. Скоро три года. (*Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ*). И это уже полузабытый эпизодъ! А между тѣмъ это казалось мнѣ когда то содержаніемъ всей моей жизни. (*Сдѣлавъ опять нѣсколько шаговъ*). Ты можешь мнѣ вѣрить, Рената, я это принялъ такъ близко къ сердцу, какъ это только можетъ принять человѣкъ, потерявшій самое дорогое для него! И все же, если я теперь смотрю назадъ... Не считай меня жестокосердымъ, Рената! Но, быть можетъ, это счастье для нея и для меня, что она должна была преждевремено уйти изъ этого міра. Могла бы ли она мнѣ быть товарищемъ въ жизни? Кто знаетъ?... Кто знаетъ?..

Рената. Долго вы были знакомы?

Генрихъ. Около девяти лѣтъ. Это была еще студенческая любовь. Я сразу влюбился по уши и больше уже не могъ освободиться. Да, да, Рената! Слишкомъ горячая юношеская кровь... А знаешь ли ты, почему я такъ сразу влюбился? (*Рената смотритъ на него вопросительно*). Вслѣдствіе нѣкоего отказа, который нѣкая Рената дала нѣкоему Генриху, когда тотъ былъ такъ глупъ и положилъ къ ея ногамъ свое сердце. (*Рената опускаетъ голову и молчитъ*). Она была тогда увлечена статнымъ Петромъ и ни о комъ другомъ не хотѣла думать. И вотъ, безъ дальнихъ размышленій, я взялъ свое сердце и отдалъ его для излеченія одному милому созданію на берегахъ Рейна... Ви-

дишь, Рената, кто родился подъ счастливой звѣздой, тому все въ прокъ идетъ, даже самое тяжелое, даже то, что ему когда-то казалось невыносимымъ!

Рената (*встаетъ, горько*). Неужели ты вѣришь такъ твердо въ свое счастье?

Генрихъ. Безусловно, Рената! И такъ долженъ поступать всякій, кто ведетъ борьбу! Кто хочетъ побѣдить, тотъ долженъ неизмѣнно вѣрить въ свою звѣзду.

Рената (*какъ и раньше*). Даже тогда, когда эта звѣзда означаетъ насчастье другихъ?

Генрихъ (*смущенный*). Рената, о чемъ ты говоришь?

Рената. Вспомни только! Счастье, что твоя подруга умерла?!

Генрихъ (*взволнованный*). Но я, вѣдь, этому не могъ помѣшать, Рената!

Рената (*съ увеличивающимся возбужденіемъ*). И затѣмъ еще большее счастье, что ты получилъ... нѣкій отказъ?! Тебя можно прямо поздравить! Счастье просто преслѣдуетъ тебя!

Генрихъ (*глубоко взволнованный*). Рената! Не хочешь ли ты этимъ сказать, что мое счастье было... твоимъ несчастьемъ?

Рената (*стоитъ въ скорбномъ молчаніи, съ поднятыми, какъ бы для защиты, руками*).

Генрихъ (*приближается къ ней*). Не хочешь ли ты сказать, Рената, что, если бы тебѣ пришлось теперь еще разъ выбирать, твой выборъ палъ бы на другого? (*Онъ схватываетъ ея поднятую, какъ бы для защиты лѣвую руку и страстно жметъ ее*).

Рената (*дрожитъ и конвульсивно всхлипываетъ, не произнося ни одоого слова*).

Генрихъ. Рената! Правда ли это? Это ли ты хотѣла сказать? Вѣрно ли я тебя понялъ?

Рената (*бросивъ взглядъ въ окно, у котораго она стоитъ*). Яковъ идетъ! Милосердое небо! (*Отнимаетъ у него свою руку*).

Генрихъ. Не думай, Рената, что я тебя освобожу отъ отвѣта. (*Отходитъ отъ нея*).

ЯВЛЕНІЕ 13-ое.

(Тѣ же и Яковъ).

Яковъ (*появляется въ двери налѣво, осматриваетъ обоихъ враждебно*).

Генрихъ (*замѣчаетъ это*). Тебѣ нужно что-нибудь?

Яковъ (*оставясь у двери*). Почему ты спрашиваешь?

Генрихъ. Потому что ты на меня такъ смотришь.

Яковъ. Но все-таки мнѣ можно войти въ комнату?

Генрихъ (*овладѣваетъ собой*). Пожалуйста.

Яковъ (*какъ будто внезапно вспоминаетъ*). Тебя тамъ ищутъ,

Генрихъ. Ищутъ? Кто же?

Яковъ. Поринскій и другіе землемѣры нѣсколько разъ уже спрашивали тебя. Они не знаютъ, продолжать ли имъ или прекратить работу.

Генрихъ (*удивленно*). Вотъ тебѣ на! Гдѣ же они теперь?

Яковъ. На внѣшней плотинѣ около перемычки. Они дѣлаютъ измѣренія.

Генрихъ (*испуганно*). До сихъ поръ они еще дѣлаютъ измѣренія на внѣшней плотинѣ? Въ то время, когда каждый моментъ можетъ прорваться потокъ? Я, вѣдь, давно уже приказалъ прекратить работу.

Яковъ. Почемъ я знаю? Я говорю то, что есть. А до другого мнѣ дѣла нѣтъ.

Генрихъ (*беретъ свою мѣховую фуражку*). Они, видно, совсѣмъ съ ума сошли? Если что-нибудь случится, придется мнѣ отвѣчать! Такое легкомысліе! (*Кланяется Ренатѣ*). Сейчасъ, Рената! (*Поспѣшно уходитъ налѣво*).

ЯВЛЕНІЕ 14-ое.

(Яковъ и Рената).

Яковъ (*выжидаетъ немного, потомъ въ дикомъ изступленіи*) Сейчасъ! Сейчасъ! Ты долго будешь искать пока найдешь ихъ! (*Бросается къ Ренатѣ*). Ахъ, ты!.. Ты!.. Ты!.. (*Схватываетъ ея руки и покрываетъ ихъ поцѣлуями*).

Рената (*нѣсколько мгновеній какъ оглушенная, потомъ въ страшномъ ужасѣ*). Яковъ?.. Ты съума сошелъ?.. Яковъ?..

Яковъ (*заикаясь*). Да, сошелъ съ ума! Я сошелъ съ ума! (*Падаетъ передъ ней на колѣни, цѣлуетъ снова руки*).

Рената (*сердито*). Яковъ! Встань! Если кто нибудь тебя такъ увидитъ! Встань! (*Хочетъ отнять у него свои руки*).

Яковъ (*снова схватываетъ ихъ и цѣлуетъ*).

Рената. Ты хочешь, чтобы я кого-нибудь позвала, Яковъ?

Яковъ (*дико*). Сзывай хотя бы всѣхъ! Зови Генриха!

Рената. Если я этого не дѣлаю, то только потому, что мнѣ жаль тебя.

Яковъ. Ты, вѣдь, у меня одна на свѣтѣ! У меня нѣтъ никого, кромѣ тебя!

Рената. Тогда сдѣлай мнѣ одолженіе и уходи.

Яковъ (*умоляя*). Не прогоняй меня, Рената! Не прогоняй меня!

Рената (*сердито*). Я прошу тебя въ послѣдній разъ! Уходи! Иначе я уйду!

Яковъ (*согнувшись*). Я уже ухожу! Я уже спокоенъ! (*Уходитъ медленно, не оглядываясь, направо въ заднюю дверь*).

Рената (*оставшись одна вскакиваетъ, какъ бы охваченная внезапнымъ ужасомъ*). Уйти! Лишь бы уйти отсюда! Уйти! Уйти! (*Она жестику-*

лируетъ безсвязно, какъ будто хочетъ летѣть, не зная куда, останавливается направо у стола около софы, смотритъ впередъ, какъ безумная, лепечетъ вполголоса). Спаси меня, Господи!... Спаси меня отъ меня самой! (*короткая пауза*).

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

(Рената и Ульрихсъ).

Ульрихсъ (*входитъ справа, сзади, куда только что вышелъ Яковъ, и приближается, покачивая головой*). Что это такое съ нашимъ отцомъ, Рената?

Рената (*старается овладѣть собой*). Какъ... о чемъ вы говорите, дяденька?

Ульрихсъ (*озабоченно смотритъ на нее*). Голубка, какъ ты выглядишь? Не произошло ли у тебя что съ Яковомъ?

Рената. У меня съ Яковомъ... Нѣтъ!

Ульрихсъ. Онъ такъ бросился изъ комнаты... Я стоялъ во дворѣ около скирды, вдругъ онъ выбѣгаетъ, бѣжитъ, какъ онъ только можетъ бѣжать, черезъ дворъ и какъ сквозь землю провалился! Черезъ заднія ворота въ поле! Онъ уже давно мнѣ что-то не нравится, нашъ мальчикъ! А гдѣ же Генрихъ? Я думалъ, онъ тоже здѣсь.

Рената. Генрихъ пошелъ на внѣшнюю плотину.

Ульрихсъ (*удивленно*). На внѣшнюю плотину? Какъ разъ, когда ворота запирать надо... Чортъ возьми, вотъ тебѣ и разъ.

Рената (*испуганно*). Вы думаете съ нимъ можетъ что либо случиться? Онъ хотѣлъ найти своихъ служащихъ. Бога ради, лишь бы онъ только не слишкомъ поздно...

Ульрихсъ. Пусть онъ только будетъ остороженъ! И полчаса не пройдетъ, какъ это уже начнется.

Рената (*сильно встревоженная*). Я должна посмотрѣть, гдѣ онъ! Я должна... (*Она бѣжитъ къ двери налѣво, остается стоять, тяжело дыша*). Слава Богу! Вотъ онъ всходитъ на плотину.

Ульрихсъ (*качаетъ головой*). Ай! Ай! Ай! Ай! (*Онъ подходитъ также къ двери, выглядываетъ наружу*). Да, тамъ идетъ кто-то за сторожевой будкой.

Рената. Это Генрихъ! Я его хорошо узнаю! Видите вы теперь, дядя Рейнгольдъ?

Ульрихсъ. Да, теперь его видно.—У тебя должно быть хорошіе глаза, дитя мое.

Рената (*смущенная*). Не знаю. Можетъ быть!

Ульрихсъ. У тебя должно быть хорошіе глаза... Теперь онъ входитъ въ сторожевую будку.

Рената (*глубоко вздыхаетъ*). Да теперь онъ въ безопасности. (*Она запираетъ дверь и возвращается въ комнату*).

Ульрихсъ. Онъ долженъ былъ сначала спросить въ сторожкѣ,—тамъ онъ нашелъ бы своихъ людей. Кто ему навралъ, что они еще на внѣшней плотинѣ?

Рената (*мрачно*). Яковъ!

Ульрихсъ. Я такъ и думалъ!... Да, да, у нашего юнца не все въ порядкѣ, могу я тебѣ сказать. Онъ совсѣмъ внѣ себя. (*Онъ подходитъ къ ней совсѣмъ близко и смотритъ ей прямо въ глаза*). И знаешь ты, почему?

Рената (*опускаетъ голову*). Нѣтъ, я не знаю.

Ульрихсъ. А я знаю, дитя мое.

Рената (*мучаясь*). Зачѣмъ же вы, въ такомъ случаѣ, спрашиваете меня?

Ульрихсъ (*осторожно*). Да, я знаю все это, дитя, и могъ бы съ тобой поговорить объ этомъ. Тебя это еще сильно удивитъ! Я знаю гораздо больше, чѣмъ тебѣ присниться можетъ, повѣрь мнѣ! Гораздо больше, чѣмъ это хотѣлось бы кой-кому! Вѣришь ли ты мнѣ?

Рената (*взволнованная*). Вы, дядя Рейнгольдъ? Вы?

Ульрихсъ. Да, я! я!... Тебѣ нечего на меня такъ смотрѣть! Это все святая правда. У дяди Рейнгольда хорошія уши и хорошіе глаза.

Рената (*въ ужасѣ*). Дядя Рейнгольдъ... Вы... Вы... что-то знаете?

Ульрихсъ. Ну, и если я скажу: да?

Рената (*всматриваясь въ него*). Вы... Вы... знаете объ этомъ?

Ульрихсъ. Такъ оно и есть, дитя мое. Я знаю все.

Рената (*страстно*). Вы знали объ этомъ, дядя Рейнгольдъ, и вы молчали? Если бы вы сказали только одно слово Петру, все было бы иначе!

Ульрихсъ. Чтобы онъ меня вонъ выбросилъ? Чтобы я отправился странствовать по свѣту? Бѣдный странникъ милостыни просить...Нѣтъ, дитя мое! Развѣ у меня были какія нибудь доказательства? Такъ вѣдь каждый можетъ придти и утверждать подобныя вещи. Доказательства, моя голубка, доказательства! Или же держать языкъ на привязи!... А ты развѣ иначе поступила?

Рената. Я была его женой... Или женѣ нужно было пойти и донести на него?

Ульрихсъ (*пожимая плечами*). На этомъ свѣтѣ каждый имѣетъ свои основанія. Никто не можетъ дѣлать другому упреки.

(*Короткая пауза*).

Рената (*съ внутреннимъ мученіемъ*). Почему, дядя Рейнгольдъ, обо всемъ этомъ вы напоминаете мнѣ лишь теперь? Сколько лѣтъ вы не проронили ни одного слова! Почему вы съ этимъ приходите ко мнѣ именно сегодня?

Ульрихсъ. Ибо вижу, что ты на опасной дорогѣ, дитя мое! Ты на дорогѣ, конца которой не можетъ знать ни одинъ человѣкъ. Не мо-

жетъ знать ни одинъ человѣкъ. Она можетъ вывести изъ лѣса, но она можетъ завести еще дальше вглубь. А тамъ, въ чащѣ, тамъ такія черныя топи, что если онѣ какъ-нибудь засосутъ человѣка, тогда помилуй его Богъ... Понимаешь, о чемъ говорю?

Рената (*послѣ короткаго молчанія, выходя изъ себя*). А если вы правы? А если я просто не могу больше этого выносить? А если я должна говорить, все равно грозитъ ли это мнѣ несчастьемъ или нѣтъ?

Ульрихсъ. Тогда я спрошу тебя только объ одномъ...

Рената. (*Смотритъ на него вопросительно, съ испугомъ*).

Ульрихсъ. Я спрашиваю тебя: если бы Генрихъ остался тамъ, гдѣ онъ былъ, что тогда? Ты пришла бы тоже къ этой мысли? Отвѣть мнѣ на это!

Рената (*борясь съ собой*). О, Боже мой... Дай мнѣ исходъ! Дай мнѣ только исходъ!

Ульрихсъ. Видишь! Итакъ, ради Генриха ты хочешь обрушить несчастье на своего законнаго мужа! Развѣ это порядокъ, мое дитя? Обдумала ли ты это какъ слѣдуетъ?

Рената (*говоритъ съ трудомъ*). Можетъ быть, вы угадали, дядя Рейнгольдъ! Можетъ быть, я не имѣю больше права сказать правду! Можетъ быть, я виновата больше всѣхъ. (*Она стоитъ, точно сломленная, закрывъ руками лицо, какъ бы разбитая внутренними мученіями*).

Ульрихсъ (*гладитъ ея волосы*). Дитя, возьми себя въ руки! Вонъ идетъ Генрихъ изъ сторожки. Онъ не долженъ знать, что я былъ здѣсь.

Рената (*оправляется*). Хорошо! Благодарю васъ, дядя Рейнгольдъ. (*Протягиваетъ ему руку*).

Ульрихсъ. Ты теперь знаешь, что дѣлать?

Рената. Да, это останется у меня... Я хочу нести свой крестъ до конца.

Ульрихсъ (*хлопаетъ ее по плечу*). Вотъ это хорошо, дитя мое! Такія старыя исторіи нельзя опять подымать: что сдѣлано, того не воротишь. А что будетъ потомъ, ни одинъ человѣкъ не знаетъ. (*Онъ киваетъ ей головой и уходитъ направо вглубь*).

Рената (*стоитъ у средняго стола, смотритъ впередъ съ мрачной рѣшимостью*)

ЯВЛЕНІЕ 16-ое.

(Рената и Генрихъ).

Генрихъ (*входитъ слѣва. Буря, которая одно время уже стихла, снова поднялась. Солнце скрылось изъ комнаты. Мрачныя сумерки. Генрихъ закрываетъ за собой двери и осматривается*). Петръ еще не вернулся?

Рената. Нѣтъ, еще не вернулся.

Генрихъ. Сегодня будетъ ужасная ночь! Буря воетъ, какъ будто приближается конецъ свѣта. Видѣла ли ты заходъ солнца? Оно совершенно кроваваго цвѣта!

Рената. Это значитъ, что буря еще усилится.

Генрихъ. Буря и ледоходъ, да. Ледъ на рѣкѣ продолжаетъ какъ-то ужасно трещать. Ясно слышно, какъ глубоко внизу все волнуется и бурлитъ. Словно готовится что-то ужасное. Приходится закрывать уши и глаза, если выходишь на внѣшнюю плотину.

Рената. Такъ ты дѣйствительно подвергался опасности?

Генрихъ. Да. Я не могъ себѣ представить, что Яковъ меня обманетъ. На внѣшней плотинѣ не было и слѣда моихъ людей. Я нашелъ ихъ въ сторожкѣ, гдѣ они очень уютно играли въ карты. Но оставимъ это. У меня теперь въ тысячу разъ болѣе важное дѣло. (*Приближается къ ней*). Рената, я еще долженъ получить отъ тебя отвѣтъ.

Рената (*съ трудомъ сдерживаясь*). Отвѣтъ? На что?

Генрихъ. На то, о чемъ я тебя раньше спрашивалъ.

Рената (*серьезно и съ удивленіемъ*). Мнѣ нечего тебѣ отвѣчать, Генрихъ... У меня есть только одна просьба къ тебѣ.

Генрихъ. Говори!

Рената (*тяжело дышетъ*). Ты... долженъ... уѣхать... Генрихъ!

Генрихъ (*отступаетъ на одинъ шагъ*). Рената?!

Рената (*беззвучно*). Ты долженъ уѣхать, Генрихъ! Ты долженъ уѣхать!

Генрихъ (*въ глубокомъ смущеніи*). Рената, что случилось?

Рената. Не спрашивай меня! Я не могу тебѣ отвѣчать. И я не хочу тебѣ отвѣчать. Я знаю только одно, ты долженъ уйти отсюда! Ты долженъ уйти! Ты долженъ уйти сейчасъ же!

Генрихъ. А предъ этимъ ты просила меня остаться!

Рената. Я знаю это! Я знаю все! Но я не могу иначе! Богъ мнѣ свидѣтель, что я не могу иначе!

Генрихъ. Я уйду! Но одно я долженъ знать, раньше, чѣмъ я уйду.

Рената (*стоитъ безмолвно, съ большими безумными глазами и полураспущенными волосами*).

Генрихъ (*медленно*). Рената! Ты когда-то любила Петра!

Рената (*въ отчаяніи*). Неужели это было?

Генрихъ. Да! Вѣдь именно поэтому ты меня оттолкнула! Теперь я спрашиваю тебя: любишь ли ты его еще?

Рената (*въ дикомъ изступленіи*). Какъ смерть люблю я его... Какъ смерть!

Генрихъ. Рената?!

Рената (*лихорадочно*). Не правда ли, вѣдь можно любить смерть въ десять разъ пламеннѣе, чѣмъ жизнь... Такъ я люблю своего мужа! Понимаешь ли ты теперь, что ты долженъ уѣхать! Уйди! Уйди! Уйди! Уйди!

Генрихъ (*въ возрастающемъ упоеніи*). Рената! Не говори ни слова! Иначе я не знаю, что я сдѣлаю!

Рената (*съ поднятыми руками*). Не прикасайся ко мнѣ! Я обручена со смертью! (*Опускается на стулъ и разражается страшными рыданіями*).

(*Короткая пауза*).

Генрихъ (*борется съ самимъ собой. Снаружи слышенъ лошадиный топотъ. Онъ застегиваетъ свой сюртукъ*).
Постарайся взять себя въ руки, Рената! Петръ вернулся! (*Уходитъ въ среднюю дверь направо, оборачиваясь еще разъ*). Я иду въ свою комнату и только уложу свои вещи. Сборы отнимутъ не много времени, тогда я скажу послѣднее прости этому дому. (*Онъ быстро выходитъ, сейчасъ же слѣва входитъ Петръ. Во время послѣдующей сцены начинаетъ темнѣть*).

ЯВЛЕНІЕ 17-ое.

(Рената и Петръ).

Рената (*при входѣ Петра подымается со стула*).

Петръ (*отрывисто*). Ты одна?

Рената. Да.

Петръ. Гдѣ Генрихъ?

Рената. Генрихъ укладываетъ свои вещи.

Петръ. Что онъ дѣлаетъ?

Рената. Онъ хочетъ отъ насъ уйти! Онъ перебирается напротивъ въ сторожку.

Петръ. Какъ это такъ? Что это означаетъ?

Рената. Я сама его просила, чтобы онъ отъ насъ уѣхалъ.

Петръ (*медленно и грозно*). Тутъ видно что-то произошло пока меня не было?

Рената (*тяжело дыша*). Что должно было произойти?

Петръ (*приближается къ ней*). Ты вся блѣдна.

Рената. Такая, какъ всегда.

Петръ (*глухо*). Ты... что-то... сказала?

Рената (*все еще, какъ въ столбнякѣ*). Я... боялась... этого... Ты понимаешь? Я боялась... самой себя... боялась! По этому я его удалила...

Петръ. Удалила? На три шага, черезъ улицу! Конечно, дома такія вещи неудобно устраивать!

Рената. Ты самъ не знаешь... что говоришь, Петръ! Я его удалила, потому что... я... еще... твоя жена!

Петръ. Ага! Ты думаешь, что я въ твоей власти? Ты думаешь, что ты можешь командовать?

Рената. Я совершенно спокойна, Петръ! Я совершенно спокойна! Будь же и ты спокоенъ!

Петръ (*смотря ей прямо въ глаза, овладѣваетъ собой*). Какъ прикажешь! (*Онъ оборачивается, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, потомъ возвращается къ ней*). Итакъ, онъ ничего не знаетъ?

Рената. Отъ меня онъ ничего не узнаетъ.

Петръ (*вспыльчиво*). Но отъ кого либо другого?

Рената. И ни отъ-кого другого.

Петръ (*облегченно*). Это правда?

Рената. Я не могу. Есть только одинъ человѣкъ, отъ котораго онъ долженъ это узнать!

Петръ (*съ новымъ, но сдерживаемымъ гнѣвомъ*). Кто это?

Рената. Ты самъ!

Петръ. Я? Отъ меня онъ долженъ? (*Презрительно*). Глупости!

Рената (*выходя изъ себя*). Да, отъ тебя! Отъ тебя онъ долженъ узнать! Теперь же! Сейчасъ... Раньше, чѣмъ онъ выйдетъ изъ дома. Ты слышишь? Ты долженъ сказать ему все, все!

Петръ. За кого ты меня принимаешь? Что я въ твоихъ глазахъ— глупецъ или дуракъ?

Рената (*страстно*). Петръ, послѣдній разъ я тебя прошу объ этомъ. Это послѣдній случай, когда ты можешь все исправить... Петръ, во имя нашихъ двухъ умершихъ дѣтей! Облегчи свое сердце! Или ты погибнешь, и я съ тобой!

Петръ. Ты сошла съ ума! Не достаточно ли дорого заплатилъ я за все? Не стоило ли мнѣ это жены и дѣтей, счастья и покоя? Долженъ ли я еще пожертвовать своею честью и своимъ именемъ? Тогда лучше покончить со всѣмъ!

Рената (*внѣ себя опускается къ его ногамъ*). Петръ... я стою на колѣняхъ предъ тобой. Сознайся Генриху въ своей винѣ раньше, чѣмъ онъ выйдетъ изъ дома!

Петръ (*съ дикой насмѣшкой*). Вотъ какъ! Почему такъ скоро? И почему именно Генриху? Почему не Якову? И почему не раньше? Откуда вдругъ такая поспѣшность? Потому что онъ уходитъ изъ дома? Вотъ какъ! Объясни-ка мнѣ это?

Рената (*въ полномъ отчаяніи*). Убей меня! Убей меня! Я этого больше не перенесу!

Петръ (*съ торжествующимъ злорадствомъ*). Что, присмирѣла? Сорвалъ я съ тебя маску? Итакъ, ты влюбилась въ этого молодца? Въ этомъ вся тайна? И изъ-за этого я долженъ пожертвовать всѣмъ, что у меня осталось? Долженъ самъ подъ ножъ пойти, чтобы развязать ей руки? О нѣтъ, мое золото! Теперь я узналъ тебя въ истинномъ свѣтѣ! Теперь мы скоро съ этимъ покончимъ! Понимаешь ты меня? И если ты будешь долго сопротивляться, знаешь ты, что тогда будетъ? Тогда я у тебя силой свое право возьму!

Рената (*стоявшая, какъ бы оглушенная его обвиненіемъ, неподвижно на колѣняхъ, теперь вскакиваетъ, какъ отъ удара кнутомъ*). Силой?

Петръ (*наполовину теряя сознаніе*). Я не позволю больше дѣлать изъ себя дурака! Я не позволю болѣе сосѣдямъ насмѣхаться надо мной! Я сытъ уже этой болтовней! Этому долженъ быть конецъ!

Рената (*задыхаясь*). Ты хочешь меня силой?

Петръ (*къ ней*). Я хочу воспользоваться своимъ правомъ!

Рената. Ты хочешь воспользоваться своимъ правомъ?

Петръ (*совсѣмъ близко около нея*). Ты передъ Богомъ и людьми моя жена! Я хочу своего права! (*Схватываетъ ее за руки*).

Рената (*отталкиваетъ его*). Ты самъ не знаешь, что дѣлаешь! Ты навѣрное пьянъ!

Петръ. А если я даже пьянъ... Моя жена остается моей женой! И мое право остается моимъ правомъ! (*Онъ наступаетъ снова на нее! Дверь посрединѣ направо отворяется*).

ЯВЛЕНІЕ 18-ое.

(Тѣ же и Генрихъ).

Генрихъ (*входитъ на порогъ и останавливается въ колебаніи*).

Рената (*замѣчаетъ его, внѣ себя*). Генрихъ? Это ты? Тебя самъ Богъ посылаетъ!

Петръ (*дико*). Чего ты хочешь еще здѣсь? Что тебѣ еще тутъ нужно?

Генрихъ (*еще на порогѣ*). Я пришелъ только за тѣмъ, чтобы протянуть тебѣ руку и поблагодарить тебя за пріемъ.

Петръ. Ага! Ее вотъ благодари!

Генрихъ. Это я уже сдѣлалъ! Итакъ, прощай! (*Поворачивается*).

Рената (*съ момента его появленія какъ бы подъ вліяніемъ вдохновенія, для котораго она только теперь находитъ слова*). Генрихъ, Останься!

Петръ (*въ бѣшенствѣ*). Ты съ ума сошла?

Рената (*бросается къ Генриху*). Генрихъ! Вотъ этотъ человѣкъ, хочетъ отъ меня своего права! Генрихъ! Спроси этого человѣка, куда онъ дѣвалъ послѣднее завѣщаніе вашего отца! Спроси этого человѣка, куда онъ дѣвалъ послѣднее завѣщаніе вашего отца! Спроси этого человѣка, который хочетъ своего права, что онъ сдѣлалъ съ вашимъ правомъ!

Петръ (*бросаясь на нее, какъ бѣшеный*). Ты... ты... вѣдьма... Ты! Я убью тебя!

Рената (*съ раскрытыми руками*). Бей! Бей!

Генрихъ (*бросается между ними*). Дальше ни шагу! Эта женщина находится подъ моей защитой! (*Снаружи слышенъ шумъ и крики, дверь налѣво срывается, изъ толпы, которая стоитъ снаружи, бросается Ульрихсъ*).

ЯВЛЕНІЕ 19-ое.

Ульрихсъ (*кричитъ*). Ледоходъ! Ледоходъ! Гдѣ смотритель надъ плотиной? Ледоходъ!

Толпа (*перебивая*). Ледоходъ! Ледоходъ!

Петръ (*сильно выпрямляясь*). Здѣсь онъ! Развѣ потокъ прорвался?

Ульрихсъ. Прорвался, какъ дьяволъ! Въ двѣ минуты вся внѣшняя плотина очутилась подъ водой! И притомъ вода поднимается и поднимается! Да помилуетъ насъ Господь сегодня!

Петръ. Богъ или чортъ! Все равно! Всѣ мужчины наружу! Всѣ на плотину! Посмотримъ, кто сильнѣе, потокъ или мы! (*Хочетъ выйти*).

Генрихъ (*загораживаетъ ему дорогу, сдержанно*). Еще одно слово.

Петръ. Что ты хочешь? Теперь нѣтъ времени для разговоровъ, теперь нужно дѣйствовать!

Генрихъ. И я такъ думаю! Ты смотритель надъ плотиной! Пока есть нужда въ человѣкѣ, я въ твоемъ распоряженіи! Потомъ я потребую отъ тебя отчета!

Петръ. Къ дѣлу! Дай мнѣ справиться съ нимъ, тамъ, а съ тобой я скоро покончу. (*Обратясь къ толпѣ*). За дѣло, ребята! За дѣло! (*выбѣгаетъ*).

(*Генрихъ и другіе слѣдуютъ за нимъ. Дикіе возгласы въ толпѣ:* «Ледоходъ! Да здравствуетъ смотритель! Ура!» *Когда всѣ уходятъ, Рената падаетъ съ судорожными рыданіями. Глубокія сумерки. Слышенъ вой бури и грохотъ потока*).

Занавѣсъ.

АКТЪ ТРЕТІЙ.

Мѣсто дѣйствія тамъ же. Прошло съ четверть часа. Уже совсѣмъ стемнѣло. Рената, въ глубокой задумчивости, сидитъ, согнувшись, съ головой, опущенной на грудь, въ креслѣ налѣво, въ которое она опустилась въ концѣ второго акта. Буря бушуетъ и часто съ страшнымъ грохотомъ обрушивается на домъ. Издалека доносится, точно мелодія, глухой шумъ освободившагося потока. Спустя нѣсколько мгновеній открывается дверь направо сзади.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

(Рената и Анна).

Анна (*входитъ съ горящей лампой и направляется къ дубовому столу. Отъ движенія Ренаты она вздрагиваетъ и оборачивается*). О Боже! Барыня сидитъ въ креслѣ! Какъ я испугалась!

Рената (*молчитъ, не смотря на нее*).

Анна (*поставивъ лампу*). Я думала, вы тоже ушли посмотрѣть на плотину. Вѣдь у насъ теперь ледоходъ.

Рената (*продолжаетъ молчать*).

Анна. Я... я... Я такъ боюсь, барыня! (*Она вздрагиваетъ отъ испуга, такъ какъ сильный ударъ вѣтра потрясаетъ дверь*). Господи помилуй! Все равно какъ передъ днемъ страшнаго суда!

Рената (*задумчиво*). Можетъ быть, это онъ... день страшнаго суда Кто знаетъ!

Анна. Что вы, барыня, говорите! А что, если у насъ вдругъ прорветъ плотину?!

Рената. Тогда мы всѣ должны будемъ умереть, милая Анна!

Анна (*въ ужасѣ*). Должны умереть?... О, Боже мой и Спаситель! И я тоже!

Рената (*твердо*). И ты тоже! Всѣ мы! Развѣ ты никогда не слышала, что всѣ мы во власти Бога?

Анна (*содрогаясь*). Умереть! Когда ни въ чемъ не провинился? Когда еще такъ молодъ?

Рената (*какъ и прежде*). Успокойся! Если небо захочетъ, съ тобой ничего не случится! Для тебя оно сдѣлаетъ исключеніе.

Анна (*идетъ къ двери налѣво и, встрѣчая Якова, который какъ разъ въ это время входитъ, снова пугается*). Боже мой! Молодой баринъ!... Сама не знаю, сегодня меня все пугаетъ! (*Остается у двери, одращаясь къ Якову*). Я пойду закрыть ставни, молодой баринъ! А уже вы будьте такъ добры и завинтите ихъ съ этой стороны.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

(Тѣже и Яковъ).

Яковъ. Хорошо, хорошо. Ты только закрывай.

Анна (*выходитъ и закрываетъ за собою дверь. Слышно, какъ она снаружи захлопываетъ ставни, а Яковъ внутри въ это время завинчиваетъ ихъ. Когда онъ кончаетъ съ задними окнами, слышенъ снаружи голосъ Анны, однако словъ нельзя разобрать. Яковъ говоритъ сквозь ставни*).

Яковъ. Что случилось съ садомъ?... Ахъ, такъ! Да, садъ открытъ, можешь пройти черезъ него. (*Онъ проходитъ медленно впередъ, остается стоять недалеко отъ Ренаты*). Изъ за бури собственныхъ словъ не слыхать! (*Короткая пауза*). Ты на меня сердишься, Рената?

Рената (*молча качаетъ головой*).

Яковъ (*дѣлая шагъ къ ней*). Прости меня, Рената! Я самъ не зналъ, что дѣлалъ. Мнѣ казалось, весь міръ разомъ охваченъ пламенемъ! Прости меня!

Рената (*тяжело*). Намъ всѣмъ простить надо, Яковъ!

Яковъ (*въ волненіи*). Ты... ты... ты святая! (*Хочетъ схватить ея руку*).

Рената (*испуганно защищается*). Не называй меня такъ!

Яковъ (*съ блестящими глазами*). Ты такая славная! Такая сильная! Такая добрая!

Рената (*со слабой улыбкой*). Яковъ! Яковъ! А что ты думалъ обо мнѣ всего часъ назадъ! И что будетъ черезъ часъ?

Яковъ (*въ возбужденіи дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, возвращается и говоритъ таинственно*). А знаешь ли, что со мной случилось?

Рената. Нѣтъ, скажи!

Яковъ. Самая простая вещь, и въ то же время великая. Мнѣ явилось знаменіе!

Рената. Знаменіе?

Яковъ. Да знаменіе свыше! Отъ звѣздъ! Слушай!... Выбѣжавъ изъ дома, я побѣжалъ черезъ поле, все прямо, прямо! Далеко, далеко! Я не видѣлъ ни посѣвовъ, ни пашенъ, ни могилъ! Я бѣжалъ, бѣжалъ... А вѣтеръ все время гнался за мной. Такъ близко, такъ близко, что своимъ остывшимъ дыханіемъ онъ дулъ мнѣ прямо въ затылокъ! До сихъ поръ еще чувствую, какъ по моей спинѣ пробѣгали жаръ и холодъ! Все время я только объ одномъ и думалъ: онъ не долженъ тебя догнать! Ты погибнешь, если онъ тебя догонитъ! И я бѣжалъ, бѣжалъ... Кто его знаетъ, сколько это продолжалось! Вдругъ я обо что то споткнулся... Послѣ только я замѣтилъ, что это былъ сукъ отъ старой ивы. И вотъ я спотыкаюсь, падаю во всю свою длину, а ураганъ несется черезъ меня, какъ сумасшедшій. Мнѣ казалось, что всему наступилъ конецъ, и я потерялъ сознаніе. (*Онъ останавливается, проводитъ по лбу рукой*). Ты слушаешь, Рената?

Рената. Я слушаю, разсказывай дальше.

Яковъ. Когда я спустя немного времени открылъ глаза, я увидѣлъ, какъ прямо около меня, сквозь вѣтви ивы, что то свѣтитъ и блеститъ. Пораженный я смотрю наверхъ. Въ это время сквозь тучи пробивается лучъ луны. Слѣдя за нимъ, я вижу, что рядомъ со мной блеститъ и переливается вода!

Рената (*испуганно*). Вода?

Яковъ. Да. Я вскакиваю, луна уже зашла, но въ темнотѣ я вижу воду, тростникъ, камышъ и снова воду! Тогда только я узналъ Малаурское болото.

Рената. Малаурское болото, гдѣ такъ много людей утонуло... Яковъ! Яковъ!

Яковъ. Ахъ, что! Однимъ меньше, однимъ больше. Въ Малаурскомъ болотѣ хватитъ мѣста. Но ивовый сукъ не пустилъ меня, онъ задержалъ меня. Всего за два шага отъ края! За два шага!

Рената (*тихо*). И это было знаменіе?

Яковъ. Нѣтъ! Когда я отъ болота пошелъ къ плотинѣ, мнѣ вдругъ захотѣлось посмотрѣть на вечернюю звѣзду. Она всегда была моей звѣздой, я ее давно себѣ выбралъ. Недалеко отъ нея—другая звѣзда. Какъ она называется—не знаю. Она тоже красива, хотя далеко не такъ, какъ вечерняя звѣзда. Ищу я ихъ, но ничего не вижу. Небо совсѣмъ темное и мрачное. Тучи несутся куда то вдаль. Только на

западѣ свѣтлая полоска. Затѣмъ она начинаетъ увеличиваться. Я говорю себѣ, это не можетъ долго длиться: тучи уйдутъ и тогда будутъ видны обѣ звѣзды. И приходитъ мнѣ въ голову мысль предоставить все звѣздамъ,—пусть онѣ рѣшатъ. Вечерняя звѣзда—моя звѣзда, другая—Генриха, и которая изъ нихъ первая покажется изъ-за тучъ, та побѣдила.

Рената. И твоя появилась раньше?

Яковъ (*гордо*). Да, моя звѣзда побѣдила!

Рената. А звѣзда Генриха?

Яковъ. Она показалась только долго спустя! Ее закрывала такая большая черная туча, которая точно совсѣмъ не хотѣла уходить. А моя звѣзда все время блестѣла и сіяла на западѣ!

Рената. И это было для тебя знаменіемъ?

Яковъ. Да, это было мое знаменіе. Оно мнѣ дано звѣздами. И потому я сталъ такъ спокоенъ. Я теперь внутренне вполнѣ увѣренъ въ себѣ! Все для меня ясно стало! Я знаю, со мною ничего не можетъ случиться... Я долго ходилъ вдоль плотины, какъ разъ въ то время, когда вскрывалась рѣка. Раздался такой трескъ, какъ будто изъ пушки выстрѣлило. Въ одно мгновеніе вода бросилась на внѣшнюю плотину и начала подниматься, все подниматься, ледяныя глыбы грохотали и трещали, лѣзли одна на другую и такъ... одна за другой спускались внизъ по теченію. На одной льдинѣ стояли двѣ лани. Кто знаетъ, какъ и откуда онѣ попали туда! Ихъ несло вмѣстѣ къ морю. И какъ-то странно выглядѣли онѣ при слабомъ лунномъ свѣтѣ, а около меня вода такъ смѣшно клокотала и разъѣдала плотину. Тогда я сказалъ себѣ: «Все, что ты видишь тутъ, имѣетъ свой особенный смыслъ. Потокъ—это жизнь, или судьба, или что нибудь въ этомъ родѣ, а люди—это льдины, которыя одна за другой спускаются къ морю»! И мнѣ стало такъ легко, такъ радостно на сердцѣ! Никогда раньше я не испытывалъ такого чувства, и когда обѣ лани пронеслись внизъ, знаешь ты, о чемъ я подумалъ тогда? (*Черезъ нѣсколько мгновеній, какъ бы всматриваясь въ какое-то видѣніе*). Мнѣ казалось, это король и королева...

Рената (*глубоко задумавшись*). Король и королева?

Яковъ. Да! И король это былъ я, а королева—ты. Что ты скажешь на это? Развѣ это не смѣшно?

Рената. Тогда, вѣдь, потокъ унесетъ насъ въ концѣ концовъ въ море?

Яковъ. Да, къ полночи мы уже были бы на морѣ. (*Дверь слѣва отворяется*).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

(Тѣ же и Генрихъ.)

Генрихъ (*входитъ быстро, мгновеніе колеблется, потомъ съ внезапной рѣшимостью*). Ты здѣсь?.. Я долженъ говорить съ Ренатой. Будь такъ добръ, оставь насъ однихъ.

Яковъ (*съ изумленіемъ*). Говорить съ Ренатой?

Генрихъ. Да, объ очень важномъ дѣлѣ, которое, можетъ быть, и тебя касается.

Яковъ (*недовѣрчиво*). И потому я долженъ выйти? Если это касается меня, то я, вѣдь, имѣю право остаться.

Генрихъ. Пока дѣло это не терпитъ никакихъ свидѣтелей, а главное никакой отсрочки...

Яковъ (*возбужденно*). О, это звучитъ совсѣмъ... совсѣмъ... Не знаю какъ... Гдѣ же Петръ?

Генрихъ. Петръ поѣхалъ въ Райеркругъ. Онъ можетъ вернуться каждую минуту. Итакъ, уходи теперь, прошу тебя!

Яковъ (*упрямо*). Ну, а если я не хочу? Если мнѣ все это кажется подозрительнымъ?

Генрихъ. Яковъ, этотъ моментъ слишкомъ серьезный, чтобы намъ ссориться! Будь благоразуменъ и уходи!

Яковъ. Что скажетъ Рената на это? Долженъ я уйти, Рената?

Рената (*тихо*). Да, Яковъ, я прошу тебя.

Яковъ (*опускаетъ голову*). Если ты говоришь это, я долженъ, конечно, повиноваться. (*Идетъ направо вглубь, еще разъ оборачивается*). Рената, вспомни о вечерней звѣздѣ! Неужели она меня обманула? (*Онъ смотритъ нѣсколько мгновеній задумчиво, потомъ быстро уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4-ое.

(Тѣ же безъ Якова).

Генрихъ. Ты поняла его, Рената?

Рената. Я думаю, да!

Генрихъ. Что хотѣлъ онъ сказать своей вечерней звѣздой?

Рената (*глубоко задумавшись*). Что она скоро исчезнетъ.

Генрихъ (*съ удивленіемъ*). Исчезнетъ, кто?

Рената. Вечерняя звѣзда.

Генрихъ (*приближается къ ней*). Ты сегодня какая-то особенная Рената.

Рената. Тебя это удивляетъ? Въ такой моментъ?

Генрихъ (*вспомнивъ*). Ты права, я забылъ... Неужели это возможно? Объясни же мнѣ это!

Рената (*мучаясь*). Я, вѣдь, уже сдѣлала это!

Генрихъ. Конечно! Конечно! Но никакихъ подробностей. Это былъ только внезапный взрывъ. Ты мнѣ должна теперь все сказать, Рената. Вспомни, что̀ только поставлено на карту. Теперь нельзя ничего замалчивать. Ты обязана сдѣлать это предъ самой собой, предо мной, предъ всѣми нами... предъ нимъ самимъ!

Рената (*съ трудомъ*). Что мнѣ еще сказать? Развѣ я и такъ уже не сказала слишкомъ много?

Генрихъ (*съ испугомъ*). Слишкомъ много?.. Значитъ больше, чѣмъ было въ дѣйствительности?.. Рената!

Рената (*страстно*). Все это слово въ слово правда! Ни одного слова я не могу взять обратно! Но повторять этого я не хочу! Понимаешь ты меня? Повторять я не хочу!

Генрихъ. Почему же ты вообще заговорила объ этомъ?

Рената (*вскакиваетъ*). Потому что иначе я не могла уже. Для меня это былъ вопросъ жизни! Нѣтъ, не жизни,—ее бы я съ удовольствіемъ отдала! Вопросъ шелъ о томъ, что было для меня дороже всего, выше всего! Пять лѣтъ я молчала и унесла бы тайну въ могилу! Но онъ не хотѣлъ! Онъ принудилъ меня говорить! Я сдѣлала это въ минуту жестокой, страшной, горькой необходимости. У меня вырвалось это въ минуту отчаянія. Это былъ единственный выходъ предъ смертью. И теперь я должна повторить это хладнокровно? Не могу! Не могу! (*Она ходитъ невѣрными шагами впередъ и назадъ*).

Генрихъ (*съ волненіемъ*). Я понимаю твое состояніе, Рената, и не буду теперь настаивать. Скажи мнѣ только одно: откуда знаешь ты о томъ, что сдѣлалъ Петръ?

Рената (*выкрикивая*). Отъ него самаго я знаю! Вѣришь ты теперь этому? (*опускается, разбитая, на стулъ*).

Генрихъ (*пораженный*). Отъ него самого?.. Тогда, конечно! (*Приближается къ ней, гладитъ ея волосы*). И ты должна была молчать? Должна была молчать всѣ эти годы?.. Бѣдное, бѣдное сердце, что только не пришлось тебѣ вытерпѣть?

Рената (*изъ глубины сердца*). Видишь ты теперь мою жизнь? Понялъ ты ее?

Генрихъ (*въ сильномъ возбужденіи*). Онъ самъ себя выдалъ? Какъ это могло случиться, Рената? Такой желѣзный человѣкъ, какимъ онъ былъ съ молодыхъ лѣтъ... Только что-нибудь страшное могло развязать ему языкъ.

Рената (*съ широко раскрытыми глазами, какъ бы вспоминая*). Что-нибудь страшное? Да! Самое страшное, что есть только на свѣтѣ! Смерть заставила его говорить!

Генрихъ. Смерть, говоришь ты?

Рената (*торжественно*). Да, желѣзный, какъ онъ есть, онъ все таки былъ безсиленъ предъ смертью! Смерть вырвала изъ него это! (*Она поднимается и, какъ бы видя предъ собой что то, указываетъ на полъ около себя*). Здѣсь... здѣсь... здѣсь... они лежали, два маленькихъ трупика. Здѣсь все это случилось. (*Она стоитъ, точно она куда то далеко унеслась*).

Генрихъ (*потрясенный*). При смерти вашихъ дѣтей... случилось это? И тогда онъ сознался?

Рената (*какъ раньше*). Да, наши дѣти должны были умереть, чтобы

это раскрылось! Наши дѣти понесли наказаніе за его вину! Этого хотѣло само Провидѣніе.

Генрихъ. И ты этому вѣрила? И этого ты ожидала отъ твоего Провидѣнія?

Рената. Я вѣрю этому еще и сегодня! Вѣрю еще больше, чѣмъ когда либо!

Генрихъ. Это прямо ужасно!.. Ужасно!

Рената (*склоняется совсѣмъ разбитая, но продолжаетъ стоять*).

Генрихъ (*съ трудомъ говоря*). И съ такимъ чувствомъ... жила ты пять лѣтъ, вмѣстѣ съ Петромъ? Жила какъ... какъ его жена?

Рената (*внѣ себя*). Этого... я не дѣлала! (*Падаетъ на стулъ, прижимается лицомъ къ спинкѣ стула*).

Генрихъ (*отступая назадъ*). Рената..!?

Рената. Теперь... ты знаешь... все!

Пауза.

Генрихъ (*стоитъ у средняго стола, опираясь на него рукой, съ опущенной головой и въ глубокомъ раздумьѣ*).

Рената (*садится, вся съежившись, направо къ столу около софы*).

Генрихъ (*вскакиваетъ, обращается къ ней*). А теперь?.. Что будетъ теперь, Рената?

Рената (*медленно выпрямляясь*). Топерь остается только одна дорога!

Генрихъ. А куда она ведетъ?

Рената (*просто*). Она ведетъ къ нему. Теперь мое мѣсто около Петра.

Генрихъ. Я зналъ это. (*Отворачивается*).

Рената (*черезъ мгновеніе*) Развѣ я не права, Генрихъ?

Генрихъ (*молчитъ*).

Рената (*встаетъ, осматривается кругомъ, какъ бы говоря сама съ собой*). Я раскрыла его тайну. Я должна это сдѣлать! Я не могла иначе! Я не виновата въ томъ, что случилось! Но чѣмъ бы я была, если бы я теперь его бросила?

Генрихъ (*мрачно*). И ты вѣришь еще, что онъ измѣнится?

Рената. Да, я вѣрю въ это и надѣюсь.

Генрихъ. Рената, ни одинъ не можетъ стать инымъ, чѣмъ онъ есть. Оставь надежду! Ты его не исправишь.

Рената (*тихо*). Я хочу попробовать.

Генрихъ (*дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, оборачивается и выкрикиваетъ*). Рената, твои планы—это безуміе! Это самоубійство! Это значитъ обречь себя на добровольную смерть!

Рената. Иначе я не могу.

Генрихъ (*страстно, съ горечью*). Рената, ты преувеличиваешь свои силы! Ты хочешь быть героиней!

Рената (*спокойно*). Думай обо мнѣ, какъ хочешь.

Генрихъ (*съ легкимъ поклономъ*). Прощай!

Рената (*пораженная*). Ты хочешь уйти?

Генрихъ. Мнѣ здѣсь нечего больше дѣлать.

Рената. Но, вѣдь, у тебя тутъ еще другая задача?

Генрихъ. Моя задача—тамъ, у потока. Отъ этой я не откажусь. Другой у меня нѣтъ и другой я не знаю.

Рената (*съ силой*). Ты долженъ еще, Генрихъ, посчитаться съ Петромъ! Не забывай этого!

Генрихъ. Петръ можетъ оставить у себя все, что онъ имѣетъ. Я прощаю ему его преступленіе! (*Поворачивается, чтобы уйти*).

Рената (*съ тревогой*). Генрихъ, вспомни о Яковѣ! Кто поможетъ Якову добиться своего права, если ты уѣдешь?..

Генрихъ (*стоитъ съ опущенной головой, затѣмъ обращается къ ней*). Дай мнѣ твою руку, Рената!

Рената (*протягиваетъ ему руку*). Хочешь ты довести это до конца, Генрихъ?

Генрихъ. Да.

Рената (*тяжело вздыхаетъ*). Тогда хорошо!

Генрихъ (*смотря на нее долгимъ взглядомъ*). Рената! Почему мы не сошлись тогда?

Рената (*тихо*). Спроси судьбу!

Генрихъ (*мрачно*). И ты еще вѣришь въ слѣпое Провидѣніе, которое нами правитъ?

Рената (*опускаетъ голову*) Не знаю! Знаю только, что мы должны покориться.

Генрихъ. Рената, мы въ послѣдній разъ видимся наединѣ. И мы должны теперь проститься навсегда!

Рената (*безъ словъ подставляетъ ему лобъ*).

Генрихъ (*цѣлуетъ ее. Они стоятъ молча другъ около друга*).

Рената (*выпрямляется, услышавъ шумъ снаружи, спокойно*). Петръ идетъ. Будь спокоенъ и твердъ. И... не будь жестокъ съ нимъ.

ЯВЛЕНІЕ 5-ое.

(Тѣ же и Петръ).

Петръ (*входитъ слѣва. Когда отворяется дверь, слышны шумъ потока и свистъ вѣтра. Лучъ луны падаетъ черезъ порогъ. Петръ закрываетъ за собою дверь, осматриваетъ ихъ съ мрачною усмѣшкой*). Что? Наговорились?

Генрихъ (*смотря ему прямо въ глаза*). Да!

Петръ. Я вамъ для этого предоставилъ достаточно времени.

Генрихъ. Ты объѣхалъ плотину, нашелъ ли ты все въ порядкѣ?

Петръ. Чего ты безпокоишься? Вѣдь я смотритель надъ плотиной, не ты, и я думаю имъ и остаться!

Генрихъ. По мнѣ, сколько тебѣ угодно! Но теперь я у тебя требую отчета.

Петръ. Въ чемъ?

Генрихъ. Ты знаешь, въ чемъ тебя обвиняютъ?

Петръ (*смѣется*). Въ чемъ же меня обвиняютъ? Ну, говори скорѣе.

Генрихъ. Ты утаилъ послѣднюю волю отца. Признаешь ли ты это?

Петръ (*дико*). Ничего я не признаю. Это все ложь и вранье, что тебѣ наговорили! Ты позволилъ провести себя сумасшедшей, бѣшеной, которая сама не знаетъ, что она дѣлаетъ и что говоритъ!

Рената (*до сихъ поръ неподвижная, теперь, какъ бы очнувшись, дѣлаетъ шагъ къ нему*). И это... ты говоришь мнѣ прямо въ лицо!

Петръ. И я скажу это еще десять разъ! Я повторю это передъ всѣмъ свѣтомъ!

Рената (*подходитъ къ нему близко, дрожа всѣмъ тѣломъ*). Ты хочешь предо мной отрицать то, въ чемъ самъ сознался на этомъ самомъ мѣстѣ? Ты хочешь отрицать то, что стоило намъ жизни нашихъ дѣтей, что исковеркало всю нашу жизнь?

Петръ. Да! Тутъ нѣтъ ни одного слова правды! Ни одного слова!

Рената. (*хватаетъ его за руки, внѣ себя*) Петръ, смотри мнѣ въ глаза! Имѣй мужество посмотрѣть мнѣ въ глаза!—Да или нѣтъ?

Петръ. Брось эту комедію!

Рената (*оставляетъ его руки съ судорогой отвращенія; къ Генриху*). Генрихъ, этотъ человѣкъ преступникъ, какого ты еще никогда не видалъ!

Петръ. Смотри только, не повтори этого публично, вотъ что я тебѣ совѣтую! Думать можешь ты все, что угодно!

Рената (*смотритъ на него пронзительно*). А я думала, что онъ несчастенъ, что онъ прегрѣшившій человѣкъ, который самъ не зналъ, что творилъ. Теперь я вижу, что жила съ преступникомъ! (*Она ломаетъ руки*).

Петръ. Я иду своимъ путемъ. У меня нѣтъ больше охоты возиться съ безумными бреднями и разстроеннымъ воображеніемъ.

Рената (*бросаясь къ нему*). А наши дѣти? Можетъ быть, они совсѣмъ даже не умирали? Развѣ ихъ трупы не лежали тутъ на полу? Можетъ быть, и это я только вообразила себѣ?

Петръ. Хорошо, что ты вспомнила объ этомъ. Съ этого у тебя и началось! Съ этого самаго дня ты потеряла разсудокъ.

Рената. Петръ! Умерли наши дѣти или нѣтъ? Скажи мнѣ, что они не мертвы! И я повѣрю, что все это мнѣ снилось, и на колѣняхъ я буду просить у тебя прощенія за все зло, что мнѣ снилось про тебя!

Петръ (*мрачно*). Наши дѣти умерли, это правда.

Рената (*опускаетъ руки*). Тогда и все остальное правда.

Петръ. Наши дѣти умерли! Но я-то чѣмъ виноватъ? Я такъ же мало виновенъ, какъ и ты! Я скажу тебѣ, въ чемъ моя вина. Я поз-

волилъ тебѣ заразить меня твоими фантазіями. Я позволилъ тебѣ уговорить себя, что Тотъ, Кто тамъ наверху, наказалъ меня за то, что я одинъ наслѣдовалъ отцу. Вотъ съ чего все началось! И эта мысль засѣла у тебя гвоздемъ! Она тебѣ покоя не давала! Вѣдь Тотъ, Кто тамъ наверху, безвиннаго не наказываетъ! И непремѣнно нужно совершить какое-нибудь преступленіе, чтобы у тебя въ одинъ день умерли дѣти. Такимъ образомъ, постепенно, у тебя это обратилось въ idé fixe, и въ концѣ концовъ въ твоемъ воображеніи я превратился въ поддѣлывателя и мошенника. Вотъ какъ все это развилось! Одно зерно истины принесло тысячу плевелъ! Если бы я его во-время вырвалъ, если бы я съ самаго начала выбилъ изъ тебя эту безсмыслицу, все было бы сегодня въ порядкѣ... Вотъ гдѣ моя вина. И теперь не удивляюсь, что мнѣ готовятъ петлю на шею! (*Онъ вытираетъ потъ со лба, тяжело дышетъ*).

Рената (*въ ужасѣ хватается за голову*). Генрихъ, этотъ человѣкъ хочетъ меня съ ума свести! (*Она бѣжитъ къ задней двери направо, отворяетъ ее, зоветъ пронзительныхъ голосомъ*). Ульрихсъ! Дядя Рейнголь, вы тамъ?.. Дядя Ульрихсъ! Гдѣ вы?

Ульрихсъ (*кричитъ снаружи*). Я здѣсь. Что случилось?

Рената (*какъ и раньше*). Дядя Ульрихсъ! Идите сюда! Идите сюда!

Петръ. Чѣмъ дальше, тѣмъ лучше! Какое дѣло до всего этого Ульрихсу?

Рената. Ты увидишь! (*Она нетерпѣливо дѣлаетъ Ульрихсу знаки*). Скорѣе, дядя Ульрихсъ, скорѣе.

ЯВЛЕНІЕ 6-ое.

(Тѣ же Ульрихъ).

Ульрихсъ (*входитъ*). Иду, иду! Вотъ я тутъ. (*Начиная догадываться*). Что такое случилось?

Рената (*предъ нимъ*). Дядя Ульрихсъ, въ своемъ умѣ я или нѣтъ? О чемъ мы говорили здѣсь часъ тому назадъ?

Ульрихсъ (*вертитъ фуражку въ рукахъ*). О многомъ говорили мы, дитя мое. Кто можетъ все это запомнить! Я вѣдь не ученый. У меня вѣдь память не изъ важныхъ.

Рената (*съ дикой энергіей*). Безъ отговорокъ! (*Смотритъ Ульрихсу прямо съ глаза*). Дядя Ульрихсъ, говорили ли вы, что свекоръ мой передъ смертью составилъ завѣщаніе въ пользу Генриха и Якова, что это завѣщаніе потеряно?

Ульрихсъ (*почесываетъ затылокъ и молчитъ*).

Рената. Говорили ли вы мнѣ объ этомъ или нѣтъ? Намекали ли вы, что Петръ утаилъ это завѣщаніе или нѣтъ? Заклинаю васъ спасеніемъ души вашей! Отвѣчайте мнѣ, да или нѣтъ?

Ульрихсъ. Во имя спасенія души моей спрашиваешь ты меня?.. Про-

клятая исторія! Могъ бы я еще спасти ее, но упустилъ случай. Ну, если уже дошло до этого дѣло... Да, я объ этомъ говорилъ.

Рената. Вы говорили объ этомъ. Именно это я и хотѣла отъ васъ слышать.

Ульрихсъ. Это уже моя собственная глупость, что я проболтался! Двѣнадцать лѣтъ старался я проглотить это! Но уже таковъ человѣкъ! Его грызетъ, грызетъ, пока совсѣмъ не прогрызетъ! Пока все не выйдетъ на свѣтъ Божій! Но разъ уже это извѣстно стало, то, можетъ быть, это къ лучшему. На этомъ свѣтѣ каждый долженъ самъ отвѣчать за себя. И отъ каждаго потребуютъ отчета.

Рената (*страстно*). Кому вѣришь ты теперь, Генрихъ? Мнѣ или (*указываетъ на Петра*) тому... тамъ?

Генрихъ. Я тебѣ съ самаго начала вѣрилъ, Рената.

Петръ (*до сихъ поръ стоявшій, какъ оглушенный, кричитъ въ порывѣ ярости*). Вотъ какъ! Значитъ, это настоящій заговоръ! Заговоръ брата и собственной жены! И этотъ гусь вмѣстѣ съ ними! И его я поилъ и кормилъ! Съ улицы подобралъ! Безъ меня онъ вѣдь съ голоду умеръ бы! И въ благодарность за все это онъ меня хочетъ утопить! Ну, подожди! (*Онъ грозитъ Ульрихсу кулакомъ*).

Ульрихсъ (*съ возрастающимъ гнѣвомъ*). Ты могъ бы не попрекать меня крохами, которыя я отъ тебя получалъ, ни жалкой конурой на чердакѣ, гдѣ я сплю. По совѣсти говоря, я не даромъ получалъ ихъ. Для кого я, вотъ уже сорокъ лѣтъ, надрываюсь съ пяти часовъ утра до самой поздней ночи? Ради кого высохли мои жилы и сгнили мои кости?.. Отвѣть мнѣ на это, молодчикъ! (*Приближается къ нему вплотную и враждебно его осматриваетъ*). Ну, ты молчишь! Ты думаешь, ты баринъ, а я батракъ! Берегись, голубчикъ! Мнѣ тоже въ колыбели не предсказывали, что меня вынесутъ когда-нибудь въ гробу для нищихъ, и гдѣ ты найдешь свой конецъ, ты тоже не знаешь! Можетъ быть, совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, чѣмъ ты это думаешь!

Петръ. Значитъ и вы тоже заразились этимъ безуміемъ? Или весь домъ перепился? Недостаетъ теперь только, чтобы и Якова втянули въ эту исторію...

Генрихъ. Да, это придется сдѣлать. Я думалъ покончить съ тобой добромъ. Но ты не хочешь этого! Что же! Теперь остается только открыть глаза Якову... Дядя Ульрихсъ, не знаете ли вы, гдѣ Яковъ?

Ульрихсъ. Онъ, вѣрно, на плотинѣ у ледохода.

Генрихъ. Позовите его сюда.

Петръ (*быстро оборачивается преграждая дорогу Ульрихсу*). Стой, еще одно слово!

Ульрихсъ (*останавливается, смотритъ на него спокойно*).

Петръ. А знаете ли вы, дядя Ульрихсъ, какую отвѣтственность вы на себя принимаете? Обдумали ли вы хорошо все это?

Ульрихсъ. О чемъ ты меня спрашиваешь? Вѣдь льдинъ, что тамъ,

на Вислѣ, никто не спрашиваетъ. Онѣ должны нестись внизъ по теченію,—хотятъ ли онѣ, или нѣтъ.

Петръ. Дядя Ульрихсъ, вы сказали, что мой отецъ говорилъ вамъ о завѣщаніи. Вѣдь завѣщаніе было же?

Ульрихсъ. Но не то, о которомъ онъ мнѣ говорилъ. То, въ которомъ онъ позаботился о Генрихѣ и Яковѣ, то... потеряно.

Петръ. Развѣ не вѣроятно, что онъ *хотѣлъ* написать такое завѣщаніе, но не успѣлъ выполнить свое намѣреніе?

Ульрихсъ. Нѣтъ, это невозможно! Завѣщаніе было уже готово.

Петръ. Но онъ могъ послѣ его уничтожить. Слѣдовательно, это еще ничего не доказываетъ.

Ульрихсъ (*смотритъ пристально на него*). Нѣтъ, этого онъ не могъ сдѣлать. Черезъ нѣсколько минутъ, послѣ того, какъ онъ мнѣ говорилъ, онъ потерялъ сознаніе и оно уже больше къ нему не возвращалось.

Петръ (*съ силой отталкиваетъ его отъ себя*). Вы... вы пьяница, вы... Пьяны вы были, когда вы это слышали! Вамъ приснилось все это! Больше ничего! Хотѣлъ бы я видѣть того судью, который повѣрилъ бы вашей сказкѣ!

Ульрихсъ (*смотря зло на Петра, обращается къ Генриху*). Такъ я пойду поискать Якова.

Генрихъ. Да, приведите его сюда! Но не говорите ему пока ни слова.

Ульрихсъ. Ладно! (*уходитъ налѣво*).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

(Тѣ же, безъ Ульрихса).

(*Пауза.*)

Петръ (*стоитъ у средняго стола, спиной къ Генриху и Ренатѣ, кусаетъ нижнюю губу*).

Генрихъ (*черезъ нѣсколько мгновеній*). Еще есть время, Петръ! (*Онъ снова молчитъ, послѣ нѣкоторой паузы*). Петръ, еще есть время

Петръ (*выпрямляется*). Вы не судьи мои, и я не стою здѣсь передъ судомъ присяжныхъ. Если вы хотите меня судить, судите безъ меня! Я долженъ быть тамъ, на своемъ посту. (*Беретъ свою фуражку, и выходитъ, не оборачиваясь, налѣво. Непродолжительное молчаніе*).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

(Тѣ же, безъ Петра).

Рената (*стоитъ у окна налѣво, въ глубокой задумчивости*).

Генрихъ. Рената, ты все еще хочешь принести себя ему въ жертву?

Рената (*качаетъ отрицательно головой*). Нѣтъ, я отъ него отказываюсь!

Генрихъ. Ты... ты отказываешься отъ него?

Рената. Да, я теперь съ нимъ не имѣю ничего общаго.

Генрихъ (*подходитъ къ ней*). Какъ ты дрожишь, Рената?

Рената (*беззвучно*). Я отдалась недостойному. Вся моя жизнь была ошибкой, я вижу это теперь.

Генрихъ. Рената, еще не слишкомъ поздно.

Рената. Не говори дальше ни слова, я знаю, что ты хочешь сказать.

Генрихъ (*съ трудомъ овладѣваетъ собой*). Ты права. Теперь не мѣсто и не время.

Рената (*поворачивается молча, чтобы уйти*).

Генрихъ. Что ты намѣрена дѣлать?

Рената. Я хочу собрать самыя необходимыя вещи и затѣмъ уѣхать отсюда.

Генрихъ. Куда ты хочешь уѣхать?

Рената. Я ѣду въ городъ, у меня тамъ родные.

Генрихъ. Ты уѣзжаешь навсегда?

Рената. Сюда я уже никогда не вернусь (*идетъ направо къ средней двери*).

Генрихъ. Ты не хочешь подождать, пока мы все скажемъ Якову? Кажется, онъ уже идетъ съ Ульрихсомъ. Я слышу ихъ шаги.

Рената. Избавь меня отъ этого, Генрихъ! У меня уже больше нѣтъ силъ. (*Она уходитъ усталой, разбитой походкой направо; въ это время открывается дверь налѣво*).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

(Генрихъ, Яковъ и Ульрихсъ).

Яковъ (*входитъ съ Ульрихсомъ, осматривается недовѣрчиво кругомъ, оставляетъ двери открытыми*). Ульрихсъ сказалъ мнѣ, что ты хочешь со мной поговорить. Въ чемъ дѣло?

Генрихъ. Ты сейчасъ услышишь. Но сначала... (*онъ подходитъ къ открытой двери, обращаясь къ Ульрихсу*). Что дѣлается тамъ, на дворѣ? Что съ рѣкой?

Ульрихсъ. Развѣ ты не слышишь, какъ она бушуетъ?

Генрихъ (*прислушивается*). Но буря немного стихла?

Ульрихсъ. Чуть-чуть, совсѣмъ немного!

Генрихъ. А уровень воды?

Ульрихсъ. Всего на полфута ниже верхушки плотины.

Генрихъ. Значитъ, она больше не поднялась! Стоитъ на мѣстѣ!

Ульрихсъ. Да, если она останется на этой высотѣ, то мы еще разъ выкрутимся изъ бѣды.

Генрихъ. Петръ теперь на плотинѣ, не правда ли?

Ульрихсъ. Да, я его, кажется, видѣлъ издали.

Генрихъ (*смотритъ снова наружу*). Какъ ярко свѣтитъ мѣсяцъ!

Ульрихсъ. А какъ только облака закрываютъ его, опять наступаетъ черная ночь.

Генрихъ (*прислушивается*). Слушайте только теперь! Слушайте только! Это, должно быть, льдины...

Ульрихсъ. Я тебѣ говорю, тамъ есть такія, которыя въ десять разъ больше этой комнаты. Если онѣ только набросятся на плотину...

Генрихъ. И главный ударъ придется, конечно, сюда въ голое колѣно. Если бы старые рыцари не построили такъ прочно плотины...

Ульрихсъ. А твоя плотина, которую ты хочешь строить, будетъ тоже такъ долго держаться?

Генрихъ. Спросите-ка объ этомъ лѣтъ черезъ шестьсотъ.

Яковъ (*который до сихъ поръ молча осматривалъ обоихъ*). Мнѣ кажется, ты хотѣлъ мнѣ что-то сказать? Если нѣтъ, я опять уйду.

Генрихъ. Нѣтъ, нѣтъ, останься. Я закрою только дверь.

Ульрихсъ (*бросая послѣдній взглядъ наружу*). Смотри, теперь мѣсяцъ скрылся, теперь опять совсѣмъ темно.

Генрихъ (*закрываетъ дверь, подходитъ къ Якову*). Не присядемъ ли мы лучше?

Яковъ. Благодарю! Я предпочитаю стоять.

Генрихъ. Выслушай меня спокойно, Яковъ!

Яковъ (*недовѣрчиво*). Куда ушла Рената?

Генрихъ. Она ушла въ свою комнату... Будь только спокоенъ, Яковъ! Побольше хладнокровія! Оказалось, что завѣщаніе нашего отца было утеряно.

Яковъ (*всматривается въ него*). Завѣщаніе утеряно? Значитъ, это совсѣмъ не настоящее, то... которое они послѣ его смерти нашли?

Генрихъ. Вполнѣ настоящее. Только отецъ позже составилъ второе завѣщаніе, въ которомъ онъ сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія. Онъ въ немъ позоботился и о насъ, двухъ младшихъ братьяхъ, и о тебѣ, и обо мнѣ.

Яковъ. Можетъ быть, онъ сдѣлалъ это совсѣмъ передъ своей смертью?

Генрихъ (*съ удивленіемъ*). Почему ты такъ думаешь?

Яковъ. Потому что онъ мнѣ обѣщалъ это передъ смертью. Я знаю отъ него самого, что онъ хотѣлъ обо мнѣ позаботиться, и завѣщать мнѣ домъ Ульрихсовъ. Я, вѣдь, разсказывалъ тебѣ это, дядя Рейнгольдъ!

Генрихъ. Мы имѣли бы новое доказательство, если еще только есть въ нихъ нужда.

Яковъ (*съ возрастающимъ волненіемъ*). Значитъ, я былъ несправедливъ къ отцу? Онъ не забылъ меня?.. Онъ сдержалъ свое слово?.. Какъ же все это могло случиться? Тогда, вѣдь, я долженъ былъ?.. Тогда кто нибудь долженъ былъ?.. (*Сразу потемнѣвъ*). Генрихъ, куда дѣлось завѣщаніе!? (*Онъ схватываетъ его за руки*).

Генрихъ. Побольше спокойствія, Яковъ! Побольше спокойствія! Я же говорю тебѣ, завѣщаніе было утеряно!

Яковъ. Утеряно? Утеряно?.. Украдено оно, говорю я тебѣ, оно украдено! Его скрылъ кто-то! (*Ходитъ разъяренный взадъ и впередъ*).

Генрихъ (*стоитъ молча у средняго стола*).

Яковъ (*бросается къ Генриху*). Это вѣдь не Петръ? Не Петръ же сдѣлалъ это? (*Онъ хватаетъ его за плечи и трясетъ*). Я хочу имѣть отвѣтъ! Кто тотъ негодяй, который сдѣлалъ это? Я хочу знать имя этого негодяя!

Генрихъ. Ты уже знаешь его, ты назвалъ его.

Яковъ (*отпускаетъ Генриха*). Значитъ, въ самомъ дѣлѣ, Петръ? Это былъ Петръ? Петръ скрылъ завѣщаніе! Петръ укралъ у меня мою часть наслѣдства!... А я долженъ былъ служить у него батракомъ?! (*Онъ стоитъ съ широко раскрытыми глазами*).

Генрихъ. Яковъ, вспомни, ты не одинъ пострадалъ, я, вѣдь, тоже лишенъ своей части наслѣдства.

Яковъ (*внѣ себя*). Ты? Ты? Ты уже тогда закончилъ свое образованіе! Ты былъ уже чѣмъ то! А я?.. Я долженъ былъ ходить въ деревенскую школу! Я долженъ былъ свиней пасти!.. Онъ долженъ быть наказанъ! Я отплачу ему за все! Хотя бы весь свѣтъ погибъ! Я отомщу ему.

Гянрихъ. Яковъ! Яковъ! Долженъ ли я дѣйствительно жалѣть, что я сказалъ тебѣ объ этомъ?

Ульрихсъ (*къ Генриху*). Я долго отсовѣтывалъ тебѣ это, дитя мое. Теперь ты самъ видишь. что вышло.

Яковъ (*бросается къ Ульрихсу*). Что такое? Что вы ему отсовѣтывали?

Ульрихсъ Я отсовѣтывалъ?

Яковъ (*продолжаетъ смотрѣть на него пристально*). Неужели вы уже давно объ этомъ знаете, дядя Рейнгольдъ?

Ульрихсъ (*старается освободиться отъ него*). Я не думалъ объ этомъ, паренекъ. Что ты себѣ только воображаешь?

Яковъ (*смотря то на одного, то на другого*). Кто же въ такомъ случаѣ зналъ объ этомъ? Какъ все это обнаружилось? Я хочу знать это!

Генрихъ. Все это выяснится. Довольно тебѣ и того, что этотъ фактъ установленъ.

Яковъ. Установленъ? Установленъ? кѣмъ же установленъ?.. (*Онъ осматривается, снова бросается къ Ульрихсу*). Дядя Рейнгольдъ, посмотрите мнѣ прямо въ глаза!

Ульрихсъ (*отворачивается*). Это я могу вполнѣ спокойно сдѣлать.

Яковъ. Но вы, вѣдь, смотрите въ сторону?

Ульрихсъ. Ахъ, оставь меня въ покоѣ!

Яковъ. Дядя Рейнгольдъ, вы, вѣдь, знали объ этомъ! Вы давно уже знали объ этомъ!

Ульрихсъ (*отворачиваетъ лицо, молчитъ*).

Яковъ (*оставляетъ его*). Вы знали это и даже пальцемъ о палецъ не ударили для меня?!. И я считалъ васъ своимъ другомъ?!. Какимъ я былъ дуракомъ! какъ былъ я глупъ! (*Опускается на стулъ и судо-*

рожно рыдаетъ). Я потерялъ своего друга! Единственнаго друга, котораго я имѣлъ на этомъ свѣтѣ!

Ульрихсъ (*тронутый и смущенный*). И вотъ, что я за все получилъ! На рукахъ носилъ я его, когда онъ былъ маленькимъ! Я ему дѣлалъ лукъ и всякія другія игрушки! Все, что только могъ, я для него дѣлалъ! И вдругъ я долженъ перестать быть его другомъ?.. Почему ты упрекаешь только меня? Какъ будто другіе не знали такъ же хорошо, какъ и я! А теперь я долженъ за все отвѣчать!

Яковъ (*вскакиваетъ*). Кто же еще? Кто же еще? (*Къ Генриху*). Ты, можетъ быть? Но нѣтъ! Это, вѣдь, невозможно! Но кто? Кто?.. Вѣдь не?.. Вѣдь не... Рената?

Ульрихсъ (*со вздохомъ облегченія*). Видишь, дитя мое... Теперь ты угадалъ! О чемъ я тебѣ всегда говорилъ? Каждый на этомъ свѣтѣ имѣетъ свою тайну и каждый имѣетъ свои причины скрывать ее!

Яковъ (*не слушая его*). Значитъ, Рената тоже знала объ этомъ? Рената тоже?.. Значитъ, это Рената все скрыла?.. Ага! Какъ они смотрятъ другъ на друга! Какъ они оба сразу присмирѣли (*къ Генриху*). Значитъ,—это Рената! Рената тебѣ все разсказала! Скажи же! Тебѣ она разсказала объ этомъ, а мнѣ ни слова! Теперь я все знаю! Теперь я знаю также и почему! (*Онъ сжимаетъ голову руками, всхлипываетъ*).

Ульрихсъ. Я лучше уйду себѣ. Я не могу больше видѣть это горе. (*Уходитъ направо. Короткая пауза*).

ЯВЛЕНІЕ 10-ое.

(Тѣ же безъ Ульрихса).

Генрихъ. Яковъ, я желаю тебѣ добра. Выслушай меня спокойно.

Яковъ (*возбужденно*). Тебѣ она разсказала, мнѣ объ этомъ ни слова! Этого достаточно! Вечерняя звѣзда все таки солгала! Будь она проклята! Проклята во вѣки вѣковъ! (*Дверь налѣво отворяется*).

ЯВЛЕНІЕ 11-ое.

(Тѣ же и Петръ).

Петръ (*входитъ, слышитъ послѣднія слова*). Кто долженъ быть проклятъ?

Яковъ (*бросается на него*). Ты здѣсь? Ты? Воръ? Возврати мнѣ мою часть наслѣдства!

Петръ. Вотъ какъ? Скоро же у васъ дѣлается! Уже дѣлите мое имущество и достояніе?

Яковъ (*дрожитъ всѣмъ тѣломъ*). Я требую моей части. Ту, которую ты у меня укралъ! Возврати мнѣ ее или будетъ бѣда!

Петръ. Ступай въ судъ, если ты хочешь ее получить!.. А теперь вонъ изъ моего дома!

Яковъ. Ты... ты... хочешь меня выгнать?

Петръ. Да, я выгоняю тебя изъ моего дома! Тебя и вонъ того, который все это подстроилъ!

Генрихъ. Опомнись, Петръ. Ты не имѣешь никакого права выгонять Якова изъ дома.

Петръ. Тогда я беру себѣ это право! Я никого спрашивать не буду Всеобщій дѣлежъ, вѣдь, не начался еще. Этотъ домъ еще мой, и этотъ дворъ еще мой дворъ. И кто не уйдетъ изъ моего двора, того я выгоню собаками!

Генрихъ. Петръ, ты не знаешь, что дѣлаешь. Ты рискуешь своей головой!

Петръ. А если бы и такъ... Я всю жизнь такъ поступалъ! Я стану на своей землѣ, спиною къ воротамъ и буду сторожить съ оружіемъ въ рукахъ! И кто захочетъ войти въ мой домъ, тотъ умретъ.

Генрихъ. Ты хочешь, значитъ, борьбы,—на жизнь или смерть?

Петръ. На жизнь или смерть, да!

Генрихъ. Хорошо, ты будешь ее имѣть! Къ такимъ дикимъ звѣрямъ, какъ ты, не можетъ быть ни сожалѣнія, ни пощады.

Петръ. И я такъ думаю! А теперь я вамъ опять повторяю: убирайтесь вонъ! Оба!

Генрихъ. Сейчасъ! Возьму только свои вещи, тогда ты освободишься отъ насъ... Я сейчасъ же вернусь, Яковъ. Мы уйдемъ вмѣстѣ. *(Выходитъ направо въ заднюю дверь).*

ЯВЛЕНІЕ 12-ое.

(Тѣ же безъ Генриха).

Петръ (*поворачивается къ Якову*). Чего же ты еще стоишь тутъ? Я сказалъ тебѣ—убирайся вонъ! Я не буду больше ждать!

Яковъ (*до сихъ поръ, какъ оглушенный, смотритъ кругомъ безумными глазами*). Ты... хочешь... выгнать меня... изъ моего отцовскаго дома?

Петръ. Тебѣ здѣсь нечего больше ждать... Съ такими молодцами, которые бунтуютъ противъ меня за моей спиной, у меня расправа коротка.

Яковъ (*приближается къ нему вплотную*). Значитъ мало того, что ты укралъ мою часть наслѣдства! Ты хочешь теперь еще выбросить меня, какъ собаку, на улицу! Ты... ты... сатана ты! (*Дѣлаетъ движеніе, какъ будто хочетъ на него броситься*).

Петръ (*выпрямляется*). Ну, попробуй! Я думаю, что еще съумѣю постоять за себя!

Яковъ (*опускаетъ руки*). Я не хочу пачкать свои руки! Я знаю лучшее средство противъ тебя!

Петръ. Хвастунишка!

Яковъ. Ты меня еще вспомнишь... вы всѣ меня вспомните... Если только у васъ для этого будетъ время! (*Уходитъ медленно съ опущенной головой налѣво*).

ЯВЛЕНІЕ 13-ое.

(Петръ одинъ).

Петръ (*остается одинъ, мрачно смотритъ впередъ. Ему что-то вдругъ приходитъ въ голову. Подходитъ къ шкафу у задней стѣны, выдвигаетъ ящикъ, вынимаетъ револьверъ, осматриваетъ его, бормочетъ про себя*). На всякій случай! (*поворачиваясь*). Нѣтъ! къ чему! (*Онъ бросаетъ револьверъ опять въ ящикъ. Въ это время отворяется средняя дверь направо*).

ЯВЛЕНІЕ 14-ое.

(Петръ и Рената)

Рената (*входитъ готовая къ отъѣзду, осматривается*).

Петръ (*оборачивается при ея появленіи, оставляетъ ящикъ открытымъ*). А! Это ты... Ты, кажется, хочешь уѣхать?

Рената (*останавливается*). Да, я уѣзжаю!

Петръ (*подходитъ ближе, хриплымъ голосомъ и тяжело дыша*) Итакъ, нѣчто вродѣ прощанія!

Рената. Совершенно вѣрно.

Петръ. Развѣ ты у меня спросила разрѣшенія?

Рената. Ты мнѣ больше ничего не можешь разрѣшать.

Петръ. Кто сказалъ тебѣ это? Я твой мужъ! И если я тебѣ прикажу, ты останешься здѣсь, и ты не сдѣлаешь ни шагу дальше!

Рената (*спокойно*). Ты больше мнѣ не мужъ. Я отказалась отъ тебя.

Петръ (*подходя къ ней вплотную*). Ты ничего не боишься, мое сердечко?

Рената (*смотритъ пристально на него*). Боюсь? Чего?

Петръ (*съ искривленнымъ лицомъ*). Что съ тобой можетъ что-нибудь случиться?

Рената (*спокойно*). О чемъ ты говоришь?

Петръ (*глухо*). Многіе отправлялись на тотъ свѣтъ раньше, чѣмъ они думали.

Рената. Ага! Теперь я понимаю тебя! Ты хочешь закончить свою работу! Хочешь пойти по своему пути до конца!

Петръ (*тяжело дышетъ*). Тебя удивляетъ это? Такой преступникъ, какъ я... Вѣдь все равно одинъ конецъ!

Рената (*бросая взглядъ на шкафъ*). Ящикъ открытъ. Возьми револьверъ, если его у тебя еще нѣтъ! Стрѣляй! Я готова!

Петръ (*черезъ мгновеніе отворачивается*)... Иди своей дорогой! Я еще не зашелъ такъ далеко! (*Дверь налѣво быстро открывается, слышны шумъ потока и завываніе бури*).

ЯВЛЕНІЕ 15-ое.

(Тѣже и Ульрихсъ).

Ульрихсъ (*появляется на порогѣ, съ дикимъ видомъ, кричитъ*). Тамъ кто-то прорываетъ плотину! Прорываетъ плотину!

Петръ (*дико*). Прорываютъ плотину? Мою плотину прорываютъ?! За это отвѣчаетъ смотритель надъ плотиной! (*Онъ бѣжитъ съ открытой головой къ двери, выглядываетъ наружу, возвращается*). Ничего не видно! Мѣсяцъ скрылся! Гдѣ эта собака, которая прорываетъ мою плотину? Я ее поймаю! Я убью эту собаку или она меня!

Ульрихсъ (*наполовину теряя сознаніе, прислоняется къ двери и бормочетъ*). У голаго колѣна... Онъ стоитъ тамъ и копаетъ... Я видѣлъ изъ конюшни... У голаго колѣна... Бѣги туда... Я не могу!

Петръ (*внѣ себя*). У голаго колѣна? Теперь я покажу вамъ, какъ преступникъ стоитъ и погибаетъ на своемъ посту. (*Онъ выбѣгаетъ и изчезаетъ въ темнотѣ*).

ЯВЛЕНІЕ 16-ое.

(Тѣ же безъ Петра).

Рената (*оправляетея отъ перваго смущенія*). Помогите же ему, дядя Рейнгольдъ, помогите же ему! Бѣгите за нимъ!

Ульрихсъ (*беззвучно*). Я не могу... Я не могу!

Рената. Тогда я сдѣлаю это, я помогу ему! Пропустите меня!

Ульрихсъ (*загораживаетъ ей дорогу*). Я тебя не пропущу... Я не пропущу тебя... Ты не знаешь, кто онъ!

Рената. Все равно, кто онъ... Помогите! Помогите!

Ульрихсъ Это Яковъ! Яковъ... это! Яковъ!

Рената (*бормочетъ*). Яковъ прорываетъ плотину? О Боже! (*Опирается на столъ*).

Ульрихсъ (*поспѣшно*). Я видѣлъ вполнѣ ясно. Онъ нагибается и копаетъ, и копаетъ, какъ безумный!

Рената (*пораженная*). Онъ копаетъ себѣ и всѣмъ намъ могилу... Помогите! Помогите! Гдѣ Генрихъ? На помощь!

Ульрихсъ. Это не можетъ долго продолжаться! Дыра скоро будетъ готова. Тогда потокъ можетъ прорваться! Тогда онъ вернетъ себѣ свои старыя права.

Рената (*кричитъ*). На помощь! На помощь!

ЯВЛЕНІЕ 17-ое.

(Тѣ же и Генрихъ).

Генрихъ (*бѣжитъ сзади съ чемоданомъ и пальто*). Что случилось? Кто кричитъ такъ?

Рената (*указываетъ на рѣку*). Тамъ! Тамъ! У голаго колѣна... Петръ и Яковъ... На помощь!

Генрихъ. Петръ и Яковъ другъ противъ друга? Боже справедливый! Дѣло идетъ о жизни или смерти! Пропустите меня!

Рената (*задыхаясь*). Бѣги! Бѣги! Яковъ прорываетъ плотину! Петръ убьетъ Якова! Бѣги! Бѣги!

Ульрихсъ (*съ поднятыми руками предъ нимъ*). Ни съ мѣста! Это судъ Божій надъ ними обоими! До этого нѣтъ никому дѣла!

Генрихъ (*отталкиваетъ его въ сторону*). Пусти, старикъ! Пусти! (*Выбѣгаетъ*).

Рената (*опускается на стулъ*). Сжалься, Боже милосердый! Пусть онъ еще во-время придетъ! (*Въ это время сквозь облака показывается мѣсяцъ. На дворѣ становится свѣтлѣе*).

Ульрихсъ. Мѣсяцъ! Снова мѣсяцъ! (*Онъ бросается къ двери и смотритъ наружу*). Петръ карабкается на плотину... Яковъ стоитъ наверху съ заступомъ... Онъ сбрасываетъ внизъ землю! Теперь они увидѣли другъ друга! Теперь они стоятъ другъ противъ друга! Яковъ бросаетъ заступъ... Они схватились! Они борятся грудь съ грудью! И все ближе къ краю! Все ближе къ потоку!

Рената (*не можетъ шевельнуться*). А Генрихъ? Генриха еще нѣтъ тамъ?

Ульрихсъ. Генрихъ летитъ, какъ олень... Но онъ придетъ слишкомъ поздно... Они уже на краю плотины! Еще одинъ шагъ! (*Снаружи слышны крики и шумъ*).

Рената. Кто кричитъ? Что случилось?

Ульрихсъ. Они выходятъ изъ сторожки! Они хотятъ помочь... Генрихъ уже недалеко! Можетъ быть, онъ еще... Господи помилуй ихъ... Они схватились на самомъ краю! Они схватили другъ друга за горло. (*Дѣлаетъ шагъ назадъ*) Господи, помилуй ихъ! (*Истощенный, онъ молчитъ, потомъ черезъ мгновеніе*). Я зналъ, что это судъ Божій! (*Слышенъ дикій шумъ и крики. Голосъ Генриха, громкій и ясный*): На помощь всѣ! На помощь! Тащите шесты! Идите къ рѣкѣ!..

Ульрихсъ. Ихъ никто уже не вытащитъ. Братья крѣпко держатся другъ за друга. Въ жизни они ссорились и ненавидѣли другъ друга. Теперь потокъ соединилъ ихъ въ одной могилѣ...

Генрихъ (*появляется на порогѣ, останавливается*).

Рената (*увидѣвъ его, поднимается*). Никакой надежды?

Генрихъ (*качаетъ головой*). Нѣтъ! Надежды нѣтъ! Потокъ унесъ ихъ сейчасъ же...

Рената (*складываетъ безмолвно руки*).

Занавѣсъ.

ЭПИЛОГЪ.

(*Роденбахъ.* „Les vies encloses“).

Здѣсь, въ этой книгѣ, жизнь затаена незримо·
Ее скрываетъ блескъ зеркальнаго стиха!
Такъ блещетъ сонный прудъ, луною серебримый,
Когда нѣмая ночь мечтательно-тиха.

Спокойный, трепетный, весь въ звѣздахъ золотистыхъ,
Прудъ небомъ кажется, безмолвно-голубой...
Но это призракъ, ложь! Тамъ нѣтъ огней лучистыхъ,
Тамъ скорбь насильственно запрятана судьбой!

Подъ гладью спящею, серебряной и лживой,
Вода измучена, черна и холодна;
Такъ въ мертвецѣ живомъ еще всѣ муки живы
И горекъ въ памяти обманъ земного сна...

О, память, память! Ты своей глубокой урной
Все грустнымъ дѣлаешь, богиня темныхъ чаръ!
Звеня, поетъ тростникъ, сверкаетъ прудъ лазурный,
Но слишкомъ дологъ былъ безрадостный кошмаръ!

На днѣ души моей борьба и сожалѣнье;
Тамъ горе темное мучительно дрожитъ
Безумной жалобой погибшаго стремленья,
Тамъ потонувшій колоколъ звучитъ!

Ив. Тхоржевскій.

ИСТОРИЧЕСКІЕ МОТИВЫ
ВЪ СТИХОТВОРЕНІЯХЪ ГР. А. К. ТОЛСТОГО.

I.

Кто-то съострилъ однажды, назвавъ исторію великой лжесвидѣтельницей; и это въ томъ смыслѣ справедливо, что мы нерѣдко ставимъ наши симпатіи и антипатіи подъ защиту старины, какъ бы отыскивая для нихъ извѣстное право давности, освящающее ихъ законность и истинность. Хоть могилы и прахъ предковъ издавна принято считать чѣмъ-то священнымъ, но именно съ ними допускается нерѣдко самая произвольная расправа, и при обсужденіи разнообразныхъ современныхъ вопросовъ въ числѣ свидѣтелей фигурируютъ очень часто покойники, которые, вѣроятно, пришли бы при жизни въ большое недоумѣніе, а иногда и гнѣвъ, если бы имъ сказали,—защитниками и обвинителями чего и кого они нѣкогда осуждены будутъ выступить. Но они, конечно, покорно сносятъ всѣ такія насилія, предоставляя другимъ, скучнымъ и придирчивымъ людямъ, за нихъ заступаться.

Всего больше приходится страдать старинѣ отъ тѣхъ особенно привиллегированныхъ людей, которые издавна присвоили себѣ право самовольнаго обхожденія со всѣми законами бытія и явленіями внѣшняго и внутренняго нашего міра, и которыхъ мы такъ чтимъ и уважаемъ, какъ «поэтовъ» и «сочинителей». На совѣсти этихъ людей всего больше преступленій и насилій надъ прошлымъ.

Въ широко развѣтвленной семьѣ поэтовъ есть, однако, одна группа наиболѣе въ этомъ смыслѣ дерзкая. Она отличается особой способностью—выражать *иносказательно* свои мысли и чувства. Она въ своихъ настроеніяхъ и взглядахъ и правдива, и искренна, но она какъ-то боится дневного свѣта дѣйствительности, современнаго костюма и обстановки, и ей легче дышется въ сферѣ чистыхъ видѣній, созданныхъ своевольной мечтой, или въ кругѣ привидѣній, вызванныхъ на свѣтъ Божій забывчивой или не совсѣмъ твердой памятью. Эта семья поэтовъ одна изъ самыхъ симпатичныхъ, и любой ея представитель въ нашъ вѣкъ реализма и натурализма имѣетъ за собой одно безспорное

преимущество—онъ всегда очень эффектно одѣтъ и не менѣе эффектно держится; рѣчь его всегда изысканно красива и колоритна, для каждаго чувства и настроенія у него готовъ поэтическій образъ, сравненіе, метафора; онъ передъ нами всегда не въ обыденномъ своемъ одѣяніи, а преимущественно въ историческомъ костюмѣ, который онъ выдаетъ за истинный или археологически вѣрно воспроизведенный.

Но всѣ такія попытки объявить войну «прозѣ даннаго момента», всѣ старанія съ нѣкоторымъ чувствомъ брезгливости отвернуться отъ мелочей будничной суеты—лишь милый самообманъ, которому подпадаютъ эти чуткія музыкальныя и поэтическія натуры. Онѣ въ своемъ творчествѣ остаются въ тѣхъ же границахъ своего времени, въ тѣхъ же тѣсныхъ стѣнахъ современности, и всѣ ихъ видѣнія—не что иное, какъ «современная» имъ истина, въ своеобразномъ лишь одѣяніи. Въ ихъ поэтической концепціи эта истина является только по возможности закругленной, законченной, тогда какъ во всей окружающей ихъ «прозѣ», она находится въ хаотическомъ состояніи боренія и какъ бы раздроблена на части.

Но, однако, какъ часто хвалимъ мы или порицаемъ такихъ поэтовъ за то, что они не живутъ со своимъ вѣкомъ, и тѣмъ самымъ признаемъ за ними какъ будто возможность изъ колеи современной жизни перескочить въ какую-то иную. Всего чаще, впрочемъ, мы ихъ порицаемъ и говоримъ имъ, что они «улетѣли въ даль» или «отстали». Мы руководимся въ данномъ случаѣ ихъ повидимому пренебрежительнымъ отношеніемъ къ тѣмъ вопросамъ, которые насъ задираютъ за живое, и не хотимъ мы простить нашему избалованному собесѣднику того, что онъ живетъ въ мірѣ призраковъ, а потому иногда зѣваетъ, когда мы сердимся или плачемъ. Обида наша въ данномъ случаѣ болѣе понятна, чѣмъ наше порицаніе. Конечно, много есть людей, и въ томъ числѣ поэтовъ, которые, дѣйствительно, тонутъ въ туманной мечтѣ или «отстаютъ» отъ вѣка и плетутся за историческимъ моментомъ, живя идеями и чувствами, которымъ дѣйствительность давно перестала соотвѣтствовать. Но такіе люди сами въ себѣ носятъ свое отрицаніе, такъ какъ никто не замѣчаетъ ихъ присутствія. И, конечно, не по ихъ адресу раздаются наши упреки.

Мы несправедливы въ такихъ упрекахъ, такъ какъ въ видѣніяхъ, аллегоріяхъ, призракахъ, созданныхъ фантазіей истинныхъ поэтовъ, бьется тотъ же пульсъ жизни, что̀ и въ нашихъ повседневныхъ спорахъ. Иной разъ самая господствующая идея историческаго момента—та, которая придаетъ ей міровой смыслъ—и наиболѣе широко разлитое настроеніе переживаемой минуты выражены именно въ такихъ фантастическихъ грезахъ, которыя съ виду находятся въ вызывающемъ и враждебномъ противорѣчіи съ обыденной жизнью и со всѣмъ, въ чемъ мы въ данный моментъ полагаемъ ея наибольшую цѣнность. Обобщить житейскіе факты, возвести ихъ до символа, дать ихъ общую

формулу — художественную, образную формулу,—весь этотъ процессъ отвлеченной поэтической мысли, принимаетъ иногда такую произвольную форму, что она кажется какъ бы на зло самой жизни созданной. И она часто сердитъ насъ; и намъ кажется, что творцы этихъ формъ чужды намъ и отстаютъ отъ насъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они идутъ съ нами ровнымъ шагомъ, но только не рядомъ, а нѣсколько поодаль. И если надъ кѣмъ эти поэты-мечтатели, поклонники свободной фантазіи, творятъ истинное насиліе, такъ, во всякомъ случаѣ, не надъ современностью, а надъ тѣмъ прошлымъ, у котораго они всего чаще и охотнѣе заимствуютъ весь внѣшній инвентарь для своихъ разсказовъ и пѣсенъ.

Исторія литературныхъ теченій недавняго нашего прошлаго можетъ подтвердить это. Какъ далека была съ виду отъ дѣйствительной жизни вся наша сентиментальная литература эпохи Карамзина и Жуковскаго, а равно и современная ей классическая школа двадцатыхъ годовъ. Какіе-то пастухи и пастушки, салонные молодые люди на французскій манеръ, крестьяне, живущіе по рецепту Жакъ-Жака, Вертеры въ русскомъ костюмѣ, рыцари и палладины, монахи и трубадуры отшельники и всѣ чины ангельскіе и дьявольскіе,—что они имѣли общаго съ эпохой Александра Перваго, Штейна, Сперанскаго, Мордвинова, и другихъ? Что съ этой эпохой имѣли общаго Катоны и Цинцинаты, Тибуллы и Катуллы, Деліи и Дафны и весь перелицованный Олимпъ? Но ни для кого не тайна, что именно въ этихъ призракахъ, всего чаще и, пожалуй, всего нагляднѣе олицетворялись и воплощались господствующія идеи Александровскаго вѣка, и въ воскресшихъ покойникахъ оказывалось больше жизни, чѣмъ во многихъ живыхъ людяхъ. Нѣжное и жизнерадостное, и къ тому же гуманное сердце и либерально настроенный умъ — весь такъ называемый «паѳосъ» александровской эпохи нашелъ свою поэтическую форму въ этихъ призракахъ, которые стали смѣшны и жалки, какъ только устарѣли тѣ идеи и чувства, которые на время облеклись въ нихъ.

Прошли года, наступило николаевское время, и новая современная идея облеклась въ новую, правда нѣсколько неожиданную, форму, а именно—въ теоремы нѣмецкаго философскаго идеализма, который одновременно изъяснялъ настоящее и творилъ безспорное насиліе надъ прошлымъ, такъ какъ и въ старой Руси хотѣлъ видѣть торжество своей излюбленной схемы. Императоръ Николай Павловичъ, вѣроятно, очень бы осерчалъ, если бы ему сказали, что въ философіи Шеллинга, Фихте и Гегеля нашла себѣ выраженіе «русская» мысль и притомъ самая живучая мысль его царствованія. А на самомъ дѣлѣ это было дѣйствительно такъ. Отвлеченная философская мысль, съ русской жизнью не имѣвшая, повидимому, никакихъ точекъ соприкосновенія, была тѣмъ ковчегомъ, въ которомъ сохранена была для насъ «воля къ жизни»; эта философія была обобщеніемъ всѣхъ гуманныхъ идеаловъ, какими жила самая интеллигентная часть нашего общества, страдавшая отъ разлада

этихъ идеаловъ съ фактами жизни, изнывавшая отъ жажды справедливости среди безправія и искавшая въ утвержденіи высшихъ началъ «*міровой*» жизни указанія на то, каково назначеніе *русскихъ* началъ въ мірѣ. Эта самая прогрессивная и плодотворная идея николаевской эпохи закуталась въ туманы нѣмецкой отвлеченной мысли частью изъ предосторожности, но главнымъ образомъ потому, что отвлеченная мысль была наиболѣе полной, удобной и поэтической формой для ея воплощенія.

Съ конца сороковыхъ годовъ въ нашей литературѣ, какъ извѣстно, все сильнѣе и сильнѣе стала сказываться реалистическая тенденція. Художникъ и мыслитель сталъ обращать свое вниманіе преимущественно на отдѣльныя явленія современной ему жизни, сталъ изучать ихъ, изображать ихъ и не торопился ихъ обобщеніемъ. Ему былъ дорогъ самый фактъ и его ближайшій общественный смыслъ. Съ наступленіемъ новой эры со средины пятидесятыхъ годовъ, въ эпоху усиленной общественной работы и кропотливаго детальнаго изученія дѣйствительности, въ эпоху политическихъ бурь, реализмъ въ искусствѣ крѣпъ и развивался; онъ сталъ господствующей литературной силой, потому что выражалъ господствующія позитивныя и утилитарныя идеи. Царствованіе этого реализма длилось долго. Оно длится и до сего дня, когда рядомъ съ нимъ начинаетъ пробиваться новое направленіе въ искусствѣ—видоизмѣненіе старой попытки иносказательно и символически выразить нѣкоторыя основныя идеи и чувства, какими живемъ мы въ настоящее время. Чудачества, уродливость, вычурное оригинальничанье и задоръ современнаго «символизма» и «декадентства» во всѣхъ его видахъ, конечно, можетъ служить предметомъ и нападокъ, и насмѣшекъ. Но это неустановившееся литературное теченіе, и пока еще не нашедшее настоящаго своего выразителя, есть все-таки, съ одной стороны, попытка обобщить накипѣвшее негодованіе противъ буржуазной мелочности и пошлости, съ другой—стремленіе облечь въ образы возрастающій культъ сильной и свободной личности, т.е. попытка символически выразить два характерныхъ признака современнаго культурнаго момента.

II.

Символическая, нереальная поэзія, берущая свои формы гдѣ угодно, только не въ настоящемъ, должна была, конечно, заглохнуть въ эпоху крайняго торжества реализма, столь враждебно относившагося ко всему, что только носило на себѣ хоть слабый отпечатокъ условности; и всѣ мы знаемъ, что въ эпоху пятидесятыхъ и послѣдующихъ годовъ «мечтатели» всѣхъ оттѣнковъ были у насъ въ большомъ загонѣ. Этотъ фактъ должно признать, но отнюдь не нужно на него сердиться: невниманіе къ поэтическимъ обобщеніямъ и символамъ было въ тѣ годы психологической и исторической неизбѣжностью.

Несмотря, однако, на такія неблагопріятныя условія, русскому поэту нереалисту удавалось иногда и въ то время устоять на своей позиціи, правда, съ большимъ трудомъ. Къ числу такихъ принадлежитъ графъ Алексѣй Толстой, поэтъ преимущественно старины—русской и иноземной—любитель всевозможныхъ неземныхъ видѣній, историкъ, мечтатель и фантазеръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ участникъ и зоркій наблюдатель знаменитой эпохи нашего общественнаго обновленія.

III.

У большинства современниковъ поэзія А. Толстого успѣхомъ не пользовалась, и, кромѣ общихъ обвиненій въ недостаточной художественности, поэтъ нерѣдко подвергался нападкамъ за условность его поэтическихъ пріемовъ и за безцеремонное обхожденіе съ русской стариной; а онъ, какъ извѣстно, любилъ воспѣвать старину и, пожалуй, изъ всѣхъ русскихъ поэтовъ былъ наибольшимъ археологомъ.

Что онъ обращался со стариной безцеремонно, это — правда, и такое обращеніе было умышленное. Тотъ, кто сталъ бы съ былинами, лѣтописями и старыми пѣснями въ рукахъ упрекать А. Толстого въ непониманіи прошлаго, обнаружилъ бы только свое нежеланіе понять поэта.

Для Алексѣя Толстого наше прошлое было вовсе не объектомъ безпристрастнаго изученія или родникомъ поэзіи: онъ искалъ въ немъ лишь внѣшней формы и готоваго убранства для заранѣе сложившихся взглядовъ и для поэтическаго настроенія, возникшаго независимо отъ этой старины.

Нашъ поэтъ былъ именно тѣмъ нереалистомъ, который хотѣлъ воплотить въ символическую форму свое сужденіе о настоящемъ, который желалъ уловленную имъ господствующую идею *своего* времени облечь въ старинное одѣяніе, вставить въ старинную оправу. Зачѣмъ было это дѣлать? Но это была его тайна. Онъ чувствовалъ себя и ловче и свободнѣе въ старомъ костюмѣ, хотя конечно это былъ перекроенный костюмъ, а иногда и совсѣмъ фантастическій.

Алексѣй Толстой въ данномъ случаѣ далеко не былъ новаторомъ. Русскій поэтъ задолго до него привыкалъ смотрѣть на старину, какъ на богатый арсеналъ всевозможныхъ аксессуаровъ и нерѣдко пытался въ старомъ символѣ воплотить современное ему дорогое понятіе, дорогое чувство, излюбленный идеалъ. Писали такъ до Толстого люди самыхъ разнообразныхъ партій и взглядовъ, и каждый хотѣлъ имѣть предковъ на своей сторонѣ. Слѣдя за развитіемъ творчества этихъ поэтовъ, можно было бы, вопреки обычному порядку, написать интересное изслѣдованіе о вліяніи нашего настоящаго на наше прошлое. Вся кіевская Русь и московская, Псковъ и Новгородъ могли бы дать богатый матеріалъ для такой исторіи. Такъ, напримѣръ, либерализмъ александровскаго царствованія тяготѣлъ, разумѣется, къ Новгороду и

Пскову, благонамѣренные патріоты тридцатыхъ годовъ питали, конечно, пристрастіе въ Москвѣ, и это пристрастіе въ эпоху развитія славянофильской доктрины окрасилось даже слегка въ либеральный цвѣтъ. Языческая и кіевская Русь—та оставалась нѣсколько въ тѣни, такъ какъ въ первую половину XIX-го вѣка ее знали мало и настоящее ея изученіе началось лишь съ пятидесятыхъ годовъ, когда вопросъ о «старинѣ и народности» сталъ такъ интересовать нашихъ этнографовъ, историковъ, археологовъ и собирателей народныхъ преданій и пѣсенъ. Но несмотря на скудость знаній и эта кіевская Русь также не избѣгла нашествія, и поэты и романисты—еще съ XVIII-го вѣка—прививали ея полумиѳическимъ героямъ свои патріотическіе и религіозные взгляды.

Когда такимъ образомъ Алексѣй Толстой въ вѣкъ торжества реализма и трезвой критики въ своихъ стихахъ вновь вызвалъ старые историческіе тѣни и призраки, онъ не вводилъ никакого новшества въ поэзію. Онъ слѣдовалъ тенденціи установленной, отнюдь не исчезнувшей даже въ современной ему литературѣ, публицистикѣ и наукѣ.

И онъ стоялъ на своей независимой вышкѣ, наблюдая борьбу современныхъ ему общественныхъ силъ и стараясь закрѣпить ея смыслъ въ какомъ-нибудь общемъ поэтическомъ образѣ.

И онъ нашелъ этотъ образъ: это была наша старая Русь и преимущественно Русь кіевская. Ее пожелалъ поэтъ сдѣлать истолковательницей новаго времени; ея обликомъ постарался онъ символически пояснить всѣ свои самыя современныя мысли объ истинномъ призваніи новой Россіи. Онъ совершилъ великое поэтическое насиліе надъ стариной, но зато вѣрно угадалъ смыслъ настоящаго. Сущность общественной борьбы его времени была имъ уловлена, не въ ея пылу и крайностяхъ, а въ самомъ ея зернѣ и въ архаическихъ образахъ выразилъ онъ тотъ гуманный идеалъ, къ осуществленію котораго должны были привести тогдашніе споры, если бы случайности и страсти его не исказили, и не отодвинули на долгое время его торжество.

Поэзія Толстого есть голосъ молодой Россіи, каковой ее себѣ рисовалъ немолодой человѣкъ, не страстный, не увлеченный борьбой, но гуманный и либеральный.

IV.

Чтобы избрать старину такой заступницей настоящаго, такимъ предлогомъ для его прославленія, нужно было любить ее, и любить не такъ, какъ историкъ любитъ свою науку, въ которой ему историческая истина всего дороже, а любить, какъ поэтъ, который всегда, во всемъ ищетъ самого себя, своей мечты и вѣры. Алексѣй Толстой и былъ такимъ поэтомъ-историкомъ.

Что любишь, достоинства того всегда преувеличиваешь; и въ дан-

номъ случаѣ нашъ поэтъ не только преувеличилъ смыслъ старины, но, конечно, подкрасилъ и внѣшній ея обликъ.

Какъ у него красивы эта любимая имъ легендарная и кіевская Русь и эта Русь московская, къ которой совсѣмъ даже не лежало его сердце. Эффектовъ много; обиліе красокъ поразительное.

Убранство хоро́мъ, блескъ оружія, богатство костюмовъ напоминаютъ волшебную сказку или оперу. И къ этому присоединяется сила и изысканная грамотность рѣчи, мелодичность чувствъ, плавность жестовъ и основной торжественный тонъ, въ которомъ выдержаны всѣ его баллады и пѣсни. Въ этомъ намѣреніи умышленно разукрасить старину нашъ поэтъ и не думалъ извиняться, потому что былъ увѣренъ, что такое нарушеніе правды исторической должно пойти на пользу правды современной. Художникъ придалъ новый блескъ старинѣ, онъ освѣтилъ ее бенгальскимъ огнемъ, она стала походить на причудливый фантастическій міръ западно-европейской романтики, но зато она получила ту гибкость и живость, которыя нужны были поэту, чтобы вложить въ нее современный смыслъ и содержаніе.

Художественное чутье подсказало автору, что блѣдная, туманная языческая миѳологія славянъ едва ли можетъ дать матеріалъ для поэтическаго живого образа; и художникъ уберегъ себя отъ литературнаго шаблона: всевозможнымъ Стрибогамъ, Даждь-богамъ, Чернобогамъ, Ладамъ и Лелямъ онъ отвелъ въ своемъ творчествѣ ровно столько мѣста, сколько нужно было, чтобы они не мѣшали. Всю силу своего воображенія онъ сосредоточилъ на образахъ легендарныхъ и историческихъ, и наша старина, довольно однообразная и однотонная въ своемъ истинномъ историческомъ покровѣ, превратилась подъ перомъ Алексѣя Толстого въ узорную романтическую грезу, которая выдаетъ иногда даже какъ будто не русское, а иностранное свое происхожденіе.

Читаемъ мы какое-нибудь описаніе битвы, гдѣ рядомъ съ княземъ Ярославомъ его своякъ Гаконъ, слѣпой старикъ, разъяренный боемъ, рубитъ направо и налѣво, и своихъ, и чужихъ—и намъ вспоминаются поэтическія страницы пѣсни о Роландѣ. Читаемъ мы какъ князь Ростиславъ лежитъ на днѣ рѣчномъ въ объятіяхъ русалокъ, какъ ихъ веселый рой его цѣлуетъ и расчесываетъ его волосы, какъ просыпается онъ иногда и смотритъ мутными очами, зоветъ жену и брата и вновь засыпаетъ—и мы не можемъ не вспомнить аналогичныхъ нѣмецкихъ балладъ о разныхъ Никсахъ и Лорелеяхъ. Слышимъ ли мы пѣснь стариннаго пѣвца, какъ по лѣсу текутъ ея переливы, видимъ ли мы его, какъ духовнымъ окомъ онъ прозрѣваетъ всѣ явленія міра, какъ взоръ его проникаеть и въ синее море, и въ роскошь земли, и въ «начала цвѣтныхъ каменій»—мы невольно вспомнимъ старинныхъ бардовъ и тѣхъ пѣвцовъ-прорицателей, которымъ вмѣстѣ съ даромъ пѣнія былъ данъ даръ прозрѣнія въ тайны природы. Наконецъ,

стоитъ подслушать любовныя рѣчи въ хоромахъ князя Владиміра или тихія любовныя рѣчи Алеши Поповича, и мы забудемъ, что мы въ Россіи. Покажется намъ, что мы въ какомъ-нибудь замкѣ на югѣ Франціи, слушаемъ тенцоны и баллады, и всѣ наши богатыри окажутся переодѣтыми трубадурами.

Много такихъ историческихъ грѣховъ взялъ на свою душу художникъ, но вполнѣ сознательно.

Пересозданная, разукрашенная, въ обновленномъ и подчищенномъ одѣяніи, эта старина должна была воскреснуть, чтобы живымъ говорить о живомъ, современникамъ о современномъ.

И дѣйствительно, какъ сейчасъ увидимъ, самые существенные вопросы современности были объединены, обобщены и символизированы въ этомъ странномъ, необычномъ, эффектномъ творчествѣ художника, котораго никто не желалъ признать своимъ, и который самъ гордился своей самостоятельностью и независимостью отъ всякихъ клятвъ передъ какимъ бы то ни было знаменемъ, за исключеніемъ одного самаго невоинственнаго и безобиднаго—знамени красоты.

V.

И подвиги славитъ минувшихъ онъ дней,
И все, что достойно, вѣнчаетъ:
И доблесть народовъ, и правду князей —
И милость могучихъ онъ въ пѣснѣ своей
На малыхъ людей призываетъ.

Привѣтъ полоненному шлетъ онъ рабу,
Укоръ градоимцамъ суровымъ,
Насилье-жъ надъ слабымъ, съ гордыней на лбу,
Къ позорному онъ пригвождаетъ столбу
Грозящимъ, пророческимъ словомъ.

Талантъ Алексѣя Толстого достигъ своего полнаго цвѣтенія въ эпоху большого народнаго бѣдствія, съ котораго, какъ извѣстно, началась эра нашего общественнаго перерожденія. Мы имѣли тогда полное право гордиться этимъ обновленіемъ и возлагать на него большія надежды, но мы не могли не чувствовать нашего національнаго униженія, и въ сердцѣ каждаго патріота раскаяніе во грѣхахъ было сопряжено съ нѣкоторымъ чувствомъ уязвленнаго національнаго самолюбія. Хоть и смѣшно, и безплодно, послѣ битвы махать кулаками, но человѣкъ какъ-то не можетъ удержаться отъ этого непроизвольнаго движенія, въ которомъ его самолюбію дано хоть призрачное удовлетвореніе.

Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что нашъ мирный поэтъ, одно время самъ участникъ крымской кампаніи, въ своихъ стихахъ допускалъ бранные трубные гласы. Они у него звучали не часто, но довольно громко.

Храбростью и удалью русскихъ сказочныхъ богатырей онъ гордится, какъ подвигами настоящихъ предковъ. Гордится онъ также и нашимъ родствомъ съ храбрыми варягами, съ которыми мы нѣкогда были въ личной уніи. Ихъ суровые, сѣверные рыцарскіе облики онъ помѣщаетъ въ галлереѣ портретовъ славянскихъ или русскихъ витязей, пріобщая ихъ боевую славу къ славѣ нашей родины.

Иной разъ для этой боевой славы онъ готовъ пожертвовать даже своимъ религіознымъ чувствомъ. Въ одной изъ лучшихъ своихъ балладъ онъ съ непритворнымъ бравурствомъ и радостью воспѣваетъ побѣду язычника-славянина надъ нѣмцами-христіанами и на этотъ разъ хороводы поморскихъ дѣвъ вокругъ Перуновой божницы ему милѣй христіанскихъ молебновъ, которые монахи-нѣмцы въ испугѣ служатъ въ своемъ роскильдовскомъ соборѣ («Боривой»). Но, конечно, сочетаніе военной отваги съ христіанской вѣрой имѣетъ для автора двойную прелесть и всегда необычайно сильно дѣйствуетъ на его воображеніе. Подъ наплывомъ воинственно-религіозныхъ чувствъ онъ пишетъ, напр., такія художественныя законченныя картины, какъ «Ночь передъ приступомъ», въ лаврѣ, во время польской осады.

Въ этихъ и подобныхъ имъ (весьма, впрочемъ, немногихъ) стихотвореніяхъ нѣтъ, однако, настоящаго аррогантнаго призыва къ нападенію и поэтъ восхваляетъ лишь отвагу и силу человѣка, вынужденнаго защищаться. Если и случается подчасъ русскому человѣку стать хищникомъ, говоритъ онъ—такъ не отъ злого сердца, а потому что «одолѣваетъ его сила-удаль, не чужая, а своя удаль богатырская, и въ сердцѣ та удаль не вмѣстится и сердце то отъ удали разорвется» («Ушкуйникъ»). Но такая удаль исключеніе; она въ народѣ есть—это безспорно, и пріятно сознавать, что она имѣется на случай, но было бы очень прискорбно, если бы она часто разгуливалась. Въ стихахъ Алексѣя Толстого эта удаль вступаетъ въ свои права только тогда, когда она нужна для самозащиты. Его патріотическая національная политика, если такъ можно выразиться, оборонительная, а не наступательная.

Это очень характерно именно для его времени, когда въ одной части общества, которая желала себя во что бы то ни стало утѣшить въ трудную годину, патріотизмъ принялъ бравурный задорный тонъ и когда другая часть общества совсѣмъ вычеркивала изъ своего міровоззрѣнія этотъ военный патріотизмъ, какъ вообще несогласный съ либеральной демократической программой и безусловно вредный для внутренняго нашего развитія. Поэтъ сталъ между этими крайностями и былъ, конечно, правъ, такъ какъ при разгорающейся борьбѣ за существованіе всякая личность и всякій народъ, чувствующій за собой духовную силу, не можетъ не озаботиться о своей силѣ физической, которая должна гарантировать ему возможность спокойнаго развитія. Военный патріотизмъ Алексѣя Толстого былъ именно такимъ сознаніемъ своего права на самозащиту.

VI.

За нашимъ поэтомъ давно установилась слава, какъ за пѣвцомъ религіозныхъ чувствъ и настроеній. Они, дѣйствительно, попадаются часто въ его стихотвореніяхъ. Но характерна - ихъ относительно слабая связь съ мотивами національными. Въ нашей литературѣ эти двѣ темы, патріотическая и религіозная, были издавна связаны, и даже въ эпоху, когда писалъ А. Толстой, было не мало поэтовъ, которые не могли себѣ представить религіозный мотивъ безъ аккомпанимента мотива патріотическаго. У Алексѣя Толстого это сочетаніе, какъ мы сказали, встрѣчается крайне рѣдко — всего два раза: въ легендѣ о Ругевитѣ и въ поэмѣ о крещеніи князя Владиміра. И въ томъ, и въ другомъ стихотвореніи изображена заря восходящей новой вѣры.

Стоялъ этотъ богъ Ругевитъ на своемъ островѣ Ругѣ, зорко глядѣлъ своими семью глазами, грозный и славный. Такъ, по крайней мѣрѣ, вѣрили тѣ, которые его почитали, пока къ ихъ острову не подошла русская сила. И затрещалъ подъ звономъ вражьей стали и рухнулся на землю Ругевитъ... Четырнадцать воловъ повлекли его по лугу и волокли къ морю. Рыдая бѣжали за нимъ и мужи, и старцы, и женщины, и дѣти, и выли въ неслыханной печали. «Встань!» кричали они ему. «Разгроми враговъ нашихъ!»

Но онъ не всталъ. Гдѣ, объ утесъ громадный
Дробясь, кипитъ и пѣнится прибой,
Онъ съ крутизны низвергнутъ безпощадно;
Всплеснувъ, валы его схватили жадно
И унесли, крутя передъ собой.
Такъ поплылъ прочь отъ нашего онъ края
И отомстить врагамъ своимъ не могъ.
Дивились мы, другъ друга вопрошая:
„Гдѣ-жъ мощь его? Гдѣ власть его святая?
Нашъ Ругевитъ ужели былъ не богъ?“
И пробудясь отъ перваго испугу,
Мы не нашли былой къ нему любви
И разошлись въ раздуміи по лугу,
Сказавъ: „Плыви, въ бѣдѣ не спасшій Ругу,
Дубовый Богъ! Плыви себѣ, плыви!“

Если все это стихотвореніе не есть иносказаніе, а именно замаскированный намекъ на необходимость отказа отъ нѣкоторыхъ современныхъ идоловъ и укоренившагося современнаго идолослуженія, то сила религіозной истины выражена въ стихотвореніи необычайно ярко. Съ какой быстротой истинная религія вытѣснила изъ сердецъ людей старую вѣру! На самомъ дѣлѣ, быть можетъ, такъ никогда не бываетъ: старая вѣра имѣетъ свою истину, и люди всегда цѣпко за нее держатся; но именно такимъ можетъ представляться религіозное перерожденіе поэту, для котораго долженствующее становится на мѣсто сущаго; и мы вполнѣ понимаемъ нашего гуманиста, который предпочелъ торжество истины

надъ ложью изобразить какъ внутренній *мирный* процессъ перерожденія язычниковъ, сначала плачущихъ и кричащихъ, а затѣмъ въ раздумьи стоящихъ надъ поверженнымъ богомъ, чѣмъ изобразить его какъ слѣдствіе военнаго погрома.

Религіозность Толстого такъ же невоинственна, какъ и его патріотизмъ. Для него область религіозныхъ чувствъ—самая интимная сфера психической дѣятельности человѣка и онъ не любитъ сочетать ее съ проявленіями иныхъ чувствъ, прорывающихся наружу съ шумомъ.

Въ такомъ же мирномъ тонѣ разсказана поэтомъ и исторія обращенія князя Владиміра — актъ, который въ дѣйствительности обошелся, конечно, вовсе не такъ благополучно, какъ этого хотѣлось поэту. Князь Владиміръ въ первой части «Пѣсни о походѣ Владиміра на Корсунь»—былинный удалецъ съ весьма развязными замашками: и пограбить не прочь, и съ царевной Анной мало деликатенъ. Но свершилось крещеніе, и онъ—рыцарь-крестоносецъ:

Свершился въ могучей душѣ переломъ,
И взоръ его миренъ и кротокъ...
И мигъ тишины и молчанья насталъ
И князю, въ сознаніи новыхъ началъ,
Открылося новое зрѣнье:
Какъ сонъ вся минувшая жизнь пронеслась,
Почуялась правда Господня;
И брызнули слезы впервые изъ глазъ...

И палъ на дружину Владиміра взоръ:
— Вамъ, други, доселѣ со мною
Стяжали побѣды лишь мечъ да топоръ,
Но время настало,—и мы съ этихъ поръ
Сильны еще силой иною!

Что смутно въ душѣ мнѣ сказалось моей,
То ясно вы нынѣ познайте:
Дни правды дороже воинственныхъ дней!..

Съ нашей стороны было бы большой наивностью повѣрить, что князь Владиміръ былъ съ Алексѣемъ Толстымъ одних мнѣній, но наивно было бы такъ же ставить поэту въ вину эти анахронизмы. Это была опять современная мысль въ старинномъ одѣяніи, и мысль очень характерная для нашего художника.

Въ эпоху, когда въ глазахъ большинства религія была неразрывно связана съ понятіемъ о государственности, когда она для многихъ была дѣломъ чисто оффиціальнымъ, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ для другой части общества она совсѣмъ не существовала и была низведена на степень суевѣрія —нашъ поэтъ отвелъ ей въ своемъ міросозерцаніи принадлежащее ей по праву законное мѣсто. Онъ прославлялъ ее какъ актъ внутренняго просвѣтленія, какъ сердечное общеніе съ божествомъ, какъ нисшествіе Божьей благодати, общительной, мирной, настраивающей человѣка на самыя гуманныя чувства. Именно

въ самомъ гуманномъ, а не въ какомъ-либо иномъ — богословскомъ, философскомъ, политическомъ или полицейскомъ смыслѣ понималъ религію нашъ писатель.

VII.

Великій народъ, сильный и стойкій, исповѣдующій гуманную религію имѣлъ, конечно, въ глазахъ поэта и свои нравственныя обязательства въ отношеніи къ своимъ сосѣдямъ. Противопоставленіе міра западнаго и міра восточнаго, вопросъ о степени ихъ обоюднаго вліянія не могъ не тревожить А. Толстого, истиннаго гражданина своего времени—того бурнаго времени, когда понятія «идти впередъ» или идти «назадъ» такъ часто отожествлялись съ понятіями «идти на востокъ» или «на западъ».

Алексѣй Толстой всегда былъ сторонникомъ западной культуры—но и это западничество было необычайно мирнаго нрава, и уже одинъ тотъ фактъ, что онъ такъ любилъ нашу старину—хоть и призрачную—показываетъ, что мысль объ органической связи старой и новой Россіи уберегла его отъ увлеченія всякой крайностью. И, какъ въ другихъ взглядахъ, такъ и въ этомъ взглядѣ на наше общеніе съ западомъ, онъ удержался на самой мирной и гуманной точкѣ зрѣнія.

Мысли разорвать съ западной цивилизаціей, съ нашими западными учителями, не допускалъ, какъ утверждаетъ нашъ поэтъ, еще и мудрый князь Владиміръ. Когда у него на пирѣ Змѣй Тугаринъ сталъ пророчить Россіи и татарскій погромъ, и московское самовластіе; когда Змѣй сталъ говорить, что мы «на честь научимся класть поруху, и всласть наглотавшись татарщины, назовемъ ее Русью», что мы «поссоримся съ честной стариной и на срамъ великимъ предкамъ, не слушая голоса родной крови, повернемся спиной къ Варягамъ, а лицомъ на востокъ, къ Обдорамъ»—Владиміръ отвѣчаетъ за насъ:

Вишь выдумалъ намъ
Какимъ угрожать онъ позоромъ!
Чтобъ мы отъ Тугарина приняли срамъ!..
Чтобъ спины подставили мы батогамъ!
Чтобъ мы повернулись къ Обдорамъ!
Нѣтъ! шутишь! Живетъ наша русская Русь,
Татарской намъ Руси не надо!
Солгалъ онъ, солгалъ, перелетный онъ гусь:
За честь нашей родины я не боюсь...
А еслибъ надъ нею бѣда и стряслась,
Потомки бѣду перемогутъ!
— Бываетъ,—примолвилъ свѣтъ-солнышко князь,—
Неволя заставитъ пройти черезъ грязь,
Купаться въ ней—свиньи лишь могутъ!

Князь Владиміръ былъ вообще очень неравнодушенъ къ своимъ варяжскимъ предкамъ, и эту симпатію раздѣлялъ и его пѣвецъ. Въ

своихъ балладахъ А. Толстой отвелъ, какъ мы сказали, нашимъ скандинавскимъ родственникамъ не меньше мѣста, чѣмъ русскимъ богатырямъ и всегда съ особой любовью говорилъ о тѣхъ узахъ дружбы и родства, которые ихъ связывали, т.-е. связывали въ его поэтическомъ представленіи.

Эта частью измышленная, частью разукрашенная имъ дружба и любовь варяговъ и русскихъ должна была какъ будто служить символическимъ прообразомъ нашего истиннаго отношенія къ нашимъ сосѣдямъ. Не склоняться передъ западомъ, не благодѣтельствовать его новой истиной, призваны мы; мы должны на равныхъ правахъ участвовать съ нимъ въ общей битвѣ, въ общей борьбѣ человѣчества за свою жизнь.

И какими нѣжными красками обрисовалъ нашъ поэтъ это варяго-русское соглашеніе! Почему же именно варяжское—можемъ мы спросить — куда же дѣлись другія націи? Вопросъ законный, на который однако отвѣтить не трудно, если вспомнить, въ какихъ добрыхъ отношеніяхъ мы находились въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ съ французами, англичанами и итальянцами. Положимъ, и на нѣмцевъ мы были въ тѣ годы въ большой претензіи, но объ этомъ можно было забыть, отдавшись мечтамъ и надеждамъ; варяги лукавили съ нами, но насъ не изранили. Алексѣй Толстой простилъ имъ это лукавство. При случаѣ напоминалъ имъ о томъ, какъ въ старину славянскій мечъ былъ страшенъ ихъ предкамъ, но затѣмъ въ назиданіе сынамъ сталъ пѣть о старой дружбѣ и любви отцовъ, и пѣлъ очень нѣжно и картинно.

Онъ разсказалъ намъ, какъ нашъ князь Ярославъ выручалъ изъ бѣды варяга Гакона. Онъ пѣлъ о любви Гаральда къ «звѣздѣ его Ярославнѣ», Гаральда, который какъ истинный трубадуръ, и въ Греціи, и въ Италіи, среди подвиговъ и битвъ, не могъ забыть спокойныхъ водъ Днѣпра и любезнаго Кіева. Цѣной великихъ подвиговъ и трудовъ купилъ онъ, наконецъ, сердце своей невѣсты, и русская княжна сѣла на норвежскомъ тронѣ. И тѣсно въ мечтахъ поэта были связаны судьбы этихъ двухъ царствующихъ домовъ; и погибли они въ одно время: Гаральдъ былъ убитъ въ Англіи во время своего набѣга на саксовъ, и тогда же погибъ и сватъ его Изяславъ — сынъ Ярославовъ—въ кровавой сѣчѣ съ половцами. («Три побоища»).

Все это, конечно, поэтическія фантазіи, которыя въ свое время, въ эпоху торжествующей и трезвой критики могли вызвать лишь улыбку и недоумѣніе въ виду отсутствія въ нихъ исторической и, повидимому, даже современной правды. Но эта современная правда въ нихъ была. Въ эпоху рѣшительной схватки между славянофилами и западниками, въ годы очень повышенной вражды къ иностранцамъ въ одной части общества и безконтрольной вѣры въ послѣднее слово запада среди другихъ общественныхъ круговъ—поэтическіе образы художника вы-

разили ту истину, которая лежала посреди спорящихъ мнѣній. Они ее выразили, конечно, въ видѣ намека, очень неяснаго, въ которомъ, однако, просвѣчивала основная мысль автора. Это была мысль о любовномъ и дружественномъ сліяніи двухъ міровъ, восточнаго и западнаго, на почвѣ общечеловѣческихъ чувствъ.

VIII.

Мимолетно касается нашъ поэтъ въ своихъ стихахъ и вопроса славянскаго. Славянофиломъ А. Толстой не былъ; онъ даже рѣзко расходился съ славянской партіей въ своихъ антипатіяхъ къ Москвѣ, но при облаченіи своего религіознаго и патріотическаго созерцанія въ живописные старинные костюмы не могъ не столкнуться со славянофилами въ пріемахъ обращенія со старымъ матеріаломъ, не говоря уже о томъ, что какъ славянскій и національный поэтъ—какимъ онъ желалъ быть — онъ могъ при случаѣ раздѣлять съ ними и нѣкоторыя изъ ихъ утопій и кое-какіе восторги.

На такое частичное совпаденіе взглядовъ Алексѣя Толстого со взглядами славянофиловъ было уже обращено вниманіе нашихъ изслѣдователей *) и вопросъ этотъ въ общихъ чертахъ рѣшенъ удовлетворительно. Совпаденія дѣйствительно попадаются, они не указываютъ ни на какое вліяніе или заимствованіе, они получились какъ естественное слѣдствіе одного вполнѣ законнаго желанія—связать необходимой органической связью прошедшее съ настоящимъ и указать, что многое хорошее и цѣнное, что въ этомъ настоящемъ существуетъ, существовало и раньше, что вообще новая эпоха не есть отрицаніе старины, а лишь ея дополненіе и развитіе. Такая уравновѣшенная мысль должна была придти въ голову человѣку, не поглощенному всецѣло борьбой минуты, историку, который имѣлъ досугъ сдѣлать историческія справки, и поэту, который любилъ старину, какъ созерцатель и мечтатель. Между двумя борющимися станами поклонниковъ старины и апостоловъ новизны, Алексѣй Толстой былъ случайнымъ гостемъ, не поклявшимся никому въ вѣрности. Между нимъ и этими станами не было полнаго союза, никто изъ нихъ своей «пристрастной ревностью не могъ купить его» и споръ съ обоими сталъ для него «тайнымъ жребіемъ». Стоялъ онъ между славянофилами и западниками совсѣмъ одиноко, и поэзія его была тѣмъ самымъ колоколомъ, въ который съ налета грянула тяжелая бомба. Не онъ, а она разлетѣлась въ осколки, хотя и заставила его вздрогнуть, и мѣднымъ своимъ звукомъ звать людей на бой. На бой противъ кого?—спросимъ мы. Не противъ одной изъ спорящихъ сторонъ въ

---

*) См. интересную статью *Г. Князева* „Хомяковъ и гр. А. Толстой". „Русскій Вѣстникъ" 1901 г., ноябрь.

ихъ цѣломъ, а только противъ тѣхъ крайностей, которыя отдаляли ихъ обѣихъ отъ просвѣщенной и гуманной идеи, которую исповѣдывалъ художникъ.

Полнаго исчерпывающаго изложенія своего отношенія къ западникамъ и славянофиламъ Алексѣй Толстой, конечно, не далъ въ своихъ стихахъ и не могъ дать. Основнымъ догматамъ славянофильскаго ученія онъ оставался чуждъ: ни богословскихъ ихъ размышленій, ни канонизаціи Москвы, ни мечтаній на тему о славянскомъ откровеніи, которое должно обновить міръ новой истиной—онъ не ввелъ въ свое поэтическое міросозерцаніе, и развѣ только когда говорилъ объ отношеніи власти къ народу, онъ въ поэтическихъ образахъ какъ будто припоминалъ славянофильскія теоріи о земщинѣ и дружинѣ. Однажды только, въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности, очевидно подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ восточной войны, онъ на очень короткій срокъ сталъ воинственнымъ пѣвцомъ общеславянской идеи.

Невинный поэтическій образъ, наивная картинка природы, некошенная степь съ темноголубыми колокольчиками, грустно качающимися и звенящими въ день веселый мая, почему-то вдругъ заставила поэта настроить свою пѣснь на вызывающе-воинственный ладъ. Снилось ему, что несется онъ по полю верхомъ на конѣ. Летитъ этотъ конь какъ стрѣла, и куда летитъ—не знаетъ. Конь дикій, непокорный славянскій конь — не привыкшій ни къ какой выправкѣ и совсѣмъ неученый. Поэтъ обращается къ нему съ восторженнымъ окликомъ:

Есть намъ, конь, съ тобой просторъ!
Міръ забывши тѣсный,
Мы летимъ во весь опоръ
Къ цѣли неизвѣстной!
Чѣмъ окончится нашъ бѣгъ?
Радостью-ль? кручиной?
Знать не можетъ человѣкъ—
Знаетъ Богъ единый.

И несется онъ на этомъ конѣ въ свѣтлый престольный градъ русскій, и видитъ, какъ братья славяне съ запада идутъ къ русскому царю на поклоненіе. Съ свѣтлымъ лицомъ, въ сіяніи новой славы, встрѣчаетъ ихъ величавый хозяинъ.

„Хлѣбъ да соль! И въ добрый часъ!
Говоритъ державный:
Долго, дѣти, ждалъ я васъ
Въ городъ православный".
И они ему въ отвѣтъ:
„Наша кровь едина,
И въ тебѣ мы съ давнихъ лѣтъ
Чаемъ господина!"

И кончается эта милая идиллія звономъ колоколовъ и гуслей: пиръ идетъ горой и летитъ отъ него шумъ на дальній югъ, къ

туркѣ и къ венгерцу, и въ особенности нѣмцамъ не по нутру становится отъ всей этой славянской суматохи.

Лучшаго боевого стихотворенія въ славянофильскомъ духѣ трудно выдумать, и славянофилы остались имъ очень довольны, не менѣе, чѣмъ и другимъ извѣстнымъ стихотвореніемъ, въ которомъ А. Толстой изображаетъ все славянское племя въ видѣ стоговъ, разсѣянныхъ на широкомъ полѣ. Были эти стога цвѣтами и ихъ покосили, раскидали, и черныя ворòны и галки свили на нихъ гнѣзда.

Ой орелъ, орелъ, нàшъ отецъ далекій,
Опустися къ намъ, грозный, свѣтлоокій!
Ой орелъ, орелъ! Внемли нашимъ стонамъ!
Долѣ насъ срамить не давай ворòнамъ!
Накажи скорѣй ихъ высокомѣрье,
Съ неба въ нихъ ударь, чтобъ летѣли перья!

Какъ восторженно должно было биться славянофильское сердце, внимая этому призыву! Но въ особенно игривое настроеніе могло привести всѣхъ поклонниковъ старой Руси стихотвореніе о государѣ-батюшкѣ, Петрѣ Алексѣевичѣ, который презрѣвъ сорную крупу своей родины, досталъ за моремъ свѣжей крупицы и заварилъ такую кашу, которую дай Богъ расхлебать дѣтушкамъ.

Такіе пѣсни и намеки какъ будто ясно опредѣляли, къ какому стану принадлежалъ нашъ поэтъ, и дѣйствительно либеральный на него косился и, наконецъ, совсѣмъ разсердился, когда поэтъ позволилъ себѣ, впадая въ тонъ буфонной сатиры, высмѣять довольно грубо крайнихъ прогрессистовъ и демократовъ въ извѣстныхъ своихъ шуточныхъ стихотвореніяхъ. Поэтъ былъ, конечно, неправъ, осмѣивая угловатыя внѣшнія проявленія нашего прогрессивнаго движенія и не желая, повидимому, отдать, должное его внутренней цѣнности, но неправы были и хулители поэта, которые увидали въ этихъ памфлетахъ исповѣдь публициста и политика, а не месть обиженнаго эстетика, чѣмъ эти стихотворенія на самомъ дѣлѣ были.

Но въ общемъ, если выдѣлить всѣ славянскіе мотивы въ стихахъ А. Толстого, то ихъ окажется весьма немного и если вспомнить, какъ отрицательно поэтъ относился къ нѣкоторымъ основнымъ догматамъ славянофильскаго ученія и какъ о другихъ умалчивалъ, то и въ данномъ случаѣ мы увидимъ его стоящимъ на независимой позиціи со своими намеками и поэтическими символами, въ которыхъ отражалась его естественная любовь къ славянскому племени, не воинственному по духу, но сильному своимъ національнымъ сознаніемъ въ минуту самообороны.

IX.

Въ намекахъ и символахъ высказалъ нашъ поэтъ свои мысли и о другомъ, самомъ важномъ вопросѣ своего времени, а именно —

вопросѣ объ отношеніи власти къ народу, надъ которымъ она поставлена, и преимущественно къ народу простому.

Алексѣй Толстой никогда политикомъ не былъ, и выразилъ свои взгляды лишь въ самой общей формѣ. Вниманіе свое онъ остановилъ на судьбѣ трехъ основныхъ силъ нашей древней исторіи. Эти силы были—народъ, вѣче и царь.

Въ эпоху, когда простой народъ сталъ предметомъ всесторонняго изученія и когда литература съ особенной добросовѣстностью принялась изображать его современную жизнь, нашъ романтикъ предпочелъ всякимъ реальнымъ типамъ опять условные символы, въ которые, однако, слѣдуя своему правилу, втиснулъ современное содержаніе.

Къ «поклонникамъ» народа А. Толстой не принадлежалъ, хотя въ личныхъ отношеніяхъ съ нимъ былъ образцовымъ гуманистомъ. Онъ былъ однимъ изъ поборниковъ идеи освобожденія, но въ его программу искупленія историческаго грѣха не входило преклоненіе передъ народной массой, какъ таковой, и въ минуту раздраженія поэтъ могъ наговорить много дерзостей либеральнымъ народникамъ и демократамъ, что̀ онъ и дѣлалъ.

Что народъ былъ въ его глазахъ силой, и основной, краеугольной силой, объ этомъ краснорѣчиво говоритъ его извѣстная баллада объ Ильѣ Муромцѣ, въ которомъ, согласно научнымъ теоріямъ своего времени, онъ видѣлъ поэтическое олицетвореніе народной массы.

Подъ броней, съ простымъ наборомъ,
Хлѣба кусъ жуя,
Въ жаркій полдень ѣдетъ боромъ
Дѣдушка Илья...
И ворчитъ Илья сердито:
„Ну, Владиміръ, что-жъ?
Посмотрю я, безъ Ильи-то
Какъ ты проживешь!
Дворъ мнѣ, княже, твой не диво,
Не пировъ держусь;
Я мужикъ неприхотливый,
Былъ бы хлѣба кусъ!..
Всѣ твои богатыри-то,
Значитъ, молодежь—
Вотъ безъ стараго Ильи-то
Какъ ты проживешь!
Не терплю богатыхъ сѣней,
Мраморныхъ тѣхъ плитъ,
Отъ царьградскихъ отъ куреній
Голова болитъ...“
И старикъ лицомъ суровымъ
Просвѣтлѣлъ опять.
Понутру ему здоровымъ
Воздухомъ дышать;
Снова вѣетъ воли дикой
На него просторъ,
И смолой, и земляникой
Пахнетъ темный боръ.

Но не въ одной силѣ спасенье, и однимъ здоровымъ воздухомъ тоже сытъ не будешь... Нашъ поэтъ это понималъ хорошо, но предоставилъ другимъ говорить о томъ, подъ ударами какихъ житейскихъ бѣдъ сломилась и ломится народная сила. Только дважды подошелъ онъ къ этой темѣ поближе и написалъ стихотворенія на гражданскій, какъ тогда говорили, мотивъ. Одно изъ нихъ — извѣстная баллада о богатырѣ, который верхомъ на разбитой клячѣ разъѣзжаетъ по русскому царству и спаиваетъ деревни и села; другое извѣстное шуточное стихотвореніе:

У приказныхъ воротъ собирался народъ
Густо;
Говорилъ въ простотѣ, что въ его животѣ
Пусто etc.—

стихотвореніе, въ которомъ одновременно осмѣяны и плутовство чиновника, и поражающая неразвитость и тупость народа.

Оцѣнка этой печальной стороны народной жизни дана была Алексѣемъ Толстымъ и въ его драмѣ «Посадникъ». Литературныя достоинства этого драматическаго опыта не особенно велики. Въ драмѣ много мелодраматическихъ моментовъ и условныхъ положеній въ псевдо-русскомъ стилѣ. Но эти недостатки искупаются идейностью содержанія. Поэтъ хотѣлъ дать въ своей драмѣ типъ русскаго государственнаго дѣятеля стараго вѣчевого времени, образецъ гражданской республиканской доблести, человѣка, который приноситъ себя, свою честь и счастье въ жертву народному благу. Этотъ новгородскій посадникъ, герой трагедіи,—конечно настоящій римлянинъ, неизвѣстно какъ попавшій на берега Волхова. Онъ—воплощенный историческій анахронизмъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и выразитель современныхъ взглядовъ нашего автора на народовластіе. Взгляды эти весьма любопытны.

Будь Алексѣй Толстой чистокровнымъ консерваторомъ, онъ имѣлъ удобный случай сорвать свою злобу на вѣчевомъ порядкѣ и наглядно изобразить всю его безтолочь. Будь онъ крайнимъ либераломъ, онъ наоборотъ могъ воспользоваться этимъ случаемъ для прославленія принципа народовластія. Онъ не сдѣлалъ ни того, ни другого, а пошелъ опять дорогой средней. Симпатіи его остались на сторонѣ вѣча, понимаемаго какъ принципъ, а судъ его надъ участниками этого вѣча, надъ народомъ, вышелъ очень строгій. Народъ выведенъ на сцену какъ стихійная масса, грубая и дикая, не размышляющая, кровожадная, готовая идти безъ оглядки за любымъ интриганомъ, не различающая истиннаго гражданина отъ крикуна и способная убить и истязать того, кому она недавно кланялась. Трудно изобразить въ болѣе мрачныхъ краскахъ толпу, чѣмъ она изображена въ этой свободомыслящей драмѣ—и это сдѣлано, конечно, сознательно. Поэтъ стоитъ на томъ, что народъ не подготовленъ ни къ какой политической роли,

что за нимъ нѣтъ ни воспитанія, ни образованія для надлежащаго ея выполненія.

Но несмотря на это, принципъ народовластія остается въ трагедіи нетронутымъ. Поэтъ не вымещаетъ на самомъ принципѣ негодности тѣхъ, кто въ данную минуту призванъ проводить его на дѣлѣ.

Какъ бы въ противовѣсъ неразвитому, но властному народу, поэтъ рисуетъ во весь ростъ фигуру посадника, выросшаго и воспитаннаго именно при этомъ вольномъ режимѣ. Истинный сынъ своей родины, отъ котораго не скрыты ея грѣхи и недостатки, онъ непоколебимо вѣритъ въ святость принципа того порядка, которому онъ служитъ:

Они вольны на вѣчѣ говорить,
А приговоръ когда постановили,
Онъ долженъ быть, какъ Божье слово, святъ!

—говоритъ онъ, отлично освѣдомленный насчетъ того, какія безтолковыя рѣчи ведутся на вѣчѣ. Временный безпорядокъ имѣетъ въ его глазахъ малое значеніе: ему дорогъ самый принципъ.

«Воля» въ его пониманіи есть не та воля, которая шумитъ и горланитъ на площади, а воля, понятая какъ высшій долгъ и самообузданіе личности передъ обществомъ. Воля! — говоритъ онъ своему собесѣднику:

Великое ты выговорилъ слово;
А знаешь ли какой его есть толкъ?
Въ чемъ воля-то? Въ томъ, что чужой мы власти
Не терпимъ надъ собой! Что мы съ князьями
По старинѣ ведемъ свой уговоръ:
Се будь твое, а се будь наше. Въ наше жъ
Ты, княже, не вступайся! А когда
Тотъ уговоръ забудетъ князь, ему
Мы кажемъ путь, другого жъ промышляемъ
Себѣ на столъ. Вотъ наша воля въ чемъ... и чтобы воля эта
Была крѣпка, и чтобъ никто не могъ
Надъ нами государемъ называться—
Мы Новгородъ Великій государемъ
Поставили, и головы послушно,
Свободныя, склонили передъ нимъ.
Вотъ наша воля! Правъ своихъ держаться,
Чужія чтить, блюсти законъ и правду,
Не прихоти княжія исполнять,
Но то чинить безропотно и свято,
Что Государь нашъ Новгородъ велитъ—
Вотъ воля въ чемъ! А чтобы всякій дѣлать
Воленъ былъ то, что въ голову взбредетъ—
Нѣтъ, то была бъ не воля—неурядье
То было бы! Когда бъ такую волю
Терпѣли мы, давно княжой бы стали
Мы вотчиной, иль раздѣлили бъ насъ
Между собой сосѣди!

X.

Самъ Алексѣй Толстой въ политическихъ своихъ убѣжденіяхъ былъ, какъ извѣстно, сторонникомъ монархіи единодержавной и всѣ только что приведенныя его рѣчи о народовластіи не могутъ быть истолкованы какъ исповѣдь или какъ проповѣдь республиканскихъ или конституціонныхъ идей. Въ нихъ высказана только современная поэту мысль о привлеченіи народа и общества къ участію въ дѣлахъ общественнаго управленія—мысль, частью осуществленная реформами императора Александра II, съ которымъ нашъ поэтъ былъ связанъ тѣсной личной дружбой и государственные планы котораго были ему хорошо извѣстны. Какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и въ этомъ, современная мысль поэта облеклась въ архаическую форму, и такъ какъ новгородскіе порядки въ нашей литературѣ издавна служили облаченіемъ для либеральныхъ идей, то и нашему художнику-археологу и либералу—не оставалось иного выбора.

Но либерализмъ Толстого оставался все-таки строго монархическимъ. Князь—и затѣмъ царь—центральная фигура въ его стихахъ съ національной тенденціей.

Идея царской власти, какъ ее понималъ нашъ поэтъ, развита имъ полно и выяснена всесторонне въ его извѣстныхъ историческихъ трагедіяхъ. Но и въ балладахъ и въ пѣсняхъ Алексѣй Толстой часто возвращался къ этому вопросу, и въ немъ, какъ и въ другихъ вопросахъ, обнаружилъ ту умѣренность въ рѣшеніи, которая отличала всѣ его взгляды на современность.

Рѣшеніе въ данномъ случаѣ дано необычайно простое, съ тогдашней исторической истиной вполнѣ согласное. Единодержавный князь представленъ какъ самый либеральный человѣкъ своего времени и потому, конечно, и самый гуманный. Всѣмъ извѣстно, какія рѣзкія слова осужденія были сказаны нашимъ поэтомъ о царскомъ деспотизмѣ, понимаемомъ какъ произволъ державной личности. Не говоря о трагедіяхъ, гдѣ дана настоящая психопатологія деспотизма, и въ балладахъ поэтъ нерѣдко ставитъ его своей мишенью. Змѣй Тугаринъ грозитъ Россіи тѣмъ, что ея владыка станетъ надъ ней «ханомъ»

И въ теремѣ будетъ сидѣть онъ своемъ,
Подобенъ кумиру средь храма...

И Потокъ-Богатырь приходитъ въ ужасъ, когда на улицахъ Москвы видитъ, какъ

...идетъ караулъ,
Гонитъ палками встрѣчныхъ съ дороги;
Ѣдетъ царь на конѣ, въ зипунѣ изъ парчи,
А кругомъ съ топорами идутъ палачи,
Его милость сбираются тѣшить:
Тамъ кого-то рубить или вѣшать...

«Московскій ханъ», какъ понималъ его художникъ, былъ истиннымъ бичомъ Божіимъ за наши грѣхи, и пѣвецъ не упускалъ случая отомстить ему хотя бы и позднимъ мщеніемъ. Онъ посвятилъ цѣлый ро-

манъ его злодѣяніямъ, да и въ стихахъ не забылъ его. Разсказалъ онъ, какъ этотъ царь истязалъ Василія Шибанова, какъ убилъ невиннаго старицкаго воеводу, какъ пронзилъ своимъ жезломъ князя Репнина за то, что онъ громогласно проклялъ его опричнину.

Но карая лицо, облеченное высшею властью, поэтъ оставилъ опять нетронутымъ самый принципъ власти. Устами самихъ пострадавшихъ произнесъ онъ этому принципу и оправданіе, и благословеніе. Князя Репнина заставилъ онъ передъ смертью выпить здравицу за православнаго царя, и Шибанова молиться за царя и за святую великую Русь.

На исторической личности московскаго владыки вымещалъ Алексѣй Толстой, какъ видимъ, свою злобу лишь противъ того, кто исказилъ дорогой ему принципъ.

Истиннымъ же носителемъ этого принципа сдѣлалъ онъ столь имъ любимаго князя Владиміра и его словами выразилъ онъ свою собственную мысль. Князь Владиміръ — вотъ тотъ либеральный и гуманный князь, который сумѣлъ сочетать въ себѣ столь трудно примиримые взгляды — взглядъ на власть какъ на силу надъ народомъ и какъ на долгъ передъ нимъ. Всѣми личными и семейными добродѣтелями наградилъ этого князя влюбленный поэтъ, и ему въ уста вложилъ онъ одинъ знаменательный тостъ, который былъ бы совсѣмъ непонятенъ, если бы не заставлялъ насъ подумать о годахъ, отъ блаженныхъ временъ Владиміра очень далекихъ. На пиру, среди русскихъ богатырей, князь сказалъ во всеуслышаніе:

Подайте мнѣ чару большую мою,
Ту чару, добытую въ сѣчѣ,
Добытую съ ханомъ хазарскимъ въ бою—
За русскій обычай до дна ее пью,
За древнее русское вѣчѣ!
За вольный, за честный славянскій народъ,
За колоколъ пью Новограда,
И если онъ даже и въ прахъ упадетъ,
Пусть звонъ его въ сердцѣ потомковъ живетъ—
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

И народъ, оцѣнивъ великодушіе своего властителя, отвѣчаетъ ему «какъ плескъ лебединаго стада, какъ лѣтомъ изъ тучи ударившій громъ»:

За князя мы пьемъ!
Да правитъ по-русски онъ русскій народъ!
А хана намъ даромъ не надо!
И если настанетъ година невзгодъ,
Мы вѣримъ, что Русь ихъ побѣдно пройдетъ
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

Не есть ли обмѣнъ этихъ дипломатическихъ тостовъ — символическое выраженіе идеи единенія властителя съ народомъ—единенія, юридически конечно не оформленнаго, но такого, при которомъ обѣ стороны «сошлись въ любовь», какъ говорилось на языкѣ далекаго вѣчевого времени?

И такого любовнаго разрѣшенія вопроса, конечно, не было въ тѣ годы, когда эти стихи были написаны: люди спорили о границахъ власти и о правахъ народа, спорили жестоко и кроваво и не могли по-

мириться, и только одинъ поэтъ мирилъ ихъ въ своихъ мечтахъ, отъ жизни очень далекихъ, но все-таки жизненныхъ, такъ какъ они возникали на почвѣ раздумья надъ потребностями современнаго ему порядка.

XI.

Въ такихъ поэтическихъ образахъ, взятыхъ изъ далекаго прошлаго—выражалъ Алексѣй Толстой свои мысли и свои сужденія о современной ему жизни.

Онъ заставлялъ старину давать ложныя показанія—это безспорно, но зато въ этой поэтической лжи была заключена цѣлая оцѣнка современности, всѣхъ ея наиболѣе жгучихъ вопросовъ, которые стояли тогда на очереди: вопросовъ религіозныхъ, національныхъ, общественныхъ и политическихъ.

Эта оцѣнка была сдѣлана не богословомъ, не политикомъ, не ученымъ, но необычайно чуткимъ, гуманнымъ и очень умнымъ человѣкомъ, уже пожившимъ, много видавшимъ и далекимъ отъ всякихъ крайностей.

Тотъ, кто слѣдилъ за страстной схваткой теорій, убѣжденій и программъ дѣйствія въ пятидесятыхъ и въ шестидесятыхъ годахъ,—тотъ согласится, что сужденія высказанныя нашимъ поэтомъ въ такой странной археологической формѣ—были въ основѣ своей либеральными и прогрессивными, а по характеру наиболѣе примиряющими и миролюбивыми. Можно сказать, что они были средней пропорціональной между двумя противоположными направленіями—консервативнымъ и радикальнымъ.

Во вопросахъ религіи—проповѣдь гуманизма и внутренняго религіознаго убѣжденія не воинственнаго, не прикованнаго къ догмѣ и терпимаго...

Въ вопросѣ національномъ—воззваніе къ чувству народнаго достоинства, гордаго своей силой и выносливостью, и вмѣстѣ съ тѣмъ миролюбиваго...

Въ вопросахъ общественныхъ и политическихъ — признаніе сильной и единой власти либерально настроенной, прислушивающейся къ свободному голосу народа...

Развѣ во всѣхъ этихъ общихъ сужденіяхъ нашего поэта не высказана историческая истина его времени—истина, вокругъ которой шли ожесточенные споры, почти всегда ударявшіеся въ крайность?— И не удалось ли именно поэту—съ виду столь чуждому современныхъ волненій—выразить, хоть и иносказательно, ту правду, которая въ силу особыхъ психологическихъ и историческихъ условій тогда никакъ не могла найти себѣ ни въ теоріи, ни въ жизни полнаго исчерпывающаго и яснаго обнаруженія?

Если это такъ, если въ стихотвореніяхъ Алексѣя Толстого съ національной тенденціей дѣйствительно выражена историческая истина его эпохи, свободная отъ крайнихъ толкованій, то нашъ поэтъ имѣетъ всѣ права назваться однимъ изъ пѣвцовъ обновленной или, вѣрнѣе, обновляющейся Россіи.

Н. Котляревскій.

ЗА ОКЕАНОМЪ.

Повѣсть изъ жизни русскихъ въ Америкѣ.

(*Продолженіе* *)

Глава V.

Сочувствіе большинства публики, видимо, было на сторонѣ Косевича. Всѣ они были слишкомъ поглощены мыслью о родинѣ, «настоящей», какъ ее назвалъ Косевичъ, которая осталась за океаномъ на двадцать тысячъ верстъ разстоянія.

— Хорошо жить въ Россіи,—мечтательно сказалъ Швенцеръ,—правда, Рулевой?

Человѣкъ, къ которому онъ обращался, тоже былъ чистой славянской крови. Онъ былъ отставнымъ статистикомъ и происходилъ изъ самыхъ нѣдръ Костромской губерніи. Крушеніе земской статистики выбросило его изъ родной сферы, какъ изверженіе горы Пелея, и добросило его до Америки. Онъ былъ въ Нью-Іоркѣ только три мѣсяца и, какъ бывшій земскій человѣкъ, еще такъ недавно жившій въ глубинѣ той великой и загадочной родины, которая для большинства уже подернулась розовой дымкой, считался важнымъ авторитетомъ по части свѣдѣній о русскихъ порядкахъ и настроеніяхъ. До сихъ поръ онъ сидѣлъ совершенно смирно, положивъ локти на столъ и понуривъ голову. Быть можетъ, онъ вспоминалъ о подворной переписи Балахнинскаго уѣзда, которую онъ такъ и не успѣлъ окончить.

— Жить не худо,—лаконически отвѣтилъ онъ,—а сдохнуть и того лучше!

— Какъ сдохнуть?—спросилъ озадаченный Швенцеръ.—Вы плетете, кажется!..

— Съ голоду!—сказалъ Рулевой.—Очень просто!

— Что голодъ!—легкомысленно сказалъ Швенцеръ.—Мы и тутъ не мало голодали. Да я хоть сейчасъ согласенъ питаться хлѣбомъ да чаемъ, только бы опять жить въ Москвѣ!

---

*) См. „Міръ Божій“, № 1, январь 1904 г.

— Да еще скитайся по свѣту, какъ сукинъ сынъ!—сказалъ Рулевой.—Круто нашему брату приходится. Пріѣхалъ я въ Симбирскъ,—не утвердили. Подалъ прошеніе въ Кишиневъ,—отвѣчаютъ: пріѣзжайте, видно будетъ. Занялъ денегъ на дорогу—пріѣзжаю: сокращеніе штатовъ... Тьфу пропасть! Подался я ажъ въ Новгородъ, попалъ таки на мѣсто, прослужилъ мѣсяцъ,—на тебѣ: опять временное сокращеніе штатовъ. Куда мнѣ ѣхать? Поѣхалъ въ Уфу, опять прослужилъ мѣсяцъ... На тебѣ еще разъ: безвременное сокращеніе!.. Куда, думаю, ѣхать? Развѣ въ Восточную Сибирь? На казенный счетъ не везутъ почему-то... Ахъ, думаю, глаза бы мои васъ не видали! Убѣгу я отъ васъ за тридевять морей, въ Америку, на сѣверный полюсъ!..

— Восточная Сибирь!—передразнилъ Швенцеръ.—И здѣсь тоже Сибирь... Западная..

— И то Сибирь!—подхватилъ Косевичъ.—Поѣзжайте-ка на западъ,—фермеры—тѣ же сибирскіе чалдоны, даже съ лица похожи. Сытые они, краснолицые, три раза въ день ѣдятъ мясо, пьютъ пиво да яблочный квасъ. А дальше что, спрашивается.

— А школа?—сказалъ Спутниковъ.

Простонародные элементы еврейскаго квартала были проникнуты искреннимъ уваженіемъ къ Америкѣ, которое понемногу превращалось въ новый патріотизмъ, и нижегородскій сіонистъ заимствовалъ отъ нихъ болѣе широкое и правильное пониманіе американскихъ отношеній, чѣмъ интеллигенты, упрямо глядѣвшіе назадъ черезъ океанъ.

— Что школа!—сказалъ Косевичъ пренебрежительнымъ голосомъ.—Въ букварѣ правда, да не вся. Вотъ и наши охотнорядцы побывали въ школѣ и даже газеты читаютъ соотвѣтственныя. Ну вотъ, здѣсь сплошная нація охотнорядцевъ. Охотнорядскіе идеалы, газеты и вся культура!..

Въ Косевичѣ говорило разочарованіе, вынесенное имъ изъ встрѣчъ съ американскими литераторами, которые почти поголовно увлечены всеобщимъ духомъ дѣловитости и готовы каждое движеніе своей души исчислить впередъ и продать на корню за наличныя деньги.

Но и остальные члены общества заходили не менѣе далеко въ своемъ осужденіи американской духовной жизни. Эти доктора и адвокаты въ сущности вовсе не знали Америки: они прожили все время въ русско-еврейской средѣ и по роду своихъ занятій имѣли дѣло съ болѣе разжившимися слоями, которые, накопивъ денегъ, немедленно приняли всѣ самые узкіе предразсудки американскаго мѣщанства, смѣшали ихъ съ такимъ же точно матеріаломъ, вывезеннымъ съ родины, и преувеличивали худыя стороны тѣхъ и другихъ.

Молодое поколѣніе, учившееся въ университетахъ и высшихъ школахъ, почти поголовно ушло въ американскій патріотизмъ. Интеллигенты русской школы, вращавшіеся въ этой средѣ, оставались совершенно одиноки и ощущали, что съ каждымъ годомъ волна буржуазнаго самодовольства поднимается все выше и понемногу начинаетъ заражать ихъ самихъ уваженіемъ къ доллару и дѣловой удачѣ.

— А вы что объ этомъ думаете?—обратился Бугаевскій къ Двойнису слегка поддразнивающимъ тономъ.—Вы вѣдь тоже американскій патріотъ!

Онъ хотѣлъ отплатить королю портныхъ за его презрительный тонъ въ недавнемъ спорѣ о Ноксвилѣ.

Двойнисъ презрительно сморщилъ брови.

— Я былъ еврейскій портной,—сказалъ онъ,—и опять могу— портной, еврейскій, американскій, американско-еврейскій, какъ хотите.

Онъ, видимо, затруднялся пріискиваніемъ русскихъ словъ, но сегодня никто не говорилъ по-англійски, и онъ не хотѣлъ нарушать праздничнаго обычая.

— Я знаю, что нужно дѣлать, а онъ нѣтъ.

Онъ безцеремонно кивнулъ головою въ сторону Косевича,— и всѣ эти слова—одна *фантэзія*.

— А сіонисты?—сказалъ Бугаевскій.

— Кто же идетъ въ сіонисты?—равнодушно возразилъ Двойнисъ.—Только хламъ!

Бугаевскій невольно посмотрѣлъ въ сторону Слокума, но докторъ еврейской теологіи не обратилъ вниманія на этотъ новый вызовъ. Онъ сидѣлъ насупившись и въ его умѣ звучалъ тотъ же неотвязный вопросъ куда? и вмѣсто тѣсной, выжженной солнцемъ Палестины ему опять сталъ представляться баснословный Самбатіонъ въ недоступной глубинѣ пустыни.

— Равины, рѣзники, меламеды, приходскіе сторожа...—пересчитывалъ Двойнисъ.—Для меня довольно горя и безъ еврейскаго царства.

— Вотъ вамъ новый Іерусалимъ, если вы можете понимать,— онъ показалъ рукой въ окно, подразумѣвая Ноксвиль.

— Вы забываете молодое поколѣніе—сказалъ директоръ земледѣльческой академіи, Драбкинъ.

Это былъ человѣкъ скромнаго вида, съ благообразнымъ и настолько моложавымъ лицомъ, что его скорѣе всего можно было принять за одного изъ воспитанниковъ школы, чѣмъ за ея главнаго начальника. Земледѣльческая академія существовала лѣтъ десять, но въ первые годы въ ней были довольно странные порядки, какъ во всѣхъ подобныхъ благотворительно воспитатель-

ныхъ заведеніяхъ. Наконецъ дѣло разрѣшилось бунтомъ, недокормленные мальчики, которымъ надоѣлъ слишкомъ жидкій кофе за завтракомъ, устроили начальству дерзость во время ревизіи, потомъ разбѣжались по сосѣднимъ деревнямъ, а нѣкоторые ушли пѣшкомъ въ Филадельфію. Тогда комитетъ, не зная, что дѣлать, рѣшилъ пригласить Драбкина, который руководилъ одною изъ городскихъ школъ въ Нью-Іоркѣ и имѣлъ прекрасную педагогическую репутацію.

Съ тѣхъ поръ прошло четыре года и порядки въ академіи радикально измѣнились. Число учениковъ утроилось и доходило до ста пятидесяти. Академія завела обширныя поля, плодовые питомники, пчельникъ, и все это существовало исключительно трудомъ учениковъ. Академія поглощала одну брошенную ферму за другой и нечувствительно превращалась въ земледѣльческій фаланстеръ.

Со временъ Драбкина было два выпуска. Академія выдавала дипломъ со страннымъ именемъ: «бакалавръ земледѣлія» и заботливо опекала своихъ бакалавровъ и пріискивала имъ мѣста. даже заключала за нихъ контракты и вообще всѣми мѣрами старалась удержать ихъ у спеціальныхъ земледѣльческихъ промысловъ, для которыхъ они были воспитаны. Пока большая часть ихъ оставалась въ деревнѣ, занимаясь сыровареніемъ или насажденіемъ фруктовъ, но притягательная сила большихъ городовъ уже понемногу начала привлекать въ свой кругъ самыхъ лучшихъ.

— Молодое поколѣніе растетъ,—продолжалъ Драбкинъ.—Мы временные, а они будутъ дѣлать настоящую жизнь!..

— Пускай дѣлаютъ,—пренебрежительно возразилъ Косевичъ,— сытую, трезвую, самодовольную американскую жизнь. Что имъ Гекуба? Всѣ они ранніе изъ молодыхъ.

— Я знаю своихъ учениковъ,—возразилъ Драбкинъ,—они славные мальчики.

— Да?—возразилъ Косевичъ.—Ваши ученики издаютъ журналъ,—прибавилъ онъ. Въ послѣдней книжкѣ я видѣлъ одну статью: «Разсужденіе о пользѣ дисциплины».

— Дисциплина—необходимое условіе!.. спокойно возразилъ Драбкинъ.

— Конечно,—продолжалъ Косевичъ жесткимъ тономъ.—Дисциплина и атлетическія игры... Вашъ полевой отрядъ выигралъ три приза отъ высшей школы въ Атлантикъ Сити...

Онъ имѣлъ въ виду состязанія въ игрѣ въ мячъ, какія ежегодно устраиваются въ Америкѣ между сосѣдними школами.

— Не только играютъ они,—возразилъ Драбкинъ.—Они учатся работать въ потѣ лица. Посмотрите на наши поля...

— А вашъ кулачный отрядъ разбилъ носы всѣмъ неграмъ изъ «Цвѣтнаго клуба!»—приставалъ Косевичъ.

— Они евреи, не такъ ли?—возразилъ Драбкинъ.—Пусть учатся драться, первый разъ въ жизни. Въ Америкѣ кто не умѣетъ драться, тотъ пропащій человѣкъ.

— Вотъ такъ философія!—сказалъ Косевичъ.—Простите меня, но я не понимаю для чего существуетъ ваша академія?..

— Чтобы пріучать молодыхъ людей къ научному земледѣлію! —сказалъ Драбкинъ.—Мы уже добились удивительныхъ результатовъ.

Косевичъ промолчалъ съ насмѣшливымъ видомъ.

— Мы имѣли два выпуска въ два послѣдніе года!—сказалъ Драбкинъ, задѣтый за живое прямымъ нападеніемъ.—Почти всѣ остались при землѣ...

— Будетъ вамъ, пожалуйста!—сказалъ Косевичъ. Пара ласточекъ не дѣлаетъ весны.

— А сколько ихъ было въ двухъ выпускахъ?—полюбопытствовалъ Бугаевскій.

— Тридцать человѣкъ,—сказалъ Драбкинъ.—Вы знаете, мы пріучаемъ ихъ къ спеціальнымъ отраслямъ хозяйства, молочному, пчеловодству, разведенію фруктовъ...

— Нашихъ учениковъ разобрали самыя богатыя фермы!—прибавилъ онъ не безъ извѣстной гордости.

— А въ городъ ихъ не тянетъ?—легкомысленно спросилъ Косевичъ.

— Не думаю!—возразилъ Драбкинъ.—Мы пріучили ихъ разсматривать земледѣліе, какъ самое благородное и полезное для міра занятіе.

— Адамъ копалъ землю, Ева пряла пряжу!—насмѣшливо повторилъ Косевичъ старую англійскую поговорку.

— Мы получаемъ отъ нихъ письма!—сказалъ Драбкинъ, не обращая вниманія на насмѣшку.—Хотите, я могу вамъ прочесть одно!

Онъ вынулъ изъ кармана толстый бумажникъ, методически развернулъ его и досталъ аккуратно сложенный листокъ бумаги.

— Уважаемый начальникъ!—прочиталъ онъ заголовокъ.—Ну, тутъ личное,—немного замялся онъ,—очень онъ хвалитъ нашу школу. А вотъ дальше онъ пишетъ о себѣ.

«Кажется, хозяинъ мною доволенъ...—снова прочелъ онъ,—говоритъ, что въ прошлый мѣсяцъ маслобойня дала хорошій выходъ». Онъ по маслодѣлію, — коротко объяснилъ Драбкинъ. «Жить здѣсь очень скучно...—прочелъ онъ,—глухо здѣсь. Хозяева всю зиму живутъ въ городѣ. Я совсѣмъ одинъ. Книгъ мало. Здѣшнимъ людямъ нѣтъ дѣла до идей. Рабочихъ на фермѣ

девять. Трое пьютъ, другіе копятъ деньги. Чѣмъ зарабатывать— имъ все равно, земледѣліемъ, промысломъ, лавкой, лишь бы прибавлялось въ банкѣ. Я тоже хотѣлъ копить, но приходится посылать мамашѣ. Мамаша прислала письмо, пишетъ, что жалованье маленькое, только тридцать долларовъ, говоритъ: «въ городѣ тебѣ бы дали хорошее мѣсто, ты образованный, непьющій!»

«Отъ этого письма я упалъ духомъ. Но потомъ я вспомнилъ ваши слова, что вы говорили намъ о земледѣліи, что земледѣліе есть наша миссія и самое благородное занятіе, и я опять укрѣпился и рѣшился съ Божьей помощью оставаться на фермѣ и держаться за земледѣліе, а тамъ будетъ, что Богъ дастъ. И неправда ли, дорогой учитель, что земледѣліе основа жизни общества?..»

Письмо было написано по-англійски, но Драбкинъ чрезвычайно искусно переводилъ его на русскій языкъ, сохраняя даже всю наивность и непосредственность юношеской души, выливавшейся изъ этихъ строкъ. Рулевой и еще одинъ недавно пріѣхавшій инженеръ плохо понимали по-англійски. Впрочемъ, почтенный директоръ вообще славился своимъ многоязычіемъ, которое онъ упражнялъ столько лѣтъ во время педагогической дѣятельности среди разношерстныхъ элементовъ нижняго Нью-Іорка. О немъ даже говорили, что онъ одновременно думаетъ на трехъ языкахъ.

— А сколько бы ему дали въ городѣ?—невинно спросилъ Косевичъ.

— Долларовъ шестьдесятъ, я полагаю!—сказалъ Драбкинъ.— Нашихъ молодыхъ людей цѣнятъ вездѣ!—прибавилъ онъ съ прежней гордостью.—А немного погодя и сто дали бы!

— Отлично!—согласился Косевичъ.—Значитъ, по вашимъ совѣтамъ, онъ понижаетъ свой жизненный уровень!—неожиданно прибавилъ онъ.

— Какъ понижаетъ?—съ недоумѣніемъ спросилъ Драбкинъ.

— Конечно, понижаетъ!—сказалъ Косевичъ.—Онъ живетъ въ глуши, безъ книгъ, съ людьми, которымъ нѣтъ дѣла до идей, а получаетъ жалованья вдвое меньше!

— Пускай!—сказалъ Драбкинъ немного упрямымъ тономъ.— Зато онъ ушелъ изъ безплоднаго города къ плодородному труду земли!

— Пустяки!—сказалъ Косевичъ непочтительно.—Что онъ производитъ изъ земли,—масло? А горожанинъ производитъ штаны? Мы масло съѣдимъ, а штаны сносимъ, и все одно къ одному. Но вы сами знаете, что современное направленіе цивилизаціи влечетъ людей изъ деревни въ городъ.

— Въ этомъ великое зло!—сказалъ Драбкинъ.—Рёскинъ говоритъ...

— Рёскинъ человѣкъ крупнаго роста,—перебилъ Косевичъ,— но знаете ли, онъ усѣлся посреди бѣгущаго потока и говоритъ: я плотина! Какой же въ этомъ толкъ? Сидѣть ему мокро, а вода бѣжитъ да бѣжитъ мимо.

— Вы все аллегоріями говорите!—возразилъ Драбкинъ.—Но дѣло вѣдь очень просто. Если бы не было земледѣлія, вѣдь всѣмъ намъ ѣсть было бы нечего...

— А вотъ химія сдѣлаетъ шагъ впередъ и будетъ у насъ искусственная ѣда!—возразилъ Косевичъ.

Онъ взялъ со стола большую румяную грушу и медленно принялся очищать ее отъ кожицы дессертнымъ ножомъ.

Драбкинъ, въ свою очередь, улыбнулся.

— Эти груши говорятъ другое!—сказалъ онъ неожиданно.— Придется вамъ подождать, пока химія сдѣлаетъ вамъ такія груши!

Въ публикѣ засмѣялись. Изъ фруктовъ, лежавшихъ на столѣ, все, что было получше, было прислано изъ сада академіи и составляло наглядное свидѣтельство практическихъ успѣховъ земледѣлія подъ руководствомъ Драбкина.

— Къ чему намъ спорить?—вдругъ обратился къ нему Бугаевскій черезъ столъ.—Вы прочли намъ одно письмо. Но было бы интересно узнать, что думаютъ объ этихъ вопросахъ другіе люди, помоложе?

Глаза всѣхъ присутствующихъ обратились къ окну, гдѣ примостились два человѣка, выдѣлявшихся свѣжестью лицъ, пошибомъ осанки и даже покроемъ одежды. Это были настолько молодые люди, что изъ скромности они не рѣшили искать себѣ мѣста за общимъ столомъ, и, усѣвшись въ сторонѣ, этимъ еще болѣе выдѣлили себя изъ общаго уровня.

Александръ Вихницкій сидѣлъ слѣва. Ему было около двадцати пяти лѣтъ. Онъ былъ высокъ ростомъ и сухощавъ, съ блѣднымъ лицомъ, слегка опушеннымъ кудрявой русой бородкой.

Онъ былъ сыномъ мелкаго торговца изъ Москвы и былъ привезенъ въ Америку десятилѣтнимъ мальчикомъ. Онъ учился въ хорошей американской школѣ, прошелъ университетъ и теперь былъ учителемъ языковъ въ ноксвильской академіи. Въ домѣ его родителей, однако, господствовалъ русскій духъ, и онъ довольно чисто говорилъ по-русски, хотя и съ англійскимъ акцентомъ, и не безъ случайныхъ ошибокъ.

Сосѣду его было немного больше двадцати лѣтъ. Онъ былъ ниже ростомъ, но его широкія плечи и на диво развитая грудь придавали ему видъ настоящаго атлета. По безцеремонной привычкѣ, которую американская деревня и даже городъ практикуютъ въ теплое время года, онъ былъ безъ пиджака, въ полосатой фуфайкѣ, плотно облегавшей его мускулистое тѣло. Когда онъ по-

ворачивался, каждое движеніе его говорило о ранней привычкѣ къ тѣлеснымъ упражненіямъ, придающимъ грацію, увѣренность и силу.

Руки его, лежавшія на колѣняхъ, были облечены несокрушимой кожей, покрыты ссадинами и неизгладимыми слѣдами черной пыли, которой не могло отмыть даже патентованное мыло «Мечта инженера».

Онъ окончилъ курсъ въ ноксвильской академіи, два года тому назадъ, но вмѣсто земледѣлія попалъ механикомъ на небольшой заводъ, снабжавшій силой и свѣтомъ ноксвильскія фабрики и устроенный тѣмъ же благотворительнымъ обществомъ. Теперь онъ пользовался большой популярностью среди ноксвильскаго молодого поколѣнія, какъ лучшій игрокъ въ «большіе городки» и одновременно наиболѣе искусный слесарь во всемъ околоткѣ.

Въ Америку онъ былъ привезенъ шестилѣтнимъ мальчикомъ и почти не говорилъ по-русски, но онъ любилъ посѣщать русскія собранія. Въ такихъ случаяхъ онъ обыкновенно садился въ уголъ и молча слушалъ русскія рѣчи своихъ старшихъ соплеменниковъ, самъ не зная хорошенько, понимаетъ ли онъ ихъ, или нѣтъ. По временамъ онъ впадалъ въ дремоту и ему казалось, будто что-то полузабытое поднимается въ его памяти, какъ тонкая туманная волна, и воскрешаетъ передъ нимъ тусклые, вѣющіе, наполовину исчезнувшіе образы. Его звали Аркадій Коссъ, въ англійской передѣлкѣ изъ русскаго Коссовскій.

— Что вы намъ скажете, Александръ?—ласково обратился Драбкинъ къ своему ученику. Онъ былъ расположенъ считать, что всѣ молодые люди, связанные съ ноксвильской академіей, находятся подъ его нравственной опекой. На Косса онъ сначала дулся немного за его «измѣну» излюбленному земледѣльческому дѣлу, но молодой механикъ былъ слишкомъ хорошимъ работникомъ, и практическій умъ директора земледѣльческой академіи не могъ не отдавать ему справедливости.

— О чемъ мнѣ сказать?—возразилъ Вихницкій нѣсколько застѣнчивымъ тономъ.

— О томъ, какъ вамъ нравится Америка?—вставилъ Бугаевскій, передразнивъ вопросъ, который вся Америка задаетъ каждому иностранному посѣтителю.

— Я бы хотѣлъ посмотрѣть Россію! — сказалъ Вихницкій просто.

— А вы помните что-нибудь?—спросилъ Косевичъ съ минутнымъ интересомъ.

— Нѣтъ, мало!—съ сожалѣніемъ сказалъ Вихницкій.—Помню маленькій городокъ. Мы съ юга. Еще море помню Черное...

— Вы помните, счастливые!—прибавилъ онъ съ завистью.

Глава VI.

Ѳеня помогла докторшѣ убрать кухню и, перейдя въ переднюю комнату, принялась мыть посуду. Пристроившись въ углу, она перетирала стаканы и безмолвно оглядывала собравшуюся публику. Временами она думала о своихъ собственныхъ дѣлахъ, временами прислушивалась къ разговорамъ, кипѣвшимъ вокругъ стола, какъ гулъ пчелъ въ густо населенномъ ульѣ.

Многое было для нея не совсѣмъ ясно. Но во всякомъ случаѣ она понимала, что большая часть этихъ русскихъ выходцевъ осуждаютъ новую отчизну, пріютившую ихъ и давшую имъ кусокъ хлѣба.

И Ѳеня, которая была поклонницей новой жизни, отнеслась съ рѣшительнымъ осужденіемъ къ придирчивой критикѣ господъ.

— Не нравится, видно,—думала она, иронически посматривая на разношерстное общество.—Работать привелось, мозоли на горбу натирать. Переучиваютъ здѣсь вашего брата!

Ѳеня понимала общественныя отношенія проще, чѣмъ собравшіеся за столомъ интеллигенты, но нельзя сказать, чтобы она была права даже относительно фактической стороны, ибо люди, собравшіеся вокругъ стола, давно перестали натирать мозоли на горбу, и жажда ихъ была не тѣлесная, а духовная.

Внимательнѣе всего Ѳеня прислушивалась къ разговорамъ дамъ, которыя сидѣли всѣ вмѣстѣ, поближе къ самовару, и вели между собою особый женскій разговоръ. Пріѣзжихъ дамъ было четыре и онѣ были настроены совсѣмъ иначе, чѣмъ мужчины.

Группировка сословій въ Америкѣ сильно отличается отъ европейской и люди интеллигентныхъ профессій, не смотря на свои относительно хорошіе заработки, принадлежатъ къ высшему слою рабочаго класса. Средній классъ въ Америкѣ начинается отъ весьма внушительной цифры дохода, которая доступна для разжившагося лавочника, но не для доктора или писателя изъ эмигрантовъ. Мужчины не обращали на это вниманія, тѣмъ болѣе, что матеріальная жизнь рабочаго класса въ Америкѣ все-таки обставлена большими удобствами, чѣмъ даже жизнь зажиточнаго чиновника въ Петербургѣ или Москвѣ, но дамы ни за что не могли съ этимъ помириться. Имъ приходилось вести домашнее хозяйство при условіяхъ совсѣмъ не похожихъ на весь прежній опытъ. Служанки и поденщицы не признавали за ними даже правъ на названіе барыни, ибо для этого требовался болѣе толстый кошелекъ. Онѣ жили среди непрерывной домашней войны и чувства ихъ были болѣе или менѣе враждебны къ тѣмъ мелкимъ людямъ, съ которыми онѣ ежедневно приходили въ столкновеніе.

А между тѣмъ соблазны окружающихъ богатствъ были слиш-

комъ ярки и манили ихъ сильнѣе и иначе, чѣмъ мужчинъ. На торговыхъ улицахъ магазины блистали богатствомъ женскихъ платьевъ и французскихъ шляпъ, золотыхъ и брилліантовыхъ украшеній, рѣзной мебели и шелковыхъ занавѣсей, но все это требовало слишкомъ большихъ денегъ и было недоступно скромному достатку безлошадныхъ докторовъ и страховыхъ агентовъ. Богатыя купчихи и новоиспеченныя банкирши еврейскаго квартала швыряли деньги по сторонамъ, выставляли напоказъ грубую, кричащую роскошь, и отъ всего этого великолѣпія на долю интеллигентной женщины доставалось только острое чувство зависти и тщетнаго желанія.

Казовая сторона американской культуры раздразнила ихъ и пробудила въ нихъ неудовлетворенную жажду роскоши. Нервы ихъ были такъ же напряжены, какъ у бѣдныхъ работницъ, и вмѣстѣ со своими служанками онѣ заразились всеобщимъ стремленіемъ выбиться вверхъ, выше прежняго положенія, которое столь харектерно для американской жизни. Но между тѣмъ какъ служанка стремилась скопить немного денегъ на черный день, завести собственное хозяйство, имѣть семью, идеалъ барыни заключалъ домъ особнякъ, собственныхъ лошадей, роскошные наряды, и поэтому онъ былъ грубѣе и не могъ осложниться и украситься идеальнымъ элементомъ, какъ въ душѣ болѣе бѣдныхъ рабочихъ слоевъ.

Докторша присѣла на минуту среди этой небольшой группы, и тотчасъ же встала, собрала со стола остальную посуду и отнесла ее къ Ѳенѣ.

— Если бы я была богаче,—сказала она, возвращаясь на мѣсто,—я никогда бы не мыла посуды. Била бы грязныя тарелки объ полъ или швыряла за окно и сейчасъ же покупала бы новыя!..

Перспектива сложить часть своего домашняго бремени на Ѳенины плечи и имѣть возможность посидѣть за столомъ со своими гостями, участвуя въ ихъ разговорахъ, настолько измѣнила ея обычное настроеніе, что она была способна даже шутить.

Со двора раздался пронзительный дѣтскій крикъ.

— Пуська кричитъ!—сказала докторша, снова вставая съ мѣста и направляясь къ двери, однако безъ особой стремительности.

Пуська была ея младшая дочь. Ей было только два съ половиной года, но проказы ея были совершенно неистощимы и внушали удивленіе даже болѣе старшимъ дѣтямъ докторскаго дома. Госпожа Косевичъ и Журавская тоже поднялись съ мѣста и послѣдовали за хозяйкой.

У самаго крыльца докторъ устроилъ небольшой цвѣтникъ и въ

защиту отъ домашняго скота огородилъ его низенькимъ, но плотнымъ частоколомъ. Пуська, повидимому, приняла эту ограду, какъ личную обиду. Она ежедневно дѣлала отчаянныя попытки перебраться через нее въ цвѣтникъ и разрыть запретныя грядки. Она срывала цвѣты и запихивала себѣ за пазуху, вытаскивала изъ рыхлой земли даже довольно длинные корешки и принималась грызть ихъ, не хуже бѣлки или полевой мыши.

На этотъ разъ Пуська уже успѣла перебраться черезъ завѣтнюй тынъ, но подолъ ея платья запутался въ верхушкѣ частокола, и она повисла надъ землей по ту сторону ограды, крича отъ злости и болтая руками и ногами.

Докторша сняла Пуську съ частокола и хотѣла унести ее въ комнату, но дѣвочка принялась такъ громко кричать, что устрашенная мать поневолѣ спустила ее на землю. Продолжая захлебываться отъ судорожныхъ рыданій, Пуська немедленно подбѣжала къ частоколу и опять принялась карабкаться вверхъ.

— Давидъ!—громко позвала докторша, прибѣгая къ послѣднему средству. Давидъ былъ второй сынъ Павла Харбина. Онъ былъ старше Пуськи на годъ и они были очень дружны. Мальчикъ тотчасъ же прибѣжалъ изъ глубины двора и торопливо ковыляя ножками, подбѣжалъ къ Пуськѣ и недолго думая поймалъ ее за ногу. Пуська опять подняла крикъ, но мальчикъ кричалъ еще громче и не пускалъ ее лѣзть дальше. Изгородь была не выше двухъ аршинъ, но докторъ увѣрилъ Давида, что Пуська рискуетъ разбить себѣ голову во время своихъ акробатическихъ упражненій, и съ тѣхъ поръ мальчикъ сдѣлался наиболѣе бдительнымъ стражемъ завѣтной ограды.

Въ концѣ концовъ дѣвочка уступила, но благополучно спустившись на землю, изо всѣхъ силъ толкнула Давида въ грудь и съ сердитымъ лицомъ взобралась на крылечко и вошла въ комнату.

— Гдѣ Пусечка?..—привѣтствовалъ ее Косевичъ, который былъ бездѣтенъ и поэтому очень любилъ маленькихъ дѣтей.

Лицо Пуськи прояснилось. Она по опыту знала, что въ карманѣ у профессора всегда есть шоколадныя конфекты.

— Вотъ Пуся!—сказала она, останавливаясь передъ Косевичемъ и поднимая вверхъ указательный палецъ.

— Гдѣ Пуся?..—продолжалъ взывать Косевичъ, озабоченно переводя глазами по комнатѣ и дѣлая видъ, что не замѣчаетъ дѣвочки.

Лицо Пуси приняло мистифицированное выраженіе. Она повернула руку и приложила указательный палецъ къ своему лбу.

— *Говоля*!—сказала она убѣдительнымъ тономъ. Она хотѣла сказать: голова и желала обратить вниманіе профессора на самую важную часть своей фигуры.

— Не знаете ли вы, гдѣ Пуся?—взывалъ Косевичъ.—Я ей дамъ конфетку!

Онъ вынулъ изъ кармана узенькую плитку шоколада и поднялъ ее въ воздухѣ.

Пуся немедленно протянула обѣ руки впередъ и сдѣлала стремительное нападеніе на шоколадъ.

— Вотъ Пуся!—сказала она снова, успѣшно овладѣвъ конфеткой и запихивая ее себѣ въ ротъ.—Гамка Пуся!..

Продолженіе этой фразы потерялось въ усиленной работѣ надъ шоколадомъ.

— Какъ хотите,—сказала госпожа Косевичъ, снова усаживаясь возлѣ докторши и продолжая начатый разговоръ,—нельзя ставить на равное мѣсто интеллигентнаго человѣка и простого!

— Конечно! — ядовито подхватилъ Бугаевскій съ другого конца стола.—Всякъ сверчокъ знай свой шестокъ!

Онъ былъ старый холостякъ и крѣпко не долюбливалъ русско-американскихъ дамъ. Онъ утверждалъ, что онѣ являются въ Америкѣ самыми ревностными хранительницами рабовладѣльческихъ инстинктовъ.

— Мы съ вами не говоримъ!—огрызнулась госпожа Косевичъ.

— Нѣтъ, скажите пожалуйста!—продолжала она уже раздраженнымъ тономъ—Почему она лѣзетъ ко мнѣ въ подруги? Я совсѣмъ иначе устроена. У меня другія потребности, другія мысли. Ей совсѣмъ не къ чему сидѣть со мною за однимъ столомъ!

Она это была вѣчный врагъ американскихъ бѣдныхъ барынь, строптивая и требовательная служанка.

— Богъ съ ней!—сказала докторша примирительнымъ тономъ.—Пусть бы она лѣзла, только бы дѣло дѣлала.

— Ахъ, она негодная!—насмѣшливо подхватилъ Бугаевскій, пародируя Фонвизина.—Лѣзетъ за столъ, словно благородная!

Госпожа Косевичъ окончательно разозлилась.

— Милая мужская грубость!—сказала она, нервно сжимая свои красиво очерченныя грубы.—Вы, небось, не хотите ни стряпать, ни половъ мыть!—сердито продолжала она, обращаясь, однако, не къ Бугаевскому, а къ своему мужу.—Вы сидите себѣ надъ вашими книгами, вамъ нуженъ умственный трудъ. А женщина подай, женщина прими!.. Женщина домашняя рабыня...

— Мужчины зарабатываютъ средства къ жизни,—опять вмѣшался Бугаевскій.

Косевичъ ничего не сказалъ. Онъ только посмотрѣлъ на жену съ чуть замѣтной улыбкой, и лицо его внезапно смягчилось.

Они были женаты уже двадцать лѣтъ, и въ его глазахъ эта нервная вся высохшая женщина была той же молодой красавицей, которую онъ нѣкогда покорилъ своимъ блестящимъ красно-

рѣчіемъ и черными кудрями своей огромной головы. Онъ до сихъ поръ безъ памяти любилъ свою жену и просиживалъ вечера надъ сверхъурочной работой, чтобы она имѣла лишнюю сотню долларовъ на свои личныя траты. Косевичъ зарабатывалъ много, но они тратили деньги не считая, и иногда съ трудомъ сводили концы съ концами.

— Почему я должна портить свои руки стиркой?—спрашивала госпожа Косевичъ патетическимъ голосомъ, продолжая обращаться къ своему мужу и протягивая впередъ маленькія красивыя руки, на которыхъ не было видно никакихъ слѣдовъ стирки.— Я тоже человѣкъ, у меня есть голова. Быть можетъ, я тоже способна на умственный трудъ.

— Стоитъ только попробовать!—вставилъ Бугаевскій ехидно.

Всѣмъ было извѣстно, что госпожа Косевичъ не любитъ чрезвычайныхъ усилій, и предпочитаетъ проводить свою жизнь въ сторонѣ отъ всякой работы.

Ѳеня внимательно смотрѣла на это худое и еще красивое лицо съ тонкимъ профилемъ и сердитымъ огнемъ въ глазахъ

«Небось, и ты не лучше своей прислуги!—мысленно замѣтила она.—Злись, не злись, а здѣсь, что барыня, что мужичка, одна честь всѣмъ».

— Зачѣмъ женщинѣ мыть посуду?—сказала, въ свою очередь, госпожа Журавская.—Женщина можетъ быть профессіональна, не хуже мужчинъ!

Журавская нѣкогда была подающей надежды пѣвицей. Съ тѣхъ поръ прошло лѣтъ пятнадцать, и голосъ ея исчезъ вмѣстѣ съ молодостью, но до сихъ поръ она зарабатывала себѣ карманныя деньги своими вокальными средствами, главнымъ образомъ, отъ компаніи фонографовъ, для которой она выпѣвала въ огромную трубу записывающей машины различныя русскія и малорусскія пѣсни. Фонографъ очень распространенъ въ Америкѣ, и восковые цилиндры съ записями ея напѣвовъ достигали Орегона и Новой Мексики, вмѣстѣ съ разбросанными партіями русско-еврейскихъ переселенцевъ.

Госпожа Журавская, однако, все еще не хотѣла помириться съ своей скромной долей. Она до сихъ поръ мечтала о томъ, чтобы попасть на оперную сцену и въ ожиданіи будущихъ благъ основала женскій музыкальный союзъ въ нижнемъ Нью-Іоркѣ. Русско-еврейское населеніе Дантана весьма музыкально и въ послѣдніе годы поставляетъ солистовъ пѣнія и игры на всю Америку. Знаніе музыки, кромѣ того, считается первымъ признакомъ порядочности, отличающимъ культурную женщину отъ некультурной. Дамы, составлявшія общество вмѣстѣ съ госпожой Журавской, почти всѣ представляли перезрѣлыхъ претендентокъ на

музыкальную карьеру. Немудрено, что онѣ правильно пополняли свои взносы и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣми силами старались увеличивать доходы и значенiе общества. Въ послѣднiй годъ въ обществѣ стали даже поговаривать о необходимости завести собственную сцену, чтобы дать возможность всѣмъ домашнимъ талантамъ выказать передъ мiромъ свой природный блескъ.

Докторша Каменская слегка улыбнулась, но не сказала ни слова. Она была женой врача, но имѣла собственный докторскiй дипломъ и познакомилась со своимъ мужемъ на выпускномъ курсѣ медицинскаго факультета. Это было тоже около пятнадцати лѣтъ тому назадъ. Потомъ они женились, открыли прiемный кабинетъ на одномъ изъ модныхъ перекрестковъ Дантана и мало-по-малу прiобрѣли хорошую практику. Докторъ былъ специалистъ по мужскимъ болѣзнямъ, а докторша по женскимъ, и пацiенты разыгрывались, какъ по нотамъ. Постепенно, однако, семья Каменскихъ стала увеличиваться. Съ третьимъ ребенкомъ докторша отошла на заднiй планъ. Докторъ захотѣлъ получше обезпечить свою семью и сталъ работать за двоихъ. Мало-по-малу онъ увлекся и поставилъ себѣ цѣлью во что бы то ни стало перейти въ разрядъ докторовъ съ лошадью. Съ утра до вечера онъ бѣгалъ на практику, урывалъ часы у сна, въ осеннiе мѣсяцы, особенно бойкiе для докторскаго ремесла, завелъ даже привычку спать въ креслѣ, не снимая одежды, чтобы быть готовымъ летѣть къ пацiентамъ по первому звонку телефона. Черезъ пять лѣтъ каторжной работы докторъ завелъ-таки лошадь и негра лакея и сталъ разъѣзжать по пацiентамъ въ собственномъ экипажѣ, но воспользоваться своимъ благосостоянiемъ ему не пришлось. Переутомленная природа внезапно заявила свои права, дѣло окончилось нервнымъ ударомъ, и дѣятельный охотникъ за пацiентами почти внезапно превратился въ инвалида, который требовалъ постояннаго ухода за собой, какъ маленькiй ребенокъ.

Каменская осталась съ тремя малолѣтними дѣтьми на рукахъ. Въ околоткѣ жалѣли переработавшаго доктора. Пацiенты, быть можетъ, въ знакъ сочувствiя продолжали посѣщать прiемный кабинетъ и звонить въ телефонъ по ночамъ. Волей-неволей госпожѣ Каменской пришлось положить себѣ на плечи свой домашнiй крестъ и попробовать идти впередъ по своей жизненной дорогѣ. Она справилась съ этой задачей скоро и легко. Американская выучка не пропала даромъ. Она помѣстила мужа въ дорогой больницѣ, старшую дѣвочку отправила въ Канаду къ двоюродной сестрѣ, мальчика отдала въ образцовую школу-пансiонъ и при себѣ оставила только младшую дѣвочку. Теперь она съ утра до вечера посѣщала пацiентовъ, даже сохранила негра и лошадь. Осеннiя ночи, по примѣру мужа, она проводила въ креслѣ,

въ вѣчномъ ожиданіи телефоннаго звонка. Здоровье госпожи Каменской, однако, было крѣпче, чѣмъ у ея бѣднаго супруга. Лицо ея до сихъ поръ сохранило румянецъ, и выраженіе его было такъ спокойно, что по внѣшнему виду никто не могъ бы заключить, что пять лѣтъ тому назадъ эта уравновѣшенная, хорошо сохранившаяся женщина ломала руки передъ постелью больного мужа, не зная, чѣмъ заплатить накопившіеся счеты.

Госпожа Журавская перехватила улыбку докторши и впала въ минорное настроеніе.

— Трудно бороться съ равнодушіемъ толпы,—сказала она,— особенно женщинѣ и артисткѣ!.. Америка невѣжественна, ей нѣтъ дѣла до искусства!..

— Америка—хорошая страна!..—неожиданно сказала четвертая гостья, которая сидѣла нѣсколько поодаль и сосредоточенно пила блѣдный чай съ блюдечка. Она была непохожа на другихъ. Это была маленькая полуувядшая женщина, со впалыми щеками и большими безцвѣтно-сѣрыми глазами. Неуловимыя подробности ея наряда, манеры, прическа, даже покрой воротничка, изобличали въ ней старую дѣву. Она пріѣхала въ Америку около четверти вѣка тому назадъ и уже больше десяти лѣтъ вела въ нижнемъ Нью-Іоркѣ двѣ школы, дневную для дѣвочекъ и вечернюю для взрослыхъ женщинъ. Мало-по-малу она такъ втянулась въ свое занятіе, что совсѣмъ перестала думать о личной жизни. Она, кажется, и замужъ не вышла потому, что ей некогда было подумать объ этомъ. Она была постоянно въ хлопотахъ, читала безплатныя лекціи, устраивала елки и дѣтскіе праздники, изобрѣтала различныя средства, стараясь настолько заинтересовать своихъ взрослыхъ ученицъ, чтобы онѣ не ушли изъ вечерней школы до конца года. Въ общемъ, она была одной изъ тѣхъ незамѣтныхъ труженицъ Америки, которыя совокупными усиліями совершаютъ огромное культурное дѣло, превращая разношерстную толпу неграмотныхъ и полудикихъ переселенцевъ въ проворныхъ американскихъ гражданъ, искусныхъ на всякую выдумку.

— Прекрасная страна,—повторила учительница,—особенно для бѣдныхъ молодыхъ дѣвушекъ. Онѣ расцвѣтаютъ на глазахъ, какъ человѣческіе цвѣты...

— Американскіе дешевые цвѣты!..—сказала госпожа Косевичъ съ интонаціей, заимствованной у мужа, и брезгливой гримасой.

На поблекшихъ щекахъ учительницы проступилъ легкій румянецъ.

— Мы всѣ не дорогія!—сказала она не безъ ѣдкости въ голосѣ. Она была сдержаннаго нрава, но не могла выносить спокойно, если нападали на ея любимое дѣло.—Знаете ли вы,

сколько вечернихъ школъ въ Нью-Іоркѣ? Всѣ биткомъ набиты. Городъ даетъ учителей, книги, бумагу, перья, фортепіано для музыки, даже награды для усердныхъ ученицъ... Гдѣ въ Европѣ вы найдете что-нибудь подобное?..

— А мы вѣдь тоже люди!—сказала госпожа Косевичъ.—Чѣмъ мы виноваты, что наши запросы выше?

— У нихъ ничего не было тамъ,—настаивала учительница,— онѣ благодарны за каждую ласку. Онѣ рвутся сюда, какъ въ обѣтованную страну...

На улицѣ послышался однообразный шумъ легкихъ колесъ, тотчасъ же остановившійся подъ окномъ. Слышно было, какъ кто-то возится съ велосипедомъ, стараясь поднять его на ступеньки крыльца. Черезъ минуту дверь широко открылась отъ внезапнаго толчка и въ комнату вошелъ маленькій мальчикъ, катя передъ собой старый велосипедъ съ облинявшими колесами и потертой ручкой. Мальчикъ былъ очень малъ, а велосипедъ несоразмѣрно высокъ. Можно было только удивляться, какимъ образомъ этотъ круглый карапузъ умудряется взбираться на своего желѣзнаго Россинанта.

— Ты зачѣмъ забрался въ комнату съ колесомъ, разбойникъ?— спросилъ Спутниковъ, грозя пальцемъ новому гостю.

— А можетъ, украдутъ!—съ важностью сказалъ мальчикъ.— Велосипедъ не мой!

Въ Америкѣ велосипеды необычайно дешевы, подержанный велосипедъ можно купить за пять долларовъ. Поэтому даже деревенскіе мальчишки знакомы съ желѣзнымъ колесомъ почти такъ же хорошо, какъ съ коньками. Еврейскіе ребятишки Ноксвиля не составляли исключенія: всѣ мальчишки постарше имѣли «байкъ» и въ праздничные дни даже устраивали гонки съ призами, какъ въ настоящихъ городахъ.

— Вотъ онѣ идутъ!—сказалъ мальчикъ, раскрывая двери еще шире.

Двѣ молодыя дѣвушки поднялись на крыльцо и вошли въ комнату. Онѣ были бѣдно одѣты и платье на нихъ было европейскаго, или даже русскаго покроя. Вся наружность ихъ обличала недавно пріѣхавшихъ эмигрантокъ. Въ складкахъ ихъ одежды какъ будто еще сохранился острый и свѣжій запахъ соленаго моря.

Онѣ составляли живую иллюстрацію къ словамъ старой учительницы о молодыхъ дѣвушкахъ изъ Европы.

Обѣ были приблизительно одинаковыхъ лѣтъ и очень красивы. Одна была повыше, съ румянцемъ во всю щеку и полными плечами, которыя рельефно выступали изъ-подъ легкой ситцевой кофточки.

Пышная бѣлокурая коса съ вплетеннымъ въ нее обрывкомъ

голубой ленточки висѣла до пояса, большіе голубые глаза смотрѣли весело и простодушно. Руки у нея были большія и загорѣлыя, но грубая кожа ея ладоней какъ-то удивительно шла къ ея здоровой, полной жизни фигурѣ. Она казалась созданной для спокойнаго и добраго труда, и каждое ея движеніе было исполнено красивой и сильной граціи, которая создается десятками преемственныхъ поколѣній, преданныхъ полевымъ работамъ, на открытомъ воздухѣ, въ мирной деревенской обстановкѣ.

Другая дѣвушка была тоньше и стройнѣе. Ея коса была заплетена въ двѣ пряди и обвита вокругъ головы, какъ черный атласный вѣнецъ. Лицо ея имѣло особую матовую бѣлизну, какая бываетъ только у брюнетокъ. Щеки ея были блѣдны, но по временамъ, безъ всякой видимой причины, на нихъ загорался легкій розовый румянецъ, похожій на зарево отдаленнаго пожара и не говорившій о крѣпости здоровья. Когда она дышала, тонкія ноздри ея правильно очерченнаго носа слегка вздрагивали. Ея большіе каріе глаза были близоруки и постоянно щурились, какъ будто съ вѣчнымъ усиліемъ разсмотрѣть ускользающія подробности обстановки.

Обѣ онѣ держали въ рукахъ небольшія сумки съ самыми необходимыми дорожными вещами, которыхъ онѣ не рѣшились оставить вмѣстѣ съ другимъ багажомъ.

При видѣ такого множества незнакомыхъ людей дѣвушки остановились на порогѣ и стали смущенно оглядываться по сторонамъ. Все общество съ любопытствомъ смотрѣло на нихъ. Оба молодые человѣка даже вскочили съ мѣста и безсознательно стали обдергивать свое платье, какъ солдаты передъ смотромъ. Механикъ, впрочемъ, тотчасъ же опомнился и съ легкой улыбкой усѣлся обратно. Его короткая фуфайка была, кромѣ того, слишкомъ примитивна, чтобы поддаваться какому бы то ни было прихорашиванію, но Вихницкій остался стоять на ногахъ и глаза его не отрывались отъ бѣлокурой дѣвушки.

Ѳеня вдругъ всплеснула руками и чуть не разроняла посуды.

— Катюшка, сестричка!—вскрикнула она истерическимъ голосомъ, который совсѣмъ не шелъ къ ея короткой круглой фигурѣ.

Она обѣжала длинный столъ и хотѣла броситься сестрѣ на шею, но тотчасъ же отскочила назадъ и принялась наскоро вытирать свои мокрыя, засученныя по локоть руки передникомъ.

Гости тоже вскочили съ мѣстъ. Возбужденіе этой спокойной и сосредоточенной въ себѣ женщины неожиданно заразило ихъ, и они обступили новопріѣзжихъ широкимъ кругомъ.

— Откуда вы? прямо изъ Россіи? — спрашивали со всѣхъ сторонъ.—Какія новости?

Нѣкоторые задавали такіе вопросы, которые навѣрно не могли быть понятны этимъ простымъ, бѣдно одѣтымъ дѣвушкамъ.

Но Ѳеня не дала времени публикѣ продолжать разспросы, она схватила дѣвушку за плечи и оттащила ее въ свой уголъ.

— Говори, мамка здорова, братъ?—лихорадочно спрашивала она.—Пошто долго ѣхала? Какъ ты выросла, Катюшка!.. Охъ ты, Тверская губернія,—громко сказала она, отстраняя сестру отъ себя и всматриваясь въ ея лицо жаднымъ и внимательнымъ взглядомъ.

Она положила сестрѣ голову на плечо и вдругъ заплакала, громко, по-деревенски, на всю комнату. Эта бѣлокурая дѣвушка, которую она оставила подросткомъ и которая неожиданно успѣла развиться такъ пышно и красиво, дѣйствительно олицетворяла для нея родину, отъ которой она успѣла отвыкнуть и которую мало по малу стала забывать.

Дѣвушка положила на голову сестры свою большую красивую руку и слегка погладила ее по волосамъ.

— А земля есть?—спросила она низкимъ и пѣвучимъ голосомъ.

Мысли ея вращались вокругъ той же самой духовной оси, что и у ея сестры, и она сразу выставила впередъ главный стимулъ, который передвинулъ ихъ изъ Тверской губерніи въ штатъ Нью-Джерси.

Ѳеня тотчасъ же осушила свои слезы.

— Погоди спрашивать!—сказала она, улыбаясь.—Вотъ посмотри лучше, какой сынъ у меня!

Она вынула Тимошу изъ маленькой ручной телѣжки, которая собственно принадлежала Пуськѣ, но теперь была отдана въ его временное пользованіе, и протянула его сестрѣ. Дѣвушка взяла племянника на руки. Тимошка потянулся руками къ ея лицу, потомъ схватился за прядь мелкихъ красныхъ бусъ, обвивавшихъ ея шею, но тотчасъ же выпустилъ ее и радостно закудахталъ. Ему, очевидно, понравилась новая тетя.

— Мужъ на работу ушелъ,—говорила Ѳеня.—До вечера не придетъ. Въ лѣсу онъ робитъ, да и самъ въ родѣ лѣшаго...

Она представила себѣ огромную фигуру своего мужа и засмѣялась довольнымъ смѣхомъ. По невольной ассоціаціи идей она снова обвела взглядомъ молодую дѣвушку.

— Ишь ты какая, Господь съ тобой!—невольно сказала она.—Выровнялась, какъ молодая ясень!

Бóльшая часть гостей незамѣтно перешла на ту же сторону комнаты, поближе къ сестрамъ, нисколько не думая о томъ, что разговоры ихъ не назначаются для постороннихъ слушателей.

Вихницкій остался стоять на мѣстѣ но продолжалъ пристально глядѣть на молодую дѣвушку. Эта красавица, которая вышла изъ самыхъ нѣдръ русской деревни, казалась ему въ

десять разъ больше, чѣмъ Ѳенѣ, живымъ олицетвореніемъ далекой и полузабытой родины. Это была Россія, рабочая и сельская, не та захудалая сѣрая страна, которая страдаетъ отъ ежегодныхъ голодовокъ, но другая, молодая, бодрая и прекрасная, которая стелется между шести морей, какъ океанъ спѣлой ржи, великая, сильная и свѣжая народность, которая вся въ будущемъ, и которая растетъ и тянется къ свѣту безчисленными фибрами своихъ безчисленныхъ побѣговъ,—та страна, въ которую вѣритъ каждое хорошее русское сердце и для которой живетъ и умираетъ чреда русскихъ поколѣній.

Дѣвушка съ черными волосами безпомощно осталась стоять у двери. Красныя пятна вспыхнули на ея щекахъ и тотчасъ же снова погасли. Публика такъ заинтересовалась Катюшей, что на ея подругу никто не обратилъ вниманія. Учительница тоже была въ группѣ, окружавшей двухъ сестеръ, но черезъ минуту она вернулась назадъ, взяла другую дѣвушку за руку и подвела ее къ столу.

— Вы, должно быть, устали,—сказала она заботливымъ тономъ.—Выпейте чаю!

— Я привыкла!—сказала дѣвушка, улыбаясь блѣдными губами, однако присѣла на стулъ и положила сумку себѣ на колѣни.

— Мы прямо съ парохода!—сказала она въ поясненіе.—По желѣзной дорогѣ ѣхали всю ночь... Катеринѣ Ивановнѣ ничего, а я жидкая!..

— Какая вы блѣдная!—съ участіемъ сказала учительница.— Укачало васъ, я думаю, на пароходѣ!

— Да укачало!—призналась дѣвушка. Она немного покачивалась на стулѣ, какъ будто продолжая балансировать на зыбкой палубѣ.

Учительница положила два куска сахару въ стаканъ съ чаемъ и пододвинула дѣвушкѣ.

— А откуда вы родомъ?—спросила она заинтересованнымъ голосомъ.

— Изъ Бытоміра,—сказала дѣвушка.—Нечѣмъ жить въ Бытомірѣ!—тотчасъ же прибавила она. Очевидно, эта истина была до такой степени прочно запечатлѣна въ ея умѣ, что при первомъ воспоминаніи о Бытомірѣ тотчасъ же вырвалась наружу.

— Я изъ Козелецъ-Повольска,—сказала учительница.—Должно быть, это одинаково! Городишко глухой, людей мало, а жить тѣсно.

Съ точки зрѣнія четырехмилліоннаго Нью-Іорка, Бытоміръ и Козелецъ-Повольскъ, конечно, являлись глухими городишками.

— Я все пробовала,—сказала дѣвушка,—шила и грамотѣ учила, даже на фабрику ходила. Не хватаетъ на ѣду.

Она отпила изъ стакана, но тотчасъ же поставила его на прежнее мѣсто, закашлялась и схватилась правою рукою за грудь.

— Охъ, какъ вы простудились на пароходѣ!—сказала учительница.

— У меня слабая грудь—сказала дѣвушка,—я къ доктору ходила. Докторъ говоритъ: «вамъ надо ѣхать въ деревню», а я думаю: въ деревню ѣхать нельзя, поѣду я лучше въ Америку!

— Бѣдняжка!—сказала учительница.—А кто вамъ билетъ послалъ?—заинтересовалась она.

— У меня тутъ братъ есть,—сказала дѣвушка.—Двоюродный братъ. Розовыя пятна снова проступили на ея щекахъ и тотчасъ же пропали.—Онъ прислалъ шифъ-карту!

— А гдѣ же вашъ братъ?..—спросила учительница съ легкимъ недоумѣніемъ.

Было естественно предполагать, что двоюродный братъ, истратившій сто рублей на билетъ для дѣвушки, позаботится, чтобы встрѣтить ее по пріѣздѣ въ Америку.

Розовыя пятна мелькнули опять.

— Онъ далеко,—сказала дѣвушка.—Въ Санъ-Франциско!

— Значитъ, поѣдете въ Санъ-Франциско?..—сказала учительница.

Дѣвушка покачала головой.

— Это, говорятъ, очень далеко. Я лучше останусь здѣсь.

— А какъ вашъ братъ?.. спросила учительница. Она привыкла разговаривать со своими кліентками самымъ простымъ тономъ о вещахъ въ десять разъ болѣе рискованныхъ.

— Захочетъ, такъ самъ пріѣдетъ...—сказала дѣвушка съ оттѣнкомъ лукавства.—Да у меня и денегъ не хватитъ на билетъ!.. Были, да я истратила!..—коротко прибавила она.

— Вамъ бы замужъ выйти!—настаивала учительница.

Опытъ сдѣлалъ ея умъ настолько широкимъ, что, несмотря на свое дѣвичество, она считала бракъ наиболѣе завиднымъ исходомъ для всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ.

— Кто бы меня взялъ въ Бытомірѣ?..—возразила дѣвушка просто.—Я безприданница. Даже родныхъ у меня нѣтъ настоящихъ.

— А въ Америкѣ?..—подсказала учительница.

— А въ Америкѣ я буду работать!—храбро сказала дѣвушка.—Я сюда пріѣхала, чтобы добывать себѣ кусокъ хлѣба... Здѣсь, въ Америкѣ, говорятъ, много работы.

— Да?—сказала учительница нѣсколько сомнительнымъ тономъ.—А какъ вы сюда попали, въ Ноксвиль?

— А это Катерина Ивановна!—сказала дѣвушка.—Мы на па-

роходѣ вмѣстѣ ѣхали. Она говоритъ: «я ѣду въ сторону, въ деревню. Русская деревня есть въ Америкѣ, мнѣ, говоритъ, сестра билетъ прислала», и билетъ показала, а на билетѣ написано Ноксвиль. А я про Ноксвиль еще въ Бытомірѣ слышала. Вотъ, думаю, это какъ разъ для меня. И Америка и русская деревня. Поѣду-ка я въ Ноксвиль, авось я тоже не пропаду!

— Что же вы будете здѣсь дѣлать?—сказала учительница.

— Что-нибудь буду дѣлать,—сказала дѣвушка,—бѣлье стирать, шить.—А то мальчикъ сказалъ, что здѣсь фабрика есть, на фабрику пойду наниматься!

Въ ней уже сказалась странная непослѣдовательность городского человѣка, который даже уходя изъ города въ деревню, на лоно природы, уноситъ съ собой свои привычки, вкусы и занятія.

— На что вамъ на фабрику?—сказала учительница.

— А что же мнѣ дѣлать?—возразила дѣвушка.—Деревенской работѣ сразу не научишься. Развѣ бѣлье мыть пойду?

— Здѣсь есть добрые люди, они вамъ помогутъ!—сказала учительница.

— Спасибо, барыня!—сказала дѣвушка. Въ голосѣ ея прозвучала совершенно неожиданная твердость.—Я хочу работать. У насъ говорятъ: свой хлѣбъ хоть въ золѣ уваляй,—все слаще!

— Видишь, вы какая! сказала учительница.

Она привыкла встрѣчать этотъ приподнятый тонъ у молоденькихъ эмигрантокъ, которыя являлись въ Америку изъ Стараго Свѣта съ такимъ чувствомъ, какъ ученица закрытой школы, вступающая въ свѣтъ.

— Мнѣ нужно завтра ѣхать въ Нью-Іоркъ,—сказала учительница,—но я вамъ дамъ свой адресъ. Если вамъ не повезетъ здѣсь или будетъ нужно что-нибудь — вы прямо напишите мнѣ!

— Спасибо, барыня!—повторила дѣвушка.

— Какая я барыня!—сказала учительница съ легкой досадой.—Я—Марья Абрамовна, да и вы тоже не служанка!

Дѣвушка весело улыбнулась.

— Я тоже Абрамовна,—сказала она,—Вѣра Абрамовна, по фамиліи Баскина.—Она хотѣла еще что-то сказать, но движеніе на другомъ концѣ комнаты отвлекло ее.

Ребенокъ изъ рукъ Катюши перешелъ къ матери, и мѣсто у водопровода, гдѣ лежала груда недомытой посуды, освободилось. Не долго думая, Катюша отложила въ сторону сумку, и слегка подсучивъ рукава, принялась перемывать посуду съ такимъ спокойствіемъ, какъ будто она выросла въ этомъ домѣ съ дѣтства. Со стороны казалось, какъ будто она не работаетъ, а играетъ въ уборку. Мужчины и даже дамы пробовали протестовать, но

дѣвушка такъ ловко справлялась со своимъ дѣломъ, что черезъ десять минутъ вся задняя часть комнаты была въ полномъ порядкѣ.

— Мы пойдемъ домой, барыня!—сказала Ѳеня, глядя счастливыми глазами на сестру.—Если надо, я приду поработать, только сестру домой отведу!

— Что меня отводить, я не маленькая,—засмѣялась дѣвушка.

— Если надо, то и я приду вмѣстѣ!—прибавила она ласковымъ голосомъ, слегка поддразнивая сестру.

— Приходите, милая,—сказала докторша,—не поработать, а въ гости!

Ей уже казалось, что она никогда въ жизни не встрѣчала такой ласковой и милой дѣвушки. Это было общее чувство, и Катюша завоевала его въ первую же минуту своимъ спокойнымъ проворствомъ, своимъ яснымъ и веселымъ взглядомъ и всей своей здоровой, стройной и полной жизни фигурой.

Глава VII.

На другой день къ вечеру большая часть ноксвильскихъ гостей подъѣзжала къ дымному Гобокену, который составляетъ преддверіе Нью-Іорка съ зарѣчной стороны. Американская дѣловая горячка не позволяла своимъ служителямъ отлучаться дольше, чѣмъ на день. Рулевой тоже уѣхалъ вмѣстѣ съ другими. Онъ зналъ по-англійски только нѣсколько необходимыхъ словъ и еще не имѣлъ опредѣленныхъ занятій, но нѣсколько дней тому назадъ онъ досталъ работу въ одной предпринимательской конторѣ, которая принимала на себя распространять объявленія американскихъ фабрикантовъ въ Россіи и нуждалась въ переводѣ своихъ рекламъ на русскій языкъ. У компаніи были собственные переводчики, но Рулевой долженъ былъ подчищать ихъ устарѣлый русскій языкъ, который отъ времени вылинялъ и насквозь пропахъ словаремъ Рейфа съ кучей небывалыхъ словъ, выдуманныхъ въ Лейпцигѣ или Дармштадтѣ, въ родѣ *развергать*, *трусея*, *сообрядный*

Переводъ былъ спѣшный, и пропустить день или два значило потерять всю работу.

Но въ Филадельфіи, при переѣздѣ съ вокзала на вокзалъ по шумной Рыночной улицѣ, онъ какъ-то отбился отъ общей компаніи и остался одинъ. Попавъ снова въ вагонъ, онъ сиротливо пріютился въ уголкѣ за дверью и, машинально прислушиваясь къ грохоту быстро летѣвшаго поѣзда, вспоминалъ разныя подробности двухъ дней, проведенныхъ въ Ноксвилѣ. Они не могли

видѣть многаго за однѣ сутки, но видѣннаго было достаточно чтобы убѣдиться, что даже подъ указкой благотворительнаго комитета русско-еврейскіе переселенцы ведутъ болѣе счастливую и достойную человѣка жизнь, чѣмъ на старой родинѣ.

И на заднемъ планѣ картины вставала, какъ шумный лѣсъ широкая, стремительная, буйная американская жизнь. Рулевому стало холодно. Онъ вспомнилъ свою сѣрую, гонимую, полуголодную жизнь, полную незаслуженныхъ и несмытыхъ обидъ, неумолимый фатумъ, который перекидывалъ и его, какъ щенку, изъ Кишинева въ Вологду, изъ Вологды въ Кишиневъ и, наконецъ, вышвырнулъ его за границу, какъ ненужную ветошь. Душа его сжалась отъ тоски.

«Господи, если бы переродиться мнѣ!— подумалъ онъ.—Истребить въ себѣ старыя привычки, воспоминанія и языкъ и возродиться въ этой широкой и тучной странѣ дерзкимъ и зубастымъ американцемъ, который работаетъ и веселится во всю, сколько хватитъ азарта и силы!..»

Поѣздъ летѣлъ съ сумасшедшей быстротой, въ окнахъ мелькали безчисленные фабричные городки и города, расположенные вдоль этой шумной желѣзнодорожной артеріи: Трентонъ, Нью-Брунсвикъ, Патерсонъ, Елисабетъ, Нью-Аркъ. Потомъ загорѣлись яркіе огни рѣчной пристани въ Джерси-Сити. Поѣздъ въѣхалъ подъ стеклянную крышу огромнаго вокзала и остановился у каменной платформы. Это была большая центральная станція. Два десятка другихъ поѣздовъ одновременно приходили и уходили по разнымъ направленіямъ. Толпа дѣлилась на нѣсколько большихъ потоковъ, которые катились на набережную, къ огромнымъ паровымъ паромамъ, перевозившимъ пассажировъ въ Нью-Іоркъ на другой берегъ рѣки Гудсона. Рулевой перешелъ къ перевозу на двадцать третью улицу среди безпорядочно толкавшейся толпы и сталъ дожидаться очереднаго парома. Передъ его глазами открылось чудное, несравнимое ни съ чѣмъ зрѣлище.

Гудсонъ разстилался прямо у его ногъ широкой, черной полосой, которая расширялась въ ночной темнотѣ, какъ большое озеро и слегка рябила у берега, отражая безконечную линію электрическихъ фонарей. Среди этой черной полосы каждую минуту проходили влѣво и вправо огромные пароходы, похожіе на многоэтажные дома и залитые сверху до низу свѣтомъ. Они были наполнены безчисленной человѣческой толпой, которая возвращалась съ загородныхъ гуляній. Всѣ эти люди шумѣли, смѣялись, пѣли и по американскому обычаю махали платками, посылая привѣтъ каждой пристани, выступавшей передъ ними изъ мрака. На каждомъ пароходѣ игралъ оркестръ. Они проплывали, какъ большіе очарованные замки, наполненные веселымъ, торжествующимъ,

беззаботнымъ человѣчествомъ. Маленькіе каботажные пароходы проплывали мимо, озабоченно пыхтя и таща за собой флотилію барокъ, растянувшуюся, какъ морской змѣй, и обозначавшуюся въ темнотѣ рядомъ красныхъ фонарей, висѣвшихъ на мачтахъ.

Далеко, на другомъ берегу, можно было различить небольшіе поѣзда городской дороги, пробѣгавшіе высоко въ воздухѣ по сквознымъ рельсамъ.

Электрическіе вагоны, скользившіе по набережной внизу, казались свѣтящимися ящерицами, которыя бѣгутъ по берегу, подскакивая на поворотахъ и разсыпая искры по сторонамъ.

Толпа, ожидавшая паромъ, становилась все гуще и гуще. Все это были прилично одѣтые, увѣренные въ себѣ люди. У каждаго въ рукахъ была свернутая въ трубку газета и въ карманѣ навѣрное звенѣла горсть крупныхъ серебрянныхъ долларовъ. И вдругъ среди этой людской массы Рулевой почувствовалъ острый припадокъ тоски по родинѣ. Онъ почувствовалъ, что ему нѣтъ дѣла до этой сытой и самодовольной толпы, и что эти люди неспособны прочувствовать его обиды и понять его упованія, онъ почувствовалъ, что здѣсь онъ чужой, и что его мѣсто тамъ за двадцать тысячъ верстъ.

Окружавшее богатство, движеніе и веселье внушали ему слѣпое отвращеніе; даже англійскій языкъ, раздававшійся кругомъ, пробуждалъ въ немъ стихійную вражду, и глядя на эти рты, раскрывавшіеся квадратно, для произнесенія глухихъ англо-саксонскихъ звуковъ, онъ какъ будто подозрѣвалъ, что они кривляются нарочно, и полубезсознательно спрашивалъ себя, когда же они бросятъ это бормотанье и заговорятъ настоящимъ человѣческимъ языкомъ, по-русски...

Это было чувство стараго московскаго путника, случайно попавшаго въ басурманскую или латинскую землю.

Паромъ присталъ къ берегу. Рулевой сошелъ внизъ, какъ пьяный, не обращая вниманія на толчки пассажировъ. Его тоска была такъ велика и сильна, что она обратилась въ активную страсть и направляла его каждый шагъ и дѣйствіе. Она приказывала ему сейчасъ же найти что-нибудь настоящее русское, чтобы заслониться отъ американскихъ впечатлѣній. Русскіе евреи уже не удовлетворяли его. Выйдя на берегъ въ Нью-Іоркѣ, онъ подошелъ къ станціи воздушной дороги, постоялъ съ минуту, потомъ взялъ билетъ и поѣхалъ вверхъ въ западное предмѣстье, гдѣ около одной русской семьи сгруппировалась первая великорусская ячейка въ Америкѣ.

Черезъ полчаса Рулевой спустился съ лѣстницы у сто шестнадцатой улицы въ Гарлемѣ и пошелъ по поперечной улицѣ, направляясь къ четвертой аллеѣ. Это былъ бѣдный кварталъ,

населенный неграми и небогатыми эмигрантами. Огромные дома были наполнены дешевыми квартирами. На улицахъ было грязно. Маленькіе газовые рожки мелькали тускло и уныло. Мелочныя лавки, цирульни, дешевые ресторанчики, все имѣло очень потертый и обтрепанный видъ.

На углу четвертой аллеи, Рулевой поднялся на четвертый этажъ по некрашенной лѣстницѣ, лишенной обычнаго въ Америкѣ ковра, и постучалъ въ дверь, на которой около испорченнаго звонка былъ приколотъ квадратный кусокъ картона съ надписью по-англійски: *Ilya Nikite Usoll*, что должно было обозначать: Илья Никитичъ Усольцевъ.

Высокая женщина въ ситцевой рубашкѣ-косовороткѣ и съ ребенкомъ на рукахъ открыла засовъ и впустила его внутрь.

— Здравствуйте, Алексѣй Алексѣичъ!—сказала она протяжнымъ голосомъ.—Васъ только не хватало!

Квартира была обычнаго въ Нью-Іоркѣ типа рабочихъ жилищъ: полутемная кухня, двѣ темныхъ спальни, ванна, вдѣланная въ стѣнѣ и закрывающаяся сверху, какъ шкафъ, и большая передняя комната съ двумя окнами на улицу, четвероугольнымъ столомъ посрединѣ и кушеткой у стѣны. Наличникъ у камина былъ мраморный. Въ стѣнѣ надъ каминомъ было вдѣлано зеркало. Передъ столомъ стояло мягкое кресло и дубовая гнутая качалка. Въ правомъ углу стояла этажерка съ книгами. Безъ этихъ принадлежностей не обходится ни одна рабочая квартира въ Нью-Іоркѣ.

Дверь въ одну изъ спаленъ была отворена и можно было видѣть три дѣтскія кроватки, поставленныя рядомъ и покрытыя чистыми покрывалами. У Усольцевыхъ было четверо дѣтей и мать уложила всѣхъ спать, но младшій грудной неожиданно проснулся и его нужно было накормить и подержать на рукахъ, пока онъ заснетъ снова.

Въ комнатѣ было человѣкъ десять, считая въ томъ числѣ и хозяевъ. Два мѣсяца тому назадъ Усольцевъ основалъ великорусскій кружокъ и это былъ день обычныхъ собраній. Лица всѣхъ присутствующихъ были такого типично-русскаго вида, что сгоряча можно было подумать, что находишься гдѣ-нибудь на Дмитровкѣ или на Петербургской Сторонѣ. Затрудненіе, однако, было въ томъ, что въ Россіи этихъ людей и квартиру, и всѣ подробности обстановки нельзя было бы отнести ни къ какому общественному классу.

Илья Никитичъ, приземистый блондинъ среднихъ лѣтъ, съ калмыковатымъ лицомъ и длинными усами сидѣлъ у стола и внимательно перелистывалъ маленькую тетрадку, написанную крупнымъ неправильнымъ почеркомъ. Это былъ краткій уставъ, кото-

рый Усольцевъ самъ составилъ и которымъ не мало гордился. Уставъ былъ совсѣмъ коротенькій. Онъ гласилъ, что русскій кружокъ основанъ для поддержки русскихъ людей въ Америкѣ, и что члены имѣютъ внести одинъ долларъ при поступленіи и пятьдесятъ центовъ въ мѣсяцъ.

Илья Никитичъ былъ полуграмотенъ и даже печатное читалъ неважно. Уставъ былъ вписанъ въ тетрадку его женой, которая была истинной вдохновительницей кружка, но Усольцевъ такъ много разъ перечитывалъ эти крупныя буквы, что теперь онъ могъ совершенно свободно разбирать ихъ смыслъ. Между прочимъ, перечитывая ихъ снова и снова, онъ надѣялся улучшить свое знакомство съ русской грамотой.

Всѣхъ членовъ было семнадцать. Они платили взносы очень исправно и въ кассѣ было около тридцати долларовъ. Нѣсколько человѣкъ пожертвовали книги и Усольцевъ, по ремеслу столяръ, уже подумывалъ о томъ, чтобы сдѣлать первый шкафъ для библіотеки кружка.

Рулевой не принадлежалъ къ кружку. Онъ былъ бѣднѣе рабочихъ и затруднялся дѣлать правильные взносы въ кассу, но этотъ деревенскій интеллигентъ, сынъ дьячка и бывшій народный учитель, невольно тяготѣлъ къ этимъ простымъ, бодрымъ и здоровымъ людямъ и чувствовалъ себя лучше въ ихъ средѣ, чѣмъ со сбитыми съ толку идеалистами интеллигентнаго класса, которые постоянно колебались между русскими мечтами и американской обыденно-буржуазной жизнью.

Плотники и слесари не имѣли никакого резона колоть глаза Америкѣ русскимъ превосходствомъ, но они живо ощущали свое братство съ еврейскими, нѣмецкими и ирландскими рабочими, рядомъ съ которыми они каждый день махали молотомъ и двигали пилой въ одной и той же мастерской.

— Давно вы у насъ не бывали, Алексѣй Алексѣичъ!—сказалъ Илья Никитичъ груднымъ басомъ.

— У насъ, вотъ, новенькій есть, дозвольте познакомить: Лебедевъ, Егоръ Петровъ.

— Лебедевъ, Егорка!—поправилъ маленькій сухощавый человѣкъ съ землистымъ лицомъ и нескладнымъ тѣломъ. Его костлявая фигура почему-то имѣла такой видъ, какъ будто онъ вотъ-вотъ собирается напыжиться и раздуться изо всѣхъ силъ.

— Откуда вы?—съ жадностью спросилъ Рулевой.

Несмотря на свое критическое отношеніе къ русской дѣйствительности, за эти три мѣсяца онъ успѣлъ, такъ сказать, издержать всѣ запасы свѣжихъ воспоминаній о родинѣ, и теперь въ его душѣ начинался такой же самый голодъ, который такъ измучилъ профессора Косевича и его товарищей.

— Я изъ Новаго Лондону,—сказалъ Лебедевъ.—Черезъ Канаду ѣхалъ!

— Зачѣмъ черезъ Канаду?—спросилъ Рулевой.

— Денегъ нѣту,—подмигнулъ Лебедевъ.—Здѣсь въ Нью-Іоркѣ безъ тридцати долларовъ не высаживаютъ, а въ Канадѣ легче! Я же «овсяныя» давно проѣлъ!..

Лебедевъ жилъ долго въ Петербургѣ и употребилъ петербургское словечко. Петербургскіе извозчики называютъ «овсяными» деньги, привезенныя изъ деревни осенью и вырученныя за овесъ.

— А можетъ, пропилъ!—отозвался изъ угла дюжій, черномазый человѣкъ въ запачканной одеждѣ, насквозь пропитанной масломъ и стальной пылью. То былъ рѣзчикъ по металлу, который работалъ въ Бруклинѣ за мостомъ и, торопясь попасть въ собраніе, не успѣлъ зайти домой, чтобы переодѣться послѣ работы.

— А можетъ, и пропилъ!—съ готовностью согласился Лебедевъ. Онъ имѣлъ всѣ ухватки мастерового и въ разговорѣ немного ломался. Быть можетъ также, онъ стремился заранѣе отпарировать насмѣшки надъ своимъ потертымъ платьемъ и окольнымъ въѣздомъ въ Америку.

— Полно врать!—перебилъ его сосѣдъ, столь же высокій и крѣпкій, какъ и Талинъ, съ лицомъ настолько вымазаннымъ въ углѣ, что издали его можно было принять за негра.

Это былъ Тасовъ, желѣзнодорожный кочегаръ, который тоже пришелъ прямо съ поѣзда и вдобавокъ послѣ суточной безсонницы, но упрямо не хотѣлъ идти спать раньше, чѣмъ другіе.

Онъ былъ кочегаромъ перваго разряда и имѣлъ аттестатъ о пятилѣтней успѣшной службѣ. Въ аттестатѣ онъ назывался, впрочемъ, *Tacobe*, ибо во время пріема на службу по привычкѣ подписалъ свое имя по-русски, а американцы приняли русскія буквы за латинскія и прочли, вмѣсто Тасова, *Tacobe*.

— Онъ изъ Парижа ѣдетъ!—объявилъ Тасовъ.—Мы съ нимъ сосѣди по заводу!—прибавилъ онъ.—По одной улицѣ не ѣвши ходили.

— Ну такъ что, что изъ Парижа?—не унимался Лебедевъ.— А знаете, изъ-за чего я въ Парижъ попалъ?—прибавилъ онъ.— Ни изъ-за чего другого,—только изъ-за гуляцкихъ денегъ.

— Какія гуляцкія деньги?—спросилъ Талинъ изъ своего угла. Онъ былъ родомъ изъ Херсона, и мудреныя денежныя отношенія великорусской деревни были ему мало знакомы.

— Какъ вамъ сказать? —замялся Лебедевъ.—Шелъ я однажды по Петербургской Сторонѣ, не въ своемъ настоящемъ видѣ, урѣзамши то-есть. Городовой меня и заграбасталъ.—Пойдемъ, говоритъ, въ участокъ!—А я ему сейчасъ полтинникъ.—Ну, говоритъ, ладно, гуляй себѣ, да только въ оба смотри!.. Это гуляцкія деньги...

— Опять заплелся!—сказалъ кочегаръ со смѣхомъ.—Языкъ у тебя, Егорка, чистая флейта!

— Ей-Богу, правда!—побожился Лебедевъ. Гуляцкія деньги прямо къ этому полтиннику схожи. Иди на сторону, гуляй, а въ деревню каждый годъ плати, пока рука не устанетъ въ карманъ лазить...

— Вотъ я вамъ покажу документъ!—Онъ вытащилъ изъ бокового кармана засаленный конвертъ и досталъ оттуда листъ писчей бумаги, сложенной вчетверо.

— Если весь прочитаю, то поневолѣ поймете!—прибавилъ онъ съ шутливой угрозой, поднося къ свѣту листъ, который былъ исписанъ на всѣхъ четырехъ сторонахъ...

— Ловко нашего брата расфуганиваютъ, нечего сказать!—прибавилъ Лебедевъ.—Заплати, говоритъ, десять рублей да четыре рубля, да еще полтора рубля въ мѣсяцъ. Изъ двадцатирублеваго жалованья, говоритъ, это не обременительно. А останется ли чего на жранье, ему дѣла нѣтъ!

— Либо на выпивку!—вставилъ Талинъ изъ угла.

— Пью я не на твои,—грубо сказалъ Лебедевъ,—на свои, на кровныя... Чего ты присталъ, какъ смола?

— Да и я пью на свои!—сказалъ Талинъ съ невозмутимымъ видомъ.

— Ага!—сказалъ Лебедевъ смягченнымъ тономъ.—Товарищи, значитъ... Коли такъ, такъ ладно!..

— Мнѣ тринадцать лѣтъ было, какъ меня изъ деревни въ ученье послали,—продолжалъ онъ свой разсказъ.—Съ той поры я и давай имъ платить этотъ гуляцкій сборъ, черти бы его взяли. Платилъ, платилъ, вижу—сила, не беретъ. Паспортъ прошу, не высылаютъ, да еще и пишутъ: Смотри, молъ, мы и изъ Петербурга достанемъ, у насъ руки долгія. Думаю: ахъ, вы!.. Есть же на свѣтѣ такія мѣста, куда не хватаютъ ваши руки. Сталъ я спрашивать умныхъ людей. Говорятъ, въ книжкахъ, молъ, написано, что изо всѣхъ иностранныхъ городовъ Парижъ всѣхъ лучше. Французы народъ обходительный и русскихъ очень любятъ, а жалованье платятъ франками. Гдѣ у насъ рубль, а у нихъ франка. Вотъ, думаю, поѣду я въ Парижъ огребать франки...

— Трудно ѣхать безъ языка!—сказалъ Рулевой. Онъ вспомнилъ собственныя злоключенія по дорогѣ въ Америку.—А были у васъ знакомые въ Парижѣ?

— На что мнѣ знакомые?—сказалъ Лебедевъ.—Матросикъ былъ французскій. Знаете, когда адмиралъ французскій пріѣзжалъ, мы съ нимъ, признаться, выпивали вмѣстѣ, съ матросомъ этимъ. Парень бойкій, нечего сказать, а только гдѣ же его искать, да я же еще и фамилію забылъ, не то Лебефъ, не то Лебонъ...

— Куда же вы пріѣхали, въ Парижъ?—спросилъ Рулевой.

— Да просто сказать, на улицу!—сказалъ Лебедевъ.—Я, признаться, еще заснулъ въ вагонѣ. Очень я намучался въ Берлинѣ и въ другомъ нѣмецкомъ городѣ, какъ еще онъ называется, Келья, что ли. Пересадки тамъ, билетъ у меня есть, а поѣзда своего не знаю и спросить не умѣю. Вотъ какой поѣздъ подойдетъ, я бѣгу съ билетомъ, не мой ли поѣздъ, а кондукторъ посмотритъ и прогонитъ назадъ. А во французскій вагонъ попалъ,—давай спать, такъ до Парижа проспалъ. Даже меня съ поѣздомъ вмѣстѣ на запасной путь поставили. Потомъ приходитъ служащій съ лампой, видитъ, конечно, человѣка, давай меня въ плечо толкать.—Пари, Пари!—понялъ я: пріѣхали, надо выходить, взялъ свой узелокъ, вышелъ на улицу, такъ мнѣ спать охота, положилъ я узелокъ на панель, сѣлъ возлѣ и ноги опустилъ въ канаву...

Тасовъ шумно разсмѣялся.

— Врешь ты, должно быть, Егоръ!—сказалъ онъ.—Повѣрю я, что человѣкъ на панель сѣлъ въ чужомъ городѣ... Сюда, небось, по моему письму пріѣхалъ...

— Можетъ, вру, а можетъ, правду говорю!—сказалъ Лебедевъ невозмутимымъ тономъ.

— Не говорите!—сказалъ Илья Никитичъ.—У него хоть вещей не было. А меня какъ здѣсь въ Нью-Іоркѣ тоже на панель высадили, да еще съ женой, съ дѣтьми и съ пятью узлами вещей.

Другіе посмотрѣли на него съ удивленіемъ. Всѣ они были въ Америкѣ новыми людьми, но Усольцевъ, пріѣхавшій четыре года тому назадъ, считался старожиломъ. Глядя на этого степеннаго, разсудительнаго человѣка, давно успѣвшаго найти хорошо оплачиваемую работу и устроившаго себѣ такую опрятную и уютную квартиру, такъ трудно было повѣрить, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ сидѣлъ на тротуарѣ съ вещами и семьей.

— Я самъ тульскій,—сказалъ Усольцевъ,—тоже изъ крестьянъ, въ родѣ Лебедева. А жена городская, одесская. Я въ Одессѣ на заработкахъ проживалъ. Женились мы, я знаете, непьющій,—онъ лукаво посмотрѣлъ въ сторону Талина,—и зарабатывалъ не худо, меньше здѣшняго, а по одесскому такъ даже очень хорошо. Мы жили не хуже людей. Конечно, порядокъ для всѣхъ одинъ. Къ хозяину за жалованьемъ пришелъ, шапку снимай. Ты ему: «Здравствуйте, Иванъ Петровичъ», а онъ тебѣ: «Здравствуй, Илья!» Съ другимъ и на улицѣ встрѣтишься, онъ тебѣ: «Эй любезный!», а ты ему: «Чего изволите, ваше высокородіе?» Начали у насъ понемногу заводиться дѣти, одинъ и другой, и третій. Тутъ стала на меня приходить дума. Посмотрю вокругъ себя и станетъ мнѣ страшно, какъ это люди здѣсь живутъ, и не топятся и не вѣшаются. Какъ я мужикъ и мастеровой, стало мнѣ представляться,

будто я ниже всѣхъ людей. Какъ будто передо мной высокая лѣстница, а я стою на нижней ступенькѣ. Помощникъ хозяйскаго дворника, и тотъ выше меня. Стало у меня на душѣ собираться зло. Хожу цѣлый день, какъ чумной, все одно на умѣ. Даже съ женой ругаться сталъ! Да спасибо, она надоумила. Говоритъ: «Уѣдемъ лучше отъ грѣха! Люди, говоритъ, уѣзжаютъ. Можетъ, и мы не пропадетъ!» И еще говоритъ: «Дѣти у меня маленькія, я говоритъ, хочу ихъ выучить, пускай они будутъ на людей похожи. А здѣсь нѣтъ такихъ мѣстъ, чтобы нашихъ дѣтей учить, да и денегъ нѣту».

Онъ съ благодарностью посмотрѣлъ на Матрену Ивановну, которая сидѣла въ качалкѣ и тихо покачивала ребенка, уснувшаго у ея груди.

Въ Россіи, когда они думали неодинаково о разныхъ вещахъ, онъ иногда покрикивалъ на нее: «Замолчи ты! Это не бабьяго ума дѣло!» Но съ тѣхъ поръ, когда они пріѣхали въ Америку, онъ открыто призналъ ея превосходство и подчинился ея авторитету. Она была интеллигентнѣе его и онъ откровенно соглашался, что у нея больше развязности въ умѣ, а эмигрантъ въ Америкѣ живетъ тѣмъ лучше, чѣмъ у него больше выдумки.

Рулевой слушалъ и въ душѣ его подымалось горькое чувство, но Усольцевы относились иначе къ своимъ воспоминаніямъ. То было ихъ героическое время, они должны были сдѣлать большое душевное усиліе, чтобы рѣшиться на такой трудный и рискованный шагъ, и самое воспоминаніе о немъ до сихъ поръ приподнимало ихъ надъ будничной рутиной.

— Я ей говорю: «денегъ нѣту!»—продолжалъ Усольцевъ.—А она говоритъ: «продадимъ все!.. Я, говоритъ, шубу продамъ, послѣднее платье, все отдамъ, что еще въ дѣвушкахъ купила, только чтобы уйти отсюда. У меня, говоритъ, маленькія дѣти!..» Что же вы думаете? Стали распродаваться, по пять, да по десять рублей, собрали шестьсотъ рублей!..

— Я одного своего бѣлья продала на двадцать рублей!—сказала Матрена Ивановна съ улыбкой.—Мы въ Одессѣ тоже жили порядочно. У меня были четыре серебряныя ложки, два самовара, лампа, дубовая мебель!..

— Дубовую мебель я самъ сдѣлалъ,—сказалъ Усольцевъ.—Ну, а уѣзжать стали, я ее старшему мастеру за восемьдесятъ рублей отдалъ! Купили мы у агента четыре билета, два цѣлыхъ и двѣ половинки для дѣтей, отъ Одессы и до самаго Нью-Іорка,—сказалъ Усольцевъ,—исправили кое-что для дѣтей и еще больше ста рублей осталось. Поѣхали. Конечно, ничего не знаемъ путемъ. Разспросить хочу, не умѣю, языка нѣтъ, много мы горя набрались. Въ Гамбургѣ у насъ всѣ вещи въ печахъ парили, заразу

выжигали, самихъ насъ въ баню, а вещи въ паровую печь,—у дѣтей полушубки были дублененькіе, совсѣмъ скоробило ихъ, на пароходѣ надѣть нечего было. Спасибо, дѣти крѣпенькія были!—прибавилъ онъ.—Да и лѣтомъ къ тому же ѣхали! Пріѣхали сюда здоровенькія, даже докторъ на Эллисъ островѣ сказалъ про старшенькаго: *Nice Russian boy,* славный россійскій парнишка, и по головкѣ его погладилъ.

— Ловко онъ!—сказалъ Тасовъ одобрительнымъ тономъ.

Другіе радостно разсмѣялись.

Усольцевъ давно овладѣлъ общимъ вниманіемъ. Каждый изъ присутствующихъ пережилъ почти такую же эпопею, но никто не умѣлъ такъ складно разсказывать, какъ Илья Никитичъ.

Послѣ эпизода съ докторомъ, каждый какъ будто почувствовалъ себя на мѣстѣ этого русскаго мальчика, который остался здоровъ безъ полушубка, какъ щедринскій «мальчикъ безъ штановъ».

— А выпустили насъ очень свободно!—разсказывалъ Усольцевъ.— Я разсказалъ, что я столяръ, а денегъ у насъ было пятьдесятъ долларовъ съ залишкомъ. Отнесли мы съ Матреной вещи на пристань, думаемъ: куда намъ ѣхать? Былъ у меня адресъ:—портной былъ въ Одессѣ,—я у него платье шилъ, а онъ потомъ въ Америку уѣхалъ, я у его дяди адресъ взялъ. Думаю, поѣду къ нему. Порядковъ американскихъ не знаю, думаю, надо извозчика нанять, гляжу, ужъ вертится передо мною фурманъ полячокъ. Сталъ наймовать его, показалъ адресъ, спрашиваю: «найдешь этого человѣка», а онъ говоритъ: «знайде, пане, якъ Бога кохамъ!» Сговорились мы за два доллара, чтобы онъ отвезъ насъ съ багажемъ къ тому портному. Карета у него, все какъ слѣдуетъ; сѣли мы въ карету, склали вещи наверхъ, поѣхали. Черезъ полчаса подъѣзжаемъ къ дому. Смотрю, и фурманъ ужъ другой, совсѣмъ молодой парень. Кто ихъ знаетъ, гдѣ они смѣнились, я и не видалъ. Сложилъ онъ вещи на панель, потомъ даетъ мнѣ подержать лошадь, а самъ идетъ въ домъ. Черезъ минуту или двѣ выходитъ, отдаетъ мнѣ адресъ, а самъ головой машетъ, по-русски, значитъ, говорить не умѣетъ. Ну, только я понялъ, что этого портного нѣтъ здѣсь. Посмотрѣлъ я кругомъ себя. Лѣто, тепло, знаю, въ карманѣ немножко денегъ есть.

— Э,—говорю женѣ,—пустяки все это, свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Сгрудили мы вещи на панели, посадили дѣтей и сами стоимъ около. А фурманъ показываетъ два пальца, два доллара, значитъ. «Это, говорю, будетъ для тебя жирно. Хочешь, такъ одинъ долларъ дамъ, какъ ты, значитъ, не розыскалъ моего человѣка!..» Онъ, понятно, не хочетъ. Между тѣмъ, стала вокругъ насъ собираться толпа, бабы, ребятишки. Конечно, какіе такіе

люди на панели сидятъ? Говорятъ къ намъ по своему, вижу, спрашиваютъ, какіе люди? Я говорю: «*Russian* мы, русскіе!»

Они чего-то поговорили, немного погодя пришла баба. «Изъ какой вы мѣсто? говоритъ. Русскихъ? Я, говоритъ, еврейскій, зъ Варшава. У меня, говоритъ, тутъ на углѣ рундучокъ, сода-вода!» Плохо такъ говоритъ по-русски, но все-таки она насъ поняла. Я ей объяснилъ: «этотъ фурманъ совсѣмъ другой, ничего не нашелъ, а проситъ два доллара.» А я человѣкъ бѣдный, я не могу такъ деньги зря кидать. Она немного подумала и говоритъ фурману: «Ты, говоритъ, ихъ неправильно взялъ, возьми ихъ опять и вези назадъ на пристань, а на улицѣ оставить не смѣешь!» Ну, онъ ничего, взялъ наши вещи и насъ посадилъ, да и повезъ насъ, только не на пристань, а въ кортъ, по нашему не знаю, какъ сказать, не то мировой судъ, не то полицейскій участокъ. Судья вышелъ, здоровый такой, пузатый, въ одной рубашкѣ и грудь разстегнута. Жарко было. Говоритъ къ намъ по ихнему, а мы не понимаемъ. Онъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ, велитъ фурману занести вещи въ кортъ, и двери открылъ передъ нами,—входите, молъ! Немного погодя идетъ человѣкъ, руки по локоть засучены и весь въ синемъ,—красильщикъ, значитъ. Тоже еврей, но только чисто по-русски говоритъ, въ Петербургѣ жилъ. «А, говоритъ, земляки пріѣхали, говоритъ. Вы, говоритъ, какой губерніи?«— «Мы, говорю, изъ Одессы!» Ну и судьѣ, конечно, онъ объяснилъ все какъ слѣдуетъ. Судья говоритъ: «Довольно одинъ долларъ!» и полицейскій сзади показываетъ на пальцахъ: одинъ долларъ.

А фурманъ заспорилъ. Судья какъ топнетъ ногой, да какъ закричитъ, фурманъ кнутъ подхватилъ, да въ двери, только мы его и видѣли.

Потомъ судья говоритъ: Куда же они пойдутъ? У меня для нихъ мѣста нѣтъ. Не возьмете ли вы ихъ къ себѣ? Это красильщику, значитъ. А красильщикъ говоритъ: Я бы съ радостью взялъ, да квартира очень маленькая, мастерская тутъ же и маленькія дѣти! А судья говоритъ: Нѣтъ ли у васъ знакомыхъ, кто взялъ бы ихъ?.. Красильщикъ перевелъ мнѣ, что не знаютъ, куда дѣвать насъ. А я говорю: у меня тоже есть знакомая старуха на углу, куда насъ фурманъ возилъ, соду-воду держитъ, можетъ она бы взяла насъ, только не знаемъ, какъ дойти до нея! Красильщикъ перевелъ судьѣ, а судья говоритъ: Я бы послалъ полисмена, да онъ не сговорится съ нимъ, лучше вы подите, отведите его. А женщину и дѣтишекъ оставьте пока здѣсь! А между прочимъ смотрю, у ребятишекъ уже булки въ рукахъ и пряники. Правда, не ѣли мы ничего съ утра, такъ это полисмены догадались да притащили. Пошли мы къ старухѣ содовой, а красильщикъ по дорогѣ меня про Петербургъ разспрашиваетъ. Я его не видалъ! говорю. Ну все

равно, говоритъ, разскажи хоть про Одессу, про что-нибудь, про тамошнее!

Нашли мы эту соду-воду. Она съ перваго слова согласилась, говоритъ: бѣдные люди должны помогать одинъ другому, а насъ съ мужемъ только двоечко. Живите себѣ, не пролежите мѣста спавши! Что же вы думаете? Прожили мы у нихъ три недѣли, пока работу я нашелъ, и ничего они съ насъ не взяли, а сами тоже насилу на свѣтѣ живутъ. А набожные такіе, старикъ каждое утро молится, плачетъ слезами и все себя въ грудь кулакомъ бьетъ. Ну, конечно, моя жена сейчасъ весь порядокъ узнала, купила посуду, стала варить отдѣльно, потому они каширное ѣли, значитъ, чтобы не запоганить одинъ другого.

Сталъ меня старикъ по знакомымъ водить. Грѣхъ сказать, все хорошіе люди, не даромъ говорятъ: Не купи двора, а купи сосѣда! Другой услышитъ, что я русскій, такъ даже затрусится весь. Ой, говоритъ, вѣдь и я тоже оттуда. А потомъ старикъ же мнѣ и работу нашелъ,—прибавилъ Усольцевъ.—Тоже у русскаго еврея, у Парнаха и компаніи, по столярной части. Я у него работалъ три года, сперва получалъ восемь долларовъ въ недѣлю, потомъ одиннадцать, потомъ всѣ четырнадцать, и двухъ товарищей къ нему на работу опредѣлилъ. А самъ взялъ, да ушелъ!—закончилъ онъ съ насмѣшливой нотой въ голосѣ обращаясь къ Рулевому.

— Какъ ушелъ?—переспросилъ Рулевой почти съ испугомъ. Нервы его были напряжены и его воображенію живо представились маленькія ребятишки, спавшія въ бѣленькихъ кроваткахъ въ сосѣдней комнатѣ, которыя завтра, быть можетъ, не будутъ имѣть куска хлѣба.

— Поссорились мы съ Парнахомъ!—спокойно объяснилъ Усольцевъ.—Онъ мнѣ говоритъ:—вы слишкомъ много матеріала изводите. Зло меня разобрало. Давно это онъ такъ пристаетъ. Дѣла у него идутъ плохо, такъ ему, видишь, хочется, чтобы мы ему заказы изъ ничего дѣлали. Паршивая, говорю, мастерская, гдѣ хозяинъ надъ каждымъ кускомъ дерева трясется, какъ Каинъ... Такъ и пошло. Онъ мнѣ слово, а я ему два. Онъ кричитъ: ты русскій немогузнай, я тебѣ работу далъ, безъязыкому. А я ему говорю: подзаборный ты хозяинъ. У тебя инструмента своего нѣтъ, ты изъ нашего жалованья за инструментъ вычитаешь.

— Такъ и надо!—одобрительно сказалъ Лебедевъ.—Что на него смотрѣть? Дай ему повадку, онъ тебѣ на шею сядетъ да и ноги внизъ спуститъ!

Рулевой стоялъ, не зная, что сказать, но внутренно удивляясь безразсудству этого человѣка, который изъ-за минутной ссоры отбросилъ въ сторону кусокъ хлѣба, кормившій его дѣтей.

— А видишь!—сказалъ Усольцевъ, какъ будто угадавъ мысль, промелькнувшую у его собесѣдника.—Я думаю такъ: денегъ у меня нѣтъ. Домовъ и фабрикъ я не нажилъ. Чѣмъ же мнѣ на человѣка быть похожимъ? По крайности, не дамъ себѣ на ногу наступить!

— А дѣти?—невольно спросилъ Рулевой.

— И дѣтей такъ научу,—сказалъ Усольцевъ.—Или вы насчетъ пропитанія?.. Такъ это напрасно. Засидѣлся я у Парнаха. А подъ лежачій камень, знаете, и вода не течетъ...

— Чаще мѣнять мѣста еще лучше,—отозвался Талинъ изъ своего угла ободряющимъ тономъ.—Знакомства больше. Случаи мимо не плывутъ!..

— А нашли вы работу?—спросилъ Рулевой участливымъ тономъ, какъ спрашиваютъ у больного.

— Не то что работу нашелъ, цѣлую исторію!—сказалъ Усольцевъ.—Даже въ юнію попалъ,—прибавилъ онъ, улыбаясь.—Сказано: нужда научитъ и калачи печь!

— А сколько вы теперь получаете?—допытывался Рулевой.

Ему непремѣнно хотѣлось удостовѣриться, не потерпѣлъ ли заработокъ Усольцева ущерба, благодаря независимости его чувствъ.

— Я говорю, исторія,—сказалъ Усольцевъ.—Есть у меня тутъ пріятель Брантъ. русскій полякъ. Конечно, тоже столяръ, хорошо понимаетъ чертежъ, грамотный человѣкъ и въ юніи членомъ. Какъ ушелъ я отъ Парнаха, говоритъ: Иди къ намъ на фабрику, я все равно за старшаго рабочаго, я вамъ дамъ мѣсто. Конечно, я съ радостью пошелъ. Большая фабрика, хорошая, не то что у этого Парнаха,—шесть этажей, вездѣ машины и работать способно, а заказы дорогіе, самая легкая штучная работа. Рабочихъ три сотни, которые получше, все изъ юніи, а кто дешевле, тѣ, конечно, пріѣзжіе, безъ языка, ихъ и юнія не принимаетъ. Сталъ я работать и положили мнѣ шестнадцать долларовъ, значитъ, противъ Парнаха два доллара лишнихъ.

Только прошли три недѣли, рабочіе изъ юніи говорятъ: надо устроить страйкъ, пускай фабрика запишется въ юнію, т.-е., чтобы держать рабочихъ только изъ юніи.

Хозяинъ, конечно, не хочетъ, потому что у юніи такса: восемнадцать долларовъ въ недѣлю и восемь часовъ работы, а въ субботу до обѣда. А изъ рабочихъ тоже, которые американцы, тѣ согласны, а пріѣзжіе, особенно которые безъ языка и привыкли по дешевымъ мастерскимъ ходить, тѣ опасаются, не идутъ на страйкъ. Между тѣмъ подошло время. Прислала юнія делегата, выходите, молъ, на страйкъ, не то объявимъ васъ *скебами*, по нашему сказать, паршивцами, ну которые люди подороже себя цѣнятъ, даже изъ

итальянцевъ или изъ поляковъ, вышли на страйкъ. Я тоже, подумалъ: затѣмъ ли я пятнадцать тысячъ верстъ проѣхалъ, чтобы на меня паршивое клеймо положили, пойду, молъ, и я, авось Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ! Да и Бранта стыдно...

Съ тѣмъ мы и ушли изъ фабрики. Ну, конечно, страйкъ отъ юніи, пришлось намъ записаться въ члены, внести взносъ. Брантъ себѣ мѣсто досталъ, тоже на хорошей фабрикѣ и меня перетащилъ, только три дня безъ работы я и гулялъ. Сталъ я получать по правилу восемнадцать долларовъ въ недѣлю за сорокъ четыре часа работы, да тоже не очень долго поработалъ, потому заказовъ стало меньше, хозяинъ взялъ да половину рабочихъ и отпустилъ, и меня въ томъ числѣ.

— Вы, значитъ, опять безъ работы?—спросилъ Рулевой.

— Да видишь,—сказалъ Усольцевъ,—работа есть, сколько хочешь, да только плата дешева, на недѣлю десять-двѣнадцать долларовъ. А я ужъ на такую плату не согласенъ, извините, пожалуйста! Лучше я перетерплю, да получу свое!

— А есть у васъ деньги про запасъ?—невольно спросилъ Рулевой.

— Какія деньги съ четырьмя дѣтьми?—сказалъ Усольцевъ.— Мы живемъ на всѣ! Даже насилу хватаетъ на недѣльные расходы!

— Какъ же вы жить будете?—спросилъ Рулевой.

— Что же,—сдержанно сказалъ Усольцевъ,—вѣчныя мѣста не бываютъ. Сегодня я самъ ушелъ, а завтра меня хозяинъ прогналъ, вотъ мы и квитъ!

Рулевой невольно посмотрѣлъ на хозяйку, но и на ея лицѣ не было видно заботы. Оно играло оживленіемъ и весело улыбалось, какъ будто въ отвѣтъ на его полувысказанное участіе.

Эта женщина, которая была привязана къ своей квартирѣ, какъ будто на короткой цѣпи, и которая для того, чтобы сбѣгать въ лавочку, должна была загораживать печь стульями и тщательно прятать спички, ножи и ломкую посуду отъ своего предпріимчиваго потомства, была совершенно увлечена своей затѣей и въ настоящую минуту, предъ лицомъ молодого русскаго кружка, собиравшагося въ ея жилищѣ, была совершенно не расположена думать о какихъ-то будничныхъ «своихъ дѣлахъ» и грошовыхъ разсчетахъ.

Но Рулевой продолжалъ упорно разматывать клубокъ своихъ безпокойныхъ мыслей, какъ будто именно на немъ лежала обязанность думать и тревожиться за эту беззаботную чету. Онъ вспомнилъ, какой крикъ недавно подняли американскія газеты о медленномъ размноженіи коренного населенія республики, и подумалъ о томъ, какъ криво устроенъ свѣтъ. Природа заставляетъ человѣка стремиться къ продолженію рода, а общество какъ

будто наказываетъ его за это. Большая семья хуже каторги: гдѣ много ртовъ, тамъ ѣдятъ впроголодь. Обиліе и комфортъ достаются одинокимъ и неплодороднымъ людямъ, которые, въ концѣ концовъ, отпадаютъ отъ общаго ствола, какъ засохшая вѣтвь. Онъ попробовалъ поставить себя на мѣсто этого бѣднаго мастерового, который постоянно долженъ былъ наполнять ѣдой шесть тарелокъ, покупать шесть паръ платья и обуви, шесть шапокъ или шляпъ и такъ далѣе, и ему стало страшно.

Онъ улучилъ минуту и отвелъ Усольцева въ сторону.

— У меня есть немного денегъ,—предложилъ онъ.—Если хотите, возьмите взаймы!

У него еще оставалось, кромѣ скуднаго заработка, послѣдніе десять долларовъ, привезенные изъ Россіи, и онъ предложилъ ихъ взаймы Усольцеву.

— Будетъ вамъ!—сказалъ Усольцевъ прямо.—Какія тамъ у васъ деньги! Да мнѣ на завтра навѣрное обѣщали найти работу.

Онъ даже посмотрѣлъ на Рулевого съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Такъ въ ненастную ночь жалкія фигуры прохожихъ, мокнущихъ подъ проливнымъ дождемъ, особенно бросаются въ глаза человѣку, который смотритъ на нихъ изъ безопаснаго прикрытія, сквозь плотно притворенное окно, но дайте ему зонтикъ и пустите его на улицу и онъ забудетъ свое жалостливое чувство и начнетъ сосредоточенно шагать впередъ по указанному направленію.

— А у насъ третьего дни тоже новая была,—сказала хозяйка.—Молодая бабочка!..

— Такъ чудно,—подтвердилъ Усольцевъ.—Есть у насъ въ Бруклинѣ наборщикъ знакомый, полякъ, написалъ онъ моей женѣ письмо: «Что, говоритъ получилъ я сегодня теллеграмму съ эмигрантскаго острова: «Придите, выручите меня!»—и подписано Марья Галушка». Ну мы подумали, полтавская, должно быть галушка, русская косточка, насъ люди выручали, надо ее тоже выручить!

— А кто поѣхалъ?—спросилъ Рулевой.

— Да она и поѣхала, Матрена Ивановна, то-есть,—объяснилъ хозяинъ.—Она вѣдь по-англійски здорово привыкла, что хочешь. сказать можетъ.

— А что же!—сказала Матрена Ивановна.—Сосѣдскую дѣвчонку наняла за ребятишками присмотрѣть, четвертакъ посулила, младшаго взяла на руки, поѣхала на островъ Эллисъ. Спрашиваю. «Гдѣ Марья Галушка», они стали копаться въ бумагахъ и говорятъ: «Не Галушка, а Залужска, полька она, галиціянка. Да и ту взяли отцы бенедиктинцы, и увезли съ острова». Поѣхала я въ монастырь. Большой такой монастырь, на людной улицѣ, а внутри тихо, какъ въ колодцѣ. Ворота всегда заперты и человѣкъ у

калитки. Насилу меня впустили: видятъ, что я русская, не умѣю по-польски говорить. Нашла я тутъ Залужскую, говорю: «Пойдемъ къ намъ, какъ мы телеграмму твою перехватили,» а отцы бенедиктинцы не пускаютъ, говорятъ: «Дай три доллара за постой»! А какой тамъ постой. Ѣда у нихъ: черный хлѣбъ да каша, а цѣлый день работай, да еще имъ же и плати. Залужская, однако, не думавши, отцала имъ долларъ. «Вотъ, говоритъ, а больше у меня нѣтъ! Помолитесь Богу за мою грѣшную душу»!

Пріѣхали мы домой, такъ у меня руки совсѣмъ оторваться хотятъ отъ ребенка этого,—закончила хозяйка,—тяжелый, Богъ съ нимъ.—Ну да что же дѣлать. Насъ люди тоже выручали!

— А гдѣ Галушка?—спросилъ Рулевой, невольно оглядываясь по сторонамъ.

— Съѣли ее!—засмѣялась хозяйка.—Сразу на мѣсто попала прислугой. Она, видишь, кухарка хорошая, пріѣхала сюда деньги зароблять, а тамъ бросила мужа хромого, да дѣвчонку, да сестру.

— А я былъ на островѣ за двѣ недѣли,—сказалъ вдругъ Тасовъ.—Двоихъ русскихъ тамъ видѣлъ.

— А гдѣ они?—спросилъ Усольцевъ.

— За рѣшеткой сидятъ,—хладнокровно сказалъ Тасовъ.—Ихъ не пускаютъ на волю. Я и имена узналъ: одинъ Янчукъ изъ Холмщины, а другой Волынщикъ изъ Минска. Ни денегъ у нихъ, ни адресовъ, совсѣмъ дикіе люди. Ихъ, однако, назадъ ушлютъ американцы!

— Экая бѣда!—сказалъ съ упрекомъ Усольцевъ.—Отчего ты намъ ничего не сказалъ? Срамъ, чтобы русскихъ назадъ посылали. Что же для нихъ мѣста нѣтъ въ Америкѣ?

— Да вѣдь это, какъ хочешь,—возразилъ Тасовъ,—они русскіе и не русскіе. Одинъ съ Литвы, другой съ Польши, у нихъ и языкъ иной, они скорѣе къ полякамъ подходящіе!

— А не все равно люди?—возразилъ Усольцевъ.—Почему бы намъ ихъ не выручить? Тоже тебѣ бы не посластило, кабы тебя назадъ послали на казенныхъ хлѣбахъ.

Тасовъ потупился.

— Приравнялъ козу до кобылы!—сказалъ онъ угрюмо.—Я свою дорогу самъ выбралъ, да самъ по ней и вышелъ!

— Какъ хотите,—сказалъ Усольцевъ,—надо намъ очередь завести, что ли, и почаще заглядывать на островъ! Стыдно, вѣдь, намъ: русскія души сидятъ за рѣшеткой, ждутъ, не выручитъ ли кто. Вы подумайте, у евреевъ попечительный агентъ, у поляковъ агентъ, у нѣмцевъ агентъ, только у русскихъ никого нѣту!

— Ну, занесся!—сказала Марья Ивановна съ легкой насмѣшкой.—У евреевъ деньги есть, а у насъ тридцать долларовъ. Не на эти ли деньги агента завести?

— Прутъ-таки они сюда здорово,—сказалъ Тасовъ,—будто муха ихъ укусила. Эти русины да угорцы, да еще эти другіе, изъ Литвы, да изъ Польши. Дома имъ, что ли, не сидится, или имъ еще хуже, чѣмъ нашимъ?

Народу собралось побольше. Пришли Подшиваловъ и Рудневъ, тоже столяры, закадычные пріятели. Рудневъ тоже пріѣхалъ изъ Парижа и ухватками и даже лицомъ смахивалъ на Лебедева. Это было какъ будто исправленное изданіе новопріѣзжаго мастерового, образчикъ того, во что онъ долженъ былъ превратиться черезъ нѣсколько лѣтъ.

Потомъ пришелъ Павелъ Рыбачковъ, огромный и неуклюжій, съ руками, похожими на грабли, и съ головой, торчавшей вверхъ, какъ крупная рѣдька съ сельскохозяйственной выставки. Рыбачковъ былъ такъ великъ, что ему было трудно подбирать себѣ платье даже въ нью-іоркскихъ лавкахъ, разсчитывавшихъ свой товаръ на крупный ростъ американскихъ покупателей. Двѣ недѣли тому назадъ, въ одномъ магазинѣ ему съ отчаянія предложили огромные штаны съ уличной вывѣски. Послѣ всѣхъ пришли двое молодыхъ парней, дѣти русской блинщицы, торговавшей въ еврейскомъ кварталѣ блинами, какъ будто на базарѣ въ Москвѣ. Они были почти совершенно безграмотны, гораздо хуже Усольцева, но въ то же время упорно стремились научиться чему-нибудь. Вмѣсто того, чтобы читать книги, они ходили на всякія чтенія, публичныя и частныя, и старались пополнять свои свѣдѣнія путемъ бесѣдъ. Въ общемъ, несмотря на свою безграмотность, они были по своему интеллигентные люди и имѣли довольно точное представленіе объ общественныхъ отношеніяхъ въ Европѣ и Америкѣ.

Съ ихъ приходомъ разговоръ сталъ еще оживленнѣе прежняго.

Черезъ пять минутъ младшій братъ уже сцѣпился съ длиннымъ Павломъ изъ-за вѣчнаго спора о преимуществахъ Россіи и Америки. Молодой человѣкъ нападалъ на Америку и ставилъ ей въ вину, главнымъ образомъ, ускоренный темпъ жизни, который такъ угнетаетъ почти всѣхъ европейскихъ переселенцевъ.

—Торопно живутъ!—говорилъ онъ,—продохнуть некогда, праздниковъ мало, за работой нельзя и трубку закурить. На улицахъ тамъ стукъ, того, гляди, переѣдутъ, всѣ куда-то спѣшатъ, завтракаютъ стоя, даже дерутся на ходу!

Они съ матерью пріѣхали изъ маленькаго русскаго городка и воспоминаніе о той жизни, идиллически-спокойной и патріархально-бѣдной, постоянно стояло предъ ихъ умомъ, какъ готовый образчикъ для сравненія.

Павелъ защищалъ Америку неуклюжимъ языкомъ, напоминавшимъ его нескладную фигуру, однако, аргументы его были ори-

гинальны и большей частью совершенно убѣдительны для всѣхъ слушателей.

— Главное въ Америкѣ выдумки много,—говорилъ онъ,—люди все добиваются, какъ бы имъ легче было, не стоятъ на мѣстѣ, ищутъ новое и новое. Взять хотя бы въ нашемъ дѣлѣ. Я машину верчу токарную. Положимъ, я хочу ее немного приспособить, чтобы было для меня удобнѣе? Сунься-ка въ русскую мастерскую съ такой выдумкой, такъ тебѣ голову кипяткомъ ошпарятъ!.. Скажутъ: будетъ выдумывать, работай, какъ работаютъ другіе. А въ американской мастерской только я заикнулся, хозяинъ сейчасъ самъ предлагаетъ сдѣлать опытъ, лишь бы вышло какое-нибудь удобство или сокращеніе расходовъ!..

Матрена Ивановна сняла съ полки новую пьесу Горькаго, которую Усольцевъ купилъ въ одномъ изъ русскихъ книжныхъ магазиновъ Дантана, и собиралась читать вслухъ. Публика примолкла и приготовилась слушать. Подшиваловъ и Рудневъ, впрочемъ, о чемъ-то разговаривали между собою тихимъ голосомъ. Шалинъ подсѣлъ къ Павлу и, вынувъ изъ кармана листокъ бумаги, исписанный короткими, неправильными строками, развернулъ его передъ его лицомъ. Павелъ внимательно посмотрѣлъ на листъ и сосредоточенно покачалъ головой.

— Не годится?—со вздохомъ спросилъ Шалинъ.

Дюжій рѣзчикъ сочинялъ чувствительные стихи и выбралъ ихъ постояннымъ цѣнителемъ Павла. Стихи, впрочемъ, были таковы, что Павелъ только хмурился и моталъ головой. Неизвѣстно было даже, читалъ онъ ихъ или только разсматривалъ наружную форму буквъ. Но онъ, по крайней мѣрѣ, не смѣялся, между тѣмъ какъ другіе были гораздо хуже и постоянно поднимали на смѣхъ новаго поэта съ его чувствительными произведеніями.

Рулевой разсматривалъ это пестрое и въ то же время однородное общество и чувствовалъ, какъ будто сердце его оттаиваетъ послѣ мороза. Эти люди были совершенно здоровы, у нихъ не было рефлексовъ и праздныхъ разсужденій. Они брали изъ жизни то, что находили у своего порога, худое и хорошее, но постоянно старались сколько возможно уменьшить первое и увеличить второе. На ихъ умѣ какъ будто лежала печать полезныхъ матеріальныхъ цѣнностей, которыя они производили изо дня въ день, и здѣсь, въ Нью-Іоркѣ, какъ въ Саратовѣ или Ростовѣ-на-Дону, этотъ маленькій кружокъ составлялъ звено всеміpнаго естественнаго франкъ-масонства производителей, которое постоянно обволакиваетъ земной шаръ своими самопроизвольно выростающими петлями.

Танъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Ирландія отъ возстанія 1798 года до агарной реформы нынѣшняго министерства.

(*Продолженіе* *).

VI.

Не только вслѣдствіе внушеній сознательной политической мысли, но и по инстинкту, похожему на инстинктъ голоднаго человѣка, рвущагося къ пищѣ, Вольфъ Тонъ рвался къ организаціи, къ скорѣйшему ея образованію, ибо онъ смотрѣлъ на это, какъ на такой шагъ, безъ котораго впередъ идти совсѣмъ невозможно. Ему удалось использовать все нароставшее оппозиціонное настроеніе среди городской молодежи, и 18-го октября 1791 года въ Бельфастѣ уже произошло первое засѣданіе «Общества соединенныхъ ирландцевъ», образованнаго Вольфомъ Тономъ. Первый составъ этого сначала легальнаго «Общества» былъ изъ 36-ти человѣкъ, изъ которыхъ на засѣданіи присутствовало двадцать. На этомъ засѣданіи была принята слѣдующая резолюція. Главная, существеннѣйшая мѣра, необходимая для процвѣтанія и свободы Ирландіи, заключается въ равномъ представительствѣ всего ирландскаго народа (въ парламентѣ); для достиженія этой цѣли и основывается настоящее общество. Такъ какъ англійское преобладаніе слишкомъ сильно, то для отпора ему единственнымъ конституціоннымъ средствомъ будетъ полная радикальная реформа парламентскаго представительства на принципѣ совершеннаго уравненія правъ всѣхъ вѣроисповѣданій. Содѣйствовать этой цѣли всѣми зависящими отъ нихъ средствами и обязались другъ предъ другомъ члены новаго общества. Не теряя времени на подробную выработку непосредственной практической программы, Вольфъ Тонъ отправился въ Дублинъ, чтобы здѣсь основать отдѣленіе новаго общества: для революціи столица не менѣе важна была, чѣмъ для правительства. Здѣсь онъ встрѣтилъ дѣятельныхъ помощниковъ въ лицѣ Неппира Тэнди и Самуэля Нильсона, сына диссидентскаго священника. Оба эти лица еще до выступленія на арену борьбы Вольфа Тона мечтали о проведеніи въ жизнь

---

*) См. „Міръ Божій“ № 1, 1904 г.

основной его идеи: объединенія людей всѣхъ вѣроисповѣданій, существующихъ на ирландскомъ островѣ, противъ англійскаго правительства и противъ пресмыкающагося предъ нимъ дублинскаго парламента. Эта идея такъ громко подсказывалась провокаторской дѣятельностью администраціи, ея попустительствомъ и снисхожденіемъ ко всякимъ безобразіямъ «предразсвѣтныхъ парней» и другихъ волонтеровъ добровольнаго протестантскаго сыска, что средній классъ ирландскаго населенія самою логикою жизни былъ приведенъ къ мысли раскрыть глаза своему народу и объединить его противъ общаго врага. Характерно, что первыми адептами, иниціаторами и организаторами «объединенныхъ ирландцевъ» были именно представители буржуазной, диссидентской и, вообще, протестантской молодежи: имъ особенно стыдно и больно было за своихъ соотчичей, столь наивно поддавшихся правительственному наускиванію на католиковъ, а кромѣ того они особенно сильно увлеклись французской революціей, какъ вслѣдствіе болѣе высокаго общаго культурнаго своего уровня, такъ и потому, что, революціонное гоненіе католицизма во Францію совершенно никакихъ струнъ въ ихъ душѣ болѣзненно не затрогивало. Въ началѣ ноября (9-го числа) 1791 г. въ Дублинѣ появилась первая прокламація мѣстнаго отдѣленія «Общества объединенныхъ ирландцевъ» *). Этотъ документъ начинается чрезвычайно характерно: «Въ нынѣшнюю великую эру реформы, когда несправедливыя правительства падаютъ во всѣхъ частяхъ Европы, когда религіозное преслѣдованіе вынуждено отказаться отъ своей тиранніи надъ совѣстью, когда права людей утверждены въ теоріи, а теорія эта осуществляется на практикѣ, когда древнее происхожденіе уже не можетъ болѣе защитить нелѣпыя и притѣснительныя формы противъ здраваго смысла и общихъ интересовъ человѣческаго рода, когда признано, что всякая правительственная власть проистекаетъ отъ народа и обязательна лишь постольку, поскольку она защищаетъ его права и споспѣшествуетъ его благосостоянію,— мы, ирландцы, считаемъ нашимъ долгомъ выступить впередъ и выяснить то, отъ чего мы ощущаемъ тяжкій для себя вредъ, а также то, въ чемъ, по нашему убѣжденію, дѣйствительное противъ него средство. Мы не имѣемъ національнаго правительства. Нами управляютъ англичане и прислужники англичанъ, цѣль которыхъ есть интересъ другой стороны, орудіе которыхъ—подкупъ, сила которыхъ коренится въ слабости Ирландіи, и эти-то люди пользуются полнотою власти и хозяйскаго вліянія въ странѣ, какъ средствами къ соблазну и подчиненію честности и духа ея представителей въ законодательствѣ. Такой внѣшней силѣ, проявляющей однообразное дѣйствіе въ

---

*) „Declaration of the Society of United Irishmen in Dublin 9-th Novembe 1791 г.", напечатанная въ приложеніи къ II-му тому (стр. 304 и сл.) вышеназваннаго сочиненія Madden'а.

направленіи, слишкомъ часто противуположномъ истиннымъ и очевиднымъ нашимъ интересамъ, можетъ быть оказано дѣйствительное сопротивленіе только при помощи единства, рѣшительности и (поднятія) духа въ народѣ,—при помощи качествъ, которыя въ состояніи проявиться вполнѣ легально, конституціонно и дѣйствительно посредствомъ этой великой мѣры, существенной для блага и свободы Ирландіи,—равнаго представителства всего народа въ парламентѣ». Далѣе прокламація развивала основную мысль о необходимости корен-

Вольфъ Тонъ.

ной реформы дублинскаго парламента на основѣ полнѣйшаго уравненія всѣхъ вѣроисповѣданій въ политическихъ правахъ, и для достиженія этой цѣли рекомендовалось слѣдующее: «Мы приглашаемъ и самымъ серьезнымъ образомъ увѣщеваемъ нашихъ земляковъ вообще послѣдовать нашему примѣру и образовывать подобныя общества во всѣхъ частяхъ королевства для распространенія конституціонныхъ знаній, изгнанія ханжества въ религіи и политикѣ, и для достиженія

равнаго распредѣленія человѣческихъ правъ среди ирландцевъ всѣхъ сектъ и наименованій». Въ концѣ прокламаціи былъ прибавленъ текстъ клятвы, приносившейся каждымъ новымъ членомъ общества; клятва обязывала каждаго члена, *насколько отъ него зависитъ*, содѣйствовать братскимъ чувствамъ, сознанію одинаковости интересовъ ирландцевъ всѣхъ религій, «безъ чего всякая парламентская реформа должна выйти партійной, а не національной», должна оказаться несостоятельной и вызвать разочарованіе.

Анализируя содержаніе этой прокламаціи и знакомясь съ первыми шагами общества, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію. Иниціаторы находились подъ несомнѣннымъ и сильнымъ воздѣйствіемъ «Деклараціи правъ» и, вообще, французскихъ революціонныхъ идей и событій; они рѣшили все свое вниманіе устремить на противодѣйствіе административнымъ провокаціямъ вѣроисповѣдной и національной розни; они хотѣли полной автономіи Ирландіи; и, наконецъ, они боялись испугать своимъ радикализмомъ націю. Это явствуетъ изъ сопоставленія такихъ двухъ фактовъ: въ прокламаціи они, распространяясь о непосредственной цѣли своей дѣятельности, ровно ничего не говорятъ о средствахъ къ полученію желательной парламентской реформы, отдѣлываясь неопредѣленными приглашеніями всѣхъ и каждаго способствовать усиленію братскихъ чувствъ единенія и солидарности, а между тѣмъ общество дѣйствовало (особенно съ 1794 г.) путемъ чисто-революціонной агитаціи вполнѣ сепаратистскаго характера,—и вопросъ о парламентской реформѣ вскорѣ отошелъ куда-то совсѣмъ въ сторону. Мы имѣемъ для подтвержденія этого мнѣнія еще и положительное свидѣтельство никого другого, какъ самого Вольфа Тона, который по поводу этой (и ей подобныхъ) прокламаціи писалъ своему другу Росселю:

«Въ предыдущемъ содержится мое дѣйствительное и искреннее мнѣніе о состояніи этой страны (Ирландіи), насколько при настоящихъ обстоятельствахъ можетъ быть рекомендовано его (мнѣніе) обнародовать. Конечно, онѣ (посылаемыя Росселю прокламаціи) немного уклоняются отъ истины, но вѣдь сама истина иногда должна снизойти до сдѣлокъ. Мое неизмѣнное мнѣніе состоитъ въ томъ, что гибель ирландскаго благополучія заключается въ англійскомъ вліяніи: я увѣренъ, что это вліяніе всегда будетъ широко, пока длится связь между обѣими странами; тѣмъ не менѣе, такъ какъ я знаю, что это сужденіе для настоящаго времени слишкомъ смѣло, хотя черезъ весьма короткій срокъ оно можетъ установиться повсемѣстно, я не внесъ его въ резолюціи, я только предложилъ выдвинуть реформу парламента, въ качествѣ оплота противъ этого зла, которое, какъ это можетъ видѣть на всякомъ примѣрѣ каждый честный человѣкъ, желающій открыть свои глаза, подавляетъ интересы Ирландіи. Я не сказалъ ни единаго слова, которое обнаруживало бы желаніе отдѣленія, хотя

вамъ и друзьямъ вашимъ я высказываю, какъ самое рѣшительное мое мнѣніе, что такое событіе было бы возрожденіемъ для этой страны».

Положеніе Вольфа Тона было однимъ изъ самыхъ трудныхъ, въ какія только исторія ставитъ людей: это было положеніе революціонера-педагога, революціонера, видящаго себя въ необходимости съ воспитательными цѣлями говорить вполголоса, имѣть заднія мысли въ переговорахъ не только съ чужимъ, но и со своимъ лагеремъ. Для всякаго, изучавшаго хоть сколько-нибудь обстоятельно жизнь и дѣла этого человѣка, даже просто—для читавшаго одинъ только дневникъ его и его процессъ, совершенно ясно, что Вольфъ Тонъ зарѣзалъ бы и жену, и дѣтей, и себя, не поколебавшись ни одного мгновенія, если бы зналъ, что это обстоятельство какъ-нибудь выгонитъ изъ Ирландіи англичанъ. Эта ненависть переливалась за бортъ, душила его и обусловливала всѣ его поступки.

При подобныхъ условіяхъ Вольфъ Тонъ не въ состояніи былъ, повидимому, и примѣнять къ своимъ дѣйствіямъ иной критики, кромѣ, такъ сказать, чисто стратегической: вотъ почему всѣ декламаціи насчетъ іезуитизма его дѣйствій, расточаемыя нѣкоторыми англійскими историками, обличая благородство души своихъ авторовъ, являются, въ то же время, довольно безполезнымъ занятіемъ, если въ видѣ главной задачи ставить себѣ выясненіе общественныхъ условій Ирландіи наканунѣ взрыва. Для насъ тутъ важно установить, *почему* Тонъ не говорилъ всего, о чемъ онъ думалъ, въ 1791—2—3 годахъ? Не говорилъ потому, что боялся внести сразу же разбродъ въ только еще предположенное, еще не начинавшееся дѣло объединенія общенаціональной оппозиціи. Мало того: на обнародованную программу, при всей ея умѣренности, онъ смотрѣлъ, какъ на «пробный камень» для легальной, вигистской оппозиціи, съ давнихъ поръ существовавшей въ дублинскомъ парламентѣ и тоже стоявшей за парламентскую реформу. «Они не искренніе друзья народнаго дѣла»,—писалъ Тонъ въ томъ же письмѣ къ Росселю о клубѣ виговъ: «они боятся народа такъ же сильно, какъ боится его за́мокъ (т.-е. лордъ-намѣстникъ)». Тонъ не вѣрилъ имъ, презиралъ ихъ и думалъ, что если они не примкнутъ къ его программѣ, то, значитъ, въ душѣ они очень довольны своими протестантскими привилегіями и о католикахъ соболѣзнуютъ лишь на словахъ. «Примѣните пробный камень *); если они выдержатъ испытаніе—хорошо, если не выдержатъ, то они лживы и притворяются, и чѣмъ скорѣе они будутъ разоблачены, тѣмъ лучше». Тонъ дѣйствовалъ по зрѣло обдуманному политическому методу: искренно желающихъ того же, что и онъ, не распугивать рѣзкими словами и формулировками, слишкомъ рѣшительными для еще не вполнѣ

*) Apply the touchstone etc.

назрѣвшаго революціоннаго чувства, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, безъ всякаго замедленія выяснить этимъ самымъ колеблющимся и нерѣшающимся людямъ, что лучше имъ продолжать колебаться и нерѣшаться, нежели попасть въ руки такихъ дѣятелей, которые въ душѣ желаютъ свести къ ничтожеству всѣ планы политическаго переустройства и которые намѣрены отыграться соболѣзнующими словами и легкою фрондою отъ ненужнаго имъ рѣшенія грозной исторической задачи. Эти-то сознательные противники и казались Вольфу Тону тѣмъ опаснѣе, что они являлись уже вполнѣ сформированной группой, имѣвшею вліяніе и располагавшею громкими именами. Нужно замѣтить, что Тонъ былъ неправъ относительно нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ этой группы, но совершенно справедливъ въ оцѣнкѣ большинства. Напрасно только Тонъ боялся, что громкія имена парламентаріевъ составляютъ серьезную опасность для новаго общества, къ которому они не примкнутъ: онъ тогда, въ концѣ 1791 и началѣ 1792 гг., еще мало зналъ свое поколѣніе, тѣхъ людей, какихъ судьба послала ему въ помощники. Напримѣръ, одинъ Самуэль Нильсонъ, сопутствовавшій Тону съ первыхъ же его шаговъ, самъ по себѣ стоилъ цѣлаго отряда агитаторовъ. Онъ неутомимо разъѣзжалъ по сѣвернымъ и центральнымъ округамъ Ирландіи, гдѣ война между католиками-дефендерами и пресвитеріанами (предразсвѣтными парнями) кипѣла по всей линіи, и не переставалъ увѣщевать дерущихся, указывая имъ на болѣе по его мнѣнію цѣлесообразное употребленіе силъ. Кое-гдѣ Нильсону и Вольфу Тону удавалось, дѣйствительно, умиротворить эти междоусобицы, что и вызвало неодобрительное вниманіе такихъ, казалось бы, патентованныхъ охранителей всеобщаго спокойствія, какъ вице-король, его губернаторы и знатные лорды. Такъ, въ августѣ 1792 г лордъ Дауншайръ, воспользовавшись тѣмъ случаемъ, что Тонъ и Нильсонъ явились къ нему съ прямымъ указаніемъ на безобразія предразсвѣтныхъ парней и на благосклонное къ нимъ отношеніе властей, горько упрекалъ обоихъ своихъ посѣтителей, говоря, что во всемъ виноваты католики, которые сами заводятъ смуту, а потомъ обижаются, когда патріотическіе граждане ихъ колотятъ; что, наконецъ, у католиковъ уже есть цѣлая вооруженная армія (законопреступнымъ образомъ составившаяся). Вольфъ Тонъ не былъ созданъ для успокоенія начальственныхъ тревогъ; онъ подтвердилъ, что, дѣйствительно, вооруженіе у католиковъ имѣется, ибо нужно же имъ защищаться, когда на нихъ нападаютъ, но что если бы правительство на самомъ дѣлѣ хотѣло ихъ защитить отъ насилій предразсвѣтныхъ парней, то порядокъ мгновенно воцарился бы.

Тонъ съ Нильсономъ, конечно, и къ лорду Дауншайру ходили исключительно съ агитаціонными цѣлями: понимали же они, что англійское правительство, уже почуявшее слѣды дѣйствій новой организаціи, уже замѣтившее ускореніе темпа революціонизированія страны, не можетъ

не обратиться съ удвоеннымъ жаромъ къ своему *дѣйствительно* серьезному, *дѣйствительно* капитальному средству: къ средству натравливанья пресвитеріанъ на католиковъ съ цѣлью помѣшать ихъ объединенію на почвѣ борьбы противъ Англіи. Но имъ было важно разоблачить лорда Дауншайра и ему подобныхъ такъ, чтобы самые слѣпые увидѣли, въ чемъ тутъ дѣло. Это имъ и удалось, и всегда удавалось, ибо нужно же было Дауншайру оправдать какъ-нибудь явное попустительство англійскихъ властей творимымъ безобразіямъ, и, въ виду полной невозможности логически склеить тутъ хоть какое-нибудь извиненіе, онъ либо говорилъ смѣшныя неправдоподобности (что было для его собесѣдниковъ очень хорошо), либо проговаривался (что было еще лучше). Счастливыя времена отсутствія организованнаго противодѣйствія политикѣ натравливанья, времена отсутствія систематическаго ея разоблаченія—проходили. Сознательные, угадывающіе и неустающіе враги вставали предъ Вильямомъ Питтомъ.

VII.

Нильсонъ былъ всегда склоненъ къ литературнымъ занятіямъ и прежде всѣхъ пришелъ къ заключенію, что пока идеи «Общества соединенныхъ ирландцевъ» не имѣютъ для своего распространенія спеціальнаго органа, до той поры дѣло пропаганды не можетъ считаться прочно поставленнымъ. Идея встрѣтила полную поддержку со стороны «Общества» вообще и Вольфа Тона въ частности. Новая газета («Сѣверная Звѣзда» *) стала выходить въ Бельфастѣ съ 4-го января 1792 года, подъ редакціей Нильсона, и сдѣлалась руководящимъ агитаціоннымъ органомъ. Цѣлью газеты, какъ указывалось въ ея програмныхъ статьяхъ, была проповѣдь необходимости коренной парламентской реформы на основѣ общаго избирательнаго права и объединенія ирландцевъ всѣхъ религій, а по мысли Вольфа Тона новый органъ долженъ былъ сдѣлаться главнымъ распространителемъ извѣстій о томъ, что дѣлалось въ эти годы во Франціи, ибо, несмотря на отсутствіе предупредительной цензуры какъ въ Англіи, такъ и въ Ирландіи, о быстро слѣдовавшихъ другъ за другомъ событіяхъ французской революціи подданные Георга III узнавали очень мало, очень поздно, очень плохо и въ очень одностороннемъ освѣщеніи: нѣчто посильнѣе всякой цензуры было тому причиною. Французская революція съ 1792 года стала рѣшительно непопулярна не только въ аристократическихъ кругахъ Англіи, которые ненавидѣли и боялись ея съ самаго взятія Бастиліи, но и въ средѣ буржуазной, и общественное мнѣніе Англіи, подогрѣваемое къ тому же національнымъ чувствомъ ввиду призрака близкой и грозной войны съ Франціей, самымъ демонстра-

*) „Northern Star“.

тивнымъ образомъ обнаруживало свою вражду къ французскимъ дѣламъ и тенденціямъ. Ирландцы же заимствовали, обыкновенно, свои политическія свѣдѣнія изъ англійскихъ источниковъ и, хотя склонны были всякую англійскую точку зрѣнія принципіально отрицать именно въ силу того, что она англійская,—но это мало помогало дѣлу правильнаго и всесторонняго ознакомленія съ революціей и ея принципами. Для Вольфа Тона уже тогда важно было «воздвигнуть Ирландію, какъ независимую отъ Англіи республику», а для воспитанія сраны въ республиканскихъ чувствахъ весьма существеннымъ казалось знакомство съ Франціей, именно тогда превращавшейся въ республиканскую страну.

Къ великой радости Вольфа Тона передовое ирландское общество съ сочувствіемъ встрѣтило и поддержало пропаганду, и въ этомъ смыслѣ «объединеннымъ ирландцамъ» оказали большія услуги сыновья одного банкира изъ Корка—братья Генри и Джонъ Чирсы. Они много путешествовали по Франціи и успѣли познакомиться съ выдающимися революціонными дѣятелями, напримѣръ съ Роланомъ и Бриссо. Они вернулись въ Ирландію какъ разъ въ то время, когда терроръ во Франціи еще только начинался. Они видѣли самое свѣтлое время революціи, періодъ грандіозныхъ мечтаній о космополитическомъ братствѣ, о полнѣйшемъ возрожденіи общества, о всеобщей освободительной войнѣ «народовъ противъ деспотовъ». Вернувшись въ Ирландію, они примкнули къ «Объединеннымъ Ирландцамъ» и усилили франкофильское теченіе въ обществѣ. Братья Чирсы принесли обществу, въ которое вошли, сво необыденное по тѣмъ временамъ образованіе (библіотека ихъ была изъ лучшихъ въ странѣ), знакомства и связи, свою твердую волю и желаніе быть полезными. Враги сразу обратили на нихъ свое полное вниманіе. Въ 1793 г. лордъ-канцлеръ заявилъ въ палатѣ лордовъ, что братья Чирсы суть члены французскаго якобинскаго клуба и, въ качествѣ якобинскихъ эмиссаровъ, они состоятъ на жалованьи и имѣютъ миссію поддерживать броженіе въ Ирландіи. Генри Чирсъ съ негодованіемъ опровергъ это утвержденіе, а братъ его собирался даже вызвать лорда канцлера на дуэль: подобное обвиненіе не только затрагивало честь ихъ, но оно въ эту эпоху, т.-е. въ первую половину 1790-хъ г.г., могло также скомпрометтировать «Объединенныхъ Ирландцевъ» въ тѣхъ ирландскихъ общественныхъ кругахъ, которые именно и предстояло еще завоевывать, которые колебались, боялись, не рѣшались и гнали отъ себя мысль о союзѣ съ Франціей, мысль, фатально-неустранимымъ призракомъ, съ году на годъ все яснѣе и яснѣе, выроставшую предъ Ирландіей.

Трудные и хлопотливые были эти годы (1792 — 1795) для Вольфа Тона. Пропаганда шла весьма дѣятельно, но все-таки не могла такъ скоро, какъ это желалось «объединеннымъ ирландцамъ», привести къ окончательному результату. Редакція «Сѣверной Звѣзды» съ Нильсономъ во главѣ продолжала свое дѣло, несмотря на скудость средствъ

и правительственныя преслѣдованія, проявляя при всѣхъ злоключеніяхъ и препятствіяхъ ту холодную энергію и упорство, которыя такъ характерны для этого поколѣнія. Временами Вольфу Тону, дѣйствительно, могло повидимому казаться, что вся игра ведется какъ-то въ пустую, что несложные, до азбучности удобопонятные принципы «объединенныхъ ирландцевъ» изо дня въ день толкуются устно и печатно гдѣ-то въ молчаливо-безотвѣтномъ пространствѣ. Подобный періодъ присущъ всякой безъ исключенія пропагандѣ, подобно тому какъ штиль присущъ океанамъ. Въ данномъ случаѣ и штилевой періодъ былъ сравнительно непродолжителенъ, и перенести его съумѣли очень стойко. Съ самаго начала своей политической дѣятельности Вольфъ Тонъ не переставалъ держаться мнѣнія, что Ирландія для своего освобожденія отъ Англіи самымъ серьезнымъ образомъ нуждается во французской помощи. Когда въ началѣ 1793 г. вспыхнула, наконецъ, война между Англіей и Франціей, Вольфъ Тонъ съ обычной трезвостью взгляда рѣшилъ, что его дѣлу можетъ важную услугу оказать не фразеологія французская о братствѣ всѣхъ націй (столь плѣнившая братьевъ Чирсовъ), а то несомнѣнное стратегическое соображеніе, что Ирландія, перейдя на сторону французовъ, сдѣлается для нихъ удобнымъ мѣстомъ высадки, серьезной союзницей и грозной базой для дальнѣйшей наступательной войны противъ Англіи. Продолжая вмѣстѣ съ тѣмъ сознавать, что говорить объ этомъ вслухъ еще рано, Вольфъ Тонъ рѣшилъ дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовалъ бы всякій министръ иностранныхъ дѣлъ, исподоволь начинающій разработку извѣстнаго дипломатическаго плана, но вовсе не считающій необходимымъ оповѣщать объ этомъ urbi et orbi.

Въ началѣ 1794 г. начались сношенія между французской республикой и Вольфомъ Тономъ черезъ посредство нѣкоего Джексона. Французамъ важно было узнать въ точности о состояніи умовъ въ Ирландіи, а Вольфу Тону—о томъ насколько желательная для него высадка входитъ въ военные французскіе планы. Но Вильямъ Питтъ не только говорилъ вдохновенно, мыслилъ вдохновенно, поступалъ вдохновенно,—онъ и шпіонилъ тоже вдохновенно: направляя всю развѣдочную энергію обыкновенно не на тотъ пунктъ, который уже объятъ пламенемъ открытой борьбы, и гдѣ по логикѣ вещей сыскъ уступаетъ мѣсто вооруженной силѣ, а туда, гдѣ даже еще безъ опредѣленныхъ симптомовъ, путемъ чисто апріорныхъ заключеній можно предложить возникающую опасность,—Вильямъ Питтъ уже давно не переставалъ переводить глаза съ Парижа на Дублинъ и обратно. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ превосходно понималъ, гдѣ именно ему слѣдуетъ либо употреблять интеллигентныхъ шпіоновъ, либо совсѣмъ никого, т.-е. при какихъ обстоятельствахъ отъ обыденныхъ сыщиковъ можно ожидать одного только вреда и огорченій. Пріѣхавъ по дѣлу своей тайной франко-ирландской миссіи въ Лондонъ, Джексонъ отправился къ одному юристу Ко-

кэйну, горячо ему рекомендованному, и подѣлился съ нимъ своими планами. Кокэйнъ тотчасъ же передалъ обо всемъ Вильяму Питту, который, воздержавшись отъ немедленнаго заарестованія Джексона, далъ Кокэйну дальнѣйшее порученіе—поѣхать за Джексономъ въ Ирландію, чтобы прослѣдить, съ кѣмъ тотъ будетъ видѣться и войдетъ въ сношенія. Ничего не подозрѣвающій Джексонъ въ сопровожденіи своего молодого спутника отправился въ Ирландію. Здѣсь, за обѣдомъ у общаго друга Леонарда Макъ-Нелли онъ видѣлся съ Вольфомъ Тономъ, который и написалъ для передачи французскому правительству мемуаръ о положеніи Ирландіи; былъ въ сношеніяхъ съ Джексономъ также Гамильтомъ Роуэнъ, одинъ изъ видныхъ пропагандистовъ, хотя сношенія эти и не носили непосредственнаго характера. Кокэйнъ исправно и регулярно доносилъ обо всемъ Вильяму Питту, и въ апрѣлѣ (1794 г.) Джексонъ былъ арестованъ въ Дублинѣ. Роуэну удалось бѣжать изъ ньюгэтской тюрьмы, гдѣ онъ сидѣлъ, судъ надъ Джексономъ, надъ которымъ повисло обвиненіе въ государственной измѣнѣ, былъ отложенъ, а относительно Вольфа Тона до поры до времени никакихъ мѣръ не было принято, вслѣдствіе отсутствія вполнѣ ясныхъ уликъ, ибо была захвачена копія, а не рукопись мемуара. Тѣмъ не менѣе, онъ оставался подъ сильнымъ подозрѣніемъ и могъ ожидать болѣе года ареста со дня на день. Въ это время онъ проявлялъ усиленную агитаторскую дѣятельность, какъ бы боясь, что не успѣетъ сдѣлать до ареста того, что нужно. Правительство, съ своей стороны, рѣшило покончить съ «Объединенными ирландцами», и 4 мая 1794 года полиція напала въ Дублинѣ на собраніе общества, разогнала участниковъ, захватила всѣ бумаги, и затѣмъ начались аресты. Это обстоятельство, въ связи съ дѣломъ Джексона, сильно смутило умѣренную часть «Общества объединенныхъ ирландцевъ». До сихъ поръ они, во-первыхъ, смотрѣли на себя, какъ на ассоціацію, вполнѣ легальную, а на Вольфа Тона, какъ на человѣка, который, подобно братьямъ Чирсамъ, съ негодованіемъ могъ бы опровергнуть всякое обвиненіе въ сношеніяхъ съ французскимъ правительствомъ.

Теперь дѣло круто измѣнилось. Началось отпаденіе болѣе нерѣшительныхъ элементовъ отъ общества, и предъ Тономъ всталъ вопросъ, тѣмъ съ большею настоятельностью требовавшій отъ него разрѣшенія, что онъ висѣлъ надъ агитаторомъ съ самаго начала его дѣятельности, и который заключался вотъ въ чемъ: будетъ ли ирландское общественное мнѣніе на сторонѣ рѣшительной проповѣди союза съ Франціей? Тонъ зналъ, что всякая отстрочка прямой и открытой постановки этой проблемы для него выгодна, ибо даетъ возможность усилить пропаганду въ тѣхъ кругахъ, которые еще къ подобной мысли не привыкли; и онъ, пока могъ, скрывалъ свою программу. Но теперь, въ 1794—1795 гг. обнаружилось ясно, что еще кто-то вполнѣ разгадалъ его программу и спѣшитъ скомпрометтировать *ею* «объединенныхъ ирландцевъ».

Этотъ кто-то былъ Вильямъ Питтъ, который, не довольствуясь разгромомъ митинга 4-го мая, арестомъ и преслѣдованіями «Объединенныхъ ирландцевъ» и всяческимъ раздуваніемъ дѣла Джексона, одновременно, какъ оказалось, озаботился принять и другія мѣры для укрѣпленія раскола среди своихъ враговъ: вдругъ разнеслись слухи, что правительство намѣрено сдѣлать рядъ уступокъ въ пользу католиковъ и уравнять ихъ въ правахъ съ протестантами. Вольфъ Тонъ сознавалъ всю тонкость этого шахматнаго хода Вильяма Питта; вотъ что писалъ ирландскій агитаторъ о главной массѣ населенія, о католикахъ, къ которымъ онъ самъ, протестантъ и республиканецъ, не принадлежалъ ни по религіи, ни по убѣжденіямъ: «Если бы ихъ не раздражала тиранія каждый часъ и въ каждомъ дѣйствіи втеченіе всей ихъ жизни, если бы они были свободно допущены къ равному пользованію ирландской конституціей, они бы сдѣлались, по истинному духу ихъ религіи, самыми мирными, послушными, преданными порядку и благонамѣренными подданными (британской) имперіи. Ихъ гордое и старое дворянство и ихъ духовенство склонялись даже скорѣе къ феодальнымъ, рыцарскимъ и нѣсколько торійскимъ принципамъ, чѣмъ къ демократіи. Но общія страданія теперь соединили ихъ въ общей ненависти къ правительству, въ желаніи его ниспроверженія». Вождь ирландскихъ парламентскихъ виговъ Граттанъ, всѣми силами желавшій предотвратить возстаніе и, вопреки мнѣнію о немъ Вольфа Тона, дѣйствительно, стремившійся къ эмансипаціи католиковъ, посѣтилъ 15-го октября 1794 года Вильяма Питта и услышалъ изъ устъ его обѣщаніе не противиться мѣрамъ, направленнымъ въ пользу католиковъ. Мало того: ирландскимъ вице-королемъ былъ назначенъ графъ Фицвильямъ, котораго Питтъ отпустилъ изъ Лондона съ прямымъ разрѣшеніемъ способствовать уравненію католиковъ въ правахъ съ протестантами. Фицвильямъ, убѣжденный сторонникъ эмансипаціи, только потому и поѣхалъ въ Ирландію въ качествѣ вице-короля, что изъ разговоровъ съ Питтомъ онъ вывелъ вполнѣ опредѣленное заключеніе о желательности для Питта полной эманcипаціи католиковъ: «Иначе я бы никогда не взялъ на себя управленія», писалъ впослѣдствіи Фицвильямъ графу Карлейлю *).

Когда разнеслись по Ирландіи слухи о разговорѣ Граттана съ Питтомъ, и когда былъ назначенъ новый вице-король, Вольфъ Тонъ не могъ не видѣть, что теперь уже его покинутъ не одни только нерѣшительные люди изъ «Общества объединенныхъ ирландцевъ», но милліоны католиковъ, ради которыхъ онъ велъ всю игру и безъ которыхъ онъ былъ безсиленъ. Планъ всеобщаго возстанія съ цѣлью превращенія Ирландіи въ совершенно самостоятельную республику получалъ со стороны Питта весьма серьезный ударъ. Общее ликованіе

*) См. „Eighty five Iears ofirish History“, т. I, стр. 22.

встрѣтило новаго вице-короля, и все страшно трудно дававшееся дѣло систематической революціонной агитаціи разомъ увидѣло себя висящимъ какъ-то въ воздухѣ, безъ почвы, безъ голоса. Это было хуже полицейскаго набѣга 4 мая 1794 года, хуже обысковъ и арестовъ, хуже всѣхъ пока бывшихъ репрессалій, хуже потому, что лишало «объединенныхъ ирландцевъ» главныхъ кадровъ ихъ будущей арміи, превращало ихъ изъ представителей общенаціональныхъ чаяній и стремленій въ кучку никому неинтересныхъ франкофильствующихъ теоретиковъ-республиканцевъ. Но Вольфъ Тонъ еще сохранялъ спокойствіе; онъ многое умѣлъ,—въ томъ числѣ умѣлъ и ждать. И судьбѣ угодно было на этотъ разъ сократить его ожиданія и устроить одну изъ тѣхъ волшебно-быстрыхъ перемѣнъ декораціи, когда историческая сцена въ одинъ мигъ становится совершенно неузнаваема и для зрителей, и для актеровъ.

VIII.

Восьмого февраля 1795 года вице-королю Фицвильяму написано было изъ министерства письмо, въ которомъ этого сановника увѣдомляли, что дѣло эмансипаціи католиковъ нужно совсѣмъ отложить для пользы государства. Почти тотчасъ же Фицвильямъ подалъ въ отставку, и Ирландія узнала о непонятнѣйшей неожиданной перемѣнѣ курса, установившагося съ конца 1794 года и съ начала 1795-го. Конечно, смотря на службу не только съ точки зрѣнія формуляра и жалованья, Фицвильямъ и не могъ оставаться въ должности вице-короля послѣ подобнаго неслыханно-крупнаго кризиса, но онъ возмущенъ былъ, главнымъ образомъ, еще и поведеніемъ Питта, который незадолго до того такъ положительно высказывался въ пользу католиковъ и который прекрасно зналъ, что подразнить ирландцевъ надеждою и обѣщаніями и, затѣмъ, вдругъ, безъ всякихъ предисловій и приготовленій, объявить о крушеніи ихъ надеждъ и о лживости собственныхъ обѣщаній, равносильно прямой провокаціи возстанія. Когда вице-король уѣхалъ изъ Дублина, его провожалъ какъ бы траурный кортежъ: вмѣстѣ съ нимъ удалялись всѣ чаянія мирнаго разрѣшенія вопроса, владѣвшія большинствомъ населенія, и улицы столицы покрылись траурными флагами.

Что со стороны Вильяма Питта было *съ самаго начала*, съ посылки либеральнаго вице-короля, опредѣленное желаніе *нарочно* возбудить надежды ирландцевъ, чтобы потомъ ихъ внезапно обмануть и вызвать бунтъ, — это доказать неопровержимо было бы трудно (хотя нѣкоторые ирландскіе историки рѣшительно на томъ настаиваютъ). Но что, отзывая вице-короля, Питтъ уже зналъ, на что онъ идетъ,—въ этомъ тоже сомнѣнія быть не можетъ. Онъ впослѣдствіе утверждалъ, что не хотѣлъ возстанія, и даже сердился на тѣхъ, кого обвинялъ въ давнишнемъ обостреніи англо-ирландскихъ отношеній. Быть можетъ, разгадка лежитъ въ томъ, что Вильямъ Питтъ не же-

лалъ *такого* возстанія, *такой* грозной вспышки, съ высадкою французовъ, съ тысячами труповъ, съ пожарами чуть не во всей странѣ. Отзывая вице-короля, онъ разсчитывалъ вызвать броженіе, подавить его безъ труда — и исполнить то, о чемъ всегда мечталъ, т.-е. уничтожить дублинскій самостоятельный парламентъ, хотя и протестантскій, хотя и англо-фильскій,—но все же бывшій въ его глазахъ помѣхою и могшій стать когда нибудь ячейкою формальнаго отдѣленія Ирландіи отъ Англіи. Но Питту пришлось испытать всѣ неудобства, неизбѣжно вытекающія изъ всякой сложной и имѣющей дѣло съ массами—политической провокаціи. Она была на этотъ разъ хорошо обдумана и поэтому достигла своего конечнаго результата,— но не въ человѣческихъ силахъ предвидѣть будущее во всей его конкретности,—и поэтому цѣну за полученный результатъ пришлось уплатить нѣсколько выше той, какая предполагалась. Вотъ въ какомъ смыслѣ Питтъ, дѣйствительно, былъ правъ, говоря впослѣдствіи, что онъ не желалъ возстанія 1798 года.

Дѣло въ томъ, что опять враждебная ему сознательная сила вышла и встала на его пути. Эта сила упорно мѣшала благимъ для Англіи междоусобіямъ между католиками и пресвитеріанами; она же дѣлала небезопаснымъ всякій опытъ эмансипаціи католиковъ, ибо грозила воспользоваться будущимъ католическимъ (т.-е. значитъ, національнымъ) дублинскимъ парламентомъ, какъ орудіемъ для достиженія сепаративныхъ цѣлей; наконецъ, косвенно вынудивъ Питта, послѣ краткаго колебанія (разговора съ Граттаномъ, назначенія Фицвильяма), уже прямо выступить на путь провокаціи мятежа, она же властно вмѣшалась въ дѣло и страшно его осложнила.

Вольфъ Тонъ къ великой радости увидѣлъ, что никакой эмасипаціи католиковъ отъ англійскаго правительства никто теперь ожидать уже не можетъ. Разомъ и круто все повернулось лицомъ къ революціонерамъ и спиною къ правительству,—но это такъ было сначала больше въ мысли, нежели въ настроеніи: говорили, писали, жаловались, что правительство само гонитъ Ирландію на поле битвы,—и все-таки смотрѣли на Питта, все-таки еще чего-то ждали, не спѣшили перемѣнить позицію. На почвѣ этого сложнаго общественнаго настроенія и возникла идея (тотчасъ же послѣ увольненія вице-короля, въ февралѣ 1795 года) послать въ Лондонъ депутацію съ цѣлью представить англійскому правительству всю невозможность предотвратить мятежъ при подобныхъ условіяхъ и выразить протестъ противъ удаленія Фицвильяма. Въ концѣ концовъ рѣшено было только просить о возвращеніи Фицвильяма отъ имени «Католическаго комитета», вполнѣ лояльной организаціи, которая въ эти годы несравненно сдержаннѣе, чѣмъ «Объединенные ирландцы», но все - таки весьма настойчиво требовала эмансипаціи католиковъ. Вольфъ Тонъ имѣлъ прямыя сношенія съ этимъ комитетомъ. Одна изъ опаснѣйшихъ (для Англіи)

чертъ его характера заключалась въ умѣніи быть связью, живымъ мостомъ между умѣренною оппозиціею и революціонерами, если только онъ могъ ожидать отъ тѣхъ или иныхъ представителей умѣренной оппозиціи какихъ-либо демонстративныхъ проявленій ихъ чувствъ. Комитетъ предложилъ ему (протестантская религія его не послужила препятствіемъ) ѣхать въ числѣ другихъ своихъ делегатовъ въ Лондонъ,—и Вольфъ Тонъ согласился, явно имѣя въ виду интересы своего дѣла, т.-е. желая, чтобы его товарищи по поѣздкѣ воочію увидѣли, насколько смѣшно ожидать чего-нибудь отъ Вильяма Питта. Вотъ что писалъ объ этомъ много лѣтъ спустя человѣкъ, не сочувствовавшій его взглядамъ: «Хотя онъ (Вольфъ Тонъ) былъ акредитованнымъ секретаремъ или агентомъ римско-католическаго комитета и отправлялся въ качествѣ таковаго въ Лондонъ вмѣстѣ съ другими делегатами, Кигомъ и Макъ-Кормикомъ,—я нашелъ, что онъ рѣшительно, съ отвращеніемъ и страхомъ, не хочетъ и боится, чтобы католическіе лидеры не имѣли какихъ-либо сношеній съ Питтомъ и друзьми Питта, и что онъ лишь настолько стоитъ за эмансипацію, насколько это совпадаетъ съ его идеями о реформѣ на основаніи французскихъ принциповъ».

Тотъ же авторъ пишетъ, что по его убѣжденію, Тонъ былъ бы очень недоволенъ, въ сущности, если бы правительство на самомъ дѣлѣ эмансипировало католиковъ, ибо «онъ видѣлъ, что это замедлило бы или сдѣлало бы безуспѣшною большую реформу, которую онъ имѣлъ въ виду», т.-е. отдѣленіе Ирландіи и превращеніе ея въ демократическую республику.

Въ Бельфастѣ, въ домѣ Самуэля Нильсона, издателя «Сѣверной Звѣзды», у автора этого любопытнаго мемуара *) былъ разговоръ съ Вольфомъ Тономъ, причемъ авторъ высказалъ мысль, что ирландцы могли бы освободиться безъ какой бы то ни было помощи со стороны Франціи. «Если вы дѣйствуете, на основаніи подобнаго принципа», возразилъ Вольфъ Тонъ: «то вы можете долго и съ достаточнымъ успѣхомъ продолжать заниматься своими канатными заводами и парусною мануфактурою: ибо безъ вторженія (французовъ) *никогда* въ Ирландіи не будетъ *дѣйствительной* борьбы». При подобныхъ убѣжденіяхъ Вольфъ Тонъ могъ только торжествовать, когда изъ петиціи по поводу отставки Фицвильяма ровно ничего не вышло: Питтъ, являлся въ его глазахъ, въ данномъ случаѣ, товарищемъ и союзникомъ въ трудномъ дѣлѣ революціонизированіи мирно настроенныхъ гражданъ.

Новый вице-король лордъ Кэмденъ прибылъ 31 марта 1795 г. При его встрѣчѣ въ Дублинѣ произошли серьезные уличные безпорядки, въ

*) Написаннаго спеціально для Madden'a и напечатаннаго въ вышеназванномъ его сочиненіи (3-я серія,—томъ I, стр. 130 ислл.)

встрѣчавшихъ вице-короля сановниковъ бросали камнями, дома начальствующихъ лицъ подверглись нападеніямъ, были вызваны войска, произошла стычка, и два человѣка изъ толпы были убиты. Надвигалась уже та эпоха приближенія революціи, когда каждый годъ чудовищно не похожъ на своего предшественника, когда каждый мѣсяцъ несетъ съ собою такія впечатлѣнія, какихъ прежде не было за десять лѣтъ, наконецъ,—когда выступаетъ самая характерная (ибо самая *объективная*) черта революціоннаго періода: господство неожиданностей. Напримѣръ, этой враждебной новому вице-королю демонстраціи никто не подготовлялъ, никто не обдумывалъ ея хода и не настраивалъ ея участниковъ, а она возникла сама собою. Согласно нѣмецкой пословицѣ, «кто сѣетъ вѣтеръ, пожинаетъ бурю». Вѣтеръ былъ посѣянъ въ Ирландіи всѣми условіями ея соціально-политическаго быта, а приблизили бурю «объединенные ирландцы» и англійское правительство. Еще буря не наступала, но когда «сами собою» начинали случаться событія неожиданно даже для ихъ участниковъ,—это стихійное явленіе, очевидно для всѣхъ, было уже не за горами и неслось на Ирландію.

Тотчасъ послѣ прибытія Кэмдена начались репрессаліи, и стало несомнѣнно, что реакція будетъ свирѣпствовать съ давно неслыханной силой. 1795 годъ былъ во многихъ отношеніяхъ поворотнымъ пунктомъ въ ирландской исторіи. Усилія революціонеровъ въ этомъ году раздвоились: Вольфъ Тонъ уѣхалъ изъ Ирландіи и обратился всецѣло къ осуществленію своего плана привлеченія французскихъ войскъ,—а «Объединенные ирландцы» остались въ Ирландіи, продолжая пропаганду и постепенно переходя къ устройству общеирландскаго заговора. Но Тонъ уѣхалъ бы не такъ рано, если бы не былъ принужденъ это сдѣлать: при лордѣ Фицвильямѣ и, вообще, при болѣе или менѣе нормальныхъ условіяхъ, власти его не могли бы тронуть, хотя онъ и былъ замѣшанъ въ дѣлѣ Джексона. Прямыхъ уликъ не было, а показаній предателя Кокэйна было мало. Теперь, при реакціонномъ вице-королѣ, пребываніе въ Ирландіи все-таки начинало казаться небезопаснымъ. Окончательно это выяснилось послѣ процесса Джексона. Судъ надъ Джексономъ, арестованнымъ за годъ слишкомъ,—наконецъ, начался 23 апрѣля 1795 года. Уже давно ясно было, что все погибло, что Кокэйнъ—предатель, что правительству все до мелочей извѣстно, что спасенія нѣтъ. Однимъ изъ его защитниковъ былъ Леонардъ Макъ Нелли, выдающійся юристъ, литераторъ и членъ-учредитель «Общества объединенныхъ ирландцевъ». Втеченіе слѣдствія «Объединенные ирландцы» составили весьма серьезную и удачную комбинацію для спасенія Джексона путемъ бѣгства, но Джексонъ отвергъ этотъ планъ по неизвѣстнымъ причинамъ. Историкъ, наиболѣе обстоятельнымъ образомъ остановившійся на джексоновскомъ эпизодѣ и сопровождающихъ его обстоятельствахъ, о которыхъ у насъ

будетъ сейчасъ идти рѣчь, говоритъ, что Джексонъ утомился отъ жизни, и, поэтому, бѣгство его не манило. Процессъ длился нѣсколько дней,—и когда 30 апрѣля его привели въ судъ, его лицо и тѣло судорожно подергивались и блѣденъ онъ былъ, какъ мертвецъ, но взглядъ выражалъ попрежнему непреклонную рѣшительность. Въ самомъ началѣ засѣданія онъ упалъ въ консульсіяхъ на полъ и почти тотчасъ же скончался: утромъ, предъ отправленіемъ на судъ, жена, по его желанію, успѣла незамѣтно передать ему мышьякъ.

Незадолго до процесса, когда его другъ и защитникъ, Леонардъ Макъ-Нелли, сидѣлъ у него въ камерѣ, Джексонъ написалъ нѣсколько писемъ къ людямъ, которые могли бы позаботиться о судьбѣ его семьи, а также составилъ завѣщаніе. На завѣщаніи онъ прибавилъ: «Подписано и запечатано въ присутствіи моего самаго дорогого друга, чье сердце и принципы должны рекомендовать его какъ достойнаго гражданина, — Леонарда Макъ-Нелли». Джексонъ не зналъ (и не узналъ до самой смерти, вскорѣ послѣдовавшей), что въ его камерѣ сидитъ англійскій шпіонъ, который всѣ вручаемыя ему бумаги перешлетъ Вильяму Питту.

Леонардъ Макъ-Нелли, продавшійся англійскому правительству, былъ для ирландскихъ революціонеровъ внѣ всякаго сравненія опаснѣе, нежели даже Кокэйнъ, не говоря уже о шпіонскомъ плебсѣ, о тѣхъ фигурахъ, безъ толку засматривавшихъ въ окна и слонявшихся по Дублину и Бельфасту, которыя больше, такъ сказать, совершали моціонъ по улицамъ и, подъ предлогомъ пользы службы, пьянствовали на казенный счетъ въ посѣщаемыхъ кабакахъ, нежели споспѣшествовали начальственнымъ предначертаніямъ. Леонардъ Макъ-Нелли имѣлъ не случайныя связи съ «Объединенными ирландцами», какъ какой-нибудь Кокэйнъ; его всѣ знали и онъ всѣхъ зналъ, и съ первыхъ же засѣданій общества онъ на нихъ присутствовалъ. Его многіе не любили уже давно, а нѣкоторые чувствовали непобѣдимое отвращеніе, но такъ какъ не было никакихъ явно подозрительныхъ фактовъ, то это не отражалось на его положеніи въ обществѣ. Предателемъ онъ сталъ далеко не сразу; во время джексоновскаго дѣла, увидѣвъ себя скомпрометтированнымъ показаніями Кокэйна и другихъ агентовъ, а также кое-какими иными уликами, Леонардъ Макъ-Нелли и рѣшилъ предложить свои услуги правительству. Вице-король лордъ Кэмденъ, пересылая бумаги покойнаго Джексона Вильяму Питту въ Лондонъ, писалъ, что получилъ эти бумаги отъ Макъ-Нелли, который всецѣло въ рукахъ правительства. Вице-король добавлялъ, что теперь Макъ-Нелли могъ бы поѣхать во Францію слѣдить тамъ за вдовою Джексона, которой французское правительство можетъ помочь, ибо Джексонъ въ своемъ завѣщаніи и послѣднихъ письмахъ выразилъ надежду, что Франція поможетъ его семьѣ. Такъ вотъ, вице-королю и казалось, что хорошо бы, если-бъ Макъ-Нелли прослѣдилъ въ Парижѣ, какія именно будутъ сношенія между вдовою и французскимъ правительствомъ.

Но министерство менѣе вѣрило въ человѣчество, нежели вице-король, и поставило Кэмдену на видъ слѣдующее: боясь за себя, Макъ-Нелли сталъ шпіономъ; а вдругъ, будучи командированъ во Францію, онъ тамъ почувствуетъ себя въ безопасности и поведетъ себя злокачественно, т.-е. перестанетъ шпіонить и опять примется за революціонные происки? Можетъ ли его сіятельство ручаться, что это не произойдетъ? Его сіятельство отвѣтилъ, что не можетъ. Макъ-Нелли остался въ Ирландіи, ему назначенъ былъ окладъ въ 300 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, и здѣсь онъ приступилъ къ исполненію своихъ новыхъ обязанностей. Онъ ужасенъ былъ тѣмъ, что никому и въ голову не приходило, что онъ шпіонъ. Онъ такъ долго былъ юрисконсультомъ «Объединенныхъ ирландцевъ», говорилъ такъ революціонно, казался столь преданнымъ дѣлу, что даже чисто-личныя антипатіи, имѣвшіяся относительно него, не спѣшили проявляться. И онъ продолжалъ вращаться въ самыхъ тѣсныхъ революціонныхъ кружкахъ и въ самыхъ важныхъ салонахъ легальной оппозиціи, и, къ изумленію всѣхъ, постоянно оказывалось, что глаза Вильяма Питта видятъ сквозь стѣны, а уши слышатъ самый тихій шопотъ. И какъ разъ изъ Ирландіи уѣхалъ человѣкъ, у котораго былъ инстинктъ, чтобы заподозрить предателя, неутомимая тонкость ума и хитрость, чтобы открыть его, и желѣзная энергія, чтобы обезвредить.

Въ своемъ отчетѣ, написанномъ для французскаго правительства и найденномъ при арестѣ Джексона, Вольфъ Тонъ изображалъ Ирландію весьма близкой къ возстанію и, слѣдовательно, вполнѣ расположенною принять французскій дессантъ самымъ дружественнымъ образомъ. Послѣ процесса Джексона правительство, не имѣя возможности доказать вполнѣ ясно, что этотъ (переписанный кѣмъ-то) отчетъ принадлежитъ именно Вольфу Тону, дало, тѣмъ не менѣе, понять, что оно будетъ его преслѣдовать. Все-таки (благодаря отчасти вмѣшательству многочисленныхъ и вліятельныхъ друзей Тона) ему позволили выѣхать изъ страны, куда пожелаетъ, но выѣхать во чтобы то ни стало. Въ Дублинѣ онъ видѣлся съ Томасомъ-Эддисомъ Эмметомъ, на котораго (совершенно, какъ увидимъ, справедливо) возлагалъ весьма большія надежды и который достойно замѣнилъ его въ эти годы на родинѣ. Оттуда онъ съ женою, сестрою и тремя дѣтьми поѣхалъ въ Бельфастъ, гдѣ всѣ они сѣли на отходившее въ Филадельфію судно. Предъ самымъ отъѣздомъ онъ прощался съ Нильсономъ, Макъ-Крэкеномъ, Росселемъ и Симсомъ, своими товарищами. Разстававшіеся торжественно поклялись никогда не прекращать борьбы, пока не низвергнутъ англійскаго владычества, никогда не оставлять начатаго дѣла, никогда не полагать оружія до достиженія Ирландіей полной самостоятельности. Когда судно, увозившее Вольфа Тона, пропало въ дали Атлантическаго океана, едва ли бельфастскія власти, на обязанности которыхъ было донести вице-королю о совершившемся отъѣздѣ, могли предполагать,

что этотъ человѣкъ еще вернется на родину, приводя съ собою иностранную армію.

IX.

Реакція, съ которой въ 1795 и въ слѣдующіе годы пришлось считаться ирландскимъ революціонерамъ, была не только правительственною, проявлялась не только въ оффиціальныхъ вѣшаніяхъ и публичныхъ засѣканіяхъ и олицетворялась не только чиновниками. Вся англійская исторія пріучила гражданъ къ широчайшей самодѣятельности, а жившіе въ Ирландіи англичане-епископалисты, окруженные всегда враждебнымъ населеніемъ, и подавну привыкли смотрѣть на самопомощь, какъ на дѣло первой необходимости. Подобно правительству, они дѣятельно стравливали ирландцевъ-пресвитеріанъ съ ирландцами-католиками, принимали живѣйшее участіе въ дракахъ между ними,—всегда, конечно, въ рядахъ предразсвѣтныхъ парней противъ католиковъ-дефендеровъ, защищавшихся отъ добровольческихъ домашнихъ обысковъ и другихъ насилій. «Общество объединенныхъ ирландцевъ» въ лицѣ Нильсона, Тилинга и иныхъ своихъ членовъ, дѣятельно вмѣшавшись въ эту борьбу, какъ уже сказано, упорно добивалось примиренія враждующихъ сторонъ. Тогда англичане пришли въ живѣйшую тревогу, которая особенно усилилась со времени слѣдствія по процессу Джексона: французское нашествіе, всеобщее возстаніе, убійства и изгнанія стали грознымъ и близкимъ призракомъ предъ юридически господствовавшей, но численно слабою въ Ирландіи расою. Подъ вліяніемъ систематической революціонной пропаганды, а, быть можетъ, еще болѣе подъ вліяніемъ внезапно обманутыхъ надеждъ, католики, съ весны 1795 года, послѣ отозванія вице-короля Фицвильяма, перешли въ наступленіе гораздо рѣшительнѣе, нежели прежде. Цѣлый рядъ нападеній на протестантскіе дома и помѣстья былъ ознаменованъ грабежемъ и убійствами; цѣлый рядъ арестовъ сопровождался самыми суровыми приговорами, а иногда и расправой безъ всякаго суда. Среди англійскаго общества въ Ирландіи все болѣе и болѣе укрѣплялась мысль дѣйствовать подобно врагамъ, т.-е. какъ Вольфъ Тонъ и его товарищи: отправиться самимъ на пропаганду въ пресвитеріанскіе округи и тамъ дѣйствовать словомъ и убѣжденіемъ. Было разослано много дѣятельныхъ агентовъ съ цѣлью проповѣди религіозной вражды между ирландцами обоихъ вѣроисповѣданій, и такъ какъ эти агенты всюду встрѣчали полное сочувствіе чиновниковъ вице-короля Кэмдена, то кое-что въ желаемомъ направленіи имъ сдѣлать удалось. Въ сентябрѣ рядъ стычекъ въ графствѣ Эрмогѣ окончился кровавымъ столкновеніемъ при Дайемондѣ, гдѣ нѣсколько десятковъ человѣкъ было убито, а еще больше ранено. Побѣда осталась на сторонѣ протестантовъ. Конечно, никакого стратегическаго или политическаго непосредственнаго значенія подобныя побѣды или пораженія не играютъ въ междоусобной гверильѣ, но

даймондское происшествіе сильно подбодрило англичанъ и заставило ихъ, не теряя времени, собрать первое засѣданіе давно уже предположеннаго новаго общества. 21-го сентября 1795 года, вечеромъ, послѣ даймондской битвы, произошло первое собраніе «*оранжистовъ*».

Они назвали себя оранжистами въ честь и въ память Вильгельма III Оранскаго, короля Англіи, призваннаго на престолъ послѣ низверженія въ 1688 году Іакова II. Вильгельмъ III усмирилъ въ Ирландіи возстаніе, при немъ огромныя земли были тамъ конфискованы и отданы въ руки англичанъ, при немъ отчасти утверждены, отчасти вновь созданы стѣснительные для католиковъ законы. Его имя всегда вспоминалось ирландскими англичанами съ почтеніемъ и благодарностью, какъ устроителя и завершителя ихъ экономическаго и политическаго преобладанія въ завоеванной странѣ. Но, прикрывшись именемъ Вильгельма III, оранжисты обнаружили не только логичность, а еще и большой тактъ. Дѣло въ томъ, что опрометчивъ и неостороженъ тотъ насильникъ, который откровенно и гласно ведетъ свою родословную отъ другого насильника, ничѣмъ, кромѣ ударной силы, не отличившагося, и только очень ужъ простодушные люди въ исторіи хвалясь говорили, подобно сумароковскому «самозванцу» о себѣ, какъ о злодѣяхъ, а о своихъ собственныхъ дѣлахъ, какъ о преступленіяхъ, и то говорили безсознательно. Съ дѣятелями, за которыми была прожитая ихъ предками многовѣковая политическая культура, ничего подобнаго случиться не могло. Они знали, что Вильгельмъ III былъ не только усмирителемъ Ирландіи, но и олицетвореніемъ побѣды надъ Іаковомъ II, надъ деспотизмомъ; что съ его воцаренія началась уже не прерывавшаяся эпоха строго-конституціонной жизни; что виги его считали живымъ палладіумомъ англійскихъ вольностей. Когда Ирландія вздумала, на свою бѣду, встать для защиты Іакова II, потому что онъ былъ католикомъ и воцареніе протестантскаго короля Вильгельма грозило ирландскимъ интересамъ, — противъ возставшихъ были всѣ англичане, не только обычные враги Ирландіи, но и люди съ самыми свѣтлыми, освободительными взглядами. Усмирить ирландцевъ въ 1688 — 1689 гг. значило лишить изгнаннаго тирана Іакова II послѣдней надежды на англійскій престолъ. Вильгельмъ III это и сдѣлалъ.

Оранжисты совершенно вѣрно могли разсчитать, что, благодаря стеченію такихъ совсѣмъ исключительныхъ обстоятельствъ, Вильгельмъ остался въ ореолѣ побѣдителя деспотизма и слугъ деспотизма, и что популярнѣе того усмиренія никакое иное быть не можетъ. А имъ нужна была моральная поддержка метрополіи,—не только матеріальная, имъ важно было изобразить себя стоящими на аванпостѣ и стражѣ англійской свободы и самостоятельности, не только борющимися за свои привилегіи и интересы. Тогда, въ XVII вѣкѣ, говорили оранжисты, враговъ Англіи поддерживалъ деспотъ Людовикъ XIV, помогавшій Іакову и ирландцамъ; теперь ирландскихъ бунтовщиковъ хочетъ под-

держивать французская директорія, т.-е. тотъ же вѣковѣчный иноземный непріятель. Слѣдовательно, необходимо воскресить традиціи Вильгельма III и дружно, сообща, бороться противъ бунтовщиковъ-католиковъ. Все это искусственное приплетаніе имени Вильгельма было шито бѣлыми нитками, но оранжисты заботились о впечатлѣніи, и его, безспорно, произвели. Это были уже не предразсвѣтные парни, не буянящая пресвитеріанская деревенская молодежь. Представители средняго, а спустя нѣкоторое время и высшаго класса англійскаго населенія Ирландіи примкнули къ оранжистамъ, и новое общество сдѣлалось главной воинствующей организаціей, прямо направленной противъ католическихъ домогательствъ и противъ всѣхъ стремленій «Объединенныхъ ирландцевъ». Предразсвѣтные парни были арміей, а оранжисты главнымъ штабомъ и офицерами, предводителями и вдохновителями, заступниками и адвокатами предъ властями и на судѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда ужасы, производившіеся предразсвѣтными парнями, выходили рѣшительно изъ ряду вонъ. Впрочемъ, съ этихъ поръ самое названіе предразсвѣтныхъ парней понемногу исчезаетъ и замѣняется терминомъ «оранжисты». Страшное время наступило для католиковъ. Шайки оранжистовъ иногда во время ночныхъ нападеній отрѣзывали имъ уши, выкалывали глаза, рубили пальцы, иногда убивали совсѣмъ, не стѣсняясь количествомъ. Напримѣръ (около года спустя послѣ образованія новаго общества) въ одну ночь, безъ всякой причины, были зарѣзаны католики-арендаторы графа Черльмонта, причемъ число ихъ опредѣлялось въ восемнадцать душъ. Подобныхъ событій за 1795—1798 гг. можно насчитать довольно много. Въ первые же недѣли послѣ образованія оранжистовъ пожары католическихъ домовъ стали совершенно обычнымъ явленіемъ, такъ же, какъ насильственный выводъ цѣлыхъ семей изъ жилищъ, часто совершенно нагими для большаго издѣвательства, и изгнаніе ихъ съ арендуемыхъ участковъ, причемъ лендлордъ денегъ не возвращалъ, а власти, въ отвѣтъ на изступленныя жалобы измученныхъ и голодныхъ жертвъ, говорили, что они очень жалѣютъ, но ничего подѣлать не могутъ. Нападенія были ужасны тѣмъ, что рѣшительно ничѣмъ не вызывались, и ихъ могъ ожидать буквально всякій крестьянинъ-католикъ каждый день; нападавшіе были умѣло организованы и вооружены, а власти дѣлали только деликатные упреки руководителямъ оранжистовъ за нарушеніе тишины и спокойствія. Изрѣдка только отдавали подъ судъ очень ужъ явно уличенныхъ убійцъ; такъ въ іюлѣ нѣсколькихъ оранжистовъ судили и двухъ повѣсили, а остальныхъ оправдали, несмотря на тягчайшія улики и гнусныя преступленія, въ которыхъ они обвинялись.

Это была какая-то истребительная война, ведшаяся съ холодною жестокостью. Англиканское духовенство при этомъ случаѣ убѣдительнѣйше доказывало отъ Писанія, что оранжисты наинадлежащимъ обра-

зомъ истолковываютъ ученіе Христа, многочисленные голоса въ обѣихъ палатахъ дублинскаго парламента горько упрекали католиковъ въ томъ, что они сами вынуждаютъ оранжистовъ къ такому съ собою обращенію, а потомъ еще преувеличиваютъ свои бѣды и жалуются. И въ литературѣ тоже много и горько упрекали католиковъ въ нежеланіи понять наконецъ, что если оранжисты ихъ рѣжутъ, то, во всякомъ случаѣ, дѣлаютъ это изъ самыхъ похвальныхъ чувствъ. «Оранжисты почти всецѣло состоятъ изъ членовъ господствующей (установленной, англиканской) церкви, они привязаны къ установленному правительству этого королевства, къ связи между этимъ королевствомъ (Ирландіей) и Англіей... и все, что они недавно сдѣлали, проистекало изъ этихъ привязанностей» *), писалъ одинъ изъ этихъ литературныхъ апологетовъ всѣхъ оранжистскихъ неистовствъ. Конечно, если бы оставалась еще хоть тѣнь возможности, что революціи въ Ирландіи не будетъ, то и эта тѣнь при подобныхъ условіяхъ весьма скоро исчезла бы.

Во всѣхъ концахъ Ирландіи съ удивительной быстротой выростали католическія дружины дефендеровъ, имѣвшія спеціальною цѣлью отражать набѣги оранжистовъ, и съ небывалою силою вновь начались упорныя и повсемѣстныя сшибки этихъ двухъ враждебныхъ элементовъ. Теперь уже совершенно открыто интеллигентные руководители становились во главѣ обоихъ лагерей; карты были совсѣмъ раскрыты, и обѣ фракціи знали, что дѣло у нихъ пойдетъ уже не только о католикахъ, но и объ отдѣленіи Ирландіи. Мысль, которую долженъ былъ всего три-четыре года предъ тѣмъ такъ глубоко таить про себя Вольфъ Тонъ, теперь стала на очереди дня.

«Объединенные ирландцы» еще 10-го мая 1795 года, т.-е. за десять дней до отплытія Вольфа Тона въ Америку, закончили нѣкоторыя измѣненія въ программѣ организаціи общества. Что касается программы то въ видѣ конечныхъ цѣлей были выставлены—полное отдѣленіе Ирландіи и введеніе въ этой странѣ распубликанскаго образа правленія, и прежняя схема—требованіе парламентской—реформы на почвѣ уравненія правъ всѣхъ религій и національностей была оставлена сначала вождями, а потомъ и большинствомъ членовъ. Относительно организаціи, также въ соотвѣтствіи съ измѣнившимися условіями, были приняты особыя мѣры. Усилена была конспирація въ виду того, что при лордѣ Кэмденѣ не только увеличился штатъ сыщиковъ, но и оранжисты съ величайшей охотой брали на себя соглядатайство, которому предавались вовсе не по-диллетантски. Каждый отдѣльный кружокъ «Объединенныхъ ирландцевъ» долженъ былъ состоять изъ 12-ти человѣкъ; делегаты отъ этихъ кружковъ, располо-

---

*) „And all they have of late done, has originated from those attachments“, Lecky, l. c., VII, 183.

женныхъ въ извѣстной мѣстности, составляли низшіе комитеты данной мѣстности; уполномоченные отъ низшихъ комитетовъ составляли комитетъ даннаго округа; делегаты окружныхъ комитетовъ составляли собраніе графства, изъ делегатовъ собраній графствъ составлялись провинціальныя деректоріи, а уполномоченные, выбранные провинціальными директоріями, собирались въ Дублинѣ, въ количествѣ 5-ти человѣкъ, и это собраніе, называвшееся главной директоріей, вѣдало и распоряжалось всѣми дѣлами пропаганды и подготовленія открытаго бунта. Имена этихъ пяти человѣкъ были извѣстны лишь очень немногимъ лицамъ въ организаціи, а приказы ихъ передавались по нисходящимъ степенямъ — отъ высшихъ комитетовъ къ низшимъ.

Несмотря на сыскъ, на неразоблаченныхъ шпіоновъ (въ родѣ Макъ-Нелли), на многочисленность членовъ общества, эти мѣры все-таки сильно помогали дѣятельности «объединенныхъ ирландцевъ», и вице-король никакъ не могъ обнаружить сильно имъ подозрѣвавшейся связи между «объединенными ирландцами» и дефендерами. Когда съ осени 1795 г. нападенія и насилія оранжистовъ и слившихся съ ними (de facto) предразсвѣтныхъ парней усилились, отпоръ, данный дефендерами, систематическій и самый рѣшительный, показывалъ ясно, что они тоже не одни, что у нихъ тоже есть наставники и руководители.

Въ 1796 году оба лагеря уже начали открытую войну, съ непрерывными столкновеніями, внезапными нападеніями, убійствами и поджогами. Дефендеры тоже иногда позволяли себѣ самыя свирѣпыя издѣвательства надъ своими жертвами и самыя дикія насилія, напр., надъ плѣнниками. Въ смыслѣ человѣчности обѣ стороны другъ друга стоили. И чѣмъ больше свирѣпѣла эта борьба, тѣмъ болѣе въ глазахъ «Объединенныхъ ирландцевъ» и дефендеровъ становились серьезнѣе слова Вольфа Тона, что борьбы *дѣйствительной*, т.-е. имѣющей окончиться какими-нибудь положительными результатами, безъ французской помощи не будетъ. Не потому, конечно, что милліоны ирландцевъ безсильны предъ полумилліономъ англичанъ, а потому, что метрополія будетъ высылать на островъ одну армію за другою, и съ этими арміями инсургенты не справятся. Когда Питтъ отозвалъ вице-короля Фицвильяма, когда правительство явно покровительствовало оранжистамъ и закрывало глаза на всѣ ихъ безобразія, можно было выставить двѣ гипотезы о мотивахъ англійскихъ дѣйствій: во-первыхъ, не дѣлаетъ ли такъ правительство по необдуманности, не зная, что такая политика грозитъ мятежомъ? Во-вторыхъ, не есть ли это рядъ обдуманныхъ всесторонне политическихъ ходовъ, именно, чтобы вызвать мятежъ? Первая гипотеза, нѣкоторое время нравившаяся парламентской оппозиціи, отпадала сама собою: не таковъ былъ Вильямъ Питтъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ политиковъ всей англійской

исторіи, чтобы поставлять матеріалъ для анекдотовъ на тему о непониманіи и недальновидности; это былъ настоящій государственный умъ, а не узенькій, чиновничій, думающій только о сегодняшнемъ днѣ. Значитъ, оставалось второе предположеніе: думая сначала избѣгнуть грозившаго возстанія уступками, онъ во-время для себя увидѣлъ, что эти уступки окончатся либо отдѣленіемъ Ирландіи, либо все-таки возстаніемъ, и рѣшилъ разсѣчь гордіевъ узелъ: вызвать поскорѣе это возстаніе и, подавивъ его, окончательно скрѣпить владычество Англіи надъ Ирландіей. Оставался лишь одинъ пунктъ, не вполнѣ выясненный для «Объединенныхъ ирландцевъ»: принялъ ли въ разсчетъ Вильямъ Питтъ французское нашествіе? Можно было предположить, что принялъ,—и все-таки увѣренъ въ побѣдѣ. Но тутъ уже подобное предположеніе не могло испугать и не пугало ирландскихъ революціонеровъ: война между двумя могущественнѣйшими державами западной Европы могла окончиться побѣдою одной изъ сторонъ,—шансы въ точности высчитать было весьма затруднительно. Близился рѣшительный часъ, когда все зависѣло отъ того или иного рѣшенія французскаго правительства. Вольфъ Тонъ изъ-за границы ободрялъ оставшихся надеждами и примѣромъ собственной изумительной дѣятельности. Въ эту-то эпоху и выступилъ на помощь ему изъ революціонныхъ рядовъ другой герой ирландскаго возстанія — лордъ Фицджеральдъ.

Евг. Тарле.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ТРУДЪ.

Романъ **Ильзы Фрапанъ.**

Переводъ съ нѣмецкаго **Э. Пименовой.**

(*Продолженіе* *).

Съ трудомъ передвигая ноги, Іозефина поднялась по лѣстницѣ. Ею овладѣла какая-то странная слабость и растерянность. Войдя въ первую комнату, ярко освѣщенную луной, она вдругъ испугалась, какъ будто въ ея отсутствіи произошло тутъ что-то таинственное, страшное. Луна освѣщала всѣ комнаты и вездѣ ей казалось, что какая-то непонятная, таинственная сила угрожаетъ ей.

На балконѣ по-прежнему спокойно горѣла лампа въ неподвижномъ воздухѣ и летучія мыши перелетали съ мѣста на мѣсто. На столѣ, вокругъ лампы, образовался вѣнецъ изъ мертвыхъ мотыльковъ, которые покрывали также и раскрытую книгу. Но Іозефинѣ теперь все представлялось измѣненнымъ; какъ будто все вымерло вокругъ! Мысль, что ея тихой спокойной работѣ внезапно пришелъ конецъ, съ такою силою охватила Іозефину, что причинила ей страданіе.

— Нѣтъ покоя! Нѣтъ!—прошептала она.

Вдругъ ей представилось нѣжное личико Нинины; глазки ея были закрыты и губки поблѣднѣли.

— Нини! Нини!—проговорила она молящимъ шопотомъ, но глаза у нея были сухи.

— Нѣтъ надежды? Нѣтъ надежды?...

Она вскочила и дико озираясь бросилась бѣжать, черезъ пустыя комнаты, оо стономъ ломая руки:

— Никакой Надежды! Нини! Неужели!...

Но вдругъ у нея явилось сомнѣніе. Она стала искать телеграмму, которую забросила куда-то. Наконецъ она нашла ее и съ трудомъ прочла названіе мѣста, гдѣ была подана телеграмма: «Самптоласъ».

Она снова вернулась на балконъ, закрыла книги и потушила лампу. Но луна свѣтила ярко и обдавала призрачнымъ бѣлымъ свѣтомъ балконъ и всѣ комнаты.

---

*) См. „Міръ Божій“, № 1, январь, 1904 г.

Іозефина проговорила громко, охрипшимъ голосомъ:

— Она умретъ. Она уже умерла!..

Взявъ съ полки книги, она начала укладывать ихъ одна на другую на столѣ, не зная сама что дѣлаетъ. Въ головѣ у нея было пусто, никакихъ мыслей и только передъ глазами все носился образъ ребенка, съ закрытыми глазками, съ поблѣднѣвшими губками и рядъ домиковъ маленькой деревушки, затерявшейся въ горахъ, тамъ высоко, въ Граубюнденѣ.

— Черезъ Куръ! — вдругъ сказала она и начала, въ потьмахъ, искать путеводитель. Онъ былъ у нея зимой—она знала это навѣрное, только тогда онъ ни на что не былъ ей нуженъ.

Она побѣжала въ кухню и начала чистить башмаки и платье, затѣмъ уложила кое-какія вещи и опять вышла на балконъ. Долго сидѣла она и смотрѣла на озеро, пока на небѣ не появилось облачко, предвѣщавшее наступленіе утра. Теперь, по крайней мѣрѣ, можно было идти на вокзалъ и тамъ уже подождать утренняго поѣзда.

— Мы принесли ей множество цвѣтовъ, мама; набрали хорошенькихъ голубыхъ колокольчиковъ и красныхъ гвоздичекъ, но Нини ничего не хотѣла, ничего!—разсказывала Рёсли своей матери, смотря на нее вопросительнымъ, тревожнымъ взглядомъ.

— Ни незабудокъ, ни маленькихъ бѣлыхъ лилій, мама! Ничего ей не было нужно! Я знаю, гдѣ растутъ эти цвѣты... Нини тамъ, я это видѣла; въ ямѣ, у церкви. Лаура Анаиза постоянно лжетъ, она увѣряетъ, что Нини на небѣ.

Германнъ нагнулся къ самому уху матери и прошепталъ:

– Но дѣдушка очень грубый, мама; это старый злюка. Онъ все купалъ Нини, а она кричала: «Не надо, умоляю! Я буду умница!» Отъ этого она и умерла мама. Только онъ этого не долженъ слышать... Онъ идетъ, мама, прошу тебя, не говори ему ничего, будь съ нимъ ласкова, чтобы онъ ничего не замѣтилъ...

Вслѣдъ за этимъ мальчикъ бросился навстрѣчу дѣдушки и заговорилъ съ нимъ вкрадчивымъ тономъ:

— Мы нашли маму! Она вышла въ Руэрасѣ, потому что всѣ тамъ вышли. Мы хотимъ сейчасъ же показать мамѣ могилу Нини. Она уже умѣла говорить: «buen di» *), не правда ли, дѣдушка?

Съ плохо скрываемымъ отвращеніемъ старикъ Платтнеръ отстранилъ отъ себя мальчика и взялъ за руку дочь:

— Такъ все это скоро произошло,—сказалъ онъ.—Такой здоровый ребенокъ... Вчера мы ее похоронили... Пойдемъ въ домъ, Іози.

---

*) По-романски: „доброе утро“.

Существуетъ граница для всякаго страданія, за предѣлами которой оно уже не можетъ увеличиваться. Смерть младшаго ребенка вызвала у Іозефины тупое чувство горя. Она не видѣла, какъ страдалъ этотъ ребенокъ, не присутствовала при его смертя и благодарила судьбу за то, что она избавила ее отъ мучительнаго сознанія собственнаго безсилія у постели умирающаго ребенка.

Слова ея отца звучали въ ея ушахъ точно разсказъ постонняго о страданіяхъ такого же посторонняго лица. Трехдневная болѣзнь ребенка сильно потрясла старика и для него было тяжелымъ испытаніемъ то, что онъ не могъ тотчасъ же добыть врача, здѣсь въ горахъ, въ альпійской деревушкѣ, какъ только заболѣлъ ребенокъ. Это чувство безпомощности было особенно чувствительно для него, жившаго всегда въ большомъ городѣ, гдѣ на каждой улицѣ можно было найти врача.

— Ребенокъ захворалъ ночью; у него вдругъ сдѣлались судороги,—разсказывалъ онъ.—Хозяйка, очень порядочная женщина, приготовила для дѣвочки чай и сдѣлала ей теплую ванну. По ея словамъ, такіе припадки у дѣтей бываютъ нерѣдко. Къ утру дѣвочка успокоилась и заснула. Я спустился внизъ, въ Дизентисъ, но тамъ врача не оказалось, онъ куда-то уѣхалъ. Когда я вернулся, то Нини проснулась и попросила пить. Къ вечеру у нея снова появились судороги. Я отправилъ посланнаго въ Дизентисъ—вверхъ и внизъ это составляетъ 18 километровъ—чтобы онъ немедленно привелъ врача. Посланный вернулся съ отвѣтомъ, что повозка врача опрокинулась, онъ упалъ, сломалъ себѣ руку и разбилъ лицо. Врачъ прислалъ какое-то успокоительное лѣкарство и обѣщалъ побывать утромъ. Я подумалъ: не поѣхать ли мнѣ въ Андерматъ и не привезти оттуда врача? Ѣду въ Андерматъ, нахожу врача и привожу его съ собой. Онъ осмотрѣлъ малютку, но не могъ уяснить себѣ происхожденія судорогъ, тѣмъ болѣе, что въ этотъ моментъ никакихъ судорогъ у нея не было. Онъ далъ лѣкарство и уѣхалъ. Ему, вѣдь, надо было ѣхать черезъ Оберъальпъ, а ты знаешь, Іози, что это за путешествіе! Если бы не было свѣтло какъ днемъ, вслѣдствіе полнолунія, то онъ бы, конечно, не уѣхалъ. Но едва онъ отъѣхалъ, какъ снова начались судороги. «Бѣги, вороти врача»! — закричалъ Лаурѣ Анаизѣ. Она побѣжала и бѣжала до тѣхъ поръ, пока не упала. Но врачъ былъ уже далеко и вернуть его было нельзя. Ужасная ночь, скажу тебѣ, ужасная! Я чувствовалъ себя безпомощнымъ дуракомъ. Ахъ, истинное несчастье! Рано утромъ, въ семь часовъ, явился докторъ паціентъ, съ перевязанною головой и рукой въ лубкахъ. Славный парень, но въ общемъ, нѣсколько глуповатый. Онъ сказалъ, что я бы могъ самъ пріѣхать къ нему съ больнымъ ребенкомъ, потому что, вѣдь, онъ тоже больной, раненый. Но когда онъ увидалъ Нини, то шутка замерла у него на устахъ. «Къ сожалѣнію, тутъ дѣлать больше нечего. Еще одинъ

припадокъ и конецъ»,—сказалъ онъ мнѣ. Я былъ такъ ошеломленъ, точно меня ударили по затылку. «Ну, а вчера, можно было бы еще помочь ребенку?»—спросилъ я. Врачъ покачалъ головой и отвѣтилъ:— «Нѣтъ, этотъ родъ болѣзни всегда имѣетъ смертельный исходъ, въ особенности въ такомъ нѣжномъ возрастѣ».—«Четыре съ четвертью года»,—сказалъ я.—«Именно»—замѣтилъ онъ... Славный человѣкъ, только глуповатый... Ну, да вѣдь, онъ самъ былъ раненъ; ударился головой. Онъ оставался со мной и Ниной, пока не наступилъ конецъ.

Со своимъ загорѣлымъ, морщинистымъ лицомъ, обрамленнымъ длинными, бѣлыми волосами, старый Платтнеръ стоялъ передъ дочерью, точно невинноосужденный, который старается оправдаться.

— Ничего не было упущено, повѣрь мнѣ,—говорилъ онъ.—Прими этотъ ударъ съ покорностью, съ терпѣніемъ.

Старикъ съ чувствомъ пожалъ руки дочери и его свѣтлые, голубые глаза затуманились.

Іозефина, дѣйствительно, «терпѣливо» отнеслась къ своей потерѣ. Она была такъ спокойна, что всѣ удивлялись въ деревнѣ. Тамъ существовало убѣжденіе, что городскіе жители вообще не умѣютъ собою владѣть и поэтому всѣ были увѣрены, что городская «мамаша» непремѣнно будетъ кричать и плакать.

Но Іозефина не плакала и не кричала. Ей кланялись, заговаривали съ нею и она всѣмъ отвѣчала, просто и коротко, по-романски. Крестьяне и крестьянки, спокойные и серьезные, съ умными лицами, смотрѣли на эту городскую жительницу и ея также спокойное, строгое и умное лицо нравилось имъ. Они видѣли, что эта худая, высокая женщина, одѣтая въ черное, съ темными кругами около глазъ, понимаетъ, что жизнь не шутка и что надо умѣть приспособляться къ ней. Они то всегда хорошо понимали это. Высокія и дикія горы окружаютъ ихъ, а домики у нихъ такіе маленькіе! Лавины, каменные обвалы устремляются внизъ съ этихъ горъ и уничтожаютъ все на своемъ пути, лѣса, людей и животныхъ. Наступаетъ непогода и всѣ ручьи превращаются въ бурные потоки, низвергающіеся со страшною силой и уносящіе съ собой цѣлые обломки скалъ. Бѣшено несется потокъ, разрушаетъ мосты и заливаетъ поля, а крестьяне склоняютъ голову передъ бѣдствіемъ и также спокойно переносятъ его. А на утро, послѣ опустошенія, когда небо прояснится, грозный потокъ перестаетъ бушевать и снова превращается въ мирный, горный ручеекъ, отражающій голубыя небеса. Опять вся природа ликуетъ кругомъ и только бѣдные людишки, стоя на опустошенномъ полѣ, поливаютъ его своими слезами, преклоняясь передъ грозною силой и величіемъ природы, которая единовременно губитъ и восхищаетъ ихъ своею могучею красотой. Даже самая смерть представляется имъ не такой страшной среди этой красоты и величія природы.

Истомленной душѣ Іозефины все окружающее представлялось точно во снѣ. Зеленая долина съ маленькимъ, быстро несущимся и пѣнящимся потокомъ—Рейномъ и крутыми, поросшими сосновымъ лѣсомъ, предгорьями, позади которыхъ возвышались причудливые бѣлые рубцы высокихъ горъ, окружающихъ ее, хорошенькіе, маленькіе деревянные домики со своими сѣрыми крышами, съ наложенными на нихъ для тяжести камнями—все это казалось Іозефинѣ картиною, а не дѣйствительностью.

Она сидѣла около маленькой церкви, стараясь укрыться въ ея тѣни отъ палящихъ лучей полдневнаго солнца, а около нея играли дѣти. Церковь стоитъ на скалѣ, открытой со всѣхъ сторонъ и тутъ на маленькомъ кладбищѣ погребена ея Нини. Въ Самистоласѣ, вѣдь, нѣтъ кладбища.

Вотъ снова приближается похоронная процессія. Впереди идетъ причетникъ и несетъ черное траурное знамя, за нимъ два священника и славный, старый, сѣдовласый, капланъ изъ Руэраса. Мужчины несутъ простой, деревянный, безъ всякихъ украшеній, безъ единаго цвѣтка и вѣнка гробъ, а за ними двигается длинная, длинная вереница провожающихъ женщинъ, въ черныхъ, безформенныхъ юбкахъ, сгорбленныхъ и шепчущихъ молитвы, и дѣтей, въ такой же черной одеждѣ, но съ красными, веселыми личиками. Женщины перебираютъ своими загорѣлыми и огрубѣлыми отъ работы руками четки, въ то время какъ губы ихъ бормочутъ поминовенія, а яркіе солнечные лучи играютъ на пестрой каймѣ головныхъ платковъ и передниковъ.

Процессія пошла въ церковь, и Іозефина примкнула къ ней. Она такъ же страдаетъ, какъ и другіе. Вѣдь когда хоронили Нини, то вся деревня также провожала ее!

И Іозефинѣ показалось, будто теперь хоронятъ ея ребенка.

Процессія раздѣлилась. Гробъ поставили передъ главнымъ алтаремъ, а крестьянки, одна за другой, направились въ боковой придѣлъ, гдѣ на алтарѣ горѣла одинокая свѣча. Онѣ зажгли отъ нея принесенныя съ собою свѣчки, заслонивъ рукою дрожащее пламя, что бы оно не потухло, каждая изъ нихъ возвращалась потомъ на свое мѣсто въ холодной, темной и пропитанной запахомъ ладона церкви.

Началось продолжительное бормотаніе молитвы вполголоса и такое же продолжительное пѣніе хриплыми, неумѣлыми голосами, а затѣмъ длинная, однообразная проповѣдь около чернаго, лишеннаго всякихъ украшеній, гроба.

Какъ печально мерцаетъ огонекъ догорающихъ въ рукахъ молящихся свѣчей! Всѣ стоятъ на колѣняхъ. Свѣчи трещатъ и гаснутъ, но это не бѣда—другія имѣются въ запасѣ. Молитва будетъ продолжаться долго и даже онѣ успѣютъ догорѣть.

Іозефина молится по книгѣ своей сосѣдки. Ей не хочется здѣсь никого обижать; всѣ, вѣдь, ходили провожать Нинину.

— Развѣ мы всѣ не одинаково созданы изъ плоти и крови?—сказали ей, когда она благодарила за это вниманіе.

Да, она не хочетъ тутъ никого огорчать и будетъ молиться со всѣми вмѣстѣ.

Наконецъ обѣдня кончилась. Всѣ вышли. Друзья умершаго, несшіе его гробъ, снова подняли его на руки, чтобы отнести къ могилѣ.

На кладбищѣ молитва опять продолжалась долго, каждый изъ провожающихъ считаетъ своимъ долгомъ поклониться могилѣ кого-нибудь изъ своихъ близкихъ, друзей, родственниковъ. Тутъ ихъ много.

Небо сверкаетъ лазурью и точно грозные великаны стоятъ кругомъ горы, а тутъ на маленькой земной скалѣ, надъ пропастью, стоитъ на колѣняхъ у новой открытой могилы утомленное, но привыкшее къ страданіямъ человѣчество.

«И такъ вездѣ, въ цѣломъ мірѣ,—думаетъ Іозефина.—Маленькая земная скала, за которую цѣпляется жизнь, безцѣльная, безполезная и кратковременная... Нини умерла! Покойся, мое дитя! Ты была такъ мала и уже должна была страдать. Теперь ты больше не страдаешь. Покой—это лучшее въ мірѣ».

Платтнеръ съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на дочь, когда она вернулась.

— Отчего ты не пошла со мною въ Кіамуттъ?—сказалъ онъ недовольнымъ тономъ.—Смотри, какіе я нашелъ кристаллы, а парень, провожавшій меня, поразсказалъ мнѣ много интереснаго.

Іозефина разсѣянно кивнула головой.

— Ну какъ ты, Іози? Плохо чувствуешь себя, а?—Онъ взялъ ее за руку и заглянулъ ей въ глаза.

— Хорошо, отецъ, совсѣмъ хорошо,—отвѣчала она.—Но я бы хотѣла вернуться, работа ожидаетъ меня.

Платтнеръ вынулъ трубку изъ рта и проговорилъ:

— Уже? Ты бы могла немного отдохнуть.

— Мнѣ нуженъ трудъ; больше мнѣ ничего не нужно,—возразила она рѣшительнымъ тономъ.—Отпусти меня поскорѣе.

Старикъ покачалъ головой и съ стѣсненнымъ сердцемъ пробормоталъ, смотря на дочь:

— Только бы все шло хорошо!

Наканунѣ отъѣзда Іозефины, послѣ обѣда, началась сильная гроза. Только что кончился сѣнокосъ, и воздухъ былъ наполненъ ароматомъ свѣжескошеннаго сѣна. Іозефина отправилась съ дѣтьми въ лѣсъ, растущій на крутизнѣ, гдѣ дѣти собирали бруснику. Вдругъ небо потемнѣло; черныя тучи съ разорваными краями закрыли солнце и надъ темною долиной растянулся какой-то странный желтоватый туманъ. Горы заволокло облаками, такъ что едва можно было различить ихъ вершины.

— Домой, домой, скорѣе, дѣти!—крикнула Іозефина.

Удивленные и недовольные, дѣти неохотно повиновались матери; имъ такъ нравилось рвать зеленыя вѣточки, покрытыя красивыми бѣлыми и зелеными ягодками. Іозефина взяла за руку Ресли, а Германъ и Ули послѣдовали за ней. Надо было спуститься по крутой тропинкѣ между соснами, къ маленькому мостику, перекинутому черезъ Рейнъ. Зеленая вода потока пѣнилась и бѣшено крутилась около столбовъ, поддерживающихъ мостикъ, который дрожалъ отъ напора набѣгающихъ волнъ. Раздались первые удары грома.

Іозефина бросилась бѣжать черезъ мостикъ и потомъ мимо почернѣвшей мельницы, по узкой скалистой тропинкѣ, къ деревнѣ, дома которой уже были недалеко.

— Вы тутъ!—крикнулъ Платтнеръ, вышедшій къ нимъ навстрѣчу.— Я тоже только что вернулся. Черезъ Крюцлипасъ отправились туристы, но погода не благопріятствуетъ; имъ придется, вѣроятно, повернуть назадъ. Въ Седрунѣ уже разразилась гроза; скоро придетъ сюда.

Сверкнула молнія и съ колокольни маленькой Седрунской церкви раздался тревожный звонъ, которому вторили колокола въ Руэрасѣ и Сельвѣ. Въ гостинницѣ началась суматоха. Хозяинъ торопливо закрывалъ конюшни и сараи, а хозяйка поспѣшно убирала горшки цвѣтовъ, украшавшихъ веранду. Точно призрачное видѣніе, пронеслась мимо, по дорогѣ горная почтовая карета, запряженная пятеркою лошадей. Раздался шлепающій звукъ копытъ, ступающихъ по мокрой почвѣ. Передняя лошадь отпрянула назадъ, когда небо освѣтилось яркимъ голубоватымъ свѣтомъ молніи, а высокая фигура почтальона, съ развѣвающимся бичомъ въ поднятой рукѣ, казалось, будто висѣла въ воздухѣ.

Но дѣти не боялись грозы. Они стояли у окна гостиной и съ большимъ интересомъ смотрѣли на бѣгущее мимо по дорогѣ стадо коровъ, погоняемыхъ маленькими дѣвочками пастушками, съ красивыми платками на головѣ. Спасаясь отъ проливного дождя, коровы сбивались въ кучу на одной сторонѣ улицы, а колокольчики, висѣвшіе у нихъ на шеѣ на широкихъ разноцвѣтныхъ лентахъ, раскачиваясь во всѣ стороны, громко звонили. Рядомъ съ коровами бѣжали странныя, маленькія, тощія свиньи красно-коричневаго цвѣта и сердито похрюкивали.

Іозефина помогла хозяйкѣ убрать цвѣты и теперь, вернувшись въ комнату, остановилась возлѣ дѣтей у окна и устремила взглядъ на улицу. Съ тѣхъ поръ какъ она пріѣхала сюда, она чувствовала какое-то странное волненіе. Она давно не дышала воздухомъ горъ и онъ подѣйствовалъ на нее какъ возбуждающее питье. Она спала плохо; сонъ у нея былъ неспокойный прерывистый, съ массою сновидѣній, которыя волновали ее. Она никогда не чувствовала усталости и все время находилась въ какомъ-то напряженномъ состояніи, словно ожи-

дая чего то. Гроза, разумѣется, только увеличила ея нервность. Неподвижнымъ взоромъ смотрѣла она на стекавшія по стеклу окна капли дождя и на садикъ, сильно пострадавшій отъ бури. Это былъ совсѣмъ маленькій садикъ, но, видно, за нимъ былъ хорошій уходъ. Нѣсколько грядокъ съ цвѣтами и съ овощами и у самой стѣны, которая служила защитой, вишневое дерево, покрытое красными плодами, вотъ и все, что можно было найти въ немъ. Внизу, въ Трунеѣ и Иланцѣ, вишневыя деревья встрѣчаются въ большомъ количествѣ, но здѣсь, въ горахъ, фруктовое дерево представляло большую рѣдкость и поэтому хозяинъ очень гордился своимъ вишневымъ деревцомъ, покрытымъ плодами.

Іозефина съ странною, непонятною для нея самой тревогой слѣдила широко-раскрытыми глазами за деревцомъ, которое вѣтеръ рвалъ и металъ во всѣ стороны. Столбъ, къ которому было привязано деревцо, трещалъ и сгибался, и казалось, вотъ-вотъ деревцо оторвется отъ него.

— Еще и градъ въ придачу!—пронеслось въ головѣ Іозефины.

Гроза разразилась со страшною силой. Молнія сверкала почти непрерывно, такъ что потемнѣвшая комната была все время освѣщена голубоватымъ, дрожащимъ свѣтомъ. Въ стекло стучалъ градъ, въ воздухѣ носились клочья сѣна, куски вѣтвей, листья и т. п., и среди неистоваго рева бури временами раздавался протяжный, жалобный звонъ колоколовъ Седруна, Руэраса и Сельва.

Дѣти убѣжали къ дѣдушкѣ; Германъ и Рёсли уткнули головы въ подушки и по временамъ вскрикивали, но Ули сидѣлъ на колѣняхъ старика, повидимому нисколько не испуганный грозой, которая даже возбудила его болтливость.

Іозефина стояла одна у окна. Она видѣла, какъ сорвало крышу съ сосѣдняго дома, какъ закружилась въ воздухѣ и свалилась на землю сорванная съ петель оконная ставня въ лавочкѣ напротивъ и вѣтеръ началъ рвать и теребить пестрыя бумажныя занавѣски. Цвѣты были точно раздроблены въ мелкіе кусочки, а клумбы покрылись сверху бѣлымъ ледянымъ слоемъ. Вишневое деревцо, съ надломленною кроной, вздрагивавшей словно отъ боли, лишенное листьевъ и плодовъ, превратилось въ голый обрубокъ. Іозефина смотрѣла на эту картину разрушенія и невыразимая грусть овладѣвали ею. И вдругъ изъ глазъ ея хлынулъ потокъ слезъ, независимо отъ ея воли.

О несчастное поле! Только успѣла зацвѣсти рожь и уже погибла! Сколько погибло тяжелаго труда и заботы. Сѣно разсѣяно бурей и громомъ и клочья его носятся въ воздухѣ. А этотъ бѣдный домикъ! Съ какою любовью и искусствомъ была обтесана каждая дощечка на его крышѣ, а теперь она изломана въ щепки! А маленькое вишневое деревцо! Листья, плоды—все погибло!

Іозефинѣ казалось, что колокола молятъ о пощадѣ. Горы какъ будто собирались рушиться и наступалъ конецъ всему.

Лаура-Анаиза стремительно вбѣжала въ комнату. Съ волосъ у нея капала вода и мокрое платье прилипало къ ногамъ.

— Знаете-ли вы,—вскричала она — потокомъ снесло мостъ и двухъ людей, вмѣстѣ съ нимъ двухъ горныхъ косарей изъ Сурргейна. Говорятъ, что цѣлыя скалы унесены водой... Но что это? Ты плачешь, Іозефина? Отчего?

Она бросилась къ Іозефинѣ, обняла ее и точно внѣ себя начала цѣловать ее и вытирать ей слезы платкомъ.

— Дѣдушка, дѣдушка, посмотрика?—крикнула она старику.—Вѣдь Іозефина больна. Она никогда еще не плакала и теперь вдругъ плачетъ оттого, что двухъ людей снесло!..

Новый, сильный ударъ грома разразился надъ долиной.

— Ты не совсѣмъ здорова, малютка, право,—сказала Платтнеръ, когда Іозефина нѣсколько успокоилась.—Нельзя быть такой чувствительной. Надо управлять своими нервами, Іози, а то вѣдь не трудно и впасть въ меланхолію. Свѣтъ все-таки не такъ ужъ плохъ, даже здѣсь въ горахъ. Вонъ рожь еще зеленѣетъ и снова подымается. Кавенцъ то же говоритъ.

Іозефина не отвѣчала. Ея заплаканные глаза были устремлены на изломанный стволъ молодого вишневаго деревца, крона котораго валялась тутъ же, среди травы.

Хозяинъ, Кавенецъ, вошелъ въ комнату. Онъ скоро закурилъ свою коротенькую трубочку, потухшую во время неистовства бури.

— Мы, здѣшніе крестьяне, счастливые люди,—сказалъ онъ совершенно неожиданно.—Поймите меня хорошенько. Бороться съ вѣтромъ и бурей—вѣдь это еще не самое худшее! Мы всѣ тутъ одинаково бѣдны и поэтому никто не бѣденъ. У каждаго есть кусокъ хлѣба. Поѣзжайте-ка въ Парижъ или Лондонъ, поѣзжайте въ Берлинъ и посмотрите, что тамъ дѣлается.

Его умные черные глаза сверкнули.

— Тамъ вы увидите нищету, рабство! Тамъ поистинѣ ужасно. Я бывалъ и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ. Я бывалъ и въ Вѣнѣ, и Берлинѣ и, право, не знаю, гдѣ хуже. Лучше ужъ быть убитымъ бурей или свалиться съ горы. Подите-ка туда и у васъ сердце остановится. Отчего—неизвѣстно, а тутъ я знаю отчего!

Онъ посмотрѣлъ на Іози, словно ожидая, что она скажетъ. Она кивнула ему головой и пожала ему руку.

— О, я ничего не имѣю противъ горъ,—сказала она.—Вѣдь горы также и моя родина; мой отецъ вѣдь изъ Вамидаса, а дѣдъ былъ крестьяниномъ. Я бы также не могла жить въ большомъ городѣ, а живу теперь, потому...

Она запнулась.

— Останься, Іози, еще на одну или двѣ недѣли,—вмѣшался Плат-

тнеръ.—Ты такъ нуждаешся въ отдыхѣ. Здѣсь, наверху, скоро опять засіяетъ солнце. Поживи еще нѣсколько дней у насъ, это для тебя необходимо.

Но Іозефина не находила покоя и чувствовала, что не найдетъ его.—Трудъ, отецъ, вотъ что мнѣ нужно!—говорила она старику.—Ты и самъ знаешь, что значить трудъ, какъ много онъ даетъ. Для этого только и стоитъ жить, чтобы творить, для этого, вѣдь, и ты живешь.

— Да, но трудиться надо все-таки не съ такими остервенѣніемъ какъ ты. Это не приноситъ пользы,—возражалъ старикъ ворчливымъ тономъ.

— Г. Кавенцъ,—обратилась Іозефина къ хозяину,—видите ли, я должна сдавать экзаменъ. Вѣдь это правда, отецъ, меня дома ожидаютъ книги.

— Надо было ихъ съ собою привезти,—замѣтилъ хозяинъ дружески.

Однако, спустя день, какъ это уже раньше было рѣшено ею, Іозефина все-таки уѣхала обратно, въ Цюрихъ.

«Только не надо отдыхать! Надо трудиться! Не надо раздумья! Не надо праздности! Трудъ, трудъ, въ этомъ спасеніе! Ребенокъ умеръ! Трудъ отвлекаетъ отъ этой мысли, Георгъ сидитъ тамъ! Опять-таки трудъ служитъ отвлеченіемъ.

«О чемъ онъ думаетъ теперь?.. Нѣтъ, нѣтъ, лучше объ этомъ не думать!

«Можетъ быть, можно было спасти ребенка? Нѣтъ, лучше не думать объ этомъ! Надо трудиться!

«Тамъ, на этихъ утесахъ, живутъ люди. Спины у нихъ сгорблены, ноги и руки стали похожи на узловатые корни. Лица у нихъ изрыты морщинами отъ слишкомъ рѣзкаго горнаго воздуха. Ихъ глаза слезятся отъ вѣтра. Но взглядъ ихъ слезящихся глазъ сверкаетъ, какъ звѣзда... Трудъ, трудъ и трудъ!

«Ребенокъ умеръ! Мой отецъ видѣлъ, какъ онъ помиралъ. Онъ любилъ дѣвочку. Онъ держалъ ее на рукахъ, пока она не испустила послѣдній вздохъ. Но его руки вѣдь такъ же тверды, какъ узловатые коренья. Слезы лились у него изъ глазъ на сѣдую бороду, оттого что умеръ ребенокъ. Онъ отправился въ горы и вернулся, улыбаясь, неся въ рукахъ альпійскія розы. Что же сдѣлало его такимъ сильнымъ и твердымъ въ несчастьи? Работа!

«Да,, работа, даже самая однообразная, незамѣтнаи, самая трудная, безнадежная! И для меня работа служитъ опіумомъ, притупляетъ мои страданія, опьяняетъ меня. Она составляетъ для меня жизнь, ни на одну минуту я не должна прекращать работу, ни на одно мгновеніе не должны останавливаться мои мысли. Трудъ!»

Безнадежною и печальной представлялась Іозефинѣ работа въ клиникахъ.

Послѣ третьяго экзамена, записавшись на зимній семестръ, она начала посѣщать клиники. Впечатлѣніе было потрясающее. То «научное» отношеніе, которое съ такимъ трудомъ было достигнуто ею въ препаровочной, передъ трупами, исчезло передъ видомъ страданій живого тѣла, передъ стонами воплями, криками ужаса и муки, передъ молящими взорами страдающихъ больныхъ, передъ ихъ безпомощнымъ паденіемъ въ ненасытную могилу.

Разрѣзъ по живому, кровоточащему мясу совсѣмъ былъ не то, что разрѣзъ по бѣлому, воскообразному тѣлу трупа. Перепиливаніе кости съ живымъ краснымъ костнымъ мозгомъ производило иное впечатлѣніе, нежели раскалываніе бѣлаго, препарированнаго черепа.

Жизнь взывала къ жизни передъ лицомъ смерти, молила о помощи, о пощадѣ. Она защищалась, какъ могла, отъ грозящаго ей уничтоженія, и этотъ вопль о помощи одинаково раздавался изъ груди маленькаго ребенка и молодого великана, принесеннаго съ фабрики, съ парализованными, сожженными и раздавленными мускулами. Съ удесятеренными силами обезумѣвшаго человѣка, жизнь боролась съ уничтоженіемъ, и эта борьба слышалась вездѣ, въ ужасномъ хрипѣніи, вылетавшемъ изъ легкихъ чахоточнаго и въ стонахъ умирающихъ.

Жизнь издавала вопли, и передъ этою кричащею и взывающею о помощи жизнью стоялъ врачъ—слабое, также подверженное страданіямъ и смерти существо. И это слабое, смертное существо старалось сохранить «ученую осанку», чтобы скрыть свой трепетъ и свою безнадежность, и безнадежливый человѣкъ придумывалъ, въ своей безпомощности, названія, длиннѣйшія научныя обозначенія, и называлъ изъѣденные язвами носы однимъ именемъ, пропитанныя гноемъ легкія—другимъ, а парализованные мозги—третьимъ и т. д., и казалось ему, что гдѣ-то сверкаетъ искра надежды.

Жизнь издавала вопли, а безпомощный человѣкъ видѣлъ причину этихъ воплей и, найдя ее, принимался писать исторію болѣзни, ея симптомы, ея происхожденіе, ея исходъ, всегда одинъ и тотъ же, и говорилъ: «Теперь она въ нашихъ рукахъ!» Это значитъ: «Мы думаемъ, что знаемъ, что это за болѣзнь. Мы ее изучили. Мы написали о ней цѣлые томы. Она наблюдается у милліоновъ людей. Она бываетъ различныхъ степеней. Когда мы наконецъ замѣчаемъ ее, то бываетъ уже слишкомъ поздно. Но все хорошо, потому что мы все-таки знаемъ съ чѣмъ имѣемъ дѣло. И самое главное: у насъ никогда не будетъ недостатка въ матеріалѣ. Человѣкъ смертенъ, но болѣзнь безсмертна Она всегда вновь нарождается, всегда вновь пріобрѣтается и возможно все-таки, что въ концѣ концовъ мы узнаемъ, что это такое. А пока, мы пробуемъ, экспериментируемъ и чувствуемъ себя господами надъ жизнью и смертью.

«Въ нашихъ рукахъ молодая жизнь впервые видитъ свѣтъ. Мы отдаемъ ее міру, также какъ отдаемъ умирающаго могилѣ».

«Мы господствуемъ надъ жизнью, съ начала до конца, съ начала до конца!»

Іозефина замѣтила, что нѣкоторые изъ врачей пріобрѣтали такую увѣренность, что она дѣйствовала на нихъ какъ опьяняющій напитокъ и туманила имъ голову. Она слышала, какъ одинъ профессоръ, полусаркастически, полусострадательно сказалъ, улыбаясь: «Для дикаря смерть всегда заключаетъ вь себѣ что-то таинственное». Онъ снисходительно посмѣивался и оправдывалъ дикаря, для котораго смерть заключаетъ въ себѣ нѣчто таинственное. Ну конечно—дикарь! Легкая саркастическая усмѣшка играла на его устахъ. Конечно, дикарь можетъ вѣдь обратиться къ одному изъ профессоровъ и онъ его научитъ, что въ смерти не заключается ничего таинственнаго, ровно ничего! Смерть—это просто «летальный исходъ», а летальный исходъ болѣзни всегда означаетъ конецъ. Что же тутъ таинственнаго?

Только дикарь можетъ находить таинственное въ такомъ обыденномъ, ежечасномъ, ежеминутномъ явленіи!

И такимъ образомъ увѣренность въ себя дѣйствовала какъ вино; голова кружилась и самоувѣренный человѣкъ становился такимъ же грубымъ, какъ пьяный, и онъ могъ сказать умирающему: «Поверни къ намъ свое лицо, для того чтобы мы видѣли, какъ ты умираешь».

Но иногда студенты начинали шаркать ногами и этимъ шарканьемъ старались показать ученому, которому увѣренность въ себѣ вскружила голову, что онъ поступалъ «черезчуръ научно».

Іозефина также это слышала. Она чувствовала, какъ кровь прилила у нея къ вискамъ и ей припомнилось замѣчаніе насчетъ жира пролетаріевъ, сказанное въ препаровочной.

Она подумала: «Опять нѣмецъ. Они называютъ это остроуміемъ!» И она не могла удержаться, чтобы не сдѣлать своего замѣчанія.

Опьяненный самоувѣренностью нѣмецкій профессоръ оглянулся. Онъ догадался по губамъ Іозефины, что это она сказала такое слово. На многихъ лицахъ онъ читалъ неодобреніе, особенно на лицѣ студентокъ. Онъ отъ всей души ненавидѣлъ учащихся женщинъ. Ихъ неодобреніе было критикой его самоувѣренности и отъ этого онъ возненавидѣлъ ихъ еще больше. Онъ злобно сверкнулъ взоромъ въ сторону Іозефины, точно хотѣлъ сказать: «Вотъ погоди!»

Передъ аудиторіей лежалъ больной. Профессоръ приказалъ служителю раздѣть его, дальше, до нага! затѣмъ онъ велѣлъ поставить его на стулъ такъ, чтобы его можно было свободно осматривать кругомъ.

Когда это было исполнено, профессоръ осмотрѣлся словно ища кого-то и наконецъ вызвалъ Іозефину для изслѣдованія больного.

Это было самое непріятное, самое оскорбительное изслѣдованіе, не только для больного, но и для той, которая должна была изслѣдовать его, для сестеръ милосердія и для всѣхъ находящихся въ аудиторіи студентокъ.

И къ тому же это непріятное, оскорбительное изслѣдованіе, на самомъ дѣлѣ было совершенно не нужно: это было лишь наказаніе, месть и грубый поступокъ врага учащихся женщинъ, нѣмецкаго профессора.

«Тамъ сердце рѣжутъ на части!»

Съ пылающими щеками и горящими глазами, Іозефина вернулась домой. Она почти всю дорогу бѣжала, словно этотъ профессоръ, со своимъ холоднымъ, грубымъ лицомъ, гнался за нею.

Крѣпко стиснувъ зубы и заломивъ руки, она безъ всякой цѣли прошла черезъ всѣ комнаты. Какъ ужасно сознавать свое безсиліе! Взглянувъ на свои руки, она вздрогнула, какъ будто чувствуя за собою какую-то тайную вину.

Она стояла на балконѣ и смотрѣла, какъ медленно кружились въ воздухѣ снѣжинки. Поля дремали подъ снѣжнымъ покровомъ и туманъ окутывалъ озеро. Она стояла и думала.

«Я не могу этого вынести. Не могу! Тамъ сердце терзаютъ на куски!»

Прибѣжала Ресли и широко раскинувъ рученками, кинулась къ матери: «Наконецъ то я тебя поймала, мама!»

Іозефина испуганно отстранилась отъ ребенка и пряча руки, сказала: «нѣтъ, нѣтъ, не теперь. Иди, Ресли, играй, у меня нѣтъ времени».

Малютка удалилась, печально понуривъ голову. А Іозефина все продолжала смотрѣть на свои руки съ чувствомъ невыразимаго страданія. Наконецъ она взяла горсть рыхлаго, бѣлаго снѣга съ балконной рѣшетки и начала имъ натирать пальцы. Она вся дрожала въ смертельной тоскѣ и колѣни у нея подкашивались. «Такъ все безцѣльно! Такъ все жестоко! Такъ все безнадежно!» подумала она, смотря на снѣгъ и крѣпко держась руками за рѣшетку.

Вдали виднѣлся госпиталь, клиники,—длинное, желтое зданіе въ саду, крыша котораго была покрыта снѣгомъ. Обнаженныя деревья въ саду чернѣли на темно-сѣромъ фонѣ неба. Дальше можно было разглядѣть зданія женскаго госпиталя, изоляціонной палаты и анатомическій театръ, а еще дальше кладбище, съ нѣсколькими одиноко стоящими плакучими ивами, представляющее точно бѣлое пятно, съ выдѣляющимися на немъ черными крестами и надгробными каменьями. Стая воронъ съ громкимъ карканіемъ закружилась надъ обнаженными деревьями и Іозефинѣ казалось, что изъ высокихъ оконъ родовспомогательной клиники доносятся къ ней крики рожениц.

О, какъ ужасна комедія жизни! Какъ она безумно жестока! Всюду страданія! Всюду больные! Жизнь наполнена трупами, они прибываютъ какъ потокъ, поднимающійся высоко, до самаго балкона...

Но нѣтъ, нѣтъ, не трупы прибываютъ потокомъ! Трупы не издаютъ никакихъ звуковъ. Это больные, ужасные больные; своими стонами они наполняютъ воздухъ.

Іозефина перевела взоръ въ другое мѣсто. Она видѣла передъ собой городъ, но какъ будто перестала понимать. Тамъ строятъ дома, сады, мосты. Зачѣмъ? Зачѣмъ все это? Смѣшно! Смѣшны всѣ эти фабрики, музеи, картины, статуи. Есть только больные, только они, одни, имѣютъ значеніе! Мы всѣ уже истлѣли...

Для чего все это? Безуміе, безуміе!

Іозефинѣ почудился дикій крикъ, далеко разнесшійся въ воздухѣ и она снова увидѣла себя тамъ, въ клиникѣ, среди остальныхъ учащихся. «Какія злобныя лица у этихъ мужчинъ! снова думаетъ Іозефина.—Они озлоблены, потому что профессоръ грубъ. Грубость и злоба въ присутствіи смерти! Онъ учитъ ихъ быть грубыми и злобными и лица ихъ совершенно измѣняются, когда профессоръ тутъ. Одинъ уродуетъ сотни другихъ. Это вѣдь также школа!.. О, какъ я его ненавижу. Я никогда не привыкну, никогда... Но вѣдь грубъ и злобенъ только одинъ; остальные не грубы и не злобны... Но мы всѣ точно боги на облакахъ, а тамъ внизу находится покрытый язвами Лазарь. Въ лучшемъ случаѣ мы имѣемъ для него благосклонную улыбку, снисходительное слово, шутку... Человѣкъ для насъ уже не человѣкъ, а просто матеріалъ. Человѣкъ—это «госпитальный нумеръ», это—«случай». Онъ отворачивается отъ насъ, корчась отъ боли, но мы наблюдаемъ не его, а «случай», насъ интересуетъ «научно» только случай?.. О, какъ я ненавижу всѣхъ насъ!».

Въ клиникахъ происходитъ все слѣдующимъ образомъ: студентки и студенты собираются въ аудиторіи больницы; каждая больница имѣетъ отдѣльную аудиторію. Профессоръ входитъ на каѳедру, говоритъ маленькое вступленіе и затѣмъ приводятъ двухъ-трехъ больныхъ и демонстрируютъ ихъ въ аудиторіи. Кто-нибудь изъ учащихся, практикантъ, подходитъ къ больному, который иногда можетъ ходить, но чаще больного приносятъ въ аудиторію на желѣзныхъ носилкахъ. Перекладываніе больного съ кровати на носилки всегда бываетъ непріятно больному и зачастую даже причиняетъ ему большія страданія. Но всего тяжелѣе быть выставленнымъ передъ цѣлою аудиторіей, во всей своей безпомощной наготѣ, со всѣми своими ранами и страданіями.

Выставляемые въ клинической аудиторіи и на операціонномъ залѣ больные состояли всегда въ третьемъ разрядѣ, т.-е. это были такіе, которые платили мало, потому что были бѣдны, или даже совсѣмъ не

могли платить и за нихъ платила городская или деревенская община, къ которой они принадлежали. Всѣ эти превосходныя больницы, со всѣми своими усовершенствованіями, являлись не столько благотворительными учрежденіями, сколько вообще учрежденіями для обученія студентовъ, гдѣ они могли научиться, какъ лѣчить и ухаживать за другими больными, которые могутъ платить. Обнаженіе не имѣющаго средствъ больного передъ огромною толпою учащихся, игнорированіе его чувства стыда не считалось нарушеніемъ чувства человѣческаго достоинства, существованіе котораго, вообще, у больныхъ третьяго разряда не предполагалось. Какъ для профессоровъ, такъ и для учащихся такая точка зрѣнія была очень удобна. Если же имъ удавалось, посредствомъ постояннаго игнорированія чувства стыда, въ самомъ дѣлѣ уничтожить его у неимущаго больного, сдѣлать его дѣйствительно безстыднымъ, то они съ удовольствіемъ пользовались такимъ случаемъ для доказательства своего мнѣнія, что «бѣднякъ» вообще не обладаетъ развитымъ чувствомъ стыда. Болѣе совѣстливые при такомъ утвержденіи, охотно заговаривали о соціальномъ злѣ и въ особенности о вредѣ, который приноситъ жилищная нужда, когда много лицъ разнаго пола тѣснятся въ одной комнатѣ, что, разумѣется, не можетъ способствовать развитію у нихъ чувства стыдливости.

Практикантъ, т.-е. тотъ изъ учащихся, который долженъ былъ примѣнять свои теоретическія познанія къ данному «случаю», испытывать ихъ на больномъ, подходилъ къ нему и задавалъ распростертому передъ нимъ страдальцу заученные наизусть вопросы, которые больной слыхалъ уже много разъ и много разъ отвѣчалъ на нихъ. Они уже успѣли наскучить ему, мучали и радражали его, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ или догадывался, что они задаются ему вовсе не изъ участія или желанія ему помочь, а потому только, что въ медицинскомъ курсѣ предписываются для учащихся извѣстнаго семестра подобныя упражненія въ опросѣ больныхъ. При этомъ практикантъ держалъ себя зачастую съ такою важностью, какую обыкновенно напускаютъ на себя дѣти, играющіе «въ школу» и исполняющіе роль учителя. Скрытая боязнь практиканта передъ профессоромъ, критически слѣдящимъ за каждымъ его словомъ, опасеніе посрамить себя передъ насмѣшливыми товарищами усиливали дѣтски-комическое впечатлѣніе, которое производила его напускная важность. Особенно комично было его нескрываемое стараніе копировать профессора, у котораго онъ занимался, такъ что тотъ же самый студентъ бывалъ то кротокъ или снисходительно милостивъ, то циниченъ и держалъ себя богомъ, былъ грубъ и насмѣшливъ—однимъ словомъ всегда подражалъ тому профессору, съ которымъ въ данный моментъ имѣлъ дѣло. Однако у студентокъ Іозефина не замѣчала такой способности примѣняться къ профессору, какою обладали студенты. Студентки, казалось, были не такъ податливы; къ цинизму онѣ вообще питали отвращеніе, но многія изъ нихъ выказывали боль-

шую склонность изображать изъ себя какое-то божество, хотя въ общемъ у нихъ преобладало сострадательно-мягкое отношеніе къ больнымъ. Іозефина находила среди студентокъ дѣйствительно превосходныя силы, соединеніе ума, доброты и работоспособность, которая приводила ее въ изумленіе и восхищеніе, Іозефина была, со всѣми ними въ дружескихъ отношеніяхъ, но въ одномъ отношеніи пути ихъ совершенно расходились: студентки не могли или не хотѣли задумываться надъ нѣкоторыми вопросами. Онѣ старательно отгоняли отъ себя подобныя размышленія, считая ихъ безплоднымъ времяпрепровожденіемъ и оставляя ихъ до того времени, когда курсъ будетъ конченъ; теперь же онѣ стремились лишь къ тому, чтобы какъ можно скорѣе достигнуть своей цѣли. Онѣ мечтали помогать впослѣдствіи своимъ страдающимъ сестрамъ всѣми своими силами и создать себѣ уважаемое положеніе въ обществѣ. Хорошая практика и, если возможно, то руководящее положеніе въ какомъ-нибудь госпиталѣ — вотъ что было ихъ мечтой.

Но Іозефина постоянно терзалась разными мыслями. И она, также какъ и каждая изъ ея коллегъ, начала учиться для того только, чтобы добиться уважаемаго положенія и обезпечить кусокъ хлѣба своимъ дѣтямъ и своему несчастному мужу. Всегда она думала, что дѣятельность врача самая благородная, самая идеальная, и съ радостью мечтала посвятить себя ей. Первые годы ея ученія прошли въ этомъ счастливомъ заблужденіи; она съ жаромъ принялась за работу и ея трудъ казался ей такимъ обдуманнымъ, такимъ неподкупнымъ, благороднымъ и обѣщающимъ такъ много успѣха, пользы. Но когда она начала заниматься въ клиникахъ, то каждый день приносили ей новое, ужасное разочарованіе.

«О Боже, что мы дѣлаемъ!—думала она ежедневно. — Гдѣ наша сообразительность? Гдѣ нашъ разсудокъ?»

Но на всѣ вопросы получался лишь одинъ безотрадный отвѣтъ. Кругомъ она видѣла только горе, безуміе. Ни откуда она не видѣла помощи, ни въ чемъ она не видѣла результатовъ размышленія.

Преступленіе! Горе! Безразсудство!

Всю ночь и весь день преслѣдовали ее эти призраки. Она не могла никуда уйти отъ нихъ и они представлялись ей въ различныхъ образахъ. Организованная власть грубыхъ людей, просвѣщенность, организованное могущество имущихъ, все это наложило рабство на всѣхъ неимущихъ, голодающихъ, покорныхъ,—рабство, отъ котораго они не могли избавиться. Рабство слабыхъ, вынужденныхъ къ непосильному труду, плохо питающихся организмовъ, зараженныхъ и страдающихъ врожденными болѣзнями, обладающихъ плохою сопротивляемостью болѣзнетворнымъ вліяніямъ дѣтей,—это создавало огромную сумму человѣческаго горя, которое своими воплями наполняло міръ. И вотъ на помощь являлась человѣческая глупость и, облачившись въ одежды

врача, собиралась излѣчивать при помощи ножа и яда то, что было порождено голодомъ, переутомленіемъ, расходованіемъ силъ, крови и пота. Но болѣзнь достигла того періода, когда раздавались мольбы уже не о выздоровленіи, а о смерти.

«Сохраненіе жизни наша первая обязанность»,—говорилъ врачъ и слова его звучали такъ утѣшительно, проникнуты были такимъ человѣколюбіемъ, такою надеждой!

Но больной молилъ: «Дайте мнѣ умереть! Отчего я не умеръ раньше! Вы не знаете, что моя за жизнь!»

Нѣтъ, этотъ ученый врачъ, свѣтило науки, не зналъ этого, да и не хотѣлъ знать. Ему нужно было только служить наукѣ, поддерживать ея священный огонь и онъ смотрѣлъ на себя одновременно какъ на служителя и властелина богини знанія. До жизни ему не было никакого дѣла, да онъ и не могъ интересоваться ею, такъ какъ его спеціальность не оставляла ему для этого времени. О, какъ онъ любилъ свою спеціальность! Онъ сдѣлалъ въ ней одно замѣчательное, составляющее эпоху, открытіе. Вѣдь только въ самыхъ узкихъ границахъ своей спеціальности можно надѣяться что-нибудь сдѣлать! Онъ еще держалъ въ тайнѣ свое изобрѣтеніе, такъ какъ до сихъ поръ, къ сожалѣнію, всѣ объекты почти всегда умирали непосредственно послѣ операцій. Но онъ будетъ пробовать до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, ему посчастливится сохранить жизнь оперируемому въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Тогда онъ выступитъ впередъ со своимъ изобрѣтеніемъ. Въ матеріалѣ у него не можетъ быть недостатка и ему улыбается впереди слава, всемірная извѣстность...

Іозефина наблюдала все это, размышляла и страдала. Но развѣ этого никто не видѣлъ, кромѣ нея? Развѣ только она одна могла разглядѣть глупость, легкомысліе и горе? Всѣ кругомъ нея имѣли вполнѣ довольный видъ; всѣ эти профессора, операторы, ассистенты, сестры-сидѣлки и фельдшера. Они расхаживали по палатамъ съ такимъ сознаніемъ собственнаго достоинства и значенія.

— Новый операціонный залъ, развѣ онъ не великолѣпенъ? Ничего, кромѣ стекла и желѣза! Посмотрите на этотъ шкафъ съ инструментами, на эту коллекцію никелированныхъ ложечекъ, употребляемыхъ для опорожненія глубоко лежащихъ абсцессовъ, на эти сверкающія пилы для перепиливанія костей, на всѣ эти крючки и крючечки, щипцы и щипчики, кривыя иголки, служащія для зашиванія ранъ, на сотни всевозможныхъ ножей, ланцетовъ, ножницъ! Посмотрите на эти остроумные и красивые аппараты для прокипяченія инструментовъ, платковъ и повязокъ, хлороформенныя маски и резиновые фартуки, на всѣ эти приспособленія для обмыванія забрызганныхъ кровью рукъ, на складывающіеся и вращающіеся во всѣхъ направленіяхъ операціонные столы.

Съ гордостью хозяекъ показывали сестры всѣ эти сокровища,

разложенныя въ самомъ изящномъ порядкѣ, такія красивыя, блестящія, такъ ясно говорившія о своей полезности и необходимости. Какая безконечная сумма человѣческой дѣятельности заключалась въ этой коллекціи инструментовъ! Какая сумма человѣческой изобрѣтательности, ума и энергіи заключалась во всѣхъ этихъ безчисленныхъ госпитальныхъ приспособленіяхъ!

Но для чего все это? Зачѣмъ?

Тому, кто спрашивалъ объ этомъ, показывали страшныя раны, результатъ труда, пораженныя некрозомъ кости работниковъ на фосфорныхъ заводахъ, погибающихъ отъ медленнаго разложенія и омертвѣнія челюстей, причиняемаго дѣйствіемъ яда на организмъ; показывали страдающихъ ртутнымъ отравленіемъ рабочихъ на зеркальныхъ фабрикахъ, пораженныхъ неизлѣчимымъ слабоуміемъ вслѣдствіе отравленія свинцомъ маляровъ, рахитическихъ дѣтей, живущихъ въ темныхъ, сырыхъ подвалахъ и занимающихся плетеніемъ тончайшихъ кружевъ и тканей, чахоточныхъ, съ разрушенными легкими, съ отпиленными членами, пораженными туберкулезомъ, являющимся результатомъ плохого питанія и нужды...

Того, кто задавалъ такіе вопросы, подводили къ жертвамъ машинъ, къ истерзаннымъ зубчатыми колесами, къ израненнымъ паровыми моторами, къ обожженнымъ электрическими токами и обвареннымъ расплавленными металлами...

«Все для этихъ! для этихъ!»

«Неужели это возможно? — думала Іозефина. — Неужели это порядокъ и измѣнить его нельзя? Эти умышленныя злодѣянія, бѣдствія, безсмысленность, все — неужели это неизмѣнно?»

И ея, утонченный собственными душевными страданіями, слухъ слышалъ заглушенный голосъ, взывающій о помощи, раздающійся со дна жизни: «Вы, тамъ наверху, помогите, помогите, помогите намъ! Дайте намъ возможность вздохнуть полною грудью! Дайте намъ возможность насытить свой голодъ! Не дайте намъ замерзнуть отъ холода! Работа превышаетъ наши силы! А голодъ постоянно стоитъ на стражѣ у нашихъ дверей...»

А отвѣтъ на это крики о помощи? Іозефина слышала также и его: «Сдѣлать ничего нельзя, измѣнить ничего нельзя. Такъ угодно было Создателю и такъ должно быть, какъ оно есть. Никто изъ насъ не смѣетъ идти наперекоръ велѣніямъ Провидѣнія. Развитіе человѣчества совершается по крови и трупамъ. Промышленность требуетъ своихъ гекатомбъ, но изъ-за этого мы не можемъ же стѣснять ея развитія? И потомъ развѣ вамъ незнакомы наши больницы? Вѣдь это самыя великолѣпныя, самыя совершенныя учрежденія, вызванныя къ жизни нашимъ человѣколюбіемъ, нашею высокоразвитою гуманностью. Тамъ, въ этихъ учрежденіяхъ, любовь къ ближнему выражена самымъ геніальнымъ образомъ Тамъ предусмотрѣны всѣ случаи. Въ этомъ имен-

*

но и заключается проявленіе нашей любви къ нимъ и нашей заботливости о нихъ!»

Іозефинѣ казалось, что еще никому не приходило въ голову серьезно пораздумать обо всѣхъ этихъ жестокихъ софизмахъ. Она была увѣрена, что если бы подумали объ этомъ, то, конечно, нашли бы другое средство, а не одни только госпитали и клиники, для уничтоженія этой искусственно созданной суммы человѣческихъ бѣдствій. Но никто не думалъ объ этомъ, не хотѣлъ думать. Вѣдь такія размышленія непремѣнно вызвали бы сомнѣнія въ превосходствѣ и необходимости современнаго положенія вещей. Размышлять объ этомъ значило бы посягать на существующій порядокъ. А вѣдь къ этому порядку принадлежимъ мы сами; поэтому мы и относимся къ нему такъ легко и благодушно и даже смѣемся надъ мыслями о возможности что-нибудь въ немъ измѣнить. Все, что существуетъ, казалось прекраснымъ тѣмъ, кто извлекалъ выгоды изъ такого положенія вещей. Прекрасные госпитали, великолѣпные операціонные залы изъ стекла и желѣза со своими хитро устроенными операціонными столами, элегантными стекляными шкафами, наполненными блестящими инструментами, служащими для отнятія раздробленныхъ рукъ и ногъ, съ усовершенствованными клѣтками для бѣснующихся больныхъ, аппаратами для ренгированія, леченія туберкулезныхъ больныхъ, электрическими лампами для леченія свѣтомъ, со своими врачами въ бѣлыхъ, чистыхъ курткахъ и резиновыхъ фартукахъ, подчасъ грубыми, но всегда преисполненными собственнаго достоинства учеными, — все это является необходимымъ дополненіемъ современнаго общественнаго порядка съ его дико и пышно разростающеюся промышленностью. Все это такъ и должно быть. Гуманность требуетъ этого. Гуманность требуетъ, чтобы операціонные столы, на которыхъ отрѣзываютъ раздробленные или гніющіе члены, были сдѣланы изъ стекла и желѣза, чтобы врачи получали большое содержаніе, а сидѣлки носили накрахмаленные чепчики, но никому, однако, ни разу не приходило въ голову, что гуманность, прежде всего, требуетъ изобрѣтенія такого средства, которое сдѣлало бы излишними подобныя, необыкновенно гуманныя, но въ то же время ужасныя приспособленія и учрежденія.

День и ночь тутъ не прекращалась борьба, падали умирающіе и раненные, а врачи, стоя у периферіи обагреннаго кровью поля битвы, внимательными глазами слѣдили за этой битвой и относили въ сторону раненыхъ, чтобы перевязать ихъ, полечить и поставить на ноги, для того, чтобы они могли снова принять участіе въ битвѣ и, наконецъ, погибнуть въ ней! Но объ уничтоженіи вредныхъ промысловъ,—объ этомъ никто не думалъ. А если и бывали такія попытки, то онѣ казались до смѣшного ничтожными въ сравненіи съ суммою зла и всеобщимъ легкомысленнымъ къ нему отношеніемъ. Это были лишь единичныя, разрозненныя усилія, заранѣе осужденныя на неуспѣхъ и

до нѣкоторой степени напоминающія хлѣбныя крошки, которыя падаютъ со стола богача.

«Нѣтъ, такъ не годится! Такъ не можемъ идти дальше», думала Іозефина, стоя возлѣ истерзаннаго тѣла одной бѣдняжки, туберкулезной больной, которой въ десятый разъ была произведена операція. Іозефина знала исторію этой жены поденщика изъ ея собственныхъ устъ, казавшуюся страшно краснорѣчивой по сравненію съ сухимъ анамнезомъ, записаннымъ въ клиническомъ листкѣ. Но даже это сухое и краткое изложеніе исторіи болѣзни должно было показаться ужаснымъ тому, кто понималъ, что написано въ листкѣ. Тамъ было слѣдующее:

«1880, 5-го января, ампутированъ большой палецъ на лѣвой ногѣ.

«1880, 12-го марта, резекція плюсневой кости лѣвой ноги.

«1880, 20-го іюля, лѣвая ступня ампутирована.

«1882, 2-го мая, ампутированъ четвертый палецъ на лѣвой рукѣ.

«1882, 10-го декабря, ампутированъ средній палецъ лѣвой руки и сдѣлана резекція запястья.

«1883, 27-го марта лѣвая кость ампутирована.

«1884, 6-го января, сдѣлана резекція локтевого сустава лѣвой руки.

«1886, 18-го іюня, лѣвая рука ампутирована до плеча.

«1886, 12-го ноября, операція на правомъ бедрѣ.

Когда несчастная женщина проснулась послѣ наркоза, то она взглянула на Іозефину своими печальными, умными глазами. Этотъ взглядъ проникъ ей въ самую душу. «Шесть лѣтъ уже я могла бы спокойно лежать въ могилѣ! — говорила она. — Долго ли еще такъ будутъ меня мучить. Я такъ много страдала, пока рука была у меня. Онъ (врачъ) постоянно сгибалъ мнѣ пальцы, чтобы они не сдѣлались неподвижными, и я не могла удержаться отъ крика, такъ это было больно! А пальцы все-таки продолжали пухнуть. Потомъ, когда мнѣ отрѣзали ступню и надѣли тяжелый башмакъ, то онъ заставилъ меня три раза пройтись по залѣ, передъ всѣми студентами. Но я не могла и просила, чтобъ мнѣ дали палку. «Нѣтъ,—сказалъ онъ.—Вы должны учиться ходить безъ палки. Будьте любезны, не прислоняйтесь». Онъ говорилъ «будьте любезны», а самъ смѣялся. Это былъ такой большой, толстый, здоровый человѣкъ, съ лицомъ, вдоль и поперекъ изборожденнымъ шрамами отъ дуэлей. Я не могла стоять и упала; ногѣ становилось все хуже. Онъ былъ ассистентъ, профессоръ же былъ добрѣе... Сестра милосердія — она была добрая — увидѣла, что я ползаю на колѣняхъ, и говоритъ мнѣ: «Ложитесь-ка въ кровать». Этотъ ассистентъ, его звали Рейхъ, теперь также профессоръ... Это было не тутъ, а въ Германіи. Но скажите мнѣ все-таки, что я буду дѣлать на свѣтѣ? Не лучше ли было бы, еслибъ я тогда умерла?»

«Нѣтъ, такъ не можетъ продолжаться!»—думала Іозефина. Говорить она не могла, такъ какъ слова застывали у нея на устахъ, когда несчастная женщина смотрѣла на нее. Іозефина встала и ушла

отъ нея; ей было стыдно за всѣ эти страданія, за все это безсмысленное поведеніе врачей и нелѣпость дѣйствій, въ которыхъ и она была уже замѣшана.

«Вотъ если бы сотую долю всей этой работы, всѣхъ этихъ стараній, напряженія силъ, размышленій и денегъ, которыя идутъ на производство операціи надъ такими несчастными, употребить на предупрежденіе, на устраненіе страшной нужды, порождающей такія бѣдствія, то какъ безконечно измѣнилось бы наше общество,—думала Іозефина.—Терпя лишенія, скученные въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ, люди заболѣвали, а когда они дѣлались больными, то ихъ брали въ клиники, для того чтобы студенты могли на нихъ учиться, отрѣзывали имъ пораженныя туберкулезомъ кости и отпускали ихъ, чтобы они продолжали голодать. Но вѣдь никто не думалъ о томъ, что милосерднѣе, человѣчнѣе и благоразумнѣе было бы не допускать чтобы люди заболѣвали отъ недостатка питанія, отъ вредной работы и жизни въ тѣсныхъ и плохихъ жилищахъ».

Сколько эта несчастная работала, пока она не заболѣла! Она разсказывала Іозефинѣ, что въ Берлинѣ она занималась выметываніемъ петель. Ничего другого она не дѣлала и работала не на машинѣ, а руками. За сто сорокъ четыре петли торговецъ бѣльемъ уплачивалъ ей тридцать два пфенига. По цѣлымъ днямъ она сидѣла и выметывала петли; лѣтомъ—когда горячая известковая пыль проникала въ комнату и игла ржавѣла въ потной рукѣ и зимой—когда она сидѣла въ холодной комнаткѣ на задворкахъ, гдѣ было всегда темно и ноги у нея коченѣли отъ холода и неподвижнаго сидѣнія. Петли, петли и петли; сто сорокъ четыре петли за 32 пфенига, и такъ, безъ перерыва, цѣлыхъ восемнадцать лѣтъ!

— Я зарабатывала до восьми марокъ въ недѣлю, пока не заболѣла,—сказала она.

Іозефина взяла клочокъ бумаги и принялась дѣлать вычисленія. Ея рука дрожала, сердце билось неправильными толчками, но ей хотѣлось непремѣнно вычислить, сколько петель должна была выметать эта женщина въ теченіе дня, чтобызаработать восемь марокъ въ недѣлю.

— Вы работали также и по воскресеньямъ?—спросила ее Іозефина.

— О! да, но иногда только полдня.

— А обыкновенно весь день?

— Да, но все-таки я большею частью по воскресеньямъ работала меньше двумя часами.

— Ну, а въ будни сколько часовъ вы работали въ день?

— Семнадцать—восемнадцать часовъ. Больше я не могла.

— И вы были замужемъ и имѣли троихъ дѣтей; какъ вы мнѣ говорили?

— Да, троихъ; мой маленькій Августъ умеръ тотчасъ же послѣ рожденія.

— Значитъ, у васъ было четверо дѣтей?

— Да, трое остались живы и теперь уже сами зарабатываютъ хлѣбъ. Здѣсь плата другая; они зарабатываютъ въ часъ тридцать сантимовъ. Еслибъ я раньше сюда пріѣхала!

— А что дѣлаетъ вашъ мужъ?

— Онъ семь лѣтъ уже въ могилѣ.

— Чѣмъ же онъ занимался?

— Онъ работалъ на фабрикѣ, выдѣлывалъ острія иголокъ. Это также не хорошая работа.

— Конечно, нѣтъ.

— Но съ нимъ случилось несчастье. Докучно сказать, что это было изъ-за пустяковъ. Онъ набралъ немного угольевъ тамъ, гдѣ производилась разгрузка. Намъ бы они очень пригодились, вы понимаете это? Но какъ-то объ этомъ узналось и вотъ моего муженька запрятали на два мѣсяца. Судъ хотѣлъ и меня притянуть туда же да мужъ мой сказалъ: «нѣтъ, она ничего объ этомъ не знала». Конечно, это было неправда; я отлично знала, откуда онъ принесъ этотъ маленькій мѣшочекъ съ угольями. Но вѣдь кто-нибудь долженъ же былъ оставаться съ дѣтьми! Ну вотъ, онъ вернулся, но совсѣмъ другой: «Мать,—сказалъ онъ мнѣ,—они меня сдѣлали воромъ, такъ теперь мнѣ все равно!» Немного прошло времени, какъ онъ приходитъ однажды и приноситъ мнѣ господскую шляпу. «Ахъ,—вскричала я,—отнеси ее назадъ!» Я была страшно испугана. «Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ.—Эта шляпа упала съ головы студента. Онъ былъ совершенно пьянъ товарищъ толкнулъ его, и шляпа упала въ грязь. Я взялъ ее, чтобы она не попала подъ колеса экипажа». На другой же день къ намъ явилась полиція. Шляпу же, между тѣмъ, мой мужъ успѣлъ уже продать. У него не было никакого заработка, а на фабрику онъ не хотѣлъ больше возвращаться. «Мать,—говорилъ онъ мнѣ,—я потерялъ терпѣніе. Тамъ, въ тюрьмѣ, когда я вспоминалъ о всѣхъ годахъ, которые я провелъ надъ выдѣлываніемъ кончиковъ иголокъ, то у меня начинало мутиться въ головѣ. Развѣ такая жизнь—жизнь? Это собачье существованіе! Такъ всѣ говорятъ, кому приходится отсиживать въ заключеніи». Ахъ, сколько я плакала, сколько плакала! Но вотъ, мужъ мой былъ рецидивистъ и потому его засадили на шесть мѣсяцевъ. Шесть мѣсяцевъ за старую, проклятую шляпу! Не осуждайте же меня за то, что я говорю проклятія. Этого не слѣдуетъ и я такъ не поступаю обыкновенно, но теперь не могу. Когда мой мужъ снова вернулся домой, то я увидѣла, что онъ совсѣмъ боленъ. Ахъ, какъ онъ былъ боленъ! У него была чахотка и онъ быстро угасалъ. Докторъ говорилъ, что кашель у него сдѣлался отъ стеклянной пыли, которою шлифуютъ кончики иголокъ. Это нездоровая работа. Онъ, однако, не зналъ, что умираетъ, и мнѣ очень трудно было съ нимъ справиться. Я не имѣла ни минуты покоя. Какъ я умоляла его, чтобы онъ

не выходилъ на улицу и не распространялъ бы заразу! Но онъ и слушать не хотѣлъ. «Мать,—говорилъ онъ мнѣ,—вѣдь у меня все горитъ внутри, точно въ аду!» Ахъ, онъ, мнѣ кажется, былъ не въ полномъ разсудкѣ. Когда онъ умеръ, я подумала, что немного отдохну. И вотъ приключилась эта болѣзнь!..

Іозефина съ ужасомъ смотрѣла на испещренный цифрами клочокъ бумаги. Слушая безотрадный разсказъ бѣдняжки, она вычислила сумму петель, сдѣланныхъ этою несчастною женщиной за время ея работы. И вдругъ ей стало страшно. Эти цифры поразили ее, точно неожиданно увидѣнный свой образъ въ зеркалѣ. Она увидала себя и въ своемъ изображеніи въ зеркалѣ—изображеніе всѣхъ людей своей касты и своей профессіи. Въ ея мозгу, точно молнія, промелькнула мысль:

«Да! да! да! Таковы всѣ мы! Мы вычисляемъ, въ то время какъ они истекаютъ кровью. Мы вычисляемъ и думаемъ, что мы что-нибудь для нихъ дѣлаемъ, когда считаемъ капли пота, которыя они для насъ проливаютъ. И это наука! Такъ она относится къ живымъ, страдающимъ, истекающимъ кровью существамъ!.. Никогда, никогда наука не принесетъ никакой помощи живой, страдающей, истекающей кровью жизни!

«Все ложь и обманъ!..»

Часто въ позднѣйшіе годы Іозефина вспоминала объ этихъ мгновеніяхъ, проведенныхъ ею у постели изувѣченной больной, когда подъ вліяніемъ приступа отчаянія въ ея душу запала первая капля презрѣнія къ самой себѣ. Она вспоминала, какъ въ ту минуту, когда она мучила себя самообвиненіями, въ палату вошелъ врачъ, для перевязки больныхъ. Онъ былъ такой чистенькій, такъ преисполненъ собственнаго достоинства, и въ то же время такой веселый и отъ него пахло виномъ, что, вѣроятно, и было причиною его веселаго настроенія. Съ дѣловымъ видомъ переходилъ онъ отъ одной кровати къ другой и смѣялся надъ старухой, которая въ бреду распѣвала неприличныя пѣсни, побуждая ее пѣть еще больше такихъ пѣсенъ. Онъ смѣялся, какъ будто его щекотали, и, конечно, разсмѣялся бы еще сильнѣе, если бы его спросили, отчего онъ такъ великолѣпенъ и такъ важенъ? Неизвѣстно почему Іозефинѣ припомнилась въ этотъ моментъ филоксерная коммиссія и ея удивительно важные и достойные члены. Отецъ разсказывалъ Іозефинѣ объ этихъ господахъ. Послѣ «строго-дѣлового» засѣданія, одинъ изъ членовъ коммиссіи устроилъ маленькій, но превосходный завтракъ, за которымъ было выпито нѣсколько больше, чѣмъ слѣдуетъ. И вотъ въ такомъ состояніи этотъ достойный членъ коммиссіи произнесъ тостъ за «филоксеру», благодаря которой они сошлись теперь за дружескою трапезой и которая открываетъ имъ такую широкую полезную дѣятельность. Онъ выразилъ надежду, что они будутъ часто такъ сходиться за кружкою вина, для дружескаго обмѣна мыслей.

— Но вѣдь филоксера, я думаю, скоро будетъ уничтожена?—замѣтилъ озадаченный этимъ тостомъ Платтнеръ.

— Будемъ надѣяться, что нѣтъ!—возразилъ пьяный членъ коммиссіи съ удивительнымъ чистосердечіемъ.—Вѣдь тогда филоксерная комиссія оказалась бы лишней!

«Возможно или невозможно измѣнить положеніе вещей, объ этомъ въ сущности никто не заботится, думала Іозефина. — Всѣ дѣло въ томъ, что филоксерная коммиссія живетъ филоксерой и если не будетъ филоксеры, то жить ей будетъ нечѣмъ. Ну а врачъ живетъ болѣзнью и въ его интересахъ, конечно, чтобы болѣзни не прекращались, чтобы онъ всегда имѣлъ случай примѣнять пріобрѣтенныя имъ познанія. Подобно личинкѣ, питающейся гнилымъ мясомъ, судья питается преступленіямъ, а врачъ, съ цѣлою арміей своихъ помощниковъ, питается клиниками и больницами. Въ интересахъ личинки, чтобы всегда существовало гнилое мясо, а въ интересахъ судьи и врача, чтобы всегда существовали преступленія и болѣзни, и всѣ рѣчи о гуманности, благотворительныя учрежденія, прогрессъ цивилизаціи—ложь и обманъ!»

Тяжело жилось Іозефинѣ это время и даже работа не успокаивала ее. Она вѣдь начала работать, потому что искала въ работѣ отвлеченія и забвенія. Она думала найти душевный покой и вдругъ, среди работы, она наткнулась на то, что заставило ее встрепенуться; отъ соприкосновенія съ истекающею кровью жизни, съ страданіями въ ея душѣ проснулись высшіе порывы, высшія требованія. Теперь она желала работать уже не для того только, чтобъ забыться, а ради той пользы, которую должна была принести ея работа страдающему человѣчеству. Но въ душу ея закрадывалось отчаяніе и ей казалось, что пользы она не принесетъ. Она чувствовала себя одинокой, безъ всякой связи съ остальными людьми, точно песчинка, затерявшаяся въ морѣ песка!

— Нашъ теперешній порядокъ—вѣдь это настоящая анархія, гдѣ никто другъ о другѣ не заботится. Мы учимся, учимся, учимся, а потомъ намѣренно закрываемъ глаза на все, что не касается непосредственно нашей службы,—разсуждала Іозефина.—У каждаго есть своя служба, своя специальность, но между отдѣльными родами службы, между отдѣльными спеціальностями нѣтъ никакихъ точекъ соприкосновенія. Служба и спеціальность поглотили человѣка и нигдѣ, на всемъ земномъ шарѣ, не найдется такого мѣста, гдѣ бы сливались всѣ роды человѣческой дѣятельности!

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБЪ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ И ИНДИВИДУАЛИЗМѢ

„Мѣра всѣхъ вещей есть человѣкъ“
(*Протагоръ*, V в. до Р. Х.)

„За метафизику потомъ
Я всѣмъ совѣтую приняться,
Чтобъ все какъ дважды два узнать,
Что смертныхъ умъ вмѣстить не можетъ,
А гдѣ чего вамъ не понять,
Тамъ слово громкое поможетъ“
(*Гете.* „Фаустъ“, I ч., перев. Голованова).

„Нѣтъ, братъ воронъ; чѣмъ триста лѣтъ питаться падалью, лучше разъ напиться живою кровью; а тамъ-что Богъ дастъ!“
(*Пушкинъ* „Капитанская дочка)“.

I.

Мысль, что мы—европейцы живемъ въ какое -то ное время, стала общимъ мѣстомъ.

Вспомнимъ Ничше, вспомнимъ «Три разговора» Владиміра Соловьева, гдѣ онъ предсказываетъ близкую «кончину міра» и антихриста и только вторичное пришествіе Христа спасаетъ родъ людской отъ окончательной гибели. Но это были философы-поэты; возьмемъ трезваго общественнаго дѣятеля трезвой Америки—Генри Джорджа. Онъ убѣжденъ, что если общественная и политическая жизнь Сѣверо-Американскихъ Штатовъ будетъ эволюціонировать въ томъ направленіи, въ которомъ она развивается теперь, то американско-европейская цивилизація погибнетъ такъ же, какъ погибли цивилизаціи Египта, Рима и Греціи.

«Откуда же могутъ придти новые варвары?—спрашиваетъ Джорджъ.— «Прогуляйтесь по грязнымъ кварталамъ большихъ городовъ и вы, уже теперь, можете увидѣть ихъ собирающіяся орды! Но какъ погибнетъ знаніе? Люди перестанутъ читать, а книгами воспользуются для поджоговъ и для изготовленія ружейныхъ патроновъ... *). Всюду замѣтно смутное, но общее чувство разочарованія, усиливающееся озлобленіе среди рабочихъ классовъ, какое-то безпокойство и революціонное броженіе» **).

---

*) *Генри Джорджъ.* „Прогрессъ и бѣдность“. Переводъ С. Д. Николаева. 1899 г. Стр. 406.

**) Ibidem, стр. 409.

Дѣйствительно, люди начала XX-го вѣка наканунѣ великой битвы— это будетъ битва національностей и народовъ, битва различныхъ культуръ и міровоззрѣній, битва прошлаго съ будущимъ, которая приведетъ неизбѣжно къ переоцѣнкѣ многихъ «цѣнностей».

Джорджъ ждетъ крушенія цивилизаціи отъ внутреннихъ «варваровъ», другіе почти съ увѣренностью предсказываютъ столкновеніе въ началѣ текущаго столѣтія Китая съ Европой и появленіе затѣмъ на міровой сценѣ и африканскихъ народностей

Какъ встрѣтитъ ихъ Европа и Америка—крѣпкимъ ли союзомъ національныхъ федерацій, или же междуусобной сварой и полнымъ соціальнымъ и нравственнымъ маразмомъ? Это большой вопросъ, на который врядъ ли кто дастъ категорическій отвѣтъ. Если бы у европейцевъ была вѣра въ силу и мощь своей культуры, то и вопроса бы не было: они заставили бы и китайцевъ, и негровъ приспособиться къ своей культурѣ.

Но въ томъ и дѣло, что у насъ нѣтъ этой вѣры. Прогрессъ пріобрѣлъ въ концѣ XIX вѣка какой-то механическій, безличный характеръ, машина въ своемъ постепенномъ, какъ бы имманентномъ развитіи стала могущественнѣе и цѣльнѣе того ряда людей, которые ее создавали; въ наукѣ изсякло геніальное творчество и она движется какъ бы въ силу инерціи, тысячами маленькихъ однообразныхъ усилій маленькихъ, другъ на друга похожихъ «Вагнеровъ»; въ литературѣ, живописи, скульптурѣ тотъ же недостатокъ оригинальности, ту же дряблость и тусклость личности стремятся замаскировать вычурностью и даже кривляньемъ; въ гуманитарныхъ наукахъ нѣкоторыя соціологическія доктрины вытравляютъ изъ исторіи значеніе индивидуальности... Люди мельчаютъ и сѣрѣютъ, и мы не согласны съ Ницше только въ томъ что процессъ этого обезличенія идетъ уже вѣка и начался съ появленія религіи и идей долга и грѣха. Намъ кажется, что XVIII вѣкъ, даже первые три четверти XIX-го были еще достаточно индивидуальны и красочны: они могутъ выставить такихъ героевъ и борцовъ во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности, которые почти, а иногда даже вполнѣ, удовлетворятъ великаго «имморалиста».

Разногласіе, вѣроятно, зависитъ отъ того, что у Ницше былъ нѣсколько иной масштабъ «цѣнности», чѣмъ у насъ.

Ницше былъ «аристократъ духа», онъ ненавидѣлъ демократовъ, соціалистовъ и презиралъ «чернь».

Единственной цѣнностью онъ считалъ личность, не только жаждущую проявиться, но и имѣющую что проявить—«свое добро, свое зло».

Заратустра говоритъ:

«Есть ли у тебя новая сила и новое право? Развѣ ты—первое движеніе? Развѣ ты произвольно катящееся колесо? Развѣ ты можешь заставить звѣзды вращаться вокругъ тебя?

«Ахъ, какъ много людей, праздно стремящихся въ высоту! Ахъ, какъ

часты судороги честолюбцевъ! Докажи мнѣ, что ты не изъ числа этихъ праздно желающихъ и честолюбивыхъ!

«Ахъ, слишкомъ много есть великихъ идей, дѣлающихъ не больше, чѣмъ раздувальный мѣхъ: онѣ надуваются и становятся еще пустѣе.

«Ты называешь себя свободнымъ? Я хочу слышать о господствующей мысли твоей, а не о томъ, что избѣгъ ты ярма.

«Изъ тѣхъ ли ты, кто имѣлъ право избѣгнуть ярма? Многіе лишаются послѣдней цѣны своей, отбрасывая подвластность свою.

«Стать свободнымъ отъ чего-либо? Что за дѣло до этого Заратустрѣ! Но твой взоръ долженъ ясно говорить мнѣ: стать свободнымъ для чего-либо? Можешь ли ты дать себѣ свое добро и свое зло и навѣсить на себя волю свою, какъ законъ? Можешь ли ты быть своимъ собственнымъ судьею и мстителемъ за законъ свой?» *)

Неудивительно, что Заратустра и не нашелъ такихъ людей: если бы у нихъ было свое добро и свое зло и воля ихъ была бы для нихъ закономъ, они и не шли бы къ Заратустрѣ, не нуждались въ немъ.

По нашему мнѣнію, цѣнна уже личность, жаждущая самоопредѣлиться, жаждующая проявить всѣ свои силы, развить всѣ свои способности. Для насъ цѣнны не только великіе Вольтеръ и Руссо, но и вся плеяда энциклопедистовъ, вѣровавшихъ въ силу знанія, разрушающую предразсудки и пережитки, и самоопредѣлявшихся, съ различными индивидуальными варіяціями, въ этой общей формулѣ. И не только энциклопедисты представляютъ для насъ «цѣнность», но и всѣ отстаивавшіе, хотя бы и толпой, но до конца, безбоязнено, до смерти, «декларацію правъ человѣка»: у нихъ было общее «добро и зло», но оно было ихъ *собственное* и за него они жертвовали жизнью.

Цѣнна всякая личность, способная къ воодушевленію, къ экстазу и къ борьбѣ. Зачѣмъ предъявлять къ ней требованіе быть единственной въ своемъ родѣ и какъ бы замерзшей въ своемъ великолѣпіи? Для насъ «цѣнны» и тѣ люди изъ народа, которые и на западѣ, и въ Америкѣ, и у насъ такъ страстно стремятся къ знанію, такъ какъ знаніе въ настоящее время все же первый этапъ къ самоопредѣленію. Они еще полны пережитковъ, эти люди, и даже характеръ ихъ стремленія къ знанію въ нѣкоторомъ смыслѣ пережитокъ, но въ то же время онъ и показатель того, что изъ нихъ могутъ развиться люди не менѣе индивидуальные, чѣмъ тѣ, къ которымъ обращался съ проповѣдью Заратустра. Какъ *возможности*, для насъ цѣнны и тѣ искатели религіозной истины, которыхъ такъ много въ нашемъ народѣ. Если отрицать возможности, если требовать отъ индивидуума какой то абсолютной единственности, то на всемъ протяженіи человѣческой исторіи только и можно остановиться на нѣсколькихъ геніяхъ, но вѣдь и они все же появились не какъ «deus ex machina» и жили не въ пустынѣ. Къ этому вопросу мы

*) „Такъ говорилъ Заратустра“ перев. Антоновскаго. стр. 116—117.

еще вернемся впослѣдствіи, здѣсь же мы хотимъ сказать только слѣдующее.

Если бы къ тому времени, когда Китай столкнется съ Европой, послѣдняя успѣла окончательно омѣщаниться, окончательно вытравить изъ себя всякій порывъ, энтузіазмъ и сгладить индивидуальности, окончательно закрѣпила бы среднюю мораль и маленькое, даже ниже средняго, благополучіе — увѣренность въ томъ, что завтра не умрешь съ голода,—то исходъ «столкновенія» зависѣлъ бы отъ численности и китайцы, конечно, «побѣдили» бы.

Если такой исходъ можетъ еще оспариваться, то только по тому, что хотя мѣщанство и заразило въ культурныхъ странахъ почти всѣ классы общества, но народныя массы еще не вполнѣ: тамъ, какъ мы указывали, сохранился еще энтузіамъ, хотя бы въ видѣ вѣры въ болѣе свѣтлое будущее, создаваемое индивидуальными усиліями, жертвами и борьбой цѣлаго класса. Эта вѣра въ возможность изъ части машины превратиться въ равноцѣнную другимъ индивидуальность, этотъ энтузіазмъ, который временами охватываетъ рабочихъ западной Европы, даетъ надежду, что красочность и напряженность индивидуальной жизни еще не исчезли у европейцевъ, но таятся гдѣ-то въ глубинахъ народнаго сознанія, и могутъ вспыхнуть и найти болѣе опредѣленное выраженіе, болѣе положительные и широкіе идеалы. Вопросъ только въ томъ, насколько такой идеалъ дѣйствительно является выраженіемъ индивидуальностей, составляющихъ данную группу, и насколько сильны ихъ усилія проявить свое «я» въ достиженіи этого идеала. Если же онъ только знамя, около котораго въ положеные дни собираются, какъ около идола въ индійскую божницу, чтобы отбыть свои религіозныя обязанности, а затѣмъ отойти къ другимъ, болѣе существеннымъ—ко сну, къ ѣдѣ и вообще къ «насущному хлѣбу», то такое знамя скоро полиняетъ, а батальоны, собирающіеся вокругъ него,станутъ такими же мѣщанами, какъ и всѣ прочіе.

Есть и еще другое, что противопоставлялось мѣщанству,—это интеллигенція.

Западно-европейская интеллигенція... Но она во-первыхъ стала худосочна, во-вторыхъ растеряла своихъ боговъ и подчасъ, вѣроятно, завидуетъ даже русской: у этой хоть тоже нѣтъ Ормуздовъ, но зато Ариmановъ въ изобиліи.

И мы—русскіе немножко знакомы съ подобной завистью по Ариману—хотя бы въ лицѣ Шубина, завидовавшаго болѣе ограниченному «ирою» Инсарову, у котораго былъ великолѣпный Ариманъ въ лицѣ «турки»; нѣсколько иначе завидовалъ старый Кирсановъ Базарову, у котораго Ормуздомъ было естествознаніе, а Ариманомъ невѣжество, и сдается мнѣ, что какой-нибудь теперешній философъ критической школы, по косточкамъ разбирающій «метафизику» Карла Фохта, все же украдкой завидуетъ этому пылкому, жизнерадостному матеріа-

листу, который вѣрилъ въ естествознаніе, какъ еврей въ Іегову, и ненавидѣлъ теологовъ и ханжей, какъ монахъ сатану...

Да, западно европейская интеллигенція растеряла своихъ боговъ. Только немногіе, наиболѣе сильные, проявляютъ свою индивидуальность въ борьбѣ за идеалы народныхъ массъ, другіе, хотя и называютъ себя индивидуалистами, неспособны ни къ какой активной дѣятельности и занимаются взаимнымъ любованіемъ, съ восторгомъ смакуя свою слабость и сложные запахи своей разлагающейся индивидуальности. Третьи—ноютъ и мечутся.

Вѣру во всемогущество науки убила критическая философія, вѣру въ «права человѣка» и въ прочія республиканскія добродѣтели осквернило мѣщанство, вѣру въ самого себя... да ея у большинства и не было: ее съ дѣтства вытравляла схоластическая, стадная школа, мѣщанская среда, тысячи мелкихъ привычекъ и обязанностей, разсудочность; если же могучій инстинктъ жизни требуетъ иногда проявленія индивидуальности, то она проявляется наполовину, съ оглядкой на другихъ, ищетъ знаковъ одобренія и сочувствія... Нѣтъ крови, нѣтъ мышцъ, нѣтъ желаній. Поистинѣ, какъ говорилъ Заратустра, ни холодные, ни горячіе, а только теплые. Блѣдные, вялые и безсильные бѣгаютъ «интеллигенты» изъ одной знахарской лѣчебницы въ другую...

Когда то эти лѣчебницы были часовнями.

У каждаго знахаря свой секретъ: одинъ торгуетъ феноменализмомъ, тругой—идеализмомъ, третій—лечитъ специальными впрыскиваніями категорическаго императива. Говорятъ, многимъ помогаетъ, хотя всѣ знаютъ, что эти лекарства—чистая вода.

Часовня матеріализма развалилась, и только на порогѣ старый Геккель бредитъ атомомъ, чувствующимъ удовольствіе и неудовольствіе... Этотъ еще молится и не побоится во имя Дарвина послать вора на висѣлицу.

Русская интеллигенція никогда небыла склонна къ такому лѣченію водой,—но теперь и у насъ открываются водолѣчебницы: чѣмъ мы хуже европейцевъ. Ариманы наши все еще здравствуютъ, но они страшные какіе-то, куда страшнѣе западноевропейскихъ; а вдругъ поступки потребуются... Ну ихъ... Лучше ужъ вкусить въ какой-нибудь лѣчебницѣ снадобья и сейчасъ во снѣ тебѣ Ормуздъ явится—кроткій, добрый и ласковый и начнетъ сказки разсказывать и поступковъ отъ тебя никакихъ не потребуетъ, знай слушай только.

По правдѣ сказать я не думаю, чтобы въ эти водолѣчебницы пошло много нашего брата—русскаго интеллигента; большинство изъ любопытства развѣ зайдетъ. Кромѣ того, я отнюдь не говорю, что разъ человѣкъ въ такой лѣчебницѣ лѣчится, такъ онъ и объ Ариманахъ нашихъ забылъ и съ ними не воюетъ; я только утверждаю, что для многихъ россіянъ такое лѣченіе можетъ оказаться вреднымъ: память о дѣйствительности отобьетъ. Полѣчится, полѣчится иной, да и

начнетъ вдругъ фельетоны въ «Новомъ Времени» писать «о суетѣ земного и о консерватизмѣ князя Мещерскаго».

Нѣтъ, шутки въ сторону. Нельзя, конечно, говорить, что метафизика несовмѣстима съ мужественной, активной, разносторонней личностью, но можно утверждать, что метафизика, хотя бы даже и «идеализмъ», не вызываетъ сама по себѣ ни активности, ни мужества, ни напряженности жизни—и въ комъ всего этого нѣтъ, тому никакая метафизическая система не поможетъ...

Что касается насъ, то чужое метафизическое міровоззрѣніе интересно намъ, поскольку интересенъ самъ авторъ, такъ какъ, по нашему мнѣнію, міровозрѣніе есть только нѣкоторое отраженіе части данной личности.

II.

Историческій періодъ развитія науки начинается съ установленія аксіомъ: онѣ ограждаютъ отъ безполезной траты времени и ограничиваютъ объемъ науки. Что значитъ, что аксіомы нельзя доказать? Это значитъ, что ихъ нельзя вывести изъ логическихъ формъ нашего мышленія, нельзя вывести потому, что онѣ и сами являются формами нашего мышленія, что онѣ образовались въ общемъ процессѣ его созиданія.

Основнымъ вопросомъ всякой метафизики, до сихъ поръ ею не разрѣшеннымъ является вопросъ о «я» и «не я», вопросъ о «реальности» внѣшняго міра, о существованіи «вещи въ самой себѣ». Вопросы эти рѣшались философами на различные, часто совершенно противоположные, лады, и нѣкоторые пришли даже къ заключенію, что доказать существованіе внѣшняго міра нельзя, что можно утверждать только наличность собственнаго сознанія.

Совершенно вѣрно, нельзя доказать, такъ какъ это и не доказуемо: «я» и «не я»—это формы нашего сознанія. Лишите человѣка возможности сообщаться съ внѣшнимъ міромъ, отнимите отъ него всѣ органы чувствъ, въ томъ числѣ и мышечное, и онъ потеряетъ сознаніе и представленіе о «я» и «не я», между тѣмъ жизненные процессы будутъ продолжаться. Такіе случаи наблюдались у истеричныхъ. Въ глубокомъ снѣ, въ обморокѣ сознаніе теряется, но жизнь течетъ, хотя и не столь интенсивно. Человѣкъ явился на міровую сцену уже съ вполнѣ сформированнымъ сознаніемъ, оно продуктъ долгой зоологической эволюціи и различныя степени сознанія мы наблюдаемъ уже у многихъ высшихъ животныхъ, у тѣхъ, которыя мыслятъ и чувствуютъ, помнятъ, любятъ и ненавидятъ; они не только противопоставляютъ своей индивидуальности другія индивидуальности, но и среди этихъ послѣднихъ различаютъ не только видовыя, но также и индивидуальныя различія. Они «мыслятъ» также индивидуальностями, какъ и мы. На болѣе низкихъ ступеняхъ животнаго царства врядъ ли противопоставленіе «я» и «не

я» индивидуально въ той же степени: наиболѣе развитыя насѣкомыя различаютъ, вѣроятно, только видовыя индивидуальности и почти навѣрное не въ силахъ различать индивидуумовъ одного и того же вида. У еще болѣе простыхъ животныхъ, вѣроятно, различеніе идетъ только между своей собственной индивидуальностью и какой либо другой, не слишкомъ отличающейся отъ нея своими размѣрами.

И, наконецъ, у простѣйшихъ это различеніе является, по выраженію Спенсера, глухимъ чувствомъ сопротивленія окружающей средѣ.

Во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были детали этой эволюціи сознанія, оно является фазой опредѣленнаго зоолого-историческаго процесса, всегда заключавшаго въ себѣ противопоставленіе, хотя бы только въ сферѣ ощущеній, «я» и «не я»,—всѣ же наши «объясненія», вся наша логика явились уже продуктомъ этого сознанія, этого противопоставленія ощущающаго индивидуума къ окружающему его міру, и потому «доказывать» построеніями нашего ума «бытіе» или «небытіе» внѣшняго міра нелѣпо. Самый вопросъ о существованіи внѣшняго міра «не я» нелѣпъ, такъ какъ словомъ «существовать» человѣкъ, прежде всего, обозначилъ неоспоримое для него, въ его индивидуальность заложенное противоположеніе «я» и «не я».

Мнѣ могутъ здѣсь возразить, что мое утвержденіе этой «нелѣпости» требуетъ признанія общечеловѣческой логики, какъ исходнаго пункта, и что мы попадаемъ здѣсь въ заколдованный кругъ. Конечно, я могу говорить только словами и мыслить только логическими формами, но эта самая логика указываетъ мнѣ, что она проявляется только при наличности сознанія, а послѣднее, въ свою очередь, есть лишь высшая форма противопоставленія ощущающаго индивидуума окружающей его средѣ; но это противопоставленіе вовсе не требуетъ наличности сознанія, а слѣдовательно и человѣческой логики: ея нѣтъ у животныхъ, но подобное противопоставленіе у нихъ существуетъ. Нѣтъ сознанія и у лунатика, который съ столь изумительной ловкостью идетъ по краю крыши. Кто ведетъ его, что имъ руководитъ? То великое нѣчто, которое является творцомъ не только сознанія, но и гораздо болѣе первичнаго элемента—ощущенія, нѣчто, которое мы называемъ *индивидуальностью.*

Такимъ образомъ противопоставленіе «я» и «не я» есть явленіе болѣе основное, чѣмъ само сознаніе. Что такое спенсеровское «глухое чувство сопротивленія окружающей средѣ», это первичное ощущеніе, какъ не противопоставленіе неразложимаго «я» неразложенному «не я».

Мало этого, также недоказуемо, также привзошло вмѣстѣ съ появленіемъ человѣка и человѣческаго сознанія не только упомянутое выше противоположеніе, но еще и расчлененіе «не я»—внѣшняго міра на цѣлый рядъ другихъ индивидуальностей. Мышленіе по аналогіи, мышленіе индивидуальностями также аксіома сознанія.

Изъ зоологической эволюціи, отъ своихъ предковъ человѣкъ при-

несъ начатки рѣчи—слова, обозначавшія, вѣроятно, вначалѣ наиболѣе сильныя и частыя ощущенія, а затѣмъ индивидуальности, причинявшія эти ощущенія. Но, съ одной стороны—индивидуальностей-«объектовъ» кругомъ было много и съ расширеніемъ опыта становилось все больше и больше, память же первобытнаго человѣка была ограничена; съ другой стороны, ощущенія, связывавшія человѣка съ окружающими объектами часто были такъ близки другъ другу, что не различались ими,—отсюда прямою необходимостью явилось упрощеніе дѣйствительности; индивидуальности—предметы, дававшіе неразличимыя ощущенія, объединились однимъ словомъ, и вмѣсто многихъ именъ собственныхъ появились нарицательныя, имена собственныя сохранились только за самыми близкими, самыми нужными и дорогими индивидуальностями. Такъ появились первыя абстракціи.

Можетъ быть, историческій процессъ развитія человѣческой мысли шелъ не всегда такъ, можетъ быть, человѣкъ уже явился на міровую арену съ нѣкоторыми готовыми абстракціями, съ запасомъ именъ нарицательныхъ и эти нарицательныя дѣлались даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ снова именами собственными. Но такіе обратные процессы уже частности, въ общемъ все же процессъ созданія мышленія, съ увеличеніемъ человѣческаго опыта, долженъ былъ идти отъ болѣе индивидуальнаго къ менѣе индивидуальному, упрощенному. Иначе говоря, процессъ этотъ состоялъ все въ бо́льшемъ и бо́льшемъ разложеніи «не я» на рядъ индивидуальностей, но по мѣрѣ увеличенія количества ихъ они становились все болѣе и болѣе простыми: этого требовала экономія мысли, или, выражаясь иными символами — емкость мозга первобытнаго человѣка.

Общеніе съ другими людьми, съ чужимъ опытомъ, съ чужими переживаніями играло въ этомъ упрощеніи дѣйствительности, конечно, громадную роль—оно дѣлало слово выраженіемъ наиболѣе общихъ ощущеній, получаемыхъ человѣкомъ отъ того или иного предмета—индивидуальности; такъ вырабатывались начала *достовѣрности* знаній: человѣкъ провѣрялъ свои переживанія переживаніями другихъ людей.

Благодаря экономіи силъ, получившейся при такомъ упрощеніи дѣйствительности, иначе, благодаря выдѣленію изъ переживаній наичаще повторявшихся элементовъ, первобытный человѣкъ могъ обратиться къ самонаблюденію, т.-е. къ установленію отношеній между своими переживаніями *во времени*. Внѣшній опытъ выяснялъ ему его отношенія къ другимъ индивидуальностямъ, создавалъ, между прочимъ, его пространственныя представленія, внутренній опытъ—самонаблюденіе—рисовалъ ему исторію своей собственной индивидуальности, ея развитіе во времени. Конечно, процессы эти не шли и, конечно, не идутъ такъ просто и такъ раздѣльно, какъ мы ихъ здѣсь представляемъ. Мы хотимъ только показать, что самонаблюденіе въ болѣе или менѣе замѣтномъ размѣрѣ могло явиться только послѣ того, какъ внѣшній

опытъ получилъ уже довольно значительное развитіе. Самонаблюденіе—чисто человѣческое завоеваніе.

Такимъ образомъ пространственныя идеи должны были появиться у человѣка раньше, чѣмъ идеи о времени; предчувствіе идей о пространствѣ человѣкъ принесъ уже съ собою изъ зоологической эволюціи; высшія животныя по своему соображаютъ и оцѣниваютъ и разстоянія, и даже объемы. Но идеи о времени—цѣликомъ пріобрѣтеніе человѣка и чѣмъ ниже культура племени тѣмъ смутнѣе, неопредѣленнѣе эти идеи; для дикаря какъ бы не существуетъ времени: онъ беззаботенъ, безпеченъ и не думаетъ о будущемъ, лѣтомъ онъ истребитъ и даже разбросаетъ всѣ свои пищевые запасы, а зимой будетъ голодать.

Первобытный человѣкъ ощущалъ себя цѣликомъ, неразложимой индивидуальностью, со всѣми своими инстинктами, аффектами, со всей своей волей; но насталъ моментъ, когда ему стало ясно, что онъ смертенъ. Ужасъ охватилъ первобытнаго человѣка, когда онъ понялъ въ первый разъ неизбѣжность этого факта. Онъ умретъ, онъ—единственная «реальность», но вѣдь съ нимъ умретъ все: и женщина, которою онъ обладаетъ, и эта палица, и шкура медвѣдя, которою онъ укрывается, и лѣсъ, и солнце, и луна. Чтобы избавиться отъ этого ужаса полнаго небытія, дикарь началъ пытаться закрѣпить во времени свою индивидуальность—отсюда, мнѣ кажется, выросли зачатки религіи, исторіи и искусства — области индивидуальнаго творчества, по методу совершенно противоположныя наукѣ, развившейся изъ упрощенія дѣйствительности.

Опять-таки повторяю, что я не претендую въ этомъ описаніи процесса появленія религіи, искусства и науки на историческую правду, а хочу только промѣтить основные логическіе моменты этого процесса...

Самонаблюденіе же—явленія смерти, сна, болѣзни показали человѣку, что и его собственная, казалось, неразложимая индивидуальность не всегда одинакова, и онъ сталъ разсматривать себя состоящимъ какъ бы изъ двухъ индивидуальностей—тѣла и духа, то соединенныхъ другъ съ другомъ, то разъединяющихся.

Общеніе, образованіе группъ, клановъ увеличиваетъ и разнообразитъ внѣшній опытъ, дѣлаетъ его болѣе достовѣрнымъ; развивается языкъ, увеличиваются запасы словъ и сознательная работа мысли—упрощеніе дѣйствительности растетъ въ геометрической прогрессіи; абстракціи становятся все болѣе и болѣе общими, но основной элементъ остается тѣмъ же: каждая абстракція является все же индивидуальностью, но только упрощенной, лишенной большинства своихъ индивидуальныхъ качествъ, но за то связанной опредѣленными отношеніями съ другими объектами. Эти отношенія отражаютъ намъ тѣ ощущенія, которыя являлись основною связью чувствующей индивидуальности и окружающаго ея міра.

Послѣдней наиболѣе полной абстракціей, наиболѣе полнымъ упро-

щеніемъ дѣйствительности, наиболѣе обезцвѣченной, наиболѣе общей индивидуальностью въ сознаніи человѣка явилось число.

Съ появленіемъ числа появилась *наука* о внѣшнемъ мірѣ, о природѣ. Такая наука всегда была, есть и будетъ *наиболѣе полной* въ данный моментъ систематизаціей опыта человѣчества, т.-е. выраженіемъ отношеній въ пространствѣ *типовой* человѣческой индивидуальности ко всѣмъ сознаннымъ человѣчествомъ другимъ индивидуальностямъ—предметамъ.

Но память человѣка ограничена, и, чтобы закрѣпить его отношеніе ко всей громадѣ окружающихъ и окружавшихъ его индивидуумовъ-предметовъ, приходилось обезличивать ихъ до конца, до понятія объ единицѣ, до предѣла упрощенія дѣйствительности.

Наиболѣе полнымъ и совершеннымъ знаніемъ было бы, конечно, знаніе всѣхъ индивидуальностей и ихъ взаимоотношеній. Такое знаніе религіи приписываютъ Богу: Онъ всевѣдущъ, Онъ знаетъ всѣ индивидуальности бывшія, существующія и будущія существовать; Онъ знаетъ каждую индивидуальность лучше, чѣмъ она самое себя, такъ какъ Онъ знаетъ не только ея настоящее, но и ея прошлое, затерянное въ глубинахъ міровой жизни.

Конечно, другого знанія человѣкъ и не могъ приписать Божеству, такъ какъ и человѣческое знаніе индивидуально, но не совершенно и требуетъ упрощенія дѣйствительности. Даже свою собственную индивидуальность человѣкъ знаетъ далеко не совершенно, ибо сознаніе не можетъ сознать безсознательнаго, а вѣдь оно-то и составляетъ человѣческую индивидуальность. Сознаніе можетъ постигнуть только существованіе этого безсознательнаго и свою зависимость, свое исхожденіе отъ него......

Выше мы уже упоминали, какъ самонаблюденіе—создало идеи о духѣ и тѣлѣ, какъ о двухъ индивидуальностяхъ, то соединенныхъ воедино, то разъединяющихся. По аналогіи перенесли этотъ дуализмъ и на всѣ тѣла (фетишизмъ), затѣмъ только на самыя важныя, связанныя съ человѣкомъ тысячами самыхъ сильныхъ ощущеній—на другихъ людей, на животныхъ, на солнце, луну, Нилъ и т. д.

Этотъ процессъ уже противоположенъ описанному нами упрощенію дѣйствительности. Здѣсь индивидуальность не обезцѣнивается, а наоборотъ, на нее переносится цѣнность, которую признаетъ человѣкъ за своей индивидуальностью. И такъ какъ внутренній міръ первобытнаго человѣка, доступный для самонаблюденія, былъ крайне бѣденъ, внѣшнія же впечатлѣнія лились могучей волной, то тѣ предметы, отъ которыхъ онъ получалъ наиболѣе частыя и наиболѣе сильныя впечатлѣнія, тѣ, которые ощутимо благотворно дѣйствовали на его организмъ, или же передъ которыми онъ чувствовалъ свое безсиліе, страхъ, оцѣнивались имъ даже выше своей индивидуальности — появились божества, подобныя человѣку, но болѣе могучія,

болѣе цѣнныя. Здѣсь, во всемъ этомъ процессѣ единицей цѣнности принималась человѣческая индивидуальность цѣликомъ, безъ всякаго упрощенія, со всѣми ея страстями и аффектами, со всѣмъ ея богатствомъ безсознательнаго и со всѣмъ ея жалкимъ багажомъ сознательной жизни.

И такъ всегда—наиболѣе индивидуальными для человѣка являются наиболѣе для него важныя, наибольшимъ комплексомъ ощущеній съ нимъ связанныя индивидуальности. Нечего удивляться, что дикарь уподобилъ солнце себѣ; я почти убѣжденъ, что многіе русскіе крестьяне, несмотря на то, что комплексъ ихъ переживаній неизмѣримо сложнѣе, чѣмъ у дикаря, несмотря на то, что въ этихъ переживаніяхъ главнѣйшую роль играютъ тѣ, которыя связаны съ другими людьми, несмотря на вліяніе религіи и кой-какія знанія, все же питаютъ къ «солнышку» чувства нѣсколько религіознаго характера.

Наиболѣе близкое къ намъ—наиболѣе индивидуально, красочно и жизненно, наиболѣе далекое—наиболѣе упрощенно и абстрактно, наиболѣе приближается къ идеальной абстракціи—къ понятію объ единицѣ.

Оно и понятно. Что является наиболѣе намъ близкимъ? То, что мы не можемъ въ нашемъ сознаніи сильно упростить, не обезцѣнивъ окончательно, въ чемъ мы цѣнимъ индивидуальность близкую къ нашей—другую человѣческую личность,—мы признаемъ въ ней самоцѣнность. Меньшую цѣнность признаемъ мы за животной индивидуальностью, еще меньшую за растеніемъ и т. д.

У первобытнаго человѣка въ тотъ періодъ, когда его представленіе о времени было еще очень смутно, не было этихъ градацій цѣнности, этихъ различныхъ степеней индивидуальности; вначалѣ онъ все мѣрилъ собою,—но сталъ развиваться описанный нами процессъ упрощенія дѣйствительности и параллельно съ этимъ становилась детальнѣй скала цѣнностей.

Мы уже указывали выше, что страстное стремленіе закрѣпить во времени самую высокую, непререкаемую цѣнность—свою собственную индивидуальность заставило человѣка создать исторію и искусства,—скульптуру и живопись. Не будемъ останавливаться здѣсь на сложномъ вопросѣ, чтó въ ходѣ исторіи отвлекло человѣка отъ мысли, вначалѣ бывшей ему ясной, о существованіи и другихъ цѣнностей, и другихъ, не поддающихся сильному упрощенію индивидуальностей—животныхъ и растеній. Но фактъ, что объ этомъ настолько обстоятельно забыли, что Декартъ считалъ животныхъ простыми автоматами. Поэтому, такъ долго не появлялось исторіи животныхъ и растеній—ихъ не считали на столько интересными, настолько близкими къ намъ индивидуальностями, чтобы ихъ стоило разсматривать, какъ опредѣленный историческій процессъ, и только во второй половинѣ XIX-го вѣка появился Дарвинъ и эволюціонная теорія организмовъ.

Систематизирующая наука, упрощая дѣйствительность, создала инди-

видуальныя абстракціи—виды. Только благодаря такому упрощенію наука могла охватить «всю природу»—закрѣпить хотя бы общія черты переживаній человѣчества. Но, какъ мы уже говорили, при этомъ получается нѣкоторая экономія силъ и сознательная дѣятельность можетъ обратиться къ обратному процессу—такъ сказать къ частичному раскрѣпощенію упрощенныхъ индивидуальностей. У человѣческаго сознанія остается болѣе свободнаго времени и оно сейчасъ же наполняетъ его интересомъ къ обиженнымъ его предками индивидуальностямъ, возстановляя ихъ въ нѣкоторыхъ правахъ, признавая въ нихъ бо́льшую цѣнность, чѣмъ прежде, приближая ихъ къ своей собственной индивидуальности.

Эволюціонная теорія организмовъ могла появиться только благодаря тому, что до нея была установлена система Линнея и вниманіе человѣка, вниманіе науки могло остановиться на болѣе мелкихъ индивидуальныхъ различіяхъ внутри даннаго вида. Происхожденіе видовъ есть, собственно говоря, попытка написать краткую исторію животныхъ и растеній, впервые признанныхъ *самоцѣнными*—индивидуальностями.

Такой же процессъ намѣчается теперь и по отношенію къ неорганизованному міру, къ такъ называемой мертвой природѣ,—начинается раскрѣпощеніе частицы матеріи, атома.

Наукѣ для упрощенія дѣйствительности нужно было признать атомъ недѣлимымъ и однороднымъ, сохранить за нимъ только пространственную и массовую индивидуальность—создалась механика и нѣкоторыя части физики.

Благодаря получившейся экономіи сталъ возможенъ обратный процессъ—возстановленіе цѣнности и усложненія индивидуальности—выработалось понятіе о нѣсколькихъ десяткахъ химическихъ элементовъ, о нѣкоторой индивидуальности частицъ матеріи; мы стали отличать атомы разныхъ элементовъ другъ отъ друга, но въ предѣлахъ одного—даннаго химическаго вида атомы остались однообразными, не отличающимися другъ отъ друга. Развилась химія, появилась физическая химія.

Теперь наступаетъ процессъ обратной индивидуализаціи и въ области атома. Съ одной стороны нѣкоторыя явленія указываютъ на различіе атомовъ одного и того же химическаго элемента, съ другой—многія электрическія явленія, а особенно удивительныя «истеченія», испускаемыя радіоактивными веществами, съ несомнѣнностью указываютъ на существованіе, иначе—на необходимость созданія гораздо болѣе мелкихъ индивидуальностей, чѣмъ атомъ—электроновъ.

Но такъ какъ атомъ въ физическомъ смыслѣ существовалъ постольку, поскольку онъ былъ индивидуаленъ, какъ опредѣленное количество массы и движенія, то разложеніе его на электроны и мысль объ его

индивидуальности въ предѣлахъ даннаго химическаго вида, приводитъ къ слѣдующимъ послѣдствіямъ. Во первыхъ вносится смута въ понятія о массѣ и движеніи, такъ какъ электронъ является независимымъ отъ этихъ понятій, какъ индивидуальность еще болѣе мелкая, еще болѣе основная, чѣмъ атомъ, для характеристики котораго были созданы понятія массы и движенія; во вторыхъ—является законное стремленіе дать исторію развитія атомовъ, какъ возстановленныхъ цѣнностей, атомовъ, ставшихъ индивидуальными настолько, что мы отличаемъ ихъ даже въ предѣлахъ одного и того же химическаго вида.

Про электронъ — эту новую появившуюся индивидуальность — мы можемъ пока сказать только одно — это должна быть болѣе упрощенная индивидуальность, чѣмъ атомъ, и потому символы матеріи и и движенія, которымъ мы характеризуемъ послѣдняго, слишкомъ еще частны, слишкомъ индивидуальны для нея; нужно искать болѣе общаго символа, который обнималъ бы и матерію, и движеніе; вѣроятно, таковымъ можетъ быть энергія.

И съ этой точки зрѣнія притязанія энергетики правильны, но стремленіе ея замѣнить матерію и движеніе энергетическимъ символомъ и для частицъ такъ называемой вѣсомой матеріи является, по моему мнѣнію, регрессомъ, такъ какъ обезцѣниваетъ уже оцѣненную болѣе широкую индивидуальность атома.

Итакъ, сознаніе для выраженія индивидуальныхъ переживаній—совокупности внутренняго и внѣшняго опыта—выработало два метода: одинъ состоитъ въ упрощеніи дѣйствительности и происходитъ въ пространствѣ, другой, въ возстановленіи индивидуальныхъ цѣнностей и происходитъ и въ пространствѣ, и во времени. Не всегда они ясно противополагаются, и въ исторіи человѣчества часто оба метода сливаются и спутываются въ сложный, трудно распутываемый клубокъ.

Въ болѣе чистомъ видѣ второй методъ выражается въ исторіи, въ узкомъ смыслѣ этого слова, въ литературѣ, въ скульптурѣ и живописи. Эволюціонная теоріи въ лицѣ Дарвина, Спенсера, Крукса и многихъ другихъ дѣлаетъ попытку внести этотъ методъ во всю «природу»—дать исторію развитія всего міра, всѣхъ переживаній человѣчества, всѣхъ оцѣненныхъ имъ индивидуальностей.

Такъ человѣческое сознаніе построяло «міръ», создавало «вещи» и само крѣпло и расло. Мы сотворили себѣ міръ «по образу и подобію нашему» и не пойдемъ на выучку къ метафизикамъ, чтобы они доказывали намъ его бытіе; мы не сомнѣваемся въ его существованіи, такъ какъ носимъ его въ нашемъ мозгу, нервахъ, крови и мышцахъ. Но сознаніе—только незначительная часть нашей индивудуальности, подъ нимъ течетъ могучая жизнь—инстинкты, аффекты, страсти, воля, наша активность, наше творчество, великое нѣчто, создавшее и міръ, и сознаніе.

Это нѣчто жило, проявлялось и творило, не зная ни добра, ни зла, ни мысли, ни времени, могучее въ своемъ безсознательномъ одиночествѣ; но какимъ-то невѣдомымъ взрывомъ оно извергло изъ своихъ нѣдръ на поверхность маленькое сознаніе, и этотъ счетоводъ-мучитель началъ разносить по разнымъ графамъ великое тѣло, породившее его, и читать ему прописи и учить его морали. И гигантъ сразу захирѣлъ и почувствовалъ ужасъ, тоску и одиночество и увидѣлъ, что онъ не одинъ.

Съ этого времени начинается человѣческая трагедія. Сознаніе разъявъ внѣшній міръ на рядъ упрощенныхъ индивидуальностей, создавъ «вещи», реальность и время, начало разлагать и великое «я», его породившее. Прежде всего оно сказало: «я—духъ, а ты—тѣло», и старалось увѣрить это «тѣло,» что оно подчинено ему, что оно должно управляться имъ—духомъ, сознаніемъ, чтобы чувствовать себя единымъ и не мучиться своею раздвоенностью. Началась борьба «духа» съ «тѣломъ», умерщвленіе плоти.

Какъ убить своего отца—это «тѣло», вѣчно желающее, вѣчно дѣйствующее и проявляющееся, не умерщвляя и сознанія? Единственное средство—изнурить тѣло, не давать ему двигаться, питаться, желать: нужно голодать, стоять на одной ногѣ, молчать, сдѣлать невозможнымъ половой инстинктъ... Сознаніе все же чувствовало свое безсиліе — великое «я»—«тѣло» проявлялось и дѣйствовало, вопреки его предписаніямъ и циркулярамъ, какъ бы не замѣчая ихъ, но пользуясь его оружіемъ,— тѣми двумя процессами, о которыхъ мы говорили—создавало изъ своихъ желаній матеріальную культуру. А умерщвленіе плоти сдѣлалось спеціальностью особой касты жрецовъ и монаховъ. Но и здѣсь безсознательное жестоко отомстило: подавленная жажда проявляться и жить какъ бы обернулась и приняла новую форму—жажду власти: столпники и монахи создали папу, инквизицію и іезуитовъ, умерщвленіе собственной плоти превратилось въ подавленіе чужой индивидуальности и вмѣстѣ съ нимъ, конечно, и чужого сознанія. Сознаніе, забывъ благодарность къ породившему его великому «нѣчто» и стремясь убить своего отца, само понесло заслуженную кару.

Религія была первымъ лекарствомъ, предложеннымъ сознаніемъ человѣку противъ той боли, которую онъ испыталъ, когда впервые созналъ самъ себя и объектомъ и субъектомъ, когда впервые почувствовалъ ужасъ при мысли о неизбѣжности смерти, когда впервые создалъ будущее.

Сознаніе въ своемъ самоослѣпленіи не понимало, что оно даетъ лекарство противъ самого себя, и что требуетъ этого лекарства индивидуальность, чувствовавшая раньше себя нераздѣльной и съ появленіемъ сознанія сознавшая свою раздвоенность. Первое лекарство— религіозное—состояло въ томъ, что сознаніе признало только себя не-

разложимой, непререкаемой индивидуальностью—духомъ, частью, отраженіемъ великой индивидуальности—Бога, а тѣло являлось только временной, несущественной оболочкой души. Раздвоенность какъ бы исчезла, поведенію, поступкамъ, даны были «скрижали». Сознаніе, конечно, не уничтожило, но все же сковало безсознательное. Но надолго ли? Моисей увидѣлъ у подножія Синая народъ, плясавшій у золотого тельца. Идеи о грѣхѣ, будущей жизни, о раѣ и адѣ явились негласными уступками сознанія могучей силѣ бесознательной индивидуальности и ея инстинктовъ; къ нормамъ поведенія нужно было прибавить устрашеніе, награды и удовлетвореніе незаглушимыхъ желаній. Магометъ создаетъ даже гурій.

Религія, дѣйствительно, спасаетъ человѣка отъ ужаса смерти и раздвоенности и люди, отдавъ шесть дней въ недѣлю жизни, творчеству, проявленію своей индивидуальности, затѣмъ посвящаютъ нѣсколько часовъ Богу и примиряютъ непримиримое, чтобы въ понедѣльникъ съ успокоенною совѣстью снова пойти на базаръ.

Вторымъ лекарствомъ, которое сознаніе предложило человѣку, явилась метафизика. Въ послѣднемъ счетѣ всякая метафизика является, по нашему мнѣнію, рѣшеніемъ вопроса о происхожденіи сознанія, такъ какъ и вопросъ о происхожденіи внѣшняго міра, и вопросъ о происхожденіи человѣка, о происхожденіи нравственности—всѣ сводятся къ появленію сознанія: оно породило эти вопросы.

Конечно, уже въ каждой религіи имѣется своя метафизика, такъ какъ всякая религіи рѣшаетъ вопросъ о происхожденіи сознанія, или, чтò то же, человѣка—волею божества. И разъ ставится этотъ вопросъ, то рѣшеніе религіи является наиболѣе логическимъ, такъ какъ выводитъ сознаніе изъ чего-то, внѣ него находящагося, всѣ же метафизики стремятся вывести бытіе, реальность, вещь, т.-е. сознаніе изъ процсссовъ мысли,—а вѣдь мысль лишь форма сознанія. Поэтому-то ихъ лекарство никому никогда не помогало и метафизическая философія безсильна была дать даже то успокоеніе, которое давала религія. Метафизика, впрочемъ, часто дѣйствительно успокоивала, такъ какъ человѣкъ, потонувшій въ ея безплодныхъ абстракціяхъ, становился вялымъ и неспособнымъ къ активной дѣятельности.

Мы уже въ началѣ нашей статьи указали, что считаемъ сознаніе одною изъ формъ противопоставленіи «я» и «не я», но какъ оно образовалось изъ этого безсознательнаго противопоставленія, какъ чувствующее «я» стало способнымъ наблюдать, сознавать свои чувствованія, это вопросы безплодные, такъ какъ ставитъ ихъ само сознаніе и рѣшать ихъ можетъ только средствами, находящимися въ его распоряженіи, а глазъ никогда не увидитъ самого себя. У метафизиковъ является здѣсь еще одна лазейка: разъ подобные вопросы возникаютъ въ человѣческомъ сознаніи, являются, какъ они выражаются, неистребимыми потребно-

стями человѣческаго духа, то, значитъ, они законны и на нихъ должны быть даны отвѣты. Безспорно, эти вопросы возникаютъ у каждаго мыслящаго человѣка, безспорно, сознаніе вноситъ нѣкоторую двойственность въ нашу природу и мы мучимся этою двойственностью, какъ бы тоскуя по утраченному единству зоологической индивидуальности. Что же дѣлать: въ этомъ трагизмъ человѣческаго существованія и надо смотрѣть судьбѣ въ глаза твердо и мужественно, а не искать утѣшенія и успокоенія въ различныхъ одурманивающихъ средствахъ.

Люди переживали тяжелыя минуты, когда Коперникъ и Галилей доказывали имъ, что они не центръ вселенной; немудрено, что они таскали Галилея по тюрьмамъ, и сожгли Джіордано Бруно, но все же человѣчество вынесло эту боль разочарованія и послѣ Галилея было совершено еще много мужественнаго и красиваго.

Вопросъ о сознаніи—еще болѣе коренной и еще болѣе страшный вопросъ, но все же нужно безстрашно сознаться, что мы не можемъ «объяснить» сознанія и что еще трагичнѣе—не можемъ вывести изъ него нормъ нашего поведенія: наши поступки обусловливаются всею нашею индивидуальностью, и кто не побоится остаться съ нею глазъ на глазъ, тотъ выработаетъ своею кровью и своимъ мозгомъ свое «зло» и свое «добро». Эта работа тяжела и трагична, но она приводитъ насъ къ активности, основному свойству всякой индивидуальности: въ дѣйствіи и творчествѣ сознаемъ мы силу свою и ощутимъ утерянное единство.

В. Агафоновъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ЗАКАТЪ.

Спокойной красотѣ и неба, и земли
Молюсь я въ тихій часъ вечерняго заката...
Всѣ скорби отошли и скрылися куда-то
Туманнымъ облакомъ, растаявшимъ вдали.

Святая тишина...
Задумавшійся лѣсъ въ своемъ молчаньи строгомъ...
И кажется душѣ, что здѣсь она одна—
Одна предъ Богомъ!..

---

*
* *

За окномъ непогода шумитъ,
Не унять мнѣ сегодня тоску:
Все къ тебѣ моя дума летитъ,
Какъ летитъ мотылекъ къ огоньку...

Ночь стѣной между нами легла,
Затеряется мой мотылекъ:
Безпросвѣтна угрюмая мгла,
Далеко, далеко огонекъ!..

Но преграды не знаетъ душа,
Если въ ней и любовь, и печаль,
И летитъ мотылекъ мой спѣша
Въ неизвѣстную темную даль...

Г. Галина.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

„Очерки исторіи русской цензуры въ связи съ развитіемъ печати“ Н. Энгельгардта. — „Самобытный“взглядъ „аристократа духа“ на „пользу цензуры, или „задачи просвѣщенной цензуры“.—Въ защиту культуры и интеллигенціи, по поводу книги „Объ идеяхъ и идеалахъ русской интеллигенціи“ Н. М. Соколова.

Въ прошлый разъ мы только слегка коснулись книги г. Энгельгардта, но это произведеніе заслуживаетъ большого вниманія. Итакъ, представимъ себѣ «добраго иностранца», который пріѣзжаетъ въ Россію и прежде всего, конечно, желаетъ ознакомиться съ духомъ русскаго народа. Онъ набрасывается, разумѣется, на нашу литературу, ея исторію, знакомится съ печатью и ея развитіемъ. Судьба посылаетъ ему и руководителя, который на счастье нашего иностранца только что кончилъ большой трудъ по изслѣдованію «Исторіи русской цензуры въ связи съ развитіемъ печати», какъ озаглавлена работа г. Н. Энгельгардта. Воображаемъ, съ какимъ интересомъ углубляется онъ въ эту книгу: на ловца и звѣрь бѣжитъ.

Можно легко представить себѣ его изумленіе, когда онъ прочтетъ слѣдующее классическое мѣсто на стр. 23: «Говорить смѣло истину русскому народу—вотъ задача печати! Конечно, дать *такое* слово печати бюрократическимъ распоряженіемъ нельзя: духовная свобода и, стало быть, истинная свобода печати дается *природою*, а не закономъ (Курсивы г. Энгельгардта, а не наши). Пусть пробудится русское чувство въ груди русскаго человѣка, и свободное слово само сорвется съ устъ его, и никакія силы въ мірѣ это слово не остановятъ, какъ нельзя остановить кипѣнія выдѣляющихся частицъ газа въ гейзерѣ! Такой пробки не найдется, которою можно было бы закупорить древнюю стклянницу съ игристымъ виномъ тысячелѣтнимъ народнаго духа! А когда онъ поникъ, упалъ, ушелъ въ подспудныя области, среди «лѣниво-равнодушныхъ, шальныхъ, балованныхъ дѣтей» и черни интеллигентной; среди тупыхъ и недальновидныхъ потомковъ великихъ предковъ, равнодушно продающихъ скупщику обагренные святой русской кровью камни своихъ кремлей,—никакими декретами «свободы» слова и совѣсти не насадишь! Ибо какъ дать свободу тому, чего нѣтъ? Какъ освободить совѣсть настолько безсовѣстнаго существа, что для него нѣтъ прошлаго, нѣтъ будущаго, а только «день мой—вѣкъ мой», кабакъ—Шато, вино—Клико и дѣва—Шантанъ».

Голова закружится у нашего иностранца отъ философіи г. Энгельгардта! Тутъ и славянофильское пониманіе свободы слова, и нѣчто отъ естественнаго права, и тысячелѣтній духъ, и весь обычный антуражъ нововременскаго литератора

до кафе-шантана включительно. И сколько въ то же время самой откровенной и нелѣпой путаницы, которая можетъ привести нашего любознательнаго читателя въ самое веселое настроеніе. «Природа, а не законъ даетъ истинную свободу слова»,—узнавъ о такомъ невѣдомомъ ему происхожденіи свободы слова, иностранецъ невольно долженъ проникнуться сугубымъ уваженіемъ къ русскому духу. До сихъ поръ и въ наукѣ, и въ практикѣ жизни у себя на родинѣ онъ встрѣчалъ, какъ незыблемо установленную истину, что свобода слова есть прежде всего политическая, а не природная гарантія, являясь вездѣ, гдѣ она есть, опорою политическихъ правъ народа. Свобода слова, т. е. свобода печати, ибо другой свободы слова человѣчество пока не знало и не знаетъ,—какъ природное дарованіе,—не напоминаетъ ли это отчасти того русскаго мужика, который въ очеркахъ Глѣба Успенскаго съ «помощью однихъ только природныхъ дарованій создаетъ сразу цѣнность въ сто рублей», садясь на прессъ для выжиманія икры? «Природы странную игру представляютъ эти русскіе публицисты», подумаетъ иностранецъ—-и будетъ правъ, такъ какъ давно уже извѣстно, что «умомъ» насъ, русскихъ, не измѣрить. Нужно для этого еще нѣчто «Энгельгардтовское». Въ самомъ дѣлѣ, г. Энгельгардтъ говоритъ не просто о свободѣ слова, а объ «истинной». Стало быть, извѣстная вообще свобода слова — не истинная, а настоящая, заправская-то «сорвется съ устъ русскаго человѣка, когда пробудится русское чувство въ груди» его. Свобода слова не русская, а общечеловѣческая, это—плодъ и вѣнецъ культуры, а Энгельгардтовская, пока еще таящаяся въ будущемъ, это—отъ самобытности, которая ни въ какой культурѣ не нуждается и сама изъ себя все рождаетъ, по нашему хотѣнью, по щучьему велѣнью.

Читая дальше «Исторію» г. Энгельгардта, нашъ читатель натыкается на новыя и новыя открытія, которыя послѣ перваго опыта въ томъ же родѣ, конечно, уже не такъ его удивляютъ. «Подробное и безпристрастное изученіе исторіи русской цензуры приводитъ насъ къ выводу, что цензура первой половины XIX вѣка была дѣломъ не монарховъ, но подданныхъ. Она обусловлена была *невѣжествомъ общества* (курсивъ вездѣ г. Энгельгардта). Это невѣжество проявлялось прежде всего слабымъ спросомъ на печатное слово и равнодушіемъ къ судьбамъ печати, литературы и писателей. Немудрыя потребности малограмотнаго общества выражались спросомъ на «легкое чтеніе» и, *поощряя легкомысленнаго враля-фельетониста, топили писателя серьезнаго.* Писатели и печать не имѣли покровителя во властной потребности общества, каковаго имѣетъ всякій портной, всякій булочникъ, всякій сапожникъ. Нельзя учредить цензуру сапогъ, булокъ, панталонъ, ибо безъ всего этого публика не можетъ обойтись. А безъ газеты, журнала, безъ книги и писателя совершенно легко обходились. Второе проявленіе невѣжества—раздражительная нетерпимость, пропитывавшая все общество отъ верхняго слоя до нижняго. Доносы и анонимныя письма шли по цензурѣ всегда тысячами» (стр. 12).

Иностранецъ, не привыкшій къ такимъ вольтамъ, могъ бы возразить, что переносить на общество отвѣтственность за цензуру такъ же основательно, какъ искать свободу слова въ природныхъ дарованіяхъ. Но г. Энгельгардта этимъ

не убѣдишь, разъ его не колеблютъ никакіе факты. Онъ знаетъ, что общество 30-хъ и 40-хъ годовъ не при чемъ въ подвигахъ цензуры того времени, которая закрывала всѣ журналы, кромѣ *угодныхъ* не обществу, а власти. Стоило только послѣ севастопольскаго разгрома измѣниться условіямъ цензуры, какъ немедля погибли такія, казалось, мощныя изданія, какъ «Сѣверная Пчела». «Московскій Телеграфъ» Полевого, серьезный и вполнѣ литературный журналъ, успѣшно конкурировалъ съ «Библіотекой для чтенія» («успѣхъ его былъ безпримѣрный по тому времени», пишетъ другой историкъ литературы не Энгельгардтовскаго толка) Сенковскаго, въ которой «литература была не при чемъ», но былъ закрытъ отнюдь не по винѣ или желанію общества, которое весьма недвусмысленно выражало свое мнѣніе по этому поводу *). Что же касается цензуры «сапогъ, булокъ, панталонъ», то и таковая бываетъ, какъ мы читали въ «Нов. Времени» въ изліяніяхъ нѣкоторыхъ ея корреспондентовъ, что въ Лѣтній садъ стоящіе у входа сторожа не пускаютъ лицъ, одѣтыхъ въ русскій костюмъ.

Конечно, г. Энгельгардтъ не настолько наивенъ, чтобы не понимать всю, выражаясь скромно, странность своего утвержденія. Но ему нужно это для его дальнѣйшихъ выводовъ о значеніи, важности и необходимости цензуры вобще. Эти выводы—истинные перлы, и мы не выполнили бы своей задачи, не познакомивъ съ ними нашихъ читателей.

«Разсмотрѣвъ цензурныя учрежденія у всѣхъ народовъ, мы приходимъ къ убѣжденію, что не можетъ быть учрежденія болѣе благодѣтельнаго, но и болѣе опаснаго. Не можетъ быть учрежденія болѣе могущественновоздѣйствующаго на общество, но не существуетъ и болѣе подверженнаго колебаніямъ и случайностямъ учрежденія.

«*Цензура необходима*. Это скажетъ всякій, кто объективно изучитъ явленія анархіи печати и темныя теченія больной мысли, грязныя болота общественной эротоманіи, клоаки пасквилянтства. Свобода слова не есть свобода сквернословія. Охранить личность отъ посягновенія клеветниковъ и народное цѣломудріе отъ загрязненія порнографіей! Не допустить кощунству осквернять святыню народныхъ вѣрованій! Но, — спохватывается г. Энгельгардтъ, чувствуя, что забрался въ область общаго уголовнаго уложенія, — въ этихъ предѣлахъ цензура сливается совершенно естественно съ общими судебными установленіями. Можетъ ли, однако, цензура стать одной изъ функцій общаго прокурорскаго надзора? — задумывается нашъ авторъ и разрѣшаетъ вопросъ:—При невѣжествѣ нѣтъ, едва ли».

Затѣмъ, вспомнивъ всетаки, что какъ ни какъ, а и онъ, г. Энгельгардтъ, числится по штату состоящимъ въ «литераторахъ», хотя бы и изъ «Новаго Времени»,—онъ начинаетъ бормотать темно и вяло что-то о «мозгѣ страны», съ коимъ надо обращаться бережно, о мысли, «уходящей въ глубь», если ей не даютъ проявляться наружу, о русскомъ литераторѣ и русской литературѣ, ко-

*) Подробную исторію закрытія „Моск. Телеграфа“ см. „Изъ исторіи нашей журналистики“ В. Богучарскаго, „М. Б.“ янв. 1903 г.

торые «всегда отличались высокой степенью развитія чувства нравственной отвѣтственности» и потому, казалось бы, не очень то нуждаются въ особой опекѣ, но въ заключеніе опять воспаряетъ духомъ и побѣдоносно восклицаетъ:

«Какъ бы то ни было, цензура есть фактъ. Она въ тѣхъ формахъ, въ какихъ создалась въ данное время у даннаго общества, подчинена строгой законопричинности. Цензура въ своихъ формахъ обусловлена двумя явленіями общественности. Эти два явленія—«сквернословіе» и «нетерпимость». Подъ «сквернословіемъ» мы понимаемъ не только всѣ виды пасквилянтской грязи, зарождающіеся въ клоакахъ человѣческаго слова, не только словесное сладострастіе и развратъ мысли, всѣ виды порнографіи и блудословія, не только кощунство мысли, но и яды интеллекта, результатъ ея разложенія, мысль патологическую, безумную и заражающую безуміемъ. «Свобода слова» не есть «свобода сквернословія». Охрана общественнаго сознанія отъ заразы «сквернословія» составляетъ функцію съ одной стороны простого суда, для грубыхъ его проявленій, съ другой — критики, какъ самоуправленія литературы. Цензурѣ остается роль посредствующая и наблюдательная. Что касается «нетерпимости», то она является разлитой въ обществѣ. Нетерпимы всѣ — и чиновникъ, и офицеръ, и купецъ, и «интеллигентъ», и даже литераторъ. «Нетерпимость» и сверху, и снизу давитъ на цензуру со всѣхъ сторонъ и прямо, и въ обиходъ. Цензура, какъ учрежденіе просвѣщенное, въ лицѣ ея руководителей, не должна быть рабомъ общественной нетерпимости. Напротивъ, она должна обладать самостоятельностью и противиться этой нетерпимости, отводя ее отъ такихъ явленій мысли, которыя служатъ правдѣ и совѣсти, очищаютъ умъ и общественную атмосферу отъ лжи, обличаютъ явленія, обличенія достойныя. Поэтому цензура въ странѣ сама должна быть центромъ просвѣщенія, и цензоръ — просвѣщеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Государство можетъ повѣрить такое нужное и опасное учрежденіе, какъ цензура, лишь въ руки глубоко-гуманныхъ, развитыхъ, культурно-образованныхъ, благоразумно-умѣренныхъ, просвѣщенныхъ людей и обезпечить успѣхъ ихъ борьбы съ гидрой сквернословія и противодѣйствія ихъ общественной нетерпимости предоставленіемъ учрежденію достаточной доли независимости и довѣрія» (стр. 320—324).

По мѣрѣ того, какъ мы дѣлали эту длинную выписку, нами овладѣвало все большее и большее смущеніе: ей-Богу, г. Энгельгардтъ гдѣ-то позаимствовалъ и эти свои мысли, какъ и многое другое, что онъ издаетъ подъ именемъ своихъ «Исторій литературъ». И странное дѣло, намъ все упорнѣе казалось, что это онъ позаимствовалъ изъ своей же книги. Мы начали тогда перечитывать ее сначала и—эврика! Оказалось, что наша догадка справедлива и что г. Энгельгардтъ вѣренъ себѣ и въ большомъ, и въ маломъ: это свое мнѣніе о необходимости цензуры онъ взялъ у почтеннаго адмирала Шишкова, которое послѣдній изложилъ почти въ тѣхъ же словахъ въ запискѣ, поданной имъ молодому императору Николаю Павловичу послѣ 14-го декабря. Еще въ 1815 г.,—докладывалъ доблестный адмиралъ,—онъ указывалъ, «что цензура въ основаніи своемъ недостаточна» и что «языкъ въ издаваемыхъ книгахъ время отъ времени не только портится, но и становится отъ часу безобразнѣе и дерзостнѣе». И далѣе Шишковъ говоритъ о значеніи печати и роли цензуры:

«Всякій, мудрый и невѣжда, правдолюбецъ и лжеумствователь, добронравный и развращенный, ораторъ и пустословъ, стали каждый свое писать и печатать. Всякій получилъ удобность наединѣ, взаперти, скрытно, думать, сочинять, писать что хочетъ, и посредствомъ книгопечатанія сообщать мысли свои другимъ, не опасаясь ни наказанія, ни презрѣнія, Отсюда произошло, что гдѣ вѣра возносила священный гласъ свой, тамъ и безвѣріе изъ нечистыхъ устъ своихъ изрыгало смѣхъ и кощунство; гдѣ науки разливали свѣтъ свой,—и лжеученіе и суесловіе затмевало разумъ. Въ сей борьбѣ зла съ добромъ перевѣсъ и польза того или другого долженствовали быть наблюдаемы цензурою или оцѣнкою книгъ. Какая труба удобнѣе внушитъ гласъ свой въ уши и сердца многихъ, какъ не книга, въ одно и тоже время въ тысячи мѣстахъ и тысячами людей читаемая? Притомъ же слово, хитростью ума испещренное, ядовитѣе и опаснѣе змѣи, прельстившей прародителей нашихъ. Оно подъ различными видами, то угожденіями сладострастью, то остротою насмѣшки, то мнимою важностію мудрости, то сокровенностію мыслей, а иногда и самою темнотою и безтолковицею, очаровываетъ, ослѣпляетъ неопытные умы». Какъ же спастись отъ такой опасности? «Надежнѣйшее средство—благоразумная и прилежно наблюдающая должность свою цензура. Надобно, чтобы она была ни слабая, ни строгая; ибо слабая не усмотритъ, а строгая не дастъ говорить ни уму, ни правдѣ».

Развѣ эти мысли знаменитаго адмирала о роли цензуры не совпадаютъ точь-въ-точь съ мыслями г. Энгельгардта о «просвѣщенной цензурѣ», которая должна охранять общество отъ «яда интеллекта», отъ «кощунства мысли», отъ «мысли патологической», отъ «нетерпимости», «отводя ее отъ такихъ явленій мысли, которыя служатъ правдѣ и совѣсти, очищаютъ умы» и т. д? Простодушный адмиралъ, авторъ «стопудоваго» цензурнаго устава, возмущавшаго въ свое время даже Булгарина, врядъ ли мечталъ что черезъ сто слишкомъ лѣтъ ему сочувственно протянетъ руку «аристократъ духа».

Нашъ проблематическій иностранецъ, съ изумленіемъ прочитавъ «мысли» г. Энгельгардта, сталъ-бы, пожалуй, возражать, что въ свое время и инквизиторы преслѣдовали не мысль вообще, не слово, не книгу, а только еретическую мысль, («ядъ интеллекта», «патологическую мысль, заражающую безуміемъ»), «кощунственное» слово, преступную книгу, дѣлая все это не изъ злонравія, а ad majorem Dei gloriam, изъ попечительной заботы о душѣ «невѣжественной» массы, дабы не соблазнить единаго изъ малыхъ. Онъ могъ бы припомнитьг-ну Энгельгардту не одну «безумную» мысль, напр., идею Джордано Бруно о безконечности міровъ, идеи Галилея о движеніи земли вокругъ солнца, мысль Колумба о новой землѣ и т. д. и т. д.—все мысли, въ свое время не только признанныя «безумными» первыми авторитетами тогдашняго просвѣщеннаго міра, но и преступными, а потому подлежащими осужденію и пресѣченію. Онъ могъ бы и ближайшаго времени коснуться, напомнивъ недавнюю попытку съ закономъ Гейнце противъ «разврата въ искусствѣ». Онъ могъ-бы напомнить по поводу нетерпимости, что именно тамъ она развивается, гдѣ есть учрежденіе, куда можно послать доносъ или анонимный извѣтъ. Тамъ

же, гдѣ можно обращаться только къ суду, далеко не всякій рѣшается къ нему прибѣгать, зная, что на судѣ надо доказать обвиненіе. Вотъ почему о нетерпимости ничего не знаютъ на западѣ и такъ много говорятъ у насъ. И многое другое могъ бы сказать иностранецъ. Но мы за нимъ не послѣдуемъ. Въ нашу задачу не входитъ спорить и убѣждать г. г. Энгельгардтовъ: мы желали только показать читателямъ «природы странную игру» въ лицѣ «писателя», признающаго, что ему необходима цензура для огражденія его отъ «нетерпимости» и «разврата мысли»... NB. Не имѣлъ-ли, между прочимъ, г. Энгельгардтъ въ виду рецензентовъ, раскрывшихъ источники его «ученыхъ» трудовъ по исторіи литературы?

«Въ защиту культуры!» можетъ не безъ удивленія воскликнуть кто-либо изъ читателей. «Да развѣ культура нуждается въ защитѣ?» Отчего же и нѣтъ? Есть культура и культура,—европейская, китайская, индійская, и каждая имѣетъ свои хорошія и тѣневыя стороны. И разъ культурѣ противопоставляется самобытность, какъ это и дѣлаетъ въ своей книгѣ г. Соколовъ «Объ идеяхъ и идеалахъ русской интеллигенціи», въ первой статьѣ «О культурѣ и самобытности», то очевидно—вопросъ о культурѣ нельзя считать уже безповоротно рѣшеннымъ и обходить молчаніемъ всякое рѣшеніе его не всецѣло въ пользу культуры. Иначе оказался бы правъ г. Соколовъ, утверждающій, будто понятіе «культура боится сквозного вѣтра, и его берегутъ въ тайникахъ таинственнаго святилища».

Далеко не ново нападеніе нашего автора на культуру и противопоставленіе ей самобытности. Начиная съ Руссо и кончая хотя бы Л. Толстымъ, мы привыкли слышать самыя рѣзкія выходки противъ культуры, и намъ кажется неточнымъ это утвержденіе, что даже самое понятіе «культура» боится сквозного вѣтра. Оно выдержало больше нападеній, чѣмъ всякое другое, и все же культура отъ этого не только не пострадала, но съ каждымъ вѣкомъ подвигалась впередъ. Въ нападеніи г. Соколова есть, впрочемъ, одна черта особаго рода, придающая ему оригинальность. Черта эта заключается въ оцѣнкѣ самобытности, какъ такого состоянія, которое само по себѣ уже цѣнно и превосходитъ культуру. Дѣлается это сопоставленіемъ европейской матеріальной культуры, съ ея капитализмомъ, милитаризмомъ и прочими «измами», и самобытной жизни бирманскаго народа, какъ она описана въ книгѣ Фильдинга «Душа одного народа». Фильдингъ описываетъ эту жизнь въ идиллическихъ краскахъ, очень поэтично и трогательно, и картина получается въ общемъ подкупающая своей мирной и тихой красотой, чуть-чуть проникнутой настроеніемъ легкой печали и мечтательности. Его бирманцы какъ-будто не живутъ обычной реальной жизнью, а скользятъ по землѣ, погруженные въ мечты объ иной жизни, гдѣ нѣтъ печали, несчастья и волненія, ибо здѣсь какъ искренніе буддисты, они видятъ все въ преходящемъ состояніи, все для нихъ—только «печаль, несчастье и волненіе». Такое настроеніе дѣлаетъ для нихъ легкимъ бремя жизни и по своему они счастливы, не зная ни чрезмѣрныхъ тягостей матеріальныхъ лишеній, довольствуясь сравнительно

очень малымъ, ни сильныхъ страстей съ ихъ жгучими и неудовлетворенными желаніями.

Не то у насъ, европейцевъ, для которыхъ матеріальная сторона жизни возобладала надъ духовной, подавила ее и если не уничтожила окончательно, то очень близка къ этому. Эту грубую свою сторону наша культура несетъ съ собой и къ тѣмъ народамъ, которые, какъ бирманцы, еще не подчинены ей. Раньше завоеватели, въ родѣ испанскихъ конквистадоровъ, дѣйствовали болѣе упрощенно, просто грабили и убивали. Теперь ихъ замѣнилъ купецъ, который, опираясь на ту же грубую силу, заставляетъ покупать свои товары, прививая новыя потребности и новыя привычки, которыя разрушаютъ самобытность некультурныхъ народовъ, не дѣлая ихъ ни счастливѣе, ни лучше. Выводъ отсюда ясенъ: Богъ съ ней такой «культурой» и лучше не трогать самобытность, которая, хороша ли она или плоха, по крайней мѣрѣ удовлетворяетъ тѣхъ, кто сжился съ ней.

Такъ ли, однако, все здѣсь просто, какъ представляется нашему автору? Бирманцевъ мы можемъ пока оставить въ покоѣ: можетъ быть, если вѣрить Фильдингу, они, дѣйствительно, своего рода макарійцы, блаженные въ своей простотѣ и нетребовательности. Есть самобытность и самобытность, и частенько тамъ, куда проникала европейская культура, она наталкивалась на такую самобытность, которая едва ли могла бы удовлетворить и нашего автора. Въ Индіи, напримѣръ, англичане, на которыхъ жестоко нападаетъ г. Соколовъ, нашли сожженіе вдовъ, браки на малолѣтнихъ (семи-восьми лѣтъ и даже ранѣе) и такую эксплоатацію населенія раджами и браминами, что современная и въ подметки ей не годится. Самая легкость покоренія Индіи объясняется тѣмъ, что населеніе выигрывало отъ перемѣны властителей и потому не защищало своихъ первыхъ угнетателей. Въ Австраліи и Новой Зеландіи европейцы нашли голую антропофагію, то же и въ Африкѣ, гдѣ до сихъ поръ торговля рабами и «живымъ» мясомъ (въ буквальномъ смыслѣ) процвѣтаетъ, несмотря на всѣ усилія уничтожить ее. Проституція, которую г. Соколовъ приписываетъ исключительно нашей культурѣ, процвѣтаетъ въ самомъ неприкрашенномъ видѣ среди самыхъ первобытныхъ народовъ. Словомъ, еще большой вопросъ, что лучше— эти ли чисто самобытныя черточки, или та матеріальная, грубая культура, которую вносятъ на первыхъ порахъ европейцы.

Но возможность столь блаженнаго житія, какъ у бирманцевъ, наводитъ нашего автора на другой, не менѣе важный вопросъ: такъ ли ужъ универсальна европейская культура. Такъ ли она всеобща и стихійно необходима, чтобы немыслима была иная, новая форма культуры, болѣе возвышенной по внутреннимъ своимъ качествамъ? Намъ представляется самый вопросъ празднымъ, потому что пока ни въ одномъ уголкѣ земного шара мы не нашли ничего болѣе высокаго. Вѣдь всѣ изъяны европейской культуры, которые справедливо подчеркиваетъ г. Соколовъ, не составляютъ ея сущности, а скорѣе нѣчто приходящее. Сущность же ея это—высокое пониманіе личности человѣка, цѣнность его самого по себѣ, чего ни въ одной культурѣ, будь то индійская, бирманская или всякая другая, мы нигдѣ не встрѣчаемъ. Это-то и придаетъ такую универсальность нашей культурѣ, и ради этого мы примиряемся съ

разными отрицательными сторонами ея, храня въ душѣ надежду, что рано или поздно человѣкъ съумѣетъ устранить ихъ и стать тѣмъ, чѣмъ онъ намъ рисуется въ идеалѣ: свободной личностью, развивающей всѣ лучшія свои стороны безъ препятствій и безъ задержекъ. Мы не знаемъ другой культуры, которая для этихъ надеждъ давала бы больше основаній, при всѣхъ своихъ несовершенствахъ теперь.

Культура уничтожаетъ самобытность. Это невѣрно. Культура даетъ ей только иное направленіе, отъ антропофагіи, сожженія вдовъ и прочихъ прелестей ведя къ новому устройству общества, какъ мы видимъ, напримѣръ, тамъ, гдѣ оказались достаточно устойчивыя основанія въ духѣ самого народа. Въ той же Индіи теперь существуетъ свой мѣстный парламентъ, своя печать и наука, и вопросъ здѣсь не въ томъ, чтобы изгнать англичанъ и вернуться къ самобытности, а въ томъ, чтобы добиться самостоятельнаго существованія на началахъ, привитыхъ тѣми же англичанами. Эту особенность культуры—поднимать народы, способные къ культурѣ, упускаютъ изъ виду наши самобытники, которые видятъ только ея отрицательныя стороны. Культура даетъ народамъ общечеловѣческую науку и нравственность, изгоняя самобытныя суевѣрія и самобытную этику, образчики которыхъ, конечно, извѣстны и г. Соколову. Европейская культура, дѣйствительно, универсальна, потому что она не принадлежитъ тому или иному народу, не создана исключительно греками или евреями, нѣмцами или англичанами, а выработана общими усиліями всѣхъ народовъ, принимавшихъ въ этой работѣ участіе. Пріобщившіеся къ ней послѣ другихъ народы прежде всего, конечно, отказываются отъ тѣхъ своихъ особенностей, которыя не вяжутся съ выработанными уже основами культуры, и затѣмъ вносятъ въ нее и свою долю меда. Такимъ образомъ и создается на протяженіи тысячелѣтій общечеловѣческая культура, универсальная и всепоглощающая.

И наши самообытники дѣлаютъ обычную ошибку, упрекая русскую интеллигенцію въ томъ, что она — космополитична, что она отказывается отъ истинно-народнаго русскаго духа, что она подражательна и неоригинальна. Самобытной интеллигенціи нѣтъ и быть не можетъ, такъ какъ основы ея—общечеловѣческія. Умъ, благородство и чуткая общественная совѣсть — вотъ основы истинной интеллигенціи, — развѣ онѣ присущи той или иной національности, составляютъ исключительную особенность того или иного народа? Въ то же время русская интеллигенція—вполнѣ русская, такъ какъ она развила до высокаго совершенства всѣ лучшія стороны русскаго народа, отразившіяся въ ней, какъ въ фокусѣ,—его оригинальный умъ, быстро усваивающій новыя начала, его талантливость, проявляющуюся на каждомъ шагу въ наукѣ и изобрѣтательности, его стойкость и упорство въ трудныя минуты, его доброту и незлобивость. Она создала русскую литературу, которая теперь вошла какъ равная среди другихъ литературъ, создаетъ постепенно и русское искусство и начинаетъ занимать все болѣе видное мѣсто въ наукѣ. Правда, русской науки она не создала, да и не мечтаетъ объ этомъ, потому что наука—одна; нѣтъ нѣмецкой математики или медицины, а есть общечеловѣче-

ская. Самобытники, положимъ, увлекаются иногда, наприм., тибетской медициной, но врядъ ли и они согласятся признать ее наукой.

Въ своихъ нападкахъ на нашу интеллигенцію г. Соколовъ приписываетъ ей качества, намъ совершенно неизвѣстныя. По его мнѣнію, она лѣнива, необразована, любитъ командовать и живетъ за чужой счетъ. А кто же работаетъ на всѣхъ поприщахъ общественной жизни? Десятки тысячъ врачей, учителей, техниковъ, инженеровъ, адвокатовъ, писателей — развѣ они такъ-таки ничего не дѣлаютъ? Еще на-дняхъ мы слышали на двухъ профессіональныхъ съѣздахъ—техническо-учительскомъ и врачебномъ, что условія работы безконечно тяжелы, но работа все же идетъ, и не вина интеллигенціи, если такъ часто ея усилія пропадаютъ даромъ, не принося тѣхъ плодовъ, которые могли бы принести. Въ одномъ мѣстѣ г. Соколовъ язвительно замѣчаетъ: «Наша интеллигенція слишкомъ дорого цѣнитъ свои иногда скудныя знанія и свой не всегда толковый трудъ. Попробуй-ка мужикъ со своими деревенскими грошами сунуться къ «извѣстному» «высокоинтеллигентному» городскому адвокату, величественному, какъ боги на Олимпѣ, интеллигентному инженеру, ученому садоводу, агроному, — такъ со своимъ суконнымъ рыломъ такъ и отскочитъ отъ интеллигентнаго калачнаго ряда». Мы съ изумленіемъ прочли это замѣчаніе. Развѣ г. Соколову не извѣстно, напр., что всѣ ходатайства нашихъ земствъ объ учрежденіи земскихъ юридическихъ консультацій оставлены безъ движенія? Не то ли самое мѣшало и мѣшаетъ интеллигенціи приложить свой трудъ къ народной нуждѣ почти на каждомъ шагу? О комъ говоритъ г. Соколовъ, увѣряя, будто «лучшая, болѣе вліятельная часть интеллигенціи идетъ еще дальше и говоритъ: «пусть дикій и невѣжественный скотъ втридорога платитъ намъ за плохія земскія аптеки и за скверныя земскія дороги». И руками величайшихъ народолюбцевъ «скотъ» обдирается, какъ липка». Мы не понимаемъ, кого здѣсь имѣетъ въ виду авторъ. Намъ первый разъ встрѣчается столь категорическое обвиненіе интеллигенціи въ «обдираніи» народа, да еще величаемаго при этомъ «скотомъ». Думаемъ, здѣсь кроется какое-то крупное недоразумѣніе. Ту интеллигенцію, на которую нападаетъ г. Соколовъ, мы рѣшительно не знаемъ, а та русская интеллигенція, которая, худо ли, хорошо ли, дѣлаетъ большое народное дѣло, просвѣщаетъ и ратуетъ, гдѣ можетъ, за народъ,—очевидно, ему недостаточно знакома. Иначе онъ не сталъ бы укорять ее въ корыстолюбіи.

На этомъ взаимномъ недоразумѣніи мы и остановимся: по нѣкоторымъ причинамъ выясненіе его могло бы завести насъ слишкомъ далеко, такъ какъ поневолѣ пришлось бы коснуться такихъ явленій нашей жизни, которыя нескоро еще станутъ доступны обсужденію русской интеллигенціи... Этимъ же, быть можетъ, и объясняется взаимное невѣрное представленіе и вытекающее отсюда непониманіе.

А. Б.

БАРОНЪ Э. В. ТОЛЛЬ.

(Къ послѣднимъ извѣстіямъ о розыскахъ, произведенныхъ лейтен. Колчакомъ).

«Ввѣренная мнѣ экспедиція съ вельботомъ и всѣми грузами пришла на островъ Котельный къ Михайлову стану двадцать третьяго мая. Восемнадцатаго іюля я ушелъ съ вельботомъ въ море и, пройдя Благовѣщенскій проливъ, четвертаго августа высадился на южномъ берегу острова Беннеттъ. Найдя документы барона Толля, я вернулся на Михайловъ станъ двадцать седьмого августа. Изъ документовъ видно, что баронъ Толль находился на этомъ островѣ съ двадцать перваго іюля по двадцать шестое октября прошлаго *) года, когда ушелъ со своей партіей обратно на югъ. Объѣзды по берегамъ острововъ не нашли никакихъ слѣдовъ, указывающихъ на возвращеніе кого-либо изъ людей партіи барона Толля. Къ седьмому декабря моя экспедиція, а также и инженера Бруснева прибыли въ Казачье. Всѣ здоровы. Лейтенантъ Колчакъ. 10-го декабря. (1903 г.). Казачье».

Полученная въ академіи наукъ и дословно здѣсь приведенная телеграмма лейтенанта Колчака вызвала весьма понятныя опасенія и тревогу за участь начальника русской полярной экспедиціи и его спутниковъ, среди которыхъ находится и молодой астрономъ экспедиціи, Фридрихъ Георгіевичъ Зебергъ. Трагическая неизвѣстность исхода отважнаго предпріятія барона Толля, его путешествія на островъ Беннетта—повысила интересъ общества къ экспедиціи. Въ виду этого считаю не лишнимъ подѣлиться съ читающей публикой свѣдѣніями о личности и жизни барона Толля, бывшаго и иниціаторомъ, и выполнителемъ экспедиціи.

Баронъ Эдуардъ Васильевичъ Толль родился въ Эстляндіи 12-го марта 1858 г. Высшее образованіе получилъ въ Дерптскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ со степенью кандидата. Питая пристрастіе къ медицинѣ и зоологіи, Э. В. былъ и хорошимъ товарищемъ, и добрымъ буршемъ, о чемъ съ большимъ удовольствіемъ вспоминалъ при его назначеніи начальникомъ русской полярной экспедиціи г. Эбергардъ Краусъ на страницахъ «St.-Petersburger Zeitung». Автору этихъ строкъ баронъ Толль разсказывалъ, что только слабость здоровья помѣшала ему сдѣлаться врачемъ. Путешествіями онъ закалилъ себя. Научныя путешествія барона начались съ 1882 года, когда онъ принималъ участіе въ экспедиціи на Балеарскіе острова и въ Алжиръ. Тогда онъ еще былъ зоологомъ. Палеонтологія и геологія увлекли его позже. Впослѣдствіи, перейдя къ геологіи, онъ прослушалъ курсъ горнаго института по геологіи.

*) 1902.

Около того времени, какъ баронъ Толль работалъ подъ южнымъ небомъ, производились работы международной полярной станціи на Сагастырѣ, въ дельтѣ Лены. Начальникомъ тамъ былъ штабсъ-капитанъ Юргенсъ, а врачемъ, естествоиспытателемъ и вторымъ наблюдателемъ д-ръ Бунге. Эта станція, по словамъ Толля (въ мемуарахъ академіи наукъ), дала толчокъ къ дальнѣйшему изслѣдованію тѣхъ странъ. «Много важнѣйшихъ вопросовъ, особенно въ области исторіи земли, ожидало здѣсь своего рѣшенія», говоритъ онъ тамъ же.

Изслѣдованіе это было возложено академіей наукъ на д-ра Бунге, въ помощники къ которому былъ назначенъ баронъ Толль. Экспедиція началась въ 1885 г. и продолжалась въ 1886.

Д-ръ А. А. Бунге и баронъ Э. В. Толль изслѣдовали притоки р. Яны и на лодкѣ прибыли въ с. Казачье, въ августѣ 1885 г. До зимовки продолжались изслѣдованія, при чемъ баронъ Толль предпринялъ поѣздку къ заливу Борхая, а оттуда на Булунъ. Задачей экспедиціи было изслѣдованіе Пріянскаго края и новосибирскихъ острововъ, куда изслѣдователи и направились послѣ зимовки въ с. Казачьемъ.

Легенды объ островахъ, состоящихъ изо льда и мамонтовой кости, о странныхъ «деревянныхъ горахъ», описанныхъ Геденштромомъ, а потомъ лейтенантомъ Анжу, интриговали молодого ученаго. Экспедиція нашла, что Б. Ляховскій островъ очень богатъ четвертичными отложеніями, между прочимъ, мамонтовой костью, на Котельномъ были найдены болѣе древнія геологическія формаціи, а знаменитыя «деревяныя горы», не столь высокія, какъ ихъ цѣнилъ Геденштромъ, «оказались типичнымъ профилемъ бураго каменнаго угля третичной эпохи» (баронъ Толль).

Научные результаты этой экспедиціи опубликованы барономъ Толлемъ въ XXXVII томѣ мемуаровъ академіи наукъ: «Wissenschaftliche Resultate der von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zur Erforschung des Janalandes und der Neusibirischen Inseln in der Jahren 1885 und 1886 ausgesandten Expedition»).

За эту экспедицію Императорское географическое общество удостоило барона Толля большой серебряной медали.

Въ 1887 г. баронъ Э. В. Толль былъ командированъ съ ученою цѣлью за границу, а черезъ два года назначенъ ученымъ хранителемъ минералогическаго музея Императорской академіи наукъ.

Здоровье барона Толля, столь стойкое въ борьбѣ съ суровой природой крайняго сѣвера, по его собственному признанію, начало расшатываться подъ вліяніемъ кабинетныхъ занятій и въ 1890 году онъ долженъ былъ по болѣзни отказаться отъ почетнаго предложенія академіи наукъ руководить экспедиціей въ области рѣкъ Анабары и Хатанги; ею руководилъ Черскій.

По смерти Черскаго въ 1892 году баронъ Толль снова получилъ предложеніе принять на себя руководство экспедиціей къ сибирскимъ берегамъ Ледовитаго Океана и въ 1893 г. приступилъ къ путешествію въ сопровожденіи лейтинанта Шилейко. Въ мартѣ этого года путешественники были въ селѣ Казачьемъ.

Э. В. посчастливилось, по его словамъ, не только выполнить свой планъ, но и сдѣлать, хотя и непродолжительное, путешествіе на Новосибирскіе острова, гдѣ онъ дополнилъ свои наблюденія, сдѣланныя въ предшествовавшую экспедицію. На этотъ разъ путешествіе на Новосибирскіе острова, помимо чисто ученыхъ цѣлей, было предпринято и для устройства депо провизіи для Ф. Нансена, котораго эти депо, въ случаѣ несчастія съ «Фрамомъ», могли бы избавить отъ участи De Long'а.

Возвратившись 27-го мая на материкъ, путешественники должны были проѣхать 1.200 верстъ верхомъ на оленяхъ, чтобы достигнуть р. Лены, откуда прослѣдовали къ устью Оленека. Продолжая подвигаться далѣе на западъ, экспедиція достигла Анабарской губы и лейтенантъ Е. И. Шилейко снялъ какъ сумую губу, такъ и теченіе рѣки на протяженіи 400 верстъ. Черезъ село Хатангское на Хатангѣ и Дудинское на Енисеѣ, слѣдуя путемъ, до него никѣмъ не пройденнымъ, баронъ Толль вернулся въ цивилизованныя страны.

На Оленекѣ имъ были запасены восточно-сибирскія (индигирскія) собаки для экспедиціи Ф. Нансена, которыми тотъ не воспользовался, не желая терять времени на заходъ къ Оленеку, чтобы не упустить благопріятныхъ условій плаванія. По мнѣнію барона Толля, устно имъ высказанному, Нансенъ много потерялъ отъ того, что на «Фрамѣ» не было индигирскихъ собакъ, такъ какъ западно-сибирскія, доставленныя Нансену Тронтгеймомъ, значительно хуже. «Съ индигирскими собаками онъ бы достигъ полюса».

Въ 1897 г. баронъ Толль былъ назначенъ геологомъ геологическаго комитета, но безпокойный духъ полярнаго изслѣдователя стремился на «сѣверъ дикій». «Это втягиваетъ, — говорилъ баронъ; — если вы разъ побывали въ полярныхъ странахъ, заинтересуетесь ими, васъ будетъ туда тянуть». Не одинъ баронъ Толль приходилъ къ такому выводу. Мнѣ пришлось слышать цѣлый хвалебный гимнъ сѣверу отъ двухъ молодыхъ финляндскихъ ученыхъ, экскурсировавшихъ по Лапландіи и сѣверу Якутской области.

Вѣроятно, каждая отрасль знаній, мало изученная, разъ затронутая ученымъ, такъ же притягиваетъ его, открывая передъ нимъ все новые горизонты, ставя, по мѣрѣ изученія ея, все новые вопросы. Послѣ двухъ путешествій въ полярныя области, баронъ Толль приходитъ къ заключенію, что эпиграфомъ къ его работѣ можетъ служить выраженіе: «Unser Wissen ist Stückwerk» — «наше знаніе не совершенно».

Результаты норвежской экспедиціи Ф. Нансена, съ которымъ Э. В. находился въ дружескихъ отношеніяхъ, нѣкоторыя геологическія наблюденія Нансена на Землѣ Франца-Іосифа въ связи съ собственными работами содѣйствовали убѣжденію барона Толля въ необходимости широко поставленной научной экспедиціи къ Новосибирскимъ островамъ. Предполагаемая земля Санникова, перспектива заняться обстоятельными геологическими изслѣдованіями, желаніе разрѣшить много поставленныхъ наукой вопросовъ дѣлали подобную экспедицію особенно привлекательной въ его глазахъ. Планъ барона Толля былъ принятъ,

старикъ Норденшельдъ выразилъ свое одобреніе, и баронъ сталъ начальникомъ русской полярной экспедиціи.

8 іюня 1900 г. судно русской полярной экспедиціи «Заря» вышло изъ С.-Петербурга. Въ портахъ Норвегіи она принимала грузы, а 8 іюля отвалила отъ Тромзе. Навигація была не изъ благопріятныхъ. Въ Карскомъ морѣ было много льда; «Заря» однако благополучно миновала это море и зазимовала на западномъ Таймырѣ. Научныя работы шли непрерывно.

Въ навигацію слѣдующаго года «Заря» не нашла земли Санникова, но довольно близко подходила къ о-ву Беннетта. Зимовать здѣсь оказалось невозможнымъ, въ виду отсутствія гавани, а потому мѣстомъ зимовки начальникъ экспедиціи избралъ Котельный островъ. Между тѣмъ, островъ Беннетта, по словамъ барона Толля, представляетъ большой интересъ для геолога, да и географически и вообще научно почти не затронутъ изслѣдованіями. Данныя Де-Лонга, открывшаго островъ, не богаты, попасть туда на суднѣ далеко не каждое лѣто возможно, да и при удачѣ зимовать тамъ очень рискованно. И вотъ баронъ Толль принимаетъ рѣшеніе предпринять путешествіе на о-въ Беннетта на собакахъ и байдаркахъ. Горячо сочувствующій начинаніямъ барона Ф. Г. Зебергъ берется сопровождать его и 23 мая 1902 г. путешественники оставляютъ «Зарю». Привожу отправленныя начальникомъ экспедиціи съ командиромъ «Зари», его замѣнившимъ, телеграммы:

Императорскій телеграфъ въ Полтавѣ.

Срочная.

Сегодня отправляюсь съ астрономомъ Зебергомъ и двумя промышленниками впередъ къ острову Беннетта. Если командиру «Зари» не удастся насъ снять, всепокорнѣйше прошу Ваше Императорское Высочество не безпокоиться о насъ и считать плаваніе экспедиціи оконченнымъ. Подробности въ моемъ рапортѣ. Здѣсь все благополучно.

Толль.

Нерпичья губа, яхта „Заря“, 23 мая 1902 г.

Телеграмма.

Срочная.

Юрьевъ, Вальграбенъ. 19.

Баронессѣ Толль.

Сегодня отправляюсь къ острову Беннетта. Все благополучно. Прошу тебя не безпокоиться, если «Заря» насъ оттуда не сниметъ. Я надѣюсь до зимы вернуться на Новую Сибирь и зимой на материкъ, а если нужно, перезимую на Беннеттѣ: намъ однѣ птицы дадутъ годовой запасъ мясного провіанта. Въ послѣднемъ случаѣ вернусь съ Беннетта въ маѣ будущаго года на Новую Сибирь и лѣтнимъ путемъ по тундрѣ со Святого Носа до Булуна, такъ что въ сентябрѣ буду въ Якутскѣ. Подробности въ письмѣ; до свиданія.

Эдуардъ.

Нерпичья губа, „Заря,“ 23 мая 1902 г.

По прибытіи экспедиціи въ Петербургъ лейтенанту Колчаку было поручено руководить экспедиціей, отправившейся на поиски не снятаго «Зарей» барона Толля со спутниками. Какъ показываетъ приведенная въ началѣ моей замѣтки телеграмма А. В. Колчака, онъ не нашелъ барона. Значитъ ли это, что баронъ Толль со своими спутниками погибъ? Отнюдь нѣтъ. Припомнимъ, что счастливѣйшій изъ полярныхъ путешественниковъ Ф. Нансенъ вернулся позже, чѣмъ онъ разсчитывалъ; онъ запоздалъ бы еще на цѣлый годъ, если бы не встрѣча съ Джэксономъ. Экспедиція Грили не одинъ годъ напрасно ждала судна, но просуществовала это время. Но наиболѣе разительный примѣръ спасенія мы видимъ на экспедиціи Голля (Hall), значительная часть экипажа которой, съ эскимосскими женщинами и дѣтьми, случайно къ нимъ примкнувшими, нѣсколько мучительно долгихъ мѣсяцевъ плавала на льдинѣ. Представимъ себѣ подобный случай съ барономъ Толлемъ и его спутниками. Ихъ положеніе было бы легче, потому что ихъ не восемнадцать, а четыре человѣка, и, если какой-либо злосчастный дрифтъ унесъ ихъ, то мы можемъ еще видѣть барона Толля среди насъ. Возвращеніе лейтенанта Колчака и подробное ознакомленіе съ содержаніемъ документовъ барона, быть можетъ, прольютъ нѣкоторый свѣтъ на это дѣло.

А пока отъ души пожелаемъ отважному путешественнику, чтобы не оправдались мрачныя предположенія о его участи.

В. К.

ЖИВАЯ ВѢРА.

Г. Т. Хохловъ. Путешествіе уральскихъ казаковъ въ „Бѣловодское царство", съ предисловіемъ *В. Г. Короленко.* Записки императорскаго русскаго географическаго Общества, по отдѣленію этнографіи. Спб. 1903.—*А. Агаевъ.* „Горькій и мусульманство". Баку, 1903.

Три уральскихъ казака старообрядческаго толка «никудышниковъ» *)— Григорій Хохловъ, Онисимъ Барышниковъ и Вонифатій Максимычевъ,—совершили кругосвѣтное плаваніе въ поискахъ фантастическаго «Бѣловодскаго царства», котораго они, разумѣется, не нашли. Взамѣнъ его они кое-что отрыли для себя новое, повидали чужія страны, вернулись съ запасомъ сложныхъ впечатлѣній, въ которыхъ имъ предстоитъ разобраться. Двое изъ путешественниковъ составили «реляціи» о своей поѣздкѣ: одна изъ нихъ—Максимычева—уже была раньше напечатана отдѣльной брошюрой, но въ ней, по отзыву Вл. Г. Короленка, вошедшаго въ непосредственныя сношенія съ названными казаками, въ свою бытность на Уралѣ, лѣтомъ 1900 г.,—«изложеніе автора подверглось чьей-то слишкомъ сильной передѣлкѣ». Другое описаніе, составленное Гр. Тер. Хохловымъ, получено Вл. Г. Короленкомъ непосредственно отъ автора: послѣдній велъ путевой дневникъ и, по просьбѣ нашего извѣстнаго писателя, согласился возстановить свои впечатлѣнія и «изобразить ихъ гражданскимъ письмомъ» вмѣсто полуустава, которымъ написанъ былъ дневникъ. В. Г. Короленко уже использовалъ съ литературно-этнографической точки зрѣнія этотъ любопытнѣйшій документъ современныхъ «исканій» нашихъ старообрядцевъ, въ своихъ очеркахъ—«У казаковъ», напечатанныхъ въ «Русскомъ Богатствѣ» за 1901 г. Теперь же описаніе напечатано цѣликомъ этнографическимъ отдѣленіемъ Императорскаго географическаго общества, подъ редакціей С. Ѳ. Ольденбурга, съ нѣкоторыми примѣчаніями и съ предисловіемъ В Г. Короленка.

Текстъ, разумѣется, заслуживалъ быть напечатаннымъ полностью: онъ мало даетъ матеріала для интересующихся исторіей легендъ о «праведной землѣ», которыя пользовались такой популярностью въ средневѣковой литературѣ, у насъ и на западѣ, и, оказывается, понынѣ живы въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ отъ культурныхъ центровъ уголкахъ Россіи; не сообщаетъ, конечно, ничего новаго по изслѣдованію отдаленныхъ или мало извѣстныхъ странъ, такъ какъ по необходимости маршрутъ казаковъ опредѣлился «проѣзжими путями», т.-е. на пароходѣ изъ Одессы, черезъ Константинополь въ Санъ-Стефано, съ заѣздомъ на Аѳонъ, по островамъ греческаго архипелага, въ Бейрутъ, Яффу и Іерусалимъ, затѣмъ обратно въ Яффу, оттуда въ Портъ-Саидъ, черезъ Суезъ и Красное море на острова: Цейлонъ, Суматра, въ Сингапуръ и т. д.; словомъ, обогнувъ Индію и Индо-Китай, побывавъ въ ки-

*) Такъ называются на Уралѣ тѣ изъ старообрядцевъ, которые, „не признавая современнаго священства греко-россійской церкви, не присоединились также ни къ одному изъ „поповскихъ" старообрядческихъ согласій" (см. пред. 4).

тайскихъ приморскихъ городахъ и въ Японіи, казаки поднялись до Владивостока, откуда уже сухимъ путемъ, черезъ Сибирь, вернулись къ себѣ въ Уральскъ. Главный интересъ описанія, такъ сказать, — психологическій; онъ сосредоточивается на самихъ путешественникахъ, — «на своеобразныхъ фигурахъ этихъ казаковъ-землепроходцевъ», какъ правильно указываетъ г. Короленко въ своемъ предисловіи: «ихъ настроеніе, которое переноситъ мысль на нѣсколько вѣковъ назадъ и кажется такимъ архаичнымъ, есть — и это слѣдуетъ помнить — настроеніе и міровоззрѣніе огромной части русскаго народа».

Въ чемъ же заключается это «настроеніе»? Вл. Г. Короленко указываетъ, что у этихъ искателей легендарной страны «Бѣловодья», по совершенно невѣроятнымъ маршрутамъ, представляющимся смутными отголосками средневѣковой старины, все же проявляются движенія, хотя и очень слабыя, критической мысли и это «именно *сомнѣніе* въ подлинности маршрутовъ и сказаній Аркадія (выдававшаго себя за епископа «Бѣловодскаго») вызвало само путешествіе». Для насъ, однако, представляется вопросомъ—было ли на самомъ дѣлѣ сомнѣніе, или, наоборотъ, живая вѣра казаковъ, что такое заповѣдное царство все-таки существуетъ, послужила главнымъ импульсомъ, побудившимъ ихъ пуститься въ столь далекія странствія? Намъ кажется, что такимъ импульсомъ была именно вѣра, а сомнѣніе пришло потомъ и не коснулось того главнаго, что они искали и продолжаютъ искать.

Конечно, и то важно, что присоединилось сомнѣніе, но первоначальный моментъ иной, и чтеніе «реляціи» указываетъ на драматическій конфликтъ, происходившій въ душѣ старообрядцевъ названнаго толка «никудышниковъ», въ результатѣ котораго они и снарядили своихъ «ходоковъ» на край свѣта. Вѣдь они упорствуютъ въ своемъ обособленіи отъ греко-россійскаго священства; они отказываются присоединиться къ какому-либо «поповскому» толку; но они остаются «безпоповцами» лишь поневолѣ, твердо вѣруя, что гдѣ-то на земномъ шарѣ существуютъ представители «правильной» церкви, что нужно только съумѣть ихъ найти, не поддаваясь обману самозванныхъ ея явленцовъ, какъ, съ другой стороны, они не соглашаются ни на какіе компромиссы, обусловившіе образованіе другихъ толковъ признавшихъ условно пастырей (см. предисловіе К—ка, стр. 4—6). Эта вѣра служитъ и источникомъ ихъ сомнѣній. Людямъ довѣрять нельзя: нужно до всего «своимъ умомъ» дойти, но все таки искать, не теряя вѣры искать, сколько разъ ни приходилось бы разочаровываться въ своихъ ожиданіяхъ.

Въ одномъ мѣстѣ путешествія, когда казаки добрались до Сайгона и ихъ все болѣе охватываетъ сомнѣніе въ томъ, что они найдутъ искомую страну, послѣ разговора съ случайнымъ попутчикомъ, оказавшимся «прокуроромъ морского вѣдомства», по фамиліи Кулаковскимъ, который показываетъ казакамъ карту, «называя всѣ города и урочища», доказывая имъ, что они введены въ заблужденіе ложными маршрутами,—у нихъ происходитъ слѣдующій разговоръ. Максимычевъ выражаетъ свое недоумѣніе: искомаго ими города Левека нѣтъ на картѣ. «Что же такое? Неужели это все ложное?—спрашиваетъ Максимычевъ,—какъ письменные маршруты подъ именемъ инока Марка, такъ

въ особенности, архіепископъ Аркадій? Этотъ человѣкъ и теперь живъ и находится въ Пермской губерніи, временно пріѣзжалъ и къ намъ на Уралъ. Что же заставляетъ его врать и носить на себѣ чинъ самозванца?»—«Это очень просто,—говорилъ Куликовскій.—Однажды ему взбрела дурная мысль принять на себя чинъ самозванный, и онъ выдалъ себя ложно за Бѣловодскаго архіепископа. Теперь ему уже трудно говорить правду, когда онъ привыкъ врать». Это дѣйствительно очень «упрощенное» объясненіе кажется казакамъ достаточно убѣдительнымъ. Они и сами имѣли Аркадія въ подозрѣніи. Хохловъ кстати припоминаетъ аналогичный случай, когда онъ былъ еще мальчикомъ лѣтъ 13—14, какъ обманулъ его отца одинъ урядникъ, Изюмниковъ, ложнымъ сообщеніемъ о томъ, что у одного купца въ Петербургѣ онъ нашелъ «истиннаго» священника: совралъ Изюмниковъ, а потомъ отпереться уже трудно было; пришлось даже прибѣгнуть къ подложному письму, въ которомъ онъ въ концѣ концовъ былъ уличенъ. А казаки и тогда снарядили ходоковъ въ Петербургъ провѣрить извѣстіе и никакого соотвѣтствующаго купца они тамъ не нашли. Посерединѣ этого разсказа Хохловъ прерываетъ его, обращась къ поповцамъ: «Лушковцы, окружники, полуокружники и противоокружники, духовные и мірскіе, грамотныя и неграмотныя лица приняли за привычку говорить намъ въ укоризну: «Вы не имѣете при себѣ священства отъ нерадѣнія и безстрашія вашего. Хотите жить своевольно и безнаказанно на всю жизнь; не обличаете тяжкихъ своихъ грѣховъ священнику; къ тому же подтверждаете, что можно спастись и безъ священника, указывая на нѣкія случайныя бытія».—Однако, если признаютъ въ насъ нерадѣніе, что же тогда побудило отца моего испустить неудержно теплыя слезы только при выслушаніи разсказа, что есть священникъ, къ которому можно достигнуть? Безстрашіе ли тронуло 13-тилѣтняго мальчика (т.-е. самого разсказчика, Хохлова) убѣжать отъ числа людей въ уединенное мѣсто, удариться на подушку внизъ лицомъ, переплакаться?.. Или скажутъ и это нерадѣніе, что въ случаѣ, когда проникаетъ туманный слухъ о томъ, что есть-де въ такой-то удаленной странѣ народъ и имѣетъ при себѣ истинное священство, тогда мы съѣзжаемся, обсуждаемъ и снаряжаемъ депутацію Одни щедро ублаготворяютъ деньгами, отъ пота и тяжкихъ трудовыхъ добытыми, другіе оставляютъ безъ призрѣнія свое домашнее хозяйство и, лишаясь своихъ женъ и дѣтей, рѣшаются ѣхать въ отдаленныя и неизвѣстныя мѣста? Прпдется ли возвратиться и видѣть своихъ домашнихъ или закроются глаза на морѣ-океанѣ и послужатъ могилой волны, а гробомъ дно океана!..» и т. д. Авторъ впалъ въ лирическій тонъ и съ трогательной задушевностью, въ немногихъ словахъ высказалъ все то, что должно было накопиться у отважныхъ въ своемъ невѣдѣніи путниковъ во время ихъ дѣйствительно труднаго пути по чужимъ странамъ, безъ знанія языковъ и безъ какихъ-либо культурныхъ рессурсовъ. Но изъ этого же мѣста вполнѣ очевидно и то, что служило имъ главнымъ двигателемъ, а именно желаніе *порадѣть* объ истинной вѣрѣ, снять съ себя упрекъ въ недостаточныхъ стараніяхъ въ розыскѣ «истиннаго священства»; а стало быть все-таки твердая, живая вѣра въ то, что такое «священство», гдѣ-то суще-

ствуетъ. Безъ этой вѣры не пошли бы казаки на поиски и не стали бы прислушиваться къ росказнямъ явившагося къ нимъ самозванца. Къ послѣднему они готовы отнестись критически; вѣдь обманывали ихъ не разъ и особаго довѣрія къ людямъ они не имѣютъ; но важно выказать свое *радѣніе* и все таки, имъ вѣрится, что «истинное священство» гдѣ-то есть! Только разъ въ путешествіи промелькнула пессимистическая нота: наши путешественники уже на обратномъ пути, во Владивостокѣ. Повстрѣчался имъ оренбургскаго казачьяго войска офицеръ, препровождавшій казаковъ на переселеніе въ Уссурійскій край, и сказалъ имъ: «Я васъ видѣлъ, кажется, въ Портъ-Саидѣ, когда вы приходили на пароходъ и просились у капитана (который отказался ихъ взять, подъ предлогомъ переполненія пассажировъ). Навѣрно вы истинную вѣру ищете? Да, Россія приняла христіанскую вѣру отъ грековъ, а видали вы, какъ греки истинную вѣру растрепали?» «Видали,—отвѣтили мы». «Истинная, правая вѣра только тамъ»,—указалъ онъ рукой къ небу.—«По всему такъ, ваше благородіе,—отвѣтили мы».—Такъ, по народнымъ сказаніямъ и духовнымъ стихамъ, и правда перенеслась на небо,—а все таки люди не перестаютъ искать ее здѣсь, на землѣ. И неудачные розыски Хохлова и его товарищей «города Левека» въ Китаѣ, на островахъ Великаго океана и т. д. врядъ ли разубѣдили «никудышниковъ», что пора бы перестать разыскивать небывалую заповѣдную страну, а лучше позаботиться объ устроеніи собственнаго дома.

Мы имѣемъ случайно даже доказательство въ рукахъ, что на отрицательныхъ отзывахъ Хохлова и его спутниковъ не упокоились ихъ единовѣрцы: путешествіе ихъ относится къ 1898 году. Вернулись Хахловъ съ товарищами домой и разсказали своимъ объ отрицательныхъ результатахъ своихъ поисковъ. Однако два года спустя, изъ окрестностей Уральска изъ того же урочища, что и Хохловъ, все съ тою же задачей—провѣрить показанія псевдо-епископа Аркадія и маршруты «инока Марка», явились въ Петербургъ два ходока,—Кудрявцевъ и Сарминъ,—теперь направившіеся, вмѣсто Востока, на Западъ, съ запросами къ представителямъ нашей высшей духовной администраціи. Послѣ разныхъ инстанцій попали они со своей таинственной грамотой Аркадія, будто бы на «индійскомъ языкѣ писанной», къ акад. С. Ѳ. Ольденбургу, котораго, какъ санкритиста, просили разобрать эти таинственныя письмена. Грамота оказалась грубой поддѣлкой подъ «восточный шрифтъ», ни на какомъ языкѣ не читаемая. С. Ѳ. Ольденбургъ познакомилъ меня съ этими любопытными «искателями истины», и они поражали удивительной смѣсью начитанности въ старинныхъ текстахъ (преимущественно апокрифической, средневѣковой литературы) и наивнымъ довѣріемъ къ «живой старинѣ», живой, конечно, только въ ихъ воображеніи. Однако, они съ большимъ вниманіемъ и интересомъ прислушивались ко всякимъ указаніямъ и разоблаченіямъ, смотрѣли карты и освѣдомились, гдѣ ихъ можно пріобрѣсти. Случайно увидѣли они въ комнатѣ С. Ѳ. Ольденбурга японскаго божка, который ихъ заинтересовалъ позой: приподнятая, словно благословляющая, рука съ двумя разогнутыми перстами. Старообрадцы подумали, что это изображеніе можетъ имѣть для нихъ

важное значеніе, хотя хозяинъ весьма обстоятельно разсказалъ имъ происхожденіе этого «божка», не имѣющаго никакого отношенія къ христіанской вѣрѣ. И что же, годъ спустя—тѣ же Кудрявцевъ и Сарминъ, черезъ третье лицо, стали убѣдительнѣйшимъ образомъ просить С. Ѳ. Ольденбурга прислать имъ фотографію съ «чужого» бога, который, очевидно, продолжалъ ихъ смущать... И можетъ быть уральцы снарядятъ по этому поводу еще третью экспедицію—сперва въ Петербургъ посмотрѣть на «божка», провѣрить съ фотографіей, потомъ на его родину, нѣтъ ли тамъ представителей «истинной вѣры»... Это все подвиги «радѣнія». Вѣра живуча у «никудышниковъ», но вѣра, которая смотритъ назадъ, а не впередъ. Она ярко характеризуетъ богатыя духовныя силы русскаго народа, его замѣчательную настойчивость, и въ данномъ случаѣ смѣлую предпріимчивость въ желаніи слѣдовать указаніямъ своей совѣсти, хотя разумъ еще дремлетъ, не подвергая провѣркѣ самого объекта вѣры, а только его пріуроченіе къ тому или другому конкретному явленію. Эта вѣра является у насъ пережиткомъ тѣхъ первичныхъ утопій, которыя пользовались большою популярностью въ средніе вѣка на Западѣ, пока онѣ не отошли вмѣстѣ со многимъ другимъ, какъ тѣни удаляющейся ночи, при первыхъ лучахъ великой эпохи Возрожденія.

Конечно, въ своихъ безплодныхъ поискахъ несуществующаго наши казаки все же восприняли и много плодотворнаго: кругозоръ ихъ значительно расширился; они пришли къ сознанію, что «каждая страна имѣетъ свой обычай» (стр. 36), и стало быть, нужно быть терпимымъ къ чужимъ понятіямъ; они высказываютъ любопытныя замѣчанія о религіи китайцевъ и японцевъ; очень дѣльно разсуждаютъ о нѣкоторыхъ особенностяхъ устроенія нашихъ переселенцевъ въ Сибири, даже предлагаютъ проекты, полезные къ свѣдѣнію лицъ, заинтересованныхъ въ золотыхъ пріискахъ (стр. 98) и т. д. Вообще, чтеніе текста, открытаго и обнародованнаго при содѣйствіи В. Г. Короленка, весьма занимательно, а мѣстами и «поучительно», за что нельзя не быть признательнымъ его издателю, и, какова бы ни была непосредственная цѣль путешествія казаковъ «никудышниковъ», ихъ живая вѣра послужила имъ на пользу, только не въ томъ направленіи, которое они ожидали. Сомнѣнія и даже окончательная увѣренность въ обманѣ не побѣдили вполнѣ стремленія къ «радѣнію» въ старинномъ смыслѣ, и то отношеніе къ буквѣ писанія, которое характеризуетъ нашихъ старообрядцевъ, врядъ ли можетъ послужить толчкомъ къ дѣйствительному обновленію человѣка, къ тому, чтобы окончательно побѣдить суевѣрія и мракъ невѣжества.

Возможно и иное отношеніе къ «старымъ письменамъ»; возможна на почвѣ традиціонныхъ представленій, иная живая вѣра, которая смотритъ впередъ, а не назадъ, и приводитъ не къ пессимистическому выводу, что «правая вѣра осталась только на небѣ», а сулитъ возможное улучшеніе и обновленіе человѣка, при живомъ отношеніи къ догматамъ вѣры. Эти соображенія невольно приходятъ въ голову при чтеніи интересныхъ замѣтокъ г. А. Агаева, подъ заглавіемъ «Горькій и мусульманство», напечатанныхъ въ бакинской газетѣ «Каспій», въ ноябрьскихъ нумерахъ минувшаго года. Собственно «Горькій»

*

послужилъ автору только поводомъ высказать нѣсколько личныхъ соображеній о религіи Магомета, въ отвѣтъ на возраженія Н. К. Михайловскаго противъ характеристики типа мусульманина въ пьесѣ «На днѣ». Г. Агаевъ совершенно не раздѣляетъ точки зрѣнія Н. К. Михайловскаго и приводитъ цѣлый рядъ цитатъ изъ Корана и собственныхъ аргументовъ въ пользу правильности характеристики Горькаго, за которую и мы въ свое время высказывались.

Главнымъ образомъ вопросъ сводится къ толкованію фразы, сказанной въ пьесѣ Горькаго татариномъ-крючникомъ, что—«всякое время даетъ свой законъ» («Потомъ придетъ время, Корана будетъ мало... время дастъ свой законъ, новый...»). Г. Агаевъ считаетъ такое воззрѣніе вполнѣ соотвѣтствующимъ духу ислама. Онъ объясняетъ, что, по ученію Магомета, пророками являются «тѣ непосредственники факта, тѣ мучимые правдою, счастьемъ, люди, которые отъ времени до времени появлялись среди измученныхъ, изстрадавшихся, жаждавшихъ покоя, человѣческаго бытія, людей и, отражая въ себѣ современную совѣсть, современныя стремленія, сознаніе, потребности, водили ихъ на путь осуществленія; со временемъ новый путь казался уже узкимъ, не совмѣщающимъ болѣе созрѣвшихъ новыхъ сознаній, новыхъ потребностей и опять являлся лучшій человѣкъ—словомъ, весь міръ, все бытіе вращается вокругъ этого постояннаго осуществленія лучшаго человѣка, лучшаго закона, лучшаго бытія. Магометъ завѣщалъ это міровоззрѣніе въ Коранѣ своимъ послѣдователямъ и они глубоко вѣрятъ въ приходъ лучшаго человѣка, въ наступленіе лучшаго бытія, и эта вѣра придаетъ имъ покой, миръ даже среди физическихъ страданій».

Г. Агаевъ въ своемъ толкованіи текстовъ Корана главнымъ образомъ возстаетъ противъ того отношенія «фанатиковъ-буквоѣдовъ» писанія, которые готовы клеймить прозвищемъ «ереси» всякое живое воспріятіе *духа* ислама и анализъ идейнаго содержанія Корана. Онъ стоитъ какъ разъ на противоположной точкѣ зрѣнія съ той, которая составляетъ, какъ мы видѣли, слабое мѣсто у нашихъ старообрядцевъ, слишкомъ приверженныхъ къ буквѣ. Онъ стремится расширить смыслъ завѣщаннаго преданіемъ и сблизить сказанное у разныхъ народовъ и въ разныя времена на основаніи общности и единства истины. Г. Агаева, повидимому, не столько интересуетъ *историческій* исламъ, т.-е. ученіе, возникшее въ опредѣленную историческую пору и имѣвшее тоже опредѣленную, обусловленную временемъ и обстоятельствами, миссію, какъ тѣ элементы «вѣчныхъ истинъ», которыя заключаются въ этомъ ученіи. Онъ придаетъ, напримѣръ, особое значеніе тексту Корана: «нѣтъ насилія въ религіи, разъ сама истина выдѣляется изъ заблужденія», и выводитъ отсюда принципъ религіозной вѣротерпимости, «который, если не всегда былъ присущъ поборникамъ Магомета, все же можетъ быть пріобщенъ къ его ученію». «Важна торжественность, всеобщность и всечеловѣчность истины,—пишетъ г. Агаевъ,—а вовсе не тѣ детали и формы, въ которыя она облекается въ данное время». Детали и формы составляютъ, однако, необходимый историческій «костюмъ» всякой отвлеченной идеи, всякой высказываемой истины. Отстраняя именно

«костюмъ» или оболочку, авторъ дѣлаетъ довольно смѣлыя сближенія текстовъ Корана съ позднѣйшими явленіями. Онъ не прочь сопоставить «деизмъ» Магомета хотя бы съ деизмомъ Вольтера, и признавъ, что въ число «пророковъ мышленія», которые признавались по мусульманской догматикѣ на ряду съ «пророками откровенія»,—исламъ включаетъ Платона, Аристотеля, Зороастра, пытается открыть мѣсто въ сонмищѣ «124 тысячъ пророковъ» и для позднѣйшихъ дѣятелей: «всѣ ученые, мыслители, изобрѣтатели, всѣ благородные умы и сердца, работающіе на нивѣ общечеловѣческаго блага, одинаково заслуживаютъ благодарности и поклоненія мусульманъ». «Судьба человѣческая представлялась Магомету—пишетъ далѣе г. Агаевъ—въ видѣ безконечнаго пути, на каждомъ поворотѣ котораго стоитъ по одному избраннику-пророку. Безличное одухотворяющее начало, названное европейцами «Высшимъ разумомъ», а мусульманскими писателями болѣе удачно—(по мнѣнію автора)—«универсальною душой»—пріобщаетъ истину черезъ этихъ пророковъ. Съ теченіемъ времени истина портится... нуждается въ новыхъ формахъ своего проявленія, для удовлетвонія новыхъ нуждъ. Отсюда и новыя откравенія, и новые пророки, которые лишь повторяютъ другъ друга, передавая одну и ту же истину».

По твердому убѣжденію автора, исламъ возникъ, жилъ и будетъ жить—при вѣрѣ «въ безконечное улучшеніе истины, въ безпрерывныя трансформаціи ея, сквозь теченія временъ и пространствъ, оставаясь по существу тожественною самой себѣ». Конечно, это вполнѣ живая вѣра и вѣра, которая смотритъ впередъ, примиряя настоящее съ прошлымъ и оставляя мѣсто для будущаго въ широкой формулѣ возможныхъ «трансформацій формы», при неизмѣнной сущности истины, которая не можетъ не быть единой, иначе она перестаетъ быть истиной. Такъ какъ авторъ при этомъ отстаиваетъ свободу религіозныхъ формъ, то въ его толкованіи Корана нѣтъ никакой опасности давленія на чужую совѣсть, въ особенности же при тѣхъ двухъ главныхъ положеніяхъ, которыя онъ выдвигаетъ: на первомъ мѣстѣ уже цитованный текстъ, что «сама истина выдѣляется изъ заблужденія», и другой: «все, что не находитъ оправданія въ разумѣ, не должно входить въ составъ религіи». Такимъ образомъ, откровеніе и разумъ не исключаютъ другъ друга: вопросъ лишь въ томъ, чтобы разумъ былъ на высотѣ откровенія, и обратно.

Впрочемъ, мы не имѣемъ въ виду разсматривать здѣсь по существу и въ особенности съ религіозной точки зрѣнія комментаріи къ исламу г. Агаева и положенія «нео-мусульманства»: важно отношеніе автора къ дѣлу; важно его стремленіе искать единую и тожественную истину во всемъ разнообразіи ея формъ проявленія въ исторіи человѣческой мысли; важно признаніе, что если, съ одной стороны, «истина портится» отъ несовершенствъ передачи, то новыя истины, по существу, связаны съ прежними, даже тожественны имъ, только требуютъ новой формулировки, восполненій, расширеннаго пониманія. Это и значитъ имѣть «живую вѣру» съ перспективами въ будущее.

Ѳ. Батюшковъ.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

НА РОДИНѢ.

Два съѣзда. Въ концѣ декабря прошлаго года и въ началѣ января настоящаго въ Петербургѣ состоялись два съѣзда: III-ій съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію, созванный Русскимъ Техническимъ Обществомъ, и Пироговскій съѣздъ врачей (по счету уже IX-ый), созванный, согласно положенію о Пироговскихъ съѣздахъ, особымъ организаціоннымъ комитетомъ. Не смотря на узко-спеціальныя задачи того и другого съѣзда, оба они имѣли серьезное общественное значеніе.

На «техническій» съѣздъ съѣхалось свыше 2.000 челов., преимущественно народныхъ учителей и учительницъ. Занятія съѣзда происходили въ университетѣ, въ актовомъ залѣ котораго 26 декабря и состоялось торжественное открытіе съѣзда, въ присутствіи представителей различныхъ министерствъ, земствъ, городовъ и другихъ приглашенныхъ лицъ. Среди послѣднихъ были многіе извѣстные дѣятели въ области народнаго образованія, писатели, педагоги и пр. Занятія съѣзда по секціямъ начались на другой день, при чемъ всѣхъ секцій было 11, согласно программѣ, утвержденной министромъ народнаго просвѣщенія. Вотъ ихъ перечень: I секція—высшія техническія учебныя заведенія; II секція—среднія и низшія техническія учебныя заведенія; III—ремесленныя учебныя заведенія и учебныя ремесленныя мастерскія; IѴ—коммерческое образованіе; Ѵ—мореходныя учебныя заведенія и рѣчныя училища; ѴI—женское профессіональное образованіе; ѴII—ремесленное ученичество; ѴIII—художественно-промышленное образованіе и графическія искусства; IX—ручной трудъ; X—курсы и школы для рабочихъ и, наконецъ, XI секція—школьная гигіена и физическое воспитаніе въ техническихъ и профессіональныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Главный интересъ, какъ и слѣдовало ожидать, сосредоточился на занятіяхъ X-ой секціи, которая, въ виду массы членовъ, пожелавшихъ принять участіе въ ея работахъ, была помѣщена въ актовый залъ университета. Въ секціи было рѣшено тезисы всѣхъ докладовъ передавать на обсужденіе особыхъ коммиссій, въ которыхъ могли принимать участіе всѣ желающіе. Было образовано пять коммиссій: 1) о подготовленности населенія къ техническому и профессіональному образованію, подъ предсѣдательствомъ Г. А. Фальборка; 2) о воскресныхъ школахъ, курсахъ и классахъ для рабочихъ, подъ

предсѣдательствомъ г. Быкова; 3) о внѣ-школьномъ образованіи взрослыхъ рабочихъ—подъ предсѣдательствомъ В. И. Чарнолусскаго; 4) о школахъ для дѣтей рабочихъ, подъ предсѣдательствомъ И. Н. Сахарова и, наконецъ, 5) объ организаціи частной инициативы въ дѣлѣ содѣйствія общему и профессіональному образованію, подъ предсѣдательствомъ Е. Н. Щепкиной.

Съѣздъ сдѣлалъ, между прочимъ, слѣдующія постановленія: 1) о скорѣйшемъ введеніи всеобщаго обученія, при чемъ организація этого дѣла должна быть поручена земствамъ и городскимъ управленіямъ. При этомъ признано необходимымъ не только отмѣнить предѣльность земскаго обложенія, но и предоставить земствамъ новые предметы обложенія, измѣнить существующее земское положеніе въ смыслѣ болѣе правильнаго представительства и распространенія компетенціи земства и скорѣйшее утвержденіе мелкой земской единицы; 2) передать всѣ существующія министерскія и церковно-приходскія школы въ вѣдѣніе земствъ и городовъ; 3) признать необходимость созыва всероссійскаго съѣзда дѣятелей по народному образованію; 4) сравнять положеніе безплатныхъ народныхъ библіотекъ-читаленъ съ положеніемъ обыкновенныхъ публичныхъ библіотекъ; 5) признать необходимымъ, чтобы преподаваніе въ народныхъ училищахъ велось на мѣстномъ языкѣ.

Около тысячи лицъ, собравшись въ большой актовой залѣ Петербургскаго университета на засѣданіе X *секціи*, единогласно при обсужденіи вопросовъ, связанныхъ съ внутреннимъ строемъ духовной жизни въ начальной школѣ, постановили послать телеграмму Льву Николаевичу Толстому слѣдующаго содержанія:

«Члены III съѣзда дѣятелей по техническому и профессіональному образованію, признавъ первенствующее значеніе начальной школы, единогласно постановили привѣтствовать васъ, какъ одного изъ первыхъ вождей русской народной школы и жизни».

Занятія съѣзда протекали совершенно покойно, за исключеніемъ небольшого инцидента, происшедшаго 4-го января, когда были удалены изъ зданія университета, по требованію членовъ съѣзда, гг. Степановъ и Пронинъ, пріѣхавшіе на съѣздъ изъ Кишинева.

5-го января распоряженіемъ исполняющаго должность с.-петербургскаго градоначальника какъ общія, такъ и секціонныя собранія съѣзда были закрыты на основаніи ст. 321 общ. учрежденій губ.

Крайне оживленно прошелъ и Пироговскій съѣздъ, при чемъ резолюціи его не были прочтены на торжественномъ закрытіи съѣзда, которое происходило въ дворянскомъ собраніи при громадной массѣ членовъ съѣзда и гостей и подъ громъ двухъ оркестровъ музыки.

В. Д. Брайанъ у Л. Н. Толстого. На-дняхъ посѣтилъ Россію одинъ изъ самыхъ интересныхъ и выдающихся дѣятелей Америки—В. Брайанъ. Послѣдніе выборы президента Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ (1900 г.) едва не привели В. Брайана на высшую государственную должность въ штатахъ. Но его политическій или, скорѣе, финансовый против-

никъ — погибшій Макъ-Кинлей,—оказался тогда побѣдителемъ. В. Брайанъ по образованію юристъ, но уже давно не занимается адвокатурой, а сосредоточилъ всѣ свои яркія дарованія на собственной газетѣ «The Commoner», на чтеніи публичныхъ лекцій и на политическихъ рѣчахъ. Но и газета, и лекціи, и рѣчи В. Брайана,—все сводится къ одному знаменателю: къ проведенію въ жизнь принциповъ истинной свободы. Воспользовавшись какъ бы каникулами передъ наступающими въ слѣдующемъ году президентскими выборами, В. Брайанъ рѣшилъ побывать въ Европѣ и посѣтить Льва Никалаевича Толстого. Объ этомъ посѣщеніи разсказываетъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» г. Сергѣенко, попутно сообщая о томъ, надъ чѣмъ въ настоящее время работаетъ великій писатель.

В. Брайанъ живо интересовался во время пути всѣмъ относящимся къ Россіи. Но, къ его удивленію, въ Россіи многіе ничего не знали о Россіи, т.-е. ему не могли отвѣтить, что такое мелкая земская единица, каково правовое положеніе русскихъ крестьянъ и проч. Пріѣхавъ рано утромъ въ Ясную Поляну и узнавъ, что Левъ Николаевичъ Толстой выйдетъ не раньше, какъ часа черезъ два, В. Брайанъ попросилъ доктора повести ихъ въ деревню и познакомить съ условіями крестьянской жизни, а чтобы сдѣлать знакомство это какъ можно полнѣе и нагляднѣе, показать имъ самую богатую крестьянскую избу, самую бѣдную и среднюю.

Видъ крестьянъ и обстановка ихъ жизни глубоко поразили В. Брайана. Онъ ожидалъ неустройства и некультурности, ожидалъ бѣдности, но все же не думалъ, чтобы это было такъ удручающе бѣдственно и плохо. И, съ грустью озираясь кругомъ, В. Брайанъ заявилъ, что ничего подобнаго не знаетъ Америка. «Я твердо увѣренъ,—сказалъ онъ,—что американецъ не могъ бы жить такъ, какъ живутъ русскіе крестьяне».

Тѣмъ временемъ проснулся Левъ Николаевичъ и вышелъ на воздухъ. Ежедневныя и продолжительныя прогулки пѣшкомъ или верхомъ составляютъ попрежнему необходимѣйшее условіе его жизни. Вообще, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мелочей порядокъ ясно-полянской жизни почти не измѣнился противъ прежняго. Такъ же, какъ и прежде, рѣдко выпадаетъ такой день, чтобы въ Ясную Поляну не пріѣхалъ кто-нибудь; такъ же, какъ и прежде, ежедневно получается въ Ясной Полянѣ со всѣхъ концовъ міра обширная корреспонденція на всевозможныхъ языкахъ со всевозможными обращеніями, запросами и упованіями (одинъ почитатель Льва Николаевича въ Японіи даже высылаетъ ему японскіе книги и журналы) Такъ же, какъ и прежде, Левъ Николаевичъ ведетъ необыкновенно дѣятельный образъ жизни: много работаетъ, много читаетъ, охотно приходитъ въ общеніе съ людьми всякихъ классовъ, охотно поддается всякой безобидной шуткѣ и чутко откликается на всякое человѣческое горе, откуда бы оно ни исходило.

Работаетъ, т.-е пишетъ Левъ Николаевичъ попрежнему наиболѣе продуктивно по утрамъ, т.-е. до двѣнадцати, до часу дня. Но иногда увлекается работой и засиживается позже. Но послѣ работы ужъ непремѣнно, какова бы ни была погода, совершаетъ значительный моціонъ на воздухѣ, продолжая въ

это время развивать положенія прерваннной работы. И эти прогулки онъ любитъ совершать преимущественно одинъ.

Вернувшись домой съ легкою усталостью, Левъ Николаевичъ нѣкоторое время отдыхаетъ, а когда удачно заснетъ, то появляется къ обѣду такимъ освѣженнымъ, бодрымъ и жизнерадостнымъ, какъ будто ему не 75, а 45 лѣтъ. И съ обѣда до поздней ночи все время онъ проводитъ уже на людяхъ, среди своей семьи, друзей и знакомыхъ, принимая обыкновенно самое живое участіе въ бесѣдахъ, въ чтеніи вслухъ и въ разныхъ играхъ. Лишь иногда онъ уходитъ на время, чтобы написать или продиктовать какое-нибудь неотложное письмо.

Корреспонденція Льва Николаевича съ каждымъ годомъ все разрастается и отнимаетъ у него очень много временн. Иногда даже непонятно, когда онъ успѣваетъ все дѣлать. Письма его имѣютъ характеръ не мимолетныхъ набросковъ перемежающихся настроеній, а являются въ большинствѣ случаевъ сжатыми трактатами о самомъ великомъ и нужномъ для человѣка, что требуетъ, какъ извѣстно, значительной предварительной работы и духа, и мысли. И нѣкоторыя свои письма Левъ Николаевичъ такъ же сосредоточенно вынашиваетъ въ себѣ, какъ и лучшія страницѣ своихъ художественныхъ произведеній.

Въ настоящее время Левъ Николаевичъ заваленъ начатыми работами. Онъ только что закончилъ вчернѣ значительный трудъ о Шекспирѣ, написалъ прелестный поэтическій разсказъ: «А вы говорите», приступилъ къ продолженію своей автобіографіи и ждетъ не дождется, когда можетъ опять взяться за «Хаджи-Мурата», который все больше разрастается и захватываетъ собою все новыя области жизни. А за ними, за этими работами, уже вырисовываются другія, новыя. «Работы намѣчено лѣтъ на 300, а жить осталось три дня», говоритъ Левъ Николаевичъ.

И онъ переноситъ центръ тяжести своей жизни на настоящее, довольствуется тѣмъ днемъ, который прожилъ, и тою работой, которую сдѣлалъ за день. Пережитые не такъ давно физическіе недуги (грудная жаба, тифъ и воспаленіе легкихъ) нѣсколько пригнули фигуру нашего дорогого писателя, но не придавили его духа. Духъ его, напротивъ, какъ бы закалился въ пережитыхъ испытаніяхъ и выровнялся и просвѣтлѣлъ. Это чувствуется теперь даже при одномъ взглядѣ на Льва Николаевича. Все то жесткое и колючее, что нѣкогда составляло, какъ бы примѣту толстовской личности,—все это теперь куда-то провалилось и замѣнилось тѣмъ свѣтлымъ и умиротвореннымъ состояніемъ, которое дается человѣку, какъ высшее на землѣ благо, какъ драгоцѣннѣйшій трофей величайшей побѣды надъ собою.

Бесѣда между Л. Толстымъ и Брайаномъ сначала носила нѣсколько условный, отрывочный характеръ, но затѣмъ все больше разгоралась и приняла форму оживленнаго діалога. Чувствовалось, что между говорящими образовываются все новые мосты и нити, взаимно притягивающіе другъ къ другу. Левъ Николаевичъ, начавшій бесѣду не болѣе какъ учтивый хозяинъ, привыкшій къ подобнаго рода опросамъ, подъ конецъ свиданія замѣтно потянулся душой къ В. Брайану и почувствовалъ потребность высказаться передъ нимъ,

какъ передъ близкимъ по духу и уважаемымъ человѣкомъ. Говорили о религіи, о войнѣ, о физическомъ трудѣ, объ экономическихъ и другихъ вопросахъ, сплетшихся съ жизнью современнаго человѣчества. И, чѣмъ больше они говорили, тѣмъ замѣтнѣе наростали между ними взаимное пониманіе и уваженіе другъ къ другу.

Многое обычное для насъ удивляло В. Брайана такъ, какъ если бы онъ очутился на Марсѣ. Такъ, напримѣръ, онъ несказанно изумился, когда узналъ, что нѣкоторыя заграничныя изданія печати получались Л. Н. Толстымъ не иначе, какъ съ такъ называемой «икрой», т.-е. съ черными штемпелями. Это настолько поразило В. Брайана, какъ американца, что онъ даже выпросилъ одинъ подобный экземпляръ, какъ своего рода рѣдкость, для своей коллекціи Вечеромъ опять возникла между Львомъ Николаевичемъ и В. Брайаномъ оживленная бесѣда, которая часто прерывалась общимъ дружнымъ смѣхомъ. В. Брайанъ и Л. Н. Толстой, одаренные живымъ юморомъ, вносили въ свою бесѣду много комичныхъ, смѣшныхъ эпизодовъ.

Сотрудникъ «Восточнаго Обозрѣнія» также разсказываетъ о своемъ недавнемъ посѣщеніи Льва Николаевича. Когда онъ вошелъ въ домъ, Левъ Николаевичъ вышелъ къ нему на встрѣчу въ своемъ обычномъ костюмѣ—блузѣ, подпоясанной ремнемъ, и въ высокихъ сапогахъ...

Первое впечатлѣніе было наилучшее. Левъ Николаевичъ выглядитъ значительно моложе своихъ лѣтъ. Положимъ, борода, волосы и брови — темносѣдыя, но не желто-сѣдыя, какъ это бываетъ у многихъ стариковъ. Ни одинъ изъ портретовъ Л. Н. не передаетъ привѣтливаго выраженія его глазъ. Обыкновенно, на портретахъ онъ выглядитъ суровымъ старикомъ, а на самомъ дѣлѣ на меня смотрѣли замѣчательно ясные и привѣтливые глаза, глубоко проникающіе въ душу. Я извинился передъ Л. Н., что просилъ разрѣшенія посѣтить его.

— Полноте, я очень радъ васъ видѣть, побесѣдовать съ вами. Это важно и для меня. У меня въ Сибири могутъ быть дѣла, порученія и я буду обращаться къ вамъ.

Я, конечно, изъявилъ полное согласіе. Левъ Николаевичъ познакомилъ меня съ сидящими за столомъ: д-ромъ Г. М. Беркенгеймомъ, Х. Н. Абрикосовымъ и др. лицами. Познакомивши Л. Н. съ послѣдними новостями Москвы, мы заговорили о войнѣ съ Японіей, причемъ на мое замѣчаніе, что война довольно вѣроятна, Л. Н. сказалъ:

— Это ужасно. Какъ люди мало понимаютъ свои интересы! Какъ они еще жестоки. Война—это ужасно. Какіе такіе интересы могутъ быть, чтобы служить оправданіемъ убійству?

Левъ Николавичъ никогда не мѣняетъ режима своего дня. Утромъ онъ гуляетъ четверть часа, затѣмъ пьетъ чай и идетъ работать. До двухъ часовъ онъ, обыкновенно, пишетъ свои статьи и художественныя произведенія. Въ настоящее время онъ занятъ критикой Шекспира. «Хаджи-Муратъ» еще не законченъ, но, по отзывамъ читавшихъ, этотъ романъ-повѣсть долженъ быть однимъ изъ тѣхъ художественныхъ шедевровъ, какіе только можетъ писать Левъ Толстой.

Л. Н., съ большимъ интересомъ разспрашивалъ о Сибири, задавши вопросъ: «что Сибирь обѣднѣла»? Когда я это подтвердилъ, онъ замѣтилъ: «такъ и должно быть» — и распространился о желѣзной дорогѣ, способствующей, при условіяхъ нашей жизни, вывозу необходимѣйшихъ продуктовъ и, взамѣнъ этого, не дающей населенію почти ничего. Онъ подробно разспрашивалъ о бурятахъ, очень заинтересовался миѳомъ ламаитовъ объ искупленіи (Арья-Балло), а затѣмъ у насъ разговоръ перешелъ на общія темы.

Причиною многихъ несчастій въ жизни и неустройствъ является то обстоятельство, что мы не живемъ согласно своимъ убѣжденіямъ, а дѣлаемъ много сдѣлокъ съ совѣстью, являемся оппортюнистами. Между тѣмъ, такія сдѣлки ничего, кромѣ вреда, не приносятъ, и оппортюнисты, идя на компромиссы, не могутъ предвидѣть всѣхъ послѣдствій этого печальнаго факта.

Между прочимъ, во время спора имъ былъ высказанъ и такой парадоксъ: газетная и журнальная дѣятельность въ настоящее время ничего, кромѣ вреда, приносить не можетъ, потому что въ этой сферѣ компромиссы чрезвычайно часты и неизбѣжны.

Русскими газетами Левъ Николаевичъ, вообще, недоволенъ; у насъ, по его мнѣнію, нѣтъ ни одной газеты, которая разсматривала бы вопросы, исходя изъ этой передовой мысли, которая постепенно завоевываетъ себѣ положеніе на Западѣ. Но онъ не сомнѣвается, что пройдетъ 20—30 лѣтъ, и у насъ появятся такія газеты. Обсуждаютъ же теперь газеты вопросы, о которыхъ въ 70-е годы и невозможно было думать.

Во время разговора затрагивалась масса и другихъ вопросовъ, между прочимъ, о театрѣ, о которомъ Л. Н. выразился такъ: «онъ существуетъ для женщинъ, дѣтей и слабыхъ». Всѣ эти вопросы показываютъ, что безпокойная мысль великаго художника неустанно работаетъ.

Въ смоленскомъ земствѣ. Интересный вопросъ, по словамъ «Днѣпров. Вѣстника», обсуждался въ смоленскомъ губернскомъ земскомъ собраніи:

«Изъ доклада управы видно, что предсѣдатель управы три раза вызывался въ Петербургъ для участія въ обсужденіи различныхъ вопросовъ о мѣстныхъ нуждахъ и потребностяхъ. Въ этомъ призывѣ представителя земства редакціонная коммиссія не можетъ не усмотрѣть желанія правительства выслушать голосъ мѣстныхъ земскихъ людей по вопросамъ, близко касающимся нуждъ и пользъ населенія.

«Если правительству угодно будетъ и впредь выслушивать мѣстныхъ земскихъ людей, то, по мнѣнію коммиссіи, представители, избранные губернскимъ земствомъ, могли бы болѣе всесторонне и въ наибольшей широтѣ освѣдомить правительство о тѣхъ нуждахъ, къ обсужденію коихъ оно признаетъ полезнымъ ихъ вызывать, при этомъ для наиболѣе цѣлесообразнаго использованія того матеріала, который имѣется на мѣстахъ и для правильнаго его освѣщенія, согласно мѣстнымъ условіямъ и нуждамъ, представлялось бы желательнымъ, чтобы вышеназванные вопросы, предварительно вызова земскихъ людей,

передавались для ознакомленія съ ними губернскому земскому собранію, а послѣднее могло бы дать избраннымъ имъ представителямъ руководящія указанія.

«Въ виду высказанныхъ соображеній, коммиссія согласилась съ доводами, приведенными управою въ докладѣ, и считаетъ полезнымъ, кромѣ того, выразить, что отвлеченіе предсѣдателя управы на продолжительное время отъ исполненія его прямыхъ, весьма сложныхъ обязанностей можетъ повредить нормальному ходу текущихъ дѣлъ.

«Передача обсужденія вопроса о мѣстныхъ нуждахъ въ составляемые для сего мѣстные комитеты, по мнѣнію коммиссіи, также не вполнѣ цѣлесообразна: работа мѣстныхъ людей въ подобныхъ комитетахъ недостаточно продуктивна, а цѣнный матеріалъ, имѣющійся на мѣстахъ, появляется передъ центральнымъ правительствомъ послѣ сводки разнообразныхъ отдѣльныхъ мнѣній, иногда совсѣмъ въ другомъ освѣщеніи и несогласнымъ съ дѣйствительными нуждами и потребностями на мѣстахъ.

«Въ силу изложенныхъ соображеній, коммиссія предлагаетъ собранію возбудить предъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ: 1) чтобы всѣ вопросы, для обсужденія которыхъ признано будетъ правительственнымъ учрежденіемъ желательнымъ вызвать земскихъ дѣятелей, передавались правительствомъ на заключеніе всѣхъ земскихъ собраній, интересовъ которыхъ по мѣстнымъ бытовымъ условіямъ касаются предполагаемые законопроекты; 2) чтобы губернскимъ земскимъ собраніямъ тѣхъ губерній, отъ которыхъ предстоитъ вызовъ земскихъ дѣятелей, предоставлено было право уполномочивать для участія въ совѣщаніяхъ лицъ по выбору земскаго собранія; 3) принятіе третьяго предложенія управы («чтобы выработанные законопроекты, касающіеся мѣстной жизни, передаваеиы были на обсужденіе губернскаго земскаго собранія») коммиссія не считаетъ необходимымъ въ видахъ болѣе быстраго приведенія въ дѣйствіе тѣхъ законопроектовъ, обсужденіе коихъ правительство признаетъ желательнымъ и полезнымъ при участіи избранныхъ губернскимъ земствомъ представителей».

Эти заключенія редакціонной коммиссіи приняты большинствомъ всѣхъ противъ одного.

Среди нижегородскихъ земцевъ. «Волгарь» приводитъ весьма характерныя пренія, которыя происходили въ нижегородскомъ губернскомъ земскомъ собраніи о народныхъ библіотекахъ, относительно которыхъ губернская управа предложила: 1) возбудить ходатайство о расширеніи каталога книгъ и періодическихъ изданій, допускаемыхъ въ народныя библіотеки-читальни, замѣнивъ нынѣ дѣйствующую систему допущенія наиболѣе простой системой запрещенія тѣхъ или иныхъ изданій, признаваемыхъ нежелательными; 2) поддержать ходатайство балахнинскаго земства о примѣненіи къ народнымъ библіотекамъ при школахъ общихъ правилъ для народныхъ библіотекъ; 3) ходатайство арзамасскаго земства о пособіи тремъ народнымъ библіотекамъ

передать на разсмотрѣніе губернской управы; 4) придти на помощь народнымъ библіотекамъ въ губерніи постоянными субсидіями.

С. Н. Зененко заявилъ, что, конечно, необходимо проводить свѣтъ въ темную среду, но вся штука въ томъ, какой свѣтъ. «Чужія мысли повторять все равно, что пользоваться объѣдками пирога, но мы не гости», сказалъ г. Зененко и началъ читать выписки изъ сочиненій Сенеки, Локка, Бэкона, Тена, Руссо, Ломброзо, Шопенгауера и друг. Сдѣлавъ цитаты въ подтвержденіе мысли, что несоотвѣтствующее чтеніе развиваетъ недовольство и неудовлетворенность, г. Зененко началъ возражать противъ предложенія управы о допущеніи для народныхъ библіотекъ «Журнала для всѣхъ» и «Народнаго блага», какъ наиболѣе дешевыхъ. Первый журналъ и даромъ нельзя давать, такъ какъ въ немъ помѣщаетъ разсказы господинъ Андреевъ, которые, чтобы не свихнуться, можно читать лишь тѣмъ, кто очень твердъ въ нравственности. То же самое надо сказать о «Народномъ благѣ». Чтеніе періодическихъ изданій, которыхъ нынѣ масса, ведетъ лишь къ тому, что мы не читаемъ солидныхъ книгъ. Мы читаемъ вообще меньше, чѣмъ наши дѣды. Намъ давай «Новое Время», журналы, и больше ни до чего дѣла нѣтъ. Зачѣмъ еще народъ вводить въ это? Въ заключеніе г. Зененко высказался за расширеніе каталога книгъ, но не періодическихъ изданій.

Г. Р. Килевейнъ. Рѣчь г. Зененко произвела на меня тяжелое впечатлѣніе. Отъ нея пахнетъ средневѣковымъ мракомъ, временами Торквемады. Онъ хочетъ отдѣлять народъ отъ культуры китайской стѣной. Это Олимпъ 40-хъ годовъ, папизмъ съ его индексомъ запрещенныхъ книгъ. Неужели будущее Россіи должно идти путемъ цѣпей? Изъ мрака свѣта не будетъ. Нельзя народъ считать дѣтьми, которымъ нельзя давать книги. Самый смѣлый полетъ инквизиціи не доходилъ до такихъ категорическихъ императивныхъ требованій, какъ г. Зененко. Культура должна быть достояніемъ всѣхъ, къ которому мы обязаны пріобщить весь народъ.

Затѣмъ г. Килевейнъ говорилъ о неудобствахъ существующей разрѣшительной системы.

Каталогъ народныхъ библіотекъ жалкій: одно изданіе Пушкина допускается, другое—слово въ слово—нѣтъ, потому что правительство не въ состояніи успѣть слѣдить за массой выпускаемыхъ книгъ, вслѣдствіе чего масса полезныхъ книгъ не попадаетъ въ народъ. Г. Зененко хочетъ, чтобы одна книга была для интеллигента, другая для народа, и ссылается на авторитеты, но взятыя имъ выдержки ничего не доказываютъ. Я увѣренъ, что въ любой книгѣ указанной С. Н. Зененко, я найду противуположныя цитаты. Авторитеты высокіе, но должны цѣниться не по тѣмъ максимамъ которыя сдѣлалъ г. Зененко.

С. Н. Зененко. Г. Килевейнъ хотѣлъ произнести рѣчь независимо отъ того, что я говорилъ. У меня Сенека и другая тяжелая артиллерія. Я покажу.

— Потомъ покажите,—замѣтилъ предсѣдатель собранія (въ собраніи и на хорахъ смѣхъ, который сопровождалъ рѣчь г. Зененко неоднократно).

— Г. Килевейнъ излагалъ свое profession de foi. Онъ неправъ, сравнивая меня съ Торквемадой. Я знаю книгу, допущенную въ народныя библіотеки.

Она начинается такъ: въ Библіи говорится, что Богъ сотворилъ міръ въ 7 дней, но ученые доказываютъ, что для образованія міра нужны были тысячелѣтія. Какъ давать такія книги неприспособленному народу и разрушать библейское ученіе? Сила народа въ Библіи и въ апостолѣ Павлѣ, а не въ господинѣ Андреевѣ.

Затѣмъ г. Зененко говорилъ объ издателяхъ Сойкинѣ и др., выпускающихъ вредную макулатуру, и никто на это не обращаетъ вниманія. Кто нынѣ просвѣщаетъ народъ?

— Въ Нижнемъ одинъ только русскій книжный магазинъ, остальные еврейскіе. Въ городахъ тепорь вездѣ хулиганство. Что это такое? Полуграмотный народъ начитался разныхъ книгъ. Книга—сила, динамитъ, который имѣетъ дѣйствіе и такъ, и эдакъ. Нельзя предлагать народу то, что зазорно читать даже мнѣ, старику.

Собраніе значительнымъ большинствомъ голосовъ приняло предложеніе управы, высказавшись противъ сравненія школьныхъ библіотекъ съ народными. Затѣмъ, постановлено ходатайствовать о расширеніи каталога народныхъ чтеній, о разрѣшеніи московскому земству устроить общеземскую выставку по народному образованію въ 1905 году.

Высшіе женскіе курсы въ Казани. Казанскій корреспондентъ «С.-Петерб. Вѣдомостей» сообщаетъ, что среди профессоровъ и приватъ-доцентовъ Казанскаго университета явилась мысль учредить въ Казани высшіе женскіе курсы. Были организованы коммиссіи и нѣсколько общихъ засѣданій, на которыхъ выработаны проектъ положенія о курсахъ и программа преподаванія. По проекту положенія, курсы имѣютъ цѣлью сообщить учащимся на нихъ высшее образованіе университетскаго характера, а также дать для желающихъ педаготическую подготовку для преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Курсы должны состоять въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія и ввѣряются попечителю учебнаго округа. Преподаваніе на курсахъ распредѣляется на 4 года. По предметамъ преподаванія курсы раздѣляются на два факультета: историко-филологическій и физико-математическій, которые могутъ быть раздѣляемы на отдѣленія, причемъ историко-филологическій факультетъ можетъ имѣть отдѣленія: 1) историко-общественныхъ наукъ, 2) филологическихъ наукъ; изъ нихъ первое отдѣленіе, въ случаѣ нужды, можетъ выдѣлить изъ себя секцію юридическо-экономическихъ наукъ, а второе—секцію германской и романской филологіи. Директоръ избирается министромъ народнаго просвѣщенія изъ лицъ, состоящихъ профессорами курсовъ, и назначается Высочайшимъ приказомъ. Профессорами и преподавателями могутъ быть лица обоего пола, причемъ званіе профессоровъ присваивается профессорамъ высшихъ учебныхъ заведеній или лицамъ обоего пола, имѣющимъ степень доктора. Въ слушательницы курсовъ принимаются лица, достигшія 17-ти-лѣтняго возраста и окончившія полный семиклассный курсъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія или гимназій и институтовъ вѣдомства Императрицы Маріи, а

также въ равныхъ съ ними по правамъ и по программамъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Преимущественнымъ правомъ поступленія на курсы пользуются лица, окончившія курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ округовъ: Казанскаго, Оренбургскаго, Кавказскаго и Западно-Сибирскаго, а также въ учебныхъ заведеніяхъ Восточной и Средней Азіи. Вольнослушательницами могутъ быть тѣ, кто имѣетъ право быть слушательницами, а также лица, независимо отъ полученнаго ими образованія, по преимуществу изъ тѣхъ, кто занимался педагогическою дѣятельностью въ учебныхъ и учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, но съ особаго каждый разъ разрѣшенія совѣта. Слушательницы обязательно подвергаются экзамену въ концѣ каждаго учебнаго года по всѣмъ предметамъ этого года. Экзаменъ можетъ быть замѣненъ репетиціями, произведенными въ теченіе всего учебнаго года. Слушательницы, окончившія курсы, получаютъ право преподаванія въ правительственныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—въ женскихъ во всѣхъ классахъ, а въ мужскихъ въ четырехъ низшихъ—съ содержаніемъ и пенсіей, которыя по штату полагаются для преподающихъ лицъ мужского пола. Для лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія, окончившихъ курсы, дѣлаются тѣ же изъятія изъ общихъ законовъ и постановленій правительства относительно евреевъ, какъ и для лицъ того же вѣроисповѣданія, окончившихъ курсъ по 1-му разряду въ Императорскихъ университетахъ.

Иниціаторамъ дѣла хочется организовать курсы съ осени, пріурочивъ открытіе ихъ къ 100-лѣтнему юбилею университета, въ аудиторіяхъ и учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ котораго имѣется въ виду на первое время открыть курсы. Курсы на первыхъ порахъ очень будутъ нуждаться въ денежныхъ средствахъ, въ виду чего профессоръ Будде напечаталъ воззваніе въ мѣстныхъ газетахъ къ городскимъ и земскимъ учрежденіямъ, разнымъ обществамъ и лицамъ придти на помощь этому дѣлу. Казанское губернское земство ассигновало на учрежденіе фонда по организаціи курсовъ 3.000 рублей.

Необыкновенная больничная исторія въ Севастополѣ.

Большое вниманіе среди врачей и городскихъ дѣятелей вызываетъ необыкновенная исторія, неожиданно разыгравшаяся въ городской больницѣ Севастополя. По сообщенію «Новостей», назначенный городскою управою — согласно указанію администраціи—старшимъ врачемъ больницы, д-ръ Мертваго, замѣстившій собою прежняго, выбраннаго думою, врача, очень популярнаго въ городѣ д-ра Никонова,—едва вступивъ въ отправленіе своихъ обязанностей, подалъ городскому головѣ пространную докладную записку, въ которой «сообщаетъ» о цѣломъ рядѣ фактовъ, компрометтирующихъ, по его, Мертваго, увѣреніямъ, дѣятельность г. Никонова. Онъ обвиняетъ его въ томъ, что при немъ практиковалась «широкая подача даровой врачебной помощи населенію»; что онъ, Никоновъ, ввелъ «чтеніе курсовъ для акушерокъ *и еще что-то*»; что онъ устроилъ «пансіонатъ», въ которомъ находили себѣ пристанище разные люди, «подъ видомъ больныхъ»; что Никоновъ былъ плохимъ хозяиномъ и администраторомъ и т. д., и т. д. «Сообщеніе» г. Мертваго нашло себѣ

должную оцѣнку въ средѣ гласныхъ, въ полномъ составѣ явившихся въ засѣданіе думы 17-го декабря послушать интересный «документъ»... «Документъ» читался около часа и чуть не каждая строка его вызывала возгласы удивленія со стороны гласныхъ и публики, переполнившей залъ засѣданія думы. Когда «документъ» былъ прочитанъ, городской голова доложилъ замѣчанія управы къ докладу Мертваго, изъ которыхъ явственно видно, что онъ подтасовывалъ всѣ сообщаемые имъ факты, а многіе—и вовсе придумалъ!.. Такой же отзывъ о донесеніи г. Мертваго даетъ и медико-санитарная коммиссія, которой докладъ, предварительно до представленія думой, былъ посланъ управою для обозрѣнія...

Когда чтеніе этихъ любопытныхъ документовъ было окончено и начался «обмѣнъ мыслей»,—послышались суровыя рѣчи со стороны гласныхъ по адресу г. Мертваго. Вотъ нѣкоторыя изъ рѣчей: капитанъ 1-го ранга Вѣницкій находитъ необходимымъ разслѣдовать во всѣхъ деталяхъ «донесеніе» г. Мертваго;—начальникъ крымскихъ шоссе, инженеръ Башевскій, иронически предлагалъ «не торопиться, такъ какъ Мертваго скоро, несомнѣнно, «разыщетъ еще какія-нибудь «корни и нити» и т. д. Но особенно безпощадны были въ оцѣнкѣ поступка г. Мертваго флотскіе врачи-гласные, гг. Березинъ, Губаревъ, Бялыницкій-Бируля... Послѣдній прямо заявилъ:

— Господа! Это не докладъ, а сплошной *извѣтъ*... Въ тяжелое положеніе поставлено наше дѣтище, городская больница, съ воцареніемъ въ ней назначеннаго старшимъ врачемъ г. Мертваго! Я открыто выражаю свое глубокое сожалѣніе по поводу этого назначенія...

Почтенннаго гласнаго поддержали весьма энергично другіе гласные. Не мало была наэлектризована и публика, рукоплескавшая ораторамъ и нѣсколько разъ повторившая: «Долой Мертваго!»... Возгласы эти являлись не спроста, если принять во вниманіе, что Мертваго кичится въ своемъ донесеніи такими мѣропріятіями своими, какъ упраздненіе цѣлаго ряда важнѣйшихъ функцій больницы: «Пріостановленіе» пріема амбулаторныхъ больныхъ, прекращеніе выдачи бѣднымъ лѣкарствъ безплатно, прекращеніе чтенія лекцій по акушерству, уничтоженіе дежурства врачей и пр. «Докладчикъ» относится весьма недружелюбно къ распоряженію управы о вызовѣ черезъ публикацію хирурга и гинеколога для замѣщенія вакансій послѣ ухода, вслѣдъ за Никоновымъ, гг. Флерова и Потапова: онъ все беретъ на себя—и хирургическое отдѣленіе, и гинекологическое, и внутреннія болѣзни, и хозяйственную часть, и административную...

Нечего и говорить, что дума нашла невозможнымъ оставлять въ такомъ рискованномъ положеніи учрежденіе, недавно только возродившееся, но образцово поставленное упорнымъ трудомъ и внимательнымъ, добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу прежнихъ врачей—гг. Никонова, Флерова и Потапова. Исходя изъ этого, дума постановила поручить управѣ разслѣдовать въ мельчайшихъ деталяхъ «дѣло Мертваго» и о послѣдующемъ донести какъ можно скорѣе—въ нынѣшнемъ же мѣсяцѣ.

Вопросъ о печати въ харьковской думѣ. Въ засѣданіи 12-го декабря обсуждался вопросъ объ отношеніи «Хар. Вѣд.» къ мѣстному городскому самоуправленію и въ связи съ этимъ былъ возбужденъ общій вопросъ о печати.

Проф. Н. Ф. Сумцовъ и проф. А. Ф. Брандтъ внесли въ думу слѣдующее заявленіе:

«Съ начала текущаго года, съ переходомъ «Хар. Вѣд.» подъ новую редакцію, харьковское городское общественное управленіе стало болѣе и болѣе подвергаться нареканіямъ, которыя съ осени текущаго года перешли въ такой рѣзкій и настойчивый характеръ, что становится очевиднымъ желаніе редакціи воспитать въ мѣстномъ населеніи чувства недовѣрія и вражды къ нынѣшнему составу городского управленія, не стѣсняясь при этомъ недостовѣрностью сообщаемыхъ фактическихъ обоснованій. Это желаніе сопровождается даже нарушеніемъ обыденнаго такта и справедливости и, напримѣръ, доклады городского головы подвергаются иногда вышучиванію въ газетѣ ранѣе, чѣмъ управскіе служителя успѣваютъ ихъ разнести гласнымъ, ранѣе, чѣмъ они могутъ сдѣлаться достояніемъ публики, которая могла бы оцѣнить по достоинству ихъ критику. Дума подвергается осужденію во всемъ ея составѣ и третируется внѣ всякаго соотвѣтствія съ ея достоинствомъ; призывается даже какой-то «баринъ», который долженъ что-то разобрать.

Подобнаго же содержанія было прочитано заявленіе И. К. Гришенко.

По поводу этихъ заявленій городской голова сдѣлалъ слѣдующее поясненіе:

Внѣ всякаго сомнѣнія, что статьи «Хар. Вѣд.» имѣютъ такой рѣзкій обвинительный характеръ, что достоинство городского управленія и уваженіе къ общественному мнѣнію и къ печати не позволяютъ отнестись къ нимъ безучастно. Эти статьи подрываютъ довѣріе не только къ нынѣшнему составу городского управленія, но и, вообще, къ самому принципу общественнаго самоуправленія. Необходимо публичное выясненіе всѣхъ этихъ обвиненій и я прошу поручить мнѣ составить систематизированный отвѣтъ по всѣмъ обвиненіямъ.

Предложеніе городского головы думою принято.

Предложеніе же гласнаго Свѣтухина ходатайствовать объ освобожденіи провинціальной печати отъ предварительной цензуры, по заявленію городского головы, можетъ быть разсмотрѣно въ думѣ лишь по включеніи его въ программу засѣданія.

Гласный Даниловичъ замѣтилъ, что это предложеніе по существу тѣсно связано съ разсматриваемымъ вопросомъ, такъ какъ свобода печати представляетъ одно изъ средствъ борьбы съ печальнымъ явленіемъ, порождаемымъ Остроумовской газетой.

„Знамя“ въ Харьковской библіотекѣ. На общемъ собраніи членовъ Харьковской общественной библіотеки, 13-го декабря, обсуждалось, по словамъ «Новостей», постановленіе правленія—обратиться къ г. Крушевану,

вслѣдствіе заявленія нѣкоторыхъ лицъ, съ просьбой о безплатной высылкѣ его газеты. Обмѣнъ мнѣній по этому поводу продолжался около пяти часовъ.

Цѣлый рядъ ораторовъ: проф. Грузинцевъ, д-ръ Леваковскій, И. П. Бѣлоконскій, М. М. Обуховъ, Н. П. Винокуровъ, прив.-доц. Таліевъ, М. Н. Салтыкова, А. В. Десятовъ, Н. А. Падаринъ, г. Клевезаль и друг., подвергли, при единодушномъ одобреніи всего многочисленнаго собранія, рѣзкой критикѣ какъ дѣятельность Крушевана, такъ и его печатный органъ. Проф. Багалѣй, какъ предсѣдатель правленія, пояснилъ, что, пославъ просьбу Крушевану, правленіе стояло на формальной почвѣ, исходя изъ того положенія, что библіотека является книгохранилищемъ для всего юга Россіи; при этомъ члены правленія заявляли, что мысль даже о тѣни солидарности правленія со «Знаменемъ» и, вообще, органами подобнаго рода, явилась бы прямо чудовищной.

Но собраніе, повидимому, стояло на той точкѣ зрѣнія, что завѣдомо безнравственныя изданія (приравнивая «Знамя» къ порнографіи и т. п.) не должны допускаться въ читальный залъ библіотеки.

Проф. Грузинцевъ, въ отвѣтъ на слово предсѣдателя правленія, что послѣднее, изъ принципа, должно выписывать всякую газету, весьма образно возразилъ, что слово «принципъ» въ примѣненіи къ Крушевану является профанаціей, и просилъ собраніе въ дебатахъ о «Знамени» избѣгать слова «принципъ, дабы тѣмъ не осквернить этого понятія»...

Н. А. Падаринъ высказалъ взглядъ, что органъ Крушевана не является выразителемъ какого-либо здороваго общественнаго настроенія: это — проявленіе психопатологіи больного существа и, какъ таковое, не можетъ имѣть мѣста въ общественной библіотекѣ.

М. М. Обуховъ, проф. Гредескулъ и др., признавая Крушевана исключительнымъ явленіемъ въ русской журналистикѣ, отказывались примѣнить къ нему какую-либо мѣрку.

На собраніи проф. Багалѣй заявилъ, что отвѣта отъ Крушевана библіотека не получила, но что уже извѣстно объ его отказѣ высылать свою газету безплатно.

М. М. Обуховъ, полагая, что органъ Крушевана представитъ богатый матеріалъ для историка, какъ крайняя степень проявленія человѣконенавистничества и гнусной травли, предложилъ выписать «Знамя» за деньги въ архивъ, какъ за нынѣшній, такъ и за будущій годъ, отнюдь не пуская его въ обращеніе.

Проф. Багалѣй прочелъ пространный докладъ, изъ котораго выяснилось, что въ библіотекѣ существуютъ извѣстные коррективы для опредѣленныхъ произведеній печати: одни выдаются съ ограниченіями, другія вовсе не выдаются. Къ этому классу изданій, остроумно названныхъ профессоромъ «Venena et narcotica», было предложено причислить и органъ Крушевана.

Собраніе согласилось съ предложеніемъ М. М. Обухова и постановило выписать «Знамя» за деньги въ архивъ, какъ матеріалъ для будущаго историка. Въ читальномъ залѣ въ абонементѣ «Знамени» не будетъ.

За мѣсяцъ. Высочайшее повелѣніе, объявленное правительствующему сенату министромъ внутреннихъ дѣлъ. О предоставленіи министру внутреннихъ дѣлъ и тверскому губернатору особыхъ полномочій по отношенію къ тверскому земству. Министръ внутреннихъ дѣлъ входилъ къ Его Императорскому Величеству съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ коемъ полагалъ:

1) Предоставить ему, министру, назначить на текущее трехлѣтіе предсѣдателей и членовъ тверской губернской и новоторжской уѣздной земскихъ управъ, безъ производства предусматриваемыхъ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ вторичныхъ на эти должности выборовъ, отмѣнивъ вмѣстѣ съ тѣмъ предполагающіяся чрезвычайныя тверское губернское и новоторжское уѣздное земскія собранія.

2) Сохранить на 1904 годъ дѣйствіе тверской губернской земской смѣты и раскладки предшествовавшаго года съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ необходимости измѣненія или дополненія оныхъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ испрашивалось Высочайшее на сіе соизволеніе въ порядкѣ, установленномъ 94-ой статьей положенія о земскихъ учрежденіяхъ.

3) Подлежащія разсмотрѣнію чрезвычайныхъ тверского губернскаго и новоторжскаго уѣзднаго земскихъ собраній текущія дѣла разрѣшить въ порядкѣ, указанномъ въ 95-ой статьѣ того же положенія.

4) Предоставить министру внутреннихъ дѣлъ воспрещать пребываніе въ предѣлахъ Тверской губерніи или отдѣльныхъ ея мѣстностей лицамъ, вредно вліяющимъ на ходъ земскаго управленія.

5) Предоставить тверскому губернатору устранять отъ службы по земству вредныхъ для общественнаго порядка и спокойствія лицъ, состоящихъ на оной по приглашенію или назначенію земскихъ управъ и ихъ предсѣдателей.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ семъ Его Императорскому Величеству, 8-го января 1904 года, благоугодно было собственноручно начертать «*Согласенъ*».

Правительственное сообщеніе по поводу Высочайшаго повелѣнія 8-го января объ упорядоченіи земскихъ учрежденій Тверской губерніи.—Дѣятельность земскихъ учрежденій Тверской губерніи давно уже обращаетъ на себя вниманіе направленіемъ, не соотвѣтствующимъ требованіямъ государственнаго порядка. Объ отдѣльныхъ, особенно рѣзкихъ проявленіяхъ этого направленія неоднократно доводимо было до Высочайшаго свѣдѣнія, и къ устраненію ихъ, по особымъ Монаршимъ указаніямъ, принимались необходимыя мѣры. Внося временное отрезвленіе и въ среду земскихъ дѣятелей, эти мѣры не могли, однако, направить земство на правильный путь. За последніе годы вредное настроеніе тверского губернскаго земства еще болѣе усугубилось, выражаясь, между прочимъ, въ неумѣстныхъ сужденіяхъ на земскихъ собраніяхъ, безплодно волновавшихъ умы, и въ постоянномъ стремленіи, хотя бы съ явнымъ ущербомъ для дѣла, идти наперекоръ мѣстной власти.

Наряду съ нимъ въ Тверской губерніи обнаружились отступленія отъ закона и въ самомъ утройствѣ земскихъ учрежденій. Въ составѣ ихъ постепенно возникли не предусмотрѣнныя закономъ самостоятельныя исполнитель-

ныя учрежденія, въ видѣ особыхъ коммиссій и совѣтовъ, состоящихъ въ значительной части изъ лицъ, служащихъ по вольному найму. Такія коммиссіи и совѣты учреждались какъ бы въ помощь земскимъ управамъ, но съ теченіемъ времени въ ихъ рукахъ сосредоточилось непосредственное завѣдываніе отдѣльными отраслями земскаго хозяйства и, такимъ образомъ, дѣйствительная власть въ направленіи земскихъ дѣлъ мало-по малу перешла къ лицамъ, служащимъ въ земствѣ по найму и ничѣмъ съ данною мѣстностью не связаннымъ. Въ то же время среди этихъ лицъ обнаружилось стремленіе сплотиться въ своего рода сообщество и допускать въ него, по собственному выбору и указанію, лишь людей, съ ними единомышленныхъ.

Отмѣченное явленіе и связанныя съ нимъ нежелательныя послѣдствія сказались съ особою силою въ дѣятельности земства по народному образованію. Учебное вѣдомство неоднократно сообщало министру внутреннихъ дѣлъ, что въ земствахъ Тверской губерніи возникли при управахъ особые совѣты съ участіемъ въ нихъ народныхъ учителей и учительницъ, затрудняющіе правительственный въ этой области надзоръ учебнаго начальства, Такъ, при новоторжской уѣздной земской управѣ, согласно желанію собранія учителей народныхъ училищъ, образованъ въ 1903 году съ участіемъ ихъ комитетъ, дѣятельность коего началась немедленно же мѣрами, направленными къ устраненію учителей, неугодныхъ большинству комитета.

Заявленія учебнаго начальства о неправильномъ отношеніи новоторжскаго уѣзднаго земства къ дѣлу народнаго образованія въ полной мѣрѣ подтвердились обозрѣніемъ дѣятельности земскихъ учрежденій Тверской губерніи, по Высочайшему повелѣнію произведеннымъ гофмейстеромъ Штюрмеромъ въ концѣ прошлаго года, а также свѣдѣніями, поступавшими въ департаментъ полиціи.

При этомъ выяснилось, что перемѣщеніе исполнительной, а отчасти и распорядительной власти изъ вѣдѣнія управъ въ вѣдѣніе установленій, состоящихъ изъ наемныхъ лицъ, и возрастающее ихъ вліяніе на ходъ земскихъ дѣлъ и въ частности на замѣщеніе должностей привели къ проникновенію въ среду земскихъ служащихъ Тверской губерніи значительнаго количества лицъ, неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи. Въ этомъ отношеніи особаго вниманія заслуживаетъ составъ народныхъ учителей, несмотря на то, что инспекторомъ народныхъ училищъ не были допущены къ назначенію до 40% предположенныхъ состоящимъ при управѣ комитетомъ кандидатовъ на должности учителей земскихъ школъ. Естественнымъ послѣдствіемъ такого преобладанія подобныхъ лицъ въ названномъ уѣздѣ явилось стремленіе обратить школьное преподаваніе въ орудіе пропаганды не только противъ существующихъ государственнаго и общественнаго строя, но и противъ религіи. При чтеніяхъ по естествовѣдѣнію развивалась мысль, что нѣтъ божества и что въ мірѣ наблюдается только дѣйствіе силъ природы и т. п. Между прочимъ, на квартирѣ одного изъ народныхъ учителей Новоторжскаго уѣзда найденъ складъ революціонныхъ изданій, причемъ выяснено, что эти изданія распространялись народными учителями среди учениковъ и черезъ посредство ихъ и въ средѣ взрослаго населенія. Обнаружено, что учителя читали учени-

жамъ литературныя произведенія, разсчитанныя на возбужденіе умовъ противъ правительства и церкви, а чтенія произведеній, дозволенныхъ къ обращенію въ школахъ, сопровождались объясненіями, направленными къ утвержденію въ умахъ слушателей противогосударственныхъ воззрѣній и къ колебанію началъ вѣры и нравственности; напримѣръ, чтеніе «Капитанской дочки» Пушкина сопровождалось туманными картинами, изображавшими повѣшеніе дворянъ мятежной черныо, и соотвѣтственными поясненіями. Насколько настойчиво проводилось подобное тлетворное направленіе преподаванія, видно изъ того, что во многихъ учебныхъ тетрадяхъ учениковъ народныхъ училищъ, въ изложеніи прочитаннаго ими на урокахъ, усмотрѣны возмутительныя и дерзко-кощунственныя сужденія о церкви и духовенствѣ.

При такомъ положеніи школьнаго дѣла въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Тверской губерніи знаменательнымъ представляется постановленіе губернскаго земскаго собранія минувшаго года по школьному вопросу въ Тверскомъ уѣздѣ. Войдя безъ особыхъ къ тому основаній въ обсужденіе ходатайства тверского уѣзднаго земства о передачѣ земскихъ школъ духовному вѣдомству, губернское земское собраніе постановило принять по отношенію къ названному земству цѣлый рядъ карательныхъ мѣръ, а именно: закрыть уѣзду, со времени передачи школъ духовенству, кредитъ на медикаменты и учебныя пособія, потребовать немедленно возврата всѣхъ ссудъ, выданныхъ ему изъ школьно-строительнаго капитала, и т. д., причемъ, какъ значится въ утвержденномъ собраніемъ докладѣ, земское собраніе вполнѣ сознавало, насколько тяжело отразятся предложенныя мѣры на населеніи Тверского уѣзда.

Все изложенное въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что вновь избранный на трехлѣтіе 1904—1906 гг. составъ тверской губернской и новоторжской уѣздной земскихъ управъ не даетъ основанія ожидать устраненія указанныхъ выше печальныхъ явленій, и что послѣднее тверское очередное губернское собраніе, найдя время для весьма подробнаго обсужденія упомянутаго ходатайства тверского уѣзднаго земства, разошлось ранѣе срока, положеннаго для его занятій, не приступивъ къ разсмотрѣнію земской смѣты на 1904 годъ, поставило министра внутреннихъ дѣлъ въ необходимость представить Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшій докладъ о принятіи особыхъ мѣръ къ упорядоченію дѣятельности земскихъ учрежденій Тверской губерніи. Высочайшее по сему докладу повелѣніе состоялось 8-го сего января. Устраняя главнѣйшія изъ обстоятельствъ, препятствующихъ правильному теченію земскаго дѣла въ Тверской губерніи, указанныя Высочайшимъ повелѣніемъ мѣры могутъ облегчить возможность благонамѣреннымъ лицамъ въ составѣ земскихъ учрежденій водворить въ нихъ порядокъ и придать ихъ дѣятельности согласное съ закономъ и дѣйствительными потребностями населенія направленіе.

— Министры: внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и юстиціи и оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, на основаніи примѣчанія къ ст. 148 ус. ценз. и печ., свод. зак. т. XIV, изд. 1890 г., въ совѣщаніи 4-го сего января постановили: совершенно прекратить изданіе газеты «Русская Земля», выходящей въ свѣтъ въ С.-Петербургѣ.

— Министръ внутреннихъ дѣлъ, 6-го января 1904 года, опредѣлилъ: вновь допустить розничную продажу нумеровъ газеты «Новости», воспрещенную распоряженіемъ отъ 5-го декабря минувшаго года.

— Министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ разрѣшить съ 1-го января 1904 г. выпускъ въ свѣтъ пріостановленнаго распоряженіемъ отъ 24-го августа журнала «Развлеченіе», перешедшаго нынѣ въ собственность пот. поч. гр. Николая Пастухова.

---

† ДМИТРІЙ АНДРЕЕВИЧЪ КОРОПЧЕВСКІЙ.

(Некрологъ).

18-го декабря 1903 года отъ болѣзни сердца скончался скромный труженикъ-писатель Дмитрій Андреевичъ Коропчевскій. Имя покойнаго не пользуется широкою извѣстностью въ настоящее время, а между тѣмъ за нимъ числится не мало заслугъ, которыя должны бы по справедливости быть оцѣнены русскимъ обществомъ. Въ настоящее время, не располагая всѣмъ необходимымъ матеріаломъ для того, чтобы дать всестороннюю оцѣнку дѣятельности покойнаго, мы хотѣли бы, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ напомнить читателю, въ чемъ заключалась эта, въ высшей степени разнообразная дѣятельность Д. А.

Внѣшними событіями жизнь Д. А., протекшая въ ежедневномъ усидчивомъ трудѣ, не богата. Родился Д. А. 5-го іюля 1842 года. Въ 1852 году поступилъ въ 4-ую московскую гимназію, которую окончилъ съ золотою медалью. Въ 1863 году поступилъ на физико-математическій факультетъ Московскаго университета и окончилъ его со степенью кандидата по отдѣленію естественныхъ наукъ въ 1867 году. Съ этого же года началась его литературная дѣятельность, не прекращавшаяся вплоть до самой смерти въ теченіе болѣе 35 лѣтъ. Началъ Д. А. съ мелкихъ театральныхъ рецензій и замѣтокъ о театрѣ, страстнымъ поклонникомъ котораго онъ былъ всегда; помѣщались эти замѣтки въ московскихъ газетахъ и періодическихъ изданіяхъ *). Въ томъ же 1867 году Д. А. переѣхалъ въ С.-Петербургъ. Въ 1868 году онъ принимаетъ участіе въ издававшемся подъ редакціей Тиблена литературномъ, научномъ и политическомъ журналѣ «Современное Обозрѣніе», гдѣ имъ помѣщаются въ отдѣлѣ беллетристики разсказы за подписью Таранскій, а также статьи въ научномъ отдѣлѣ, гдѣ принимали также участіе В. В. Лесевичъ и П. Л. Лавровъ. Но послѣ выхода 6-й книжки журналъ прекратилъ свое существованіе. Съ октября 1870 года Д. А. Коропчевскій вмѣстѣ съ Хлѣбниковымъ и Гольдсмитомъ издаетъ ежемѣсячный журналъ «Знаніе»; однимъ изъ редакторовъ журнала также былъ Д. А. Вначалѣ это былъ чисто научный и критико-библіографическій журналъ, но съ 1873 года программа его расширяется введеніемъ отдѣловъ политико-экономическаго и юридическаго. Главной задачей

*) Важнѣйшія данныя о литературной дѣятельности Д. А. К. любезно сообщены намъ П. В. Быковымъ.

журнала было знакомить читателей съ результатами всѣхъ отраслей положительной науки. Въ журналѣ сотрудничали: Ю. Янсонъ, И. Лучицкій, М. Драгомановъ, В. Майковъ, Ѳ. Бредихинъ. Въ числѣ переводныхъ статей въ «Знаніи» были напечатаны: «Происхожденіе человѣка и половой подборъ» Дарвина, «Изученіе соціологіи» Спенсера, статьи Гельмгольца, Лёббока, Тиндаля и пр. Въ этотъ же періодъ изданъ Д. А. Коропчевскимъ рядъ цѣнныхъ переводовъ, напр.: «Первобытная культура» Тэйлора (Спб. 1872 г.) и «Начала цивилизаціи» Дж. Лёббока (Спб. 1876 г.). Въ «Знаніи» были также напечатаны статьи Д. А. подъ заглавіями: «Реальныя основы мистическихъ явленій», «Миѳы дѣтскихъ сказокъ», «Переселеніе народовъ» (эмиграція и иммиграція). Въ 1873 году была напечатана Д. А. въ спеціальномъ изданіи «Сборникъ сочиненій по судебной медицинѣ, гигіенѣ и пр.», большая статья, обратившая на себя вниманіе, подъ заглавіемъ: «Искусственное искаженіе половыхъ органовъ у дикихъ народовъ». «Знаніе» просуществовало до апрѣля 1877 года, когда журналъ былъ закрытъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ Д. А. Коропчевскій лишился и небольшого своего состоянія, которое ушло на покрытіе долговъ по изданію «Знанія». Съ 1878 г. Д. А. вмѣстѣ съ И. А. Гольдсмитомъ редактируетъ научный, литературный и политическій журналъ «Слово», просуществовашій до 1881 года. Въ журналѣ приняли участіе: Надсонъ, Засодимскій, Курочкинъ, Каронинъ, Миртовъ, И. Янжулъ, Каблицъ-Юзовъ, Е. Де-Роберти. Въ «Словѣ» Д. А. были напечатаны статьи подъ заглавіями: «Родовое начало въ древнемъ обществѣ» и «Родовыя учрежденія у классическихъ народовъ». Вообще, восьмидесятые годы были тяжелымъ періодомъ жизни Д. А. Очутившись съ закрытіемъ «Слова» въ положеніи рядового рабочаго на литературномъ рынкѣ, онъ перенесъ не мало матеріальныхъ невзгодъ: достаточно будетъ сказать, что для сокращенія всегда скромныхъ своихъ личныхъ расходовъ онъ принужденъ былъ выѣхать изъ Петербурга—положеніе, крайне неудобное для постояннаго сотрудника многихъ изданій. Къ восьмидесятымъ годамъ относится сотрудничество Д. А. во «Всемірной Иллюстраціи» и ежемѣсячномъ къ ней приложеніи «Трудъ», а также въ журналѣ «Наблюдатель». Во всѣхъ трехъ названныхъ изданіяхъ Д. А. помѣщаетъ повѣсти, разсказы, романы и въ то же время ведетъ научную хронику. Такъ, во «Всемірной Иллюстраціи» за 1889 г. находимъ его повѣсть «Радужная пыль» (за 1889 г.) подъ псевдонимомъ Г. Таранскій, «Конецъ міра» Фламмаріона пер. Д. А. (1893 г.), «Цѣна жизни», разсказъ за подписью Д. А. Коропчевскій (1894 г.). Въ «Трудѣ» (1889 г.) печатается его романъ подъ заглавіемъ: «Золотое сердце». Тамъ же находимъ его научныя и критическія статьи: «Рабство въ древнемъ мірѣ», «Природа въ древней и новой поэзіи» (обѣ 1889 г.), «Письма о литературныхъ вопросахъ» (художники-реалисты) и «Психологія войны» (за 1890 г.), «Таинственный материкъ» (историко-географическій очеркъ) и «Подборъ въ человѣчествѣ» (за 1891 г.), «Сношенія между Старымъ и Новымъ свѣтомъ до Колумба» (за 1892 г.). Въ научной хроникѣ находимъ статьи подъ заглавіями: «Борьба съ бугорчаткой», «О сочиненіи Стэнли», «Пальмы на сѣверѣ», «Подводныя горы и пропасти», «Подъемныя силы», «Воздушное электричество».

Къ восьмидесятымъ годамъ относятся также слѣдующія изданія и статьи Д. А. «Разсказы про дикаго человѣка» (Москва 1887), выдержавшее съ тѣхъ поръ нѣсколько изданій и далѣе въ серіи «Современная наука» очерки: «Народное предубѣжденіе противъ портрета», «Волшебное значеніе маски», «Древнѣйшій спортъ» (1889 г.). Далѣе: «Д. Ливингстонъ» въ библіографической библіотекѣ Ф. Павленкова (1889 г.), «Меланезійцы» (1889 г. Спб.), «Полинезійцы» (1889 г. Спб.) и «Микронезійцы» (1889 г. Спб.). Выше мы уже говорили объ увлеченіи Д. А. театромъ. Живя въ Москвѣ, Д. А. былъ близко знакомъ съ дѣятелями сцены. Отголоскомъ этого времени служатъ двѣ статьи его, помѣщенныя въ «Ежегодникѣ Императорскихъ театровъ», сезонъ 1895—1896 г.г., книжка 3-ья приложеній. Статьи подписаны полной фамиліей и носятъ заглавія: «Сергѣй Васильевичъ Васильевъ» и «Сергѣй Васильевичъ Шумскій» (изъ воспоминаній о московскомъ театрѣ).

Начало 90-хъ годовъ является поворотнымъ моментомъ въ дѣятельности Д. А. Коропчевскаго: изъ литератора онъ постепенно превращается въ ученаго и преподавателя. Къ этому времени Д. А. сдалъ магистерскій экзаменъ по каѳедрѣ географіи и антропологіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ и началъ работать надъ сочиненіемъ—своей магистерской диссертаціей. Всѣ его работы и печатныя статьи носятъ съ этихъ поръ научно-популярный характеръ и сгруппированы вокругъ его спеціальности: географіи и антропологіи. Къ вышеупомянутымъ «Разсказамъ про дикаго человѣка» можно прибавить слѣдующія названія: «Краткое народовѣдѣніе» д-ра Шурца, перев. Д. А. К. (Спб. 1895 г.), «Времена года», «Исторія горы и исторія ручья» (передѣлка Реклю), «Прежде и теперь» (культурно-историческіе популярные очерки), «Первобытный человѣкъ», «Дикій человѣкъ». Далѣе идутъ: изданные въ Москвѣ К. И. Тихомировымъ: «Введеніе въ политическую географію» (1902 г.) и «Первые уроки этнографіи» (1903 г.) и отдѣльныя статьи въ «Самообразованіи» Рамма «О преподаваніи этнографіи въ средней школѣ», въ «Живописной Россіи» Вольфа статья: «Этнографія—наука и этнографія—литература» за 1901 г. Упомянемъ еще участіе Д. А. въ изданіяхъ О. Н. Поповой, въ издательской фирмѣ «Знаніе», въ «Читальнѣ народной школы», изд. А. А. Слѣпцова, и, наконецъ, пореводы капитальныхъ сочиненій: «Африка» Сиверса и двухъ большихъ томовъ «Народовѣдѣнія» Фр. Ратцеля, изд. товарищества «Просвѣщеніе», къ которымъ Д. А. написалъ дополненіе подъ заглавіемъ: «Расовая и этническая группировка человѣчества». Къ этой же серіи работъ относится изданный Вольфомъ этнографическій атласъ Лейтсмана съ текстомъ Киргофа, пер. Д. А. Коропчевскаго.

Смерть застала Д. А. надъ корректурными листами его магистерской диссертаціи, получившей названіе: «Значеніе географическихъ провинцій въ этногенетическомъ процессѣ». Девять листовъ этого сочиненія уже отпечатаны, остальное осталось въ видѣ рукописи. Въ этомъ сочиненіи Д. А. подошелъ къ рѣшенію наиболѣе трудныхъ по своей сложности и запутанности, и вмѣстѣ съ тѣмъ основныхъ вопросовъ антропологіи—къ ученію о расѣ, о вліяніи климата и географической среды въ широкомъ смыслѣ на образованіе и развитіе этническихъ признаковъ въ человѣческихъ группахъ. Этими словами мы

должны пока ограничиться, говоря объ этомъ сочиненіи, такъ какъ для всесторонней его оцѣнки необходимо знакомство съ нимъ въ цѣломъ; мы же имѣли въ рукахъ лишь отпечатанные 9 первыхъ листовъ.

Въ журналѣ «Міръ Божій» Д. А Коропчевскій принималъ участіе въ естественнонаучномъ отдѣлѣ и помѣстилъ рядъ рецензій по этнографіи, антропологіи и географіи, очеркъ «Пещерные люди» (92 г.) и редактировалъ переводъ «Исторіи культуры» Дюкудрэ (отд. III, 95 и 96 гг.).

Остается еще сказать о преподавательской дѣятельности Д. А. Съ 1897 года Д. А. преподаетъ географію на женскихъ педагогическихъ курсахъ, преобразованныхъ въ прошломъ году въ женскій педагогическій институтъ. О дѣятельности Д. А. въ качествѣ преподавателя на курсахъ намъ извѣстно мало; изъ личныхъ разговоровъ съ Д. А. о его дѣятельности на курсахъ вспоминается лишь то замѣтное удовольствіе, которое онъ высказывалъ по поводу того, что ему удалось ввести въ учебную программу института особый курсъ антропогеографіи съ этнографіей.

Послѣ смерти проф. Петри съ 1900 г. Д. А. Коропчевскій читалъ лекціи по антропологіи и этнографіи въ качествѣ пр.-доцента въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Объ этой сторонѣ его дѣятельности мы имѣемъ свѣдѣнія, сообщенныя его бывшимъ слушателемъ Д. Т. Яновичемъ. Вотъ названія тѣхъ курсовъ, которые были прочитаны Д. А. въ недавніе годы его профессорской дѣятельности: 1) Общая этнологія съ антропологическимъ введеніемъ. 2) Этнографія черной и желтой расы. 3) Технологія народовъ и 4) Сравнительная миѳологія—послѣдній курсъ былъ только начатъ и слушатели успѣли прослушать лишь одно введеніе въ этотъ курсъ. Недостатка въ слушателяхъ у Д. А. никогда не было: онъ не зналъ пустой аудиторіи. Его лекціи охотно посѣщались студентами разныхъ факультетовъ, натуралистами, филологами и юристами, которые, иногда случайно попавъ въ тѣсное и неприглядное помѣщеніе антропологическаго кабинета, нерѣдко становились его усердными посѣтителями. Къ своимъ слушателямъ Д. А. всегда относился съ удивительной предупредительностью и сердечностью, нерѣдко по долгу бесѣдуя съ каждымъ изъ нихъ объ интересующемъ ихъ вопросѣ; многихъ онъ приглашалъ къ себѣ на домъ, снабжалъ литературой для работъ на взятую тему, нерѣдко самъ переводилъ изъ книгъ на иностранныхъ языкахъ нужныя для сочиненія мѣста; въ особенности-же цѣнили въ немъ умѣнье поддержать бодрое настроеніе и охоту къ самостоятельной работѣ въ той или иной научной области. Учащаяся молодежь несомнѣнно утратила въ немъ истиннаго друга, всегда готоваго поддержать всякаго къ нему обратившагося въ трудную минуту. Къ студентамъ онъ относился какъ старшій товарищъ и это простое, привѣтливое отношеніе чувствовалось сразу всякимъ, кто хоть разъ имѣлъ случай обратиться съ чѣмъ-нибудь къ Д. А. Кромѣ того, Д. А. читалъ лекціи по этнографіи на педагогическомъ съѣздѣ учителей и учительницъ въ іюнѣ 1902 года въ г. Саратовѣ.

Мы очень затруднились бы перечислить всѣ тѣ дѣла и культурныя начинанія, гдѣ Д. А. принималъ дѣятельное участіе; вотъ нѣкоторыя изъ нихъ, которыя относятся къ послѣднему времени и у всѣхъ на памяти. Д. А. при-

нялъ участіе въ выработкѣ программъ по географіи для училища кн. Тенишева въ С.-Петербургѣ, для С.-Петербургскаго учительскаго института; участвовалъ въ работахъ по изданію международной библіографіи по точнымъ наукамъ, издаваемой въ Лондонѣ; принялъ участіе въ засѣданіяхъ особой предварительной коммиссіи по организаціи этнографическаго отдѣла русскаго музея императора Александра III, наконецъ, въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ былъ предсѣдателемъ антропологическаго общества при С.-Петербургскомъ университетѣ.

Намъ кажется, что этаго бѣглаго фактическаго очерка дѣятельности Д. А., гдѣ многое, съ увѣренносью можно сказать, пропущено, вполнѣ достаточно, чтобы составить себѣ нѣкоторое представленіе о томъ, чѣмъ русское общество и русское просвѣщеніе обязаны покойному. И все-же, подводя итогъ этой дѣятельности и принимая во вниманіе разнообразныя способности Д. А., его большія и чрезвычайно разнообразныя познанія, невольно думаешь о томъ, что отъ Д. А. получено далеко не все, что онъ могъ бы дать при болѣе благопріятно сложившихся обстоятельствахъ его личной жизни и иныхъ условіяхъ нашей общественной жизни.

20-го декабря 1903 года Д. А. Коропчевскій похороненъ на Волковомъ кладбищѣ въ двухъ шагахъ отъ могилы Г. И. Успенскаго.

Н. Могилянскій.

ИЗЪ ОБЛАСТИ БЛАГИХЪ ПОЖЕЛАНІЙ.

(3-й съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію).

I.

Нынѣшнія святки, подобно прошлогоднимъ, явились исключеніемъ: умственная жизнь не только не остановилась временно, но разгорѣлась съ особой силой. И электротехника, и гинекологія, и профессіональное образованіе—цѣлыхъ три съѣзда встрѣтили новый годъ на берегахъ Невы. Только что закончился и пироговскій съѣздъ.

Съѣзды эти внесли необычное оживленіе въ русскую общественную жизнь. Надо ли удивляться? Въ то время какъ промышленные съѣзды, съѣзды порайонные и всероссійскіе, все увеличиваются въ своемъ числѣ, все расширяютъ свое вліяніе, съѣзды представителей нашей образованности происходятъ такъ рѣдко, съ такими затрудненіями—ихъ голосъ не находитъ себѣ вліятельныхъ слушателей... Одни засѣданія проходили веселѣе, другія—поскучнѣй. И тѣ, и другія заполняли своими отчетами страницы газетъ, мелькая столбцами сѣраго петита. Въ промежуткахъ между засѣданіями совершались совмѣстные осмотры достопримѣчательностей столицы...

Вотъ ораторы разъѣхались по своимъ уголкамъ, и товарищескій обмѣнъ мнѣній изъ узкихъ рамокъ столицы разнесется далеко-далеко...

Безъ сомнѣнія, третій съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и про-

фессіональному образованію въ Россіи, открывшійся 25-го декабря въ гостепріимно открытыхъ аудиторіяхъ университета и закрытый 4-го января этого года, коснулся особенно животрепещущей стороны нашей общественности.

Въ настоящее время населеніе доведено до сознанія значенія для него образованія *самой силой вещей*. Московскій агрономическій съѣздъ, всероссійскій съѣздъ дѣятелей по кустарной промышленностеи, недавно закончившіе свои работы комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, даже тѣ съѣзды, которые все увеличиваются въ количествѣ, все расширяютъ свое вліяніе—развѣ они не показываютъ ежечасно, ежеминутно, что съ темнотой народной далеко не уйдешь, что образованіе нужно, неотложно нужно? Что же мы видимъ? Въ началѣ прошлаго вѣка бюджстъ министерства народнаго просвѣщенія составлялъ 2,5%, всего бюджета, въ концѣ—2,6%, т.-е. то же мѣсто занималъ. Послѣ 1892 г. сумма эта, 22 милліона, была урѣзана. Лишь въ 1898 г. бюджетъ перешагнулъ за 26 милл. Но, увы! общегосударственный бюджетъ не стоитъ на одномъ мѣстѣ: 26 милл. составляли 2% по отношенію къ нему. Въ виду предстоявшей реформы бюджетъ министерства опять увеличивается. Въ 1902 г. онъ составлялъ абсолютно—36,6 милл., по отношенію къ общему бюджету—1,9%. На этомъ обстоятельствѣ въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ всеподданнѣйшихъ докладовъ остановился С. Ю. Витте. Онъ указалъ на то, что кромѣ министерства народнаго просвѣщенія на нужды образованія отпускаютъ другія вѣдомства, что сумма, ассигнованная на этотъ предметъ, составляетъ не 36,6 милл., а 74,8—3,7% общаго бюджета. За десятилѣтіе,—замѣтилъ бывшій министръ,—расходы казны на народное образованіе возрасли вдвое—съ 37,4 милл. до 74,8 милл. Безспорно, это такъ. И все же ростъ народнаго образованія ничтоженъ, крайне ничтоженъ. Даже дворянство, даже «купечество россійское» не въ состояніи выставить изъ среды своей достаточное количество лицъ съ однимъ среднимъ образованіемъ. Сравните, напримѣръ, русскаго и западно-европейскаго капиталиста въ отношеніи знанія дѣла, умѣнія стать выше рутины! Если такова образованность нашего дворянства и нашей буржуазіи, которымъ такъ облегченъ доступъ во всѣ учебныя заведенія, то что сказать о народѣ?

И если никакія стѣны не могутъ задержать проникновенія къ намъ вмѣстѣ съ западно-европейскими формами развитія и западно-европейской культуры, если всѣ взоры устремлены на этотъ процессъ, то понятно, съ какой силой приковываетъ къ себѣ вниманіе всякій фактъ, всякое событіе, такъ или иначе бросающій свѣтъ въ эту сторону.

Вотъ почему съѣздъ, о которомъ мы говоримъ, оказался такимъ живымъ, такимъ интереснымъ. Съѣздъ, имѣвшій цѣлью «выясненіе положенія и потребностей техническаго и профессіональнаго образованія, а также разрѣшеніе вопросовъ, касающихся этого образованія» *), не могъ не выйти за эти предѣлы. Уже съ самаго начала всплыла, забилась струйка общественности, въ

*) Положеніе о третьемъ съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ Россіи.

лучшемъ смыслѣ слова, и не покидала съѣздъ до конца. Профессора, земскіе дѣятели, учителя, учительницы, статистики, занимающіеся школьными вопросами, присяжные повѣренные—вся эта масса росла. Видно было, что собираются не люди узкой спеціальности, а общественные люди, говорящіе о наболѣвшихъ нуждахъ. Правда, согласно положенію, «публика допускается лишь на торжественныя собранія и сообщенія, которыя не сопровождаются преніями; въ обыкновенныхъ же засѣданіяхъ секцій, на которыхъ происходитъ чтеніе и обсужденіе докладовъ, принимаютъ участіе только члены съѣзда» *), но однихъ членовъ было свыше 2,000 человѣкъ. Ихъ доклады выдвинули эти нужды въ ихъ непосредственной наготѣ.

II.

Съѣзды дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ Россіи возникли по инициативѣ постоянной коммиссіи по техническому образованію при Императорскомъ русскомъ техническомъ обществѣ, когда послѣдовало въ 1888 г. Высочайше утвержденное положеніе о промышленности. Первый съѣздъ состоялся въ С.-Петербургѣ въ 1889 г., второй—въ Москвѣ въ 1895 г.

Организаціонный комитетъ перваго съѣзда былъ раздѣленъ на 12 секцій, слитыхъ въ шесть отдѣловъ: I—высшія учебныя заведенія, II—реальныя и коммерческія училища, III—среднія и низшія техническія учебныя заведенія, IV—сельско-хозяйственное образованіе, V—профессіональныя училища министерства путей сообщенія и VI—мореходные классы. Второй съѣздъ былъ раздѣленъ на 14 секцій, но здѣсь замѣтно уже нѣчто новое: кромѣ только что названныхъ, въ организаціонный комитетъ второго съѣзда входятъ секція школьной гигіены, секція обученія слѣпыхъ, глухонѣмыхъ и ненормальныхъ дѣтей, секція *общихъ вопросовъ*, касающихся профессіональнаго образованія. *Интересы труда впервые признаются настолько важными, что образуютъ особую секцію—ремесленнаго ученичества.* Еще дальше идетъ послѣдній съѣздъ. Здѣсь выдѣляется не только секція ремесленнаго ученичества, *но и секція образованія рабочихъ, и секція ремесленныхъ учебныхъ заведеній и учебныхъ ремесленныхъ мастерскихъ.* Раньше ихъ не было. Мало того, самой живой, самой многолюдной была десятая секція. Нѣкоторые чуждые съѣзду люди даже ставили ей въ упрекъ шумливость. Отчего это? Да оттого, что слишкомъ много надо было сказать, а времени было мало; оттого, что обширная зала университета иногда не могла вмѣстить всѣхъ, желавшихъ попасть въ нее. Нѣтъ, этотъ притокъ людей, большей частью, съѣхавшихся изъ провинціи, это «отсутствіе зачастую дѣловитости и хладнокровія» **) представляли знаменательное явленіе: они были яснымъ показателемъ того, что съѣздъ озабоченъ больше всего интересами народной массы.

*) Iibidem.

**) „Новое Время“, 1904 г., 5-го января.

Итакъ, мы имѣемъ передъ собой вполнѣ опредѣленную тенденцію. Нельзя не признать ее соотвѣтствующей самой глубинѣ русской современности. Вопросъ о томъ — «быть или не быть капитализму въ Россіи» отошелъ въ область преданій. Нѣтъ спору—Россія представляетъ благопріятную почву для капиталистическаго развитія. Огромныя, далеко неисчерпанныя богатства, многочисленное населеніе, быстро переходящее отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, таможенная система, ревниво охраняющая рынокъ — гдѣ и развернуться капиталу, какъ не въ Россіи. Тѣмъ, однако, живучѣе другой вопросъ: почему капитализмъ встрѣчаетъ у насъ непреодолимыя препятствія? почему капиталистическая Россія отстаетъ отъ всѣхъ другихъ капиталистическихъ странъ? Вѣдь, исторія промышленнаго развитія показываетъ, что народы страдаютъ не столько отъ развитія капитализма, сколько отъ недостатка этого развитія. Если бы потребовалось дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, мы сказали бы: эти препятствія ничего общаго не имѣютъ съ самимъ капитализмомъ. Они лежатъ въ тѣхъ условіяхъ, унаслѣдованныхъ нами, которыя рано или поздно капитализмъ и разрушитъ, чтобы тѣмъ самымъ сыграть у насъ ту же роль, что и на Западѣ. И среди нихъ одно изъ крупнѣйшихъ препятствій это—*некультурность рабочаго человѣка.*

Что сдѣлано у насъ для поднятія умственнаго уровня рабочихъ? Перечень всѣхъ мѣръ въ этомъ направленіи прямо ничтоженъ. Нѣсколько школъ для рабочихъ, устроенныхъ постоянной коммиссіей по техническому образованію въ Петербургѣ, нѣсколько воскресныхъ школъ, разбросанныхъ въ фабричныхъ районахъ, еще меньшее число такихъ школъ въ Москвѣ, организованныхъ мѣстной коммиссіей по техническому образованію — такъ обстоитъ дѣло въ столицахъ. Что же въ провинціи? Что имѣется для сотенъ тысячъ ремесленниковъ и кустарей? Если попытка распространенія образованія среди рабочихъ говоритъ о томъ, что вопросъ этотъ, по крайней мѣрѣ, существуетъ, то въ мірѣ мелкой промышленности даже и вопроса не существуетъ... Вотъ почему еще и теперь по отношенію къ русской промышленности остается глубоко сраведливымъ замѣчаніе Гакстгаузена: «рабочія руки дороги въ Россіи». Напр., въ Англіи на 1.000 веретенъ приходится трое рабочихъ, въ Россіи— 16,6 рабочихъ. Получая въ четыре раза высшую плату, англійскій рабочій обходится дешевле фабриканту, чѣмъ русскій. «Всѣ компетентные люди считаютъ главной причиной медленной эксплоатаціи выдающихся естественныхъ богатствъ Россіи невысокое качество русскаго труда» *).

Итакъ, центръ тяжести въ образованіи производителя. Кто же долженъ нести расходы по образованію? Кому должно быть ввѣрено дѣло? Каковъ долженъ быть характеръ того образованія, которое предоставляется труженику?

При разработкѣ вопросовъ матеріальнаго свойства не было полетовъ въ область неосязаемаго: было сказано то, что нужно. Предлагались, конечно, и частичныя мѣры, но частичныя мѣры, по мнѣнію съѣзда,—палліативы, на-

---

*) Шульце-Геверницъ. „Очерки общественнаго хозяйства и экономической политики Россіи". Пер. съ нѣм. Спб. 1901 г., стр. 115.

добность въ которыхъ отпадаетъ сама собой, если хозяева, которымъ школа, обучающая рабочихъ, приноситъ выгоды, повышая работоспособность послѣднихъ, будутъ признаны обязанными нести всѣ расходы, вызываемые школой. Сводъ законовъ относится чрезвычайно бережно къ затратамъ хозяевъ на образованіе рабочихъ. «При невозможности приспособить существующія начальныя училища для удобнаго посѣщенія оныхъ малолѣтними рабочими,—читаемъ мы въ уставѣ о промышленности (ст. 116) — фабричная инспекція обращается объ устройствѣ для означенной надобности особыхъ школъ къ мѣстному учебному начальству. Послѣднее, съ своей стороны, принимаетъ всѣ зависящія мѣры къ учрежденію подобныхъ училищъ и входитъ по сему предмету въ сношенія съ подлежащими земствами, городскими или сельскими обществами, церковно-приходскими попечительствами и тѣми частными лицами, отъ которыхъ возможно ожидать содѣйствія дѣлу начальнаго образованія». Здѣсь всѣ фигурируютъ: и города, и земства, и попечительства, и частныя лица—отсутствуютъ только владѣльцы фабрикъ и заводовъ. Впрочемъ, владѣльцамъ фабрикъ, заводовъ и мануфактуръ «предоставляется открывать при оныхъ школы для первоначальнаго обученія малолѣтнихъ рабочихъ» *), т.-е. законъ предоставляетъ имъ *право* заводить школы: хотите — заводите, препятствій начинанію не будетъ; не хотите — и безъ школъ обойдется... Само собою разумѣется, владѣльцы не спѣшили и не спѣшатъ воспользоваться такимъ правомъ. Образованіе рабочихъ массъ зависитъ отъ стеченія обстоятельствъ — отъ богатства или бѣдности, отъ доброй воли частнаго лица и проч., а если въ болѣе крупныхъ предпріятіяхъ и сдѣланы двѣ-три попытки, то это — капли въ морѣ, отъ которыхъ можетъ быть ни тепло, ни холодно. Естественно, кажется, заключить, что право владѣльцевъ открывать школы для рабочихъ равносильно полному невѣжеству рабочихъ, что это право должно стать обязанностью, если фабричныя школы не должны быть милостью, падающей со стола доброволъцевъ, тѣмъ болѣе естественно, что идея, вошедшая въ сознаніе русскихъ дѣятелей по техническому образованію, нашла себѣ приверженцевъ и въ оффиціальныхъ сферахъ. Еще въ 1900 г. газеты очень много говорили на эту тему: дѣло въ томъ, что департаментъ торговли и мануфактуръ высказалъ взглядъ, согласно которому владѣльцы промышленныхъ предпріятій могли бы уже быть обязанными строить школы для малолѣтнихъ рабочихъ. Такъ полагалъ департаментъ. Правда, мнѣніе департамента не нашло тогда сочувствія въ министерствѣ финансовъ. Но вскорѣ и само министерство возбудило вопросъ объ учрежденіи при всѣхъ существующихъ въ Россіи фабрикахъ и заводахъ школъ для рабочихъ. Старый предразсудокъ пошатнулся, значитъ, не только въ сознаніи дѣятелей въ области техническаго образованія.

Не менѣе очевидно, кому слѣдуетъ довѣрить дѣло.

Учебное дѣло болѣе, чѣмъ какое-либо другое, требуетъ мѣстнаго, а не центральнаго управленія—въ этомъ сошлись всѣ члены съѣзда. Дѣло просвѣ-

---

*) Ст. 112 устава о промышленности.

щенія должно быть изъято изъ тиши бюрократическихъ кабинетовъ. Развѣ опытъ Англіи,— говорилъ г. Лавриновичъ,—гдѣ почти всѣ отрасли школьнаго дѣла вѣдаются общественными организаціями, гдѣ народное образованіе ввѣрено мѣстнымъ общинамъ, имѣющимъ даже право обязывать родителей посылать своихъ дѣтей въ школу, гдѣ участіе въ школьномъ дѣлѣ государства ограничивается только выдачей субсидіи — развѣ блестящіе результаты этой организаціи ничего намъ не говорятъ? Къ сожалѣнію, строя аналогичный проектъ для нашего отечества, г. Лавриновичъ самъ же забываетъ свой благодѣтельный образецъ. По его проекту, вся Россія дѣлится на особые промышленные районы. Въ каждомъ изъ нихъ образуется окружный совѣтъ по дѣламъ «техническаго (?) образованія», состоящій изъ представителей городского и земскаго самоуправленія, фабричной инспекціи, учебнаго вѣдомства, фабричной и ремесленной промышленности, изъ приглашаемыхъ совѣтомъ лицъ, извѣстныхъ своею дѣятельностью въ сферѣ народнаго образованія — однимъ словомъ, всѣхъ, кромѣ тѣхъ, о комъ г. Лавриновичъ хлопочетъ. Отчего докладчикъ забываетъ самихъ рабочихъ? Совѣту,—говоритъ онъ, принадлежитъ общее завѣдываніе и руководительство дѣломъ образованія рабочихъ всѣхъ категорій своего района; они занимаются разработкой программы курсовъ и школъ, равно какъ разсмотрѣніемъ программъ, внесенныхъ на обсужденіе совѣта извнѣ; опредѣляютъ характеръ тѣхъ школъ и учрежденій, которыя должны быть открыты сообразно мѣстнымъ потребностямъ, подбираютъ комплектъ преподавателей, наблюдаютъ за правильностью постановки дѣла и проч. *). Но кто же обо всемъ этомъ будетъ лучше заботиться, чѣмъ сами рабочіе? Дайте имъ только возможность. Склонность руководить, точно народъ является лишь младенцемъ, характерна, конечно, для нѣкоторыхъ учрежденій. Но какъ ни идеализируетъ народъ интеллигенція, и у нея иногда примиряется съ этой идеализаціей отношеніе сверху внизъ. Конечно, интеллигентъ искренно убѣжденъ, что то, что онъ даетъ народу, дѣйствительно послѣднему нужно; но это еще не значитъ, что это и въ дѣйствительности такъ. И если этотъ младенецъ подчасъ видитъ значительно дольше, чѣмъ сами просвѣтители, то, очевидно, онъ не младенецъ, а товарищъ, съ которымъ надо считаться.

Каковъ же характеръ того образованія, которое нужно пролетаріату, каковъ типъ? Еще на первыхъ съѣздахъ выяснилось: никакое техническое и профессіональное образованіе не приведетъ ни къ какимъ цѣннымъ результатамъ, если не будетъ правильно и плодотворно поставлено *общее* образованіе. Настоятельная необходимость «общихъ вопросовъ» сказалась ко времени второго съѣзда съ такою силой, что цѣлая секція была посвящена этимъ вопросамъ. Черезъ всю же дѣятельность третьяго съѣзда эта идея прошла красною нитью. Въ самомъ дѣлѣ, профессіональная выучка отнюдь не рѣшаетъ тѣхъ задачъ, ко

---

*) Третій съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ Россіи. Секція X. Законодательное попеченіе объ образованіи рабочихъ. Докладъ Ю. Н. Лавриновича.

торыя присущи самой идеѣ образованія. Нельзя не видѣть,—она нужна и фабриканту, и рабочему, фабриканту даже больше, такъ какъ нужда въ технически подготовленныхъ рабочихъ, какъ мы видѣли, очень велика, очень остра; каждый шагъ въ этомъ направленіи можетъ быть разсматриваемъ, какъ новая милость русскому капиталу, который всегда приковывалъ къ себѣ весьма пристальное вниманіе нашего финансоваго вѣдомства. Но что касается образованія въ истинномъ смыслѣ этого слова, то оно не только не рѣшается профессіональной школой, оно просто прячется подъ сукно. Не говоримъ уже о томъ, что значительнѣйшая часть пролетаріата не проходитъ начальной школы: процентъ малограмотныхъ рабочихъ, совершенно неграмотнаго крестьянства, изъ котораго и вербуются новые и новые ряды пролетаріата, настолько значителенъ, что начать просвѣщеніе съ какой-нибудь спеціальности совершенно безполезная затѣя. Что вынесетъ рабочій, кромѣ непониманія, кромѣ разочарованія? Являясь съ самымъ искреннимъ уваженіемъ къ наукѣ, такой слушатель уйдетъ и больше уже не возвратится. Таковъ опытъ большинства курсовъ для рабочихъ, не прошедшихъ начальной школы. Если же петербургская коммиссія по техническому образованію представляетъ счастливое исключеніе,—устроенные ею курсы и школы не только не хирѣютъ, но постепенно улучшаются, привлекая все больше и больше рабочаго люда,—то объясняется это,—какъ справедливо замѣтилъ г. Лавриновичъ,—тѣмъ, что коммиссія не ограничивается тѣсными рамками профессіональнаго образованія, а наряду съ послѣднимъ стремится организовать и общее образованіе *). Не говоримъ и о той прямой связи, которая существуетъ между производительностью труда и *общимъ* образованіемъ: ее замѣчаютъ всѣ, кому приходится жить среди пролетаріата. «Этотъ факторъ—констатируетъ П. М. Шестаковъ—имѣетъ въ данномъ отношеніи *не посредствующее, а самостоятельное значеніе»* **). И. А. Вышнеградскій въ своемъ проектѣ нормальнаго плана промышленнаго образованія такъ и писалъ: «ловкость и навыкъ въ употребленіи пріемовъ производства и умѣнье ихъ надлежащимъ образомъ примѣнять не суть единственныя условія, которыя желательно видѣть осуществленными въ рабочемъ»; отсутствіе общаго образованія у рабочихъ «не дозволяетъ имъ въ большинствѣ случаевъ возвыситься до сознательнаго яснаго пониманія производимой ими работы и тѣмъ самымъ понижаетъ ея достоинство, ставя, такимъ образомъ, преграду надлежащему усовершенствованію промышленности и замедляя возвышеніе заработковъ, которое идетъ гораздо быстрѣе для рабочихъ, находящихъ *въ общемъ своемъ образованіи* средства къ улучшенію или ускоренію даже механическихъ пріемовъ выдѣлки издѣлій». Нѣтъ, важнѣе всего этого слѣдующее. Рабочій прежде всего человѣкъ, и, какъ таковой, нуждается въ общемъ развитіи, въ общемъ образованіи: именно этого и не даетъ профессіональная выучка никогда. Рабочій будетъ хорошимъ придаткомъ къ машинѣ, онъ увеличитъ въ нѣсколько разъ прибавочную стоимость капитала, но духовное его развитіе отъ этого не по-

---

*) Ibidem.

**) См. докладъ П. М. Шестакова „Образовательныя учрежденія и грамотность рабочихъ на мануфактурѣ т-ва „Эмиль Циндель" въ Москвѣ. Курсивъ нашъ.

двинется ни на шагъ. Нѣтъ надобности говорить, что такое положеніе вещей едва ли можетъ быть желательно. Дѣйствительно, министерство финансовъ въ проектахъ и предположеніяхъ, отчасти проникшихъ и въ законодательство, неоднократно высказывало мысль о необходимости завести при фабрикахъ и заводахъ школы, преслѣдующія *общее* образованіе. Иначе, однако, взглянуло оно теперь. Слагая съ себя заботу объ организаціи общаго образованія, оно сосредоточило все свое вниманіе на образованіи строго спеціальномъ. Циркуляръ исключаетъ изъ программы всѣ общеобразовательные предметы, допуская ихъ въ минимальной дозѣ въ исключительныхъ случаяхъ; выборъ предметовъ, преподаваемыхъ на курсахъ, опредѣленіе продолжительности и объема ихъ преподаванія, также степени предварительной подготовки лицъ, поступающихъ на курсы, предоставляются владѣльцамъ промышленныхъ заведеній. И школы, и курсы преслѣдуютъ одну цѣль: дать владѣльцамъ опытныя, технически подготовленныя руки.

Итакъ, альфа и омега съѣзда—это *общее* образованіе. Какого же типа, школьнаго или внѣшкольнаго? Въ ряду вопросовъ, внесенныхъ въ программу съѣзда, одно изъ первыхъ мѣстъ занимало распространеніе знаній «внѣ учебныхъ заведеній установившихся типовъ». Безъ сомнѣнія, русскіе дѣятели по техническому образованію стали на совершенно правильную точку зрѣнія. Система школьнаго образованія достаточно выяснена у насъ и съ количественной, и съ качественной стороны. Даже въ Японіи, населеніе которой въ три раза меньше населенія Россіи, въ 1888 г. было свыше 3 милл. учащихся. У насъ же—по даннымъ 1886 г., одновременно, значитъ—число учащихся едва перевалило за 2 милліона. Какъ велико оно въ послѣдніе годы, видно изъ того, что число школъ относительно упало. Правда, число учащихся возросла—по отношенію къ населенію оно составляло въ 1896 г. 3%, въ 1898 г.—3,2%, но если такое отношеніе типично для Россіи, то оно поднимется до 9% — процента всеобщаго обученія при трехгодичномъ курсѣ — лишь черезъ 60 лѣтъ. Россія вступаетъ въ тѣсныя сношенія съ Европой. Она напрягаетъ всѣ силы, чтобы вооружиться ея завоеваніями и...—лишь черезъ 60 только лѣтъ займетъ въ дѣлѣ всеобщаго обученія положеніе странъ, идущихъ теперь въ хвостѣ европейской цивилизаціи (Италіи, Испаніи)! А программы? «Тамъ о нужномъ часто молчатъ», пишетъ г. Рубакину читатель изъ народа. «Сколько разъ мнѣ приходилось видѣть, какъ нѣкоторые ученики обращались съ вопросами къ своимъ учителямъ и учительницамъ, но тѣ уклонялись отъ отвѣта, говоря, что они не могутъ объяснить этого». «А разъ не найдя отвѣта у школьныхъ учителей, человѣкъ начинаетъ самъ вырабатывать его». Такъ, «народное образованіе» на всѣхъ ступеняхъ народной жизни дополняется народнымъ самообразованіемъ, и не только дополняется—такъ вѣдь бываетъ и вездѣ,—нѣтъ, у насъ въ Россіи, въ силу извѣстныхъ условій, первое *замѣняется* послѣднимъ.

Самый живой докладъ былъ докладъ Н. А. Рубакина, наглядно показавшій всю глубину этого знаменательнаго процесса *). «Во многихъ докладахъ рѣчь

*) Н. А. Рубакинъ. „Къ характеристикѣ самообразованія среди трудящихся классовъ".

шла о работѣ для народа», сказалъ докладчикъ: «я буду говорить о работѣ самого народа». Онъ основывается на цѣломъ рядѣ матеріаловъ, собиравшихся въ теченіе 13 лѣтъ—дневниковъ, писемъ, рукописныхъ сочиненій рабочихъ и крестьянъ и пр.

Борьба за самообразованіе начинается въ самой глубинѣ народной жизни. Это—самообразованіе въ самой тяжелой обстановкѣ, какую только возможно вообразить. Это—борьба за право мыслить и вникать въ окружающую жизнь, борьба за человѣческое достоинство, борьба съ такими препятствіями, который еще не сломила исторія. Это—драма, гдѣ на каждаго побѣдителя имѣются десятки тысячъ побѣжденныхъ. Гдѣ можетъ неграмотный человѣкъ услышать живое человѣческое слово, такое, которое способно дать человѣку пониманіе? Въ силу назрѣвшей нужды, появились свои разсказчики, свои чтецы, странствующіе по деревнямъ и селамъ, съ фабрики на фабрику, съ завода на заводъ. «Одинъ такой начетчикъ,—пишутъ г. Рубакину,—бывшій ткачъ, котораго почему-то долго не принимали на многія фабрики, разсказывалъ въ прошломъ году, что онъ жилъ мѣсяца три такимъ способомъ, самъ учился и другихъ училъ и пропитался чтеніемъ да осталась малая толика на дорогу». Это—творцы современной устной словесности. Обстоятельства, сводящія на нѣтъ книжную и газетную прессу, создаютъ другую—устную, которая создаетъ свои пѣсни и легенды. Народъ выдвигаетъ не только разсказчиковъ и чтецовъ. «Мнѣ приходилось встрѣчать самодѣльныхъ преподавателей изъ народа,—разсказываетъ докладчикъ,—которые чрезвычайно серьезно относились къ своему дѣлу, готовились къ своимъ лекціямъ, а одинъ изъ нихъ, слесарь, года два назадъ бралъ для своей самодѣльной школы, которую посѣщали и неграмотные, коллекціи и приборы изъ подвижного музея техническаго общества и платилъ за нихъ свои деньги». Есть такіе учителя, которые имѣютъ свои программы преподаванія, переходятъ съ фабрики на фабрику. Нѣкоторые изъ нихъ свои лекціи стали, въ концѣ концовъ, печатать. А сотни библіотечекъ, устроенными самими рабочими, на взносы изъ скудной заработной платы? Г. Рубакинъ видѣлъ библіотечки, въ которыхъ было отъ 300 до 500 книгъ—между ними Дарвинъ, Марксъ, Геркнеръ, Блоссъ, главные русскіе классики. Достойно вниманія, что онѣ составляются по спискамъ «лучшихъ книгъ». Тысячи такихъ списковъ ходятъ по рукамъ. За послѣдніе 2—3 года въ библіотечкахъ стали появляться небывалыя произведенія—тетрадки, въ которыя наклеиваются газетныя вырѣзки, характеризующія различныя стороны русской жизни и подобранныя напр., по такимъ вопросамъ: судъ, экономическое положеніе фабрики, экономическое положеніе деревни и пр. Поэты изъ рабочихъ, беллетристы, описывающіе свой бытъ, публицисты, одухотворенные идеей, люди науки, общественной дѣятельности, думающіе думу не о выгодной карьерѣ, а о нуждахъ своего класса—для узкаго эмпирика, можетъ быть, всѣ они представляются исключеніями. Но тотъ, для кого общественная жизнь не исчерпывается областью «факта», увидитъ, что единичность здѣсь только кажущаяся. Рабочій людъ выдвигаетъ свою интелли-

генцію. Прошли времена, когда ея не было. Наконецъ, еще недавно она стремилась уйти изъ своей среды. Теперь она остается въ той же средѣ.

III.

Таковы основныя черты того дѣла, ради котораго съ различныхъ концовъ нашего отечества съѣхались дѣятели по техническому образованію. Мы, однако, преувеличили бы значеніе съѣзда, если бы не указали и на слабую сторону, дававшую себя чувствовать на немъ. Ратуя за достойныя всяческаго поощренія «пожеланія», съѣздъ вмѣстѣ съ тѣмъ мало времени, мало вниманія удѣлялъ той *экономической* обстановкѣ, въ которой только и могутъ быть осуществлены его пожеланія. Вспомнимъ классическія рогожныя фабрики въ Москвѣ. «Начинается работа съ воскресенья съ 9 ч. и всѣ четверо, мужикъ, баба и двое малолѣтнихъ, работаютъ безъ перерыва до 4-хъ утра (мужикъ ткетъ, баба «заправляетъ» станъ, малолѣтніе щиплютъ мочалу); въ 4 часа мужикъ ложится, а остальные работаютъ до 7 ч. утра; въ 7 ч. ложится баба, спитъ до 9 утра; затѣмъ встаетъ, и одинъ малолѣтній ложится до 1 часу дня. Все это время взрослые продолжаютъ работать непрерывно, а второй малолѣтній ложится до 4 ч. вечера; съ 4 вечера и до 2 ночи всѣ работаютъ опять вмѣстѣ безъ передышки; въ 2 часа ложатся, примѣрно, часа на 2, на 3, т.-е. до 4 или 5 часовъ утра и т.-д. *). Или послѣ закона 2 іюня образчикъ г. Янжула устарѣлъ? Но кто не знаетъ, что законъ 2 іюня почти ничего не измѣнилъ въ дѣйствительности. Въ лучшемъ случаѣ, въ распоряженіи рабочаго остается 7, 8, 9 свободныхъ часовъ въ сутки; тутъ и сонъ, и ѣда, и ходьба. Извольте выкроить отсюда что-нибудь и на развитіе! Удивительно ли, если рабочій, съ такимъ уваженіемъ относящійся къ своимъ просвѣтителямъ, съ такою жадностью набрасывающійся на книгу, нерѣдко приходитъ къ убѣжденію, что въ его положеніи, при его трудѣ надо оставить всякую мысль о развитіи. Высказывая благія пожеланія, надо было прежде всего остановиться на условіяхъ, создающихъ полную невозможность идти навстрѣчу пожеланіямъ.

Правда, эти условія были *отчасти* задѣты. Въ этомъ отношеніи большой интересъ представляла секція ремесленнаго ученичества, гдѣ нѣсколько засѣданій было посвящено вопросу о продолжительности рабочихъ часовъ для «учениковъ». Боролись двѣ партіи—съ одной стороны люди культурные и интеллигентные, стремившіеся облегчить положеніе дѣтей, съ другой—ремесленные хозяева. Первые требовали 8 часовъ рабочаго дня для дѣтей съ перерывомъ и 6 часовъ безъ перерыва; вторые же—одинадцати съ половиной часовъ, хотя самъ законъ требуетъ 10 часовъ: «Излишняя свобода дѣйствуетъ-молъ разлагающимъ образомъ не только на дѣтей, но и на подмастерьевъ». Конечно, ихъ голоса не нашли себѣ поддержки. Интересы труда одержали верхъ. Затѣмъ, къ сожалѣнію, секція пошла на компромиссъ: она рѣшила оставить въ силѣ право хозяевъ «примѣненія къ ученикамъ мѣръ домашняго испра-

---

*) Янжулъ. „Фабричный бытъ Московской губерніи", стр. 44.

вленія», исключая тѣлесное наказаніе и лишеніе пищи. Развѣ только отъ лишенія пищи и тѣлесныхъ наказаній страдаютъ «ученики»? Что значатъ эти послѣднія по сравненію съ общимъ гнетомъ, подъ которымъ складывается личность мальчика? Статистика, производящаяся въ московскихъ Рукавишниковскихъ пріютахъ для малолѣтнихъ нарушителей закона, показала, что наибольшій процентъ дѣтей-преступниковъ падаетъ на ремесленниковъ. Но здѣсь не мѣсто останавливаться на этомъ. Въ общемъ—повторяемъ мы—экономическое положеніе вопроса сравнительно мало занимало членовъ.

Но—въ добрый путь!

Какая бы судьба ни постигла пожеланія съѣзда,—мы говоримъ «пожеланія», такъ какъ съѣздъ самъ такъ формулировалъ свое значеніе,—въ одномъ можно не сомнѣваться: нужды, указанныя выше, суть дѣйствительно нужды трудящейся Россіи, все сильнѣе и сильнѣе осязаемыя ею. Несмотря на всѣ задержки, въ пассивную и темную массу брошенъ свѣтъ; многія головы изъ народа не могутъ уже не думать, многія сердца—не чувствовать: бываютъ минуты въ жизни націй, когда такъ называемые вопросы волнуютъ не только единицы, но и массы. Въ такія минуты болѣе, чѣмъ когда-либо, успѣхъ тѣхъ или иныхъ мѣропріятій, касающихся народной жизни, зависитъ отъ пониманія народа, согласія съ его взглядами, сочувствія. Безъ сомнѣнія, эти взгляды совпадаютъ, хотя отчасти, съ господствовавшимъ на съѣздѣ настроеніемъ. Вотъ что, можно сказать, служитъ ручательствомъ за то, что «пожеланія» станутъ на конкретную почву и рано или поздно перейдутъ изъ области теплыхъ словъ въ область мѣропріятій.

Л. Клейнбортъ.

ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

(„Русская Старина"—январь.—„Историческій Вѣстникъ"—январь.—„Русское Богатство"—декабрь.—„Образованіе"—декабрь).

Въ нашемъ прошломъ обозрѣніи мы уже обращали вниманіе читателей на появившееся въ декабрьской книжкѣ «Русской Старины» за истекшій годъ начало крайне интересной статьи г. Дубровина, называющейся «Послѣ отечественной войны». Въ январьской книжкѣ назнаннаго журнала помѣщено продолженіе этой статьи и потому съ ознакомленія съ нею читателей «Міра Божія» мы и начнемъ настоящее журнальное обозрѣніе. Центромъ помѣщенной въ январьской книжкѣ «Русской Старины» части цитируемой статьи г. Дубровина является характеристика главнаго дѣйствующаго лица изображаемой авторомъ эпохи—императора Александра Перваго. Характеръ Александра поддается съ большимъ трудомъ какой-нибудь точной квалификаціи: тутъ все до крайности сложно, сбивчиво, неустойчиво. Черты Ормузда и Аримана переплетены въ характерѣ этого человѣка съ такою необычайною прихотливостью, что всякій историкъ можетъ набрать въ его жизни груды фактовъ, обрисовывающихъ личность императора съ діаметрально противоположныхъ сторонъ и тѣмъ

дающихъ возможность установить на него и діаметрально противоположные взгляды. Эти особенности характера Александра Перваго бросались въ глаза уже давно и именно ихъ отмѣчалъ князь Вяземскій, когда писалъ объ Александрѣ:

Сфинксъ, не разгаданный до гроба,
О немъ и нынѣ спорятъ вновь.
Въ его любви таилась злоба
И въ злобѣ слышалась любовь.
Дитя XVIII вѣка,
Его страстей онъ жертвой былъ,
И презиралъ онъ человѣка,
А человѣчество любилъ.

Положительныя черты этой характеристики едва ли соотвѣтствуютъ истинѣ, но не для того, чтобы соглашаться съ мнѣніемъ князя Вяземскаго или оспаривать его привели мы его стихотвореніе. Мы привели его лишь ради фразы: «о немъ (Александрѣ) и нынѣ спорятъ вновь». Слово «нынѣ» можетъ быть примѣнено и къ нашему также времени.

Вопросъ первый: любилъ ли Александръ Россію, другими словами, былъ ли онъ русскимъ патріотомъ? Казалось бы, иного отвѣта, кромѣ положительнаго, для героя отечественной войны, для человѣка, стяжавшаго себѣ именно на этомъ пути міровую славу и быть не можетъ. Но какъ быть съ многими фактами, вызывавшими искреннее недоумѣніе современниковъ. Напримѣръ:

«Непостижимо для меня,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Михайловскій-Данилевскій (напечатанныхъ въ октябрьской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1890 г.), — какъ 26-го августа (1816 года) государь (онъ былъ тогда въ Москвѣ) не токмо не ѣздилъ въ Бородино и не служилъ въ Москвѣ панихиды по убіеннымъ, но даже въ сей великій день, когда всѣ почти дворянскія семейства въ Россіи оплакиваютъ кого-либо изъ родныхъ, павшихъ въ безсмертной битвѣ на берегахъ Колочи, государь былъ на балѣ у графини Орловой-Чесменской. Императоръ не посѣтилъ ни одного классическаго мѣста войны 1812 года,—Бородина, Тарутина, Малаго Ярославца и другихъ, хотя изъ Вѣны ѣздилъ на Ваграмскія и Аспернскія поля, а изъ Брюсселя — къ Ватерлоо. Достойно примѣчанія, что государь не любилъ вспоминать объ отечественной войнѣ и говорить о ней, хотя она составляетъ прекраснѣйшую страницу въ громкомъ царствованіи его».

Былъ ли Александръ сторонникомъ законности и прочнаго правопорядка въ самомъ широкомъ смыслѣ этихъ словъ? Многое, очень многое, говоритъ, повидимому, за рѣшеніе этого вопроса въ положительномъ смыслѣ.

«Законъ, *коему волю мою покоряю*, — писалъ Александръ Первый въ письмѣ къ князю Александру Михайловичу Голицыну 15-го ноября 1802 г.,— не можетъ быть ни твердъ, ни силенъ, когда колеблютъ его исключеніемъ, и который одинъ всегда единообразно долженъ управлять всѣми отношеніями и обязанностями».

«Какъ скоро я дозволю себѣ нарушать законы,—писалъ Александръ княгинѣ М. Голицыной,—кто тогда почтетъ за обязанность наблюдать ихъ? Быть

выше ихъ, если бы я могъ, но, конечно бы не захотѣлъ, ибо я не признаю на землѣ справедливой власти, которая бы не отъ закона истекала; напротивъ, я чувствую себя обязаннымъ первѣе всѣхъ наблюдать за исполненіемъ его и даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ другіе могутъ быть снисходительны, я могу быть только правосуднымъ. Вы слишкомъ справедливы, чтобы не ощутить сихъ истинъ и не согласиться со мною. Законъ долженъ быть для всѣхъ единственъ».

Къ сожалѣнію,—говоритъ г. Дубровинъ,—на дѣлѣ это не исполнялось и не исполнялось именно потому, что этого, въ сущности, и не желалъ Александръ. У него были свои цѣли, и онъ «умѣлъ ловко уклоняться отъ людей, которые противодѣйствовали избранному имъ образу дѣйствій».

Съ крайнею рѣзкостью охарактеризовалъ такое положеніе вещей графъ С. Р. Воронцовъ въ приводимомъ г. Дубровинымъ его письмѣ къ графу Ѳ. В. Растопчину:

«Всѣ тѣ, — писалъ графъ Воронцовъ, — которые управляютъ страною въ эти послѣднія двѣнадцать или тринадцать лѣтъ, получаютъ направленіе свыше, гдѣ нѣтъ ни знанія, ни благоразумія, ни высокихъ чувствъ, но одна лишь крутая, деспотическая воля, плохо прикрываемая внѣшнею оболочкою кротости и лицемѣрнаго благочестія. Эти люди, находя, что подобныя понятія и подобный характеръ согласуются съ ихъ собственными, пользуются ими...»

Александръ постоянно жаловался на то, что для преобразовательной дѣятельности онъ встрѣчаетъ препятствіе въ фактѣ отсутствія въ Россіи способныхъ на то людей, а между тѣмъ этихъ-то людей онъ менѣе всего и терпѣлъ около себя. Знаменитыя исторіи со Сперанскимъ, Каразинымъ и другими, служатъ тому яркимъ свидѣтельствомъ. Не было предпринимаемо для этой цѣли и никакихъ дѣйствій.

«Въ 1814 г., — пишетъ г. Дубровинъ, — по возвращеніи Александра въ Петербургъ, Г. Р. Державинъ лично поздравилъ его съ одержанными блестящими побѣдами.

«— Да, Гавріилъ Романовичъ,—сказалъ императоръ,—мнѣ Господь помогъ устроить внѣшнія дѣла Россіи, теперь примусь за внутреннія, но людей нѣтъ:

«— Они есть, ваше величество,—отвѣчалъ Державинъ,—но они въ глуши, ихъ искать надобно, безъ добрыхъ и умныхъ людей и свѣтъ бы не стоялъ.

«Однажды Энгельгардтъ въ разговорѣ съ государемъ замѣтилъ, что теперь время приступать къ устройству гражданской части.

«Александръ взялъ его за руку и, пожавъ ее крѣпко, со слезящимися глазами, сказалъ ему:

«— Ахъ! Я это очень хорошо чувствую, но ты видишь, съ кѣмъ я возьмусь».

Какъ въ этихъ, такъ и во многихъ другихъ подобныхъ же случаяхъ Александръ не разспрашивалъ дальше своихъ собесѣдниковъ объ ихъ мысляхъ по данному предмету, не просилъ ихъ указать ему конкретно тѣхъ проживающихъ «въ глуши», людей, о которыхъ они съ нимъ заговаривали, не поручалъ принять какія бы то ни было мѣры къ розысканію тѣхъ именно людей, на отсутствіе которыхъ онъ всегда такъ горько жаловался и сѣтовалъ.

Графъ Кочубей писалъ Сперанскому такія строки:

«При такихъ чувствахъ (Александра) и при недостаткѣ способныхъ людей, какъ бы, казалось, не отыскивать ихъ вездѣ, но тутъ-то и большая загадка, тутъ-то всѣ и теряются. Иные заключаютъ, что государь именно не хочетъ имѣть людей съ дарованіями... Способности подчиненныхъ ему непріятны; однимъ словомъ, тутъ есть что-то непостижимое и чего истолковать не можно».

«Я безпрестанно наблюдалъ императора, — пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Михайловскій-Данилевскій,—и во всѣхъ поступкахъ его находилъ мало искренности; все казалось личиною».

И много другихъ подобныхъ же отзывовъ находится въ запискахъ, воспоминаніяхъ и письмахъ дѣятелей александровской эпохи.

Но если Александръ былъ крайне непостояненъ въ отношеніяхъ къ такимъ людямъ, какъ Сперанскій, Каразинъ и имъ подобные, то къ графу Аракчееву онъ проявилъ необычайно теплыя и отмѣченныя печатью удивительнаго постоянства чувства. Писемъ Александра къ Аракчееву опубликовано уже очень много, всѣ онѣ проникнуты однимъ и тѣмъ же чувствомъ глубокой преданности автора писемъ къ «безъ лести преданному» ему временщику. Александръ нашелъ въ Аракчеевѣ то, именно чего искалъ. Приводимыя г. Дубровинымъ еще неопубликованныя письма Александра къ Аракчееву не содержатъ, поэтому, ничего новаго и лишь лишній разъ подчеркиваютъ тѣ черты характера Александра, которыя казались его современникамъ «непостижимыми». Вотъ отрывки нѣкоторыхъ изъ такихъ писемъ:

«Душевно тебя благодарю за поздравленіе. Я давно привыкъ считать на твою любовь ко мнѣ, но и моя къ тебѣ давно и непреложно существуетъ. Я искренно сожалѣю о твоемъ нездоровьѣ и если удастся, то самъ побываю у тебя».

Однажды Аракчеевъ устроилъ съ хитрымъ разсчетомъ свои дѣла такъ, чтобы не сопровождать отправлявшагося въ Англію государя, и просилъ объ увольненіи его въ отпускъ для поправленія здоровья. Отпускъ ему былъ данъ, причемъ вмѣстѣ съ отпускомъ имъ было получено и такое письмо отъ Александра:

«Съ крайнимъ сожалѣніемъ я разстаюсь съ тобою. Прими еще разъ мою благодарность за столь многія услуги, тобою мнѣ оказанныя и которыхъ воспоминаніе останется навѣкъ въ душѣ моей. Я смущенъ и огорченъ до крайности и себя вижу послѣ четырнадцатилѣтняго управленія, послѣ двухлѣтней разорительной и опаснѣйшей войны лишеннымъ того человѣка, къ которому моя довѣренность была неограниченна всегда. Я могу сказать, что ни къ кому я не имѣлъ подобной и ничье удаленіе мнѣ столь не жалостно, какъ твое. Навѣкъ тебѣ вѣрный другъ!»

Чѣмъ былъ Аракчеевъ для Россіи,—это фактъ общеизвѣстный и на немъ едва ли стоитъ останавливаться. Удивительно ли послѣ всего этого разочарованіе въ возможности ожидать реформъ сверху въ передовой части русскаго общества и крутая перемѣна его во взглядахъ на личность Александра?

«Въ 1812 году,—писалъ П. А. Каховскій въ своемъ письмѣ изъ Петропавловской крѣпости къ императору Николаю Павловичу,—нужны были неи-

мовѣрныя усилія, и народъ радостно несъ все въ жертву для спасенія общества. Война кончена благополучно, монархъ, украшенный славою, возвратился, Европа склонила предъ нимъ колѣна, но народъ, содѣйствовавшій его славѣ, получилъ ли льготу—нѣтъ».

То же горькая нота звучитъ и въ письмѣ другого декабриста, барона В. И. Штейнгеля, написаннаго имъ Николаю Павловичу изъ той же Петропавловской крѣпости.

«Истина, не подверженная ни малѣйшему возраженію,—писалъ въ этомъ письмѣ баронъ Штейнгель, — что въ Бозѣ почившій государь, братъ вашъ, обладалъ въ совершенствѣ даромъ привлекать къ себѣ сердца всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ счастье съ нимъ встрѣчаться; что его поведеніе въ званіи наслѣдника, его дѣйствія и намѣренія въ началѣ царствованія, твердость его при всеобщемъ бѣдствіи 1812 года, его кротость въ блескѣ послѣдующей затѣмъ славы, равно какъ и другіе, извѣстные свѣту и народу въ особенности, случаи, въ коихъ онъ явилъ высокія свойства. души своей, сдѣлали особу его любезною и священною для россіянъ-современниковъ. Но по непостижимому для насъ противорѣчію, которое, къ изумленію грядущихъ вѣковъ, можетъ быть объяснитъ одна только безпристрастная исторія, царствованіе его, если разумѣть подъ словомъ симъ правленіе, было во многихъ отношеніяхъ для Россіи пагубно, подъ конецъ же тягостно для всѣхъ состояній, даже до послѣдняго изнеможенія. Противорѣчіе сіе поставило средній и нижній классъ народа въ недоумѣніе, государь всюду являлся ангеломъ и сопровождался радушными восклицаніями, но въ то же время отъ распоряженій правительства, именемъ его, развивались повсюду неудовольствіе и ропотъ».

Съ интересной статьей г. Дубровина мы, вѣроятно, будемъ ознакомлять читателей «Міра Божія» и въ нашихъ будущихъ журнальныхъ обозрѣніяхъ.

Упомянувъ о декабристахъ, невозможно обойти молчаніемъ напечатанной въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» весьма интересной статьи, озаглавленной «Къ исторіи 14 декабря 1825 года». Статья эта безымянная иноситъ подзаголовокъ «Изъ воспоминаній петербурскаго старожила». Сообщилъ ее редакціи «Историческаго Вѣстника» г. Батуринскій, который и разсказываетъ о ея происхожденіи слѣдующія любопытныя подробности:

«Довольно извѣстный въ шестидесятыхъ годахъ литераторъ Н. А. Благовѣщенскій, посѣщая одного изъ своихъ друзей, сидѣвшаго въ «долговомъ отдѣленіи», познакомился во время этихъ посѣщеній съ помощникомъ квартальнаго надзирателя, глубокимъ старикомъ, имѣвшимъ пряжку за 50-лѣтнюю «безпорочную службу». Старикъ разсказывалъ много интереснаго изъ прошлой жизни столицы, и Благовѣщенскій тогда же по возможности дословно записалъ нѣкоторые его разсказы. Онъ пытался напечатать ихъ въ «Русскомъ Словѣ», но въ то время надъ декабристами еще тяготѣлъ цензурный запретъ, и Благовѣщенскій сначала отложилъ «Воспоминанія» до болѣе удобнаго времени, а потомъ совершенно забылъ о нихъ. Въ «Воспоминаніяхъ петербургскаго старожила», конечно, не должно искать какихъ-либо новыхъ историческихъ фактовъ.

Съ начала 70-хъ годовъ по настоящее время опубликована масса историческихъ матеріаловъ, относящихся къ событію 14-го декабря 1825 года, воспоминаній самихъ участниковъ этихъ событій, отдѣльныхъ біографій, монографій и т. д. Воспоминанія же старожила интересны прежде всего, какъ бытовая картинка. Читая ихъ, вы можете видѣть, какъ относился къ крупному историческому событію маленькій русскій чиновникъ, принимавшій въ немъ косвенное участіе въ качествѣ одного изъ винтиковъ сложной административной машины. Мы печатаемъ «Воспоминанія старожила» въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ».

Шиповъ—такова вымышленная фамилія, данная Благовѣщенскимъ своему собесѣднику (настоящая его фамилія такъ и остается неизвѣстной)—служилъ въ Петербургѣ въ 1825 году помощникомъ квартальнаго надзирателя и вотъ какими словами изображаетъ онъ сцены, свидѣтелемъ которыхъ ему пришлось быть 14-го декабря.

«Иду я, братецъ ты мой, утромъ въ кварталъ, это 14-го декабря-то. Со мною были кое-какія бумаги: съ однимъ мошенникомъ тогда мы бились. Смотрю я: народъ это ходитъ. Ну что-же? Пусть его ходитъ. Все это тихо, хорошо, въ порядкѣ; ни буйства, ни безначалія никакого нѣтъ; все, какъ должно. Только я думаю про себя: что это народъ такъ расходился? Вниманія, значитъ, большого не обратилъ. Такъ только подумалъ, да и забылъ. Извѣстно народъ глупъ, на все идетъ смотрѣть. Пришелъ я въ кварталъ. Ничего, сѣли это мы какъ слѣдуетъ. Вдругъ слышимъ на улицѣ крикъ. Что такое? Говорятъ, что идутъ толпы разнаго званія людей и всѣ кричатъ. Вотъ мы и вышли. Слышимъ, кричатъ: «Константина! Константина!» Намъ, братецъ, и въ голову не пришло, что это такое! Дурятъ, думали, пьяные или такъ».

«— Правда ли, что кричали: Да здравствуетъ царь Константинъ и жена его Конституція?»

«— Нѣтъ, братецъ ты мой! «Да здравствуетъ»,—этого у насъ никогда не крикнутъ. И все это, какъ ты сказалъ, длинно: гдѣ же имъ прокричать все это? Кричали: «Константина! Конституцію!» Можетъ быть, кто-нибудь тамъ пьяный какой и крикнулъ: «Константина и жену его Конституцію»,—не спорю. Вѣдь, тутъ было много всякихъ. Мы, знаешь, въ разныя стороны да давай ихъ унимать. Я тоже—тогда это былъ молодой эдакій, ретивый,—убирайтесь, кричу, такіе вы сякіе, немазанные! Вотъ я васъ покричу! А они, братецъ, на меня. Тогда у насъ были эти мундиры съ шитьемъ и ботфорты. Сейчасъ видятъ полицейскаго. Кварташка!—говорятъ.—Убить его! Я давай, братецъ ты мой, отъ нихъ Богъ ноги, бѣжать, они за мной. Я вскочилъ въ домъ, на дворъ почти безъ памяти; гляжу: окно въ подвалъ и этакъ еще разломано, я туда. Упалъ тамъ въ какую-то грязь, мундиръ это и все перегадилъ. Въ подвалѣ стояли пустыя кадки; я въ уголъ забрался за кадкой и накрылся. Самъ не знаю, сижу, живъ ли я или мертвъ. Вотъ, думаю, сейчасъ найдутъ. Сижу, да въ грѣхахъ каюсь; отходную себѣ читаю».

Черезъ нѣкоторое время Шиповъ выбрался изъ своего убѣжища и пробрался на Сенатскую площадь. Тамъ возстаніе приближалось въ это время къ

своему эпилогу. На площади Шиповъ замѣтилъ барыню, къ которой былъ неравнодушенъ, полюбезничалъ съ нею, все еще ничего толкомъ изъ всего кругомъ происходящаго не понимая, и хотѣлъ было пройти вмѣстѣ съ нею нѣсколько впередъ.

«Только я, братецъ, отъ нея, — продолжаетъ свое повѣствованіе Шиповъ, — двухъ шаговъ не успѣлъ сдѣлать, какъ грянутъ вдругъ настоящими-то выстрѣлами. Боже ты мой, что тутъ такое поднялось! Весь этотъ народъ потомъ вскрикнулъ; раздался визгъ, стонъ, такой вопль, что и въ жизнь свою больше никогда не слыхалъ. Такъ это страшно и жалко было; у меня волосы дыбомъ стали, а ужъ сердце и не знаю что. Самъ ты посуди: всѣ это закричали, завизжали, мужчины, женщины, дѣти; плачъ, стонъ, ревъ; всѣ бѣгутъ. Тутъ мать потеряла дитя; тамъ младенца выбили изъ рукъ и растоптали. Всѣ кричатъ, бѣгутъ и ничего не помнятъ. Ну, и я струсилъ пуще утрешняго; давай Богъ тоже ноги! Въ кварталѣ я спрятался. А тамъ, братецъ ты мой, на площади и пошла потѣха! Бунтовщики тоже давай стрѣлять, и въ нихъ стрѣляютъ. Пукъ, пукъ, бумъ, бумъ! Страсти что такое. Артиллерія эта ихъ крѣпко жарила картечами. Прибѣжалъ я въ кварталъ; сижу еле живъ; крикъ, вопль, стонъ! Тамъ стрѣляютъ; картечь это летитъ всюду, народъ бьетъ въ догонку! Ужасъ! Такого дня я больше и не запомню. Сраженье!

«— Такъ вы все время въ кварталѣ и просидѣли?»

«— Такъ и просидѣлъ. Потомъ, какъ все утихло, перестали выстрѣлы, всѣхъ насъ и послали на площадь. Страхъ, братецъ ты мой, вспомнить. На улицѣ это трупы, снѣгъ это весь перемятъ и смѣшанъ съ грязью и съ кровью. Стоны на площади-то. Кому руку оторвало, кому ногу, кому пробило бокъ, кому челюсть вывернуло. Нѣкоторыхъ толпа раздавила совсѣмъ и кишки выдавила, и лицо, какъ блинъ, сдѣлала. Гляжу, братецъ ты мой, и барынька эта, съ которой я разговаривалъ, Варвара Григорьевна, тоже лежитъ. Дай Богъ ей царство небесное! Убили ли ее, или толпа задавила, затоптала, Богъ ее знаетъ. Поплакалъ я надъ нею. Нельзя же: молодой человѣкъ тогда еще, былъ, влюбленъ страшно. Ей-Богу! Вѣдь жениться хотѣлъ на ней. Молодость! Жаръ! Какъ увидѣлъ ее, такъ мнѣ стало горько, что въ ту минуту вотъ, кажется, самъ бы умереть готовъ былъ!

«Онъ замолчалъ, пожевалъ губами, высморкался и продолжалъ:

«— Вѣдь, вотъ, сколько прошло лѣтъ, и женатъ, дѣтей имѣю, внучатъ, а какъ вспомнишь... такъ вотъ за сердце и возьметъ! Молодость, братецъ, эхъ!

«— Ну, что же на площади много было убитыхъ?—спросилъ я, чтобы поставить Ивана Григорьевича на прежнюю точку разговора.

«— Много, братецъ мой. Вѣдь, сказано: пуля—дура. Картечь не разбираетъ! На зданіяхъ вокругъ всѣ стѣны были забрызганы мозгами и кровью. Сенатъ тогда былъ не этотъ, что вотъ теперь стоитъ, а старый, и были тамъ сдѣланы этакіе вѣсы правосудія, что ли, чортъ ихъ тамъ знаетъ. Такъ народъ забрался туда, братецъ ты мой, чтобы лучше видѣть. Такъ тамъ смотришь: ноги висятъ, а верхней части туловища нѣтъ. Страхъ просто! Велѣно было все это убрать и въ порядокъ привести, чтобы и слѣдовъ никакихъ не

оставалось. Вычистили это мостовую и все. А трупы-то, кажется, будто бы на барки валили на этой самой канавѣ, что я тебѣ говорилъ, гдѣ теперь бульваръ съ липками. Говорю, кажется, потому что вѣрно то не помню. Давно это было, да и не тѣмъ я тогда занимался. Начались эти аресты, вся полиція была на чеку. Служба была, не приведи Богъ, какая!»

Въ декабрьской книжкѣ «Русскаго Богатства» за истекшій годъ помѣщена весьма интересная статья г. Сергѣя Мартынова, подъ заглавіемъ «Соловецкая тюрьма въ XVI—XIX вѣкѣ». Интересъ русскаго общества къ этому предмету растетъ. Свѣдѣнія о такихъ мѣстахъ заключенія, какъ знаменитыя «Соловки» и имъ подобныя, появлялись въ русской литературѣ уже не разъ, но были они всегда достояніемъ преимущественно лишь спеціально историческихъ, мало распространенныхъ журналовъ. Въ прошломъ году предметъ этотъ трактовался уже на страницахъ журнала «Право» (въ статьяхъ А. С. Пругавина), откуда свѣдѣнія о Соловецкой тюрьмѣ стали достояніемъ всего русскаго общества, благодаря многочисленнымъ перепечаткамъ многихъ частей изъ статей г. Пругавина столичною и въ особенности провинціальною прессою. Нынѣ этимъ же предметомъ занялся г. Мартыновъ, помѣстившій въ «Русскомъ Богатствѣ» вышеназванную интересную статью о Соловецкихъ тюрьмахъ. Противъ заточенія въ такія тюрьмы, еще такъ недавно широко у насъ практиковавшагося, раздавалось и раздается много голосовъ. Тѣмъ необходимѣе, конечно, знать правду объ истинномъ положеніи этого дѣла. Мы минуемъ не мало приводимыхъ г. Мартыновымъ страшныхъ картинъ соловецкой жизни узниковъ изъ давнопрошедшихъ временъ и остановимся лишь на временахъ не столь отъ насъ далекихъ.

«Въ тюрьмѣ, построенной въ 1828—1842 гг.,—пишетъ г. Мартыновъ,—также существовало «особое уединенное мѣсто». Это былъ чуланъ аршина ½ въ квадратѣ, безъ всякой лавки, безъ окна; въ немъ можно было только стоять или сидѣть, скорчившись; лежать или сидѣть съ протянутыми ногами не дозволяло пространство, а скамьи для сидѣнія не полагалось. Что это не мѣсто карцера и не служило только для временныхъ наказаній, а особый родъ каземата, видно изъ того, что, напр., раскольникъ Лазарь Шепелевъ прожилъ тамъ ровно годъ и «Божьей волею помре».

Въ прежнія времена преступленія, за которыя заточались люди, отличались замѣчательною лаконичностью («для того, что говорилъ онъ непристойныя слова», «за нѣкоторыя дерзновенныя важныя слова», «за нѣкоторую важную его вину», «за написаніе имъ важныхъ злодѣйственныхъ противныхъ тетрадишекъ» и т. п.), но и въ послѣдующія времена дѣло мало измѣнилось.

«Въ 1835 году, — пишетъ г. Мартыновъ, — была произведена по высочайшему повелѣнію ревизія соловецкой тюрьмы командированнымъ изъ Петербурга подполковникомъ корпуса жандармовъ Озерецковскимъ. Поводомъ послужило убійство часового, совершенное въ припадкѣ сумасшествія поручикомъ Горожанскимъ. Онъ былъ присланъ въ Соловки въ 1831 году «за дерз-

кій поступокъ и произнесеніе неприличныхъ словъ насчетъ особы Его Величества». Такъ какъ у Горожанскаго и раньше замѣчалось умственное разстройство, то мать его подавала въ III отдѣленіе прошеніе объ его освидѣтельствованіи, что, однако, участи сына не измѣнило, и онъ сидѣлъ въ соловецкомъ острогѣ, гдѣ также было замѣчено, что онъ находится «въ весьма нездоровомъ разсудкѣ». Въ 1833 г. Горожанскій, выйдя для естественной нужды изъ своей камеры, взялъ висѣвшій на стѣнѣ ножъ и вонзилъ его въ грудь часового, который черезъ нѣсколько минутъ и умеръ. При допросѣ Горожанскій объяснилъ, что солдаты своимъ шумомъ мѣшаютъ ему сидѣть въ своей камерѣ, безпокоятъ его, а часовой не унимаетъ.

«При ревизіи острога оказалось, что въ 1835 году въ немъ сидѣло 50 человѣкъ. Изъ нихъ двое бывшихъ студентовъ московскаго университета за «соучастіе въ злоумышленномъ обществѣ» *); священникъ Лавровскій изъ г. Мурома «за подкидываніе подметныхъ листковъ возмутительнаго содержанія»; двое арестантовъ содержались за убійство «въ высшей степени сумасшествія», одинъ «въ помѣшательствѣ разсудка съ письменными нелѣпыми предсказаніями». Большинство же было сослано «за старообрядчество», «за раскольничью ересь», «за скопческую ересь», «за крещеніе себя двухперстнымъ сложеніемъ», «за отступленіе отъ православной вѣры и надругательство надъ иконами», «за мнѣнія его о религіи и гражданскомъ устройствѣ», «за несогласіе крестить дѣтей по образу православной церкви», «за непризнаніе угодниковъ, государя императора и начальственной власти» и т. д.

«Послѣ ревизіи Озерецковскаго императоръ Николай повелѣлъ 15 человѣкъ изъ арестантовъ отдать въ военную службу рядовыми, троихъ отправить на родину и одного, лишившагося зрѣнія, въ институтъ для слѣпыхъ; троихъ оставить въ монастырѣ, но на свободѣ. А остальные 29 человѣкъ и между ними Горожанскій, признанный совершившимъ свое преступленіе въ припадкѣ сумасшествія, оставлены въ томъ же положеніи».

Заточеніе въ Соловецкій монастырь продолжалось и въ царствованіе императора Александра Второго, но свѣдѣній объ этомъ предметѣ имѣется въ литературѣ очень мало. Такъ, въ 1861 году заключенъ былъ въ Соловецкій монастырь «навсегда» священникъ Чембарскаго уѣзда, Пензенской губерніи, Ѳедоръ Померанцевъ за неправильное толкованіе манифеста объ освобожденіи крестьянъ.

Да, есть чѣмъ помянуть не одно только уже совсѣмъ старое время....

Свою статью г. Мартыновъ кончаетъ такими словами:

«Прошлое время—было время желѣзное, мрачное своей жестокостью; чуть ли не вся Россія стонала и страдала подъ насиліемъ и подъ ударами. Въ войскахъ, въ деревняхъ и на площадяхъ били и притѣсняли такъ же, какъ и въ семьяхъ, и вѣрнѣйшимъ средствомъ противъ всякаго заблужденія или увле-

*) Эти студенты были заключены не за участіе въ дѣлѣ декабристовъ, какъ это неправильно думаетъ г. Пругавинъ, а за составленіе самостоятельнаго тайнаго общества въ Москвѣ, въ 1827 году. *Журнальный Обозрѣватель.*

ченія была тюрьма, ссылка, кнутъ и розга, не щадившія ни дѣтскаго возраста, ни старости, ни женской стыдливости».

Не согласятся съ нимъ одни только наши лже-патріоты своего отечества.

Въ послѣднее время не только міръ судебныхъ дѣятелей, но и все русское образованное общество весьма заинтересовано разрѣшеніемъ вопроса: имѣютъ ли право присяжные засѣдатели постановлять оправдательные вердикты въ томъ случаѣ, если налицо имѣется сознаніе, подсудимаго въ совершеніи имъ инкриминируемаго ему дѣянія? Жизнь уже отвѣтила на этотъ вопросъ самымъ опредѣленнымъ образомъ: оправдательныхъ вердиктовъ произнесено нашими присяжными засѣдателями многое множество и рѣдко кому приходило въ голову сомнѣваться въ правомѣрности такого явленія. И въ самомъ дѣлѣ развѣ присяжнымъ засѣдателямъ ставится на разрѣшеніе вопросъ *только* факта, *только* о томъ, совершилъ или не совершилъ такой-то обвиняемый такое-то преступленіе? Нѣтъ, имъ ставится на разрѣшеніе вопросъ совсѣмъ другой. Ихъ спрашиваютъ, *виновенъ* или *невиновенъ* такой-то въ приписываемомъ ему преступленіи? А развѣ это все равно? Въ послѣднемъ вопросѣ заключается не только вопросъ о фактѣ, но о его мотивахъ и, если бы это было иначе, то мало бы чѣмъ отличался судъ *совѣсти* отъ суда формальныхъ уликъ. Но вотъ нашлись люди, которые смотрятъ нынѣ на это дѣло иначе, нашелся предсѣдатель суда, который дважды останавливалъ защитника, объяснявшаго присяжнымъ ихъ право оправдать подсудимаго, не взирая на его сознаніе, и затѣмъ лишавшаго его на томъ же основанія слова, нашлись и журналисты, которые не увидѣли въ поступкѣ этого предсѣдателя прямого отступленія отъ духа судебныхъ уставовъ императора Александра II.

Вполнѣ своевременна, поэтому, напечатанная въ декабрьской книжкѣ «Образованія», интересная статья І. В. Гессена «По поводу толковъ о судѣ присяжныхъ». Интересная сама по себѣ, статья эта интересна и по приводимымъ въ ней нѣкоторымъ историческимъ справкамъ.

Становясь всецѣло на сторону права присяжныхъ оправдывать сознавшихся въ совершенномъ ими преступленіи людей, ибо судъ присяжныхъ есть судъ *совѣсти*, г. Гессенъ говоритъ:

«Мы не будемъ вдаваться здѣсь въ юридическій анализъ для доказательства этого положенія. Онъ является совершенно излишнимъ послѣ блестящаго этюда Н. В. Муравьева (нынѣшняго министра юстиціи) «Оправдательныя рѣшенія присяжныхъ», написаннаго въ 1880 году (и воспроизведеннаго въ собраніи сочиненій названнаго автора) по поводу возникшаго тогда проекта устраненія присяжныхъ засѣдателей отъ разрѣшенія тѣхъ дѣлъ, по которымъ подсудимые сознались въ приписываемыхъ ими преступленіяхъ. По этому вопросу нѣтъ никакого разногласія и между представителями нашей юридической науки— Таганцевымъ, Фойницкимъ, Случевскимъ,—являющимися вмѣстѣ съ тѣмъ членами верховнаго кассаціоннаго суда. И этотъ кассаціонный судъ, когда бывшій министръ юстиціи Манасеинъ поднялъ вопросъ о предоставленіи сенату права разрѣшать передачу дѣла на разсмотрѣніе новаго жюри, въ случаѣ едино-

гласнаго признанія судомъ, что присяжные *оправдали виновнаго*, въ самой рѣшительной формѣ указалъ на крайнюю несообразность такого предложенія».

Статья г. Гессена прочтется съ интересомъ не одними только судебными дѣятелями, но и всѣми, кому дороги интересы правосудія, всѣмъ обществомъ, ибо «судьи совѣсти» комплектуются изъ общества. Не можетъ, поэтому, общество считать данный вопросъ специально-юридическимъ. Нѣтъ, это вопросъ живой жизни.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Въ Англіи.—Южноафриканскія затрудненія. Въ скоромъ времени должна начать свои засѣданія пресловутая чэмберленовская коммиссіи для пересмотра существующей таможенной системы. По идеѣ Чэмберлена эта коммиссія должна произвести заблаговременно, не дожидаясь общихъ выборовъ, предварительныя разслѣдованія, необходимы для выработки новаго тарифа, поэтому она и намѣрена предложить представителямъ всѣхъ отраслей промышленности высказать свои мнѣнія по различнымъ вопросамъ, касающимся данной отрасли. Для облегченія работы коммиссія рѣшила разослать всѣмъ этимъ представителямъ списокъ вопросовъ, которые будутъ имъ предложены въ коммиссіи, кромѣ того, коммиссія обратилась почти ко всѣмъ существующимъ организаціямъ и учрежденіямъ, прося ихъ содѣйствія. Вообще, даже противники Чэмберлена признаютъ, что онъ организовалъ свою коммиссію съ большимъ знаніемъ дѣла и дѣйствуетъ съ большою послѣдовательностью и рѣшительностью. Тѣмъ не менѣе его смѣлость уже переходитъ границы ишокируетъ многихъ. «Гдѣ же это видано, чтобы простой депутатъ такъ говорилъ и поступалъ? восклицаютъ газеты.—До сихъ поръ это было прерогативою короны назначать, по предложенію отвѣтственныхъ министровъ, различныя коммиссіи для изученія различныхъ вопросовъ и выработки различныхъ проектовъ, но Чэмберленъ все это измѣнилъ. Собственною властью онъ создаетъ коммиссію, становится ея предсѣдателемъ, и заявляетъ, что результаты ея работъ по экономическому вопросу послужатъ основою для реформъ таможенной системы. Это неслыханная дерзость!» Однако Чэмберлена не смущаютъ такія сужденія, и начавъ свою кампанію, онъ, очевидно, желаетъ ее довести до конца самъ, не пренебрегая никакими средствами и никакимъ оружіемъ.

Изъ южной Африки получаются попрежнему нехорошія вѣсти и, не будь вниманіе англійской публики такъ поглащено фискальнымъ вопросомъ въ данный моментъ, то навѣрное эти извѣстія возбудили бы безпокойство. Впрочемъ, и теперь уже нѣкоторыя газеты забили тревогу и говорятъ о возможности гражданской войны и о серьезныхъ безпорядкахъ. Дѣло въ томъ, что планъ «британизаціи» южной Африки, созданный лордомъ Мильнеромъ, привелъ къ результатамъ, которыхъ онъ не предвидѣлъ. Онъ хотѣлъ составить при помощи англійскихъ переселенцевъ противовѣсъ коренному голландскому населенію и поэтому были употреблены всѣ мѣры, чтобы привлечь въ новый край

какъ можно больше англійскихъ переселенцевъ. Дѣйствительно, въ новыя колоніи прибыли тысячи переселенцевъ, которые, однако, отказались работать на пріискахъ за ту плату, которую имъ предлагали золотопромышленники, и когда владѣльцы копей не захотѣли исполнить ихъ требованій, то они устроили стачку. Тогда-то и выступилъ на сцену вопросъ о спасеніи пріисковъ, представляющихъ источникъ богатства Трансвааля. Англійскіе рабочіе, привыкшіе къ самоуправленію и отстаивающіе свою индивидуальность, оказались слишкомъ неудобными для мѣстнаго правительства и рѣшено было замѣнить ихъ безвольными, послушными китайскими кули, «идеальными рабами», какъ, не стѣсняясь, выражаются про нихъ сами южноафриканскіе магнаты. Однако, все англійское населеніе, за исключеніемъ, конечно, золотопромышленниковъ и лорда Мильнера съ его клевретами, возстало противъ такого рѣшенія. Общее негодованіе противъ политики намѣстника превратило это населеніе въ недовольную, революціонно настроенную партію, такъ что газеты, говоря о возможности гражданской войны въ южной Африкѣ, подразумѣваютъ на этотъ разъ уже возстаніе англичанъ противъ мѣстнаго англійскаго правительства, такъ какъ голландцы остаются въ сторонѣ. Недовольство среди англійскаго населенія колоній все разрастается и уже цѣлый рядъ видныхъ общественныхъ дѣятелей, поддерживавшихъ раньше англійскую политику въ южной Африкѣ, теперь открыто высказывается противъ правительства колоній и его главы Мильнера. Они называютъ его правленіе «полицейскимъ режимомъ» и предсказываютъ возстаніе «англичанъ» противъ чиновниковъ Мильнера, поддерживаемыхъ полиціей. Капскіе корреспонденты лондонскихъ газетъ говорятъ, что колонія находится въ состояніи скрытаго броженія и немного надо, чтобы наступилъ взрывъ. Всѣ дѣла въ застоѣ и колоніямъ грозитъ неминуемое банкротство, если положеніе не измѣнится. Печальныя условія Трансвааля отражаются и на капской колоніи, гдѣ также назрѣваетъ рабочій вопросъ и мало-по-малу организуется рабочая партія, не заключающая въ себѣ и тѣни сознательнаго соціализма, но зато чисто пролетаріатская, которая, однако, не замедлитъ въ скоромъ времени сказать свое слово. Пріемъ, оказанный въ Капштадтѣ лорду Мильнеру по его возвращеніи изъ Лондона, указываетъ, насколько пошатнулась его популярность въ послѣднее время. Его газеты, впрочемъ, поспѣшили заявить, что публика воздерживалась отъ проявленій слишкомъ большого энтузіазма въ виду выраженнаго самимъ Мильнеромъ желанія, чтобы ему не устраивались никакія оваціи. Но въ Іоганнесбургѣ онъ не запретилъ «золотымъ магнатамъ» выказать свой энтузіазмъ и въ своей рѣчи заявилъ, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго намѣренія оставить свой постъ или повернуть назадъ, «особенно въ такое бурное время». «Скорѣе пусть снесетъ меня волна, нежели я самъ отступлю или измѣню курсъ своего корабля, сказалъ онъ.—Поэтому, не совѣтую никому строить свои разсчеты на этомъ, не то постигнетъ горькое разочарованіе». Затѣмъ, обратившись къ іоганнесбургскимъ магнатамъ, онъ прибавилъ, что твердо надѣется на ихъ содѣйствіе и на то, что они помогутъ ему провести корабль въ вѣрную гавань. Разумѣется, магнаты отвѣчали, что они постараются оправдать его довѣріе, и такимъ обра-

зомъ между золотопромышленниками и англійскимъ намѣстникомъ произошли сліяніе душъ, на которое, однако, бывшіе «уитлендеры»—англійскіе колонисты, смотрятъ съ нескрываемымъ озлобленіемъ. Между прочимъ, эти бывшіе уитлендеры очень негодуютъ на Чэмберлена за то, что, затѣявъ дорогую и кровопролитную войну, онъ предоставилъ теперь новыя колоніи собственной судьбѣ и какъ будто совершенно пересталъ ими интересоваться.

Германскія общественныя дѣла. Въ только что вышедшемъ четвертомъ томѣ «Handbuch der deutschen Frauenbewegung» докторъ Робертъ Вильбрандтъ сообщаетъ не лишенныя интереса статистическіе данныя, касающіяся промышленной дѣятельности женщинъ въ Германіи. Въ Германіи около шести съ половиною милліоновъ женщинъ зарабатываютъ себѣ пропитаніе какою-нибудь отраслью труда и Вильбрандтъ раздѣляетъ ихъ на слѣдующія пять группъ: 1) сельское хозяйство—2.753.000 женщинъ; 2) домашнія работы—1.551.000; 3) промышленность и ремесла различнаго рода—1.519.000 4) торговля и торговыя сношенія—580.000; 5) уходъ за дѣтьми и больными, воспитательная дѣятельность и свободныя профессіи—174.000. Изслѣдуя дѣятельность женщинъ, Вильбрандтъ констатируетъ одинъ любопытный фактъ, что стремленіе переселяться въ города, составляющее характерное явленіе послѣднихъ десятилѣтій, охватило не только мужское, но и женское сельское населеніе. Интересны также цифры, указывающія, насколько значительна все-таки дѣятельность женщинъ въ сельскомъ хозяйствѣ: 345.000 женщинъ самостоятельно занимаются сельскимъ хозяйствомъ, 18.000 управляютъ помѣстьями, а $2^1/_4$ милліона совмѣстно съ мужчинами работаютъвъ главныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства. Число женщинъ, принадлежащихъ къ четвертой группѣ, сильно возрасла въ послѣдніе годы, почти на 94 проц. Однако заработокъ женщинъ въ этой отрасли, какъ и во многихъ другихъ, нисколько не повысился и главною причиною. конечно, является слишкомъ большой наплывъ желающихъ, отсутствіе организаціи и недостатокъ соотвѣтствующаго коммерческаго образованія. Пятая группа, куда причисляется уходъ за больными, воспитаніе дѣтей и свободныя профессіи, распадается на отдѣльныя категоріи: къ первой относятся всѣ тѣ женщины, которыя избрали своею профессіей уходъ за больными, санитарную службу и т. п.; число ихъ 79.000; ко второй—воспитательницы и учительницы—73.000; къ третьей—занимающіяся искусствами и художественными отраслями промышленности—12.000; къ четвертой—служащія въ церковныхъ учрежденіяхъ—11.000; къ пятой—ученыя профессіи. Въ этой категоріи, въ которой числится всего 200 женщинъ, принадлежатъ женщины—юристы, врачи, дантисты, доктора философіи, ученыя библіотекарши, женщины-аптекаря, химики, сотрудницы ученыхъ изданій и фабричныя инспекторши.

Въ Берлинскомъ университетѣ допущены въ этомъ году къ слушанію лекцій 546 женщинъ. Любопытно, какъ постепенно возрастало число университетскихъ слушательницъ, начиная съ 1896 года, когда въ Берлинскій университетъ были впервые допущены въ качествѣ вольнослушательницъ жен-

щины. Въ первый годъ записалось 96, затѣмъ 193, 241, 431, 439, 611 552 и наконецъ 546. Но и въ другихъ германскихъ университетахъ число учащихся женщинъ также возрасло въ этомъ году. Во Фрейбургѣ, напримѣръ, въ этомъ году занималось 26 женщинъ (въ прошломъ году 17), изъ нихъ 19 изучаютъ медицину, 3 естественныя науки, 2 филологію и 1 философію и политическую экономію. Эти 26—дѣйствительныя студентки, но кромѣ того въ этомъ же университетѣ насчитывается 85 вольнослушательницъ. Въ Гейдельбергѣ дѣйствительныхъ студентокъ 28, а вольнослушательницъ 53. Въ Бреславлѣ 98 дѣвушекъ получили разрѣшеніе слушать лекціи. По слухамъ, Страсбургскій университетъ собирается также раскрыть свои двери женщинамъ и зачислять дѣйствительными студентками тѣхъ, которыя имѣютъ аттестатъ зрѣлости нѣмецкихъ гимназій. Въ Мюнхенскомъ университетѣ, допустившемъ въ этомъ году женщинъ, какъ дѣйствительныхъ студентокъ, число записавшихся на слушаніе лекцій превзошло всѣ ожиданія. Мюнхенскія студентки намѣреваются организовать «Союзъ студентокъ» и планъ этого союза уже окончательно выработанъ.

Въ германской политикѣ еще продолжается праздничное затишье, хотя рейхстагъ и ландтагъ уже начали свои работы, и обсуждался одинъ изъ запросовъ, внесенныхъ соціалъ-демократами, касающійся дѣйствій германскаго правительства, который возбудилъ горячія пренія, причемъ даже депутаты центра поддержали соціалъ-демократовъ, что очень коментируется печатью. «Vossische Zeitung» замѣчаетъ по этому поводу, что соціалъ-демократамъ очень повезло и если германское правительство будетъ продолжать дѣйствовать въ такомъ же родѣ, то ряды соціалъ-демократовъ будутъ неизбѣжно пополняться. Вильгельмъ II, вынужденный беречь свой голосъ, не даетъ теперь пищи для газетной полемики. Его рѣчь, сказанная при открытіи ландтага, носила совершенно шаблонный характеръ и не возбудила ничьего вниманія, и только первая рѣчь, произнесенная имъ послѣ болѣзни, которую онъ сказалъ на военномъ праздникѣ въ Ганноверѣ, вызвала сердитую отповѣдь въ англійской печати, такъ какъ задѣла самолюбіе англичанъ (онъ говорилъ, что нѣмецкій легіонъ спасъ отъ истребленія англійскую армію при Ватерлоо), но въ Германіи она прошла почти незамѣченной.

Гербертъ Спенсеръ и японскій прогресъ. Врядъ ли ктонибудь могъ ожидать, что покойный англійскій философъ Гербертъ Спенсеръ былъ противникомъ японскаго прогресса и категорически высказывался противъ присоединенія Японіи къ западной цивилизаціи. Впрочемъ, такой взглядъ философа тщательно скрывался имъ при жизни и сдѣлался извѣстенъ только изъ письма, написаннаго имъ еще въ августѣ 1892 года одному японцу барону Кентаро Кансхо, но лишь теперь опубликованнаго и напечатаннаго въ газетѣ «Times». Такое позднее опубликованіе этого письма объясняется припиской, которую сдѣлалъ Гербертъ Спенсеръ, прося не предавать его слова гласности при его жизни, такъ какъ «онъ не желалъ возбуждать противъ себя враждебность своихъ соотечественниковъ». (I do not desire to rouse the

animosity of my countrymen). Баронъ Кансхо свято хранилъ тайну при жизни Спенсера, но теперь опубликовалъ это письмо къ вящему изумленію всѣхъ поклонниковъ покойнаго философа, бывшаго такимъ ярымъ врагомъ всякаго обскурантизма и сторонникомъ свѣта и прогресса во всѣхъ направленіяхъ.

«Times» разсказываетъ исторію этого письма. Какъ извѣстно, преобразованіе Японіи изъ чисто восточной страны, насквозь пропитанной предразсудками, антипатіей ко всему новому и невѣжественною ненавистью къ иностранцамъ, въ современное прогрессивное государство совершилось съ безпримѣрною въ исторіи быстротой. Тѣ стадіи прогресса, на прохожденіе которыхъ западнымъ государствамъ понадобились цѣлыя столѣтія, были пройдены Японіей въ два-три десятилѣтія. Но при этомъ замѣчательно, что японцы усвоили не однѣ только внѣшнія стороны европейской цивилизаціи. Западная наука привлекала японскую молодежь, которая съ особеннымъ жаромъ принялась изучать современныхъ философовъ. Контъ, Милль Дарвинъ и Спенсеръ овладѣли умами молодой Японіи. Произведеніи Дарвина и Милля были скоро переведены на японскій языкъ и для многихъ новыхъ терминовъ придуманы эквивалентныя выраженія, заимствованныя изъ идеографическаго словаря, оказавшагося весьма для этого удобнымъ. Затѣмъ, два тома синтетической философіи Спенсера были также изданы на японскомъ языкѣ, но огромное большинство образованыхъ японцевъ могло читать его сочиненія въ оригиналѣ и такимъ образомъ онъ пріобрѣлъ много восторженныхъ адептовъ среди «молодой Японіи». Къ числу такихъ горячихъ поклонниковъ спенсеровской философіи принадлежалъ и баронъ Кансхо, воспитывавшійся въ Соединенныхъ штатахъ и получившій ученую степень въ Гарвардскомъ университетѣ. Въ своемъ отечествѣ онъ занималъ видный постъ былъ главнымъ сотрудникомъ маркиза Ито, участвуя въ составленіи японской конституціи. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ поборниковъ прогресса Японіи и въ особенности много потрудился въ пользу отмѣны экстратерриторіальныхъ привилегій иностранныхъ резидентовъ и консульской юрисдикціи иностранныхъ державъ, такъ какъ въ этихъ учрежденіяхъ онъ видѣлъ символъ унизительной опеки надъ страной. Баронъ Кансхо былъ членомъ ассоціаціи международнаго права, за дѣятельностью которой вся японская нація слѣдила съ величайшимъ вниманіемъ и напряженнымъ ожиданіемъ. Убѣжденнымъ противникомъ отмѣны экстратерриторіальной системы былъ въ то время извѣстный юристъ Трэверсъ Твиссъ, который произнесъ въ засѣданіи ассоціаціи горячую рѣчь въ пользу сохраненія экстерриторіальной системы во всѣхъ восточныхъ государствахъ. Мнѣніе такого выдающагося юриста, конечно, имѣло большое значеніе и поэтому баронъ Кансхо, возстававшій противъ такихъ консервативныхъ взглядовъ и доказывавшій, что къ Японіи они не должны примѣняться, просилъ разрѣшенія правительства отправиться въ Женеву, гдѣ долженъ былъ происходить съѣздъ ассоціацій. Поступивъ членомъ ассоціаціи, онъ хотѣлъ представить съѣзду, въ качествѣ частнаго лица, весь собранный имъ статистическій матеріалъ, который не былъ доступенъ Трэверсу Твиссу и его сторонникамъ. Отправляясь въ Европу, баронъ Кансхо имѣлъ, кромѣ того, надежду пови-

даться съ Гербертомъ Спенсеромъ, философіей котораго онъ сильно увлекался въ то время, и поэтому, проѣзжая черезъ Америку, онъ попросилъ своего друга, Джона Фиска, дать ему рекомендательное письмо къ англійскому философу. Фискъ, однако, не сразу согласился на это. Онъ ссылался на то, что Спенсеръ живетъ очень уединенно, избѣгаетъ посѣтителей и легко возможно, что онъ даже не приметъ барона Кансхо, хотя бы и съ рекомендательнымъ письмомъ. Но Кансхо настаивалъ, говоря, что онъ готовъ даже рисковать получить отказъ въ пріемѣ. Нечего дѣлать, Фискъ написалъ ему это письмо. Однако Кансхо, проѣзжая черезъ Лондонъ, не рѣшился все-таки отправиться прямо къ Спенсеру, а тоже написалъ ему письмо, въ которомъ изложилъ свои надежды и мотивы, заставляющіе его желать личной бесѣды съ философомъ. Отвѣтъ былъ полученъ немедленно. Спенсеръ пригласилъ Кансхо къ себѣ и первое посѣщеніе продолжалось два часа. Кансхо былъ очень удивленъ, когда увидѣлъ, что Спенсеръ собралъ очень богатый матеріалъ по исторіи Японіи, ея политики, нравамъ, обычаямъ и религіознымъ обрядамъ Онъ подвергся настоящему экзамену, такъ какъ Спенсеръ очень подробно разспрашивалъ его о значеніи того или другого историческаго факта, обычая, обряда и т. п. Англійскій философъ видимо былъ очень доволенъ, что случай свелъ его съ образованнымъ японцемъ и сказалъ ему, что онъ давно уже тщетно добивался найти ключъ ко многимъ японскимъ проблемамъ, которыя стали для него ясны только теперь, послѣ того какъ онъ поговорилъ съ барономъ Кансхо. Чтобы продлить бесѣду, Спенсеръ поѣхалъ даже провожать японца въ отель, гдѣ тотъ остановился, и, прощаясь, предложилъ ввести его, какъ почетнаго члена, въ клубъ «Atheaneum». «Я тамъ всегда завтракаю, ежедневно,—сказалъ ему Спенсеръ,—и потому мы можемъ тамъ часто встрѣчаться и разговаривать». Вскорѣ послѣ того баронъ Кансхо, дѣйствительно, получилъ отъ Спенсера увѣдомленіе, что онъ избранъ почетнымъ членомъ въ клубъ, при чемъ Спенсеръ приглашалъ его позавтракать вмѣстѣ на слѣдующій день. Это было началомъ близкихъ, дружескихъ отношеній между философомъ и японцемъ, которыя впослѣдствіи поддерживались перепиской, когда Кансхо уѣхалъ въ Женеву. Затѣмъ онъ снова вернулся въ Лондонъ, довольный удачей, достигнутой имъ на съѣздѣ ассоціацій и полный самыхъ радужныхъ надеждъ относительно будущаго Японіи. Но когда онъ вздумалъ подѣлиться этими надеждами съ своимъ другомъ философомъ, то, къ величайшему своему удивленію, не только не встрѣтилъ у него ожидаемаго сочувствія стремленіямъ Японіи, но полное неодобреніе этихъ стремленій. По мнѣнію философа, если восточная нація желаетъ сохранить свою независимость и неприкосновенность, то она должна строго охранять свое изолированное положеніе и принимать всѣ мѣры, чтобы какъ можно болѣе ограничить свои сношенія съ Западомъ, экстерриторіальная система, затрудняющая сношенія съ иностранными расами, составляетъ поэтому очень хорошую мѣру для изоляціи Японіи. На этомъ-то основаніи Спенсеръ и не совѣтовалъ японцамъ уничтожать всѣ преграды, препятствующія ихъ сліянію съ Западомъ. Какъ ни старался баронъ Кансхо доказывать Спенсеру, что Японія серьезно

стремится къ цивилизаціи и что спасеніе ея заключается въ свободномъ прогрессѣ, въ разрушеніи старинныхъ предразсудковъ, Спенсеръ оставался непоколебимымъ. Онъ сказалъ, что свои взгляды онъ составилъ на основаніи продолжительнаго изученія этическихъ и историческихъ проблемъ и поэтому не можетъ отказаться отъ своихъ убѣжденій. Въ концѣ концовъ, изъ уваженія къ своему пріятелю японцу и во вниманіе къ его просьбѣ, Спенсеръ согласился письменно изложить свои взгляды на японскую политику, обязавъ его, впрочемъ, не разглашать этого письма раньше его смерти. Въ этомъ письмѣ Спенсеръ говоритъ, что японская политика должна заключаться въ томъ, чтобы не подпускать къ себѣ близко ни американцевъ, ни европейцевъ (keeping Americans and Eurapeans as much as possible at arm's length). Близость болѣе могущественныхъ расъ заключаетъ въ себѣ, по мнѣнію Спенсера, хроническую опасность, и поэтому японцы не должны допускать иностранцевъ укрѣпляться въ Японіи. Полное открытіе страны для иностранцевъ Спенсеръ считаетъ безумнымъ со стороны Японіи и говоритъ, что единственною формою ихъ сношеній съ иностранцами должна быть лишь та, которая облегчаетъ ввозъ и вывозъ матеріальныхъ и интеллектуальныхъ продуктовъ. Особенно же Японія должна остерегаться слишкомъ большой близости съ могущественными расами и ни въ какомъ случаѣ не должна допускать ихъ имѣть «point d'appui» въ Японіи. На этомъ основаніи Спенсеръ не совѣтуетъ японцамъ допускать иностранцевъ къ эксплуатаціи и разработкѣ природныхъ богатствъ страны, напр., рудниковъ и т. п. Въ такой эксплуатаціи, говоритъ Спенсеръ, заключается постоянный источникъ столкновеній, и если таковыя произойдутъ, то иностранное правительство непремѣнно сочтетъ себя обязаннымъ поддержать своихъ подданныхъ посредствомъ военной силы, такъ какъ «между цивилизованными народами принято считать своихъ агентовъ или купцовъ за границей представителями страны». Такъ же рѣшительно и категорически высказывается Спенсеръ и противъ смѣшанныхъ браковъ японцевъ съ иностранцами, но въ основу своего взгляда ставитъ уже біологическія соображенія. Смѣшеніе двухъ, столь отличающихся другъ отъ друга разновидностей человѣческихъ расъ, никогда не приводитъ ни къ чему хорошему, по мнѣнію философа.

Баронъ Кансхо прибавляетъ, что нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что Спенсеръ измѣнилъ сколько-нибудь свои взгляды въ теченіе своей жизни. Напротивъ, въ разговорѣ онъ всегда упрямо поддерживалъ ихъ и даже съ нѣсколько забавною увѣренностью совѣтовалъ своему собесѣднику подождать, «что скажетъ время и опытъ». Англійскія газеты прибавляютъ, что въ теперешней восточно-азіатской политикѣ Россіи Гербертъ Спенсеръ непремѣнно долженъ былъ бы увидѣть подтвержденіе своей теоріи. Разумѣется, если бы Японія послѣдовала совѣту англійскаго философа, то она никогда бы не заключила союза съ Англіей, который, какъ увѣряютъ англійскія газеты, «лучше обезпечиваетъ ея неприкосновенность и независимость, нежели всякія мѣры изоляціи отъ внѣшнихъ вліяній». Но если бы и Китай пошелъ по тому же пути, по которому шла Японія, то у насъ не было бы теперь восточно-азіатскаго вопроса. До сихъ поръ опасенія Спенсера за судьбу Японіи не оправдались и

ни одна изъ могущественныхъ расъ, съ которыми Японія находится теперь въ тѣсныхъ сношеніяхъ, не поглотила ее. Японія, усвоивъ европейскую цивилизацію и европейскія учрежденія, сохраняетъ все-таки свою самобытность. Впрочемъ, въ Японіи осталось еще не мало приверженцевъ старины, которые засѣдаютъ даже въ японскомъ парламентѣ, существующемъ, какъ извѣстно, съ 1890 года. Эти приверженцы старины, конечно, продолжаютъ носить національный костюмъ, тогда какъ другая часть японскихъ депутатовъ одѣвается по европейски. Они, также какъ и англійскій философъ, провидятъ въ будущемъ опасность для Японіи отъ ея слишкомъ тѣснаго сближенія съ Западомъ, но, разъ вступивъ на этотъ путь, Японія уже не можетъ остановиться и молодая Японія неудержимо стремится впередъ.

Русско-японскій конфликтъ. Въ настоящее время все то, что касается Японіи, сильно волнуетъ европейскую печать. Интересы Японіи и Россіи столкнулись на Дальнемъ Востокѣ и чѣмъ разрѣшится этотъ конфликтъ, предсказать трудно. Между Россіей и Японіей произошелъ обмѣнъ дипломатическихъ нотъ два раза, но въ точности содержаніе ихъ неизвѣстно. Японія первая обратилась къ Россіи со своими требованіями относительно Манчжуріи и Кореи и отвѣтъ Россіи вызвалъ въ Токіо настолько сильное волненіе, что война казалась неизбѣжною. Но произошелъ новый обмѣнъ нотъ и политическій горизонтъ какъ будто нѣсколько прояснился. Однако, разрѣшенія кризиса еще не послѣдовало и постоянно можно ожидать новыхъ осложненій, такъ какъ въ Кореѣ происходятъ безпорядки, которые могутъ вызвать насильственное вмѣшательство и столкновеніе Россіи и Японіи.

Японія, повидимому, готова предоставить Манчжурію Россіи, но заявляетъ притязанія на Корею. Корея же и Манчжурія соприкасаются другъ съ другомъ; ихъ отдѣляетъ только рѣчка Ялу. Японія справедливо опасается, что Россія, укрѣпившись въ Манчжуріи, мало-по-малу распространитъ свое вліяніе и на Корею, такъ какъ всякіе промышленные и коммерческіе интересы европейскихъ государствъ въ восточныхъ странахъ всегда бываютъ тѣсно связаны съ политическими интересами. Между тѣмъ, Японія нуждается въ Кореѣ, такъ какъ туда она разсчитываетъ направить излишекъ своего населенія, которому становится тѣсно на японской территоріи. Къ владѣнію Кореей Японія стремится очень давно и привыкла смотрѣть на нее, какъ на свое національное достояніе. Изъ за нея она вела войну съ Китаемъ, и еслибъ не вмѣшательство державъ, то цѣль была бы уже достигнута. Японія покорилась тогда, но не отказалась все-таки отъ своихъ національныхъ стремленій, считая свои права на Корею неотъемлемыми. Между тѣмъ, русская экспансивная политика въ восточной Азіи неминуемо должна была привести къ столкновенію интересы Японіи и Россіи. Съ той поры, какъ Портъ-Артуръ былъ превращенъ въ русскую военную гавань и сталъ конечнымъ пунктомъ манчжурской дороги, Корея получила въ глазахъ Россіи серьезное значеніе. Достаточно бросить взглядъ на карту, чтобы убѣдиться въ этомъ, такъ какъ японцы, завладѣвъ Кореей, могутъ угрожать линіи сообщенія между Портъ-Артуромъ и Владивостокомъ.

Судя по отзывамъ военныхъ корреспондентовъ англійскихъ и нѣмецкихъ газетъ, Японія располагаетъ въ настоящее время 228.000 европейски обученнаго войска, которое она можетъ выставить на поле битвы, резервомъ въ 30.000 и еще территоріальною арміей въ 125.000 чел. Относительно японскаго флота мнѣнія всѣхъ иностранцевъ сходятся: это первоклассный флотъ, въ составъ котораго входятъ величайшіе броненосцы въ мірѣ. Корпусъ морскихъ офицеровъ также не оставляетъ желать ничего лучшаго. Таковы отзывы иностранныхъ военныхъ авторитетовъ. Но, съ другой стороны, стратегичсскія преимущества находятся на сторонѣ Россіи, да и финансы Японіи далеко не въ блестящемъ состояніи, что и служитъ причиною колебаній японскаго правительства, которое, несмотря на сильное давленіе общественнаго мнѣнія, все еще не рѣшается объявлять войну.

Двѣ зимы въ южнополярныхъ льдахъ. Исторія полярныхъ экспедицій изобилуетъ драматическими эпизодами и недавно вернувшаяся шведская антарктическая экспедиція Норденшильда не составила въ этомъ отношеніи исключенія. Гибель судна «Антарктика», послѣ долгой борьбы со льдами, странствованія ея экипажа, зимовка въ очень трудныхъ условіяхъ, неожиданная встрѣча съ товарищами и, наконецъ, появленіе аргентинской спасательной экспедиціи—вотъ главные моменты этого богатаго приключеніями путешествія къ южному полюсу!

Экспедиція Норденшильда отправилась два года тому назадъ, въ началѣ января 1902 года,—изъ Огненной земли къ югу и послѣ тщетной попытки проникнуть къ морю Ведделя, повернула къ Сноугиллу, къ югу отъ земли Луи Филиппа. Тамъ Норденшильдъ и пятеро его товарищей высадились на ледъ и устроили станцію, а «Антарктика» вернулась къ Фалкландскимъ островамъ, предполагая оттуда совершать научныя экскурсіи. На суднѣ находился ученый отрядъ съ геологомъ д-ромъ Андерсономъ во главѣ, командиромъ же былъ норвежскій капитанъ Ларсенъ. Въ ноябрѣ 1902 года «Антарктика» направилась къ Сноугиллу, чтобы взять Норденшильда и его товарищей, которые должны были тамъ дожидаться прихода судна. Однако, уже въ началѣ декабря начали скопляться около судна такія массы льда, что дальнѣйшее движеніе сдѣлалось совершенно невозможнымъ и пришлось отказаться отъ надежды добраться на суднѣ до станціи Норденшильда. Тогда Андерсонъ рѣшилъ покинуть судно и попытаться по льду пробраться къ Норденшильду. Двое товарищей, лейтенантъ Дузе и матросъ Грунденъ, вызвались сопровождать его. Однако плохое состояніе льда помѣшало имъ добраться до Сноугилля и они вернулись къ острову Жуанвиля, чтобы подождать «Антарктики», которая должна была въ концѣ февраля прибыть туда. Но оказалось, что «Антарктика» такъ плотно засѣла во льду, что не могла высвободиться изъ его оковъ и 12 февраля, подъ дѣйствіемъ сильнаго напора льда, погрузилась на дно; экипажъ ея, состоявшій изъ двадцати человѣкъ, однако, усцѣлъ спастись на ледъ и пустился странствовать по ледяной пустынѣ. Люди, однако, успѣли перенести съ погибшаго судна на льдину всѣ цѣнныя коллекціи, инструменты, припасы и лодки и старались съ неимовѣрными усиліями достигнуть твердой

земли, но льдину постоянно относило назадъ и въ концѣ концовъ имъ пришлось бросить все лишнее на льду и, захвативъ съ собою только самое необходимое, продолжать свое странствованіе на лодкахъ. Послѣ 16-ти дневнаго, очень труднаго путешествія имъ удалось, наконецъ, достигнуть острова, гдѣ они сложили для себя хижину изъ камней и занялись охотой,—чтобы собрать запасы на зиму. Особенно чувствителенъ былъ для нихъ недостатокъ въ горючемъ матеріалѣ, поэтому они тратили его только на приготовленіе обѣда; несмотря на эти страшныя лишенія, состояніе здоровья путешественниковъ было все время вполнѣ удовлетворительно и только одинъ молодой матросъ Венгерлаардъ умеръ и былъ похороненъ вблизи хижины.

Въ это время Андерсонъ, лейтенантъ Дузе и матросъ Грунденъ, отправившіеся на поиски за Норденшильдомъ, но не достигшіе его стоянки въ Сноугиллѣ, пріютившись на островѣ Жуанвиллѣ, также построили себѣ каменную хижину. У нихъ почти не было никакихъ припасовъ съ собой и если бы не пингвины и тюлени (которые водились на островѣ въ большомъ количествѣ), то, пожалуй, они погибли бы отъ голода. Маленькую каменную хижину иногда совершенно заваливало снѣгомъ и имъ приходилось не мало трудиться, чтобы очистить выходъ. По цѣлымъ днямъ они лежали въ хижинѣ, едва освѣщаемой коптящей лампой, въ которой горѣла ворвань, съ нетерпѣніемъ ожидая, когда погода улучшится и имъ можно будетъ выйти изъ своего грязнаго, темнаго жилища на свѣжій воздухъ. Лица ихъ почернѣли отъ копоти и грязи, которая накопилась въ большомъ количествѣ, такъ какъ умываться они не могли. Вообще видъ у нихъ былъ дикій и наружность сдѣлалась неузнаваема вслѣдствіе отросшихъ, всклокоченныхъ, длинныхъ волосъ на головѣ и бородѣ. Это было трудное время. Особенно тяжело отзывалось на нихъ полное отсутствіе книгъ и какихъ бы то ни было развлеченій. Къ тому же ихъ постоянно смущали тревожные сны и безпокойство о судьбѣ «Антарктики» и ея экипажа.

Норденшильдъ со своими двумя товарищами находился въ гораздо лучшихъ условіяхъ. Такъ какъ онъ высадился для устройства станціи, то и захватилъ съ собою всѣ приспособленія для этого. У него былъ солидный деревянный срубъ, изъ котораго онъ съ помощью Дузе и Грундена построилъ хижину съ печью, такъ что они не такъ страдали отъ холода, какъ другіе ихъ товарищи, о судьбѣ которыхъ, впрочемъ, имъ ничего не было извѣстно. Научныя наблюденія и работы производились сь величайшею аккуратностью и благодаря этому время не тянулось такъ безконечно, какъ для тѣхъ несчастныхъ, которые вынуждены были лежать въ полутьмѣ каменной хижины. Наблюденія показали, что мѣсто, гдѣ зимовалъ Норденшильдъ—одно изъ самыхъ холодныхъ на земномъ шарѣ и даже лѣтомъ тамъ свирѣпствуютъ страшныя бури и холода. Само собою разумѣется, что Норденшильдъ и его товарищи съ наступленіемъ лѣта, начали ждать съ нетерпѣніемъ прибытія «Антарктики», которая, согласно уговору, должна была придти за ними. Но прошло лѣто, а объ «Антарктикѣ» ни слуху, ни духу. Перспектива вторичной зимовки въ этой негостепріимной мѣстности, не очень-то радовала ихъ и кромѣ того ихъ тревожила забота объ участи судна и другихъ товарищей. Припасы приходили

къ концу и надо было позаботиться о зимѣ, поэтому Норденшильдъ и его спутники усердно принялись охотиться. Вторая зима также прошла благополучно и научныя работы ни разу не прекращались. Наконецъ, въ октябрѣ 1903 г., Норденшильдъ, предпринявшій съ однимъ матросомъ поѣздку на саняхъ, увидалъ вдали какія-то двѣ человѣческія фигуры. Какова была его радость, когда приблизившись, онъ узналъ, хотя и не сразу, въ этихъ двухъ, страшно обросшихъ волосами, косматыхъ и грязныхъ существахъ своихъ двухъ товарищей, Андерсона и Дузе! Вскорѣ къ нимъ присоединился и третій—матросъ Грунденъ. Андерсонъ разсказалъ Норденшильду, съ какимъ великимъ трудомъ имъ удалось, наконецъ, добраться до Сноугилля и какія ужасныя двѣ зимы они провели на островѣ Жуанвилля.

Деревянный домикъ Норденшильда показался имъ настоящимъ дворцомъ послѣ ихъ каменной темницы, съ какимъ наслажденіемъ, послѣ долгаго времени, они взяли теплую ванну и смыли слой грязи, накопившейся за столько времени! Видъ у нихъ былъ такой ужасный, что даже собаки ихъ пугались, такъ что неудивительно, что Норденшильдъ едва ихъ узналъ. За этою радостною встрѣчей вскорѣ послѣдовала новая пріятная неожиданность для Норденшильда и его товарищей. 7-го ноября двое изъ его спутниковъ, во время экскурсіи, увидѣли двухъ, приближавшихся къ нимъ, незнакомыхъ людей; это были: капитанъ Тризоръ и еще одинъ офицеръ съ аргентинскаго вспомогательнаго судна «Уругвай», которому удалось пробраться къ зимней станціи въ Сноугиллѣ. Норденшильдъ чрезвычайно обрадовался прибывшей помощи, но его смущала мысль о судьбѣ «Антарктики» и поэтому въ тотъ же день были сдѣланы всѣ приготовленія къ экспедиціи, которая должна была отправиться разыскивать пропавшее судно. Но произошло нѣчто совершенно неожиданное: капитанъ Ларсенъ съ четырьмя матросами внезапно явился самъ на станцію, гдѣ его встрѣтили, разумѣется, самымъ восторженнымъ образомъ. Не теряя времени, всѣ перебрались на «Уругвай» и, по указанію Ларсена, капитанъ Тризоръ направилъ судно къ тому мѣсту, гдѣ оставалась другая часть экипажа «Антарктики». Такимъ образомъ всѣ члены экспедиціи были спасены и только одна «Антарктика» навсегда исчезла въ пучинѣ южно-полярнаго моря.

Государство будущаго. Первые выборы въ австралійскій федеральный парламентъ, результаты которыхъ только недавно сдѣлались извѣстны, вызвали особенный интересъ вслѣдствіе того, что въ первый разъ въ выборахъ принимали участіе женщины. Ожидали, что женщины, какъ консервативный элементъ, окажутъ несомнѣнное вліяніе на распредѣленіе политическихъ партій въ парламентѣ. Затѣмъ важнымъ вопросомъ являлась также программа Чэмберлена, относительно которой страна должна была высказаться на этихъ выборахъ. Но результаты выборовъ оказались совершенно неожиданными въ томъ отношеніи, что они доставили огромное преобладаніе рабочей партіи. Положеніе этой партіи особенно усилилось въ сенатѣ, гдѣ число ея представителей удвоилось. Въ палатѣ депутатовъ министерская партія уменьшилась, а рабочая увеличилась и, образуя центръ, можетъ вступить теперь въ коалицію съ оппозиціей, оказывая этимъ рѣшающее вліяніе на парламентскія

воты и опредѣляя ихъ характеръ. Прежде всего это важно въ отношеніи вопроса о таможенной политики. При такомъ составѣ новаго австралійскаго парламента чэмберленовская программа не имѣетъ никакихъ шансовъ на успѣхъ. Почти двѣ трети парламентскихъ представителей высказываются противъ пересмотра существующихъ тарифовъ и на это именно указываютъ англійскія газеты Чэмберлену. Одна изъ трехъ колоній, отъ согласія которыхъ зависитъ успѣхъ его таможеннаго проекта, теперь отпадаетъ отъ него. Въ Новой Зеландіи онъ также мало можетъ разсчитывать на успѣхъ, да и въ Канадѣ дѣла обстоятъ не лучше. Съ этой точки зрѣнія результаты австралійскихъ выборовъ получаютъ особенно важное значеніе и для чэмберленовскихъ плановъ они особенно невыгодны, такъ какъ австралійская рабочая партія желаетъ оградить покровительственными пошлинами свою страну, не только отъ заграницы, но и отъ метрополіи. «Австралія для австралійцевъ»—вотъ лозунгъ этой партіи, и все, что уклоняется отъ такого принципа, вызываетъ тотчасъ же горячій протестъ. Министерская партія, поддерживавшая политику Чэмберлена, не имѣетъ большого значенія и все будетъ зависѣть отъ того, въ чью сторону склонится оппозиція, когда на очереди окажутся вопросы таможенной политики.

Само собою разумѣется, что въ новомъ федеральномъ парламентѣ интересы рабочихъ классовъ будутъ выдвинуты на первое мѣсто. Введеніе обязательныхъ третейскихъ судовъ для разбора столкновеній между трудомъ и капиталомъ, считается теперь обезпеченнымъ. Австралійцы твердо рѣшили сдѣлать этотъ опытъ. Также надо ожидать воспрещенія азіатамъ доступа въ Австралію и утвержденія пенсій старости. Для этой цѣли имѣется въ виду даже учредить новый налогъ, который, вѣроятно, не понравится англичанамъ, такъ какъ нѣкоторыя англійскія газеты уже теперь съ неодобреніемъ отзываются объ этомъ проектѣ. Предполагается обложить налогомъ всѣхъ тѣхъ, кто, не живя въ Австраліи, получаетъ однако оттуда доходы. Англійскимъ капиталистамъ и акціонерамъ, вложившимъ свои деньги въ австралійскія предпріятія, придется уплачивать особенный налогъ и такимъ образомъ доходы ихъ должны будутъ уменьшаться. Въ газетахъ уже высказывается австралійцамъ предостереженіе, что, въ случаѣ, если этотъ законъ пройдетъ, то австралійцы не должны будутъ удивляться, если иностранные капиталисты не такъ охотно будутъ вкладывать свои деньги въ австралійскія промышленныя предпріятія. Не только англійская, но и нѣмецкая печать высказываетъ опасеніе, что господство рабочей партіи придаетъ австралійской политикѣ рѣзко выраженный радикальный характеръ. Одна изъ германскихъ буржуазныхъ газетъ говоритъ, что Австралія «на всѣхъ парахъ приближается къ тому, чтобы стать «государствомъ будущаго», о которомъ мечтаютъ германскіе соціалисты». Разумѣется, газета предостерегаетъ австралійцевъ отъ этой «страшной опасности».

Что касается участія женщинъ, то, какъ мы уже говорили, оно не оправдало ожиданій бюргерскихъ партій. Консервативныя газеты откровенно заявляютъ, что онѣ глубоко ошибались, разсчитывая на консерватизмъ женщинъ. Огромное большинство избирательницъ подали свои голоса за кандидатовъ рабочей партіи, вопреки надеждамъ консерваторовъ. Но при этомъ обнаружи-

лась одна любопытная сторона: женщины выказали полное нежеланіе подавать свои голоса за кандидатокъ своего пола. Во многихъ городахъ, на женскихъ митингахъ, приняты были резолюціи, заявляющія, что еще не наступило время для женщинъ-депутатокъ. Но три женщины все-таки имѣли смѣлость выступить кандидатками на выборахъ. Одну изъ нихъ, въ штатѣ Викторія, сильно поддерживали протекціонисты. Двѣ другія поставили свою кандидатуру въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ и пользовались поддержкой фритредеровъ. Но ни одна изъ нихъ не была выбрана, несмотря на выказанное ими краснорѣчіе и ловкость въ избирательной борьбѣ и на оказанную имъ поддержку. «Въ сущности,—какъ замѣчаютъ англійскія газеты,—участіе женщинъ не измѣнило характера выборовъ. Женщины вотировали такъ же, какъ мужчины, ни лучше, ни хуже ихъ. Самымъ важнымъ результатомъ является конечно, побѣда рабочей партіи, которая должна будетъ отразиться на внѣшней и внутренней политикѣ Австраліи. Европа съ интересомъ будетъ ждать результатовъ этого новаго опыта австралійской соціальной лабораторіи».

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Патріотизмъ и любовь къ человѣчеству.—Японскій путешественникъ въ Тибетѣ.—Японія и Россія.

Журналъ «la Revue» выдвигаетъ на сцену вопросъ о патріотизмѣ и о совмѣстимости его съ гуманитарными чувствами, которыя, повидимому, все болѣе укрѣпляются въ цивилизованномъ мірѣ, выражаясь солидарностью между всѣми членами человѣческаго рода, осужденіемъ первобытныхъ инстинктовъ, заставляющихъ различныя расы ненавидѣть другъ друга, отвращеніемъ къ битвамъ, въ которыхъ люди убиваютъ другъ друга, уваженіемъ къ правосудію, которое считается выше грубой силы, и готовностью прибѣгать къ нему для рѣшенія споровъ между націями и отдѣльными индивидами. Но можно ли быть патріотомъ, не рискуя поступать негуманно? Имѣютъ ли люди какія-нибудь обязанности по отношенію къ тѣмъ, кого они считаютъ иноземцами, и если да, то въ чемъ заключаются эти обязанности? Не достигли ли мы уже такого періода развитія человѣчества, когда идея отечества, уже принесшая свои плоды, можетъ быть замѣнена другими идеями или же, наоборотъ, каждая нація должна сохранять свой патріотизмъ, чтобы продолжать свою историческую эволюцію и по своему трудиться для прогресса человѣчества? Такого рода вопросы французскій журналъ предлагаетъ на разрѣшеніе различнымъ французскимъ ученымъ, философамъ, историкамъ, этнографамъ, романистамъ и поэтамъ. Изъ полученныхъ отвѣтовъ видно, что большинство французскихъ мыслителей находитъ вполнѣ совмѣстимымъ патріотизмъ съ любовью къ человѣчеству. Въ такомъ именно духѣ высказываются Фулье, Леруа Болье, Габріель Монэ, Жюль Клареси, Поль и Викторъ Маргеритъ и др. Они говорятъ: «Если вы не будете любить свое отечество, людей, которые находятся всего ближе къ вамъ, съ которыми у васъ всего больше сходства, то какъ вы можете любить тѣхъ, которые отъ васъ

далеки? Надо быть патріотомъ, чтобы питать искреннюю любовь къ человѣчеству».

Шарль Рише и Фредерикъ Пасси высказались въ томъ смыслѣ, что хорошимъ патріотомъ можетъ быть только тотъ, кто любитъ всѣ народы. «Любовь, которую вы отдаете человѣчеству, вы отдаете ее и своему отечеству,—говорятъ они,—потому что всѣ націи солидарны. Благополучіе одной приноситъ пользу и всѣмъ другимъ. Усиленная производительность какой-нибудь націи всегда бываетъ выгодна и другимъ націямъ, получающимъ отъ нея продукты лучшаго качества и болѣе дешевые. Если науки и искусства достигаютъ особеннаго процвѣтанія въ какой-нибудь странѣ, то всѣ другія извлекаютъ изъ этого пользу, а героическіе поступки, гдѣ бы они ни совершались, всегда восхищаютъ людей и герои, какой бы они ни были національности, увлекаютъ своимъ примѣромъ другихъ. Итакъ, если вы любите своихъ соотечественниковъ, то должны любить и всѣхъ тѣхъ, отъ кого зависитъ ихъ благополучіе, т.-е. другихъ людей, такъ какъ и они производятъ геніевъ, открытія которыхъ являются благодѣяніемъ для всѣхъ, и героевъ, примѣръ которыхъ благотворно дѣйствуетъ на гражданъ всѣхъ странъ».

Но существуютъ и другіе взгляды: Бреаль, Дюкло, Элизе Реклю, Мирбо желали бы, чтобы всѣ границы были уничтожены и всѣ отечества слились бы въ одно. По ихъ мнѣнію, патріотизмъ является лишь препятствіемъ идеѣ всемірнаго братства. Человѣческія бѣдствія и страданія вездѣ одинаковы и наука, которая вездѣ преслѣдуетъ одну и ту же цѣль, указываетъ людямъ, что они должны соединиться вмѣстѣ въ борьбѣ со страданіями и въ поискахъ истины и счастья. Слѣдовательно, должно существовать только одно великое отечество—человѣчество! Дюкло надѣется, что въ концѣ-концовъ наука уничтожитъ всѣ границы. «Что такое патріотизмъ? — говоритъ онъ. — Это даръ, завѣщанный намъ эпохой, когда преподаваніе исторіи стремилось развить соперничество между народами и правительствами и превратить его въ ненависть. Каждая нація имѣла свою исторію и свой узкій патріотизмъ. Но теперь понемногу начинаютъ замѣчать, что существуетъ еще другая исторія, которая на нашихъ глазахъ пишется рукою ученыхъ, и всѣ одинаково могутъ чествовать эту исторію, потому что всѣ работаютъ для нея. Я очень удивился бы, еслибъ въ концѣ-концовъ эта исторія не устранила ту, которая существовала до сихъ поръ». Октавъ Мирбо высказывается еще рѣзче. Онъ смотритъ на патріотизмъ съ точки зрѣнія международнаго убійства и въ его глазахъ отечество—это Молохъ, насыщенный кровью. Элизе Реклю говоритъ объ искусственности границъ, создаваемыхъ правительствами между людьми, общій интересъ которыхъ требуетъ, наоборотъ, чтобы они соединили свои усилія для борьбы со зломъ. «Что такое отечество?—говоритъ онъ.—Это большая или маленькая территорія, съ рѣзко установленными границами разнообразнаго происхожденія, природными или искусственными, представляющими черты, проведенныя на бумагѣ и затѣмъ перенесенныя на данную мѣстность. Исходя изъ всѣхъ этихъ опредѣленій, отвѣчающихъ общей идеѣ всѣхъ заинтересованныхъ народовъ и трижды санкціонированныхъ дипломатіей, военнымъ режимомъ и фискальною системой, отечество и его производное

патріотизмъ являются прискорбнымъ пережиткомъ, продуктомъ агрессивнаго эгоизма, который не можетъ вести ни къ чему иному, какъ къ разрушенію, гибели плодовъ гуманитарной дѣятельности и къ истребленію людей. Но народъ наивенъ и поэтому его научили понимать подъ словомъ «отечество» множество прекрасныхъ вещей, ничего не имѣющихъ общаго съ искусственнымъ дѣленіемъ земли на враждующіе участки. Всѣ эти глубокія впечатлѣнія, которыя мы выносимъ изъ нашего дѣтства, улыбающіяся лица стариковъ, которые насъ любятъ и ласкаютъ, языкъ, на которомъ мы научаемся лепетать первыя слова, сладкія воспоминанія дѣтства и юности, школы и товарищи, — все, чтб составляетъ наслѣдіе человѣка, въ какой бы части свѣта ни находилась его колыбель, въ дѣйствительности существовало гораздо раньше идеи ограниченнаго отечества и связывать эти чувства съ существованіемъ эфемерныхъ раздѣленій на поверхности земли, совершенно невѣрно. Напротивъ, между этими первыми впечатлѣніями, привязывающими насъ къ землѣ и обществу людей, и тѣми искусственными линіями раздѣленій, которыя мѣшаютъ свободному образованію человѣческихъ группъ, въ сущности существуетъ глубокое противорѣчіе, такъ какъ эти раздѣленія стремятся фиксировать то, что неуловимо, т.-е. временныя симпатіи людей, чувство расположенія и солидарности. Обширный міръ принадлежитъ намъ и мы принадлежимъ міру. Долой всѣ преграды, символы захвата и ненависти. Мы жаждемъ обнять, наконецъ, всѣхъ людей и сказать имъ, что они наши братья!»

Въ противоположность этимъ возвышеннымъ идеаламъ, Франсуа Коппе, др. Оссонвилль и Фагэ доказываютъ, въ своихъ отвѣтахъ, что націи должны быть эгоистичны, такъ какъ эгоизмъ—это главное условіе ихъ существованія. Народъ, который первый рѣшится отказатся отъ всякаго эгоизма, будетъ поглощенъ другимъ и такимъ образомъ всякая попытка расширить идею человѣческой ассоціаціи должна привести какъ разъ къ обратнымъ результатамъ.

Французскіе ученые и писатели, къ которымъ обратился журналъ, раздѣлились, слѣдовательно, на три группы въ вопросѣ о патріотизмѣ. Большинство стремится примирить идею патріотизма съ любовью къ человѣчеству и около этого большинства группируются приверженцы крайнихъ взглядовъ, составляющіе меньшинство. Одни приносятъ человѣчество въ жертву идеѣ патріотизма, другіе же идею человѣчества ставятъ выше всего.

Предпріимчивый японскій ученый и путешественникъ Экаи Кавагуши, описываетъ въ «Century Magazine» свои приключенія въ Тибетѣ. Выѣхавъ изъ Японіи въ 1897 году, онъ оправился въ Даржилинъ и принялся тамъ изучать тибетскій языкъ. Съ этою задачей онъ справился въ 16 мѣсяцевъ и въ одеждѣ тибетскаго ламы вступилъ въ запретную страну. Ему удалось проникнуть въ Лхассу и прожить тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ средѣ тибетскихъ ламъ разныхъ разрядовъ. Экаи Кавагуши предпринялъ свое путешествіе со спеціальною цѣлью дополнить свои изслѣдованія буддизма. Весь смыслъ существованія тибетскаго правительства заключается по его словамъ, въ охраненіи и поддержаніи буддизма и по этой то причинѣ Тибетъ превратился въ замкнутую страну, а изоляція отъ всѣхъ-

внѣшнихъ вліяній пріобрѣла характеръ жизненнаго принципа, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія тибетцевъ.

Въ мартѣ 1900 года японскій путешественникъ попалъ, наконецъ, въ Лхассу и былъ допущенъ въ тибетскій университетъ при храмѣ Сера, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ, когда онъ сдалъ предписанный экзаменъ, то получилъ разрѣшеніе поступить на курсы буддійскаго катихизиса. Тамъ онъ получилъ титулъ «Сера и Амха», что означаетъ «докторъ Серы». Японецъ выдавалъ себя за китайскаго врача и довольно успѣшно игралъ свою роль. Это званіе открыло ему двери многихъ вліятельныхъ домовъ Лхассы, но практика «доктора—аматера» отнимала у него много времени и мѣшала его собственнымъ занятіямъ, зато, благодаря пріобрѣтеннымъ знакомствамъ, ему удалось получить доступъ, въ библіотеки разныхъ храмовъ. Но самымъ интереснымъ событіемъ его пребыванія въ Лхассѣ была первая аудіенція у Далай Ламы, которую онъ получилъ въ сентябрѣ того же года. Зданія дворцоваго города, гдѣ находится резиденція Далай-Ламы, представляютъ группу построекъ внушительнаго массивнаго вида, расположенную на холмѣ, откуда открывается великолѣпный видъ на окаймленныя горами обширныя равнины Тибета и безчисленные храмы съ ихъ желтыми крышами. Японца провели черезъ множество богато разукрашенныхъ въ китайскомъ вкусѣ покоевъ, въ залу, гдѣ сидѣлъ Далай Лама въ креслѣ. Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ 28, въ желтомъ шелковомъ священническомъ одѣяніи и головномъ уборѣ ламъ. Въ лѣвой рукѣ у него были четки изъ ягодъ одного дерева. Японецъ три раза распростерся передъ нимъ и затѣмъ остался стоять во все продолженіе аудіенціи и только снова палъ ницъ, чтобы принять благословеніе Далай-Ламы. «Ты долженъ вылечить моихъ священниковъ!» сказалъ ему Далай-Лама.

Личное впечатлѣніе, которое вынесъ японецъ изъ своего посѣщенія Далай-Ламы, было весьма благопріятное. По его словамъ, Далай Лама глубокій знатокъ будійскаго ученія и, кромѣ того, обладаетъ большими политическими и государственными способностями. Большинство прежнихъ Далай-Ламъ были только призрачными властителями Тибета. Министры обыкновенно медленно отравляли ихъ и они даже не достигали совершеннолѣтія, а затѣмъ на ихъ мѣсто возводились на тронъ другіе мальчики. Но теперешній Далай-Лама взялъ твердою рукой бразды правленія, и энергично старается реформировать прежнюю систему администраціи Тибета, уничтожить подкупъ, власть любимцевъ и т. п. Между прочимъ, японецъ разсказываетъ о томъ, что Далай-Лама заключилъ тайный договоръ съ Россіей. Въ числѣ подарковъ, полученныхъ имъ изъ Россіи, находилось также полное епископское облаченіе и митра, отдѣланная жемчугомъ, отъ которой Далай-Лама былъ въ восторгѣ. Оказывается, что онъ не зналъ, что религія русскихъ и тибетцевъ совершенно иная и думалъ, что русскіе, подобно монгольскимъ бурятамъ, также исповѣдуютъ буддійскую религію; поэтому онъ очень обрадовался подарку и наряжался въ епископскія одежды при всякомъ торжественномъ случаѣ.

Въ маѣ 1902 года Кавагуши долженъ былъ поспѣшно покинуть Тибетъ Его предупредили, что тибетское правительство какимъ-то образомъ провѣдало

о томъ, что онъ японецъ, слѣдовательно, опасный чужестранецъ, обманомъ втершійся въ страну. Жизнь его подвергалась такимъ образомъ опасности. Дѣйствительно, когда онъ уже былъ въ Дарджилингѣ, то узналъ, что его друзей въ Лхассѣ посадили въ тюрьму. Японецъ очень этимъ огорчился и написалъ письмо Далай-Ламѣ, которое было переслано по назначенію первымъ министромъ непальскаго раджи. Японецъ изложилъ Далай-Ламѣ цѣль своего путешествія—изученіе буддизма, и, къ удивленію, Далай-Лама настолько смягчился, что не только освободилъ друзей японца, но даже прислалъ ему въ подарокъ цѣнную коллекцію буддійскихъ санскритскихъ рукописей.

Въ англійскихъ журналахъ очень много говорятъ о русско-японскомъ конфликтѣ. «Fortnightly Review» объясняетъ настойчивость, съ которою Японія старается добиться эвакуаціи Манчжуріи, тѣмъ, что эта провинція составляетъ ключъ къ преобладанію въ Китаѣ. Японія желаетъ возрожденія Китая и это составляетъ для нея вопросъ такой же важности, какъ для Англіи объединеніе всѣхъ расъ, говорящихъ по-англійски, а для Россіи—панславизмъ. По мнѣнію автора статьи англійскаго журнала, Японія не можетъ удовлетвориться обезпеченіемъ своихъ интересовъ въ Кореѣ. Россія, въ сущности, не имѣетъ никакого права вести переговоры съ Японіей относительно Кореи, точно о завоеванной странѣ, но Японія, какъ и всякая другая держава, можетъ поднять вопросъ о Манчжуріи. Въ Японіи общественное мнѣніе почти единогласно высказывается въ пользу войны. Преданія, національная гордость японцевъ, ихъ аристократизмъ,—все это увлекаетъ ихъ въ сторону войны и народъ, въ данномъ случаѣ, раздѣляетъ взгляды знатныхъ круговъ. Но удивительнѣе всего, что даже японскіе дѣльцы, которые должны больше всѣхъ потерять отъ войны, единогласно высказываются за энергичный образъ дѣйствій. На послѣднемъ собраніи банкирскаго клуба въ Токіо, баронъ Шибушава, шестидесятилѣтній старикъ, обратился къ присутствующимъ банкирамъ со слѣдующею рѣчью: «Если Россія будетъ упорствовать и, преслѣдуя до конца свои честолюбивыя цѣли, подвергнетъ безчестію нашу страну, то мы, мирные банкиры, потеряемъ терпѣніе и повинуясь истинному духу японскаго народа, возьмемся за оружіе. Я старикъ, но у меня еще сохранился остатокъ силъ и мужества; вы же, мои слушатели, находящіеся во цвѣтѣ лѣтъ, конечно, также не захотите перенести униженія своей страны». Японія, какъ увѣряетъ авторъ, отклонила союзъ съ Китаемъ противъ Россіи, но, тѣмъ не менѣе, между Токіо и Пекиномъ существуетъ соглашеніе и согласіе Китая на тибетскую экспедицію было однимъ изъ условій этого соглашенія. Насчетъ шансовъ Японіи въ войнѣ взгляды англійскихъ авторовъ расходятся, но тѣмъ не менѣе большинство признаетъ, что на сторонѣ Японіи находится то большое преимущество, что она будетъ сражаться въ своихъ собственныхъ водахъ и что за ея флотомъ будетъ стоять вся нація, со всѣми рессурсами страны.

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

Астрономія въ 1903 году.

Папская комета. — Другія кометы въ 1903 году.—Леониды и Біелиды. — Новыя звѣзды.—Перемѣнныя.—Примѣненіе новаго прибора — стереокомпаратора къ открытію перемѣнныхъ звѣздъ.—Двойныя звѣзды.—Планеты.—Вращеніе Венеры и Сатурна.—Каналы Марса.—Вулканическая дѣятельность на Лунѣ по фотографическимъ снимкамъ Парижской обсерваторіи.—Фотогафическая карта неба.—Новые результаты относительно числа, распредѣленія и движенія туманностей по фотографическимъ снимкамъ проф. Вольфа.—Оживленіе солнечной дѣятельности.—Магнитныя бури и сѣверныя сіянія.—Сводъ работъ академика Ѳ. А. Бредихина по теоріи кометныхъ формъ и теоріи образованія метеорныхъ потоковъ.

Наиболѣе крупнымъ астрономическимъ явленіемъ въ 1903 году оказывается комета, открытая французскимъ астрономомъ Боррелли 21-го іюня н. ст. Она интересна и по своему движенію на небѣ, и по физическимъ свойствамъ. Благодаря значительной яркости, она въ теченіе долгаго времени была доступна наблюденію невооруженнымъ глазомъ. Масса лицъ усмотрѣла при этомъ комету самостоятельно, хотя не всѣ поняли, что наблюдаютъ комету. Періодъ наибольшей яркости пришелся на 15—20-е іюля, когда папа Левъ XIII кончалъ свое земное существованіе. Иной католикъ можетъ искать значенія въ этомъ совпаденіи. А положеніе кометы во время наибольшаго приближенія къ солнцу даетъ еще основаніе къ астрологическимъ размышленіямъ. Комета прошла по созвѣздіямъ: Водолея, Малаго Коня, Лисицы, Лебедя, Дракона, Малой Медвѣдицы, Большой Медвѣдицы и во время наибольшаго приближенія къ солнцу (27-го августа н. ст.) находилась какъ разъ въ созвѣздіи Льва. Какъ при такихъ обстоятельствахъ человѣку суевѣрному воздержаться отъ предположенія, что комета является предвѣстницей кончины первосвященника—папы Льва XIII-го? Въ моментъ открытія комета представляла собой слабую туманность, въ которой, впрочемъ, обозначались уже ядро и хвостъ. Комета поднималась изъ южнаго полушарія въ сѣверное по орбитѣ, почти перпендикулярной къ орбитѣ земли. Вслѣдствіе приближенія кометы къ солнцу и особенно къ землѣ, яркость ея быстро возрастаетъ и около 17-го іюля, когда земля проходила подъ орбитой кометы, она дѣлается въ 15 разъ больше, чѣмъ въ день открытія. Это былъ максимумъ яркости. Потомъ, по мѣрѣ удаленія отъ земли, несмотря на продолжающееся приближеніе къ солнцу, комета постепенно дѣлается сла-

бѣе. Теоретическая, предвычисленная впередъ, яркость, впрочемъ, отличается нѣсколько отъ дѣйствительной, потому что комета свѣтила не только отраженнымъ солнечнымъ свѣтомъ, но также вслѣдствіе внутреннихъ процессовъ, которые подъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей развивались все болѣе и болѣе. Въ іюлѣ уже съ помощью слабаго бинокля можно было легко различить хвостъ кометы, въ болѣе сильный онъ имѣлъ значительную длину, а на фотографическихъ пластинкахъ онъ тянется болѣе чѣмъ на 15 градусовъ—это приблизительно 30 лунныхъ діаметровъ. Комета находилась въ это время еще очень далеко отъ солнца, болѣе чѣмъ на 160.000.000 километровъ. При наибольшемъ приближеніи къ солнцу она находилась отъ него только на одной трети разстоянія земли отъ солнца, т.-е. 50.000.000. Дѣйствіе солнечныхъ лучей на комету въ это время было гораздо значительнѣе и хвостъ, безъ сомнѣнія, развился еще больше. Къ сожалѣнію, къ этому времени земля и комета далеко разошлись и это интересное явленіе оказалось недоступнымъ для нашихъ наблюденій.

Прекрасныя фотографіи астрономовъ Іеркской обсерваторіи Barnard'а и Wallace обнаруживаютъ интересное строеніе хвоста, которое мѣняется ото дня ко дню и даже въ теченіе одного вечера. 20-го іюля хвостъ является сплошнымъ безъ всякихъ отвѣтвленій, и тянется на 9 градусовъ, по 22-го видно уже 4 луча, причемъ три изъ нихъ, исходя, очевидно, изъ головы кометы, становятся видимыми лишь на значительномъ отъ нея разстояніи. Несомнѣнно прекратилось истеченіе тѣхъ веществъ, изъ которыхъ состоятъ эти лучи. Сплошной лучъ имѣетъ въ длину до 16 градусовъ. На пластинкѣ, снятой 23-го іюля, видны три луча, изъ нихъ одинъ очень слабъ, но тѣмъ не менѣе можетъ быть прослѣженъ на 14 градусовъ. 24-го іюля новое измѣненіе. Хвостъ одинъ, но на разстояніи четырехъ градусовъ отъ головы онъ какъ бы перерубленъ и направленіе дальнѣйшей его части приблизительно на 2 градуса отличается отъ направленія продольной оси куска, ближайшаго къ головѣ. Повидимому, это дѣленіе произошло быстро въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. На слѣдующій день хвостъ оказался совершено сплошнымъ, безъ какихъ-либо особенностей. Нѣсколько разъ поднимался вопросъ, возможено ли поглощеніе и отклоненіе лучей, идущихъ къ намъ отъ какой-либо звѣзды черезъ голову кометы? Спеціальныя изслѣдованія обнаружили, что никакого поглощенія и отклоненія замѣтить нельзя. Нужно было допустить, что даже наиболѣе плотная часть кометы—голова состоитъ изъ очень разрѣженной матеріи. И вдругъ, къ великому удивленію, комета Боррелли оказывиется въ этомъ отношеніи особой. Профессоръ Вольфъ сфотографировалъ ее двумя свѣтосильными объективами 25-го іюля въ то время, когда она проходила передъ звѣздой $6^1/_2$-величины. На обоихъ снимкахъ широкій слѣдъ этой яркой звѣзды оказался значительно слабѣе и уже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ покрытъ кометой. Сосѣдняя слабенькая звѣздочка дала совершенно ровный на всемъ протяженіи слѣдъ. Такъ какъ слѣдъ слабыхъ звѣздъ получается только отъ дѣйствія тѣхъ лучей, для которыхъ шлифованъ объективъ, то проф. Вольфъ дѣлаетъ предположеніе, что въ кометѣ Боррелли имѣло мѣсто избирательное поглощеніе лучей. Яркая звѣзда посылала намъ много дѣятельныхъ лучей,

которые дѣйствовали на пластинку. Лучи между фраунгоферовыми линіями F и G, для которыхъ шлифованы объективы Вольфа, не поглощались кометой, но другіе претерпѣвали значительное поглощеніе. Слѣдовательно, изъ ядра кометы истекала матерія, которая, обращаясь въ газъ, поглощала много лучей изъ пучка, идущаго отъ звѣзды. Но отклоненіе лучей и на этотъ разъ не могло быть доказано. Были также сдѣланы попытки получить спектръ кометы Боррелли. Онъ оказался обыкновеннымъ, изъ углеводородныхъ и синеродистыхъ полосъ, но съ интересными подробностями, напоминающими спектръ кометы Рордама 1893 года. Полосы въ голубой области спектра были отдѣлены, тогда какъ у большинства кометъ онѣ слиты. Это обстоятельство еще болѣе приближаетъ спектры кометъ Боррелли и Рордама къ спектру углеводородовъ.

Между ультрафіолетовой синеродистой полосой съ длиной волны 338 микромикрона и слѣдующей (337 микромикрона) рѣзкое ослабленіе свѣта, что бываетъ только при освѣщеніи газа, находящагося подъ малымъ давленіемъ, электрическимъ свѣтомъ. Отсюда непосредственно можно заключить, что кометное вещество свѣтится подъ дѣйствіемъ электрическихъ лучей, на что еще раньше давали указанія опыты Фогеля и Гассельберга. Правда, есть нѣкоторое отличіе спектра углеводородовъ и синерода при электрическомъ освѣщеніи отъ того, что представляетъ спектръ кометы, но отличіе это можетъ быть объяснено предположеніемъ, что причина электрическаго свѣченія въ кометахъ слаба. Она способна освѣтить сложное тѣло, но не способна его разложить и обнаружить спектръ составныхъ частей.

Въ спектрѣ кометы, сфотографированномъ 7-го августа, полоса съ длиной волны 338 микрокрона оказалась наклонной по отношенію къ линіямъ спектра земного источника. Эта интересная подробность прямо указывала на то, что частицы кометнаго вещества подъ дѣйствіемъ отталкивательной силы солнца уносятся изъ ядра въ хвостъ. Чрезвычайно интересно будетъ сопоставить это явленіе съ тѣми результатами, которые будутъ получены теоретически изъ изслѣдованія строенія хвоста кометы и скоростей истеченій изъ ея ядра.

Кромѣ кометы Баррелли, въ 1903 году наблюдались еще четыре. Одна изъ нихъ, открытая 15-го января астрономомъ Жіакобини въ Ниццѣ, была тоже довольно яркая. Ея яркость, постепенно возростая, вслѣдствіе приближенія кометы къ землѣ и солнцу, въ концѣ марта сдѣлалась въ 80 разъ больше, чѣмъ при открытіи. Уже 20-го февраля комета была вполнѣ доступна наблюденіямъ невооруженнымъ глазомъ, будучи равной по яркости извѣстной туманности Андромеды; но никакихъ особенныхъ явленій комета не развила. Хвостъ ея былъ малъ и неопредѣлененъ. Поднявшись по созвѣздію Пегаса, комета повернула въ началѣ марта внизъ, 26-го марта перешла экваторъ и скоро скрылась отъ взоровъ наблюдателей сѣвернаго полушарія. Такъ называемая II-ая комета 1903 года была открыта еще въ концѣ 1902 года. Она наблюдалась въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, но все время оставалась очень слабой, почти не измѣняясь по яркости. Комета III-я 1903 года не была вовсе наблюдаема въ сѣверномъ полушаріи. Ее нашелъ Grigg на Новой Зеландіи 16-го апрѣля—въ то время, когда она, опускаясь все дальше и дальше въ южное полушаріе, уходила и отъ

солнца, и отъ земли. Комета была очень слаба и размыта. Послѣдняя комета, найденная Aitken'омъ 18-го августа, представляетъ собою интересную періодическую комету Брукса. Это уже третье возвращеніе кометы къ солнцу. Въ первый разъ нашелъ ее Бруксъ въ 1889 году. По вычисленію элементовъ оказалось, что комета идетъ по замкнутой орбитѣ, небольшому, сравнительно, эллипсу со временемъ обращенія всего 7 лѣтъ. То обстоятельство, что комету не наблюдали раньше, объясняется тѣмъ, что до 1886 года она шла по совершенно другой орбитѣ. Послѣдняя представляла вытянутый эллипсъ со временемъ обращенія въ 40, приблизительно, лѣтъ, причемъ приближеніе къ солнцу возможно было только на 5,4 разстоянія земли отъ солнца, а на такомъ разстояніи остаются кометы вообще очень слабыми и недоступными для нашихъ наблюденій. Но вотъ въ 1886 году комета Брукса подходитъ къ Юпитеру; разстояніе кометы отъ могучей планеты оказывается исключительно малымъ. Комета почти касается поверхности планеты. Юпитеръ своимъ притяженіемъ совершенно измѣняетъ путь кометѣ, происходитъ, поистинѣ, ломка орбиты. Направленіе движенія мѣняется на обратное, вмѣсто удлиненнаго эллипса оказывается малый съ временемъ обращенія всего въ 7 лѣтъ, точка наибольшаго приближенія становится точкой наибольшаго удаленія; теперь комета можетъ подходить къ солнцу уже значительно ближе—на 1,95 разстоянія земли отъ солнца, и становится доступной нашимъ наблюденіямъ. Очевидно, въ это же время происходитъ и дѣленіе кометы на части. Въ 1889 году ее видятъ съ 4 спутниками, изъ которыхъ для двухъ оказалось возможнымъ прослѣдить и движеніе. Бредихинъ разсчиталъ, что для отдѣленія одной части отъ главной кометной массы потребовался толчокъ, который вызвалъ скорость въ 45 метровъ по направленію къ солнцу, а для другой—такой же толчокъ, но въ обратномъ направленіи. Удалившись отъ солнца, комета скрылась отъ нашихъ взоровъ, но, обогнувъ по своей орбитѣ, она черезъ 7 лѣтъ, въ 1896 году вновь возвращается и становится доступной наблюденіямъ. Теперь въ третій разъ она появляется въ назначенный срокъ и въ указанномъ мѣстѣ неба. Положеніе кометы въ моментъ открытія оказалось, по непосредственному измѣренію Aitken'a, лишь очень немного отличнымъ отъ того, которое опредѣлялось впередъ вычисленіями.

Съ большимъ интересомъ и волненіемъ, передавшимся въ большую публику, поджидали астрономы ноября 1898, 1899 и 1900 годовъ. Надѣялись увидѣть блестящія явленія звѣздныхъ дождей. Въ 1799 году 12-го ноября нов. ст. Александръ фонъ-Гумбольдъ былъ свидѣтелемъ въ Америкѣ такого явленія. Оно повторилось въ тѣ же числа ноября въ 1833 и 1866 году. Очевидно, была періодичность въ 33—34 года. Но 1899 или 1900 г. подали новыя ожиданія этого же звѣзднаго дождя,—дождя, образованнаго массой малыхъ метеоровъ, которые для наблюдателя сыпались какъ бы изъ созвѣздія Льва, откуда и названіе метеоровъ — Леониды. Кромѣ этого потока Леонидъ, ожидался еще потокъ Андромедидъ (исходная точка метеоровъ въ созвѣздіи Андромеды) или, какъ ихъ называютъ теперь, Біелидъ, получившихся

отъ разложенія извѣстной кометы Біелы. Въ 1872 году 27-го ноября земля встрѣтила, вмѣсто кометы, кучу мелкихъ тѣлецъ, которыя, проносясь черезъ нашу атмосферу и накаляясь вслѣдствіе тренія въ воздухѣ, произвели явленіе настоящаго дождя—метеоры летѣли тысячами. Дождь повторился и 27-го ноября 1885 года. Было полное основаніе ожидать его въ 1898 году или въ крайнемъ случаѣ въ 1899 году.

Но природа посмѣялась надъ ожиданіями, Ни того, ни другого явленія не наблюдалось ни въ 1898, ни въ 1899, ни въ 1900 годахъ. Для Леонидъ это обстоятельство нашло объясненіе въ томъ фактѣ, что путь метеоровъ въ пространствѣ, вслѣдствіе различныхъ вліяній планетъ, отошелъ отъ орбиты земли, такъ что теперь, при встрѣчѣ съ послѣдней, они не попадали больше въ ея атмосферу.

Отмѣчены были лишь единичные, одинокіе метеоры, не позволявшіе судить объ явленіи въ его цѣломъ. Тѣмъ болѣе оказались неожиданными наблюденія англійскаго астронома Деннинга большого числа метеоровъ изъ потока Леонидъ въ ночь съ 15-го на 16-е ноября 1903 года. Явленіе развивалось прогрессивно съ 3 часовъ до утра. Около 6 часовъ—на каждую минуту приходилось въ среднемъ по три метеора; быть можетъ, число ихъ увеличивалось и дольше, но приближеніе зари прекратило наблюденія. Среди наблюдавшихся метеоровъ было очень много яркихъ, равныхъ по блеску звѣздамъ первой величины, Юпитеру и Венерѣ. Та область неба, откуда какъ бы выходили метеоры, представляла собой площадь въ 6—7 градусовъ діаметромъ. Ея центръ былъ нѣсколько правѣе и выше звѣзды *гаммы* Льва.

То же явленіе наблюдалъ и проф. Вейнекъ въ Прагѣ. Въ ночь на 16-ое ноября небо въ Прагѣ было покрыто облаками до 5 часовъ. Но потомъ оно прояснилось и можно было нанести на карту нѣсколько метеоровъ, среди которыхъ были очень яркіе.

Егинитисъ въ Аѳинахъ наблюдалъ три ночи подрядъ: 14-го, 15-го и 16-го ноября. Въ первую ночь за 6 часовъ наблюденій онъ видѣлъ только 12 метеоровъ, 15-го онъ нанесъ на карту 187, на слѣдующій день опять всего 33 метеора. Максимумъ явленія ясно обнаружился между 3 и 4 часами аѳинскаго времени въ ночь съ 15-го на 16-ое ноября, т.-е. нѣсколько ранѣе, чѣмъ въ Англіи у Деннинга.

Егинитису удалось наблюдать также и Біелиды. 23-го ноября онъ видѣлъ 14 метеоровъ, 24-го — 11. Всѣ метеоры были слабые, оставляли короткіе слѣды красноватаго цвѣта, при чемъ пролетали очень быстро.

Благодаря фотографіи, за послѣднее время открытіе новой звѣзды перестало быть рѣдкимъ, исключительнымъ событіемъ. За 315 лѣтъ (съ 1572 по 1887) отмѣчено было всего 12 случаевъ возгаранія новаго свѣтила, а за послѣднія 16 лѣтъ открыто уже десять такъ называемыхъ новыхъ звѣздъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, все болѣе и болѣе выясняется, что названіе «новая» звѣзда не отвѣчаетъ дѣйствительности. Новая звѣзда не представляетъ собой только что возгорѣвшееся тѣло. Она, несомнѣнно, существовала и раньше въ томъ

мѣстѣ неба, гдѣ ее усмотрѣли, только раньше она была невидима, вѣроятно, вслѣдствіе замѣчательнаго охлажденія и покрытія корой. Вслѣдствіе какой-то причины кора эта въ извѣстный моментъ лопается, изнутри взрываютъ газы, которые, возгораясь, производятъ впечатлѣніе звѣзды. По мѣрѣ сгоранія извергнутыхъ газовъ, яркость звѣзды падаетъ, обыкновенно, съ періодическими колебаніями и черезъ нѣкоторое время новая ослабѣваетъ настолько, что становится недоступной даже для большихъ трубъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ новыя звѣзды оказываются перемѣнными, яркость которыхъ измѣняется въ значительныхъ предѣлахъ. Между новыми и перемѣнными звѣздами есть, во всякомъ случаѣ, непосредственная связь.

Иногда при открытіи новой бываетъ трудно сразу рѣшить, имѣемъ ли мы дѣло съ новой или перемѣнной. Въ 1903 году какъ разъ было два подобныхъ открытія

Телеграмма астронома Тёрнера изъ Оксфорда отъ 25-го марта извѣщала, что имъ усмотрѣны 16-го марта въ созвѣздіи Близнецовъ «новая или перемѣнная» 8-й величины. Звѣзда открыта съ помощью фотографіи. Справки въ фотографическомъ архивѣ нѣкоторыхъ обсерваторій установили, что она принадлежитъ къ новымъ, а изслѣдованіе спектра показало, что она находится въ періодѣ потуханія. Спектръ на снимкахъ Гартмана въ Потсдамѣ, не смотря на свою малую интенсивность, оказался вполнѣ опредѣленнымъ, схожимъ со спектромъ новой Персея во второй половинѣ марта 1901 года, когда звѣзда убывала.

Богатый фотографическій матеріалъ, собранный на обсерваторіи Гарвардскаго колледжа, раскрылъ полную картину возгоранія новой въ близнецахъ. Перваго марта ея еще не видно, хотя на пластинкѣ сфотографированы звѣзды до $11^1/_2$ величины. Не видно ея и 2-го марта на пластинкѣ, на которой вышли звѣзды до $9^1/_2$ величины, а 6-го марта она уже 5-й величины, т.-е. доступна наблюденію невооруженнымъ глазомъ, хотя и остается никѣмъ не замѣченной. 11-го марта яркость новой звѣзды 6,8—она идетъ уже на убыль, 12-го марта звѣзда 7,1 величины, 14-го—7,4 и т. д.

Непосредственныя наблюденія, послѣ того какъ звѣзда была открыта Тёрнеромъ, обнаружили, что яркость непрерывно падала до середины апрѣля, въ теченіе нѣсколькихъ дней, около 17-го апрѣля она остается неизмѣнной, потомъ опять низко падаетъ, но съ періодическими вспышками, изъ которыхъ вспышка 14-го мая была сравнительно очень большая—на $^1/_2$ звѣздной величины.

Интересна окраска звѣзды. Многими наблюдателями отмѣченъ интенсивно оранжевый красноватый цвѣтъ ея въ первые дни наблюденія.

Вторая звѣзда оказалась перемѣнной. Она указана проф. Вольфомъ телеграммой отъ 5-го октября, причемъ Вольфъ называетъ ее «перемѣнной характера новыхъ», онъ отмѣчаетъ, что спектръ ея подобенъ спектру туманностей. Открытіе сдѣлано по сравненію фотографической пластинки, снятой 21-го сентября 1903 года, съ пластинкой отъ 16-го—18-го іюля 1901 года, на которой, вмѣсто звѣзды, едва можно замѣтить слабый, сомнительный слѣдъ ея. За-

мѣчателенъ и внѣшній видъ изображенія звѣзды на пластинкѣ. Это не дискъ, какъ для всѣхъ звѣздъ, а кольцо—очевидно, свѣтило посылаетъ по преимуществу лишь одного рода лучи—лучи фіолетовые.

Проф. Бернардъ тотчасъ же вслѣдъ за телеграммой Вольфа могъ отожествить новую перемѣнную со звѣздой, занесенной въ Боннскій каталогъ Аргеландера подъ нумеромъ 37°3876.

Астрономъ Виртцъ отмѣчаетъ кроваво-красный цвѣтъ ея, а фотографическіе снимки, накопленные на обсерваторіи Гарвардскаго колледжа съ 29-го октября 1891 года, раскрываютъ характеръ измѣненія яркости и спектра. Яркость падаетъ болѣе, чѣмъ на двѣ звѣздныя величаны; спектръ принадлежитъ къ четвертому типу, хиректерному для красныхъ звѣздъ.

По числу открытій перемѣнныхъ звѣздъ 1903 годъ былъ очень богатъ. Указано 63 новыхъ перемѣнныхъ. Среди нихъ много очень интересныхъ. Въ созвѣздіи Большой Медвѣдицы, напримѣръ, потсдамскіе астрономы Мюллеръ и Кампфъ нашли звѣздочку, которая измѣняетъ свою яркость на 0,7 звѣздной величины (7,9—8,6), въ теченіе необычайно короткаго періода—всего *четыре часа*. Въ продолженіи нашихъ сутокъ яркость этой звѣзды падаетъ и вновь увеличивается шесть разъ. Что за причина этого явленія, какіе процессы имѣютъ мѣсто на далекомъ отъ насъ свѣтилѣ, по своимъ размѣрамъ, вѣроятно, не уступающемъ нашему громадному солнцу.

Большое вниманіе астрономовъ привлекла загадочная слабенькая звѣздочка близъ извѣстной кольцевой туманности въ созвѣздіи Лиры, перемѣнность которой обнаружилъ мюнхенскій астрономъ Зильбернагель съ помощью фотографій. Дружными усиліями многихъ наблюдателей съ помощью фотографическаго матеріала, накопленнаго на различныхъ обсерваторіяхъ, удалось представить паденіе и увеличеніе яркости звѣзды кривою съ періодомъ въ 250 дней. Колебанія яркости происходятъ въ предѣлахъ четырехъ звѣздныхъ величинъ (11,7—15,6), т.-е. во время минимума звѣзда бываетъ въ тридцать разъ слабѣе, чѣмъ во время максимума.

Съ такимъ же длиннымъ періодомъ измѣненіе яркости указана Вилльямсомъ звѣзда въ созвѣздіи Андромеды. Характеръ колебанія ея блеска, впрочемъ, еще мало изученъ.

Тѣмъ же Вилльямсомъ указана и изучена звѣзда въ созвѣздіи Лиры, которая по своимъ особенностямъ подходитъ на удивительныя перемѣнныя, открытыя за послѣднее время въ нѣкоторыхъ звѣздныхъ скопленіяхъ, именно типа, противоположнаго извѣстному типу Альголя. Измѣненіе яркости Альголя-*беты* Персея, наиболѣе опредѣленно, вполнѣ для насъ ясна и понятна причина его. Въ теченіе 2 дней и $11^1/_2$ часовъ звѣзда горитъ постояннымъ блескомъ, 2,3 величины, потомъ яркость начинаетъ постепенно падать и черезъ $4^1/_2$ часа звѣзда доходитъ до 3,5 величины, а затѣмъ вновь постепенно яркость увеличивается и черезъ $4^1/_2$ часа достигаетъ своей прежней интенсивности. Правильно и непрерывно повторяются эти потемнѣнія звѣзды, чувствуется непосредственно, что что-то темное черезъ правильные промежутки времени

затемнѣетъ яркаго Альголя отъ васъ. Періодическія смѣщенія линіи въ спектрѣ звѣзды, открытыя съ примѣненіемъ фотографіи въ спектральныхъ наблюденіяхъ также допускаютъ только одно объясненіе, что Альголь не простая звѣзда, а сложная система: темный спутникъ, обходя по опредѣленной орбитѣ около яркой звѣзды, прекращаетъ отчасти доступъ ея лучей къ намъ, производитъ затменіе или, лучше, потемнѣніе звѣзды.

Обратное совершенно явленіе въ двухъ классахъ перемѣнныхъ звѣздъ, которыя были открыты недавно въ звѣздныхъ скопленіяхъ и въ новой перемѣнной Вилльямса. Яркость звѣзды въ теченіе долгаго періода все время падаетъ и, достигнувъ своего минимума, вдругъ быстро увеличивается. Время, которое необходимо для возгоранія свѣтила, въ 11 разъ меньше того, въ теченіе котораго яркость его уменьшается; отъ минимума до максимума проходитъ 1 часъ 1 минута, отъ максимума до минимума 11 часовъ 15 минутъ, такъ что періодъ измѣненія яркости 12 часовъ 16 минутъ 15 секундъ. Во время максимума звѣзда является 9,87 величины, во время минимума 11,23, такъ что предѣлы колебанія яркости почти $1^1/_2$ звѣздныхъ величины, т.-е. свѣтъ ослабляется, приблизительно, въ 4 раза. Какая причина такого явленія—не знаемъ. Вотъ интересная задача для астронома!

Все больше и больше открытій перемѣнныхъ звѣздъ производится теперь на обсрваторіи Московскаго университета. Съ помощью короткофокусной камеры ассистентъ обсерваторіи г. Блажко регулярно фотографируетъ различныя области неба, а супруга директора, г-жа Церасская, изучаетъ его снимки, тщательно сравнивая между собой пластинки, снятыя въ различное время съ одной и той же области неба. Такимъ образомъ ею было въ теченіе послѣднихъ лѣтъ найдено нѣсколько звѣздъ, которыя измѣняютъ свою яркость. Въ 1903 году такихъ открытій было сдѣлано особенно много. Объ одиннадцати вполнѣ опредѣленныхъ опубликовано, имѣются еще нѣсколько звѣздъ подъ подозрѣніемъ. Позднѣйшими спеціальными наблюденіями фотометромъ г. Блажко могъ для нѣкоторыхъ выяснить предѣлы колебанія яркости и періоды. Есть звѣзды типа Альголя, для нѣсколькихъ періодъ очень длинный.

Примѣненіе фотографіи къ астрономіи отмѣтило, нѣсколько лѣтъ назадъ, новую эпоху въ изученіи перемѣнныхъ звѣздъ по сравненію съ визуальными наблюденіями, а теперь, съ примѣненіемъ новаго прибора стереокомпаратора, дѣлается опять новый шагъ, который обѣщаетъ намъ много интересныхъ открытій въ области перемѣнныхъ звѣздъ. Если опытный глазъ, при сравненіи фотографическихъ снимковъ, сравнительно легко замѣчалъ звѣздочки, которыя на различныхъ пластинкахъ являются различными по величинѣ, то въ стереоскопѣ всякая разница въ величинѣ одноименныхъ предметовъ на двухъ пластинкахъ обнаруживается непосредственно; такіе предметы отдѣляются изъ общей массы другихъ, для которыхъ совпаденіе изображенія было полное. Съ помощью стереоскопа можно сразу видѣть всѣ перемѣнныя звѣзды, которыя на разсматриваемыхъ пластинкахъ являются различными по яркости. И что особенно цѣнно, стереокомпараторъ наиболѣе легко выдѣляетъ болѣе слабыя, слѣдовательно, болѣе трудныя для открытія другими способами, перемѣнныя

звѣзды. Въ стереоскопѣ прежде всего бросаются въ глаза тѣ звѣзды, которыя на одной пластинкѣ видны, а на другой нѣтъ. Такія условія при большой экспозиціи возможны только для слабыхъ звѣздъ.

Конечно, и при пользованіи стереокомпаторомъ могутъ оказаться обстоятельства, которыя затемняютъ явленія—неодинаковая чувствительность пластинокъ въ различныхъ мѣстахъ, различіе во времени экспозиціи, атмосферныя условія при фотографированіи въ каждомъ случаѣ, незначительная разница въ блескѣ перемѣнной на двухъ разсматриваемыхъ въ стереокомпараторѣ пластинкахъ—тѣмъ не менѣе новый приборъ несомнѣнно чрезвычайно полезенъ въ отношеніи открытія перемѣнныхъ звѣздъ. Уже при первыхъ опытахъ въ 1901 году проф. Вольфъ въ Гейдельбергѣ нашелъ сразу десять перемѣнныхъ звѣздъ около знаменитой туманности Оріона. Въ 1903 году Вольфъ болѣе обстоятельно разслѣдовалъ съ помощью стереокомпаратора снимки туманности Оріона и, кромѣ найденныхъ раньше десяти, открылъ еще двадцать двѣ перемѣнныхъ въ той же области неба. Кромѣ того, при случайномъ разсматриваніи снимка 1903 г. туманности, стоящей въ общемъ каталогѣ туманностей подъ № 6523, вмѣстѣ съ другимъ снимкомъ, полученнымъ въ 1901 г., онъ нашелъ еще перемѣнную въ созвѣздіи Стрѣльца въ южной части туманности.

Съ распространеніемъ стереокомпаратора въ практикѣ обсерваторій можно будетъ ждать все больше и больше такихъ открытій.

Въ 1903 году было опубликовано также нѣсколько спеціальныхъ тщательныхъ изслѣдованій извѣстныхъ раньше перемѣнныхъ звѣздъ. Интересна, между прочимъ, статья ташкентскаго астрофизика Стратонова о перемѣнной *бетѣ* Лиры. Въ то время, какъ всѣ изслѣдователи измѣненія блеска этой звѣзды старались по своимъ наблюденіямъ установить кривую, данную еще Аргеландеромъ, Стратоновъ смѣло заявляетъ, что въ дѣйствительности явленіе оказывается гораздо сложнѣе, чѣмъ представляетъ его кривая Аргеландера, обнаруживающая два одинаковыхъ максимума и два неравныхъ минимума. На основаніи своихъ наблюденій, которыхъ за три года (1895—1398) Стратоновъ успѣлъ собрать 630, онъ утверждаетъ, что невязки, обращавшія на себя раньше вниманіе Линдемана и Паинекука, вполнѣ реальны, что измѣненіе блеска *беты* Лиры нельзя представить такой плавной кривой, которую далъ Аргеландеръ—это первое приближеніе, что кривая, болѣе отвѣчающая наблюденіямъ, имѣетъ извилины и зазубрины. Соединивъ свои наблюденія съ наблюденіями пяти другихъ астрономовъ, Стратоновъ получилъ опять подобную же кривую со всѣми болѣе выраженными отступленіями отъ кривой Аргеландера.

Колебанія блеска *беты* Лиры объясняются гипотезой, что эта звѣзда представляетъ собой сложную систему изъ двухъ свѣтилъ неодинаковыхъ размѣровъ, которыя, обходя одно вокругъ другого, въ извѣстные моменты становятся другъ передъ другомъ по отношенію къ землѣ—къ намъ доходитъ въ это время меньше свѣта, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда каждое тѣло посылаетъ лучи безпрепятственно,— происходитъ минимумъ. Конечно, особенности,

отмѣченныя Стратоновымъ, должны послужить къ выясненію деталей въ устройствѣ этой интересной, сложной, по невидимой непосредственно системы.

Для раскрытія строенія невидимыхъ непосредственно въ трубу сложныхъ системъ, наиболѣе пригодны изслѣдованія фотографическихъ снимковъ спектровъ. Первыя открытія такимъ путемъ были сдѣланы одновременно иа астрофизической обсерваторіи въ Потсдамѣ и на обсерваторіи Гарвардскаго колледжа въ Америкѣ. Въ періодическихъ смѣщеніяхъ линій въ спектрѣ Альголя, какъ упомянуто выше, потсдамскіе астрономы увидѣли подтвержденіе предположенію, что Альголь—двойная система; по періодическому двоенію линій въ спектрѣ *беты* Возничаго на обсерваторіи Гарвардскаго колледжа заключили, что и эта звѣзда представляетъ собой сложную, двойную систему.

Послѣдней звѣздой занялся позднѣе Бѣлопольскій въ Пулковѣ. Онъ получилъ въ 1902—1903 гг. 41 снимокъ ея спектра. Ихъ измѣрилъ и вычислилъ Тиховъ. Составляя діаграмму измѣненія скоростей, Тиховъ увидѣлъ, что получается кривая болѣе сложная, чѣмъ та, которая должна быть, если звѣзда представляетъ двойную систему. Кромѣ главнаго періода 3 дня 23 часа 30,4 минутъ, онъ выдѣляетъ еще другой, меньшій въ 5 разъ перваго—всего 19,1 часовъ, и заключаетъ, что *бету* Возничаго приходится признать не двойной, а четырехкратной звѣздой или, точнѣе, эта звѣзда представляетъ собой систему двухъ паръ звѣздъ. Одна пара обходитъ вокругъ другой въ 3 дня 23 часа 30 мин., а въ каждой парѣ періодъ движенія составляющихъ равняется 19,1 часамъ. Удивительный, совершенно неожиданный результатъ!

Съ каждымъ годомъ все больше и больше спектрографъ указываетъ намъ тѣсныхъ двойныхъ звѣздъ, которыхъ нѣтъ надежды раздѣлить даже въ очень сильныя трубы. Много такихъ новыхъ открытій сдѣлано и въ 1903 году, главнымъ образомъ на обсерваторія Лика и Іеркса въ Америкѣ.

Если возможно сфотографировать спектры обѣихъ составляющихъ въ такой системѣ, для которой имѣются микрометрическія измѣренія и вычислена орбита спутника и главной звѣзды, то оказывается не трудно опредѣлить разстояніе системы отъ насъ, истинныя линейныя ея размѣры массы ея по сравненію съ массой солнца, относительныя массы составляющихъ. Такое детальное разслѣдованіе строенія системы въ 1903 г. произвелъ Нинсу для звѣзды *дельты* Малаго Коня съ временемъ обращенія 5,7 года. Оказалось, что эта система отстоитъ отъ насъ на такомъ разстояніи, которое свѣтъ проходитъ въ 47 лѣтъ, ея масса въ 1,89 раза больше массы нашего солнца, компоненты, приблизительно, равны между собой, среднее разстояніе между ними въ 4 раза больше разстоянія земли отъ солнца.

Въ отношеніи нашего большаго знакомства съ природой планетъ, 1903 годъ не принесъ особенныхъ результатовъ. На обсерваторіи Лоуэлля въ Америкѣ была сдѣлана попытка съ помощью спектрографа опредѣлить время вращенія Венеры, но она не привела къ опредѣленнымъ результатамъ. Сколько бьются астрономы съ вопросомъ о вращеніи Венеры и ни къ чему опредѣленному

придти не могутъ! Почти сто лѣтъ думали, что Венера какъ и Земля, обращается вокругъ своей оси въ 24 часа. Скіапарелли лѣтъ пятнадцать назадъ высказалъ подозрѣніе, что планета все время остается обращенной къ солнцу одной стороной, что время ея обращеніе около оси слѣдовательно равно времени, въ теченіе котораго она обходитъ вокругъ солнца по орбитѣ, т. е. 225 днямъ. Многіе наблюдатели позднѣйшаго времени опять были болѣе склонны принять для Венеры короткое время вращенія—одни 24 часа, другіе 33 часа и т. д. Пулковскій астрофизикъ Бѣлопольскій въ 1900 по смѣщенію линій въ спектрѣ Венеры заключилъ, что время вращенія планеты должно быть короткое. Его заявленіе произвело довольно большую сенсацію, хотя онъ и не могъ изъ своихъ наблюденій опредѣлить точно этого вращенія. На обсерваторіи Лоуэлля слѣдовали примѣру Бѣлопольскаго, но, въ противоположность послѣднему, считаютъ болѣе вѣроятнымъ для времени вращенія Венеры число Скіапарелли—7 мѣсяцевъ.

Трудно было опредѣлить вращеніе Сатурна, такъ какъ на дискѣ этой планеты рѣдко можно видѣть пятна. Поэтому, когда въ 1903 году появилось на Сатурнѣ бѣлое пятно, объ этомъ было оповѣщено всѣмъ обсерваторіямъ телеграммами. По тѣмъ наблюденіямъ, которыя были сдѣланы надъ этимъ пятномъ, время вращенія планеты оказывается 10 часовъ 38 минутъ. Сто лѣтъ назадъ, по наблюденію подобнаго же свѣтлаго пятна, В. Гершель для времени вращенія Сатурна нашелъ число 10 часовъ 16 минутъ, а въ 1876 году Голлъ далъ 10 часовъ 14,4 минуты. Конечно, эти разногласія происходятъ отъ того, что наблюдаемыя на дискѣ Сатурна пятна находятся не на его поверхности, а на различныхъ высотахъ въ атмосферѣ и имѣютъ сами движенія въ атмосферѣ, кромѣ вращенія около оси планеты. Пресловутые каналы Марса, ихъ непонятное загадочное двоеніе постоянно вызываютъ астрономовъ на новыя изслѣдованія. Опять поднимаются подозрѣнія, что въ каналахъ Марса мы вовсе не имѣемъ чего либо реальнаго, что это просто оптическій обманъ. Гг. Моандеръ въ Англіи произвели такіе опыты. Они сажали двадцать мальчиковъ рисовальной школы на различныхъ разстояніяхъ предъ дисками, на которыхъ были нарисованы пятна, и предлагали имъ зарисовать, что казалось каждому. Чѣмъ дальше находились мальчики отъ диска, тѣмъ болѣе проявлялось у нихъ стремленіе соединять на своихъ рисункахъ пятна прямыми линіями, хотя на дискѣ такихъ линій совершенно не было. Эти результаты въ связи съ результатами Лэна, полученными въ концѣ 1902 года, дѣйствительно подтверждаютъ предположеніе, что каналы Марса не представляютъ собой реальнаго явленія, а только кажущееся, вслѣдствіе свойства нашего глаза въ нѣкоторыхъ случаяхъ соединять линіями темныя пятна, разбросанныя на свѣтломъ фонѣ.

Парижская обсерваторія издала седьмой выпускъ своего роскошнаго фотографическаго атласа Луны, который даетъ основаніе къ новымъ заключеніямъ о структурѣ нашего спутника. Прекрасныя фотографіи парижскихъ астрономовъ Леви и Тюссо имѣютъ вообще огромное значеніе для уясненія физическихъ процессовъ, имѣвшихъ мѣсто на поверхности луны. Въ частности настоящій седь-

мой выпускъ важенъ потому, что онъ передаетъ намъ дискъ луны для момента, близкаго къ полнолунію, когда непосредственныя наблюденія мелкихъ подробностей, вслѣдствіе яркаго освѣщеніе луны, очень затруднительны. Фотографическій снимокъ представляетъ собой документъ, воспользоваться которымъ можно, когда угодно. Сопоставляя снимки одной и той же части поверхности луны, сдѣланные при различныхъ, даже противоположныхъ освѣщеніяхъ, оказалось возможнымъ обнаружить несомнѣнные слѣды вулканическихъ процессовъ. Первый листъ седьмого выпуска представляетъ не увеличенный снимокъ почти всего луннаго диска, дающій общую картину распредѣленія континентовъ и морей. Ясно, что моря расположены симметрически по обѣ стороны двухъ большихъ круговъ, которые обозначены рядомъ вулканическихъ образованій и не совпадаютъ ни съ меридіаномъ, ни съ экваторомъ. Большое число вулканическихъ очаговъ расположено на границахъ континентовъ; они окружены вѣнчиками, которые представляютъ собой отложенія пепла.

Два слѣдующіе листа, представляющіе увеличенія отдѣльныхъ частей перваго снимка, обнаруживаютъ слѣды большой катастрофы. Циркъ Тихо является центромъ огромной системы свѣтлыхъ лучей, изъ которыхъ нѣкоторые тянутся на 1.400 километровъ. Леви и Пюиссо указываютъ много основаній, по которымъ ихъ можно признать за отложенія пепла, выброшеннаго при изверженіи и разнесеннаго вѣтрами. Свѣтлые лучи на лунѣ тянутся непрерывно и остаются постоянными по своему виду. Очевидно, на лунѣ не было такихъ условій, которыя способствуютъ на землѣ уничтоженію вулканическаго пепла. Неодинаковая интенсивность и ширина лучей обусловливаются не разрушающими вліяніями, но способностью различныхъ областей поверхности принимать осаждающійся пепелъ.

Распространеніе пепла на большія пространства доказываетъ, что онъ былъ поднятъ на большую высоту и осаждался медленно, что̀ весьма вѣроятно вслѣдствіе незначительной тяжести на поверхности луны. Характерныя особенности свѣтлыхъ лучей указываютъ также на то, что атмосфера на лунѣ была очень разрѣженная съ малымъ количествомъ водяныхъ паровъ безъ вихревыхъ движеній. Если прослѣдить лучъ на всемъ его протяженіи, что нетрудно замѣтить, что богатство отложеній зависитъ существенно отъ мѣстныхъ условій, что при одинаковыхъ условіяхъ вездѣ обнаруживаются тѣ же особенности освѣщенія. Всякая горка на пути луча производитъ въ немъ усиленіе и блеститъ на широкомъ пространствѣ. Обратно, видя отдѣльныя свѣтлыя пятна, можно заключать о подъемѣ въ этихъ мѣстахъ поверхности. Бассейны жидкости могли прекращать распространеніе лучей, потому что въ нихъ должно было происходить поглощеніе осаждающихся массъ. И дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ лучи исчезаютъ или, по крайней мѣрѣ, ослабляются тамъ, гдѣ они пересѣкаютъ опредѣленныя части моря или дно большого цирка. Свѣтлые лучи являются также цѣннымъ средствомъ въ изслѣдованіяхъ объ относительномъ возрастѣ различныхъ образованій, которыя находятся на пути лучей. Такъ, изъ морей, которыя лежатъ въ сферѣ вліянія Тихо, должны быть признаны отвердѣвшими

въ болѣе позднее время тѣ, на которыхъ не видно отложеній пепла. Они поглотили его, будучи еще жидкими. Изъ цирковъ, попадающихся на протяженіи лучей, тѣ, которые покрылись равномѣрно бѣлымъ покровомъ, очевидно, старше того, изъ котораго сыпался пепелъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно выяснить и относительный возрастъ различныхъ лучей. Если при встрѣчѣ съ моремъ одинъ лучъ покрываетъ его, а другой, наоборотъ, прерывается, то ясно, что первый болѣе молодой. Отвердѣніе моря произошло между двумя изверженіями, давшими первый и второй лучи. По этимъ соображеніямъ можно заключить, что Море Влаги (Mare Humorum) отвердѣло раньше Моря Облаковъ (Mare Nubium), что циркъ Клавій старше, чѣмъ Лонгомонтанусъ, а послѣдній старше Пилата, что большія изверженія изъ Тихо прекратились раньше изверженій изъ Коперника и Кеплера. На основаніи другихъ листовъ седьмого выпуска авторы указываютъ еще много новыхъ подробностей. Резюмируя выводы, они говорятъ: «Листы настоящаго седьмого выпуска обнаруживаютъ прежде всего обиліе очаговъ изверженій на большихъ трещинахъ коры и особенно по береговымъ линіямъ. Они указываютъ далѣе, какую большую выгоду можно извлечь изъ изученія лучей въ отношеніи топографіи, физическаго состоянія и исторіи лунной коры. Это изученіе приводитъ насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Въ отдаленную эпоху на лунѣ была замѣтная атмосфера, которая и произвела распространеніе пепла въ видѣ лучей.

2) На лунѣ нѣтъ жидкой воды на поверхности. Это подтверждается постоянствомъ отложеній пепла.

3) Мы можемъ намѣтить послѣдовательный порядокъ различныхъ большихъ переворотовъ, а также отвердѣнія различныхъ частей поверхности.

4) Усиленія интенсивности лучей указываютъ на небольшія разницы въ уровнѣ».

Другая большая работа Парижской абсерваторіи—изготовленія фотографической карты неба—идетъ своимъ чередомъ. Въ 1903 году было выпущено нѣсколько десятковъ новыхъ листовъ этой карты. То же сдѣлано Тулузской и Алжирской обсерваторіями. До конца предпріятія еще далеко; многія обсерваторіи еще ничего не опубликовали изъ того, что пришлось на ихъ долю. Но и теперь уже накопилось четыре толстыхъ папки листовъ фотографической карты. Предположено сфотографировать всѣ звѣзды на небѣ до 13 величины, которыхъ, по приблизительному разсчету, должно быть 30—40 милліоновъ. На каждомъ листѣ размѣромъ 25×25 сент. ихъ сотни и тысячи (6, 7, 8, 9 и даже 10 тысячъ). Слабыя звѣзды выходятъ едва замѣтными точками. Конечно, очень важно обезопасить себя отъ случайныхъ ошибокъ, изъяновъ фотографической пластинки, бумаги. Для этого каждую область неба фотографируютъ три раза подрядъ на одной пластинкѣ, смѣщая немного одинъ снимокъ относительно другого, такъ что каждая звѣзда является въ видѣ треугольника изъ трехъ точекъ. Нельзя не отмѣтить изящество и тщательность, съ какими печатаются французскія карты.

На страницахъ «Міра Божія» (Туманности, 1903 Іюнь II. 121) уже было отмѣчено появленіе перваго тома трудовъ астрофизическаго отдѣленія обсерваторіи въ Кенигштулѣ близъ Гейдельберга, гдѣ проф. Вольфъ сообщаетъ свои интересные результаты фотографированія разныхъ частей неба. Онъ открываетъ намъ новые горизонты въ широкой области изслѣдованія, указывая, какое огромное число туманностей разсыпано по небу, какъ онѣ группируются. Онъ нашелъ мѣста, сплошь усыпанныя мелкими, но отдѣльными туманностями до 130 въ одномъ квадратномъ градусѣ, отмѣтилъ разнообразіе ихъ формъ, существованіе цѣпей, связывающихъ удаленныя другъ отъ друга туманныя массы или свѣтлыя звѣзды съ туманностями, и обнаружилъ скопленіе туманностей вокругъ полюса Млечнаго Пути и указалъ, что большія туманности всегда граничатъ съ темными пустотами. Отсюда возможны соображенія о движеніи туманностей, ихъ относительномъ удаленіи отъ насъ. Отсылаемъ интересующихся подробностями къ вышеназванной статьѣ.

Замѣтно уже оживленіе на солнечномъ дискѣ, приближается масксимумъ солнечныхъ пятенъ, факеловъ и протуберансовъ. Въ 1900 и 1901 годахъ по нѣсколько мѣсяцевъ дискъ солнца оставался чистъ совершенно, въ 1902 г. начали показываться пятна, въ 1903 ихъ было уже довольно много; отмѣчены случаи появленія большихъ и сложныхъ группъ. Особенно интересна была октябрьская группа, размѣры которой до 10 числа доходили до 202.000 километровъ, что въ 16 разъ больше діаметра земли. Въ то же время въ ней происходили быстрыя измѣненія. Невозможно себѣ представить тѣхъ странныхъ переворотовъ, гигантскихъ перемѣщеній массъ, которыя тамъ имѣли мѣсто. Въ зависимости отъ оживленія солнечной дѣятельности и у насъ на землѣ замѣчаются эффекты особаго электрическаго напряженія. 12—13 октября магнитная стрѣлка находилась въ безпокойствѣ, наблюдалось сѣверное сіяніе. Но особенно сильныя явленія оказались 31-го октября. Телеграфъ во всѣхъ странахъ отказался служить вслѣдствіе особыхъ токовъ въ телеграфныхъ проволокахъ. Разыгралась магнитная буря, какой не было съ 17-го ноября 1882 года, загорѣлось грандіозное сѣверное сіяніе, отмѣченное во многихъ пунктахъ средней широты. Огромное, по своимъ размѣрамъ, хотя неопредѣленное по формѣ, наблюдалось сѣверное сіяніе 13-го декабря. Оно было видимо, между прочимъ, въ Юрьевѣ, Орлѣ и, вѣроятно, во многихъ другихъ городахъ Россіи. Любителямъ природы можно посовѣтовать послѣдить за этими интересными явленіями, которыхъ теперь можно ждать все больше и больше. Связь между оживленіемъ солнечной дѣятельности, магнитными бурями и сѣверными сіяніями несомнѣнна, но какія собственно явленія на солнцѣ вызываютъ особенное электрическое напряженіе нашей земной атмосферы, этого въ настоящее время пока сказать нельзя.

Магнитная буря 12—13-го октября произошла 30 часовъ спустя послѣ прохожденія упомянутой выше большой группы пятенъ и факеловъ черезъ сред-

ній меридіанъ солнца, а 31-го октября, когда возмущеніе было въ четыре раза больше, эта группа стояла на краю диска; въ серединѣ его находилась гораздо меньшая.

Буря 10-го мая 1902 года, по размѣрамъ нѣсколько превосходившая слѣдующую за нею 12 — 13-го октября 1903 года, имѣла мѣсто въ то время, когда солнце было совершенно чисто отъ пятенъ съ едва замѣтными факелами. Фотографическіе снимки факеловъ по всему солнечному диску и протуберансовъ кругомъ всего солнца отъ 31го октября 2, 5, 6 и 7-го ноября 1903 года также не обнаруживаютъ ничего исключительнаго въ распредѣленіи изверженій и ихъ измѣненіяхъ для 31-го октября. Изъ болѣе новыхъ гипотезъ прямого воздѣйствія солнца на землю обращаютъ на себя вниманіе двѣ. Французскій астрономъ Деландръ указываетъ на катодные лучи, испускаемые верхними слоями хромосферы, а шведскій ученый Ареніусъ говоритъ объ электрическихъ токахъ, которые выбрасываются съ изверженіями на солнцѣ. Неожиданныя явленія, открытыя за послѣднее время въ физикѣ, переворачивающія совершенно всѣ наши, уже какъ будто установившіеся взгляды, могутъ имѣть и въ данномъ случаѣ большее значеніе. Но, независимо отъ работъ физиковъ, конечно, весьма важно организовать и спеціальныя изслѣдованія солнца въ связи съ наблюденіями магнитныхъ бурь и сѣверныхъ сіяній. Деландръ взываетъ о международномъ предпріятіи—организаціи наблюденій по одной программѣ на многихъ обсерваторіяхъ всего земного шара и самъ проектируетъ на обсерваторіи въ Медонѣ (близъ Парижа): 1) фотографировать солнечный дискъ, 2) изслѣдовать спектрографомъ строеніе хромосферы низшей, средней и верхней, 3) опредѣлять скорости изверженій по лучу зрѣнія.

Въ заключеніе обзора отмѣчу изданіе въ систематическомъ изложеніи трудовъ нашего знаменитаго ученаго академика Ѳ. А. Бредихина. Бредихинъ является творцомъ двухъ оригинальныхъ интересныхъ теорій: теоріи кометныхъ формъ и теоріи образованія метеорныхъ потоковъ. Онъ указалъ существованіе трехъ группъ, значеніе отталкивательной силы, которой можно объяснить образованіе кометныхъ хвостовъ, сопоставилъ эти значенія съ молекулярными вѣсами различныхъ элементовъ, давъ такимъ образомъ возможность по внѣшнему виду хвоста кометы судить о ея химическомъ составѣ, онъ объяснилъ параболическую форму головы кометы, различныя особенности строенія хвоста: волнистость, завитки, прерывность, облачныя сгущенія и пр., разъяснилъ все на числахъ на основаніи механическихъ принциповъ. Въ образованіи метеорныхъ потоковъ Бредихинъ не считаетъ распаденіе кометы на безконечное число мелкихъ частей единственно возможнымъ объясненіемъ. Онъ утверждаетъ, что подъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей въ кометѣ могутъ происходить частичныя изверженія, и комета, не переставая существовать, какъ таковая, можетъ породить богатый потокъ метеоровъ. Онъ разсчиталъ

какъ комета параболическая, удалившись въ безконечность, можетъ оставить намъ потокъ, который будетъ наблюдаться ежегодно. Онъ вывелъ теоретически, что метеоры должны казаться намъ идущими не изъ одной точки неба, а изъ нѣкоторой площади, какъ и оказывается это изъ наблюденій. Вычислялъ Бредихинъ и возмущеніе планетъ на движеніе метеоровъ, вліяніе Юпитера на ихъ образованіе. Какъ человѣкъ талантливый, онъ писалъ всегда подъ вдохновеніемъ и печаталъ свои изслѣдованія, особенно частныя, относительно той или другой кометы въ самыхъ разнообразныхъ изданіяхъ, отдѣльныхъ книгахъ, анналахъ московской обсерваторіи, въ бюллетеняхъ московскаго общества испытателей природы, въ журналахъ «Astronomische Nachrichten» и «Sirius», въ органѣ итальянскихъ спектроскопистовъ, и даже изданіяхъ американской обсерваторіи Цинциннатти. Только послѣднія его работы появлялись главнымъ образомъ въ «Извѣстіяхъ» с.-петербургской академіи наукъ. Вслѣдствіе этого, изучить Бредихина вообще чрезвычайно трудно, а многимъ даже невозможно, вслѣдствіе отсутствія большой спеціальной библіотеки. Сводъ его работъ долженъ имѣть большое значеніе. Работы по развитію кометныхъ формъ въ систематическомъ изложеніи сопоставлены на нѣмецкомъ языкѣ московскимъ астрономомъ Егерманомъ, мемуары по теоріи образованія метеорныхъ потоковъ соединены въ одну книгу на французскомъ языкѣ самимъ Бредихинымъ. Получились два большихъ тома, которые дѣлаютъ возможнымъ познакомиться съ теоріями Бредихина всякому, кто ими заинтересуется, и надо надѣяться, они вызовутъ еще большее оживленіе въ изслѣдованіи интересныхъ кометныхъ явленій.

К. Покровскій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ“.
Февраль. 1904 г.

Содержаніе:—Беллетристика.—Критика и исторія литературы. — Исторія всеобщая и русская. — Соціологія и политическая экономія. — Естествознаніе, географія и антропологія.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Сервантесъ „Безподобный рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчскій“, пер. Марка Басанина.—*Марія Делле-Грація.* „Углекопы“, драма.

Новая библіотека А. Суворина. №№ 72—75. Безподобный (?) рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Переводъ съ испанскаго съ предисловіемъ, біографіей автора и примѣчаніями сдѣлалъ Маркъ Басанинъ. 4 тома Спб. 1903. Въ 1905 г. Испанія, а за него и вся грамотная Европа, будетъ праздновать трехсотлѣтнюю годовщину изданія безсмертнаго романа Сервантеса (1 ч.). Интересъ къ роману и автору значительно оживился на его родинѣ; за Испаніей пойдутъ и другіе страны. Какъ ни печально, но слѣдуетъ признать, что существующіе на рус. яз. переводы «Д.-К.» не отвѣчаютъ своему назначенію и недостойны оригинала. Съ понятнымъ любопытствомъ и страстнымъ ожиданіемъ найти удовлетворительный переводъ мы познакомились съ книгой, заглавіе которой выписано, которая нашла такого сильнаго издателя, какъ г. Суворинъ. Фамилія переводчика (г. Басанинъ) небезызвѣстна въ беллетристической литературѣ: ему принадлежатъ и повѣсти, и путевые очерки.

Г. Басанинъ въ своемъ предисловіи обѣщаетъ намъ дать хорошій, если не совершенный, переводъ. «Приступая, говоритъ г. Б.,—къ переводу «Д.-К.», мы поставили себѣ задачей не допускатъ въ немъ никакихъ сокращеній, пользоваться для перевода испанскимъ изданіемъ, провѣреннымъ мадридской королевской академіей, и исполнить его возможно лучше, призвавъ на помощь все, что только мы имѣли въ своемъ распоряженіи: горячее сочувствіе къ переводимому произведенію и благоговѣйное почтеніе къ его творцу, знаніе языка, рвеніе писателя и добросовѣстность переводчика». Такъ рекомендуетъ свой трудъ г. Б. Какъ видите, переводчикъ очень высокаго мнѣнія о своей работѣ. Еще бы! Вѣдь, благодаря предпріимчивости издателя, «Д.-К.» въ переводѣ г. Б. найдетъ десятки тысячъ читателей! Попытаемся провѣрить заключенія г. Б.

Прежде всего переводчикъ ошибается, полагая, что изданіе «Д.-К.» мадридской академіи — провѣренное изданіе. Пять лѣтъ назадъ доказано, что эта ученая испанская корпорація ошибочно считала второе изданіе «Д.-К.» первымъ и систематически повторяла ошибки этого *второго*, болѣе испорченнаго, нежели *первое*. Изданіе Фицморисъ-Келли 1898 (по 1-му изд «Д.-К.») можетъ считаться въ большей степени провѣреннымъ, чѣмъ академическое. Объ этомъ писалось и у насъ, но г. Б. игнорируетъ это обстоятельство. Отсюда выводъ: авторитетъ академіи не всегда спасаетъ (повидимому, г. Б. пользовался 1-мъ академическимъ изданіемъ.).

Г. Басанинъ утверждаетъ, что его переводъ сдѣланъ безъ сокращеній. Однако на первыхъ же страницахъ не переведены весьма трудные для перевода сонеты и стихотворенія Сервантеса.

Приступая къ «біографіи», написанный г. Б., мы недоумѣваемъ, зачѣмъ она была написана. Судьба столь геніальнаго писателя и многострадальнаго человѣка, какъ Сервантесъ, врядъ ли можетъ быть удовлетворительно изложена на трехъ страницахъ (въ 24 д.); во всякомъ случаѣ, біографу слѣдовало стремиться къ фактической точности; вмѣсто нея, мы находимъ у г. Б. рядъ ошибокъ и промаховъ. Повидимому, г. Б. знакомъ лишь съ одной біографіей Сервантеса XVI в. Поясняемъ нашу мысль.

Невѣрно указано (стр. VII) число дѣтей у родителей Сервантеса (четверо). Неправильно здѣсь же (VII) утверждается, что С. учился въ саламанкскомъ университетѣ два года и «завоевалъ симпатіи лучшихъ изъ профессоровъ» (какихъ?). «Особенно расположенъ былъ къ нему—продолжаетъ г. Б.—Хуанъ опесъ де-Гойосъ, разглядѣвшій въ молодомъ человѣкѣ большое дарованіе». ойосъ никогда не былъ профессоромъ въ Саламанкѣ, а Сервантесъ не былъ тамъ студентомъ. На IX стр. г. Б. утверждаетъ, что, послѣ заключенія въ тюрьму (гдѣ?), С. лишился мѣста; это невѣрно: мѣсто оставалось за нимъ. На X стр., говоря о процессѣ Эспелеты, г. Б. называетъ послѣдняго «незнакомцемъ»; «незнакомцемъ» Эспелета не былъ ни для Сервантеса, ни для суда, и процессъ его напечатанъ въ послѣднее время полностью (Ріусомъ). Съ 1547 по 1616 г. г. Басанинъ насчиталъ 60 лѣтъ («Сервантесъ скончался шестидесятилѣтнимъ старикомъ»). Это послѣдній изъ «перловъ» «біографіи», написанной г. Б. на трехъ страницахъ. Гдѣ нѣтъ ошибокъ, тамъ неправильности и голословныя характеристики.

Отъ столь подготовленнаго по литературѣ предмета біографа вы можете ожидать соотвѣтствующихъ качествъ переводчика и комментатора.

Примѣчанія г. Б.—немногочисленны. Взятыя изъ вторыхъ рукъ, они рѣдко, но мѣтко, изобличаютъ особую историко-литературную подготовку автора. Наиболѣе рельефны слѣдующіе «комментаріи». Говоря объ университетахъ въ Испаніи (?), г. Б. рѣшительно утверждаетъ, что «въ Испаніи было тогда только два университета: въ Саламанкѣ и Алокала». Предлагая характеристику Персилеса и Сигисмунды (II, IV), г. Б. ошибается, утверждая, что С. «подражалъ въ немъ Геліодору» (на основаніи пролога С.), и говоритъ, что «талантъ С. сказался и тутъ въ живости и прелести изложенія, въ выпуклости и яркости главныхъ фигуръ, естественности завязки и развязки». Ни однимъ изъ этихъ качествъ «Персилесъ и Сигисмунда» не отличается. Г. Б. не читалъ этого романа даже въ пересказѣ, иначе онъ не нашелъ бы въ этомъ романѣ «блеска и пыла почти юношескихъ».

На VII и VIII стр. 2-й г. г. Б. высказываетъ положеніе, что Авеллянеда (псевдонимъ)—духовникъ Филиппа III. Смѣю увѣрить г. Б., что эта гипотеза давно признана несостоятельною.

Провѣрять переводъ г. Басанина является не легкой и неблагодарной задачей по слѣдующимъ причинамъ: Переводчикъ, приступая къ переводу такого классическаго произведенія, какъ «Д.-К.», не выработалъ себѣ никакихъ основныхъ методологическихъ пріемовъ. Г-нъ Б. переводитъ фразу за фразой, смѣло преодолѣвая «вдохновеніемъ» трудныя синтаксическія и этимологическія слова. Даже *академическій словарь испанскаго яз. неизвѣстенъ* г. Б. Столь же неизвѣстны ему грамматика и исторія испанскаго языка.

Чтобы дать наглядное представленіе читателямъ, заглянемъ въ текстъ г. Б. и Сервантеса и посмотримъ, во что, напр., превратились многочисленныя пословицы и поговорки, встрѣчающіяся въ «Д.-К.». Тутъ, возможны, два пріема: или точная передача смысла пословицы или поговорки съ указаніемъ въ при-

мѣчаніи ихъ происхожденія, или приведеніе аналогичной народной русской, съ указаніемъ притомъ, каковъ точный смыслъ испанскаго текста. Г. Басанинъ нашелъ третій пріемъ, легкій и пріятный; онъ состоитъ въ томъ, что переводчикъ говоритъ, что Богъ на душу положитъ, не справляясь съ тѣмъ, что желалъ передать Сервантесъ. Приводимъ рядъ примѣровъ:

Сервантесъ.	Г. Басанинъ.
1) Cuando te dieron Ia vaquella corre con la sogulla y cuando viene el bien métalo en tu caso (Если тебѣ дали коровку, бѣги за веревкой; если добро приходитъ къ тебѣ въ домъ, спрячь его).	1) Даютъ, такъ бери, а бьють, такъ бѣги, и—отъ добра, добра не ищутъ.
2) Jà cado paso ha de caer en mil faltas, descubriendo Ia *hilaza da su tela basa y grosera* (основа грубой и простой ткани).	2) Анъ и видно, изъ какой кудели пряли рѣдину.
3) Teresa dice... que abe bien mi dedo con vuesa merced, y que hablen cartas y callen barbas, porque quien dejtaja, no boraja, pues mas vale un toma dos le daré: y yo digo que el consejo de la muger es poco, y el que no le toma es coca. (Тереза твердитъ, чтобы я крѣпко связался (связалъ палецъ) съ вами, что бумага говоритъ, а борода молчитъ, кто взвѣшиваетъ, не проигрываетъ, больше стоитъ одинъ разъ: бери! чѣмъ два я дамъ. Говорю, что совѣтъ бабы стоитъ немного, но безумецъ тотъ, кто ея не слушаетъ).	3) Тереса говоритъ, чтобы я съ вами держалъ ухо востро, потому что,—что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ, и десять разъ отмѣрь, а одинъ отрѣжь, и лучше синица въ руки, чѣмъ журавль въ небѣ. А я говорю, что у бабы волосъ дологъ, а умъ коротокъ, и все таки умъ хорошо, а два лучше.
4) Todas estamos sujetos a la muerte, y que hoy somos y mañana no, y *que tan presto se va el cordero, come el carnero y que nadie* puede prometerse en este mundo mas horas de vida de los que Dios quisiere darle, porque la muerte es sorda y cando llega á llamar á los puertas de nuestra vida, siempre va de priesa, (что такъ скоро умираетъ ягненокъ, какъ и козленокъ, что никто не можетъ обѣщать себѣ больше часовъ жизни, чѣмъ Богъ пожелаетъ ему дать, потому что смерть глуха и т. д.).	4) Всѣ мы подвержены смерти, и что сегодня мы есть, а завтра нѣтъ, что въ жизни и смерти никто не воленъ, и что никто на этомъ свѣтѣ не проживетъ ни часу дольше того, что ему положено Богомъ, потому что смерть глуха, и когда она приходитъ и стучится къ намъ въ дверь, она всегда торопится.
5) En fin quiero saber lo que gano, poco ò mucho que sea, que sobre un huevo pone la gallina, y *muchos pocos hacen un mueho*, y mientras se gana algo, no se pierde nada. (Словомъ, я желаю знать, что я зарабатываю—все равно, много-ли, мало-ли, п. ч. курица кладетъ по яичку, изъ малаго составляется при повтореніи много, ничто не теряется).	5) Словомъ, я желаю знать, сколько я зарабатываю—много-ли, мало-ли, это все равно, потому что курочка кладетъ по яичку, а *копейка рубль бережетъ*, и пока хоть сколько нибудь зарабатывается, ничего не теряется.
6) y advertid, hijo, que vale mas buena esperanza, que ruin posesion, y buena queja que mal paga (помни, сынъ мой, что больше стоитъ добрая надежда, чѣмъ плохое имущество, и добрая жалоба (т.-е. возможность жаловаться на неуплату), чѣмъ плохая плата).	6) И помни сынъ мой, что добрая надежда стоитъ плохого имущества, а *великая награда* (?)—малой платы.

Мы могли бы удесятерить примѣры неточностей перевода, взявъ лишь на удачу приведенныя фразы изъ 2—3 главъ. Но, можетъ быть, въ другихъ мѣстахъ перевода дѣло обстоитъ лучше: недаромъ говорилось о *знаніи языка*, *рвеніи*, *благоговѣніи и добросовѣстности*. Заглянемъ въ менѣе трудныя мѣста.

Сервантесъ.	Г. Басанинъ.
7) ...haz lo que tu ama te manda, y sientate con él a la mesa; (сдѣлай то, что приказываетъ хозяйка, а потомъ садись съ нею за столъ).	7) Скачи враже, якъ панъ каже, а за Богомъ молитва, за царемъ служба не пропадаетъ.
8) ... y soy quién la merece tan bien como atro qualquiera, soy quien: juntate a los buenos, y seras uno dellos, y soy yo de aquellos: no con quién naces, sino con quién paces; y de los quién a buen arbol se arrima, buena sombra le cobria (я тотъ, который заслуживаетъ острова не менѣе всякаго другого; который съ добрымъ сошелся—самъ сдѣлался добрымъ; не таковъ, какъ тѣ, съ кѣмъ родишься, а съ кѣмъ имѣешь общеніе; кто прислонился къ хорошему дереву, того покрываетъ хорошая тѣнь).	8) ... который стоитъ его не меньше другого, и который съ добрымъ слюбился, самъ добру научился и который изъ тѣхъ, что съ кѣмъ поживешь, тѣмъ и прослывешь, а большому кораблю большое и плаваніе (?..) *).
9) Que magüer a tonto se me entiende aquel refran de: por su mal le nacieron alas a lo hormiga. J aun podria ser que se fuese mas aina Sancho escudero al cielo, qne no Sanchò gobernador; y tan buen pan hacen aqui, como en Francia; y de noche todos los galos son pardos; y asaz de desdicbada es la persona que à losdos de laharde no se ha desayunado; y no hay estomago que sea un polmo mayor que otro, el cual se puede llenar, como suele decirse de paja y de heno; y los aviculas del campo tienen a'Dios por su proveedor y despensero; y mas calienh an cuadro varas de paño de Cuencu, que otros cuatro de li monte de Segovia; y al dejar este mundo y meternos la tierra adentro, por tan estrecha seuda va el principe, como el jornalero; y no ocupa mas piés de tierra el cuerpo del Papa que el del sacristan, aunque sea mas alto el uno que el otro, que al entrar en el hoyo todos nos ajustamos y encoyemos, ò nos hacen ajustar y encoyer mal que nos pese, y a buenas noches. Y torno à decir que si Vuestra señoria no me quisiese dar la insula por tonto, yo sabre no darseme nada por discreto; y yo he oido decir que detras de la cruz esta el diablo, y que no es oro todo que se luce. (Какъ я ни глупъ, я тоже понимаю поговорку: на бѣду народились крылья у муравья; можетъ быть,	Какъ я ни глупъ, а тоже понимаю поговорку про ворону въ павлиньихъ перьяхъ. А можетъ и такъ случиться, что на томъ свѣтѣ лучше придется Санчо-оруженосцу, чѣмъ Санчо-губернатору, а хлѣбъ ѣдятъ вездѣ и во Франціи, а ночью всѣ кошки сѣры, а кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ, а брюхо у всѣхъ одно, и всего не проглотить, чѣмъ-нибудь подавишься, и посмотрите на полевыхъ пташекъ, какъ онѣ растутъ, не трудятся и не прядутъ, а Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ, и Соломонъ во всей славѣ своей не одѣвался, какъ каждая изъ нихъ, и четыре аршина солдатскаго сукна теплѣе четырехъ аршинъ батиста, а той дорожки, что ведетъ отсюда на тотъ свѣтъ, не минуетъ ни царь, ни псарь, и не больше аршина земли нужно для папы, какъ и пономарь, хотя первый куда выше второго, потому что, ложась въ могилу, всѣ мы тѣснимся и жмемся, или, вѣрнѣе, насъ тѣснятъ и жмутъ, не спрашивая, нравится намъ это, или нѣтъ, и покойной ночи, и повторяю что, ежели ваша милость не пожелаете дать мнѣ, какъ дураку, острова, я, какъ умный человѣкъ, съумѣю утѣшиться, и случалось мнѣ слыхать, что за крестомъ прячется лукавый, и что не все золото, что блеститъ.

*) Въ текстѣ Сервантеса рѣчь идетъ объ отношеніяхъ Санчо и Донъ-Кихота, уподобляемаго большому дереву, къ которому Санчо прислонился, а у г. Басанина откуда то взялось—„большому кораблю...(?)“.

скорѣе будетъ на небѣ С. оруженосецъ, нежели С. губернаторъ; здѣсь такъ же хорошо пекутъ хлѣбъ, какъ и во Франціи; ночью всѣ кошки сѣры; довольно горя тому, кто къ двумъ часамъ пополудни не позавтракалъ; нѣтъ желудка, который былъ-бы (на утро) больше другого, который, по поговоркѣ, можно наполнить сѣномъ и соломой; пташки небесныя имѣютъ Господа своимъ провидѣніемъ и даятелемъ; болѣе согрѣваетъ четыре аршина (vora) сукна изъ Куэнки, чѣмъ столько-же простого Сеговійскаго; покинувъ свѣтъ и входя въ мать землю, въ стольже тѣсное отверстіе проходитъ и князь, и поденщикъ; тѣло папы занимаетъ не болѣе футовъ земли, чѣмъ пономаря, хотя первый много выше второго; входя въ могилу, мы всѣ сжимаемся и равняемся, или насъ заставляютъ равняться и сжаться, несмотря на желаніе; покойной ночи. Повторяю, если ваша милость не дастъ мнѣ острова за мою глупость, я, какъ умница, съумѣю обойтись безъ него; я слышалъ за крестомъ скрывается діаволъ, и что не все то золото, что блеститъ"...

Пусть не думаетъ читатель, что я умышленно подбиралъ неправильно и произвольно переведенныя мѣста «Д.-К.» у г. Басанина. Въ его переводѣ трудно отыскать *одну страницу*, вполнѣ вѣрно переведенную. Это произошло не отъ абсолютнаго незнанія г. Б. испанскаго языка (переводчикъ, повидимому, знаетъ его по диллетантски), а отъ *недобросовѣстнаго и небрежнаго* отношенія къ классическому тексту. Отмѣчать всѣ произвольныя вставки, передѣлки, недомолвки и обмолвки г. Басанина, словомъ всю его «отсебятину», какъ говорятъ художники,—заняло бы цѣлыя страницы.

Ограничиваемся сдѣланными замѣчаніями, будучи готовы, если г. Басанинъ этого пожелаетъ, указать на сотни ошибокъ въ его переводѣ *). Такое неуважительное отношеніе къ *классическому* автору, какое себѣ позволилъ г. Басанинъ, ложится тяжелымъ грѣхомъ и на переводчика, и на его издателя, который хотя бы изъ «патріотизма» долженъ былъ бы скорѣе озаботиться изъятіемъ изъ обращенія выпущеннаго имъ «новаго» перевода «Донъ-Кихота» и предать его сожженію. Профессоръ *Л. Шепелевичъ*.

Углекопы (Schlagende Wetter). Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ Маріи Делле-Граціе. Перев. съ нѣмец. Э. Г. Изд. Э. А. Головкиной. Харьковъ 1903 г. Ц. 50 к. Въ изображеніи той борьбы классовыхъ интересовъ, которая составляетъ нынѣ главное содержаніе міровой драмы, рѣдко удается сохранить автору безпристрастіе, необходимое для яснаго и вѣрнаго освѣщенія обѣихъ борющихся сторонъ. Слишкомъ близка эта борьба и самому автору, симпатіи котораго, помимо его воли, склоняются на ту или иную сторону, и въ результатѣ незамѣтно для него самого получается одностороннее изображеніе. Въ драмѣ «Углекопы» мы имѣемъ рѣдкій примѣръ художественнаго и вполнѣ объективнаго изобра-

*) Переводчикъ, однако, благоразумно промолчалъ на сдѣланные уже раньше весьма неблагопріятные отзывы о его трудѣ (Ср. „Спб. Вѣдом." 1903 г. № 322).

*

женія какъ борющагося за существованіе рабочаго, тамъ и предпринимателя, который стремится къ богатству, толкаемый всѣмъ складомъ современной жизни. Францъ Либманъ, владѣлецъ шахты, и Георгъ Виртъ, горнорабочій, оба главныхъ героя драмы, стоятъ другъ противъ друга, какъ представители своихъ классовъ, но оба вполнѣ живые люди, типичные и яркіе, со всею сложностью психическаго типа, какъ онъ долженъ былъ сложиться въ условіяхъ ихъ жизни. Столкновеніе между ними является въ драмѣ неизбѣжнымъ, потому что къ этому ведетъ сама жизнь, не допускающая между ними никакихъ сдѣлокъ, хотя бы они и желали этого. Либманъ, предприниматель и богатый владѣлецъ, личность не заурядная и вовсе не обычный эксплуататоръ, для котораго деньги заслоняютъ свѣтъ. По своему, онъ добръ и честенъ, способенъ не только увлекаться высшими идеалами, но и уважать эти стремленія въ другихъ. Уже одно то, что онъ по любви женится на простой дѣвушкѣ, дочери своего рабочаго, обнаруживаетъ въ немъ сильную и оригинальную личность, не считающуюся съ предразсудками своего класса. Но эта женитьба и является роковой для него ошибкой, вносящей въ его семью новое начало, ей чуждое и враждебное. Онъ не понимаетъ ни своей жены съ ея демократическими взглядами, впитанными ею еще съ молокомъ матери. Онъ не можетъ понять и этой рабочей гордости, съ которою дѣдъ Маріи, старый углекопъ, отклоняетъ всѣ попытки зятя облагодѣтельствовать его и перетянуть на свою сторону. Либманъ не понимаетъ, откуда эта горечь, отравляющая его семейныя отношенія, чѣмъ вызывается эта отталкивающая холодность, съ которою встрѣчаются его попытки къ сближенію. Онъ не видитъ, что для нихъ всѣхъ онъ остается прежде всего хозяиномъ, который заслоняетъ въ немъ человѣка. Либманъ, самъ того не замѣчая, видитъ въ нихъ тоже только рабочую силу и изумляется, когда они выступаютъ, какъ люди, требующіе признанія прежде всего своихъ человѣческихъ правъ. Для него все такъ просто и ясно въ томъ, что ихъ возмущаетъ. Отношенія его съ рабочими вообще хороши, старый и опытный директоръ умѣетъ улаживать разныя недоразумѣнія, неизбѣжныя въ такомъ сложномъ дѣлѣ. Но вотъ, благодаря удачно сложившимся для Либмана условіямъ каменноугольнаго рынка, спросъ на уголь превышаетъ предложеніе. У него не всѣ шахты въ работѣ; есть одна, оставленная потому, что послѣ одного несчастія она считается рабочими неблагополучной. Разработка ея можетъ значительно увеличить общее количество его угля, цѣны хороши,— выводъ ясенъ: эту шахту надо пустить въ ходъ. Инженеръ, осматривавшій шахту, считаетъ мнѣніе рабочихъ предразсудкомъ, опирающимся на суевѣрія и легенды. Для Либмана вопросъ выработки той или иной шахты, это— бухгалтерскій разсчетъ, за которымъ онъ не видитъ человѣческой жизни. Но его жена, дочь и внучка рабочаго-углекопа, съ дѣтства знакомая съ опасностями работы и хорошо знающая, сколько правды таится въ предчувствіяхъ рабочихъ о той или иной опасности, такъ какъ ея отецъ погибъ въ шахтѣ, гдѣ все было на видъ благополучно,—она-то отлично понимаетъ нежеланіе рабочихъ. Но голосъ ея не можетъ побѣдить краснорѣчія цифры. Либманъ ѣдетъ самъ въ деревню, чтобы убѣдить рабочихъ не бояться. Жена покидаетъ его домъ и идетъ къ дѣду.

Въ деревнѣ сталкиваются еще ярче противоположности двухъ міровъ. Георгъ Виртъ, рабочій, нѣкогда женихъ Маріи, не забывшій ее и теперь, ясно понимаетъ опасность предстоящей работы и убѣдительно пытается остановить Либмана. Но тотъ слишкомъ далеко зашелъ. Съ одной стороны, заказы на уголь, взятые имъ, невыполненіе которыхъ грозитъ неустойкой, съ другой— авторитетъ хозяина, который пострадаетъ въ случаѣ отступленія. Либманъ самъ, для бо́льшей убѣдительности, спускается въ шахту вмѣстѣ съ рабочими. И только въ послѣдній моментъ, когда сбылось предчувствіе и опас-

ность, грозная и неумолимая, встаетъ предъ нимъ, Либманъ понимаетъ, гдѣ корень его ошибки.

Какъ драма, «Углекопы» написана прекрасно. Характеры Либмана, Вирта, Марiи, ея дѣда, старыхъ рабочихъ очерчены прекрасно. Дѣйствiе развертывается естественно, быстро и съ неизбѣжностью рока. Послѣднiй актъ, когда Либманъ и Виртъ гибнутъ въ завалившейся копи, вслѣдствiе взрыва газа, производитъ потрясающее впечатлѣнiе своимъ мрачнымъ драматизмомъ, и гибель обоихъ еще болѣе уясняетъ ихъ основныя черты, какъ представителей двухъ различныхъ мiросозерцанiй. Въ то время, какъ Либманъ бѣснуется, что онъ, владѣлецъ всѣхъ этихъ шахтъ, попался самъ въ какую-то ловушку, такъ глупо, такъ безвыходно, Виртъ въ спокойномъ сознанiи неизбѣжной смерти ждетъ ее безъ жалобъ и безъ страха, потому что, говоритъ онъ, «кто долженъ бояться старости, тому нечего терять въ молодости...»

Что касается перевода, то онъ вообще хорошъ и прекрасно передаетъ разговоры дѣйствующихъ лицъ, безъ книжныхъ оборотовъ и длиннотъ.

А. Б.

КРИТИКА И ИСТОРIИ ЛИТЕРАТУРЫ.

А. Скабичевскiй. „Сочиненiя", 2 т. — *Треплевъ.* „Молодое сознанiе. Этюдъ о Вл. Г. Короленко".

Сочиненiя А. Скабичевскаго. Критическiе этюды, публицистическiе очерки литературныя характеристики. Изданiе 3-е. Спб. 1903 г. 2 т. Цѣна 3 р Въ программахъ для самообразованiя историко-литературные и критическiе очерки г. Скабичевскаго обыкновенно рекомендуются на ряду съ сочиненiями такихъ писателей, какъ Бѣлинскiй, Добролюбовъ, Чернышевскiй, Писаревъ, Н. К. Михайловскiй и др. Такое почетное сосѣдство объясняется не столько серьезнымъ содержанiемъ и талантливымъ изложенiемъ статей г. Скабичевскаго, сколько ихъ общимъ прогрессивнымъ направленiемъ. Инымъ характеромъ, конечно, и не могутъ отличаться статьи, которыя первоначально были напечатаны въ такихъ изданiяхъ, какъ «Отечественныя Записки», «Русская Мысль» и «Новое Слово». Хотя, въ общемъ, большинство статей г. Скабичевскаго, написанныхъ на протяженiи цѣлой трети столѣтiя, представляютъ, конечно, «зады», но это такiе «зады», которые полезно пройти подрастающимъ поколѣнiямъ. Съ этой точки зрѣнiя значительному распространенiю сочиненiй г. Скабичевскаго можно только порадоваться, но эта радость нѣсколько омрачается при ближайшемъ ознакомленiи со статьями г. Скабичевскаго. Значительное большинство этихъ статей впервые появилось въ печати лѣтъ 20—35 назадъ. и хотя за это время много воды утекло, и многiя мнѣнiя и критическiе приговоры были сданы въ архивъ «полемическихъ красотъ» и публицистическихъ увлеченiй или заблужденiй, статьи г. Скабичевскаго являются передъ нами во всей своей первоначальной неприкосновенности.

Возьмемъ, напримѣръ, самую крупную работу г. Скабичевскаго, вошедшую въ собранiе его сочиненiй, именно: «Сорокъ лѣтъ русской критики». Написанныя въ началѣ семидесятыхъ годовъ, эти статьи для своего времени были очень цѣннымъ трудомъ. Эта монографiя, въ которой изображался «переходъ передовой мысли нашего общества изъ мистицизма черезъ метафизику къ реализму», явилась первымъ опытомъ новѣйшей исторiи русскаго общественнаго развитiя. Въ частности, эти статьи извлекли изъ забвенiя взгляды Валерiана Майкова и Владимира Милютина и установили непосредственную связь шестидесятыхъ годовъ съ сороковыми. Но замѣчательныя для своего времени, эти

статьи черезъ тридцать лѣтъ являются уже сильно устарѣлыми. Достаточно сказать, что въ статьяхъ, въ которыхъ отведено видное мѣсто біографіи Бѣлинскаго и эволюціи его критическихъ взглядовъ, мы не находимъ никакихъ слѣдовъ знакомства съ извѣстной книгой А. Н. Пыпина о знаменитомъ критикѣ. Правда, когда г. Скабичевскій печаталъ свои статьи, эта книга только еще писалась, но кто же могъ помѣшать г. Скабичевскому, если не переработать зàново, то, по крайней мѣрѣ, исправить и дополнить свои очерки въ новомъ изданіи? Ничего этого не сдѣлано, и въ результатѣ эволюція въ міровоззрѣніи Бѣлинскаго изображена только по его печатнымъ сочиненіямъ, а наиболѣе характерные памятники этой эволюціи—письма «неистоваго Виссаріона» — оставлены безъ вниманія. Что касается біографическихъ данныхъ о Бѣлинскомъ, то въ нихъ встрѣчается рядъ ошибокъ и неточностей, устранить которыя было бы очень легко.

Слѣдуетъ, впрочемъ, упомянуть, что и для своего времени статьи г. Скабичевскаго, посвященныя исторіи русской критики, были не безъ крупныхъ изъяновъ. Въ нихъ встрѣчаются существенные пропуски, не устраненные и до сего дня. Самымъ крупнымъ изъ этихъ пропусковъ нужно, конечно, признать умолчаніе, если не считать глухого намека, о такомъ выдающемся въ исторіи русской критики явленіи, какъ диссертація Чернышевскаго «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности». Можно подумать, что пропускъ этотъ вызванъ цензурными соображеніями; но это едва ли было такъ. Если названная диссертація была перепечатана, хотя и безъ имени автора, въ 1865 году, слѣдовательно, уже послѣ ссылки г. Чернышевскаго, если г. Скабичевскій могъ говорить объ «Очеркахъ гоголевскаго періода русской литературы», то едва ли было какое-нибудь серьезное препятствіе и для разбора эстетической теоріи автора названной книги. Но если даже въ свое время этого и нельзя было сдѣлать, то почему же не сдѣлать этого въ 1890 году, когда явилось первое изданіе сочиненій г. Скабичевскаго, или въ 1895 и 1903 годахъ, когда вышли послѣдующія изданія?

Не служитъ украшеніемъ этихъ статей и крайне несправедливое, даже высокомѣрное отношеніе г. Скабичевскаго къ Бѣлинскому и превознесеніе Валеріана Майкова. Говоря о послѣднемъ періодѣ дѣятельности Бѣлинскаго, г. Скабичевскій уличаетъ его въ «поразительныхъ противорѣчіяхъ», старается очертить «очарованный кругъ», въ которомъ, будто бы, «вертится Бѣлинскій», и указать «роковой предѣлъ», дальше котораго онъ не могъ пойти ни въ эстетическихъ, ни въ общественныхъ своихъ взглядахъ. Если вѣрить г. Скабичевскому, «Бѣлинскій, какъ ни видоизмѣнялись его взгляды, въ основѣ своей остался эстетикомъ надеждинской школы» (I, 504). «Первую положительную эстетическую теорію», по мнѣнію г. Скабичевскаго, далъ намъ не Бѣлинскій, а Валеріанъ Майковъ. Бѣлинскій же не только оказывается не въ состояніи понять этой теоріи, но, полемизируя съ Майковымъ, «высказываетъ всю свою солидарность съ славянофилами» и даже обнаруживаетъ «зачатки тѣхъ реакціонныхъ пріемовъ, съ какими сверстники Бѣлинскаго явились впослѣдствіи въ противодѣйствіе движенію шестидесятыхъ годовъ» (I, 381). Однимъ словомъ, не только для шестидесятыхъ, но даже и для сороковыхъ годовъ Бѣлинскій, по мнѣнію г. Скабичевскаго, былъ уже человѣкомъ отсталымъ.

Бѣлинскій, конечно, не нуждается въ защитѣ, тѣмъ болѣе, что и самъ г. Скабичевскій имѣлъ въ виду не развѣнчать великаго критика, а только показать, какъ самъ онъ далеко опередилъ Бѣлинскаго. Непонятно только, почему впослѣдствіи, уже въ наши дни, г. Скабичевскій рѣшился взвести на Писарева и Зайцева обвиненіе, что они «повергли» въ числѣ прочихъ авторитетовъ и Бѣлинскаго, такъ что отъ него «не осталось и праха» (II, 748)

На самомъ же дѣлѣ и Писаревъ, и Зайцевъ относились къ Бѣлинскому, съ бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ самъ г. Скабичевскій, по крайней мѣрѣ, они не упрекали его въ «реакціонныхъ пріемахъ».

Переходя отъ наиболѣе крупной работы г. Скабичевскаго къ его критическимъ статьямъ, прежде всего необходимо отмѣтить, что нѣкоторыя статьи, помѣщенныя въ первомъ изданіи (1890 года), въ послѣдующихъ изданіяхъ исчезли. Такъ, во второмъ изданіи (1895 года) не оказалось статей о Писаревѣ и Пушкинѣ, въ третьемъ изданіи выброшены статьи о Рѣшетниковѣ, Шеллерѣ, Левитовѣ, Некрасовѣ, о «Сказкахъ Кота-Мурлыки» и о русскомъ историческомъ романѣ. Вмѣсто этихъ статей, во второмъ изданіи явились воспоминанія г. Скабичевскаго, статья о Чеховѣ и «Замѣтки о текущей литературѣ», а въ третьемъ изданіи къ нимъ присоединилось еще семнадцать статей, посвященныхъ Глѣбу Успенскому, Шеллеру, Апухтину, Каронину, Наумову, гг. Волынскому, Влад. Немировичу-Данченкѣ, Мамину, Горькому, г-жѣ Крестовской и др. Какими вообще соображеніями руководился г. Скабичевскій, выбрасывая свои старыя статьи и замѣняя ихъ новыми, объ этомъ онъ не далъ намъ никакихъ указаній. Во всякомъ случаѣ, въ числѣ выброшенныхъ статей есть хорошія вещи, напримѣръ, статьи о Некрасовѣ и о русскомъ историческомъ романѣ, а въ числѣ вновь помѣщенныхъ есть такія, которыя представляли только временный интересъ, напримѣръ, статья «Курьезы и абсурды молодой критики», посвященная сборнику г. Перцова «Философскія теченія русской поэзіи». Несомнѣнно одно, что нѣкоторыя изъ старыхъ статей не были перепечатаны г. Скабичевскимъ потому, что уже не соотвѣтствовали измѣнившимся его взглядамъ. Статья о Шеллерѣ, напечатанная въ 1873 году, замѣнена даже другой, написанной въ 1895 году въ совершенно иномъ духѣ.

Вполнѣ естественно, что и къ литературнымъ явленіямъ г. Скабичевскій сталъ относиться нѣсколько иначе. Раньше, когда онъ сотрудничалъ въ «Отечественныхъ запискахъ», онъ требовалъ, чтобы поэтическое творчество стремилось «къ воспроизведенію существенныхъ явленій жизни, въ которыхъ выражаются духъ вѣка и его интересы» (I, 596). Стоя на такой точкѣ зрѣнія и понимая интересы своего времени въ духѣ «Отечественныхъ Записокъ», г. Скабичевскій не только глумился надъ поэзіей Майкова, Тютчева и Фета, но разносилъ и гр. Алексѣя Толстого, онъ не только громилъ реакціонныхъ романистовъ «Русскаго Вѣстника», но и вышучивалъ Шеллера, Бажина, Омулевскаго и другихъ беллетристовъ ультра-передового «Дѣла». Впослѣдствіи критическія требованія г. Скабичевскаго значительно понизились. Въ этомъ отношеніи, кромѣ указанной переоцѣнки Шеллера, очень характерна статья «Несчастный счастливецъ», посвященная стихотвореніямъ Апухтина. Если мы — такъ начинается эта статья — будемъ разсматривать стихотворенія А. Н. Апухтина исключительно на основаніи тѣхъ требованій, которыя не перестаютъ предъявляться искусству серьезною и передовою критикой въ продолженіе послѣднихъ 50-ти лѣтъ, т.-е. чтобы искусство не ограничивалось одною областью эстетическихъ наслажденій, а стояло впереди вѣка, отражая въ своихъ образахъ весь его духъ, всѣ его идеи и интересы, все, что волнуетъ, увлекаетъ человѣчество, заставляетъ его радоваться или страдать, то, конечно, стихотворенія эти не выдержатъ самой снисходительной критики и могутъ служить лишь матеріаломъ для непреклонно-строгихъ и безапелляціонныхъ приговоровъ» (II, 495). Такіе приговоры и старался дѣлать въ былое время г. Скабичевскій, но теперь у него нашлось не мало хорошихъ словъ и по адресу представителя «чистаго искусства».

Въ сочиненіяхъ г. Скабичевскаго встрѣчаются противорѣчія не только между прежними и позднѣйшими его статьями, съ такими противорѣчіями мы встрѣчаемся и въ его статьяхъ послѣдняго десятилѣтія. Такъ, напримѣръ, въ

1893 году, разбирая книгу г. Мережковскаго «О причинахъ упадка и новыхъ теченіяхъ современной русской литературы», г. Скабичевскій отказывался видѣть въ декадентахъ и символистахъ «первыхъ піонеровъ возмущанія» противъ натурализма, а самихъ декадентовъ называлъ «отвратительными мертвецами» и «до мозга костей растлѣнными... выродившимися карликами» (II, 392). Прошло восемь лѣтъ, и тотъ же самый г. Скабичевскій пишетъ статью «Новыя теченія въ современной литературѣ», гдѣ становится на точку зрѣнія г. Мережковскаго, порицаетъ натурализмъ», за «нагроможденіе микроскопическихъ деталей», за «объективный протоколизмъ, за «изъятіе изъ области творчества... всего конкретнаго, случайнаго» и даже «поэтическаго», и наконецъ заявляетъ, что декаденты, «по всей вѣроятности, займутъ въ исторіи почтенную роль первыхъ протестантовъ и піонеровъ», выступившихъ противъ натурализма. Въ концѣ этой же самой статьи г. Скабичевскій заявляетъ, что «въ произведеніяхъ г. Чехова нечего и искать какихъ-либо широкихъ обобщеній, типовъ или опредѣленныхъ идей» (II, 936). А въ статьѣ «Больные герои больной литературы» оказывается у Чехова даже «мастерство... вырисовывать типы» (II, 589). Характерны также противорѣчивые отзывы г. Скабичевскаго о «Запискахъ охотника» Тургенева. Въ статьѣ «Мужикъ въ русской беллетристикѣ» лучшіе представители народа, выведенные Тургеневымъ, обзываются «монстрами» и «раритетами», которые поразили художника «не какими-либо идеальными качествами, а своими особенностями, по большей части юродиваго характера» (II, 756). А въ «Исторіи новѣйшей русской литературы» г. Скабичевскаго, вышедшей пятымъ изданіемъ почти одновременно съ третьимъ изданіемъ его сочиненій, тѣ же самые «монстры» и раритеты» названы «весьма симпатичными типами» (с. 124).

Могутъ возразить, что въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго встрѣчаются и не такія противорѣчія. Но зато вѣдь Бѣлинскій и не издавалъ своихъ статей, а мечталъ о томъ, чтобы переработать ихъ въ «Критическую исторію русской литературы». Другое дѣло г. Скабичевскій, который переиздаетъ свои старыя и новыя статьи, не устранивъ въ нихъ вопіющихъ противорѣчій въ родѣ того, напримѣръ, что въ первомъ томѣ романы Шеллера признаны вредными для молодежи, а во второмъ—полезными для той же самой молодежи (ср. I, 594 и II, 494).

Кромѣ противорѣчій, въ сочиненіяхъ г. Скабичевскаго встрѣчаются мнѣнія и взгляды крайне парадоксальные, даже курьезные. Такъ, напримѣръ, въ сочиненіяхъ Пушкина и Гоголя онъ находитъ только «банальныя истины ходячей морали и квасного патріотизма» (II, 550). Большинство людей сороковыхъ годовъ, по мнѣнію г. Скабичевскаго, «представляло собою сластолюбивыхъ бонвивановъ, людей себѣ на умѣ, какъ нельзя болѣе практичныхъ въ погонѣ за матеріальными благами и ловко устраивавшихъ свои дѣлишки» (II, 533). Общая оцѣнка русской литературы конца XIX вѣка, сдѣланная г. Скабичевскимъ, гласитъ: «Современная текущая беллетристика наша пишется по большей части разочарованными стариками для извѣрившихся старухъ» (II, 494). Если отъ отрицаній вы захотите перейти къ похваламъ, то вотъ отзывъ г. Скабичевскаго о г. Маминѣ: «По силѣ таланта Маминъ нисколько не уступаетъ знаменитому французскому натуралисту (Золя), если только не превосходитъ его. Что же касается обилія матеріала, даваемаго обоими писателями въ ихъ произведеніяхъ, то смѣшно было бы и сравнивать Золя съ Маминымъ» (II, 600). Смѣшно, конечно, потому, что русскій писатель, по мнѣнію г. Скабичевскаго, неизмѣримо превосходитъ своего французскаго собрата.

Не мало странностей и въ статьѣ г. Скабичевскаго о Горькомъ. Съ одной стороны онъ упрекаетъ Горькаго за увлеченіе «сумасшедшими» (!) теоріями «новомоднаго философа, пресловутаго Ницше» (II, 884), съ другой—превозно-

ситъ изображеніе Игната Гордѣева, усматривая въ немъ «историческій типъ», напоминающій намъ и новгородскихъ торговыхъ людей, и московскихъ царей, собирателей Руси. Пересказъ «Вареньки Олесовой» заканчивается пожеланіемъ, чтобы «всѣ ординарные, экстраординарные профессора и приватъ-доценты, въ родѣ Полканова, точно такъ же оканчивали бы свои амуры». Съ неменьшей злобой относится г. Скабичевскій и къ «либеральнымъ купцамъ». Смолинъ, изображенный въ «Ѳомѣ Гордѣевѣ, четыре года изучалъ положеніе русской кожи на заграничныхъ рынкахъ и, съ цѣлью поднять ея значеніе и цѣну за границей, мечтаетъ построить образцовую фабрику и выпускать образцовый товаръ. Кромѣ того, Смолинъ собирается купить мѣстную газету, чтобы защищать права личности и интересы промышленности и торговли. Передавъ все это, г. Скабичевскій совершенно неожиданно прибавляетъ отъ себя: «Фельетонистъ Ежовъ былъ какъ нельзя болѣе правъ, когда замѣтилъ, что либеральные купцы новѣйшаго чекана, въ родѣ Смолина, представлятъ собою помѣсь волка и свиньи съ жабой и змѣей» (II, 894).

Подобными выписками можно было бы заполнить цѣлыя страницы. Еще болѣе можно было бы указать въ сочиненіяхъ г. Скабичевскаго всякаго рода неточностей въ родѣ зачисленія пушкинскаго Ленскаго, этого романтика чистой воды, въ разрядъ «буржуазно-добродѣтельныхъ и солидныхъ» людей. Съ какою осторожностью, вообще, слѣдуетъ относиться къ историко-литературнымъ фактамъ, сообщаемымъ г. Скабичевскимъ, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Онъ упрекаетъ Бѣлинскаго за то, что во время его сотрудничества въ «Московскомъ Наблюдателѣ» о Лермонтовѣ «не было сказано почти ни слова». На самомъ же дѣлѣ именно въ «Московскомъ Наблюдателѣ» по одной только «Пѣснѣ... про купца Калашникова» Бѣлинскій сдѣлалъ предсказаніе, что «наша литература пріобрѣтаетъ сильное и могучее дарованіе». Въ томъ же «Московскомъ Наблюдателѣ» Бѣлинскій назвалъ Лермонтова «молодымъ поэтомъ съ необыкновеннымъ дарованіемъ», а о его повѣсти «Бэла» далъ самый восторженный отзывъ.

Въ концѣ концовъ слѣдуетъ указать, что въ статьяхъ «Сорокъ лѣтъ русской критики» и «Три человѣка сороковыхъ годовъ» г. Скабичевскій иногда почти дословно приводитъ чужія слова, не отмѣчая ихъ кавычками и даже не указывая, откуда они взяты, такъ что неопытный читатель слова Герцена и Чаадаева можетъ приписать самому г. Скабичевскому. Особенно часто дѣлаются такія позаимствованія изъ мемуаровъ Герцена. Такъ, напримѣръ, подлинными его словами говорится о пріѣздѣ въ Москву Гая (I, 273), о Бакунинѣ (I, 313) о публичныхъ лекціяхъ Грановскаго (I, 500). Почти вся 323 стр. I т., гдѣ говорится объ увлеченіи философіей въ кружкѣ Станкевича, занята перепечаткой очень часто цитируемаго мѣста изъ «Былого и Думъ».

Будемъ надѣяться, что хотя въ четвертомъ изданіи почтенный критикъ внимательно пересмотритъ свои статьи и устранитъ въ нихъ, по крайней мѣрѣ, рѣзкія противорѣчія и фактическія ошибки и неточности.

С. Ашевскій.

Треплевъ. Молодое сознаніе. Этюдъ о Вл. Г. Короленко. 1904 г. Москва. Заглавіе очерка г. Треплева, на первый взглядъ, нѣсколько озадачиваетъ и само по себѣ, и въ особенности въ примѣненіи къ «этюду о Вл. Г. Короленко». Авторъ поясняетъ его слѣдующимъ образомъ: приступая къ разбору произведеній Вл. Г. Короленка, онъ напоминаетъ, что «каждый крупный писатель обыкновенно имѣетъ свою «идею», которая даетъ органическую цѣльность его произведеніямъ, взятымъ въ совокупности», и дальше пишетъ, что, по его мнѣнію, такую «идею» Короленка, какъ писателя, слѣдуетъ видѣть въ томъ, что его интересуетъ духовная жизнь человѣка, взятая *на первыхъ ступе-*

няхъ своего развитія, такъ сказать—молодая (курс. автора). Это-де и составляетъ характерную черту взятаго со стороны содержанія творчества Вл. Г. Короленка. Тутъ, конечно, есть доля правды: среди различныхъ произведеній нашего знаменитаго писателя есть цѣлая группа очерковъ и разсказовъ, посвященныхъ характеристикѣ полукультурныхъ и совсѣмъ не культурныхъ типовъ, съ малоразвитымъ сознаніемъ и еще меньшимъ умѣньемъ выражать свои ощущенiа, думы и даже просто мысли. Короленко началъ свою литературную дѣятельность, 25 лѣтъ назадъ, именно съ попытки очертить такой типъ, разгадать психику человѣка, стоящаго какъ бы за бортомъ цивилизаціи, словомъ, такъ называемаго простолюдина. Однако, уже въ то время, т.-е. въ первомъ своемъ беллетристическомъ опытѣ, анализируя черты встрѣтившагося ему лица (въ данномъ случаѣ сторожа при усадьбѣ въ глухой мѣстности въ юго-западной Россіи), онъ дѣлаетъ оговорку, что при ближайшемъ знакомствѣ «то, что казалось ему вполнѣ непобѣдимой умственной косностью, было лишь своеобразнэй живой силой» и дальше авторъ величаетъ своего пріятеля «изъ народа»—«философомъ-наблюдателемъ». Такимъ образомъ, у Якуба (котораго г. Треплевъ съ успѣхомъ могъ бы ввести въ свой обзоръ простонародныхъ типовъ у Короленка, равно и «Прошку-жулика», который почему-то тоже не упомянутъ)—сознаніе есть и было, только выражается оно такъ своеобразно, что «культурному человѣку» оно не сразу доступно. То же явленіе у Макара, у Тюлина, у Яшки, Матвѣя Лозинскаго и у цѣлаго ряда однородныхъ по своему умственному развитію лицъ, вдумчиво и красочно очерченныхъ мастерскимъ художникомъ. «Идея» Короленка можетъ быть и такъ понята, что сознаніе равно присуще человѣку и на низшихъ, и на высшихъ ступеняхъ развитія и онъ приводитъ этому положенію вящія доказательства. Но, вообще говоря, можетъ ли выраженіе «молодое сознаніе» служить замѣной, по вышеприведенному поясненію г. Треплева,—«духовной жизни, взятой на первыхъ ступеняхъ своего развитія»? Намъ кажется, что «сознаніе» не можетъ быть ни молодымъ, ни старымъ, такъ какъ весь вопросъ въ объектѣ, въ *данныхъ* нашего сознанія, а не въ самомъ актѣ воспріятія этихъ данныхъ. Сознаніе, какъ всякое свойство человѣческой природы, можетъ развиваться, крѣпнуть, расти и слабѣть, заволакиваться, но врядъ ли быть молодымъ или старымъ. Ради краткости формулы, авторъ далъ нѣсколько неточное, двусмысленное заглавіе своему очерку и затѣмъ, вслѣдствіе искусственности термина, самъ становится отчасти его жертвой. Такъ, напримѣръ, сще вычурнѣе звучитъ его заявленіе, что въ разсказѣ «За иконой» изображенъ «*стихійный разливъ молодого сознанія*», а въ разсказахъ «Безъ языка» и «Не страшное» происходитъ встрѣча «молодого сознанія» съ «сознаніемъ старымъ» и при этомъ «*испытаніе камнемъ н желѣзомъ*» (всѣ курсивы въ подлинникѣ) и т. п. Правильная мысль автора затемняется искусственной и не всегда удачной терминологіей (ср. еще, напр., выраженіе, что при «раствореніи личности въ массовомъ сознаніи»... «подобное раствореніе временно и личность выйдетъ изъ *стихійной ванны* (!) освѣженною» (стр. 37); «идея» разсказа «Не страшное» врядъ ли и по существу имъ правильно толкуется. Многія произведенія Короленка должны были, въ виду ограниченія темы, остаться въ сторонѣ и не вошли въ разборъ г. Треплева. Этюдъ, въ которомъ есть правильныя, но и не мало спорныхъ сужденій, оставляетъ впечатлѣніе произведенія «молодого пера» (образуемъ это выраженіе по аналогіи съ заглавіемъ брошюры), но привлекаетъ весьма сочувственнымъ отношеніемъ къ автору, *Ѳ. Б.*

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

Е. Тарле. „Очерки и характеристики изъ исторіи европейскаго общественнаго движенія въ XIX в.“—*В. О. Ключевскій.* „Курсъ русской исторіи“. Ч. I.

Тарле. Очерки и характеристики изъ исторіи европейскаго общественнаго движенія въ XIX вѣкѣ. Съ портретами. Спб. 1904. Цѣна 2 р. Н. К. Михайловскій замѣтилъ однажды, что русскія книги, въ особенности научныя, чрезвычайоо рѣдко пишутся красиво. Форма изложенія мало озабочиваетъ нашихъ ученыхъ, и читателямъ сплошь и рядомъ приходится претерпѣвать тяжкія страданія, чтобы добраться до конца даже серьезнаго и полнаго интереса труда. Книга г. Тарле принадлежитъ къ немногимъ счастливымъ исключеніемъ изъ этого печальнаго правила. Авторъ, съ первыхъ же страницъ, привлекаетъ красотою и занимательностью изложенія, всегда живого и популярнаго, несмотря на важность и сложность разсматриваемыхъ вопросовъ. Содержаніе книги знакомо читателямъ русскихъ прогрессивныхъ журналовъ: она составилась изъ статей, печатавшихся въ «Вѣстникѣ Европы», «Мірѣ Божіемъ» и «Русскомъ Богатствѣ».

Всѣ напечатанныя статьи г. Тарле посвящены лицамъ и событіямъ западно-европейской исторіи. Выборъ ихъ болѣе или менѣе случаенъ, но, какъ и слѣдовало ожидать, живая кисть автора рисуетъ торжественные образы людей, по отношенію къ которымъ шаблонная фраза надгробныхъ рѣчей пріобрѣла глубокое реальное содержаніе: въ ихъ могилахъ, дѣйствительно, истлѣли только тѣла, духъ же ихъ пережилъ то, что было въ нихъ смертнаго, и до сихъ поръ остается активнымъ участникомъ земной жизни. Бабефъ, Дж. Каннингъ, Ч. Парнель, Ройе-Колларъ, Гамбстта,—вотъ тѣ дѣятели, которыхъ характеризуетъ г. Тарле, каждый разъ обстоятельно анализируя состояніе окружавшей ихъ спеціальной среды. Болѣе обобщающій характеръ носятъ два очерка, возбудившіе уже при первомъ своемъ появленіи большіе если не печатные, то словесные толки. Мы имѣемъ въ виду статьи: «Къ вопросу о границахъ историческаго предвидѣнія» и «Характеристика общественныхъ движеній въ Европѣ XIX вѣка». Въ первой г. Тарле подвергаетъ разсмотрѣнію злободневный нынѣ вопросъ объ объективной основательности постоянно повторяющихся и, очевидно, психологически неизбѣжныхъ предсказаній будущаго. Не претендуя ни на полное рѣшеніе, ни даже на исчерпывающее обсужденіе этой проблемы, г. Тарле только оттѣняетъ нѣкоторыя ея стороны на одномъ частномъ примѣрѣ, который, дѣйствительно, чрезвычайно удобенъ, какъ попытка прогноза, оставившаго глубокій слѣдъ не только въ теоріи европейской науки, но и европейскаго общества. Сначала этотъ прогнозъ возбуждалъ почти религіозное отношеніе, и существованіе маловѣровъ объяснялось чувствомъ классового самосохраненія, затронутаго грознымъ предсказаніемъ. Но теперь сомнѣніе проникло въ ряды вѣрнѣйшихъ изъ вѣрныхъ; то, что недавно было яснымъ, какъ безоблачный день, вызываетъ оживленныя разногласія на послѣднихъ германскихъ партейтагахъ. Г. Тарле прослѣживаетъ судьбу прогноза, начиная отъ его автора — Маркса, и, главнымъ образомъ, отмѣчаетъ, какъ самъ великій экономистъ долженъ былъ, подъ давленіемъ дѣйствительности, измѣнять свои первоначальныя предсказанія. Въ извѣстномъ «Манифестѣ», написанномъ предъ европейскими революціями 1848 г., Марксъ пророчитъ близкое крушеніе стараго порядка, торжество людей, которые могутъ «потерять цѣпи» и «завоевать міръ». Послѣ подавленія движенія въ его цѣломъ Марксъ заднимъ числомъ доказываетъ, что объ успѣхѣ революціи нечего было и думать, такъ какъ промышленный расцвѣтъ исклю-

чалъ самое необходимое условіе сильнаго возстанія—болѣзненное противорѣчіе между производительными силами и буржуазными формами производства. Тѣмъ не менѣе, до семидесятыхъ годовъ онъ оставался вѣренъ надеждѣ на рѣзкій соціальный кризисъ въ близкомъ будущемъ. Только въ 1875 г., когда историческая смерть бунтарства стала вполнѣ ясной, Марксъ съ горечью начинаетъ говорить о тѣхъ, кто не понимаетъ, что «форма движенія» уже не та, и кто «играетъ» въ «конспирацію и революцію» и «компрометируетъ себя и дѣло, которому служитъ». Энгельсъ выражался столь же опредѣленно и окончательно развилъ и упрочилъ мысль о необходимости оставить старую тактику и придавать слову «революція» не старое значеніе насильственной борьбы за власть, но новое—«коренного переворота въ области общественныхъ отношеній» путемъ борьбы на почвѣ существующаго права. Моментъ краха, казавшійся такимъ близкимъ, все болѣе уходилъ въ даль. Вниманіе теоретиковъ устремилось на то, чтобы формировать массовую армію для новаго дѣйствія. Однако, шли годы, наступила бисмарковская эра войны, объединеніе, — и мысль о «новомъ дѣйствіи» стала замирать у Маркса и многихъ его приверженцевъ, взамѣнъ того, упрочилось иное настроеніе, достиженіе желаннаго идеала посредствомъ тѣхъ же «bataillons», но безъ насильственныхъ дѣйствій, мирнымъ путемъ. Предстояло только выжидать «укомплектованія». По мнѣнію г. Тарле, это построеніе, представляющее одну изъ любопытнѣйшихъ идейныхъ фантасмагорій, какія только видѣла Европа, уже отжило свой недолгій вѣкъ; но авторъ не указываетъ, чѣмъ оно смѣнилось и не обосновываетъ, почему оно заслуживаетъ названія «фантасмагоріи». Пониманіе революціи, какъ коренного и мирнаго переворота въ общественныхъ отношеніяхъ, едва ли противорѣчитъ эволюціонному міровоззрѣнію, научное значеніе котораго до настоящаго момента остается непоколебленнымъ; и съ этой точки зрѣнія соціальное преобразованіе, какъ результатъ экономическаго развитія и психологической необходимости для массы людей, представляется вполнѣ возможнымъ. Но, конечно, прогнозъ Маркса въ его первоначальномъ смыслѣ оказался явно ошибочнымъ.

Вторая изъ отмѣченныхъ нами статей г. Тарле доказываетъ это непреложными фактами. Тщательно сопоставляя и изслѣдуя жизнь Франціи, Германіи, Англіи и Австріи, авторъ приходитъ къ выводу, что вся исторія истекшаго пятидесятилѣтія заключается не въ наростаніи революціоннаго настроенія, а, наоборотъ, въ постепенномъ исчезновеніи революціонныхъ тенденцій и чувствъ изъ умственнаго и моральнаго обихода западно-европейскаго общества. 48-ой годъ былъ періодомъ послѣдняго волненія народовъ. По мнѣнію г. Тарле, бурный характеръ этого движенія зависѣлъ отъ увѣренности въ его силѣ, которая, въ свою очередь, опредѣлялась солидарнымъ дѣйствіемъ противъ существующаго строя обоихъ оппозиціонныхъ слоевъ, т.-е. буржуазіи и рабочихъ. Но оппозиціонный союзъ оказался слишкомъ непрочнымъ; буржуазія, быстро сведя счеты съ феодальнымъ порядкомъ, прежде всего, обратилась противъ своихъ союзниковъ. Возникъ новый союзъ — союзъ всѣхъ правящихъ классовъ противъ пролетаріата. «Исчезла брешь въ линіи правящихъ классовъ; ихъ лагерь объединился и примирился; его дисциплина возрасла; его средства обороны и нападенія, и численно, и технически, усилились, и то, что прежде его врагамъ только казалось (и то лишь казалось) возможностью, стало, напримѣръ, въ Германіи послѣднихъ лѣтъ очевиднымъ донкихотствомъ». Ученіе о катастрофахъ потеряло жизненность. И если теперь это всѣмъ ясно, то проницательные умы уже и ранѣе подмѣтили признаки новаго настроенія. «Донъ-Кихотъ революціи,—писалъ въ 1862 г. Герценъ,—не идетъ у меня изъ головы. Суровый, трагическій типъ этотъ исчезаетъ, исче-

заетъ, какъ бѣловѣжскій зубръ, какъ краснокожіе индѣйцы»... Потеря вѣры въ прежнія средства, озлобленность, горькая безнадежность создали почву, на которой выросъ анархизмъ, который, во всякомъ случаѣ, находится въ полномъ противорѣчіи съ чувствами большинства и представляетъ лишь послѣднія судорожныя усилія единичныхъ лицъ приблизить общественный кризисъ, все болѣе и болѣе исчезающій въ Западной Европѣ за горизонтомъ историческаго предвидѣнія. Такъ рисуетъ г. Тарле европейское общество и его настроенія въ послѣднее пятидесятилѣтіе. Но общіе выводы авторы не переходятъ границъ научнай осторожности. Онъ усиленно подчеркиваетъ, что всѣ его разсужденія отросятся только къ Западной Европѣ и только къ непосредственно переживаемому моменту и непосредственно предшествовавшему. Затѣмъ, онъ утверждаетъ, что при данномъ состояніи общественныхъ наукъ, «каждый добросовѣстный соціологъ признаетъ почти полное свое безсиліе, подавляющую ограниченность предѣловъ предвидѣнія, сводящую почти къ нулю значеніе соціальныхъ предсказаній». Поэтому, г. Тарле съ справедливою ироніею говоритъ о тѣхъ обильныхъ и крикливыхъ критическихъ упражненіяхъ, въ которыхъ прогнозъ Маркса объявляется знахарствомъ, чуть не шарлатанствомъ. Онъ указываетъ, что геніальныя ошибки важнѣе для человѣчества, чѣмъ въ сотый разъ повторенныя азбучныя истины; что нынѣшніе критики и отрицатели стараго, разрушеннаго исторіей прогноза, также обнаруживаютъ рѣшительную склонность къ пророчествамъ (конечно, въ духѣ, діаметрально противоположномъ прежнимъ предсказаніямъ), хотя за эти ихъ пророчества ручается... только ихъ же собственное желаніе. Стаціонарность общественныхъ формъ, устанавливаемая новѣйшими критиками, кажется г. Тарле однимъ изъ преходящихъ явленій, которое не можетъ быть возведено въ незыблемый законъ.

На отдѣльныхъ характеристикахъ занадно-европейскихъ дѣятелей, привлекшихъ вниманіе г. Тарле, мы останавливаться не будемъ. Ихъ имена достаточно извѣстны, чтобы возбудить вниманіе читателей, а живое изложеніе и умѣнье ярко освѣтить и историческую фигуру, и тотъ общественный фонъ, на которомъ она появилась, свойственныя г. Тарле, дѣлаютъ предлагаемые опыты особенно интересными. Можетъ быть, однако, было бы болѣе справедливымъ по отношенію къ исторической правдѣ, если бы авторъ относился къ своимъ героямъ не съ такимъ повышеннымъ уваженіемъ. Эта черта въ нѣкоторыхъ случаяхъ придаетъ характеристикамъ слишкомъ однородно-свѣтлый тонъ. Но богатство содержанія легко позволяетъ сдѣлать необходимыя поправки. Авторъ раскрываетъ цѣлый рядъ фактовъ, обыкновеино, мало затрагиваемыхъ въ популярной литературѣ, и излагаетъ ихъ съ такою живостью, которая приближаетъ его работу къ публицистическимъ этюдамъ. Для тѣхъ, кто не имѣетъ возможности детальнымъ образомъ изучить исторію XIX-го столѣтія, «Очерки и характеристики» г. Тарле представляютъ незамѣнимое пособіе, но они далеко нелишни и для тѣхъ, кто знакомится съ девятнадцатымъ вѣкомъ только въ русской исторической литературѣ.

Ник. Іорданскій.

Проф. В. О. Ключевскій. Курсъ русской исторіи. Часть I. М. 1904. in-8-vo. Стр. 4 нен.+456+VI. Ц. 2 р. 50 к. Проф. Ключевскій, выпуская въ свѣтъ первую часть своего «Курса русской исторіи», написалъ къ нему предисловіе всего въ двадцать строкъ. Но въ этомъ крохотномъ предисловіи есть фраза, которая можетъ подсказать критикѣ вѣрный тонъ для популярнаго сужденія о курсѣ нашего автора. «Въ недостаткѣ,—пишетъ г. Ключевскій,—чтобы не сказать—отсутствіи, доступныхъ публикѣ университетскихъ курсовъ русской исторіи лекторъ видитъ оправданіе своей рѣшимости, а въ близости конца преподавательской работы единственное побужденіе начать из-

даніе курса, безспорно нуждающагося въ обработкѣ». Не въ мѣру скромный авторъ правъ, утверждая, что въ нашей научно-популярной литературѣ отсутствуетъ сколько-нибудь приличный курсъ русской исторіи для большой публики; мы менѣе всего знаемъ отечественную исторію, всего болѣе ее искажаемъ, а потому въ сознаніи большинства перевертываются цѣли и задачи нашего собственнаго событія. Научное изученіе реальности нашего прошлаго тогда только дастъ цѣлесообразные результаты, когда таковое, будучи достаточно глубокимъ, не станетъ ни на минуту разрывать живой, непосредственной связи съ текущею дѣйствительностью. «Изученіе нашей исторіи,—говоритъ г. Ключевскій,—можетъ помочь намъ уяснить задачи и направленіе предстоящей намъ практической дѣятельности... Надобно хорошо изучить наличный запасъ силъ и средствъ, какой накопило себѣ это общество, а для того нужно взвѣсить и оцѣнить историческіе опыты и впечатлѣнія, имъ пережитыя, нравы и привычки, въ немъ воспитанные. Это тѣмъ необходимѣе что мы живемъ во время, обильное идеалами, но идеалами, борющимися другъ съ другомъ, непримиримо враждебными. Это затрудняетъ цѣлесообразный выборъ. Знаніе своего прошлаго облегчаетъ такой выборъ... Опредѣляя задачи и направленіе своей дѣятельности, каждый изъ насъ долженъ быть хоть немного историкомъ, чтобы стать сознательно и добросовѣстно дѣйствующимъ гражданиномъ» (стр. 41—42). Г. Ключевскій не столько хочетъ установить непосредственную связь прошлаго съ текущею дѣйствительностью, сколько извлечь изъ этого прошлаго рядъ поучительныхъ уроковъ; онъ намекаетъ на какой то рядъ борющихся другъ съ другомъ идеаловъ и очень боится лучшіе изъ нихъ «уронить или захватать неумѣлыми или неопрятными руками» профановъ. Довольно трудно читателю представить себѣ, о какихъ идеалахъ здѣсь идетъ рѣчь. Вѣдь наше время по самой внутренней природѣ своей не въ силахъ отличаться разнообразіемъ и противоположностью идеаловъ. У всѣхъ нормально мыслящихъ вертится въ сознаніи одинъ капитальный идеалъ, одна драгоцѣнная мечта, и въ этомъ отношеніи не можетъ быть никакихъ недоразумѣній, сколько бы мы ни изучали наше прошлое. Вѣдь, если наше настоящее не разорветъ рѣшительно и круто съ прошлымъ, не разорветъ путемъ планомѣрной общественной работы, тогда откуда возьмутся тѣ «сознательно и добросовѣстно дѣйствующіе *граждане*», о которыхъ мечтаетъ г. Ключевскій. Не будутъ ли печально топтаться тогда на одномъ мѣстѣ лишь *обыватели*, перечитывая безъ упованій и надеждъ историко-философское введеніе въ курсъ г. Ключевскаго (стр. 1—42).

Это введеніе интересно, но не всегда опредѣленно и не всегда безспорно. Едва ли, напр., есть какая-нибудь надобность устанавливать различія, которыя при дѣйствительномъ изложеніи курса оказываются безполезными или даже въ извѣстной части невозможными. «Выработка человѣка и человѣческаго общежитія, читаемъ у г. Ключевскаго,—таковъ одинъ предметъ историческаго изученія, образующій своими составными частями двѣ отрасли историческаго знанія, исторію *культуры* и исторію *цивилизаціи*: мы будемъ разумѣть подъ культурой сумму интересовъ и удобствъ личнаго существованія, подъ цивилизаціей—сумму интерсовъ и удобствъ быта общественнаго. Другой предметъ историческаго изученія—это составъ и строй самаго общежитія, природа и дѣйствіе силъ, его строящихъ», т.-е. то, что называютъ *исторической соціологіей*. Страница, посвященная установкѣ этихъ двухъ порядковъ различій, пропадаетъ даромъ. Отчасти признается въ этомъ и самъ авторъ, когда немного далѣе говоритъ, что «оба указанные предмета историческаго изученія легче различаются въ отвлеченной классификаціи знаній, чѣмъ въ самомъ процессѣ изученія». Отчасти авторъ и горячо противорѣчитъ

своему же собственному утвержденію, когда совершенно неожиданно для читателя начинаетъ проводить различіе между личной идеей и идеей, усвоенной обществомъ, какъ историческимъ фактомъ, написавъ превосходную страницу на эту благодарную тему. «Такія необработанныя, какъ бы сказать, *сырыя* идеи—не историческіе факты: ихъ мѣсто въ біографіи, въ философіи, а не въ исторіи». Стало быть, эти «сырыя» идеи не попадутъ въ ту исторію культуры, которой прельщалъ нашъ авторъ нѣсколько выше? Но этимъ не ограничивается, конечно, возникшее недоразумѣніе, и нашъ авторъ напрасно старается выкинуть индивидуальныя идеи изъ области историческаго изученія. Одна ошибка всегда роковымъ образомъ влечетъ за собой другую. Индивидуальныя идеи и утопическіе трактаты развѣ не могутъ служить въ роли драгоцѣнныхъ источниковъ для изученія современныхъ имъ общественныхъ явленій? Личное существованіе всегда неразрывно связано съ бытомъ общественнымъ. Изученіе личности всегда можетъ быть историческимъ и строго научнымъ, если только послѣдняя разсматривается не висящей въ воздухѣ, а какъ продуктъ соціальной среды. Индивидуальная идея не продуктъ отвлеченнаго разума, она исходитъ отъ живой общественной единицы и принимаетъ формы, соотвѣтственныя условіямъ среды, обстановкѣ, впечатлѣніямъ, среди которыхъ создалась и живетъ эта единица. Эта индивидуальная идея, если только она не результатъ метафизическаго бреда, часто превращается въ живой ростокъ могучаго общественнаго движенія. Отрицая историческій интересъ этихъ ростковъ, нашъ авторъ, въ сущности, близко подходитъ къ пренебреженію эволюціонной точки зрѣнія; ему становятся дороже мѣстные практическіе навыки, добытые историческою жизнью, нежели законы, управляющіе этою жизнью. Еще удивительнѣе тѣ строки, которыя нашъ историкъ приводитъ въ интересахъ дальнѣйшаго развитія своей невѣрной формулировки. Оказывается, что «сама жизнь помогаетъ историческому изученію: она производитъ практическую разборку идей, отдѣляя дѣловыя или счастливыя отъ досужихъ или неудачныхъ». Очень жаль, что г. Ключевскій не приводитъ примѣровъ появленія такихъ «досужихъ или неудачныхъ идей» въ русской дѣйствительности. Мы могли бы сейчасъ же привести одну, и г. Ключевскій едва ли осмѣлился бы назвать ее досужей или неудачной, ибо она достояніе всего культурнаго русскаго общества, хотя, выражаясь языкомъ г. Ключевскаго, и не сдѣлалась еще дѣйствительнымъ «историческимъ факторомъ». Можно, впрочемъ, иллюстрировать нѣкоторыя замѣчанія г. Ключевскаго во введеніи оттѣнками его курса. Вѣче, какъ идея народовластія, было несомнѣннымъ историческимъ факторомъ древней Руси, и этотъ факторъ у нашего автора въ тѣни; на первый планъ выдвинулся Рюриковичъ, хотя мы были бы пристрастными, еслибъ не отмѣтили, что одного изъ популярныхъ Рюриковичей онъ не пощадилъ въ своемъ изображеніи. «Отъ всей фигуры Андрея,—пишетъ г. Ключевскій,—вѣетъ чѣмъ-то новымъ; но едва ли эта новизна была добрая... Тотчасъ по смерти его наступила полная анархія: всюду происходили грабежи и убійства, избивали посадниковъ, тіуновъ и другихъ княжескихъ чиновниковъ... Никогда еще на Руси ни одна княжеская смерть не сопровождалась такими постыдными явленіями. Ихъ источникъ надобно искать въ дурномъ окруженіи, какое создалъ себѣ князь Андрей своимъ произволомъ, неразборчивостью въ людяхъ, пренебреженіемъ къ обычаямъ и преданіямъ (стр. 397—399). Но нужно прочитать полностью всю XVIII-ую главу, чтобы набраться должныхъ и поучительныхъ для всякаго времени впечатлѣній. Чутье реальной дѣйствительности очень часто спасаетъ г. Ключевскаго отъ практическаго воплощенія очень шаткихъ сторонъ его теоріи, особенно если рѣчь идетъ о древней русской исторіи: тамъ г. Ключевскій чувствуетъ себя посвободнѣе и понезависимѣе.

Неяснымъ пятномъ представляется читателю мысль г. Ключевского о взаимоотношеніяхъ государства и народа. «*Народъ*,—пишетъ г. Ключевскій (стр, 13),—становится *государствомъ*, когда чувство національнаго единства получаетъ выраженіе въ связяхъ политическихъ, въ единствѣ верховной власти и закона. Въ государствѣ народъ становится не только политическою, но и историческою личностью съ болѣе или менѣе ясно выраженнымъ національнымъ характеромъ и сознаніемъ своего мірового значенія». Стало быть государство и народъ одно и то же? Стало быть государство не есть просто слуга своего народа? А возможно ли государство безъ народа и въ какомъ смыслѣ употребляетъ авторъ самый терминъ народъ? Возьмемъ для того соотвѣтственную цитату изъ курса. Въ X-ой главѣ авторъ пишетъ (стр. 192): «Разноплеменное населеніе вошло въ составъ великаго княжества кіевскаго или русскаго государства. Но это русское государство еще не было государствомъ русскаго народа, потому что еще не существовало самаго этого народа: къ половинѣ XI вѣка были готовы только этнографическіе элементы, изъ которыхъ потомъ долгимъ и труднымъ процессомъ выработается русская народность». Обѣ эти цитаты надобно признать или взаимно другъ друга исключающими, или же пристрастіе автора къ оригинальному и жирному изображенію своихъ мыслей не даетъ возможности читателю правильно его понимать. Если нѣтъ на свѣтѣ какого нибудь народа, то нѣтъ и государства этого народа,—надо ли эту святую истину облекать въ курсѣ въ особую фразу? Если въ половинѣ XI-го вѣка не было государства русскаго народа, то можно ли начинать исторію этого государства съ тѣхъ временъ, когда существовали другія государства и народы? Въ другомъ мѣстѣ того же введенія (стр. 26) говорится, что «приблизительно съ VIII-го вѣка нашей эры, не раньше, можемъ мы слѣдить съ нѣкоторою увѣренностью за постепеннымъ ростомъ *нашего народа*, наблюдать внѣшнюю обстановку и внутреннее строеніе его жизни въ предѣлахъ равнины». Какого же этого *нашего народа*, когда полтораста страницъ спустя въ курсѣ и еще спустя три вѣка въ дѣйствительности его наличность отрицается?

Мастерски обрисовавъ удѣльный періодъ русской исторіи, г. Ключевскій намекаетъ намъ на старое представленіе объ этомъ періодѣ, что онъ будто бы скученъ для читателя. Мало ли что скучно для читателя, и дѣло историка изобразить такъ, чтобъ надъ ея изученіемъ не повисъ храпъ почтеннаго читателя. Г. Ключевскій же сумѣлъ изобразить удѣльное время, такъ, что всякій читатель съ живымъ интересомъ отхватаетъ страницы имъ отведенныя. Представленіе о томъ, что въ исторіи удѣльной Руси много скуки и вовсе нѣтъ жизни и движенія столь же мало справедливо, какъ въ отношеніи исторіи среднихъ вѣковъ на западѣ. Взглядъ этотъ, благоговѣйно унаслѣдованный, отъ С. М. Соловьева, г. Ключевскій поддерживаетъ вопреки тексту своего же курса, выводя, къ тому же, слѣдующее рискованное заключеніе (стр. 435): «Такія эпохи, столь утомительныя для изученія и, повидимому, столь бозплодныя для исторіи, имѣютъ свое и не маловажное историческое значеніе. Это такъ называемыя переходныя времена, которыя нерѣдко ложатся широкими и темными полосами между двумя періодами. Такія эпохи перерабатываютъ развалины погибшаго порядка въ элементы порядка, послѣ нихъ возникающаго. Къ такимъ переходнымъ временамъ, передаточнымъ историческимъ стадіямъ, принадлежатъ и наши удѣльные вѣка: ихъ значеніе не въ нихъ самихъ, а въ ихъ послѣдствіяхъ, въ томъ, что изъ нихъ вышло». Всякое время въ историческомъ процессѣ есть переходное время, и такое опредѣленіе ничуть не типично для удѣльной Руси. Послѣдняя—не моментъ перехода отъ одного къ другому: вѣдь это моментъ зарожденія новаго историческаго процесса, за-

рожденіе на новой территоріи и среди новыхъ этнографическихъ комбинацій. Мы думаемъ, что историческое значеніе удѣльныхъ вѣковъ заключается и въ нихъ самихъ, а не только въ ихъ послѣдствіяхъ; мы говоримъ такъ по принадлежности къ правовѣрнымъ эволюціонистамъ. Изъ того, что удѣльные вѣка еще не изучены во всю глубину современнаго историческаго розмаха, не слѣдуетъ черезчуръ скептически относиться къ ихъ самодовлѣющему значенію: удѣльные вѣка, а не кіевская Русь истинная колыбель нашего народа и нашего государства!

Авторъ весьма естественно долженъ былъ сузить цѣль своего курса. Авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ опредѣленно высказаться о конечныхъ своихъ пожеланіяхъ, которыя читатель пусть все время имѣетъ въ виду, дабы не предъявлять къ курсу тѣхъ требованій, коимъ онъ и не предполагалъ удовлетворять. По словамъ г. Ключевскаго, изъ его курса надо вынести «ясное представленіе о двухъ процессахъ, коими полагались основы нашего политическаго и народнаго быта и въ которыхъ всего явственнѣе обнаруживались сочетанія и положенія, составляющія особенность нашей исторіи». Авторъ и обѣщаетъ, съ одной стороны, слѣдить, какъ «вырабатывалось въ практикѣ жизни и выяснялось въ сознаніи народа понятіе о государствѣ и какъ это понятіе выражалось въ идеѣ и дѣятельности верховной власти», а съ другой—какъ «въ связи съ ростомъ государства завязывались и сплетались основныя нити, образовавшія своею сложною тканью нашу народность». Какъ выполнена эта программа, критикѣ не время судить, надо подождать появленія дальнѣйшихъ частей курса, съ чѣмъ авторъ обѣщаетъ «не замедлить». По поводу узости программы тоже нечего говорить, ибо въ этомъ направленіи г. Ключевскій обезопасилъ себя отъ напрасныхъ ударовъ критики заявленіемъ, что онъ сознаетъ узость своей программы и прослѣживаетъ «лишь такія теченія исторіи, которыя представляются главными, господствующими». Мы, впрочемъ, признаемъ, что по своему содержанію *курсъ русской исторіи* г. Ключевскаго шире указанной программы и что онъ является драгоцѣннымъ пособіемъ для изученія русской исторіи. Мы искренно привѣтствуемъ его появленіе, предполагая, что онъ будетъ увлекать читателя ознакомленіемъ съ нашимъ прошлымъ... Отзывъ затянулся, и надо наконецъ поставить точку. Первая часть обнимаетъ русскую исторію до момента возвышенія московскаго княжества. Это—превосходный опытъ умнаго и живого изложенія исторіи древней Руси, тѣмъ болѣе превосходный, что историческіе постулаты его философскаго введенія къ курсу часто остаются безъ надлежащаго употребленія. Художественный талантъ автора часто не слушается голоса сухихъ и довольно таки кабинетныхъ запросовъ его теоріи, застывшей на не вполнѣ спѣвшихся другъ съ другомъ сочетаніяхъ традиціи и новой науки. Нашъ авторъ часто удивительнымъ чутьемъ признаетъ правду живой дѣйствительности, и мы, быть можетъ, постараемся извлечь изъ его курса уроки, на которые онъ *не* разсчитывалъ. Мы обязаны, слѣдуя, г. Ключевскому, признать, что исторія учитъ насъ прежде всего одной удивительной и важной правдѣ: главнымъ источникомъ безпорядковъ и анархіи бываетъ иногда тотъ самый порядокъ, отъ котораго общество никакъ не можетъ отдѣлаться, но съ которымъ нужно немедленно распроститься, дабы не быть увлеченнымъ въ зіяющую бездну. Вотъ откуда это слѣдуетъ. Г. Ключевскій прекрасно пересказываетъ дошедшее до насъ отъ XII-го вѣка горячее «Слово о князьяхъ», произнесенное однимъ церковнымъ витіей на память князей Бориса и Глѣба. Витія умоляетъ князей не ссориться, не драться, не звать «поганыхъ» на родную землю, онъ полонъ негодованія.... «это негодованіе, пишетъ съ блестящей ядовитостью проф. В. О. Ключевскій (стр. 324—325),—опора для сужденій о людяхъ того времени: пришлось бы цѣнить ихъ

очень низко, если бы изъ среды ихъ не послышалось негодующаго голоса противъ княжескихъ безпорядковъ. И все таки проповѣдникъ горячился напрасно: источникомъ безпорядковъ былъ самый порядокъ княжескаго управленія землей. Князья сами тяготились этимъ порядкомъ, но не сознавали возможности замѣнить его другимъ и не сумѣли бы замѣнить, если бы и сознавали». Такіе любопытные казусы въ исторіи повторяются, но не вполнѣ: чего не сознаютъ или не умѣютъ князья, то сознаетъ и хорошо умѣетъ общество, одухотворенное жаждой самодѣятельности. Такова первая часть курса русской исторіи проф. В. О. Ключевскаго. *Василій Сторожевъ.*

СОЦІОЛОГІЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

P. Lafargue. „Les trusts americains“ *Л. Вольтманнъ.* „Политическая антропологія“.—*В. Гагенъ* „Безработица въ Германіи и мѣры борьбы съ нею“.—*Г. Адлеръ.* „О безработицѣ“.

Paul Lafargue. Les Trusts américains, leur action economique sociale et politique. Paris. 1903 г. 146 стр. ц. 1 fr. 50 с. (Лафаргъ. Американскіе тресты, ихъ эконом., соціальная и полит. роль). Необычайный ростъ трестовъ и синдикатовъ представляетъ одно изъ характернѣйшихъ и крупнѣйшихъ явленій экономической жизни Западной Европы и Сѣв. Америки. Мы не преувеличимъ, если скажемъ, что этотъ ростъ знаменуетъ собою цѣлую новую эру въ ходѣ промышленнаго развитія, эру капиталистической регламентаціи производства. Капиталистическое производство выступило на историческую сцену съ борьбою противъ всякой регламентаціи производства, оно упорно и успѣшно боролось противъ цеховъ, противъ государственной регламентаціи цѣнъ продуктовъ, размѣровъ производства, оно создало доктрину полнѣйшаго экономическаго индивидуализма, доктрину laissez faire, laissez passer. Но теперь, когда капиталистическое производство, низвергнувъ государственную регламентацію до-капиталистическихъ формъ хозяйства, привело къ ужасающей анархіи производства, оно начинаетъ отказываться отъ вѣры въ благодѣтельность свободной конкуренціи капиталовъ и въ фактѣ организаціи синдикатовъ и трестовъ дѣлаетъ первую попытку создать капиталистическую регламентацію производства.

Собственно говоря, уже развитіе акціонерныхъ обществъ положило первое начало этой новой промышленной эрѣ. Когда конкурирующіе частные капиталы стали объединяться въ акціонерныя общества съ цѣлью сотрудничества въ дѣлѣ добыванія прибыли, то тѣмъ самымъ было произнесено отреченіе отъ первой заповѣди экономическаго индивидуализма. И синдикаты представляютъ лишь дальнѣйшій фазисъ этого процесса. Отсюда понятно то неослабное вниманіе, съ которымъ теоретики-экономисты присматриваются къ необычайному развитію синдикатовъ. Лежащая передъ нами книжка извѣстнаго французскаго марксиста Лафарга представляетъ очень большой интересъ въ томъ отношеніи, что она показываетъ безсиліе всѣхъ попытокъ планомѣнно организовать и регулировать производство, не разрушая при этомъ рамокъ капиталистическаго хозяйства.

Въ первой главѣ авторъ приводитъ любопытныя фактическія данныя о финансовой силѣ и о распространенности трестовъ. Тресты въ Сѣв. Америкѣ представляютъ собою колосальный капиталъ приблизительно въ 76 милліардовъ франковъ! А если сюда еще прибавить синдикаты желѣзнодорожныхъ предпріятій, то капиталъ этотъ достигнетъ цифры въ 100 милліардовъ. До-

статочно сказать, что знаменитый Морганъ заправляетъ сандикатами съ капиталами въ 22 милліарда!

Давъ общее представленіе о могуществѣ сѣверно-американскихъ синдикатовъ, Лафаргъ бѣгло останавливается на все ширящемся вліяніи крупнѣйшихъ заправилъ синдикатовъ не только на экономическую, но и на всю культурную жизнь страны,—какъ показываетъ авторъ, даже съ церковныхъ кафедръ, не говоря уже о трибунѣ политическихъ дѣятелей, раздаются проповѣди, славословящіе милліардеровъ.

Въ слѣдующихъ главахъ авторъ даетъ очеркъ регламентаціи производства въ средніе вѣка и очерчиваетъ общую дѣятельность современныхъ синдикатовъ; затѣмъ слѣдуютъ главы, посвященныя характеристикѣ отдѣльныхъ наиболѣе крупныхъ синдикатовъ Сѣв. Америки, и, наконецъ, послѣднія главы заняты подведеніемъ общихъ итоговъ.

Примиряя конкуренцію между объединившимися предпріятіями, синдикаты вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно обостряютъ борьбу между отдѣльными синдикатами, интересы которыхъ рѣзко расходятся. Напр., синдикатъ каменноугольныхъ копіей «регулируетъ» производство, устанавливая высокую цѣну на свои продукты, но это регулированіе идетъ, конечно, въ разрѣзъ съ интересами всѣхъ тѣхъ синдикатовъ, которые въ отрасли своего производства въ значительномъ количествѣ потребляютъ уголь. Всякіе синдикаты являются не только производителями, но и потребителями, и если образованіе синдиката, сопровождающееся повышеніемъ цѣнъ, выгодно для нихъ по отношенію къ тѣмъ продуктамъ, которые они производятъ, то оно убыточно для нихъ по отношенію къ тѣмъ продуктамъ, которые они потребляютъ.

Въ виду этого-то, въ новѣйшее время, какъ это отмѣчаетъ нашъ авторъ, замѣчается все усиливающееся стремленіе синдикатовъ объединить не только одну, но нѣсколько отраслей производства, чтобы такимъ путемъ удовлетворять всѣ свои нужды продуктами собственнаго производства и этимъ избѣжать того расхожденія интересовъ, на которое мы только что указали. Напр., желѣзнодорожные синдикаты въ Америкѣ стремятся завести собственныя угольныя копи, собственные сталелитейные заводы и т. д.

Наконецъ, въ послѣднее время начали широко развиваться международные синдикаты. Такимъ путемъ синдикаты стремятся охватить всю промышленность и внести въ ея современную анархію организующее начало. Возникаетъ невольно вопросъ, не являются ли синдикаты и тресты тѣми, такъ сказать, фагоцитами капиталистическаго организма, которые успѣшно борятся со всѣми разрушительными процессами въ нѣдрахъ его, не устраняютъ ли синдикаты основного противорѣчія капиталистическаго строя, его анархіи производства?

На всѣ эти вопросы нашъ авторъ отвѣчаетъ отрицательно. Онъ показываетъ, что развитіе синдикатовъ привело къ усиленной концентраціи капиталовъ, къ поѣданію мелкихъ капиталовъ крупными. Захватывая все болѣе широкій районъ дѣйствія, синдикаты начали все болѣе сметать съ лица земли капиталистической мелкихъ капиталистовъ. Благодаря этому синдикаты одновременно способствовали усиленной концентраціи капиталовъ и усиленной пролетаризаціи населенія, не только не притупляя, по мнѣнію автора, но еще обостряя противорѣчія капиталистическаго строя. Этому же обостренію, какъ показываетъ авторъ, не мало содѣйствуетъ враждебная политика синдикатовъ по отношенію къ рабочимъ. Подчинивъ своему вліянію огромный районъ экономической жизни, синдикаты стремятся подчинить въ этомъ районѣ всѣхъ рабочихъ своей власти. Здѣсь объединенная борьба капиталистовъ вызываетъ объединенный отпоръ со стороны рабочихъ, что не мало содѣйствуетъ обостренію классовыхъ противорѣчій.

*

Лафаргъ такимъ образомъ приходитъ къ заключенію, что синдикаты суть какъ бы вершины капиталистическаго хозяйства, достигнувъ которыхъ капиталистическому хозяйству идти дальше некуда. Оно должно будетъ уступить мѣсто новому общественному строю, приближенію котораго синдикаты не мало способствовали.

По мнѣнію Лафарга, синдикаты не только не уменьшили шансовъ крушенія капиталистическаго строя, какъ это утверждаютъ многіе экономисты, даже принадлежащіе къ соціалистической школѣ, но еще увеличили эти шансы. Мы могли бы точно выразить точку зрѣнія Лафарга, сказавъ, что въ развитіи трестовъ и синдикатовъ, стремящихся установить олигархію капиталистовъ надъ современнымъ обществомъ, онъ видитъ новое доказательство того, что общество это находится въ послѣднихъ градусахъ капитализма.

П. Берлинъ.

Людвигъ Вольтманнъ. Политическая антропологія. Изслѣдованіе о вліяніи теоріи эволюціи на ученіе о политическомъ развитіи народовъ. IV+326 стр. въ 8°. 1903. Цѣна 3 р. Подъ этимъ заглавіемъ авторъ «Системы моральнаго сознанія», «Дарвинизма и соціализма» и «Историческаго матеріализма» даетъ изображеніе современнаго состоянія вопроса о біологическихъ (естественноисторическихъ) корняхъ общества и государства, на основаніи того богатаго матеріала фактическихъ данныхъ, который накопился въ этой области особенно за послѣднее десятилѣтіе. Основная идея всего изслѣдованія: *объяснить возникновеніе и особенности общества и его дериватовъ* (*семьи, сословій, профессій, политическихъ партій*), *какъ результатъ врожденныхъ и унаслѣдованныхъ силъ и способностей человѣка и какъ слѣдствіе различій этихъ силъ и способностей въ зависимости отъ личности, расы, возраста и пола.* Какъ видно, это программа современной историко-антропологической школы. Соотвѣтственно ей, авторъ и посвящаетъ почти всю первую треть книги изложенію основного содержанія эволюціонизма и въ частности ученія Дарвина. Органическіе факторы развитія, въ особенности законы преемственности и наслѣдственности, наряду съ ними физіологическія основы варіацій и наслѣдственнаго предопредѣленія обрисовываются сжато и ясно. Въ вопросѣ о совершенствованіи и вырожденіи расъ авторъ хотя и руководствуется преимущественно данными и наблюденіями надъ самимъ человѣкомъ, но не теряетъ при этомъ общей біологической нити (отборъ, скрещиваніе животныхъ породъ и проч.).

Во второй части изслѣдованія разбираются *основные біологическіе законы развитія культуры*: органическое происхожденіе соціальной жизни вообще, борьба за существованіе и борьба за право, исторія возникновенія семьи, физіологическая основа собственности, исторія развитія сословій и профессій, возникновеніе экономическихъ классовъ.

Наконецъ, третья и послѣдняя часть труда Л. Вольтманна посвящена спеціально изслѣдованію *политическаго развитія народовъ* въ зависимости отъ ихъ врожденныхъ психическихъ и физическихъ особенностей. Это какъ бы заключительный выводъ изъ всѣхъ тѣхъ данныхъ и положеній, которыя составляютъ основу біологическаго эволюціонизма и исторію культуры. Особенно интересна глава объ *антропологическихъ особенностяхъ человѣческихъ расъ* и объ *антропологическихъ различіяхъ сословій, классовъ и профессій*. Авторъ пытается доказать, что существуетъ тѣсная взаимная связь между этими біологическими особенностями и политическимъ развитіемъ расъ и народовъ. Въ главѣ о политическихъ партіяхъ и теоріяхъ Woltmann энергично возстаетъ противъ положенія Маркса, по которому исторія является «постояннымъ *превращеніямъ* человѣческой природы». Онъ считаетъ психологи-

ческія основы человѣческой природы вообще и расовой организаціи въ частности неизмѣнными и постоянными во времени, по крайней мѣрѣ у тѣхъ расъ и народовъ, которые имѣютъ значеніе для исторіи соціализма.

Хотя въ нѣкоторыхъ вопросахъ, напр., въ вопросѣ о геніальномъ человѣкѣ, о мѣстѣ происхожденія арійскихъ расъ, о значеніи культуры индогерманскихъ народовъ для цивилизаціи человѣчества и т.-д. авторъ, стоя на почвѣ гипотезы, не воздерживается отъ смѣлыхъ и спорныхъ заключеній, тѣмъ не менѣе данное имъ изображеніе этого сложнаго и труднаго предмета нельзя не назвать удачнымъ. Книга, не требуя отъ читателя почти никакой біологической подготовки, написана вполнѣ общедоступно и ясно и читается съ большимъ интересомъ. Можемъ только пожелать ей того успѣха, котораго она несомнѣнно заслуживаетъ. *Р. Вейнбергъ.*

В. А. Гагенъ. Безработица въ Германіи и мѣры борьбы съ нею. (Соціально-политическій этюдъ). **Спб. 1904 г. Стр. 118. Ц 70 к. Проф. Г. Адлеръ. О безработицѣ. Спб. 1903 г. Стр. 109. Ц. 60 к** (Выпускъ XII Общеобразовательной библіотеки подъ общею редакціею Н. А. Рубакина). Фактъ безработицы былъ и остается самымъ нагляднымъ, самымъ краснорѣчивымъ обличеніемъ несправедливости современнаго экономическаго строя. По отношенію общества къ безработицѣ можно судить объ отношеніи его къ соціальному вопросу вообще. Еще совсѣмъ недавно кризисы безработицы вызывали въ Западной Европѣ смуту и страхъ. Недаромъ, какъ указываетъ проф. Адлеръ, «почти во всѣхъ революціяхъ (XIX в.) безработица являлась одною изъ движущихъ силъ» (Адлеръ, стр. 18). Толпы голодныхъ прелетаріевъ, время отъ времени омрачавшія своимъ появленіемъ великолѣпіе культурныхъ центровъ, лишали сна оптимистовъ буржуа и укрѣпляли фанатизмъ обличителей-пессимистовъ, утверждавшихъ, что все спасеніе въ безпощадномъ переворотѣ. А теперь? Передъ нами лежатъ двѣ книжки о безработицѣ и характернымъ признакомъ обѣихъ является спокойный, самоувѣренный оптимизмъ. И эти книжки не лгутъ, Въ нихъ отражается дѣйствительное настроеніе значительной части западно-европейскаго общества. Буржуа спятъ спокойнѣе и гелертеры спокойнѣе работаютъ въ своихъ ученыхъ кабинетахъ, освободившись отъ прежняго страха предъ разрушительной критикой научнаго и ненаучнаго соціализма. А вѣдь безработица и связанныя съ нею страшныя бѣдствія не исчезли; у г. Гагена приведено много данныхъ о страшныхъ послѣдствіяхъ для европейскихъ рабочихъ промышленнаго кризиса 1900—1902 гг. Что же означаетъ этотъ оптимизмъ? Побѣду буржуазнаго міросозерцанія, по которому безработица уподоблялась печальнымъ катастрофамъ, нарушающимъ по волѣ Божьей, безъ чьей-либо вины, образцовое благоустройство буржуазнаго общества? Опровергнутъ ли жизнью противоположный взглядъ, по которому безработица есть лишь острое обнаруженіе недуговъ, неизбѣжно присущихъ буржуазному обществу? Нѣтъ, жизнь примирила оба взгляда. Буржуа спятъ спокойнѣе не потому, что они оказались правы, а потому, что не они одни теперь охраняютъ порядокъ и цивилизацію. Современный западно-европейскій строй уже не есть только буржуазный строй; въ немъ получилъ значеніе и силу рабочій классъ. Рабочіе уже отчасти могутъ считать «современный» строй своимъ, а не чужимъ. Правы были тѣ пессимисты, которые говорили, что нельзя бороться съ безработицей, оставляя въ неприкосновенности основы буржуазнаго общества. Но измѣненіе этихъ самыхъ основъ буржуазнаго общества оказалось совсѣмъ не такимъ страшнымъ, какъ казалось во время первыхъ взрывовъ классовой борьбы. Основы буржуазнаго общества уже мѣняются—постепенно, не такъ рѣшительно и быстро, какъ было бы желательно, но все-таки мѣняются. И тѣ мѣры борьбы съ безработицей, о которыхъ говорится въ ле-

жащихъ передъ нами книжкахъ, интересны именно своимъ реформаторскимъ характеромъ: онѣ стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ кореннымъ измѣненіемъ всего общественнаго строя. Въ Германіи, о которой преимущественно идетъ рѣчь въ работахъ г. Гагена и проф. Адлера, въ борьбѣ съ безработицей выдвигаются на первый планъ три рода мѣропріятій: общественныя работы, посредничество по прiисканію работы (Arbeitsnachweis) и страхованіе отъ безработицы. Общественныя работы, организуемыя по преимуществу городскими общинами, все болѣе ставятся въ связь съ общими соціальными задачами муниципальной политики: отъ городскихъ управленій требуютъ, чтобы общественныя работы не имѣли характера экстренныхъ благотворительныхъ мѣропріятій, но входили составною частью въ общій планъ общиннаго хозяйства, проникнутаго принципомъ соціальной реформы. Посредническія конторы по пріисканію работы, организуемыя тоже городскими управленіями или подъ контролемъ городскихъ управленій, обнаружили въ самое послѣднее время замѣчательную жизнеспособность и энергію. Но всѣ ихъ успѣхи основаны на довѣріи къ нимъ рабочихъ, а довѣріе рабочихъ основано на томъ, что управляютъ конторами не случайные благотворители и даже не представители городскихъ думъ (городское представительство носитъ въ Германіи еще слишкомъ буржуазный характеръ), а особые совѣты съ равнымъ числомъ представителей отъ рабочихъ и предпринимателей. Такимъ образомъ, необходимой предпосылкой успѣшной дѣятельности посредническихъ бюро—дѣятельности, столь важной для борьбы съ безработицей, является прочная организація рабочаго класса. И, наконецъ, многочисленные проекты всеобщаго страхованія отъ безработицы, горячо обсуждаемые теперь германскими теоретиками и общественными дѣятелями, имѣютъ въ основѣ своей ту же предпосылку: наличность организованнаго представительства интересовъ рабочаго класса. Такъ, напр., проф. Адлеръ, рекомендуя всеобщее обязательное страхованіе отъ безработицы, высказываетъ, что для осуществленія такого страхованія необходимо также устройство третейскихъ судовъ, разрѣшающихъ столкновенія между трудомъ и капиталомъ. Ибо какъ иначе найти границу между незаконнымъ отказомъ отъ работы и вынужденной безработицей? (Адлеръ, стр. 51). Но для третейскихъ судовъ опять-таки нужна прочная организація рабочихъ. И слѣдовательно, современные реформаторы, работающіе въ интересахъ мира и порядка, вынуждены говорить пролетаріямъ то же самое, что нѣкогда казалось чисто революціоннымъ кличемъ: «объединяйтесь!» Объединеніе рабочихъ служитъ основой для проведенія соціальной реформы, а соціальныя реформы обезпечиваютъ обществу спокойствіе и порядокъ. Современные буржуа могутъ поэтому сказать спасибо прежнимъ врагамъ буржуазіи, работавшимъ надъ объединеніемъ рабочихъ. И если объединеніе совершалось на почвѣ злобныхъ чувствъ къ существующему строю, то въ этомъ виноваты тѣ, кто закрывали всѣ другіе пути: у рабочихъ не оставалось другого знамени для объединенія, кромѣ общей ненависти къ буржуазіи,—мудрено ли, что это знамя такъ долго повергало въ пессимизмъ общественную мысль?

Книжки Гагена и Адлера имѣютъ много общаго. Обѣ изучаютъ не столько безработицу, сколько мѣры борьбы съ ней. Обѣ по преимуществу относятся къ Германіи. Обѣ проникнуты вѣрой въ тѣ принципы «соціальной реформы», которые нашли наиболѣе полное выраженіе въ германскомъ страхованіи рабочихъ. Книжка, изданная редакціей «Общеобразовательной библіотеки», болѣе подходитъ для общаго ознакомленія съ вопросомъ о безработицѣ. Она представляетъ не что иное, какъ переводъ двухъ статей проф. Адлера, помѣщенныхъ въ извѣстномъ «Словарѣ государственныхъ наукъ» («Handwörterbuch der Staatswissenschaften»). Одна статья посвящена собственно безработицѣ и мѣрамъ

борьбы съ нею, другая—организаціи посредничества по прінсканію работы (Arbeitsnachweis). Авторъ принимаетъ видное участіе въ пропагандѣ идеи обязательнаго страхованія отъ безработицы и его проектъ чуть было не сдѣлался закономъ въ Базельскомъ кантонѣ; поэтому онъ естественнымъ образомъ выдвигаетъ на первый планъ идею страхованія и менѣе внимателенъ къ другимъ мѣрамъ борьбы съ безработицей. Переводъ—довольно гладкій, но не свободенъ отъ ошибокъ. Укажемъ на одну, очень грубую: термины «gemeinnützige Veranstaltungen», «gemeinnützige Vereine», («общеполезныя» организаціи) переведены терминомъ «общества *взаимной помощи*», «общества *взаимопомощи*» (стр. 91 сл., 98), что явно противорѣчитъ смыслу излагаемаго и можетъ сбить съ толку читателей.

Работа г. Гагена печаталась въ журналѣ «Трудовая помощь». Ея преимущество въ томъ что она излагаетъ довольно подробно факты самыхъ послѣднихъ лѣтъ, не попавшія въ изложеніе Адлера (хотя г. Гагенъ ошибается, утверждая въ своемъ предисловіи, что трудъ проф. Адлера содержитъ свѣдѣнія лишь до 1889 г.; на самомъ дѣлѣ статьи Адлера охватываютъ и позднѣйшій періодъ, вплоть до 1897 г.). Промышленный кризисъ 1900—1902 г. привлекъ усиленное вниманіе къ проблемѣ безработицы, такъ что именно послѣдніе годы внесли въ разработку вопроса много новаго. Главный недостатокъ книжки Гагена—ея сухость и отсутствіе критики: мѣропріятія и проекты излагаются другъ за другомъ, безъ серьезной попытки поставить ихъ въ связь съ общимъ развитіемъ внутренней политики Германіи и съ стремленіями главныхъ партій и направленій. Недостаточно заботится авторъ и о томъ, чтобы русскій читатель могъ понять смыслъ излагаемыхъ проектовъ. Напр., г. Гагенъ ограничивается общими терминами «союзы предпринимателей» и «профессіональныя товарищества» для нѣмецкихъ «Berufsgenossenschaften», функціонирующихъ на основаніи закона о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ (стр. 32, 45). Нужно обладать предварительнымъ знаніемъ предмета и знаніемъ нѣмецкаго языка, чтобы догадаться, что подъ столь общимъ терминомъ какъ «союзы предпринимателей» подразумѣваются именно эти спеціальныя учрежденія.

А. Рыкачевъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ. ГЕОГРАФІЯ. АНТРОПОЛОГІЯ.

О. Шмейль. „Очерки изъ жизни растеній“—*H. Krafft.* „A travers le Turkestan russe“—*А. Черевкова.* „Очерки современной Японіи“.—*П. Ю. Шмидтъ.* „Страна утренняго спокойствія“.—*С. Гюнтеръ.* „Вѣкъ великихъ открытій“.—*Де-Мортилье.* „Доисторическая жизнь“.

О. Шмейль. Очерки изъ жизни растеній. Переводъ съ нѣмецкаго (съ измѣненіями и дополненіями) С. Г. Григорьева, Л. Д. Синицкаго и С. В. Чефранова. Съ 38 цвѣтными таблицами и многочисленными рисунками въ текстѣ. Изданіе переводчиковъ. Москва. 1903. Цѣна 3 р. 75 к. Книга Шмейля имѣетъ цѣлью заполнить тотъ весьма ощутительный пробѣлъ въ популярно-научной литературѣ, который существуетъ между Тимирязевской «Жизнью растеній» и различными «опредѣлителями» растеній. И тѣхъ, и другихъ, для читателя, интересующагося естествознаніемъ, недостаточно. Мало имѣть только общія свѣдѣнія о жизненныхъ процессахъ растительнаго организма; недостаточно имѣть только возможность опредѣлить, т.-е. узнать латинское названіе того или иного растенія. Интересно, конечно, имѣть возможность ознакомиться съ біологическими особенностями возможно бо́льшаго количества

растеній, притомъ, по возможности, систематически, знакомясь при этомъ и съ системой растительнаго царства. Именно такія задачи и ставилъ себѣ извѣстный современный нѣмецкій педагогъ, О. Шмейль, издавая свои книги и учебники по разнымъ отдѣламъ естествознанія. Нельзя не согласиться съ переводчиками-издателями книги Шмейля на русскомъ языкѣ, что книга эта представляетъ выдающееся явленіе и появленіе ея на русскомъ языкѣ, въ прекрасномъ переводѣ и изящномъ изданіи, надо горячо привѣтствовать. Скажемъ нѣсколько словъ о содержаніи книги и о выполненіи перевода.

Полное понятіе о содержаніи книги можно видѣть уже изъ подробнаго ея оглавленія. Большая часть книги (388 стр. изъ 508) посвящена описанію растеній въ систематическомъ порядкѣ, начиная съ покрытосѣменныхъ и кончая слоевцовыми. Система, принятая авторомъ, очень близка къ системѣ Бентама и Гукера, и допущенныя авторомъ измѣненія кажутся мнѣ необоснованными и излишними.

Болѣе существенные недостатки мы находимъ въ системѣ безцвѣтковыхъ растеній, въ особенности въ грибахъ, къ которымъ почему-то отнесены и бактеріи.

Во второй части книги говорится о строеніи жизни растенія. Здѣсь излагаются въ болѣе систематическомъ видѣ факты изъ области морфологіи и физіологіи растеній, говорится о строеніи и жизни клѣтки, листа, корня, стебля, цвѣтка, плода. Отмѣтимъ здѣсь лишь нѣсколько бросающихся въ глаза недосмотровъ. Первый—это статья «Протоплазма и *ея составныя части*». Здѣсь говорится о плазмѣ, ядрѣ, хроматофорахъ, но считать эти образованія *частями* протоплазмы, разумѣется, невозможно.

Далѣе, въ главѣ объ оплодотвореніи необходимо дать болѣе подробныя свѣдѣнія, и болѣе точныя...

Въ концѣ книги приложено небольшое дополненіе: основы систематики растеній и характеристика растительныхъ областей земного шара.

Что касается перевода, то въ общемъ онъ выполненъ прекрасно, а тѣ недосмотры, которые мѣстами встрѣчаются, не портятъ прекраснаго общаго впечатлѣнія, производимаго книгой, и, конечно, будутъ устранены во второмъ изданіи, которое, мы увѣрены, потребуется очень скоро, такъ какъ кругъ читателей у книги Шмейля несомнѣнно будетъ очень широкій. *Б. Федченко.*

Hugues Krafft. A travers le Turkestan russe. Paris. 1902. Hachett et C-ie. Всякій разъ, когда берешь въ руки описаніе путешествія какого-нибудь иностранца по Россіи, а тѣмъ болѣе по Туркестану, опасаешься наткнуться на такія прелести, какъ, напр., отдыхъ «подъ тѣнью прекрасной клюквы»—это у беллетриста; или же—«финика» и «земляники» въ средней Азіи—это у ученаго-академика, съ научными цѣлями командированнаго въ Туркестанъ. Очень мало, къ сожалѣнію, такихъ иностранцевъ, которые дали бы себѣ трудъ ближе ознакомиться съ Россіей, ближе вникнуть въ разныя проявленія жизни населенія и природы страны...

Разсматриваемая книга французскаго путешественника, Г. Краффта, лишена такихъ крупныхъ ошибокъ или недосмотровъ и во всякомъ случаѣ представляетъ очень цѣнный матеріалъ для ознакомленія съ русскимъ Туркестаномъ. Главнѣйшее въ книгѣ г. Краффта—это рисунки. 70 великолѣпнѣйшихъ геліогравюръ на отдѣльныхъ листахъ представляютъ виды замѣчательнѣйшихъ мѣстностей, по преимуществу городовъ, а также типы жителей. Гораздо большее число рисунковъ въ текстѣ, меньшаго размѣра, представляютъ также различные виды и типы. По исполненію, эти рисунки не имѣютъ себѣ подобныхъ, многіе изъ нихъ — положительно художественныя произведенія. Всѣ они сдѣланы по фотографіямъ автора книги.

Кромѣ рисунковъ, приложена также и прекрасная карта русскаго Туркестана. Исполнена эта карта вполнѣ удовлетворительно, а что касается точности, то она во многомъ превосходитъ, напр., русскую 40-каверстную карту пограничнаго пространства, гдѣ, какъ извѣстно, отнесены къ китайскимъ владѣніямъ безспорныя наши владѣнія на Памирѣ, постоянный путь сообщенія нашего Памирскаго отряда съ Ферганой...

Текстъ книги раздѣляется на семь главъ — начиная съ городовъ, туземныхъ и русскихъ, описавъ памятники Самарканда, авторъ переходитъ къ описанію деревень («кишлаковъ») и населенія.

Крупнымъ недостаткомъ надо считать отсутствіе описанія Туркестанскихъ горъ съ ихъ разнообразной и живописной природой. Впрочемъ, авторъ описываетъ лишь то, что видѣлъ... Во всякомъ случаѣ, для общаго ознакомленія съ культурной полосой Туркестана книга г. Краффта представляетъ весьма пригодное пособіе. *Б. Федченко.*

А. А. Черевкова. Очерки современной Японіи. Изд. второе, дополненное. Съ 12 рис. Спб. Изд. Н. П. Карбасникова. 1903 г. Ц. 1 руб. 50 к. При всей своей бѣглости и отрывочности очерки Японіи г-жи Черевковой заслуживаютъ полнаго вниманія читателей. Г-жа Черевкова побывала въ Японіи три раза—въ 1889, 1891 и 1896 г., проживя тамъ болѣе или менѣе продолжительное время, посѣтивъ разныя мѣста страны и въ разное время, что позволило ей познакомиться съ разными сторонами быта этого мало знакомаго намъ народа. Безпристрастіе автора и спокойный тонъ его описаній, безъ лишнихъ восторговъ, но и безъ выходокъ противъ японцевъ, даютъ книгѣ особое значеніе именно теперь, когда наши шовинисты всячески силятся представить Японію и японцевъ возможно чудно и неестественно. Автору, между прочимъ, довелось быть на открытіи перваго парламента Японіи, въ 1890 году и видѣть, съ какимъ достоинствомъ и простотой совершалась эта церемонія. Очевидно, что для японцевъ это не было что-то непонятное, чуждое, взятое на прокатъ, а нѣчто, къ чему страна была подготовлена всей предшествующей жизнью. Такое же впечатлѣніе выносишь изъ ея описанія, напр., желѣзнодорожнаго хозяйства. По ея словамъ, желѣзныя дороги построены хорошо, дешево («благодаря отсутствію казнокрадства») и даютъ казнѣ «болѣе 6% чистой прибыли» (у насъ желѣзнодорожное хозяйство пока ведется въ убытокъ). Первыя дороги начали строиться только въ 1868 г., а теперь, тридцать лѣтъ спустя, вся Японія изрѣзана желѣзными дорогами, огромная часть которыхъ уже сосредоточена въ рукахъ казны. Движеніе огромное: въ 1890 г. пассажировъ было провезено 11.365.937, что при общей цифрѣ населенія въ 40 мил. составляетъ нѣсколько меньше 30% всего населенія! Въ Токіо, Іокогамѣ и другихъ городахъ путешественницу поразило обиліе книжныхъ магазиновъ. Къ сожалѣнію, она не останавливается на этомъ явленіи. Но изъ книги, напр., г. Шрейдера мы узнаемъ, что въ Японіи *нѣтъ неграмотныхъ*, чѣмъ и объясняется обиліе книжныхъ магазиновъ и развитіе современной печати. Въ своей книгѣ г-жа Черевкова отводитъ много мѣста описаніямъ разныхъ историческихъ памятниковъ. Древность нѣкоторыхъ достигаетъ тысячелѣтія, но поддерживаются они въ величайшемъ порядкѣ, что указываетъ на то, какъ дорожатъ японцы своимъ прошлымъ. Въ пятый день пятаго мѣсяца, напр., празднуется день національныхъ героевъ, и въ этотъ день дѣтямъ дарятъ куклы героевъ и разсказываютъ о ихъ величіи, преданности странѣ, ихъ подвигахъ и проч. Такая черта лучше всякихъ доказательствъ свидѣтельствуетъ о глубокой культурности этого оригинальнаго народа, съумѣвшаго сочетать свою тысячелѣтнюю культуру съ существенными формами современной общечеловѣческой культуры. Невольно вырывается сожалѣніе, что мы поста-

влены во враждебныя отношенія къ этому даровитому и культурному народу, который привлекаетъ симпатіи всѣхъ приходящихъ съ нимъ въ болѣе близкое соприкосновеніе. *А. Б.*

П. Ю. Шмидтъ. Страна утренняго спокойствія. Корея и ея обитатели. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1904 г. Ц. 40 к. Волненіе на Дальнемъ Востокѣ невольно привлекаетъ всеобщее вниманіе къ этимъ далекимъ и столь чуждымъ намъ странамъ, какъ Манчжурія, Корея, Японія. Читатели нашего журнала навѣрное помнятъ живыя художественныя картины г. Гарина—«Карандашомъ съ натуры», въ которыхъ онъ въ 1899 г. описывалъ на страницахъ нашего журнала эту таинственную страну Корею, «страну утренняго спокойствія», какъ ее называютъ сами корейцы. Въ этихъ яркихъ набраскахъ авторъ, прошедшій Корею поперегъ, съ цѣлью изысканія для желѣзнодорожной линіи, далъ рядъ прекрасныхъ описаній страны и ея жителей, ихъ легендъ и сказаній, полныхъ поэтической грусти и здороваго юмора, и характера корейцевъ, мечтательныхъ, погруженныхъ какъ бы въ полусонное бытіе, далекихъ отъ всякой политики и равнодушныхъ ко всему, что не касается ихъ непосредственно. Книга г. Шмидта можетъ служить нѣкоторымъ дополненіемъ къ картинамъ г. Гарина. Въ ней дано краткое географическое описаніе Кореи, ея положеніе по отношенію къ Японіи и къ Россіи, дается сжатое изложеніе исторіи ея и тѣхъ осложненій, какія возникли въ самое послѣднее время внутри страны, вслѣдствіе вмѣшательства въ ея жизнь двухъ соперничающихъ державъ—Россіи и Японіи. Авторъ самъ былъ въ Кореѣ лѣтомъ 1900 г. и личныя впечатлѣнія значительно освѣжаютъ его небольшую книжечку.

А. Б.

Вѣкъ великихъ открытій. С. Гюнтеръ. Пер. съ нѣм. П. Ю. Шмидта. А. Ф. Девріена. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 25 к. Интересное и добросовѣстное, какъ и всѣ труды нѣмецкихъ ученыхъ, историческое изслѣдованіе проф. Гюнтера даетъ живой очеркъ постепеннаго ознакомленія европейцевъ съ географіей земнаго шара. Вѣкомъ великихъ открытій авторъ называетъ эпоху почти въ два столѣтія: съ начала XV вѣка и до начала XVII. Въ этотъ періодъ былъ совершенъ рядъ великихъ открытій, начиная съ открытія пути въ Индію вокругъ мыса Доброй Надежды и Новаго Свѣта Колумбомъ и заканчивая открытіями Гудсона. Въ эти два столѣтія совершенно измѣнилась карта земного шара, извѣстнаго до тѣхъ поръ европейцамъ, и получала тотъ видъ, который мы знаемъ теперь. Эти грандіозные успѣхи европейскаго генія, предпріимчивости и смѣлости, перевернули все міровоззрѣніе европейцевъ, разорвавъ тотъ узкій кругъ представленій о земномъ шарѣ, какой былъ предписанъ папствомъ правовѣрнымъ народамъ, на основаніи данныхъ Библіи, отчасти подкрѣпленныхъ старинными географами. Было доказано, что земля—шаръ, что кромѣ небольшой, сравнительно, Европы существуетъ цѣлый новый міръ, что всѣ сказки о небывалыхъ людяхъ «съ песьими головами», о странахъ, населенныхъ гигантами и карликами, объ ужасахъ, ожидающихъ смѣльчаковъ за предѣлами, предначертанными святой инквизиціей,—сплошной вздоръ, а новыя чудеса—неизмѣримо увлекательнѣе и цѣннѣе прежнихъ. Въ книгѣ проф. Гюнтера данъ предварительно очеркъ европейскихъ попытокъ расширить свои знанія во время смѣлыхъ плаваній норвежскихъ викинговъ, доходившихъ до побережій Сѣв. Америки и Гренландіи, путешествій Марка Поло и сношеній Венеціи съ востокомъ. Далѣе идетъ подробное изслѣдованіе эпохи великихъ открытій, съ критическимъ сопоставленіемъ и разборомъ сохранившихся источниковъ того времени, что придаетъ труду Гюнтера оригинальность, выдѣляя его изъ числа обычныхъ компиляцій на ту же тему. Каждое свое положеніе авторъ доказываетъ, на основаніи первоисточниковъ и критическаго ихъ раз-

бора. Такъ, онъ разрушаетъ нѣкоторыя, прочно сложившіяся легенды, напр., о бѣдственномъ концѣ жизни Колумба, который умеръ при весьма сносныхъ матеріальныхъ условіяхъ. Благодаря небольшому сравнительно объему книги, изложеніе очень сжато, но главнѣйшія открытія описаны достаточно подробно. Рисунки и карты того времени очень оживляютъ изложеніе. *А. Б.*

Габріэль и Адріенъ де-Мортилье. Доисторическая жизнь (Le prèhistorique). Происхожденіе и древность человѣка. Третье изданіе, совершенно переработанное и дополненное новѣйшими данными 121 рис. въ текстѣ. Пер. съ французскаго подъ ред. Л. Я. Штернберга Изданіе Т-ва «XX вѣкъ». Спб. 1903. 574 стр. Цѣна 3 руб. Выходомъ въ свѣтъ русскаго изданія извѣстной всему ученому міру книги Габріэля де-Мортилье «Le préhistorique» пополненъ важный пробѣлъ въ научной, учебной и популярной литературѣ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно указать другое сочиненіе въ области доисторической археологіи, гдѣ строго научное содержаніе и научный методъ изслѣдованія, глубокое знаніе предмета и творческій умъ изслѣдователя сочетались бы съ такой поразительной простотой и ясностью изложенія, что книга становится доступной всякому не спеціалисту, становится почти популярной. Для лицъ, занимающихся доисторической археологіей ее можно рекомендовать какъ первую, настольную книгу, какъ первый учебникъ, который поставитъ всякаго новичка въ этой области на твердую почву. Вотъ почему мы отъ всей души привѣтствуемъ появленіе этой замѣчательной книги на русскомъ языкѣ, то же обстоятельство, что книга эта появляется у насъ съ такимъ запозданіемъ (достаточно сказать, что второе ея французское изданіе относится къ 1885 году), по нашему мнѣнію, лишь печальное недоразумѣніе. Самъ авторъ, нынѣ покойный Габріэль де-Мортилье, хорошо знакомый съ археологіей Россіи и близко интересовавшійся русскими находками, очень сочувственно относился къ идеѣ изданія своей книги на русскомъ языкѣ и только смерть автора во время обработки послѣдняго изданія (законченнаго уже послѣ его сыномъ Адріеномъ де-Мортилье) и нѣкоторыя другія препятствія еще на 5 лѣтъ задержали осуществленіе этого предпріятія. Въ годъ смерти автора, въ статьѣ посвященной памяти его (см. «Міръ Божій» кн. 12. Декабрь 1898 г.), мы съ достаточной подробностью остановились на изложеніи содержанія этой книги, а потому за бо́льшими подробностями мы и отсылаемъ читателя къ упомянутой статьѣ. Здѣсь повторимъ только немногое.

Доисторическая археологія или, по выраженію Мортилье, «доисторическая исторія человѣчества» ставитъ своею задачею изученіе исторіи культуры человѣчества, его быта въ тѣ времена, которыя получили названіе *доисторическихъ*, такъ какъ о нихъ у насъ не осталось не только писанныхъ документовъ, но даже устныхъ преданій. Цѣль этой науки—дать намъ полную картину постепеннаго развитія первобытнаго человѣчества. Доисторическій бытъ человѣчества въ ту отдаленнѣйшую отъ насъ эпоху, о которой не сохранилось, повидимому, никакихъ слѣдовъ, жизнь эта, казалось вовсе и навсегда стертая отъ нашихъ взоровъ безжалостною рукою времени,—трудами археологовъ изъ пыли и праха возстаетъ предъ нами, благодаря тому крайне своеобразному матеріалу, который они съумѣли раздобыть, а внимательнымъ наблюденіемъ и изученіемъ съумѣли превратить безмолвную, мертвую матерію въ живыя слова, изъ которыхъ, съ теченіемъ времени, можно будетъ составить подробный и связный разсказъ о послѣдовательныхъ фазахъ, пережитыхъ человѣчествомъ въ его первобытной исторіи. Отдѣльные моменты этой исторіи, нѣкоторыя эпохи ея и теперь уже съ достаточною отчетливостью ожили передъ нашимъ духовнымъ взоромъ. Много свѣта въ эту темную область, много порядка въ царившій здѣсь хаосъ внесено было трудами почти всей жизни Габріэля де-Мортилье; разрозненный археологическій матеріалъ приведенъ

былъ въ систематическій видъ и «система» Мортилье, несмотря на всѣ возраженія и нерѣдко нападки, оказалась настолько основательной, что въ существенныхъ чертахъ сохранилась уже съ 1869 года, а это уже само по себѣ очень существенно, въ особенности принимая во вниманіе, что эта область знанія очень молода и матеріалъ накопляется очень быстро. Здѣсь не мѣсто излагать хотя бы въ общихъ чертахъ суть системы Мортилье и мы ограничимся лишь тѣмъ, что приведемъ слова одного изъ авторитетныхъ современныхъ археологовъ Гернеса, который въ только что вышедшей книгѣ «Der diluviale Mensch in Europa». Braunschweig 1903, пишетъ слѣдующія знаменательныя строки: «Система Габріеля де-Мортилье вездѣ болѣе признана, чѣмъ въ Германіи, гдѣ она встрѣчаетъ скрытую оппозицію, которая на меня производитъ то же впечатлѣніе, какъ и упорный въ свое время отказъ признать сѣверную систему трехъ періодовъ. Тогда, какъ дѣло обстояло указаннымъ образомъ въ Германіи, не было ничего, кромѣ (правда «датской») системы трехъ періодовъ, которая одна въ состояніи была поднять доисторическую археологію до положенія науки. И въ настоящее время также точно, кромѣ (правда «французской») системы Г. де-Мортилье и ея развитія въ трудахъ Эд. Пьетта, нѣтъ ничего, что дало бы возможность классифицировать и привести въ порядокъ древности четвертичной эпохи. Такъ обстоитъ дѣло». Правда Гернесъ на основаніи новаго матеріала вноситъ нѣкоторыя очень существенныя измѣненія во взгляды французскаго ученаго, но самъ онъ, по методу изслѣдованія, прямой послѣдователь Мортилье. Конечно, наука идетъ впередъ и развитіе ея и заключается въ томъ, что новый матеріалъ ведетъ иногда къ перестройкѣ всего зданія.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о русскомъ изданіи. Переводъ сдѣланъ вполнѣ добросовѣстно и нужно быть очень признательными за тотъ неблагодарный тяжелый трудъ, который связанъ съ передачей неустановленныхъ въ русской литературѣ терминовъ. Если въ этомъ отношеніи и окажутся какіе-нибудь промахи, то ихъ исправленіе будетъ содѣйствовать и выработкѣ нашей терминологіи. Мы, напр., предпочли бы передачу термина palithnologie полной формой палеоэтнологія, вмѣсто введеннаго переводчикомъ термина «пальэтнологія». Мы должны оговорить, впрочемъ, что существеннаго значенія этому обстоятельству мы не придаемъ. По внѣшнему виду русское изданіе отличается отъ французскаго скорѣе въ выгодную сторону. Цѣна книги должна быть признана вполнѣ умѣренной. *Н. Могилянскій.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

отъ 15-го декабря 1903 г. по 15-е января 1904 г.

А. Д. Апраксинъ. Кто успѣваетъ. Спб. 1904. Ц. 1 р.
Н. А. Лейкинъ. Апраксинцы. Сцены и очерки. Спб. 1904. Ц. 60 к.
Н. Данько. Типы студентовъ. Этюдъ. Вып. I. Спб. 1904 Ц. 25 к.
Я. И. Рубинштейнъ. По Россіи. Путевые наброски. Харьковъ. 1904. Ц. 40 к.
Н. Клементцъ. Грусть и смѣхъ. Стихотворенія. Москва. 1904. Ц. 1 р. 20 к.
А. Каменскій. Степные голоса. Разсказы. Спб. 1904. Ц. 1 р.
В. Березовскій. Дни и ночи. Разсказы. Спб. 1904. Ц. 85 к.
С. Лягерлевъ. «Іерусалимъ». Пер. со швед. Е. Эйхвальдъ. Т. II. Спб. 1903.
П. Розеггеръ. Когда я былъ еще пастушкомъ. Пер. съ нѣм. А. Фридельманъ подъ ред. О. Поповой. Спб. 1904. Ц. 60 к.
Г. Эберсъ. Человѣкъ бо есмь. Пер. съ нѣм. Д. Котляръ. Изд. О. Поповой. Спб. 1904. Ц. 60 к.
М. Лохвицкая. Стихотворенія. Т. V. 1902—1904. Спб. 1904. Ц. 2 р. 40 к.
С. С. Гусевъ. Еврей. Одесса. 1904. Ц. 15 к.
Карменъ. Разсказы. Одесса. 1903. Ц. 80 к.
И. Купчинскій. Таинственное—непонятное. Разсказы изъ слышаннаго и видѣннаго. Москва. 1904. Ц. 50 к.
В. Голиковъ. Разсказы. Спб. 1904. Ц. 1 р.
Г. Т. Сѣверцевъ. Трудящіеся. Повѣсть. Спб. 1904. Ц. 1 р.
Его-же. Онѣ... Новеллы. Спб. 1904. Ц. 1 р.
О. Уайльдъ. Саломея. Драма. Пер. В. и Л. Андрусонъ подъ ред. К. Бальмонта. Москва. 1904. Ц. 1 р.
Н. Е. Ончуковъ. Новыя былины изъ записей на Печорѣ. Спб. 1903.
П. Булыгинъ. Повѣсти и очерки. Т. II. Москва. 1904. Ц. 1 р.
Л. Толстой. Смерть Ивана Ильича. Съ 10-ю отд. рисунк. академ. Бурова. Москва. 1904. Ц. 80 к.
Самоотверженные. Сборникъ разсказовъ съ 9-ю рис. въ текстѣ. Москва. 1903. Ц. 50 к.
Н. Худекова. Разсказы. Спб. 1904. Ц 1 р.
В. Якимовъ. Безъ хлѣба насущнаго. Разсказы. Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.
П. Ивановъ. Студенты въ Москвѣ. Бытъ. Нравы. Типы. (Очерки). Изд. 2-е, дополн. Москва. 1903. Ц. 1 р.
Очерки реалистическаго міровоззрѣнія. Сборникъ статей по философіи, общ. наукѣ и жизни. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 1904. Ц. 2 р. 50 к.
Анри Пуанкаре. Наука и гипотеза. Пер. съ франц. Съ портр. автора и предисл. проф. Н. Умнова. Москва. 1904. Ц 1 р. 50 к.
Н. Соколовъ. Объ идеяхъ и идеалахъ русской интеллигенціи. Спб. 1904. Ц. 2 р.
В. Дерюжинскій. Выдающіеся англійскіе дѣятели XIX вѣка. Спб. 1904. Ц. 60 к.
И. Клингенъ. Роль женщины, какъ образованной сельской хозяйки въ обновленіи русской деревни. Спб. 1903. Ц. 40 к.
С. Васюковъ. Край гордой красоты. Кавказское черноморское побережье. Изд. Девріена. Спб. 1903. Ц. 2 р.
Кичуновъ. Упрощенныя формы шпалерной культуры плодовыхъ деревьевъ. Харьковъ. 1902. Ц. 40 к.
А. Карцовъ. Промышленное огородничество на черноморскомъ побережьѣ Кавказа. Съ 10-ю рис. въ текстѣ. Спб. 1904. Ц. 30 к.
Кн. Э. Ухтомскій. Изъ области ламаизма. Къ походу англичанъ на Тибетъ. Спб. 1904.
Мих. Лемке. Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX стол. Съ 19-ю портр. и 81-й каррикатурой. Спб. 1904. Ц. 3 р.
А. Пругавинъ. Религіозные отщепенцы. (Очерки современнаго сектантства. Вып. I и вып. II. Спб. 1904. Ц. по 1 р. за выпускъ.
П. Мижуевъ. Начальное и среднее образованіе въ Швеціи. Спб. 1903. Ц. 25 к.
И. Скворцовъ. Первый египетскій медицинскій конгрессъ и международныя

санитарныя мѣры. Древній и новый Египетъ. Спб. 1903.

О. Жирновъ. Что такое земская страховка и куда она идетъ. Вятка. 1903.

А. Бургеръ. Вредное вліяніе длинныхъ волосъ на дѣтской головѣ. Спб. 1904. Ц. 30 к.

В. Перелешинъ. О дѣятельности земства въ отношеніи къ поземельному кредиту для малоземельныхъ крестьянъ Воронежской губ. съ реформы 1861 г. по 1903 г. Воронежъ. 1903.

Ш. Рибо. Огненная земля. (По Отто Норденшильду). Пер. съ франц. Н. Южаковой. Съ 18-ю рис. и картой. Изд. О. Поповой. Спб. 1904. Ц. 40 к.

Г. Риманъ. Музыкальный словарь. Перев. съ нѣм. Б. Юргенсона, подъ редак. Ю. Энгеля. Москва. 1903. Подп. цѣна 6 р.

А. Л. Волынскій. «Книга Великаго гнѣва». (Критич. статьи. Замѣтки. Полемика). Спб. 1904. Ц. 3 р.

А. В. Пѣшехоновъ. На очередныя темы. Матеріалы для характеристики обществ. отношеній въ Россіи. Изданіе журнала «Русское Богатство». Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

И. Страховскій. Крестьянскія права и учрежденія. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Д. А. Коропчевскій. Первые уроки этнографіи. Москва. 1903. Ц. 75 к.

А. Елистратовъ и А. Завадскій. Къ вопросу о достовѣрности свидѣт. показаній. Казань. 1903.

М. Хомяковъ. Къ вопросу о психологіи свидѣтеля. Казань. 1903.

Ф. де Ла-Бартъ. Бесѣды по исторіи всеобщей литературы и искусства. Ч. I. (Средніе вѣка и Возрожденіе). Кіевъ. 1903 Ц. 1 р.

В. Крижъ. Руководство къ азбукѣ для сельскихъ школъ русской и цер.-слав. Москва. 1904. Ц. 10 к.

Его-же. Церковно - славянская азбука. Москва. 1903. Ц. 8 к.

Его-же. Азбука для сельскихъ школъ, русская и церковно-славянская. Москва. 1904. Ц. 25 к.

Т. Лубенецъ. Ариѳметическія таблицы для класнаго употребленія. Учебное пособіе для начальныхъ училищъ. (XII таблицъ). Кіевъ. 1904. Ц. 1 р. 30 к.

М. Н. Соболевъ. Коммерческая географія Россіи. Очеркъ хозяйствен. статистики и географіи Россіи сравнительно съ иностр. государствами. Москва. 1903. Ц. 1 р. 25 к.

И. Х. Озеровъ. Изъ жизни труда. Сборникъ статей. Вып. I. По рабочему вопросу. Москва. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

А. Додель. Жизнь и смерть. Популярныя статьи и лекціи по біологіи. Съ 51 рис. въ текстѣ. Пер. съ нѣм. П. Быстрицкаго. Саратовъ. 1904. Ц. 1 р.

Д. Утушкинъ. Записки по естественной исторіи для 2-хъклас. училищъ. Екатеринбургъ. 1903. Ц. 60 к.

В. Кузьминъ-Короваевъ. Управленіе земскимъ хозяйствомъ въ 9 ти западн. губерніяхъ. Спб. 1904. Ц. 40 к.

I. Табурно. Эскизный обзоръ финансово-экономическаго состоянія Россіи за послѣднія 20 лѣтъ (1882—1901 гг.). Спб. 1904.

Его-же. Приложеніе къ эскизному обзору финансово - экономическаго состоянія Россіи за послѣднія 20 лѣтъ (1882—1901 гг.). Графики и статистическія таблицы. Спб. 1903.

Торжественное чествованіе столичной годовщины со дня рожденія основателя Московскаго архитектурнаго общества академика-архитектора М. Д. Быковскаго. Съ 29-ю лист. фототипій. Москва. 1903. Ц. 3 р. Для членовъ Московскаго архитектурнаго общества 2 р.

И. Сикорскій. Опытъ объективнаго изслѣдованія состояній чувства (съ 19-ю табл.). Кіевъ. 1903. Ц. 75 к.

С. Рапопортъ. Дѣловая Англія. Москва. 1903. Ц. 1 р.

Л. Мельшинъ. Очерки русской поэзіи. Спб. Изданіе журнала «Русское Богатство». 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Дж. Рескинъ. Законъ Фіезоло. Пер. Л. Никифорова. Москва. 1904. Серія I. Кн. 9-я.

Его-же. Орлиное гнѣздо. Пер. Никифорова. Москва. 1904. Серія I. Книга 10-я.

Н. Соколовъ. Русскіе святые и русская интеллигенція (Опытъ сравнительной характеристики). Спб. 1904. Ц. 50 к.

А. Повалишинъ. Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные. Очеркъ изъ исторіи крѣпостн. права въ Ряз. губ. въ XIX в. Рязань. 1903.

В. Залѣсскій. Исторія преподаванія философіи права въ казанскомъ университетѣ въ связи съ важнѣйшими данными внѣшней исторіи юридическаго факультета. Казань. 1903. Ц. 3 р.

С. Адамовичъ. Формулы по ариѳметикѣ, алгебрѣ, геометріи и тригонометріи. Спб. 1904. Ц. 40 к.

Дѣятельность Д. Д. Дашкова по народному образованію въ Рязанскомъ земствѣ и его доклады Рязанскому губернскому земскому собранію за 1869—1875 гг. Изданіе Рязанской Ученой Архивной коммиссіи подъ редакціей и съ предисловіемъ кн. Н. Волконскаго. Рязань. 1903.

Еврейская школа. Программы по преподаванію. Вып. I, II и III. Спб. 1904. Ц. 25 к.—1 вып., 40 к.—II вып., 15 к.—III вып.

Н. П. Васильевскій. Санитарное положеніе г. Одессы и дѣятельность одесской врачебно-санитарной организаціи въ 1902 г. Одесса. 1903.

Журналъ съѣзда гг. учащихъ Конотопскаго уѣзда. Конотопъ. 1903.
Журналы Олонецкой губернской оцѣночной коммиссіи. Петрозаводскъ. 1903.
Отчетъ о дѣятельности Иваново-Вознесенскаго отдѣленія Императорскаго русскаго техническаго общества за 1902 г. Иваново-Вознесенскъ. 1903.
С. Мокржецкій. Отчетъ о дѣятельности губернскаго энтомолога Таврическаго земства за 1903 годъ. Симферополь. 1903.
Владимірскій календарь и памятная книжка 1904 г. Владиміръ. 1903.
Юбилейный сборникъ врачей Императорскаго кіевскаго университета св. Владиміра выпуска 1878 г. Сост. подъ редакціей Ѳ. Рындовскаго и И. Троицкаго. Кіевъ. 1903.
Сборникъ по школьной статистикѣ. Вып I. Изд. Таврич. Губерн. Земства. Симферополь. 1903.
Лечебно-продовольственные пункты на рынкахъ найма сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ Саратовской губ. Саратовъ. 1903.
Труды IV Хабаровскаго съѣзда. созваннаго Приамурскимъ генералъ-губернаторомъ Д. И. Суботичемъ. Изд. подъ редакціей гл. секр. Съѣзда Н. Слюнина. Хабаровскъ. 1903.
К. Соколовъ. Очеркъ исторіи и современнаго значенія генералъ-губернатора.
П. Н. Аріанъ. Первый женскій календарь на 1904 г. Медицинскій отдѣлъ подъ редакціей Н. И. Быстрова. Спб. 1904. Ц. 1 р.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Korea» by Augus Hamilton. (*Heinemann*) *15 s. London* (*Корея*). Нельзя не назвать появленіе этой книги своевременнымъ, такъ какъ теперь Корея приковываетъ къ себѣ вниманіе европейской публики, благодаря восточно-азіатскому кризису. Авторъ знакомитъ читателей съ исторіей корейскаго полуострова, съ развитіемъ его торговли, и стремится безпристрастно обсудить споръ, возникшій между державами изъ-за политическаго и коммерческаго вліянія на этомъ полуостровѣ. Но главнымъ образомъ книга посвящена описанію Кореи ея населенія, его характера и нравовъ. Особенно интересно описаніе корейскаго двора, императора и приближенныхъ къ нему лицъ, министровъ и леди Омъ, напоминающей до нѣкоторой степени вдовствующую китайскую императрицу, и пользующуюся громаднымъ вліяніемъ на корейскаго монарха.

(Daily News).

«Arnold Böcklin». Nach den Errinerungen seiner Zürichen Freunde, von Adolph Frey (*Cotta*) *Stuttgart und Berlin* (*Арнольдъ Бёклинъ. По воспоминаніямъ его цюрихскихъ друзей*). За пять лѣтъ, истекшихъ со смерти знаменитаго художника, Арнольда Беклина, литература о немъ достигла уже значительныхъ размѣровъ, но тѣмъ не менѣе вышеназванная книга заслуживаетъ особеннаго вниманія поклонниковъ таланта Беклина, такъ какъ авторъ не ограничился только своими личными воспоминаніями о немъ, а сообщаетъ и тѣ факты, которые были разсказаны ему другими людьми, близко знавшими Беклина. Благодаря этому въ книгѣ заключается много новаго и интереснаго и она можетъ служить прекраснымъ дополненіемъ къ характеристикѣ Беклина какъ художника и человѣка.

(Frankfurte Zeit.).

«Unforseen Tendencies of Democracy» by Edwin Sawrence Godocin (*Constable and C⁰*) (*Непредвидѣнныя стремленія демократіи*). Авторъ занимается проблемами современной демократіи и его книга заслуживаетъ вниманія всѣхъ тѣхъ, кто серьезно интересуется развитіемъ и задачами соціальнаго прогресса.

(Bookseller).

«Elements of the Fiscal Problem» by S. G. Chiozza Money. (*King and Son*) (*Элементы фискальной проблемы*). Эту маленькую книжку можно было бы назвать азбукой фискальнаго вопроса, такъ какъ авторъ, предполагая, что обыкновенный читатель очень мало знакомъ съ этимъ сложнымъ вопросомъ, старается какъ можно яснѣе и проще изложить сущность фискальной проблемы, особенно сильно волнующей теперь Англію.

(Bookseller).

«The South American Republics» by Thomas C. Dawson. Part. I. Argentina, Paraguay, Uruguag, Brazil (*Putnam's Sons*) (*Южно-американскія республики*). Авторъ довольно долго прожилъ въ Южной Америкѣ и изучилъ ея государства, которыя лишь въ современную эпоху достигли своей независимости и послѣ цѣлаго ряда внутреннихъ и внѣшнихъ конфликтовъ вступаютъ, теперь, повидимому, въ болѣе спокойный періодъ своего существованія. Авторъ возлагаетъ большія надежды на будущее этихъ государствъ, такъ какъ онъ замѣчаетъ постепенное исчезновеніе милитаризма и стремленіе къ возстановленію свободы, основанной на порядкѣ. Желающіе ознакомиться съ современнымъ положеніемъ южно-американскихъ республикъ найдутъ въ этой книгѣ много интересныхъ свѣдѣній.

(Bookseller).

«Kulturbilder von den Gestaden des Mittelmeers» Federzeichnungen eines Dilletanten (*Georg Wigand*) *Leipzig* (*Культурные очерки береговъ Средиземнаго моря*). Авторъ, хотя и смотритъ на Италію глазами поэта, но какъ историкъ культуры многое все-таки подвергаетъ критическому анализу. Около половины его книги посвящено Корсикѣ и Сициліи.

(Köln. Zeit)

«Some popular phylosophy» by George Long (*Swan Sonnenichein*) *2 s. 6 d.* (*Немного популярной философіи*). Небольшая книга, но разсчитанная на большой кругъ читателей, такъ какъ серьезные и возвы-

шенные философскіе вопросы изложены въ ней такъ популярно, что для пониманія ихъ нѣтъ надобности въ какой-либо спеціальной подготовкѣ.

(Daily News).

«L'Hypnotisme et la suggestion» par le docteur Grasset, prof. de chèmie à l'Université de Montpellier. (*O. Doin*) (*Гипнотизмъ и внушеніе*). Очень интересное изслѣдованіе, разрѣшающее многіе вопросы и представляющее какъ бы психологическій синтезъ гипнотизма.

(Journal des Débats).

«Hypnotism, suggestion, psychothérapie» par le docteur Bernhéim, à la Faculté de Médecine de Nancy. 2-em edit. revue et augmentée, (*O. Doin*) (*Гипнотизмъ, внушеніе, психотерапія*). Это второе изданіе просмотрѣнное и дополненное, замѣчательнаго изслѣдованія автора, представляющее настоящій трактатъ о гипнотизмѣ, въ которомъ можно найти все, что касается этого важнаго и интереснаго вопроса.

(Journal des Débats).

«Essais sur le mouvement ouvrier en France» pas Daniel Halévy (*Georges Bellais*) (*Очерки рабочаго движенія во Франціи*). Эта книга представляетъ обзоръ усилій, сдѣланныхъ во Франціи для развитія кооперативнаго и синдикальнаго движенія и распространенія и обобществленія (соціализаціи) науки и искусства путемъ основанія народныхъ театровъ и народныхъ университетовъ.

(Temps).

«La phylosophie ancienne et la critique historique» par M. Waddington Paris (*Hachette*) (*Древняя философія и историческая критика*). Авторъ долго преподавалъ исторію философии въ Сорбоннѣ и въ совершенствѣ знакомъ съ античнымъ міромъ. Онъ изучаетъ взаимныя отношенія различныхъ философскихъ школъ и преемственность идей. Никто еще съ такою тщательностью не пытался выяснить, чѣмъ обязанъ Платонъ Сократу и чѣмъ Аристотель обязанъ Платону. Повидимому, греческая философія представляетъ для него любимый предметъ и въ ней онъ находитъ цѣлыя богатства принциповъ и идей. Почти вся его книга посвящена поэтому, изученію философскаго генія Греціи и преимущественно іонійской расы. (Journal des Débats).

«In the Uttermost East» by Charles H. Hawes. With seventy Illustrntions and three Maps (*Harper and Br.*) *16 s.* (*На самомъ крайнемъ востокѣ*). Очень интересное описаніе азіатскаго востока, обнаруживающее огромную наблюдательность автора и художественное чутье. Нѣкоторыя мѣстности описанныя имъ, пожалуй, еще менѣе извѣстны читателямъ нежели африканскія дебри или полярныя пустыни. (Daily News).

«Doctors and their Work» or Medecine Quackery and Diseuse by R. Brudenell Carter. London (*Smith, Elder and C°*) *6 s.* (*Доктора и ихъ работа*). Книга предназначается для большой публики, постоянно приходящей въ соприкосновеніе съ врачами, но не имѣющей понятія о задачахъ медицины. Авторъ поставилъ себѣ цѣлью просвѣтить эту публику насчетъ медицинской этики и такъ называемаго «медицинскаго этикета». Онъ обсуждаетъ также и характеръ взаимныхъ отношеній между врачами, между врачами и ихъ паціентами и, наконецъ, между врачами и государствомъ. Авторъ предполагаетъ, что если бы публика больше была знакома съ работою врачей, съ ихъ идеалами и условіями ихъ дѣятельности, то она болѣе бы великодушно относилась къ врачамъ и лучше бы цѣнила медицинскую профессію, чѣмъ цѣнитъ ее теперь.

(Daily News).

«The Mystics, Ascetics and Saints of India» by Iohu Campbell Oman With illustrations. (*Fisher Unwin*) (*Мистики, аскеты и святые Индіи*). Авторъ очень близко знакомъ съ индійскою жизнью и подробно изучилъ индійскій аскетизмъ. Его описанія главнѣйшихъ изъ наиболѣе многочисленныхъ аскетическихъ сектъ въ Индіи очень интересны и изобилуютъ новыми матеріалами, относящимися къ исторіи мистицизма въ Индіи и всѣхъ его проявленій.

(Daily News).

«Der rechte Weg ins Leben oder die Neue Etik» von Otto Spielberg (*E. Pierson*) *Dresden und Leipzig* (*Истинный путь въ жизни или новая этика*). Авторъ находится, повидимому, нѣсколько подъ вліяніемъ философіи Ницше, хотя и возвращается, все-таки, на путь моралистовъ старой школы. Книга изобилуетъ чрезвычайно удачными афоризмами.

(Berliner Tag.).

«Das Galante Jahrhundert» von Neera. Aus dem Italienischen von N. v. Berthof. Dreselen (*Karl Reissuer*). (*Галантное столѣтіе*). Очень тонко написанныя характеристики нѣкоторыхъ женщинъ, властвовавшихъ въ Парижѣ передъ великой революціей, въ эпоху разгула, веселья и сантиментальности и державшихъ въ повиновеніи умнѣйшихъ людей въ до-революціонный періодъ.

(Berliner Tag.)

«Pictures in Political Economy» by A. W. Claremont (*Grant Richardes*) *3 s. 6 d.* (*Картинки политической экономіи*). Эта маленькая книжка такъ написана, что самый неподготовленный читатель можетъ ясно усвоить себѣ главнѣйшіе руководящіе принципы политической экономіи.

(Daily News).

«Great Benin: its Customs, Art and Horrors» by Z. Leüg Koth. With 27 5 Illustrations. Halifax (King and Sons) (*Великій Бенинъ; его обычаи, искусства и ужасы*). Авторъ собралъ все, что касается Бенина, съ самаго начала появленія въ немъ первыхъ европейцевъ и до послѣдняго времени, и тщательно изучалъ нравы и обычаи населенія этой страны, его могущественную теократію и жестокіе обряды, сопровождавшіеся настоящими гекатомбами человѣческихъ жертвъ. Однако, художественный вкусъ, какъ оказывается, былъ развитъ у этого народа, несмотря на его грубые и дикіе нравы. Авторъ воспроизводитъ въ своихъ иллюстраціяхъ образцы художественныхъ произведеній Бенина.

(Daily News).

«Das Papsthum in seiner social-kulturellen Wirksamkeit» von Graf von Hoensbrosch. Zweite Band: Die Ultramontane Moral. Leipzig (Breitkopf ind Giertel) (*Папство и его соціально-культурная дѣятельность*). Это вторая часть труда, предпринятаго авторомъ съ цѣлью разоблаченія дѣятельности и вліянія папства. Первая часть была посвящена инквизиціи, суевѣріямъ, процессамъ колдуній и т. п., во второй же излагается ультрамонтанская мораль. Авторъ, какъ и въ первомъ томѣ, дѣйствуетъ на читателя обиліемъ матеріала, дающаго возможность составить себѣ самое полное понятіе о развитіи ультрамонтанской морали, которую, вѣрнѣе, слѣдуетъ называть «іезуитскою моралью», такъ какъ главнымъ образомъ іезуиты развили ее и превратили въ обширную систему, оффиціально признаваемую въ настоящее время и воплощающую въ себѣ всю католическо-церковную мораль. Трудъ автора представляетъ большой интересъ, какъ въ историческомъ, такъ и въ общественномъ отношеніи.

(Francfurt. Zeit.).

«Kultur und Presse» von D-r Emil Löbe. Leipzig (Duncker und Humblot) (*Культурат и печать*). Книга представляетъ попытку систематической обработки богатаго матеріала современнаго журнализма. Авторъ изучаетъ современную газету, во всѣхъ ея, наиболѣе типическихъ образцахъ и независимо отъ какого-либо конкретнаго партійнаго содержанія или политическаго, экономическаго, литературнаго и художественнаго направленія газеты. На первый планъ онъ выдвигаетъ методологическіе моменты журнализма и даетъ схему «нормальной газеты», стараясь заложить такимъ образомъ основы для будущей науки журнализма.

(Francfurt. Zeit.)

«Das Wesen der Religion» von Wilhelm Bousset (Verlag von Gebaues-Schwetschke) Halle (*Сущность религіи*) Авторъ изслѣдуетъ сущность религіозной потребености человѣка, ея историческое развитіе и выраженіе въ различныхъ формахъ религій, причемъ высказываетъ убѣжденіе, что христіанство представляетъ ту форму религіи, которая наилучше удовлетворяетъ этой потребности.

(Nacional Zeit.).

«Die Nervosität des Kindes» von D-r. A. Combe (Herm. Lemann) preis: 2 м. 50. (*Нервозность ребенка*) Нервозность, со всѣми ея болѣзненными проявленіями, служила однимъ изъ сопутствующихъ признаковъ нашей гиперкультуры. Докторъ Комбъ изслѣдуетъ ея симптомы премущественно въ жизни ребенка, указываетъ на важное значеніе судорогъ, головныхъ болей и дурноты. Въ то же время онъ даетъ совѣты какъ бороться съ этими явленіями у дѣтей съ врожденною раздражительностью нервной системы, съ наслѣдственнымъ предрасположеніемъ и т. д. Еще важнѣе нравственное воспитаніе, то духовное вліяніе, которому должны быть подчинены дѣти, съ особенно восприимчивою и чувствительною нервною системой. Докторъ Комбъ подробно обсуждаетъ этотъ вопросъ и книга его можетъ служить очень полезнымъ руководствомъ для родителей и воспитателей.

(Berliner Tag.).

Издательница **М. К. Куприна-Давыдова.** Редакторъ **Ѳ. Д. Батюшковъ.**

пожималъ ему руку. Это огорчало его, но пускаться на поиски друга онъ не могъ, приходилось ждать, пока судьба пошлетъ ему сама.

Наконецъ, онъ таки нашелъ друга.

Нельзя было представить себѣ большей противоположности чѣмъ между Реймерсомъ и этимъ оберъ-лейтенантомъ Гюнцемъ. И по наружности, и по внутреннимъ свойствамъ они были коренньмъ образомъ различны. Реймерсъ, высокій, стройный, темнорусый человѣкъ съ продолговатымъ лицомъ и честнымъ нѣсколько меланхолическимъ взглядомъ, Гюнцъ свѣтлый блондинъ небольшого роста, склонный къ толщинѣ, съ краснощекимъ круглымъ жизнерадостнымъ лицомъ; одинъ идеалистъ и фантазеръ, другой человѣкъ, стоящій обѣими ногами на твердой почвѣ.

Оба они были на прекрасномъ счету, какъ выдающіеся офицеры. Къ Реймерсу обращались всегда по вопросамъ военной исторіи и вообще военной науки, Гюнцъ считался авторитетомъ въ математикѣ и, главнымъ образомъ, въ вопросахъ артиллерійской техники.

Роднила ихъ основательность и добросовѣстность, лежавшія въ основѣ характера того и другого, несмотря на все ихъ видимое несходство. На этой общей почвѣ шло съ каждымъ днемъ все тѣснѣе ихъ сближеніе. Откровенный Гюнцъ скоро раскрылъ передъ другомъ всѣ изгибы своей души, но Реймерсъ не рѣшался открыть ему свои самыя сокровенныя, самыя интимныя мысли,—у него не хватало храбрости. Гюнцъ со своей трезвой и жестокой логикой, долженъ былъ неминуемо разрушить идеалы и иллюзіи друга, такъ какъ лицемѣрить онъ не хотѣлъ и не умѣлъ. Реймерсъ же держался за эти иллюзіи съ болѣзненною страстностью, онъ не могъ вообразить себѣ жизни безъ нихъ.

Но съ теченіемъ времени стѣна, раздѣлявшая двухъ друзей, понемногу разрушалась, и въ концѣ концовъ растущее взаимное довѣріе должно было окончательно уничтожить ее.

Эти отношенія составляли для Реймерса большое утѣшеніе. Гюнцъ, первый изъ товарищей, предложилъ ему братское «ты»,—уже это одно было большимъ облегченіемъ на ряду съ строгимъ военнымъ этикетомъ. Такое ощущеніе, точно человѣкъ разстегнулъ страшно узкій воротникъ!

Дружба ихъ достигла уже почти совершенной полноты, когда Гюнца командировали въ Берлинъ для участія въ работахъ испытательной артиллерійской коммиссіи. Это было, конечно, отличіе, но въ тоже время командировка на цѣлый годъ.

Реймерсъ только что пріобрѣлъ друга и долженъ былъ снова лишиться его.

Переписка между ними съ самаго начала шла не особенно правильно. То, что въ разговорѣ понималось съ полуслова, на бумагѣ требовало подробныхъ доказательствъ. Имъ пришлось бы писать другъ другу цѣлыя диссертаціи, а для этого у нихъ не хватало времени. Одинъ слишкомъ добросовѣстно относился къ обязанностямъ гарнизонной службы, а другой былъ весь поглощенъ техническими задачами, предложенными на разрѣшеніе испытательной коммиссіи.

Въ концѣ концовъ каждому изъ нихъ пришлось довольствоваться успокоительнымъ сознаніемъ, что за столько-то миль отъ него сидитъ человѣкъ, искренно ему преданный. Во всемъ остальномъ каждый долженъ былъ устраиваться самъ по себѣ.

Реймерсъ весь ушелъ въ свое призваніе. Отдавшись ему, онъ забывалъ про свое одиночество и благословлялъ судьбу, позволившую ему участвовать въ великой работѣ нѣмецкой арміи.

Даже наименѣе пріятныя служебныя обязанности не надоѣдали ему; онъ охотно возился съ новобранцами, наблюдалъ за ними, училъ и выправлялъ ихъ. Въ мирное время это вѣдь и составляло великую и серьезную задачу молодыхъ офицеровъ; они должны были изъ этого человѣческаго матеріала создавать солдатъ и, идя дальше, достигнуть высшей цѣли—сдѣлать этихъ солдатъ годными для войны.

Въ тоже время нельзя было оста-

вить и теоретическихъ занятій, чтобы не отстать самому. Но эти занятія онъ не могъ называть работой, такъ какъ онъ не зналъ болѣе высокаго наслажденія, чѣмъ научный трудъ.

Разлученный съ Гюнцемъ и погруженный въ свою работу, онъ какъ-то совсѣмъ отвыкъ отъ людей. Ему надо было дѣлать надъ собой усиліе, чтобы удовлетворять требованіямъ товарищества и исполнять свои общественныя обязанности. Въ лѣтнее время онъ еще довольно охотно принималъ участіе въ общественныхъ развлеченіяхъ. Онъ со страстью игралъ въ тенисъ и ничего не имѣлъ противъ разныхъ пѣшеходныхъ и лодочныхъ экскурсій, такъ какъ очень любилъ всякое движеніе на свѣжемъ воздухѣ. Но зимой обязательные обѣды и балы причиняли ему истинное мученіе.

Разъ, стоя въ дверяхъ танцовальной залы, онъ заткнулъ себѣ уши, чтобы не слышать музыки и ему представилось, что всѣ эти кружащіеся, какъ безумные, мужчины и женщины сошли съ ума. Ему было ужасно неловко приглашать не молодую уже майоршу Лишке на обязательный танецъ. Но толстая дама сама, улыбаясь, подошла къ нему и не избавила его ни отъ одного тура.

Ведя ее подъ руку, онъ спросилъ, будетъ-ли онъ имѣть честь встрѣтить ее на каткѣ.

— О нѣтъ, это меня слишкомъ утомляетъ,—отвѣтила она, вытирая капли пота со лба.

Съ грустью вспомнилъ тутъ Реймерсъ добраго Гюнца, который въ непринужденномъ разговорѣ такъ прекрасно характеризовалъ подобныя глупости. Какое несчастье, что судьба отняла у него этого единственнаго друга. Онъ охотно отказался бы отъ своихъ послѣднихъ иллюзій, чтобы только вернуть его; жизнь и безъ его участія достаточно скоро разбивала ихъ одну за другой.

Между тѣмъ случай послалъ ему снова одинъ даръ, до нѣкоторой степени вознаградившій его за потерю друга, онъ сблизился съ полковникомъ Фалькенгеймомъ и, по прихоти судьбы, именно на одномъ изъ этихъ ужасныхъ баловъ.

Окончивъ обязательный танецъ, Реймерсъ стоялъ въ одной изъ свободныхъ комнатъ казино у окна, какъ вдругъ на его плечо легла рука Фалькенгейма.

Полковникъ скучалъ. Старшіе мужчины, не занятые съ дамами, усѣлись за карты. Онъ, одинокій вдовецъ, единственная дочь котораго воспитывалась въ пансіонѣ, чувствовалъ себя какъ въ пустынѣ. Онъ не любилъ ни картъ, ни танцевъ. Этотъ лейтенантъ Реймерсъ, вглядывавшійся въ ночную тьму, какъ разъ отвѣчалъ его настроенію. Онъ еще раньше обратилъ на него вниманіе. Начальники не могли нахвалиться его служебною исполнительностью, а между тѣмъ онъ совсѣмъ не производилъ впечатлѣніе пролазы. Пролазничество же Фалькенгеймъ не терпѣлъ еще больше чѣмъ легкомысліе.

Полковникъ имѣлъ способность нѣсколькими вопросами заставить человѣка раскрыть передъ нимъ свою внутреннюю сущность. И Реймерсъ къ собственному удивленію отвѣчалъ тому съ несвойственною ему откровенностью. Когда полковникъ подошелъ къ нему, ему показалось, что передъ нимъ стоитъ отецъ, и онъ съ наслажденіемъ заговорилъ съ нимъ такъ, какъ онъ не говорилъ ни съ кѣмъ послѣ смерти матери.

Фалькенгеймъ спокойно выслушалъ его. Реймерсъ сразу пришелся ему по душѣ! Ему нравилась его мужественная твердость, стремящаяся къ высшей цѣли,—не исключительно къ генеральскимъ эполетамъ,—и прекрасное одушевленіе, заражавшее даже его, пятидесятилѣтняго старика. Снова ему послышались знакомые еще съ юности звуки: «Пустите насъ въ дѣло! Лучше сегодня чѣмъ завтра!» Конечно, онъ самъ иначе думалъ теперь обо всемъ этомъ,—но молодежь должна была думать именно такъ!

Онъ покачалъ головой. Понятно, теперь это одушевленіе немного не ко времени, пожалуй, немного слѣпо. Теперь вѣдь какъ никакъ не 70-й годъ. Онъ не могъ, не разсуждая, всей душой

раздѣлить гордую радость молодого офицера.

Онъ готовъ былъ самъ себя бранить за это, и ужъ во всякомъ случаѣ не сталъ бы лить холодную воду на это прекрасное пламя. Вѣдь теперешнему времени больше всего не хватаетъ именно такого глубокаго убѣжденнаго патріотизма, этого взгляда на солдатскую службу исключительно, какъ на подготовленіе къ войнѣ.

Послѣ этого разговора Реймерсъ почувствовалъ къ полковнику глубокую привязанность. Сначала это казалось ему даже нѣкоторой измѣной Гюнцу. Но нѣтъ, тотъ оставался его самымъ дорогимъ другомъ, на полковника же онъ смотрѣлъ какъ на второго отца.

Расположеніе Фалькенгейма къ нему рѣдко проявлялось наружу. Иногда лишь, при удобныхъ случаяхъ, давалъ онъ ему почувствовать, какъ высоко онъ его цѣнилъ.

Реймерсу еще труднѣе было высказывать свое чувство благодарности и почтенія по отношенію къ начальнику. Но ему довольно было внутренняго сознанія, что тотъ его понимаетъ. Дни его протекали уже не такъ сѣро и однообразно, какъ раньше, и самая жизнь пріобрѣла новую цѣнность.

Но тутъ нагрянула болѣзнь и прервала нормальный ходъ вещей.

Когда онъ просилъ о вынужденномъ отпускѣ, привязанность къ нему Фалькенгейма первый разъ вышла за границы служебныхъ отношеній. Глаза полковника подернуло влагой и голосъ дрогнулъ, когда онъ, пожимая руку Реймерса, сказалъ ему:

— Возвращайтесь здоровымъ, дорогой Реймерсъ! Я буду ждать васъ. Смотрите же, сдѣлайте все, все возможное, чтобы вернуться ко мнѣ здоровымъ!

Передъ этимъ сердечнымъ прощаніемъ отступила на задній планъ даже дружеская заботливость, проявлявшаяся въ письмахъ Гюнца изъ Берлина. Пріѣхать повидаться съ другомъ онъ не могъ, дѣла не отпускали его.

Быть можетъ, поэтому присутствовавшій занялъ больше мѣста въ воспоминаніяхъ Реймерса, чѣмъ отсутствовавшій.

Никогда въ теченіе длиннаго года невольнаго изгнанія онъ не могъ забыть послѣдняго взгляда Фалькенгейма, проникшаго ему въ душу и задушевнаго, отеческаго звука его голоса.

Теперь, когда онъ снова стоялъ передъ этимъ глубоко уважаемымъ человѣкомъ, его вдругъ охватила такая горячая радость, что онъ не могъ пересилить себя и поцѣловалъ ему руку.

Полковникъ только улыбнулся на это, совершенно несогласное съ военнымъ этикетомъ, проявленіе чувствъ. Съ наибольшимъ удовольствіемъ онъ самъ прижалъ бы къ груди молодого лейтенанта, вѣдь онъ относился къ нему почти какъ къ сыну. Но, какъ старый солдатъ, онъ не могъ допустить подобнаго изліянія чувствъ.

Выйдя отъ него, Реймерсъ съ удивленіемъ оглядѣлся кругомъ. Все ему казалось не такимъ, какъ раньше, гораздо красивѣе, даже холодный пустынный казарменный дворъ сталъ какъ будто привлекательнѣе.

Онъ вышелъ изъ воротъ и медленно пошелъ по направленію къ городу. Теперь имъ окончательно овладѣло радостное ощущеніе, что онъ дома.

Мѣстность, разстилавшуюся по обѣимъ сторонамъ дороги, далеко нельзя было назвать особенно привлекательной, да къ тому же буквально каждый камешекъ тутъ былъ ему извѣстенъ вдоль и поперекъ,—но въ эту минуту онъ находилъ вокругъ и много новаго, и много привлекательнаго.

Теперь онъ понялъ, что тамъ въ Каирѣ, когда онъ глядѣлъ на скучныя неподвижныя пальмы передъ окномъ, ему недоставало именно этого ручейка съ склоняющимися надъ нимъ густолистными буками и ольхами. Объ этихъ именно зеленыхъ склонахъ тосковалъ онъ среди выжженныхъ Африканскихъ равнинъ, о ласковомъ солнцѣ родины, о голубомъ нѣмецкомъ небѣ и даже объ этихъ маленькихъ локомотивчикахъ, мелькавшихъ тамъ за холмомъ на боковой вѣткѣ; они дружелюбно посвистывали, когда на полотно забредала

пасущаяся овца, и именно эти мирные звуки вспоминались ему тамъ, на крупныхъ міровыхъ рынкахъ.

Конечно, и тѣ морскіе колоссы, вмѣщавшіе въ себѣ милліонные грузы, составляли тоже кусочекъ Германіи,—и тамъ ему казалось даже, что черно-бѣло-красный флагъ какъ-то иначе, красивѣе и виднѣе всѣхъ развѣвается на мачтѣ. Но только здѣсь пахнуло на него настоящимъ роднымъ воздухомъ.

Онъ съ наслажденіемъ вдыхалъ свѣжій вѣтерокъ и шелъ впередъ съ поднятой головой и блестящими глазами.

Ему вспомнились товарищи, съ которыми ему скоро предстояло встрѣтиться.

Въ эту минуту онъ обо всѣхъ нихъ думалъ съ удовольствіемъ. Ихъ крупные и мелкіе недостатки казались ему теперь совсѣмъ незначительными. И какъ это было любезно съ ихъ стороны, что они именно сегодня, въ самый день его возвращенія устроили товарищескій обѣдъ. Положимъ, онъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ думалъ объ этомъ праздникѣ, на которомъ, конечно, въ концѣ концовъ всѣ перепьются, но намѣреніе у нихъ было самое лучшее. Была въ этомъ собраніи и своя хорошая сторона,—по крайней мѣрѣ онъ сразу будетъ посвященъ во всѣ полковыя сплетни. На нихъ, конечно, можно было не обращать вниманія, но знать ихъ было необходимо всякому, чтобы не попасть впросакъ.

У дверей его квартиры стоялъ канониръ, назначенный ему въ деньщики.

— Канониръ Гелеръ, вѣстовой вашего благородія,—отрапортовалъ онъ.

Реймерсъ окинулъ его взглядомъ. Вахмистръ, видимо, постарался для него. Гелеръ былъ малый хоть куда, не слишкомъ высокій, но хорошо сложенный и очень опрятный. Только отъ волосъ его шелъ слишкомъ ужъ сильный запахъ помады, и усы были черезчуръ щедро нафабрены.

Реймерсъ досталъ изъ кармана ключъ, но Гелеръ предупредительно взялъ его у него изъ рукъ, отворилъ двери и пропустилъ лейтенанта впередъ. Свой свертокъ онъ сейчасъ же положилъ на стулъ и поспѣшилъ помочь офицеру избавиться отъ каски, портупеи и пояса.

Лейтенантъ невольно улыбнулся при видѣ этой преувеличенной услужливости.

— Итакъ, васъ зовутъ Гелеръ?—переспросилъ онъ.

— Такъ точно, господинъ лейтенантъ — отвѣчалъ деньщикъ.

— Гдѣ это вы научились такъ ловко служить?—продолжалъ онъ спрашивать.

— Я былъ нѣкоторое время вѣстовымъ у господина капитана барона Вегштетена.

— Да? Почему же вы больше не у него?

Одну минуту Гелеръ колебался, потомъ онъ улыбнулся и искреннимъ голосомъ отвѣтилъ:

— Пусть господинъ лейтенантъ не подумаетъ чего-нибудь дурного. Тамъ вышло недоразумѣніе: на меня пожаловалась дѣвушка. Господинъ лейтенантъ понимаетъ хорошо...

Онъ замолчалъ и съ нѣкоторымъ смущеніемъ теръ рукавомъ чешую на каскѣ.

Реймерса очень забавляла изысканная форма выраженія вѣстового.

— Вы, значитъ, женщинамъ не любите давать прохода,—сказалъ онъ.— Ну, у меня вамъ не будетъ искушенія.

Гелеръ скромно потупился.

— Простите, господинъ лейтенантъ, но въ этомъ случаѣ я, право, не виноватъ.

Лейтенантъ разсмѣялся.

— Ну, хорошо, — сказалъ онъ.—А чѣмъ же вы были раньше?

Канониръ выпрямился и съ достоинствомъ отвѣтилъ.

— Грумомъ у господина графа Фокинга въ Дрезденѣ.

— Ага! Такъ вотъ откуда это!

Реймерсъ перестал удивляться. Этотъ графъ, у котораго тотъ прошелъ школу, слылъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ и элегантныхъ спортсменовъ въ Германіи.

Въ общемъ, онъ надѣялся отлично поладить съ Гелеромъ. Немножко болтливъ

тотъ былъ, повидимому, но вѣдь начальствующій всегда имѣлъ возможность сократить такого молодца. Свои замѣчанія онъ дѣлалъ какъ бы про себя и при этомъ все посматривалъ на лейтенанта, не дѣлаетъ ли тотъ строгаго лица. До сердитаго окрика онъ, видимо, и самъ не склоненъ доводить дѣло.

Реймерсъ велѣлъ ему принести тужурку и помочь ему разбирать ящики съ книгами. Они только что были получены изъ Суэца. Гелеръ передавалъ ему книги и не могъ удержаться отъ восклицанія:

— Ой-ой, сколько книгъ у вашего благородія!

Офицеръ смотрѣлъ не сердито, и онъ продолжалъ:

— У господина графа было куда меньше, а такихъ и совсѣмъ не было.

Убѣдившись, что онъ не навлекъ на себя неудовольствія, онъ прибавилъ еще:

— У господина графа были только книги съ лошадьми да еще съ женщинами, и кавалерійскій уставъ.

Тутъ ужъ Реймерсъ не могъ удержаться отъ смѣха и принужденъ былъ остановить разошедшагося графскаго грума.

Кромѣ того, если у графа Фокинга книгъ было меньше, то зато въ другихъ отношеніяхъ онъ значительно перещеголялъ лейтенанта.

Убирая умывальный столъ, Гелеръ замѣтилъ:

— У господина графа было очень много всякихъ баночекъ и скляночекъ и все съ настоящими серебряными крышками и съ разными духами.

А когда Реймерсъ послалъ его внизъ въ кухмистерскую за кускомъ мяса и пивомъ къ завтраку, онъ не могъ удержаться отъ замѣчанія:

— Господинъ графъ держали свой столъ и за завтракомъ употребляли бургунское.

Но и тутъ сказались хорошіе результаты графскаго воспитанія. Деньщикъ аккуратно накрылъ на столъ и подалъ бифштексъ, убранный вокругъ зеленью и редисками. Благодаря его стараніямъ все какъ то выглядѣло аппетитнѣе.

— Откуда это у васъ редиска?— спросилъ Реймерсъ.

— Я выпросилъ у кухарки, господинъ лейтенантъ, — отвѣчалъ деньщикъ.

— Значитъ, и тутъ ужъ не упустили случая?

На этотъ разъ Гелеръ нисколько не смутился и совершенно искренно отвѣтилъ.

— Извините ваше благородіе, кухарка здѣсь старая и толстая, а я...

— Хорошо, хорошо,—прервалъ его Реймерсъ, смѣясь,—я знаю ее.

Вечеромъ въ казино всѣ и товарищи, и начальники наперерывъ старались сказать Реймерсу что нибудь пріятное.

Но потомъ все пошло по старому, какъ и годъ назадъ. Обмѣнявшись со всѣми привѣтствіями, онъ по обыкновенію остался одинъ въ дверяхъ читальни.

Его единственный другъ Гюнцъ все еще былъ въ Берлинѣ, а остальные болтали между собой, разбившись на группы. Группы эти совсѣмъ почти не измѣнились по составу съ прошлаго года. По большей части они состояли изъ равныхъ по чину офицеровъ.

Вонъ тамъ стояла группа Кейль-Меллеровъ — два оберъ-лейтенанта и одинъ старшій лейтенантъ; они всѣ были въ двойномъ свойствѣ,—двое Кейлей женились на двухъ сестрахъ Меллеръ, а одинъ Меллеръ женился на сестрѣ Кейлей. Дальше шло музыкальное тріо— одинъ изъ пріятелей пѣлъ и игралъ на скрипкѣ и на волторнѣ, другой былъ извѣстный піанистъ, а третій... ну, третій, впрочемъ, только искусно свисталъ. Наконецъ, была и философская группа. Въ ней задавалъ тонъ лейтенантъ докторъ Фребенъ. Онъ получилъ въ Гейдельбергѣ званіе доктора юридическихъ наукъ, а во время отбыванія воинской повинности заинтересовался военнымъ правомъ и ради этого пошелъ въ офицеры. Свое ученое званіе онъ носилъ съ неизмѣннымъ достоинствомъ и никогда не упускалъ случая стать на «научную точку зрѣнія» или замѣтить товарищамъ:

— Не слѣдуетъ вдаваться въ односторонность, господа. Не будемъ отожествлять себя съ военной кастой индусовъ!

Его кружокъ составляли три очень молодыхъ офицера. Одинъ изъ нихъ читалъ Прево и Мопассана, другой, краснѣя, признавался, что напечаталъ въ газетѣ оду на возвращеніе китайскихъ воиновъ, третій отличался только тѣмъ, что, слушая, умѣлъ дѣлать удивительно внимательные глаза. Остальные считали его попросту соней; онъ по большей части отвѣчалъ «нѣтъ», когда докторъ Фребенъ съ полнымъ правомъ ожидалъ отъ него «да». Но онъ сейчасъ же спохватывался и поправлялся:

— Ну, само собою разумѣется, да.

Все въ казино осталось по прежнему. Реймерсу казалось, что онъ былъ здѣсь и вчера, и третьяго дня, и что долгаго года его отпуска какъ будто и не было совсѣмъ. Какъ и прежде, болѣе старые и почтенные офицеры позволяли себѣ нѣкоторую еле замѣтную небрежность, молоденькіе же всѣ были точно съ иголочки. Какъ и прежде, Кейли-Меллеры болтали о своихъ дядяхъ и теткахъ, а поющій и играющій на скрипкѣ Манитіусъ напѣвалъ у рояля любимый романсъ «Да хранитъ тебя Богъ». Какъ и прежде, маленькій рыжеватый докторъ Фребенъ о чемъ то ораторствовалъ, а Грецшель слушалъ его съ сочувственнымъ вниманіемъ.

Прибавилось только нѣсколько новыхъ, только осенью произведенныхъ въ лейтенанты. Одинъ изъ нихъ, Ландсбергъ, отрекомендовался ему какъ товарищъ по батареѣ.

Реймерсъ былъ не особенно восхищенъ этимъ. Молодой человѣкъ съ нѣсколько заносчивымъ выраженіемъ лица, съ густо напомаженными волосами и моноклемъ въ глазу, показался ему черезчуръ ужъ вылощеннымъ. Но Ландсбергъ все посматривалъ на него, видимо, собираясь съ чѣмъ то обратиться къ нему.

Реймерсъ догадывался въ чемъ дѣло. Несомнѣнно, онъ будетъ разспрашивать его о военныхъ приключеніяхъ. На подобные вопросы ему приходилось отвѣчать уже разъ двадцать въ теченіе сегодняшняго дня. Онъ вполнѣ понималъ этого рода любопытство. Для каждаго офицера, особенно молодого, эти разспросы несомнѣнно представляли большой интересъ.

Наконецъ Ландсбергъ рѣшился подойти къ нему.

— Простите,—заговорилъ онъ нѣсколько нерѣшительно,—разрѣшите мнѣ одинъ вопросъ? Можно?

— Конечно, пожалуйста,—отвѣчалъ Реймерсъ.

Ландсбергъ продолжалъ съ нѣкоторой заминкой.

— Скажите, пожалуйста... мнѣ бы очень хотѣлось знать... видите ли, мнѣ чрезвычайно нравится фасонъ вашихъ сапогъ... самая послѣдняя мода... вы бы меня чрезвычайно обязали, еслибы сообщили мнѣ адресъ вашего сапожника.

Реймерсъ одно мгновеніе колебался, потомъ сухо отвѣтилъ.

— Я купилъ эти сапоги проѣздомъ черезъ Берлинъ.

— Да? Ну, вотъ видите,—я такъ и зналъ! Тамошнія вещи носять особый отпечатокъ. Поистинѣ, превосходно! Можетъ быть, вы запомнили адресъ магазина?

— Нѣтъ.

— Очень жаль!—Да, впрочемъ, разрѣшите мнѣ прислать къ вамъ своего деньщика, онъ посмотритъ клеймо. Можно?

Реймерсъ опять промолчалъ секунду, но потомъ отвѣтилъ.

— Пожалуйста, если васъ это интересуетъ.

Ландсбергъ стукнулъ каблуками, промолвивъ:

— Чрезвычайно обяжете! Буду вамъ безконечно благодаренъ,—и съ тѣмъ удалился.

Реймерсъ повернулся въ другую сторону. Ему вдругъ сдѣлалось какъ-то жарко въ комнатѣ, и онъ вышелъ въ болѣе прохладную переднюю.

Всѣ двери были открыты. Въ столовой вокругъ накрытаго стола стояли офицеры. Не доставало только полковника. Было почти половина восьмого.

Полковой врачъ Андреа дружески ки-

валъ Реймерсу черезъ дверь. Этотъ молодой человѣкъ былъ его ходячей рекламой. Спеціалисты только пожимали плечами, но онъ, Андреа, не сдавался. Главное, надо дѣйствовать по военному, — быстрота и натискъ. Поставить рѣшительный діагнозъ и немедленно приняться за леченіе. Тогда все дѣло въ шляпѣ—какъ въ этомъ случаѣ,—конечно, если болѣзнь не приметъ дурного оборота. Во всякомъ случаѣ этотъ паціентъ поддерживалъ его славу. Тутъ ужъ его коллеги, штатскіе врачи, должны были волей неволей замолчать, а то они всѣ его считали спеціалистомъ только по поломамъ, да по специфическимъ болѣзнямъ.

Реймерсъ въ полъ уха слушалъ его совѣты относительно необходимой осторожности при перемѣнѣ климата, и украдкой разсматривалъ остальныхъ собравшихся въ столовой.

Среди нихъ тоже не произошло никакой перемѣны.

Майоръ Лишке и капитанъ Вегштетенъ уже сцѣпились по обыкновенію. Лишке что-то доказывалъ своимъ рѣзкимъ голосомъ, а Вегштетенъ слушалъ съ насмѣшливой улыбкой. Штабсъ-капитанъ Стукартъ разсѣянно прислушивался къ ихъ разговору. Онъ былъ на очереди къ переводу въ штабъ и поэтому смотрѣлъ на все здѣсь немного сверху внизъ. За столомъ, не обращая вниманія на присутствующихъ, сидѣлъ одинъ капитанъ пятой батареи Моръ. Онъ всегда чувствовалъ жажду и теперь успѣлъ уже осушить полбутылки шампанскаго. Сзади споpившихъ ходилъ маленькими нервными шагами вернувшійся съ дальняго востока Маделунгъ. Проходя мимо двухъ наступавшихъ другъ на друга пѣтуховъ, онъ кидалъ на нихъ насмѣшливо-сострадательные взгляды, а на одинокаго пьяницу посматривалъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Майоръ Шредеръ и капитанъ Гропхузенъ о чемъ то шептались въ оконной нишѣ. У нихъ была одна неистощимая тема—анекдоты о женщинахъ, точно также какъ у командировъ первой и третьей батареи, Трегера и Гейшкеля единственнымъ предметомъ разговора были лошади.

Третья батарея славилась самыми толстыми лошадьми въ полку,—и самыми лѣнивыми, по мнѣнію полковника. Но какъ бы то ни было, при посѣщеніяхъ инспектора отъ военнаго министерства пріятно было показать ихъ круглые лоснящіеся крупы въ стойлахъ.

— Морковь, морковь! — Въ этомъ вся суть! Это ужъ вѣрнѣе вѣрнаго!— восклицалъ Гейшкель.

Въ концѣ концовъ призвали Андреа. Онъ, какъ докторъ, хоть и человѣческій, долженъ былъ имѣть понятіе и о лошадиныхъ желудкахъ, и его просили высказаться о преимуществахъ морковнаго корма.

Реймерсъ остался одинъ и только что хотѣлъ вернуться въ общество молодыхъ товарищей, какъ къ нему подошелъ Маделунгъ.

Лейтенантъ остановился, заинтересованный. Когда Маделунгъ самъ заговаривалъ съ кѣмъ-нибудь, это считалось событіемъ. Этотъ худой черноволосый человѣкъ, съ темнымъ, изборожденнымъ морщинами лицомъ и съ колющимъ взглядомъ глубоко лежащихъ глазъ, пользовался самой опредѣленной антипатіей товарищей. Онъ слылъ неразборчивымъ въ средствахъ пролазой и не дѣлалъ ни малѣйшей попытки бороться съ этой репутаціей. Его единственнымъ оправданіемъ служило то обстоятельство, что его отецъ совершенно разорился, и ему приходилось довольствоваться однимъ жалованьемъ. Цѣною большихъ лишеній, и то въ значительной степени благодаря королевскимъ субсидіямъ, могъ онъ поддерживать честь своего офицерскаго званія. По всей вѣроятности, именно это ожесточило его до такой степени, что онъ совершенно замкнулся и весь отдался достиженію своей цѣли. Своимъ желѣзнымъ упорствомъ онъ открылъ себѣ двери болѣе блестящей карьеры. За его работы въ военной академіи король наградилъ его почетной саблей, и теперь ему предстояла командировка въ генеральный штабъ. Само собой разумѣется, онъ вызвался участвовать въ

экспедиціи на Дальній Востокъ и недавно вернулся изъ Китая, еще болѣе похудѣвшій, еще болѣе морщинистый и еще болѣе непріятный.

Реймерсъ стоялъ передъ нимъ, выпрямившись, въ строго-оффиціальной позѣ, —съ капитаномъ надо было быть настороже.

Но Маделунгъ кивнулъ головой и сказалъ, взглянувъ на него изъ подлобья:

— Вы, значитъ, вторая заморская диковинка, которую преподносятъ сегодня?

Онъ сухо засмѣялся.

Лейтенантъ ничего не отвѣтилъ, и Маделунгъ торопливо прибавилъ:

— Долженъ вамъ сказать, что я завидую вамъ.

Реймерсъ замѣтилъ, что капитанъ ищетъ его руку, и въ слѣдующее мгновеніе почувствовалъ крѣпкое пожатіе, но раньше, чѣмъ онъ могъ что-нибудь отвѣтить, Маделунгъ уже отошелъ отъ него и подошелъ къ столу.

Въ эту минуту вошелъ полковникъ. Онъ обмѣнялся нѣсколькими словами съ каждымъ изъ старшихъ офицеровъ, а младшихъ привѣтствовалъ однимъ общимъ поклономъ; только съ Реймерсомъ, ради его возвращенія, онъ поздоровался отдѣльно и сердечно пожалъ ему руку.

Вслѣдъ затѣмъ всѣ стали садиться за столъ. Каждый занималъ мѣсто сообразно съ своимъ чиномъ, начиная съ верхняго конца стола, гдѣ сидѣлъ полковникъ. Послѣднимъ очутился молоденькій лейтенантъ, произведенный только перваго октября; сегодня ему пришлось дежурить въ конюшнѣ съ половины пятаго, и онъ долженъ былъ отъ времени до времени щипать себя, чтобы не заснуть. Только когда ординарецъ поставилъ передъ нимъ бутылку вина, онъ немного развеселился.

Реймерсъ занялъ мѣсто рядомъ съ маленькимъ ученымъ лейтенантомъ; тотъ оказался очень разговорчивымъ, такъ что его сосѣду не пришлось совсѣмъ заботиться о поддержаніи бесѣды.

Какъ водится, Фребенъ началъ съ вопроса:

— Ну, Реймерсъ, выкладывайте-ка вашизапасы. Подавайте намъ ваши южно-африканскія приключенія. Мы всѣ превратились въ слухъ.

Но Реймерсу скоро удалось отвлечь его отъ этой темы. Все, что онъ тамъ видѣлъ и пережилъ, для него самого представляетъ еще какой-то смутный хаосъ впечатлѣній. Ему трудно даже поверхностно касаться этого, пока онъ самъ сколько-нибудь не разобрался во всемъ.

Маленькій докторъ былъ очень доволенъ этимъ. По крайней мѣрѣ, онъ могъ самъ сколько душѣ угодно ораторствовать на тему о воспитательномъ вліяніи долгихъ путешествій вообще и морскихъ въ особенности.

Реймерсъ терпѣливо слушалъ его, оглядывая при этомъ сидѣвшее за столомъ общество. И тутъ все осталось по старому. Отдѣльныя группы усѣлись рядомъ и продолжали за столомъ все тѣже разговоры.

Фалькенгеймъ съ улыбкой слушалъ, какъ полковой докторъ разъяснялъ штабсъ-капитану новѣйшую форму нервныхъ заболѣваній. Маделунгъ прислушивался къ тому же, скрививъ губы въ насмѣшливую гримасу и вертя въ рукахъ серебряную подставку для ножей. Рядомъ съ нимъ Моръ глядѣлъ въ пространство ничего не видящимъ стеклянным взоромъ; Гропхузенъ что-то разсказывалъ Шредеру, и тотъ съ хохотомъ откинулся на спинку стула.

— Этому-то есть надъ чѣмъ посмѣяться!—сказалъ Фребенъ, прерывая свою лекцію.

— А что?—спросилъ Реймерсъ.

— У него съ мадамъ Гропхузенъ, выражаясь деликатно, Флиртъ, и весьма усердный флиртъ.

— Вотъ какъ?—равнодушно отозвался Реймерсъ.

Это ужъ было начало сплетень, и удивительнымъ образомъ даже сплетни остались прежнія. Майоръ Шредеръ и мадамъ Гропхузенъ уже не разъ давали пищу досужимъ языкамъ.

Но докторъ Фребенъ продолжалъ ораторствовать уже на новую тему.

— Не подумайте, Реймерсъ, что я стою въ этомъ отношеніи на исключительно моралистической точкѣ зрѣнія.

Нравственныя понятія также подлежатъ пересмотру и измѣненіямъ, какъ и...

И онъ началъ излагать оставшіяся у него въ памяти обрывки разсужденій одного газетнаго фельетониста, по своему понявшаго Ничше.

Послѣ тоста за короля, разговоры какъ-то вдругъ оборвались, и среди наступившаго молчанія неожиданно громко прозвучало слово «Китай», сказанное полковникомъ. Всѣ взгляды невольно обратились на Маделунга.

Онъ сидѣлъ прямо, съ неподвижнымъ лицомъ, только на сжатыхъ губахъ его играла презрительная улыбка.

— Опасности? — воскликнулъ онъ своимъ рѣзкимъ голосомъ, звучавшимъ точно инструментъ безъ резонатора.— Опасности!? Я не знаю, какія?

Онъ рѣзко разсмѣялся.

Капитанъ Гейшкель, думавшій всегда о своихъ толстыхъ лошадкахъ, заговорилъ.

— Ну, конечно. Съ такимъ противникомъ важнѣе всего прикрытія, не правда-ли? Прикрытія тамъ навѣрно вполнѣ защищали отъ нападеній? Десять тысячъ желтокожихъ молодцовъ не выстоятъ противъ одного нашего ученаго солдата... или одной изъ моихъ лошадокъ,—прибавилъ онъ задумчиво.

Онъ, кажется, способенъ былъ покончить съ собой, если бы какой-нибудь грязный китаецъ застрѣлилъ одну изъ его любимицъ.

— Неправда-ли, все дѣло было въ прикрытіяхъ?—не отставалъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Маделунгъ громкимъ голосомъ,—все дѣло было въ томъ, чтобы не класть пальцевъ въ ротъ.

— При чемъ же тутъ пальцы?—нѣсколько нерѣшительно спросилъ штабсъ-капитанъ Стукартъ.

Маделунгъ съ иронической вѣжливостью наклонилъ голову.

— Главная опасность въ Китаѣ заключалась въ тифозной заразѣ, капитанъ фонъ-Стукартъ.

Послѣ минутной паузы его рѣзкій голосъ раздался снова:

— Въ нашемъ походномъ госпиталѣ лежалъ одинъ оберлейтенантъ какого-то прусскаго гренадерскаго полка, веселый малый и даже, пожалуй, добропорядочный офицеръ.

Маделунгъ снова остановился и среди общаго молчанія раздался его сухой, презрительный смѣхъ.

Потомъ онъ продолжалъ:

— У него была странная слабость. Онъ съ изумительной настойчивостью выращивалъ ноготь на мизинцѣ лѣвой руки. Онъ напоминалъ этимъ какого-то китайскаго мандарина,—въ концѣ концовъ ноготь выросъ въ цѣлый сантиметръ и протыкалъ ему всѣ перчатки. Если подъ этотъ ноготь попадала малѣйшая соринка, онъ имѣлъ привычку удалять ее зубами. Конечно, это было не слишкомъ изящно, но ужъ такая у него была страсть къ своему ногтю. Я не разъ говорилъ ему: «Выньте вы палецъ изо рту, почтеннѣйшій! Я такъ и вижу, какъ на немъ копошатся тифозныя бациллы». Онъ и старался отучить себя отъ этого, да не могъ, и наконецъ-таки попался.

Глаза слушателей вопросительно устремились на Маделунга, и онъ отвѣтилъ:

— Онъ умеръ отъ тифа.

Онъ отпилъ глотокъ вина и продолжалъ нѣсколько тише:

— Я глубоко увѣренъ, что для этого оберлейтенанта труднѣе было не класть пальца въ ротъ, чѣмъ вести своихъ солдатъ на приступъ противъ китайскихъ глиняныхъ крѣпостей.

Потомъ онъ снова повысилъ голосъ, точно опасаясь, чтобы кто-нибудь не принялъ его замѣчанія за шутку, и обычнымъ сухимъ и рѣзкимъ тономъ закончилъ:

— Вообще это, дѣйствительно, чрезвычайно скверная привычка класть пальцы въ ротъ.

На этомъ онъ окончательно замолчалъ и снова сталъ съ невозмутимымъ видомъ вертѣть серебряную подставку для ножей.

Товарищескій обѣдъ продолжался обычнымъ порядкомъ.

Когда онъ кончился, нѣкоторые изъ присутствовавшихъ остались пить вино и шампанское за столомъ, прочіе разошлись

по другимъ заламъ, требуя себѣ пива въ курительную комнату или въ читальню. Въ столовой становилось все шумнѣе и шумнѣе, въ другихъ комнатахъ разговоры носили болѣе спокойный характеръ. Нѣсколько завзятыхъ картежниковъ усаживались уже за скатъ, а въ билліардной капитанъ Маделунгъ выдѣлывалъ самъ съ собой разные карамболи. Послѣ перваго неудачнаго удара, онъ бросилъ кій и сталъ съ нетерпѣніемъ ожидать, когда полковникъ начнетъ прощаться. Это считалось знакомъ, что оффиціальное торжество окончилось. Едва Фалькенгеймъ скрылся за дверью, какъ вслѣдъ за нимъ направился и Маделунгъ. Бо́льшая часть женатыхъ офицеровъ послѣдовала ихъ примѣру.

Вскорѣ остались одни только лейтенанты, да майоръ Шредеръ и капитанъ Гропхузенъ. Третій—капитанъ Моръ не шелъ въ счетъ. Онъ за весь вечеръ не сдвинулся съ мѣста, и теперь продолжалъ пить съ младшимъ врачомъ, у котораго рубцы на щекахъ стали багровыми и, казалось, сейчасъ лопнутъ.

Теперь были все свои, такъ какъ Шредеръ и Гропхузенъ ни въ какомъ случаѣ не могли служить помѣхой общему веселью.

Манитіусъ спѣлъ свое «Да хранитъ тебя Богъ», Фроммельтъ, нѣсколько спотыкаясь, проаккомпанировалъ ему. Впечатлѣніе было сильное, новоиспеченный лейтенантикъ впалъ послѣ пѣнія въ безумную тоску и сталъ взывать къ какой-то Мартѣ, которую онъ «любилъ колоссально» и долженъ былъ покинуть, такъ какъ не могъ получить разрѣшенія жениться на кельнершѣ. Тутъ Шредеръ сбросилъ съ себя мундиръ и предложилъ ему излить горе на его волосатой груди. Лейтенантикъ съ рыданіями бросился въ его объятія.

Потомъ эта комедія всѣмъ надоѣла. Лейтенантика отправили домой. Фроммельтъ заигралъ канканъ, а Гропхузенъ и Ландсбергъ выступили на средину. Гропхузенъ, худощавый и гибкій, съ блѣднымъ, увядшимъ лицомъ, напоминалъ, дѣйствительно, какую-то монмартрскую очаровательницу, Ландсбергъ, напротивъ, представлялъ изумительно-комическую фигуру, онъ старательно подбрасывалъ вверхъ свои длинныя ноги и задыхался въ невѣроятно высокомъ воротникѣ.

Мало-по-малу народу становилось все меньше, наконецъ, остались только двѣ группы.

За картами все еще сидѣло человѣкъ шесть игроковъ. Въ столовой капитанъ Моръ и младшій врачъ покачивались на стульяхъ другъ противъ друга. Разговоры у нихъ давно изсякли, только изрѣдка который-нибудь восклицалъ «prosit», и оба дружно выпивали. Когда и они, наконецъ, встали, они нашли ординарца спящимъ на полу въ передней.

— Пьянъ, каналья, — проворчалъ младшій врачъ, расталкивая его ногой.

Канониръ съ трудомъ поднялся на ноги.

Заперевъ дверь за послѣдними гостями, онъ допилъ остатки шампанскаго въ бокалахъ и улегся спать въ курительной комнатѣ на диванѣ.

Этотъ диванъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ святыней; онъ былъ покрытъ великолѣпной восточной тканью, привезенной въ подарокъ полку однимъ прежнимъ товарищемъ.

Ординарецъ нашелъ, что выпуклое золотое шитье на ручкахъ и на спинкѣ только мѣшаетъ спать, хотя, впрочемъ, объ него можно зато хорошенько почесать голову.

* * *

Реймерсъ задолго до того ушелъ съ праздника.

Онъ очень удивился, увидѣвъ, что деньщикъ его еще не ложился спать.

— Чего ради вы не спите? — спросилъ онъ.

Гелеръ скромно отвѣтилъ:

— Извините, ваше благородіе, господинъ графъ въ такихъ случаяхъ посылали иногда за чѣмъ-нибудь или сами выходили.

— Ну, а я нѣтъ, замѣтьте это себѣ, пожалуйста,—проворчалъ Реймерсъ.

Деньщикъ все-таки не уходилъ.

— Не прикажете ли чаю, ваше благородіе,—спросилъ онъ.

Реймерсъ взглянулъ на него. Ишь,

вѣдь, шельмецъ, какую превосходную штуку выдумалъ! Все равно онъ чувствовалъ себя слишкомъ возбужденнымъ, чтобы спать. Какъ онъ ни воздерживался, все-таки пришлось не одинъ бокалъ выпить. И теперь ничего не могло быть лучше, какъ выпить стаканъ чаю и прочитать на сонъ грядущій нѣсколько страничекъ.

— Пожалуй, дайте стаканъ чаю,— сказалъ онъ,—только не слишкомъ крѣпкаго.

Онъ снялъ мундиръ и надѣлъ удобную тужурку. Почти въ ту же минуту Гелеръ подалъ на подносѣ стаканъ чаю и тарелку бутербродовъ съ анчоусами.

Реймерсъ улыбнулся. Нѣтъ, положительно, имѣть деньщикомъ графскаго грума во многихъ отношеніяхъ очень пріятно. Онъ дружески кивнулъ Гелеру и сказалъ:

— Я думаю, мы отлично поладимъ, Гелеръ.

Канониръ стоялъ на вытяжку.

— Прикажете еще что-нибудь, ваше благородіе?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Покойной ночи!

— Покойной ночи, господинъ лейтенантъ.

Реймерсъ выпилъ нѣсколько глотковъ, прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ поставилъ на письменный столъ лампу съ зеленымъ абажуромъ и взялъ томъ изслѣдованій генеральнаго штаба о великой войнѣ.

Онъ вырабатывалъ подробныя карты къ ней и погрузился въ описаніе своей любимой битвы при Лизенѣ. Это была единственная великая оборонительная битва въ открытомъ полѣ, такая простая и ясная по своей тактикѣ, что могла бы служить школьнымъ примѣромъ, и въ то же время глубоко жизненная. Въ то самое время, когда въ Версали провозглашена была германская имперія, нѣмецкіе солдаты сражались рядомъ,—баденцы бокъ-о-бокъ съ пруссаками, шлезвигцы съ прирейнцами и съ саксонцами,—прекрасное проявленіо завоеваннаго единства.

Съ пылающими щеками сидѣлъ Реймерсъ надъ книгой. Это былъ моментъ высшаго торжества военнаго могущества Германіи. На сѣверѣ прирейнскія войска достигли зимнихъ волнъ канала, на востокѣ померанскіе полки привѣтствовали швейцарскій пограничный кордонъ.

Гдѣ же во всемъ мірѣ можно найти народъ болѣе богатый побѣдами и славой?!

Въ ближайшіе дни Реймерсъ дѣлалъ визиты полковымъ дамамъ.

Скучновато было выслушивать все одни и тѣ же вопросы, но зато онъ могъ твердо убѣдиться въ томъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ время безсильно. Конечно, въ нѣсколькихъ случаяхъ молодыя жены превратились въ молодыхъ матерей, но большая часть полковыхъ дамъ по старому царили въ своихъ солидныхъ и комфортабельныхъ домашнихъ владѣніяхъ. Самое большее, если та или другая попыталась, не всегда съ одинаковымъ успѣхомъ, подчиниться модѣ, требовавшей теперь худощавости.

Разговоры повторялись почти буквально въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, любопытство у всѣхъ достигало одинаковой степени. Только капитанша Гейчкель, предсѣдательница отдѣленія «КраснагоКреста»,разспрашивала больше объ уходѣ за ранеными, а предсѣдательница отдѣла внутренней миссіи, капитанша Вегштетенъ, освѣдомлялась, главнымъ образомъ, о томъ, дѣйствительно ли буры такъ благочестивы.

Это однообразіе интересовъ явилось до нѣкоторой степени результатомъ естественнаго подбора. Большинство офицеровъ были очень осторожны въ выборѣ женъ, и это привело къ трогательному единодушію среди полковыхъ дамъ. Оно сказывалось даже въ нѣсколько холодномъ и вычурномъ убранствѣ ихъ квартиръ.

Только двѣ дамы составляли исключеніе изъ этого общаго типа, капитанши фонъ-Стукартъ и фонъ-Гропхузенъ.

Капитанша фонъ-Стукартъ, урожденная фонъ-Браахе, слыла высокомѣрной. И совершенно несправедливо! Она просто не могла при всемъ желаніи

войти въ кругъ интересовъ остальныхъ дамъ. Дѣвушкой она нѣсколько лѣтъ подрядъ готовилась вступить въ женскій монастырь, какъ вдругъ къ ней посватался Стукартъ, ея дальній родственникъ. Въ глубинѣ души она до сихъ поръ раскаивалась, что уступила тогда минутному влеченію къ свѣтской жизни. Она считала, что своимъ замужествомъ ограбила церковь, и совѣсть ея страдала подъ гнетомъ этого грѣха.

Она не могла найти ничего общаго съ другими дамами, не понимала ихъ интересовъ, отдѣленная отъ нихъ и воспитаніемъ, и религіей. Когда она, уступая требованіямъ общественныхъ приличій, приглашала ихъ на чашку кофе, она сидѣла среди своихъ гостей, точно существо изъ другого міра, худощавая и блѣдная, всегда одѣтая во все темное, съ скромной наколкой на гладко причесанныхъ черныхъ волосахъ,—между всѣми этими розовыми, бѣлокурыми, веселыми женщинами въ свѣтлыхъ костюмахъ.

Эти собранія нагоняли трепетъ на полковыхъ дамъ, маіорша Лишке, высказывавшаяся по праву старшинства наиболѣе рѣшительно, называла ихъ «тошнотворными», а хозяйку «неповоротливой индюшкой», но тѣмъ не менѣе отъ времени до времени появляться на нихъ было необходимо.

У капитанши Гропхузенъ было гораздо веселѣе. Иногда трудно было разобрать, не смѣется ли она надъ собесѣдникомъ, но зато отъ нея всякій уносилъ домой цѣлый коробъ новостей.

По внѣшности Гропхузены представляли прекрасно подобранную пару. Онъ молодой человѣкъ, стройный и гибкій, средняго роста, съ тонкими, точно выточенными чертами лица, блѣдный, съ живыми глазами и темными волнистыми волосами, она—одна изъ тѣхъ нѣжныхъ блондинокъ, которыя напоминаютъ замороженное шампанское, изящная фигурка, съ граціозными движеніями, съ маленькимъ задорнымъ носикомъ на прелестномъ лицѣ и синими глазами подъ темными бровями.

Первое время послѣ свадьбы влюбленность ихъ не знала предѣловъ, но какъ только первое пламя перегорѣло, Гропхузенъ вернулся къ своимъ прежнимъ привычкамъ.

Это былъ, говоря правду, настоящій развратный гуляка. Уже женатымъ человѣкомъ онъ цѣлыми недѣлями проводилъ всѣ ночи напролетъ въ столицѣ, домой онъ возвращался съ утреннимъ поѣздомъ. У него, должно быть, были стальные нервы, такъ какъ на службѣ это не отзывалось ни малѣйшимъ образомъ,—съ этимъ даже враги не могли не согласиться. Притомъ онъ былъ несомнѣнно человѣкъ съ головой, да еще и талантливый. Онъ былъ художникъ-любитель и особенно хорошо писалъ лошадей, такъ что знатоки совѣтывали ему даже смѣнить шпагу на кисть и палитру. Но онъ пока не рѣшался на это.

Въ его квартирѣ была устроена мастерская. Иногда въ мундирѣ и каскѣ онъ забѣгалъ туда сдѣлать еще нѣсколько мазковъ. Зато если что-нибудь не удавалось ему, онъ выхватывалъ шпагу, съ яростью набрасывался на свою картину и тыкалъ въ нее до тѣхъ поръ, пока отъ нея не оставались одни клочья. Послѣ такого припадка онъ цѣлыми недѣлями не бралъ въ руки кисти.

Неуравновѣшенный во всѣхъ своихъ поступкахъ, онъ проявлялъ послѣдовательность только въ разгулѣ. Онъ былъ очень богатъ и могъ удовлетворять почти всѣмъ своимъ причудамъ. О его подвигахъ на этомъ поприщѣ ходили чудовищные слухи, между прочимъ разсказывали, будто бы онъ разъ заставилъ пятьдесятъ голыхъ танцовщицъ протанцовать передъ нимъ балетъ. Возможно, что многіе изъ этихъ слуховъ были преувеличены.

Во всякомъ случаѣ, на свою молодую жену онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія.

Анна Гропхузенъ съ своей стороны тоже занималась невиннымъ флиртомъ, и мало-по-малу о ней стало ходить не меньше сплетенъ, чѣмъ о ея мужѣ. Но въ этомъ случаѣ сплетники брали не малую долю грѣха на душу,—ни въ чемъ серьезномъ молодую женщину нельзя было упрекнуть.

Къ собственному удивленію Реймерсъ

чувствовалъ всегда больше тяготѣнія къ этимъ двумъ дамамъ, не подходившимъ подъ общій уровень, чѣмъ ко всѣмъ остальнымъ. Онъ самъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета—почему. Онъ только смутно чувствовалъ, что есть что-то общее въ положеніи этихъ дамъ и въ его собственномъ. И онъ, и онѣ обѣ были не такіе, какъ всѣ.

Капитаншу Стукартъ онъ—единственный изъ всѣхъ офицеровъ,—посѣщалъ даже охотно. Она никогда не говорила пошлостей, она предпочитала совсѣмъ молчать, и, кромѣ того, въ ней было всегда стремленіе къ пропагандѣ своихъ идей. Реймерсъ съ удовольствіемъ слушалъ, когда она тихимъ голосомъ восхваляла ему высокую благодать католической религіи. Онъ былъ, конечно, застрахованъ противъ ея попытокъ, но съ удовольствіемъ испытывалъ чувство мирнаго успокоенія, которымъ было проникнуто все существо этой женщины.

Анна Гропхузенъ интересовала его. Она слыла легкомысленной и поверхностной, но онъ не хотѣлъ согласиться съ этимъ. Въ ея легкомысліи и поверхностности чувствовалась какая-то система и преднамѣренность. Скорѣе другихъ можно было назвать наивными и искренно легкомысленными, и прежде всего трехъ самыхъ молодыхъ дамъ, двухъ Кейль, рожденныхъ Меллеръ, и одну Меллеръ, рожденную Кейль. Онѣ беззаботно веселились и рѣзвились всю жизнь, точно молодые телята на лугу.

Оба эти визита Реймерсъ намѣренно отложилъ подъ конецъ. Но капитанша Стукартъ куда-то уѣхала, а когда онъ подалъ свою карточку у Гропхузеновъ, деньщикъ сказалъ ему, что барыня нездорова, но что онъ все-таки попробуетъ доложить.

Реймерсу стало досадно, и онъ хотѣлъ уже уходить, но въ эту минуту канониръ вернулся и объявилъ, что «барыня просятъ».

Онъ повелъ Реймерса по корридору и шепотомъ сообщилъ ему, что «барыня изволятъ быть въ своей комнатѣ».

Реймерсъ вошелъ въ небольшую комнату съ опущенной занавѣской на единственномъ окнѣ. Анна Гропхузенъ приподнялась на низкой кушеткѣ. На ней былъ широкій шелковый капотъ, а ноги были прикрыты легкимъ одѣяломъ.

— Добро пожаловать, господинъ лейтенантъ,—сказала она и протянула ему руку.

Реймерсъ почтительно поклонился и поцѣловалъ кончики пальцевъ.

Послѣ этого молодая женщина снова откинулась на спинку и молча провела рукой по лбу.

— Я, дѣйствительно, не совсѣмъ хорошо себя чувствую,—сказала она,—но не принять васъ мнѣ не хотѣлось. Нѣтъ, нѣтъ, вы должны остаться!—сказала она, замѣтивъ, что Реймерсъ сдѣлалъ движеніе, чтобы тотчасъ же откланяться. — Садитесь, садитесь, это сейчасъ пройдетъ.

Реймерсъ сѣлъ на стулъ и окинулъ бѣглымъ взглядомъ комнату. Широкая кушетка наполняла ее почти всю, только у окна стоялъ дамскій письменный столъ да нѣсколько стульевъ. Надъ кушеткой висѣла единственная картина: «Голубой мальчикъ» Гайнсборо.

Между тѣмъ, хозяйка немного оправилась. Болѣзненная улыбка освѣтила ея блѣдное, красивое личико, и она повторила тихимъ голосомъ.

— Нѣтъ, право, мнѣ очень хотѣлось увидѣть васъ!

Она приподняла колѣни подъ одѣяломъ и положила на нихъ руки. Всѣ ея движенія казались удивительно естественными. Въ манерахъ ея не было ни тѣни кокетства. Она еще разъ протянула Реймерсу руку и прибавила:

— Васъ—борца за свободу буровъ!— Потомъ она оперлась подбородкомъ на руки и продолжала.—Теперь вы должны мнѣ объяснить, почему собственно вы вступились за буровъ?

Реймерсъ собирался отвѣчать, но она опять перебила его.

— Нѣтъ! Я буду предлагать вамъ вопросы. Подождите! Ну, слушайте—изъ страсти къ приключеніямъ?

— Нѣтъ. По крайней мѣрѣ, это не совсѣмъ подходящее выраженіе. Отчасти я, дѣйствительно, хотѣлъ провѣрить на дѣлѣ свое призваніе. Но и это была не главная причина.

— Ну, такъ стремленіе къ славѣ?

Невольно Реймерсъ забылъ свое намѣреніе отвѣчать уклончиво и сказалъ прямо:

— Нѣтъ. Опять не то. Для себя лично я ничего не желалъ. Самое большее—испытать, гожусь ли я въ дѣло.

— Но и это была не главная причина?

— О, нѣтъ!

— Значитъ, возмущеніе противъ сильнаго, угнетающаго слабаго.

Реймерсъ помолчалъ одну минуту. Потомъ онъ отвѣтилъ.

— Можетъ быть, и это. Но тутъ примѣшалось еще кое-что, прежде всего тоска, и потомъ... я хотѣлъ рѣшить окончательно, буду я жить или нѣтъ. Быть больнымъ я не хотѣлъ больше.

— Но самой основной причиной, самой главной было все-таки чувство справедливости, не правда ли?

— Ну, да.

Анна Гронхузенъ медленно откинулась на спинку. Она въ третій разъ протянула Реймерсу руку.

— Я такъ всегда радуюсь, когда узнаю, что еще есть такіе люди. А особенно, когда я сама ихъ встрѣчаю!

Реймерсъ нѣсколько секундъ удержалъ ея руку въ своей. Это была тонкая, почти худощавая рука, съ узкими пальцами. Глядя на нее, онъ вспомнилъ нѣжныя руки матери.

Почтительно поднесъ онъ къ губамъ тонкіе пальцы и всталъ.

Анна Гронхузенъ не удерживала его.

— Пожалуй, такъ будетъ лучше для меня,—сказала она усталымъ голосомъ.

Когда онъ уже подходилъ къ дверямъ, она прибавила еще:

— Но все-таки я была очень рада видѣть васъ, — и она дружески кивнула ему.

Нѣсколько времени она пролежала съ закрытыми глазами, снова проводя своей красивой, блѣдной рукой по юному бѣлому лбу, на которомъ уже начинала намѣчаться бороздка.

На крыльцѣ Реймерсъ остановился и сталъ съ задумчивымъ видомъ застегивать перчатки.—Смѣшно право, именно та женщина, отъ которой всѣ они втайнѣ сторонились, внушала ему наибольшее уваженіе.

Особенно послѣ сегодняшняго посѣщенія. Ей одной онъ отвѣчалъ откровенно, и хотя они обмѣнялись всего какимъ-нибудь десяткомъ фразъ, между ними не осталось ничего недоговореннаго.

Онъ чувствовалъ, что есть что-то родственное въ ихъ душахъ; оба они мечтали о великомъ и прекрасномъ въ жизни. Несчастная женщина потерпѣла крушеніе въ самомъ великомъ и прекрасномъ, что она видѣла въ жизни,—въ своей любви; но передъ нимъ, мужчиной, надъ всѣмъ его бѣднымъ личнымъ существованіемъ, освѣщая и заслоняя его, стояло непоколебимо самое великое и прекрасное въ жизни—его родина, Германія.

Въ полусвѣтѣ той комнаты имъ овладѣло какое-то ощущеніе, точно смутное предчувствіе, что и его личная судьба повернется такъ же, какъ судьба этой блѣдной женщины, но онъ постарался прогнать эту мрачную тѣнь.

Его звѣзда не мѣняла окраски, она была не такъ измѣнчива, какъ колеблющіяся настроенія человѣка,—его звѣзда свѣтила, равномѣрно освѣщая и согрѣвая, и стояла непоколебимо, какъ солнце.

IV.

„Былъ у меня товарищъ,
Товарищъ дорогой".
(Уландъ)

Въ первыхъ числахъ декабря унтеръ-офицеръ Вигандъ сталъ замѣчать иногда во время ученья, что новобранцы пріобрѣтаютъ понемногу солдатскую выправку. Въ казармѣ, послѣ службы онъ позволялъ себѣ даже изрѣдка сказать имъ одобрительное словечко.

Вечеромъ, одѣваясь передъ уходомъ

изъ казармы, подпоясывая саблю, надѣвая фуражку и расчесывая передъ зеркаломъ свою бороду, онъ говорилъ имъ:

— Ребята, сегодня я былъ вами доволенъ. Я разскажу объ этомъ моей Фридѣ.

Новобранцы сочувственно ухмылялись. Они полюбили своего унтеръ-офицера. Онъ не давалъ спуску на ученьи и держалъ ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ, но въ чемъ можно, онъ все-таки дѣлалъ имъ облегченія,—онъ чередовалъ самое трудное съ болѣе легкимъ и не мучилъ ихъ подолгу надъ наиболѣе утомительными упражненіями.

Его взводъ никогда не стоялъ нѣсколько минутъ подрядъ, согнувъ колѣна, какъ ѣздовые Гепнера. Кромѣ того, у него, при всей его грубости, была въ характерѣ черта искренняго добродушія. Она сказывалась въ томъ истинно товарищескомъ тонѣ, какимъ онъ старался послѣ ученья растолковать что-нибудь наиболѣе безтолковымъ.

Особенно Инославскій, попавшій ѣздовымъ въ отдѣленіе вице-вахмистра, былъ очень многимъ ему обязанъ.

Полякъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими своими соотечественниками, бралъ уроки нѣмецкаго языка и дѣлалъ порядочные успѣхи. Но онъ скоро замѣтилъ, что къ нему относились много снисходительнѣе, когда онъ могъ дѣлать видъ, что рѣшительно ничего не понимаетъ и прикидывался глупѣе, чѣмъ былъ въ дѣйствительности. Тогда ему сходили съ рукъ даже небольшія дерзости, за которыя другого не погладили бы по головкѣ.

Какъ только Вигандъ заговаривалъ о своей Фридѣ, Инославскій съ лукавой миной указывалъ на себя и нѣжнымъ голосомъ произносилъ: «Маруська!». При этомъ онъ прижималъ руку къ сердцу и складывалъ свои толстыя губы, какъ для поцѣлуя.

Маруська была работницей въ томъ помѣстьи, гдѣ полякъ служилъ послѣднее время, занималась она главнымъ образомъ, заготовленіемъ въ прокъ свиного сала. Фрида же была славная веселая дѣвушка, работавшая на фабрикѣ и откладывавшая каждый грошъ, чтобъ поскорѣе сколотить сумму, необходимую для свадьбы.

Вигандъ, несмотря на свою воинственную внѣшность, былъ очень нѣжнымъ влюбленнымъ. Онъ охотно присоединялъ къ ея сбереженіямъ и свои экономіи, отказываясь ради этого отъ кружки пива вечеромъ. Вмѣсто того онъ шелъ гулять со своей милой и цѣловалъ ее безчетное число разъ.

— Это слаще пива,—говорилъ онъ при этомъ,—и ни гроша не стоитъ!

Кромѣ ихъ любви, у влюбленной парочки было не много темъ для разговоровъ, и поэтому Вигандъ разсказывалъ своей милой все про службу и про рекрутовъ, и мало-по-малу Фрида изучила ихъ всѣхъ поименно, со всѣми ихъ особенностями. Въ концѣ концовъ она стала относиться къ нимъ даже съ нѣкоторымъ интересомъ. Больше всего заинтересовала ее судьба Фрилингхаузена. Сострадательная маленькая работница находила въ ней нѣчто общее съ исторіей какого-нибудь заколдованнаго принца, и ей доставляло чрезвычайное удовольствіе возбуждать ревность легковѣрнаго Виганда. Кончалось дѣло всегда звонкими поцѣлуями и увѣреніями, что все-таки онъ, Вигандъ, всѣхъ красивѣе и всѣхъ милѣе.

Но поляка она раскусила раньше всѣхъ.

— Отто, онъ тебя дурачитъ,—говорила она. Фрида была недавно переведена сюда съ главной фабрики въ рейнскихъ провинціяхъ.

Вскорѣ послѣ этого Отто рѣзко оборвалъ Инославскаго, когда тотъ заговорилъ о своей Маруськѣ, но полякъ скорчилъ такую невинно-удивленную мину, что Вигандъ, гуляя вечеромъ со своей возлюбленной, сказалъ ей:

— Знаешь, Фридхенъ, насчетъ Инославскаго-то ты, право, ошиблась. Онъ попросту глупъ.

Когда унтеръ-офицеръ оставлялъ свой постъ, старшимъ въ девятой казармѣ оставался Фрилингхаузенъ. Такъ распорядился вахмистръ, для того чтобы молодой человѣкъ пріучался понемногу нести на себѣ нѣкоторую долю отвѣтственности.

Обязанность эта была не изъ трудныхъ.

По вечерамъ ни у одного изъ рекрутовъ не было ни малѣйшей охоты производить шумъ или безпорядокъ. Къ концу дня всѣ они уставали, какъ собаки. Цѣлый день съ утра до вечера былъ занятъ разными видами служебныхъ занятій, а въ свободные часы приходилось подумать о починкѣ и чисткѣ всей амуниціи. Послѣ вечерней уборки въ конюшняхъ всякій съ наибольшимъ удовольствіемъ отправился бы на чердакъ и завалился спать, но это не разрѣшалось ранѣе девяти часовъ.

Осмотрѣвъ свои вещи, они сидѣли на скамьяхъ вокругъ столовъ и большинство спало, положивъ голову на столъ. Изрѣдка только тотъ или другой принимался царапать записку домой. Когда приходило время ложиться спать, никто не медлилъ, полусонные брели они другъ за другомъ по лѣстницѣ.

Служба ложилась не одинаковымъ бременемъ на всѣхъ.

Фохтъ и Вейзе освоились съ ней раньше другихъ. Оба они были сильные, здоровые молодцы, не обиженные умомъ, такъ что и «словесность» шла у нихъ не хуже, чѣмъ гимнастика или пѣшее артиллерійское ученье. Быть внимательнымъ и ловкимъ—въ этомъ заключался весь секретъ успѣха.

Инославскій оказался вполнѣ порядочнымъ ѣздовымъ. Онъ очень быстро перенялъ у «стариковъ» всѣ увертки, съ помощью которыхъ можно обходить начальниковъ во время службы при лошадяхъ. Но въ пѣшемъ ученьи онъ былъ изъ рукъ вонъ плохъ. Тутъ онъ особенно часто пользовался своимъ незнаніемъ языка и почти что дразнилъ унтерофицеровъ, прикидываясь, что ничего не понимаетъ. Объяснить ему что-нибудь можно было только жестами. Онъ замѣчалъ, что это возвышаетъ его въ глазахъ товарищей и все шире пользовался своимъ преимуществомъ. Особенно охотно продѣлывалъ онъ штуки надъ вице-вахмистромъ. Когда тотъ, приведенный въ отчаянье безтолковымъ полякомъ, хватался руками за голову, Инославскій тщательно воспроизводилъ его жестъ, какъ будто дѣло шло о новомъ видѣ упражненій. При этомъ онъ съ безмятежнымъ лицомъ смотрѣлъ на взбѣшеннаго Гепнера и только, когда тотъ хваталъ его за руки, у него мелькала на губахъ легкая улыбка.

Хуже всего приходилось Трухзесу—пивовару, писцу Клицингу и Фрилингхаузену.

Правда, пивоваръ былъ здоровый, кряжистый человѣкъ, но медлителенъ онъ былъ изъ рукъ вонъ. Клицингъ, наоборотъ, былъ слишкомъ слабъ для всѣхъ этихъ упражненій. Когда ему приходилось быть «третьимъ» во время упражненій съ орудіемъ, онъ не въ силахъ былъ приподнять лафетъ; въ качествѣ «пятаго» онъ не могъ направить дышло передка. Во время гимнастики онъ висѣлъ какъ мертвый на трапеціи и даже во время маршировки съ трудомъ держался прямо.

Когда Фохтъ совѣтовалъ ему сказаться больнымъ, онъ отказывался.

— Нѣтъ, нѣтъ, въ лазаретъ я не пойду. Ни за что!

— Да почему же? спрашивалъ Фохтъ.

— Мнѣ не хочется,—отвѣчалъ писецъ, а когда Фохтъ началъ приставать къ нему съ этимъ, онъ прибавилъ еще:

— Видишь ли, Фохтъ, тебѣ я могу это сказать. Я не выйду оттуда. Я тамъ и умру.

И онъ продолжалъ съ страдальческой улыбкой:

— Все равно, что будетъ потомъ, но въ лазаретъ я не хочу.

Фрилингхаузенъ былъ, въ сущности, ловкій юноша, съ молодыми, гибкими членами, но во всемъ его существѣ было что-то нескладное, поверхностное. Конечно, онъ всегда первый понималъ, чего отъ нихъ требуютъ, но выполнять все съ мельчайшей пунктуальностью, не отступая ни на волосъ отъ предписанія, онъ былъ не въ состояніи. У него не укладывалось въ головѣ, что въ этомъ дѣлѣ «какъ» важнѣе, чѣмъ «что». Какая можетъ быть разница, начать ли прыжокъ съ правой или съ лѣвой ноги, дернуть запальный шнуръ правой или лѣвой рукой? Важно было такъ или

иначе перескочить черезъ веревку или произвести выстрѣлъ.

Несмотря на самое искреннее стараніе, онъ постоянно выслушивалъ замѣчанія, то и дѣло во время ученья раздавалось его имя, и это приводило его въ бѣшенство. Во всемъ, гдѣ надо было брать памятью и соображеніемъ, онъ, конечно, далеко опережалъ товарищей. Заучиванье разнаго рода инструкцій и запоминаніе взаимоотношеній разныхъ частей орудія и снарядовъ было дѣтской игрой для его памяти, несравненно болѣе развитой, чѣмъ у остальныхъ, несмотря на всю его лѣность и безпечность во время школьной жизни. Тогда ему приходилось заучивать сотни стиховъ изъ Одиссеи, что же для него теперь значило запомнить части замка или пушечнаго дула!

Непосредственно за нимъ шелъ Клицингъ. Слабосильный писецъ проявилъ одно свойство, пожалуй, даже непонятное въ виду его прежней профессіи, но чрезвычайно цѣнное теперь въ артилерійской службѣ,—у него оказался изумительно вѣрный глазъ. Въ одну минуту схватывалъ онъ цѣль и безошибочно наставлялъ прицѣлъ.

Вигандъ скоро оцѣнилъ это качество, и въ его мнѣніи вѣрность глаза Клицинга перевѣсила даже остальные недочеты, считавшіеся за нимъ. Только Ландсбергъ, непосредственный начальникъ надъ рекрутами, по прежнему считалъ Клицинга козломъ отпущенія.

Во время ученья Ландсбергъ стоялъ обыкновенно со скучающимъ видомъ въ сторонѣ и разсматривалъ свои сапоги, заказанные по образцу сапогъ Реймерса. Только когда гдѣ-нибудь вблизи появлялся Вегштетенъ, въ немъ просыпалось вниманіе къ рекрутамъ. Онъ бросался ко взводу унтерофицера Виганда и каждый разъ принимался пробирать на всѣ корки Клицинга, этого «слюнтяя», эту «розсомаху».

Всякій разъ онъ угрожалъ несчастному сверхурочнымъ ученьемъ, но никогда не приводилъ своей угрозы въ исполненіе, ему самому пришлось бы, вѣдь, присутствовать при этомъ ученьи.

Наконецъ, Реймерсъ, командовавшій во время краткаго отпуска капитана батареей, прекратилъ этотъ дешевый видъ спорта.

— Скажите, Ландсбергъ, разспрашивали вы когда-нибудь унтерофицера Виганда про этого злополучнаго Клицинга?

— Нѣтъ, господинъ лейтенантъ,— отвѣчалъ Ландсбергъ.

Реймерсъ подозвалъ Виганда.

— Что за исторія, съ этимъ Клицингомъ?—спросилъ онъ.

— Извините, ваше благородіе, онъ старается изо всѣхъ силъ, но только, сдается мнѣ, онъ слишкомъ слабъ.

— Хорошо, Вигандъ, ступайте,— отпустилъ его Реймерсъ. Потомъ онъ строго оффиціальнымъ тономъ обратился къ Ландсбергу:—я надѣюсь, Ландсбергъ, вы оставите его теперь въ покоѣ. Не правда-ли?

Ландсбергъ пробормоталъ:

— Слушаю-съ,—и сталъ выбирать себѣ другую жертву.

— Финдезенъ!—кричалъ онъ теперь на всю площадь, завидѣвъ Вегштетена.—Чего вы горбитесь?—Онъ подбѣгалъ къ тому, хваталъ его за плечи и старался выпрямить:

— Вотъ какъ надо стоять! Понимаете? Плечи назадъ, грудь впередъ!..

Съ теченіемъ времени рекруты девятой казармы тѣснѣе сближались между собой. Появилось чувство товарищества, а на почвѣ его между нѣкоторыми изъ нихъ завязывалась и болѣе сердечная дружба.

Сходились по большей части люди совершенно непохожіе другъ на друга.

Если вечеромъ истомленное тѣло пивовара выдерживало борьбу со сномъ, толстякъ присосѣживался обыкновенно къ Листингу, беззаботному бродягѣ и забулдыгѣ. Качая головой, слушалъ онъ разсказы того о бездомной жизни, о чудныхъ ночахъ гдѣ-нибудь на привольѣ подъ звѣзднымъ небомъ или въ лѣсу подъ букомъ, въ вѣтвяхъ котораго кричитъ сова. Бывали зато и отвратительныя ночи, дождливыя, холодныя,—неприютныя осеннія ночи. Приходилось тогда вытащить откуда-нибудь изъ скирда пару сноповъ и забраться, при-

крывшись ими, въ какую-нибудь яму, куда протекаетъ несносный дождь и пробирается холодный осенній вѣтеръ.

Тутъ пивоваръ хлопалъ его своей жирной рукой по колѣну и спрашивалъ:

— А вѣдь радъ ты, небось, землякъ, какъ залѣзешь теперь на сухую подстилку?

Но Листингъ отвѣчалъ:

— Ну, нѣтъ! Какое! Эхъ ты! Конечно, можетъ, потомъ и привыкну. А все-таки на волѣ другой разъ куда лучше спалось! Бывало, конечно, и хуже.

Фохтъ скоро разобрался въ своихъ товарищахъ.

Лучше всѣхъ былъ, конечно, Клицингъ. Этотъ всѣхъ ихъ за поясъ заткнетъ. Геройское мужество, съ какимъ писецъ выполнялъ непосильную работу, наполняло Фохта почтительнымъ уваженіемъ. Добрый малый всегда былъ готовъ придти на помощь падающему отъ усталости бѣднягѣ.

Въ обѣдъ, когда Клицингъ не могъ держаться на ногахъ послѣ ученья, Фохтъ всегда бралъ его миску и приносилъ ему поѣсть въ сборную. Очень часто онъ по дорогѣ перекладывалъ въ чашку Клицинга и свою порцію мяса. Онъ чистилъ ему амуницію и подавалъ фуражку, когда пора было выходить на вечернее ученье.

— Идемъ, Клицингъ, ишь какой ты сталъ красивый! — пытался онъ шутить.—Теперь мы будемъ молодцами.

Клицингъ собирался съ духомъ и, побѣждая ноющую боль въ членахъ, тащился съ лѣстницы и становился въ шеренгу.

Только вечеромъ кончались заботы Фохта о немъ, и каждое утро возобновлялись снова. Это одновременно и радовало Клицинга, и приводило его въ смущеніе; онъ пытался отклонить услуги Фохта, но тотъ съ добродушной грубоватостью продолжалъ ихъ оказывать. Въ концѣ концовъ Клицингъ подчинялся; такъ или иначе, разсуждалъ онъ, о всякомъ ребенкѣ заботится какая-нибудь мать. Онъ же никогда не зналъ своихъ родителей, они рано умерли, и онъ попалъ пріемышемъ въ семью дальнихъ родственниковъ.

Фохтъ также смотрѣлъ на него немножко какъ на ребенка, или, скорѣй, какъ на младшаго брата. Такія отношенія вполнѣ соотвѣтствовали его самостоятельному характеру, именно это-то и было ему нужно, да и помимо того Клицингъ былъ отличный малый, много лучше, чѣмъ веселый и угодливый Вейзе.

Вейзе старался, чтобъ всѣ его полюбили, но не трудно было замѣтить, что самъ-то онъ ни къ кому особенно не привязывался. Кромѣ того, онъ говорилъ всегда какъ-то на-двое, неувѣренно, даже когда около нихъ не было никого посторонняго.

Разъ утромъ во время умыванья чуть было даже не вышло ссоры съ нимъ. Фохтъ замѣтилъ у него на рукѣ какіе-то знаки и хотѣлъ разобрать, что тамъ такое нататуировано. Вейзе съ силою сталъ вырываться, но Фохтъ успѣлъ прочесть на внутренней сторонѣ руки слова: «Свобода, равенство и братство», окруженныя разорванной цѣпью и огненнымъ вѣнцомъ.

Дома отецъ никогда не говорилъ съ нимъ о политикѣ, но настолько-то Фохтъ все-таки и самъ умѣлъ разобраться въ этихъ дѣлахъ: онъ сразу смекнулъ, что это за татуировка, значитъ, Вейзе былъ соціалъ-демократомъ! Ну, это еще не большая бѣда. Дома, въ деревнѣ было множество соціалъ-демократовъ, главнымъ образомъ, съ большихъ фабрикъ на рѣкѣ, и всѣ они были славные ребята. На военной-то службѣ это, конечно, строго запрещается, ну, ужъ тутъ Вейзе долженъ, конечно, держать ухо востро...

Тамъ, на родинѣ у Вейзе, дѣла стояли, вѣроятно, такъ же, какъ и въ ихъ сторонѣ. У нихъ тамъ все были горные да фабричные рабочіе. Вѣрно это же самое его и съ Вольфомъ связывало, съ этимъ худымъ и угрюмымъ канониромъ прошлогодняго набора. Изрѣдка гдѣ-нибудь въ корридорѣ или въ сѣняхъ Вейзе обмѣнивался съ нимъ нѣсколькими словами, но какъ только вблизи слышались шаги, онъ моментально исчезалъ.

Въ сущности, до всего этого Фохту не было рѣшительно никакого дѣла. Очень ему нужно подслушивать, о чемъ они тамъ шепчутся, хотя бы и о запрещенномъ,—онъ вѣдь солдатъ, а не шпіонъ. Объ татуировкѣ онъ тоже скоро забылъ. Разъ только у него мелькнула мысль о ней,—во время присяги. Вейзе клялся въ вѣрности королю и поднималъ вверхъ правую руку, на которой былъ выжженъ революціонный девизъ. Рукавъ спустился немного внизъ, и первыя буквы «братства» были ясно видны.

Это, конечно, не совсѣмъ-то подходило одно къ другому. Но потомъ Фохтъ подумалъ: «А что же было дѣлать Вейзе? Поневолѣ приходилось хитрить. Вѣдь еслибъ онъ отказался присягнуть подъ знаменемъ, его бы просто-на-просто посадили въ тюрьму. Выходитъ, эта присяга, которую Вейзе приносилъ неискренно, была, въ сущности, вынужденная присяга, и онъ, и Финдезенъ, и многіе другіе принимали ее не по доброй волѣ».

* * *

На Рождество большая часть старыхъ солдатъ отправилась въ отпускъ. Для оставшихся въ VIII казармѣ зажгли елку, подъ которой для каждаго была приготовлена какая-нибудь мелочь—карманный ножъ, мундштукъ для сигаръ, деревянная трубка и, сверхъ того, по парѣ сигаръ. Только для Листинга, который все еще былъ плохъ насчетъ мытья, кромѣ сигаръ, былъ положенъ большой кусокъ мыла. Около елки стояла изрядная бочка пива.

Но еще до батарейнаго праздника большая часть новобранцевъ получила неожиданную радость. Ординарецъ, ходившій за почтой передъ праздникомъ, предусмотрительно захватилъ съ собой ручную тележку и привезъ ее обратно, переполненную разными ящиками и свертками. Солдаты столпились вокругъ вахмистра, и каждый насторожилъ уши,—нѣтъ ли тутъ и для него чего-нибудь.

Клицингъ стоялъ въ сторонѣ. Ему здѣсь ждать нечего. Вдругъ и его вызвали. Ему тоже подали ящичекъ, и, право, далеко не легенькій,—такъ и оттянулъ руку, когда онъ взялъ его. Онъ подумалъ было, что это ошибка, но нѣтъ, кому же можетъ быть, какъ не ему—«канониръ Генрихъ Клицингъ изъ 6-й батареи Остерландскаго артиллерійскаго полка, № 80», какъ сказано на адресѣ, вѣдь это онъ самый, никто другой. Онъ взглянулъ на подпись отправителя,—Фридрихъ-Августъ Фохтъ. А на оборотной сторонѣ было еще приписано: «Лучшему другу моего сына къ празднику».

Писецъ пошелъ въ комнату, гдѣ Фохтъ уже раскупоривалъ свою посылку, и показалъ ему подпись. Говорить онъ не могъ, глаза у него были полны слезъ, онъ только пожалъ руку товарищу.

Но Фохтъ весело вскричалъ:

— Ишь что придумалъ старикъ! Молодецъ! Ну, что-жъ? Онъ это можетъ!

Когда онъ принялся разсматривать подарки, колбасы, печенья и теплую шерстяную фуфайку, ему показалось даже, что отецъ одарилъ товарища щедрѣе, чѣмъ его самого. На днѣ его собственнаго ящика нашлось и письмо.

Отецъ писалъ:

«Милый мой сынъ!

«Посылаю тебѣ при этомъ кой-какіе подарочки къ празднику. Я думаю, что сдѣлалъ я какъ слѣдуетъ,—половину того, что я собирался послать тебѣ, я отправилъ твоему товарищу и другу Клицингу, про котораго ты мнѣ часто писалъ. Ты знаешь, я самъ былъ сиротой, и я отлично понимаю, какъ у него должно быть порой на душѣ. А, вѣдь, у меня была еще сестра, у него же никого нѣтъ! Желаю тебѣ весело встрѣтить праздникъ. Будь здоровъ.

«Любящій тебя отецъ Фридрихъ-Августъ Фохтъ».

Фохтъ сложилъ письмо. Конечно, отецъ разсудилъ правильно.

Радость Клицинга доставила ему, пожалуй, самое большое удовольствіе изо всего праздника.

Фрилингхаузенъ тоже читалъ письмо,—глаза у него сверкали, и все лицо горѣло. Въ его рукахъ было прощенье матери, и любовь, дрожавшая въ каждомъ ея словѣ, проливала успокоеніе и отраду въ его сердце, и возбуждала въ немъ упавшее мужество.

*

Послѣ вечерней уборки въ конюшнѣ, когда начался батарейный праздникъ, онъ не долго оставался въ шумномъ кругу товарищей. Онъ сидѣлъ за столомъ у одинокой лампы и наполнялъ страницу за страницей пламенными самообличеніями, торжественными увѣреніями въ вѣчной благодарности и въ окончательномъ исправленіи.

За писаньемъ ему стало жарко, онъ открылъ окно и залюбовался ясной и свѣтлой зимней ночью.

Мать писала: «Я не знаю, какъ я переживу канунъ праздника. Когда я вспомню, что было всего годъ тому назадъ...»

А онъ! когда онъ вспоминалъ объ этомъ!

Черезъ дворъ слышался хоръ грубыхъ голосовъ, затянувшихъ рождественскую пѣснь. Онъ оглянулся на пустынную, непривѣтливую комнату, но невольно взглядъ его снова обратился къ окну. Какая тишина! Какая мирная картина, залитая мягкимъ бѣлымъ свѣтомъ, и звѣздное небо надо всѣмъ!

Онъ слегка вздрогнулъ отъ холода, подошелъ къ столу и прибавилъ еще приписку къ своему письму.

Онъ писалъ:

«Милая, милая, дорогая мама, какъ безконечно я тебѣ благодаренъ, что ты простила меня, я не могу тебѣ этого высказать сразу, я долженъ повторять это тебѣ много, много разъ. Клянусь тебѣ, что теперь ты будешь все больше и больше довольна мной. Гордиться мной тебѣ наврядъ ли когда-нибудь придется, пока я здѣсь. Но одному, я думаю, ты можешь повѣрить, — тому, что и мнѣ въ этотъ праздничный вечеръ не весело. Я счастливъ,—да, потому что ты меня простила, но мнѣ не весело, моя милая, милая, бѣдная мамочка!..»

Съ этого вечера онъ сталъ другимъ человѣкомъ. Раньше служба причиняла ему безконечныя мученья и вызывала въ немъ одно лишь скрытое презрѣніе, теперь онъ сталъ исполнять все съ непринужденнымъ усердіемъ. Онъ прилагалъ всѣ старанія, чтобъ правильно установить орудіе, и вспоминалъ при этомъ свои уроки исторіи. Вѣдь и солдаты Фридриха Великаго прошли раньше такую же сухую и скучную школу Фридриха-Вильгельма I. Стоило сыну вдохнуть живой духъ въ мертвую форму, и въ вымуштрованыхъ пѣшкахъ проснулись герои.

И какая бездна остроумія и серьезной работы мысли вложена во всѣ эти орудія и снаряды! Одно приспособленіе для запала орудія было истиннымъ тріумфомъ человѣческой изобрѣтательности! При изумительной простотѣ устройства, довольно было одного движенія руки, и снарядъ выбрасывало на полторы тысячи или на три тысячи метровъ, смотря по желанію, или, если являлась надобность, относило его всего на нѣсколько сотъ метровъ, и тамъ онъ разрывался съ цѣлымъ облакомъ дыма, передъ которымъ лошади аттакующей кавалеріи должны неминуемо шарахнуться назадъ и понести въ обратную сторону.

Всякій разъ, какъ Вегштетенъ освѣдомлялся о немъ въ это время, унтерофицеръ Вигандъ отвѣчалъ одно и то же:

— Старается какъ нельзя лучше, господинъ капитанъ.

Командиръ батареи съ своей стороны тоже похвалилъ его.

Фрилингхаузенъ, весь сіяя отъ гордости и радости, не трогался съ мѣста, выслушавъ капитана.

— Ну, что, Фрилингхаузенъ,—спросилъ его Вегштетенъ,—можетъ, у васъ есть какая-нибудь просьба?

Юноша переминался съ ноги на ногу, не рѣшаясь сказать, наконецъ, онъ всетаки заговорилъ:

— Извините, господинъ капитанъ... я не знаю, умѣстна ли моя просьба... но если бы вы были такъ добры, господинъ капитанъ, написали бы моей матери, что вы довольны мной, господинъ капитанъ...

Вегштетенъ въ недоумѣніи молчалъ. Просьба показалась ему что-то очень ужъ странной и не соотвѣтствующей военной дисциплинѣ. Тѣмъ не менѣе онъ согласился, и дѣйствительно написалъ письмо «Ея сіятельству, баронессѣ фонъ-Фрилингхаузенъ»,письмо, доставившее ей безграничную радость.

Вскорѣ послѣ этого Фрилингхаузенъ снова получилъ письмо отъ матери, на этотъ разъ почти радостное. Эта чудесная женщина, истинное воплощеніе любви, подыскивала теперь доводы, чтобы снова поднять въ сынѣ упавшую гордость. Она писала, что честь служить въ войскѣ одинаково распространяется на всѣхъ, отъ фельдмаршала до простого солдата. Она перечисляла имена офицеровъ, которые начали службу съ низшихъ чиновъ и дослужились до высшихъ отличій.

Фрилингхаузенъ съ благоговѣніемъ поцѣловалъ эти дышащія любовью строчки, но доказательства матери показались ему мало убѣдительными, онъ съ грустной улыбкой перечитывалъ имена тѣхъ, кто, по ея словамъ, носилъ маршальскій жезлъ въ солдатскомъ ранцѣ. Все это были герои революціонныхъ войнъ прошлаго столѣтія, а съ того времени условія измѣнились кореннымъ образомъ.

Тѣмъ не менѣе онъ исполнялъ свои обязанности съ неослабѣвающимъ рвеніемъ. Но лучше всего поменьше предаваться всѣмъ этимъ несбыточнымъ грезамъ. Конечно, дѣйствительность была достаточно непривѣтлива и жестока, но она все-таки не совершенно лишена свѣта и отблеска счастья. Одно такое веселое письмо матери приносило съ собой много радости.

Тѣмъ ужаснѣе поразилъ его неожиданный ударъ, обрушившійся на него въ февралѣ, какъ разъ послѣ смотра новобранцевъ, на которомъ онъ опять, краснѣя, выслушалъ похвалу Вегштетена. Краткая телеграмма сообщала ему о смерти матери.

Какъ во снѣ, переживалъ онъ слѣдующіе дни. Они промчались точно на крыльяхъ, а онъ все не могъ оторваться отъ дорогого блѣднаго лица на бѣлыхъ подушкахъ, и все еще не могъ осмыслить случившагося. На лицѣ покойной лежало выраженіе спокойствія и даже легкой радости, вѣрно и въ разлукѣ она думала только о немъ, о сынѣ,—а онъ въ послѣднее время обѣщалъ жить ей на радость. Зачѣмъ она не подождала, когда онъ искупитъ все горе, какое онъ причинялъ ей долгіе годы? Зачѣмъ въ самомъ началѣ пути у него отнята самая дорогая опора?

Передъ нимъ мелькали лица всѣхъ собравшихся на похороны, полныхъ притворнаго, фальшиваго участія или попросту холодныхъ и безучастныхъ. Всѣ эти господа бароны едва удостаивали взглядомъ «простого солдата», такъ не гармонировавшаго съ покойной. Вѣдь, несмотря на свою бѣдность, она была настоящей дамой, и они бѣгло протягивали ему концы пальцевъ! Можетъ быть, они боялись запачкаться или же опасались, какъ бы онъ не сталъ клянчить у нихъ?

Всѣ эти чужіе люди толпились между нимъ и матерью, точно они хотѣли защитить ее отъ него. Въ ихъ взорахъ онъ читалъ скрытое обвиненіе «Ты ее убилъ». О, что они понимаютъ въ сердцѣ матери, въ этомъ никогда не устающемъ, все понимающемъ, все прощающемъ сердцѣ лучшей изъ матерей! Съ какимъ удовольствіемъ онъ выгналъ бы всѣхъ ихъ вонъ, всѣхъ этихъ лицемѣрныхъ шутовъ.

Наконецъ, наступила минута, когда матери совсѣмъ не стало, когда ее оторвали отъ него.

Земля застучала по гробу. Неужели она не проснулась отъ этого? Неужели она не вернется къ нему? Неужели материнская любовь не можетъ пересилить смерти?

Въ тотъ же вечеръ послѣ похоронъ онъ былъ уже въ казармѣ шестой батареи. Было около десяти часовъ вечера, и товарищи уже легли спать. Онъ сидѣлъ на скамьѣ и смотрѣлъ въ темноту, можетъ быть, нѣсколько минутъ, а можетъ быть, и нѣсколько часовъ. Потомъ онъ ощупью взобрался по лѣстницѣ, отыскалъ свою кровать, легъ и съ головой закрылся одѣяломъ.

* *
*

Послѣ смотра новобранцевъ служить имъ стало немного легче. Конечно, и пѣшее ученье, и ученье при орудіи никакъ нельзя было назвать забавой, но они производились какъ-то спокойнѣе, не было такой гонки, давались хоть маленькія передышки.

Въ это время новобранцевъ начали употреблять и на разныя внутреннія казарменныя работы. Ѣздовымъ и нѣкоторымъ изъ канонировъ назначили лошадей для ухода за ними. Это давало имъ небольшую выгоду, за каждый день и за каждую лошадь они получали по 10 пфениговъ. Разъ въ десять дней имъ перепадала такимъ образомъ одна, двѣ марки, и наиболѣе бережливые и аккуратные могли кое-что съэкономить на будущее. Зато, когда въ дождливые весенніе дни лошади возвращались послѣ верховой ѣзды вспотѣвшія, мокрыя и забрызганныя грязью, дежурнымъ приходилось частенько проводить за чисткой весь обѣденный перерывъ, и только второпяхъ сбѣгать похлебать нѣсколько ложекъ супу. А на послѣобѣденное ученье надо было являться снова въ вычищенныхъ сапогахъ и съ блестящей каской и пуговицами.

Но Фохту, Вейзе и Клицингу не поручалась уборка лошадей. Унтерофицеръ Вигандъ, произведенный послѣ смотра въ сержанты и получившій въ свое завѣдываніе орудія и повозки, считалъ ихъ самыми работящими и аккуратными солдатами, а такихъ-то, именно, ему и нужно было.

Орудія это такія штучки, за которыми нуженъ не менѣе внимательный уходъ, чѣмъ за лошадьми. Склонивъ насколько можно дула къ землѣ, стояли шесть лафетовъ, нѣжно прижавшись другъ къ другу, а съ обѣихъ сторонъ по три передка протягивали надъ ними свои длинныя дышла для прикрытія. Всякое орудіе имѣло, какъ и каждый солдатъ, свой паспортъ; въ немъ было обозначено, сколько изъ него было сдѣлано боевыхъ выстрѣловъ, и какъ велъ себя при этомъ замокъ.

Просто жалко становилось въ непогоду вытаскивать пушки изъ чистаго сухого сарая. Но онѣ были точь-въ-точь какъ лошади, черезчуръ нѣжничать съ ними тоже нельзя было. Вѣдь въ важныхъ случаяхъ, когда наступало серьезное дѣло, не приходилось разбирать, что на улицѣ—дождь или солнцѣ. Блестящія, ярко вычищенныя колеса погружались въ грязь. Дула еще можно было оставить прикрытыми, пока стрѣльба шла не очень усиленная, но на замокъ и снѣгъ, и дождь падали безпрепятственно,—какъ разъ на самую важную и самую чувствительную часть орудія.

Зато тѣмъ труднѣе было привести все въ порядокъ послѣ ученья. Замокъ вынимался совсѣмъ, раскладывался на суконной подстилкѣ, разбирался на составныя части, и каждая часть сушилась и чистилась отдѣльно. Потомъ его слегка смазывали масломъ и снова вставляли на мѣсто, послѣ этого никакой опасности не было. Для покрытыхъ грязью колесъ достаточно было нѣсколькихъ ведеръ воды и здоровыхъ щетокъ.

Если, въ концѣ концовъ, окраска принимала совершенно невозможный видъ, тогда сарай превращался въ малярную мастерскую. Старые мѣшки подвязывались вмѣсто передниковъ, и начиналось крашенье. Красить приходилось и стоя, и согнувшись, и на колѣняхъ, и даже лежа на спинѣ. Иногда капля голубой или черной краски падала прямо на лицо, пока деревянныя части красились въ голубой, а желѣзныя въ черный цвѣтъ.

Отдѣльно отъ орудій въ большомъ экипажномъ сараѣ стояли остальныя повозки. Среди нихъ были, право, удивительные экипажи, прежде всего военныя фуры съ ихъ пестрыми ящиками, потомъ резервныя фуры, нѣкоторыя съ запасными колесами или съ цѣлой походной кузницей, съ настоящимъ горномъ и поддувалами.

Эти повозки были не такъ чувствительны, какъ пушки, но своей доли работы и онѣ требовали. Отъ времени до времени ихъ чистили и черезъ извѣстные промежутки переставляли колеса, чтобы тяжесть повозки равномѣрно давила на всѣ колеса. Для этой цѣли на оси были поставлены номера и всякій поворотъ отмѣчался въ особой книгѣ.

Все это продѣлывалось точно и тщательно, и сержантъ Вигандъ неотступно слѣдилъ за своими помощниками, но тѣ работали охотно. Это была чистая работа и во время нея можно было даже иногда попѣть. Тогда дѣло еще лучше спорилось.

Многія работы были куда труднѣе этого, не говоря уже о чисткѣ казармы и нѣкоторыхъ другихъ обязанностяхъ, отъ которыхъ никто не былъ избавленъ.

Мало-по-малу молодыхъ солдатъ стали ставить и въ караулъ, хотя у артиллеристовъ эта служба и не играла особенно важной роли. Во время войны полевая артиллерія ни въ какомъ случаѣ не должна была нести караульную службу. Артиллеристы, не имѣвшіе при себѣ никакого оружія, кромѣ сабли и револьвера были недостаточно вооружены для этого, это было дѣло пѣхоты или въ крайнемъ случаѣ кавалеріи. Только внутренніе посты поручались имъ, а этотъ видъ караульной службы не представлялъ особыхъ трудностей. Въ мирное время часовые должны были охранять только самыя зданія.

Тѣмъ не менѣе, когда Фохту, первому изъ новобранцевъ, пришлось стоять на караулѣ, онъ испытывалъ какое-то совершенно особенное чувство.

Старые солдаты, наоборотъ, очень радовались, что имъ можно было лишній разъ побездѣльничать. Они довольно-таки свободно относились къ разнымъ инструкціямъ и хохотали надъ новобранцемъ, который съ величайшей точностью выполнялъ всякій пунктъ правилъ и, укладываясь спать на жесткія нары, не снималъ съ себя сабли, даже непосредственно послѣ обхода караульнаго офицера. Фохтъ долженъ былъ стоять на часахъ у заднихъ воротъ казармы, мимо которыхъ шла дорога къ манежу и дальше въ лѣсъ и въ горы. Первые два часа, съ пяти до семи вечера, показались ему довольно-таки скучными и совершенно безцѣльными. За все время, пока его не смѣнили, мимо него прошло только нѣсколько человѣкъ, работавшихъ въ манежѣ. Но ночью, съ одиннадцати до часа, онъ чувствовалъ все-таки тяжесть отвѣтственности. Постъ былъ теперь поставленъ наружу, и часовой долженъ былъ обходить двѣ стороны громаднаго четырехъугольника казарменныхъ зданій.

Ночь была черная, какъ чернила, Фохтъ не могъ различать даже маленькой тропинки, протоптанной часовыми. Но тѣмъ не менѣе онъ бодро прошагалъ свои два часа у самыхъ стѣнъ. Хотя онъ и попадалъ иногда ногой не туда, куда слѣдуетъ,—все-таки это было лучше, чѣмъ стоять на одномъ мѣстѣ. Когда стоишь на мѣстѣ, слышатся все какіе-то удивительные звуки, и опредѣлить ихъ происхожденіе среди глубокаго ночного мрака совершенно невозможно. Главное, этотъ лѣсъ, никогда онъ не умолкаетъ, вѣчно тамъ что-то трещитъ или шелеститъ среди деревьевъ и кустовъ.

А на ходу всѣ эти шумы и шорохи заглушаются отчасти собственными шагами, и потомъ тропинка идетъ все-таки мимо жилыхъ зданій, гдѣ спятъ товарищи, и мимо конюшенъ, квадратныя окошечки которыхъ пропускютъ слабый свѣтъ, и изъ-за стѣнъ глухо доносится звонъ цѣпей. Наконецъ, изъ-за праваго угла виднѣлось шоссе. Какой-то экипажъ ѣхалъ по дорогѣ въ городъ. Фохтъ ясно слышалъ звонкій стукъ копытъ по твердой дорогѣ и говоръ двухъ громкихъ мужскихъ голосовъ. Свѣтъ фонарей на передкѣ разгорался все ярче и вдругъ исчезъ за угломъ дома. Одинокій часовой нѣсколько времени смотрѣлъ вслѣдъ скрывшемуся экипажу, потомъ повернулся назадъ и пошелъ своей дорогой.

Когда Фохтъ послѣ свѣжаго и чистаго ночного воздуха вошелъ въ караульню, ему показалось въ первую минуту, что въ этой комнатѣ, наполненной табачнымъ дымомъ и человѣческими испареніями, можно задохнуться, но, въ концѣ концовъ, онъ преисправно заснулъ на своемъ жесткомъ ложѣ.

Въ пять часовъ ему снова пришлось вставать. Было еще темно, но на кухнѣ и въ конюшнѣ уже зашевелились. Въ воротахъ вышла задержка, часового, котораго надо было смѣнить, нигдѣ нельзя было найти. Разводящій ефрейторъ клялся и бранился, грозя вернуться безъ него въ караульню. Въ концѣ концовъ онъ сдался на просьбы двухъ другихъ смѣненныхъ солцатъ и принялся за поиски. Въ маленькомъ сарайчикѣ, служившемъ для склада дровъ и хворосту, канониръ спалъ крѣпчайшимъ сномъ. Изъ хвороста онъ сдѣлалъ себѣ недурную постель, сабля спокойно лежала

рядомъ. Ефрейторъ изо всѣхъ силъ двинулъ его въ бокъ тяжелымъ сапожищемъ и обругалъ его на чемъ свѣтъ стоитъ,—какъ онъ смѣлъ заснуть, когда каждую минуту могъ придти кто-нибудь изъ начальства!

Но часовой — высокій, широкоплечій малый, грубо оборвалъ его.

— Заткни глотку, дурья голова! И, гляди, не вздумай доносить на меня. А то я тебѣ всѣ косточки пересчитаю!

Ефрейторъ что-то проворчалъ насчетъ того, чтобы «очень-то не забываться и какъ бы самому не влопаться».

— Велика бѣда заснуть! Это со всякимъ можетъ случиться, — возразилъ, канониръ. Онъ зѣвнулъ, потянулся, стряхнулъ соръ съ мундира и со смѣхомъ сказалъ Фохту:

— На посту все благополучно, щенокъ косолапый. Не смотри только такимъ пучеглазымъ чучелой.

Съ этими словами онъ мѣрнымъ шагомъ пошелъ вслѣдъ за ефрейторомъ.

Фохтъ задумчиво стоялъ около караульни. Вотъ тебѣ и дисциплина! А между тѣмъ, дѣло ясно: если ефрейторъ заявитъ, канониръ, конечно, будетъ наказанъ, даже строго наказанъ, но и мести не миновать Вѣдь, кромѣ петлицы на воротникѣ, ефрейторъ ничѣмъ не отличается отъ простого солдата, какой онъ начальникъ! Стоитъ только заспорить съ нимъ изъ-за чегонибудь — вотъ и драка готова, и ужъ тутъ, конечно, ефрейтору плохо придется. Въ общемъ, солдаты держались другъ за друга и старались безъ крайней необходимости не подводить одинъ другого.

Положимъ, Фохтъ находилъ, что и товарищество должно имѣть границы, онъ бы уже съумѣлъ объяснить это часовому. Вѣдь этакъ пропадетъ всякое уваженіе и къ другимъ, болѣе важнымъ предписаніямъ. Ну, какъ ни какъ, слава Богу, что онъ не при чемъ въ этой исторіи.

Въ это утро почему-то въ немъ съ особенной силой проснулись воспоминанія о домѣ, первый разъ послѣ долгаго времени.

Онъ думалъ, какъ они съ отцомъ ранней весной, отправлялись въ поле пахать. Въ эти ранніе утренніе часы радостное солнце точно ласкало своими лучами осиротѣвшую за зиму землю, и легкій паръ подымался отъ черныхъ замерзшихъ комьевъ, разбиваемыхъ бороной. Ласковое солнце, мягкій воздухъ, готовая къ посѣву земля, все предвѣщало конецъ скучной зимы, начало новаго плодороднаго времени, времени благословеннаго труда. Воскресшія силы земли оживали и въ людяхъ. Если въ короткіе зимніе дни отецъ казался такимъ старымъ, то теперь весенній запахъ земли снова молодилъ его.

Вотъ и сегодня вставало горячее солнце, вонъ тамъ надъ городомъ уже поднимался его сверкающій щитъ, ласковый вѣтерокъ шелестилъ вѣтви буковъ и ольхъ въ маленькой рощицѣ, а дальше тянулись поля, готовыя къ посѣву, онъ же, Францъ Фохтъ, стоялъ здѣсь въ сторонѣ, безъ всякаго дѣла, какъ ему казалось, вмѣсто того, чтобы идти самому за плугомъ.

Онъ самъ себѣ казался какимъ-то бѣглецомъ, оттого что онъ былъ не дома за работой. Да нѣтъ, какъ же? Бѣглецомъ онъ былъ бы какъ разъ въ обратномъ случаѣ. Пожалуй, именно, эти его мысли были уже первымъ шагомъ къ измѣнѣ знамени. Вѣдь онъ былъ теперь солдатомъ, обязаннымъ защищать эту возлюбленную землю, если на нее нападутъ враги.

«Если...» раздумывалъ онъ дальше.

Но на самомъ дѣлѣ этого никто не дѣлалъ. Вотъ ужъ тридцать лѣтъ, какъ продолжался миръ и могъ продолжиться еще тридцать или даже сто лѣтъ. Какая бездна потеряннаго времени! Съ другой стороны, конечно, ничто не мѣшало, завтра же грянуть войнѣ. Положимъ, это было невѣроятно, насколько онъ зналъ, но не невозможно. Чортъ знаетъ что за ерунда, надо тогда какъ-нибудь совсѣмъ отмѣнить войну. Но какъ?

Его простой умъ не находилъ никакого выхода изъ этого противорѣчія. Въ глубокомъ раздумьи стоялъ онъ, не сводя глазъ съ караульни, и чуть было не прозѣвалъ отдать честь своему капитану, ѣхавшему со взводомъ въ манежъ.

Войдя послѣ смѣны въ караульню, онъ засталъ тамъ трехъ товарищей, игравшихъ страшно засаленными картами въ скатъ. Вдругъ онъ наяву увидѣлъ что-то въ родѣ сна. Какъ будто всѣ, какъ во время присяги, сразу подняли кверху руки. А выжженныя на рукѣ у Вейзе буквы стали вдругъ сіять и сверкать, точно огненныя. Братство! Такъ это, значитъ, не пустое слово, не такъ себѣ, просто для разговора? Если бы всѣ люди — нѣмцы, французы, русскіе и всѣ остальные подняли руки и поклялись быть братьями, тогда... ну, конечно, тогда не было бы никакой войны.

Но будетъ ли это когда-нибудь?

И снова онъ началъ путаться въ своихъ «если» и «но».

Игроки самымъ неожиданнымъ образомъ пробудили его отъ грезъ. Они заспорили изъ-за какого-то хода, поссорились и, наконецъ, совершенно не побратски стали швырять другъ другу въ лицо картами.

Второго новобранца заставили собирать карты съ полу, оказалось, что не хватаетъ короля и десятки, и изъ-за этого снова чуть было не вышло драки. Въ концѣ концовъ караульный унтеръофицеръ грубо крикнулъ имъ: «Молчать».

Съ одиннадцати до часу Фохтъ послѣдній разъ въ этотъ день стоялъ на часахъ. Тутъ надо было все время быть на чеку, чтобъ не забыть отдать честь кому-нибудь изъ офицеровъ, возвращавшихся то и дѣло изъ манежа въ казармы. Къ двѣнадцати часамъ снова стало тихо. Вокругъ не было ни души, и рекрутъ могъ опять отдаться своимъ мыслямъ.

Его немножко клонило ко сну. Поэтому утреннія сомнѣнія и размышленія не такъ мучили его. Онъ стоялъ въ удобной позѣ у караульнаго дома, съ удовольствіемъ подставляя лицо горячимъ лучамъ солнца. Со стороны лѣса дулъ свѣжій вѣтерокъ и обвѣвалъ ему лобъ.

Молодой солдатъ плохо отдавалъ себѣ отчетъ въ своихъ мысляхъ, одно только онъ чувствовалъ—эта весна вновь пробуждала въ немъ силы и привязывала его новыми тѣсными узами къ родной землѣ.

Вернувшись съ караула, Фохтъ засталъ Клицинга въ еше болѣе угнетенномъ, чѣмъ обыкновенно, настроеніи.

Писецъ нерѣшительно разсказалъ ему, что наканунѣ изъ-за него вышла глупѣйшая исторія.

— Видишь ли, Францъ,--жаловался онъ,—безъ тебя у меня совсѣмъ не выходитъ дѣло. Когда во время пѣшаго ученья рядомъ со мной стоишь ты, тогда все идетъ хорошо. Но вчера тебя не было, и я чувствовалъ себя точно связаннымъ. Изъ за меня ученье продолжалось добрый часъ лишній...

— Ну, зато сегодня я тутъ какъ тутъ.

— Сегодня утромъ,—продолжалъ Клицингъ,—началась та же самая исторія, но тутъ вице-вахмистръ сказалъ, что такихъ размазней, какъ я, солдаты сами должны учить, и тогда...

Тутъ онъ замолчалъ и никакими силами нельзя было заставить его сказать еще что-нибудь, такъ что Фохтъ, наконецъ, даже разсердился.

Къ нимъ подошелъ толстый пивоваръ,—который, въ сущности, теперь былъ совсѣмъ не такъ толстъ,—и сказалъ:

— Что-то у тебя, землякъ, сегодня смекалка подгуляла. Проучить его собираются старики, особенно старые ѣздовые,—отплатить за то, что изъ-за него пришлось немножко лишку на ученьи побыть!..

Фохтъ невольно улыбнулся надъ добродушнымъ товарищемъ. Трухзесъ, на которомъ послѣ ученья все было всегда мокрешенько отъ пота—хоть выжми, и говоритъ вдругъ: «немножко лишку на ученьи побыть»!

Но тутъ Клицингъ перебилъ Трухзеса:

— Только ты, Францъ, пожалуйста, не мѣшайся въ это дѣло! Если они вправду задумаютъ это, ты все равно ничѣмъ тутъ не поможешь. Пускай ужъ они дѣлаютъ, что хотятъ.—И онъ прибавилъ съ оттѣнкомъ горечи: — вѣдь самое большее, если они убьютъ меня.

Но Фохтъ остановилъ его:

— Пожалуйста, не говори такихъ глупостей! Видишь ли, я и самъ хоро-

шенько не знаю, какъ тутъ быть, но такъ я этого не оставлю. За это ужъ я тебѣ ручаюсь. Главное, не бойся, я ужъ найду какой-нибудь способъ.

И онъ сталъ соображать, какъ защитить товарища отъ грубости старыхъ солдатъ.

Не попросить ли сержанта Виганда не ходить разочекъ вечеромъ къ своей Фридѣ? Если онъ ему, конечно. не оффиціально, а такъ, по-товарищески, сообщитѣ о затѣѣ стариковъ, Вигандъ, конечно, останется. Но противъ этого возмущалось чувство товарищества.

Хотя, впрочемъ, неужели это были тоже товарищи, собиравшіеся такъ мучить бѣднаго, слабаго человѣка? Конечно, нѣтъ.

Тѣмъ не менѣе онъ оставилъ этотъ планъ.

Въ концѣ концовъ онъ рѣшилъ открыто вступиться за Клицинга. Если онъ смѣло выступитъ противъ нихъ и хорошенько задеретъ ихъ, они навѣрно бросятся на него, а ужъ онъ съумѣетъ защититься. Во всякомъ случаѣ онъ легче вынесетъ добрую затрещину, чѣмъ Клицингъ.

Насталъ вечеръ, и сержантъ Вигандъ по обыкновенію отправился на свиданье. Въ IX-ой казармѣ царило напряженное молчаніе. Новобранцы чистили свою амуницію и по временамъ бросали смущенные взгляды въ уголъ, гдѣ Фохтъ сидѣлъ бокъ-о-бокъ съ Клицингомъ. Къ нимъ присоединился и пивоваръ.

Почти до самаго того времени, когда ужъ пора было идти спать, тишина ничѣмъ не нарушалась, но тутъ по корридору изъ VII-ой казармы раздались тяжелые шаги и въ комнату ввалилось восемь - десять старыхъ солдатъ, вооруженныхъ бичами, подпругами и трензелями.

Фохтъ сталъ впереди Клицинга.

— Убирайся прочь!—крикнули ему.

— Не уйду!—отвѣтилъ Фохтъ.

— Врешь, уйдешь!

— Посмотримъ!

Въ одну минуту дюжина сильныхъ рукъ подхватила его, но здоровый, крѣпкій малый энергично защищался. Кулаками и ногами онъ щедро раздавалъ удары направо и налѣво. Нападающихъ это приводило въ совершенную ярость. Въ концѣ концовъ онъ упалъ на полъ, увлекая за собой нѣсколькихъ противниковъ. Остальные, точно они этого только и ждали, бросились на него и удары посыпались, какъ горохъ.

Клицингъ стоялъ тутъ же, дрожа всѣмъ тѣломъ, точно въ оцѣпенѣніи. Между тѣмъ, пивоваръ нагнулъ свою круглую голову, какъ разъяренный быкъ, и бросился въ самую гущу свалки, пользуясь скамейкой въ качествѣ тарана. Теперь ихъ было двое противъ десяти. Перевѣсъ, конечно, былъ все еще слишкомъ великъ. Пивоваръ тоже скоро покатился на землю. Драка производила, конечно, порядочный шумъ, и обыкновенно при малѣйшемъ нарушеніи тишины со всѣхъ сторонъ сбѣгались унтеръ-офицеры, но сегодня они всѣ точно сквозь землю провалились.

Фохту удалось сильнымъ движеніемъ сбросить съ себя двухъ нападающихъ и наполовину приподняться; какъ разъ напротивъ стоялъ Вейзе, заложивъ руки въ карманы и слегка посмѣиваясь. Задыхаясь, онъ крикнулъ ему въ лицо:

— Такъ вотъ что ты называешь: «свобода, равенство и братство», дрянь трусливая?! Свобода, равенство и братство!

И онъ хрипло захохоталъ.

Но въ эту минуту, точно вызванный этими словами, въ дверяхъ показался Вольфъ, худой, угрюмый канониръ изъ казармы напротивъ. Онъ сразу сообразилъ, что это за свалка. Послѣ словъ вице-вахмистра и не могло быть иначе! Это было именно одно изъ тѣхъ насилій, которыя онъ такъ пламенно ненавидѣлъ, еще въ тысячу разъ сильнѣе, чѣмъ тѣ тумаки, которыми начальники награждали солдатъ открыто, на плацу.

Ему показалось, что тѣми тремя словами звали именно его.

— Я здѣсь!—крикнулъ онъ, и своими длинными цѣпкими руками оказалъ существенную помощь.

Но и старики тоже получили подкрѣпленіе. Свалка становилась все ожесточеннѣе, и дерущіеся нападали другъ на друга все съ большей яростью.

Громкіе крики теперь стихли, слышно было только тяжелое дыханіе борящихся, скрипъ зубовъ, глухой звукъ ударовъ да иногда яростное проклятіе.

У Фохта со лба струилась кровь. Въ свою очередь онъ вцѣпился зубами въ руку одного изъ противниковъ. Но въ это время прямо по лицу его полоснули тяжелой подпругой. Изъ глазъ у него посыпались искры, онъ зашатался отъ боли и почувствовалъ одно только дикое, звѣрское желаніе отомстить во что бы то ни стало, бить, убивать. На столѣ около нихъ лежала чья-то забытая сабля. Онъ схватилъ ее и съ слѣпой яростью началъ наносить ею удары направо и налѣво.

Среди новобранцевъ поднялся крикъ, когда они увидѣли, какой оборотъ принимаетъ дѣло, но никто не рѣшался броситься и обезоружить обузумѣвшаго человѣка.

Вдругъ у Инославскаго блеснула мысль:

— Панъ вахмистръ!—крикнулъ онъ въ дверяхъ.

Въ одну минуту сплетшійся въ дикой ярости клубокъ распался. Старики живо исчезли изъ IX-й комнаты, и только густая пыль, стоявшая въ воздухѣ, выдавала, что̀ здѣсь только что было.

«Панъ вахмистръ», понятно, и не думалъ приходить. Но и безъ того пора было кончить. У Фохта все лицо было въ крови, а тутъ еще съ Клицингомъ, пришедшимъ, наконецъ, въ себя, сдѣлалось что-то въ родѣ припадка. Онъ бросился на полъ къ ногамъ своего храбраго товарища и, рыдая, обнималъ его колѣна, не слушая никакихъ увѣщаній.

Новобранцы въ смущеніи молча стояли вокругъ нихъ. Пивоваръ, совсѣмъ разбитый, опустился на скамейку и вытиралъ потъ съ лица.

Листингъ, бывшій бродяга, оказался еще самымъ находчивымъ. Во время скитаній по дорогамъ случались иногда такія схватки или даже какіе-нибудь несчастные случаи — надо было умѣть помочь себѣ. Онъ побѣжалъ къ крану и принесъ полную кружку холодной воды. Онъ помочилъ въ ней свой носовой платокъ—несмотря на послѣдніе дни недѣли, онъ казался не бывшимъ въ употребленіи,—и обмылъ имъ лицо пострадавшему.

Надъ носомъ была большая открытая рана. Листингъ тщательно промылъ ее и очень порядочно забинтовалъ Фохту голову. Конечно, бинты были немного жестковаты и, въ общемъ, все это имѣло видъ какого-то фантастическаго тюрбана, но кровотеченіе все же остановилось.

Перевязывая Фохта, Листингъ шепнулъ ему:

— Я-то думалъ, что въ солдатскихъ казармахъ про трусость и слыхомъ не слыхать, но видно это все враки.

Во дворѣ заиграли вечернюю зарю.

Надо было отправляться спать. Дежурный унтеръ-офицеръ зашелъ поторопить ихъ.

Вдругъ онъ замѣтилъ раненаго.

— Что такое случилось? — спросилъ онъ.

Листингъ быстро отвѣтилъ:

— Онъ упалъ съ лѣстницы, съ чердака, господинъ унтеро-офицеръ. Вѣтеръ задулъ лампу.

— Вотъ какъ? — протянулъ тотъ.

— Что жъ? Сильно расшибся?

— Нѣтъ, господинъ унтеръ-офицеръ,— отвѣтилъ Фохтъ.

— Тогда маршъ спать!

Фохтъ и Клицингъ вышли послѣдними изъ комнаты. Клицингъ молча шелъ рядомъ съ раненымъ и робко поглядывалъ на него.

— Что, очень больно, Францъ? — спросилъ онъ на лѣстницѣ.

— Конечно, знаешь ли... — началъ было Фохтъ, но, взглянувъ въ печальные глаза друга, кончилъ другимъ тономъ:

— Э, пустяки, совсѣмъ не такъ ужъ больно.

Только тутъ вспомнилъ онъ, изъ-за чего собственно возникла драка, и прибавилъ веселѣе:

— А все-таки тебя они такъ и не проучили.

У того на глазахъ стояли слезы.

— Какой ты добрый, добрый чело-

вѣкъ, Францъ, — сказалъ онъ тихимъ голосомъ.—Я не знаю, какъ, но когда-нибудь я непремѣнно докажу тебѣ, какъ я тебѣ благодаренъ.

Они вышли въ это время въ пустыя сѣни; Клицингъ бросился на шею товарищу и горячо поцѣловалъ его.

Фохтъ крѣпко прижалъ къ себѣ тщедушную фигурку друга и сказалъ ему на ухо:

— Не стоитъ объ этомъ говорить, Генрихъ! Ты же мой дорогой другъ.

Наверху Листингъ шепнулъ имъ, что второй разъ старики не рѣшатся нападать.

Вольфъ предупредилъ ихъ, что онъ тогда немедленно доложитъ по начальству, а ужъ про него было извѣстно, что онъ въ такихъ дѣлахъ, что скажетъ, то и сдѣлаетъ.

Когда оба друга уже лежали въ постеляхъ, въ ихъ уголъ пробрался длинный товарищъ.

— Ну, что, какъ вы себя чувствуете?—спросилъ онъ Фохта.

— Спасибо, ничего,—отвѣтилъ тотъ.

— Отъ души радъ.

Онъ протянулъ руку новобранцу, и оба мужчины обмѣнялись крѣпкимъ рукопожатіемъ.

— Спокойной ночи, Фохтъ!—сказалъ Вольфъ.

— Спокойной ночи, Вольфъ!—отвѣчалъ тотъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Фохтъ уже крѣпко спалъ, развѣ немного безпокойнѣе, чѣмъ обыкновенно,—его здоровый организмъ легко справлялся съ такимъ незначительнымъ урономъ. Но Клицингъ еще долго не могъ заснуть.

Луна ярко освѣщала лицо спящаго товарища. Повязка закрывала ему глаза и бросала тѣнь на всю среднюю часть лица.

Писецъ долго не сводилъ съ его лица блестящихъ глазъ.

Бѣдняга, видѣвшій до сихъ поръ только обратную, темную и пустынную сторону жизни, не испытавшій никогда ни малѣйшей ласки счастья, казался самъ себѣ безконечно богатымъ и счастливымъ.

Нашелся человѣкъ, который полюбилъ его.

V.

Сдвиньте стаканы, урра!
Грянемте пѣсню урра!
Артилеристы веселые мы!
(Артилерійская пѣсня).

Вахмистръ Шуманъ еще разъ оглядѣлъ обѣ комнаты и кухню,—нѣтъ, ничего не осталось. Только его пальто и шляпа висѣли на оконной задвижкѣ, да въ углу стояла его палка.

Штатское платье было ему совсѣмъ не по нутру. Ничего въ немъ не было твердаго, жесткаго, чтобы помогало человѣку держаться прямо, по военному. Каждую минуту онъ ощупывалъ галстухъ ему все казалось, что онъ совсѣмъ развязался, такъ онъ свободно былъ повязанъ. То же было и съ платьемъ, этотъ пиджакъ болтался на немъ, какъ лохмотья на пугалѣ.

Озабоченно, какъ и всегда, вошла въ комнату его жена, въ шляпѣ и накидкѣ, съ зонтикомъ и сумкой въ рукѣ. Она теперь же, послѣ полудня уѣзжала на свою маленькую станцію, чтобы убрать квартиру и ожидать мебель, которая должна была придти только на другой день. Вахмистръ, или, лучше сказать, начальникъ станціи второго разряда, долженъ былъ еще устроить нѣкоторыя денежныя дѣла въ городѣ и хотѣлъ выѣхать только на другой день утромъ.

Вахмейстерша еле переводила духъ. Эти глупые солдаты никакъ не могли въ толкъ взять, какъ она хотѣла размѣстить свои цвѣты на подводѣ.

— Слава Богу,—заговорила она возбужденнымъ голосомъ,—уложили, наконецъ, возъ. Вотъ ключи. Я думаю, мнѣ ужъ пора на поѣздъ. Правда?

Шуманъ взглянулъ на часы и буркнулъ:

— Конечно, пора.

— Ну, такъ я отправляюсь,—сказала маленькая женщина.

Но вмѣсто того она продолжала стоять среди комнаты и, казалось, никакъ не могла рѣшиться уйти.

— Ахъ, Господи!—сказала она.—Вѣдь вотъ сколько лѣтъ я только о томъ и мечтала, чтобы вырваться отсюда, а теперь, какъ и вправду уходить приходится, такъ и жалко. Тебѣ также, Шуманъ?

Вахмистръ пробормоталъ что-то невнятное. Если бы все зависѣло отъ него, квартира не была бы теперь пуста и передъ дверьми не стоялъ бы нагруженный возъ. Сама же она затѣяла все это, не доставало только, чтобы она же начала теперь охать да ахать.

Между тѣмъ, жена. не дождавшись отвѣта, продолжала:

— Вотъ, взять хоть этотъ видъ изъ окна, гдѣ мой швейный столикъ стоялъ, право, онъ просто прелесть. Какъ разъ напротивъ молодые каштаны, весной они всѣ зеленые, да еще бѣлые цвѣты на нихъ!.. Теперь ужъ я не увижу, какъ они зазеленѣютъ.

Она вынула изъ кармана носовой платокъ и провела себѣ по глазамъ.

Но вдругъ выраженіе ея заплаканнаго лица неожиданно перемѣнилось.

— Господи, да вѣдь это же наши бобы въ садикѣ! Вотъ было бы прекрасно! Нѣтъ, ихъ-то ужъ я не оставлю! И какъ это я забыла про нихъ!

Она побѣжала было къ дверямъ, но вахмистръ преградилъ ей дорогу и сунулъ ей къ самому носу часы.

— Слышишь ты?—крикнулъ онъ.—Если ты сейчасъ же не отправишься, такъ поѣздъ уйдетъ.

Она испугалась.

— Боже милостивый! Иду, иду, конечно, сію минуту! Прощай, Шуманъ! Смотри же, устрой все хорошенько, и... прощай.

Поднявшись на цыпочки, она на прощанье еще поцѣловала мужа и, наконецъ, скрылась за дверью. Но минуту спустя голова ея снова показалась въ дверяхъ

— Клѣтка! Клѣтка! куда она дѣвалась?

Вахмистръ подалъ ей маленькую, завязанную въ платокъ дорожную клѣтку, гдѣ безпокойно билась канарейка, и не отходилъ отъ двери,—пока жена не скрылась изъ виду. Мелкими шажками шла она черезъ дворъ. Передъ пятой батареей произошло еще безконечно долгое прощаніе съ какой-то знакомой, наконецъ, она исчезла за воротами.

Шуманъ облегченно вздохнулъ. Конечно, она его жена, и онъ искренно любилъ ее, но теперь, во время прощанья съ батареей, онъ хотѣлъ быть одинъ, тутъ она была не при чемъ.

Онъ еще постоялъ въ дверяхъ.

Какъ разъ въ эту минуту одинъ ѣздовой привелъ пару упряжныхъ лошадей и началъ закладывать ихъ въ телѣгу.

Послѣдніе годы Шуманъ не особенно много занимался лошадьми. Онъ зналъ, что Гепнеръ великолѣпно ухаживаетъ за ними, и, кромѣ того, вице-вахмистръ съ нѣкоторой ревностью относился ко всякой попыткѣ вмѣшательства въ его область. Но, конечно, плохъ былъ бы тотъ вахмистръ, который не понималъ бы толку во всемъ, касающемся лошадей, и не зналъ бы всѣхъ ихъ на перечетъ. Вотъ эти,—это были темно гнѣдыя лошади безъ всякой отмѣтины, «Сибила» и «Ахатъ»,—повезутъ его имущество изъ казармы; первая, немолодая уже кобыла, ходила и подъ верхомъ, второй—меринъ, любившій грызть удила и постоянно гнувшій голову на бокъ.

Когда возъ загремѣлъ по мостовой и ѣздовой тряхнулъ вожжами, «Сибила» прижала уши и покорно вошла въ хомутъ, «Ахатъ» же недовольно прялъ ушами и топтался на мѣстѣ; сегодня его заставляютъ, вѣдь, везти даже и не пушку! Но тутъ ѣздовой хлестнулъ его вожжей, и онъ, наконецъ, потянулъ свою долю тяжести.

Но все время, идя по двору мимо конюшенъ, онъ недовольно потряхивалъ головой.

Вахмистръ сошелъ, наконецъ, съ крыльца, — пора было приступить къ прощанію. Начать онъ думалъ съ лошадей.

Медленно шелъ онъ по проходу конюшни. Острый конюшенный запахъ казался ему въ эту минуту пріятнѣе всѣмъ ароматовъ, лучше чистаго горнаго воздуха той маленькой станціи, среди сосновой рощи, въ долинѣ Гарца.

Стройныя, съ блестящей шерстью, стояли рядами красивыя животныя, почти всѣ темно-гнѣдой масти. Смотря по характеру, одни задумчиво смотрѣли въ землю, другія безпокойно пощипывали солому, третьи пытались, играя, хватить другъ друга зубами. Только четыре стойла были пусты. «Сибила» и «Ахатъ» тащили его скарбъ на вокзалъ, а «Чалку» и «Ласточку» взялъ майоръ Шредеръ, уѣхавшій на охоту въ сосѣднее дворянское имѣніе.

Надо правду сказать,—конюшню онъ могъ оставить безъ малѣйшаго опасенія,—Гепнеръ содержалъ ее въ наилучшемъ порядкѣ.

Послѣ всѣхъ подошелъ онъ къ своей верховой. «Балдуинъ» — стройная лошадка съ бѣлыми бабками, немного пугливая и очень слабоуздая, испугалась, увидѣвъ подходившаго къ ней человѣка въ коричневомъ пиджакѣ. Только когда вахмистръ окликнулъ ее, лошадь узнала его. Но все-таки она продолжала держаться насторожѣ и, даже получивъ хлѣба и сахара, не стала довѣрчивѣе.

Шуманъ сталъ называть ее обычными ласковыми именами, прижался щекой къ трепещущимъ шелковистымъ ноздрямъ и, наконецъ, ему удалось совершенно успокоить животное. Теперь лошадь стояла тихо и въ упоръ смотрѣла на него своими большими глазами. Когда онъ пошелъ изъ конюшни, она, не отрываясь, провожала его взглядомъ.

Вахмистръ чуть не заплакалъ. Надо скорѣе покончить со всѣмъ этимъ, пройти ужъ заодно и въ казарму, хотя тамъ ему, въ сущности, рѣшительно нечего было дѣлать.

Въ корридорѣ онъ остановился передъ памятной доской батареи. Шестая батарея была одна изъ старѣйшихъ, основныхъ батарей. На доскѣ красовалось не мало названій разныхъ стычекъ и сраженій: Гичинъ, Кёнигрецъ, Сенъ-Прива, Фердунъ, Нуаръ, Бомонъ, Седанъ и обѣ битвы при Вилье. Ниже шли имена павшихъ, раненыхъ и награжденныхъ орденами. Седанъ былъ наиболѣе обремененный потерями и наиболѣе богатый славою день; день, когда батарея выпустила болѣе восьмисотъ выстрѣловъ, и къ вечеру канониры до такой степени оглохли, что еле слышали приказы, которые имъ кричали прямо въ уши.

Да, принадлежать къ этой батареѣ было поистинѣ большой честью для всякаго. Она, вѣдь, не только въ мирное время могла служить образцомъ для остальныхъ.

— «Павшимъ во славу, живымъ въ примѣръ!»—прочелъ онъ вполголоса.

Онъ съ серьезнымъ одобреніемъ кивнулъ головой, потомъ быстро повернулся и пошелъ къ себѣ.

Голыя стѣны непривѣтливо смотрѣли на него. Но эти комнаты ничѣмъ и не привязывали его. Здѣсь протекала его личная жизнь, ее онъ могъ устроить также въ любомъ мѣстѣ. Эти комнаты казались ему привлекательными только пока въ нихъ хозяйничала его жена; она дѣлала ихъ уютными и привѣтливыми, но теперь жена сидѣла въ вагонѣ—надо надѣяться! — и вся уютность и привѣтливость съ громомъ и свистомъ катилась вмѣстѣ съ нею.

Онъ быстро накинулъ пальто и схватилъ шляпу и палку. Потомъ онъ заперъ двери, постучалъ къ вице-вахмистру, чтобы отдать ему ключи.

Жена Гепнера была одна дома.

— Вы уже уѣзжаете, господинъ Шуманъ?—спросила она тихимъ голосомъ.

Вахмистръ кивнулъ головой и сказалъ:

— Я положу ключъ сюда, къ зеркалу.

Потомъ онъ подошелъ къ дивану, гдѣ лежала больная, и подалъ ей руку. Съ перваго взгляда было видно, что надежды здѣсь не можетъ быть никакой. Смерть стояла за плечами несчастной, врядъ ли она могла пережить лѣто. Онъ не могъ заставить себя произнести слово утѣшенія, онъ просто попрощался съ нею:

— Прощайте, фрау Гепнеръ.

— Прощайте,—отвѣтила женщина и прибавила тихимъ голосомъ: — мы не увидимся больше, и я хочу поблагодарить теперь же и васъ, и вашу жену.

— Да за что же?

Больная помолчала минуту, потомъ отвѣтила:

— Знаете, когда у самихъ въ домѣ вѣчно адскій шумъ, тогда невольно радуешься, что у другихъ царитъ миръ и тишина. По крайней мѣрѣ, не теряешь вѣры, что хоть кто-нибудь на свѣтѣ можетъ жить лучше, чѣмъ ты.

Вахмистръ молчалъ. Что могъ онъ сказать этой несчастной?

— Прощайте, господинъ Шуманъ!— закончила она.—Желаю вамъ всего хорошаго.

Шуманъ вздохнулъ свободнѣе, когда за нимъ закрылась дверь. Ему было искренно жаль бѣдную женщину; но все-таки прощанье съ этими сосѣдями значительно смягчало для него настоящія тяжелыя минуты.

Съ передачей ключей порывалась послѣдняя связь, привязывавшая его къ батареѣ и ко всей вообще солдатской жизни. Остальное все было сдано раньше.

Въ послѣдній вечеръ устроили маленькій праздникъ, на который капитанъ и оба батарейные офицера пригласили его и всѣхъ остальныхъ унтеръ-офицеровъ. На слѣдующее утро въ присутствіи всѣхъ его прямыхъ начальниковъ, до полковника включительно, и всѣхъ солдатъ, командиръ полка вручилъ ему крестъ, знакъ служебнаго отличія, пожалованный ему королемъ. Кромѣ того, онъ получилъ разрѣшеніе надѣвать свою старую форму въ дни патріотическихъ праздниковъ. Полковникъ въ теплыхъ выраженіяхъ охарактеризовалъ его, какъ образецъ солдата, и закончилъ провозглашеніемъ ура въ честь короля и императора. Потомъ и онъ, вахмистръ, попросилъ разрѣшенія тоже сказать нѣсколько словъ и прерывающимся голосомъ провозгласилъ тостъ за возлюбленный полкъ, и главнымъ образомъ за дорогую шестую батарею. Затѣмъ ему поднесли еще дорогіе подарки: Вегштетенъ и оба лейтенанта подарили ему великолѣпные золотые часы, майоръ Шредеръ—тяжелую цѣпочку къ нимъ, унтеръ-офицеры—альбомъ съ видами гарнизона, казармы и съ группами офицеровъ, унтеръ-офицеровъ, солдатъ и лошадей. Въ концѣ концовъ командиръ батареи передалъ ему въ собственность саблю, которая служила ему въ теченіе долгихъ десяти лѣтъ.

Онъ благодарилъ всѣхъ безмолвнымъ рукопожатіемъ, чтобъ не разревѣться, какъ баба, при первыхъ же словахъ. Съ солдатами онъ уже попрощался, такъ что всѣ дѣла были кончены, и онъ могъ уходить.

Оставалось около получаса до начала вечерняго ученья.

Когда вахмистръ вышелъ на крыльцо, чей-то голосъ крикнулъ: «вахмистръ уходитъ», и вдругъ всѣ бѣгомъ бросились къ нему, и ѣздовые, и канониры, и старые солдаты, и рекруты, чтобы еще разъ пожать ему руку. Прибѣжали и тѣ, которымъ пришлось изъ-за своей небрежности или глупости испытать на себѣ его строгость, нѣкоторые изъ нихъ понесли даже изъ-за него нешуточныя наказанія,—въ эту минуту онъ всѣхъ ихъ одинаково любилъ, даже этого несноснаго пачкуна Куника, протягивавшаго ему свою невѣроятно грязную правую лапу. Дежурные по конюшнѣ явились также, и тотъ, которому случайно былъ порученъ «Балдуинъ», сказалъ съ чувствомъ:

— Вы не думайте, господинъ вахмистръ, мы за «Балдуиномъ» все такъ же будемъ смотрѣть, какъ и при васъ.

Снова вахмистръ долженъ былъ закусить губы, молча шелъ онъ мимо рядовъ и пожималъ протягивавшіяся ему навстрѣчу руки.

Вдругъ онъ остановился съ удивленіемъ, должно быть, онъ ошибся. Но нѣтъ, это, конечно, Вольфъ,—Вольфъ, этотъ соціалъ-демократъ, вся служба котораго была одно сплошное лицемѣріе, этотъ революціонеръ, ожидавшій только минуты, когда онъ сброситъ мундиръ, чтобы начать опять пропагандировать свое ученье! А вѣдь онъ, вахмистръ, никогда не пряталъ въ карманъ своихъ мнѣній объ этомъ вредномъ ученьи.

Вольфъ прибѣжалъ не сразу, онъ какъ разъ возвращался послѣ чистки манежа, съ граблями на плечѣ, но все-таки онъ присоединился къ остальнымъ.

Шуманъ не могъ удержаться отъ вопроса:

— И вы также, Вольфъ?

— Конечно, господинъ вахмистръ,— отвѣтилъ солдатъ, — онъ уже не говорилъ больше «такъ точно»,—господинъ вахмистръ никогда ни съ кѣмъ дурно не обращались и всегда были справедливы.

Вахмистръ былъ слегка, самую малость, сконфуженъ этой похвалой. Въ общемъ, онъ, дѣйствительно, стремился по мѣрѣ силъ заслужить ее, но именно въ отношеніи этого социалъ-демократа онъ иногда совершенно сознательно нарушалъ справедливость. Онъ вспомнилъ, что чаще, чѣмъ слѣдовало, посылалъ Вольфа на самыя тяжелыя работы. И вотъ нужно же, чтобы какъ разъ при прощаньи этотъ человѣкъ, вѣроятно ненамѣренно, ткнулъ ему это въ носъ!

Онъ отвѣтилъ смущенно:

— Собственно и вы... да, вы были, въ сущности, хорошимъ солдатомъ, по крайней мѣрѣ, судя по внѣшности. Одно только, что вы... да, впрочемъ, и случая не было.

Шуманъ подумалъ съ досадой, какъ такія мелочи, о которыхъ меньше всего думаешь, выплываютъ всегда въ самую неподходящую минуту. Ужасно непріятно! Особенно для такого человѣка, какъ онъ, выше всего ставившаго спокойную совѣсть. Хорошо, что послѣ Вольфа еще многіе другіе пожимали ему руку, а то, несмотря на всѣ ордена, часы и сабли, онъ ушелъ бы изъ казармы съ нечистой совѣстью.

Послѣдній, забѣгавшій все дальше, чтобы послѣ всѣхъ пожать ему руку, былъ Нидерлейнъ, маленькій, ловкій канониръ, чистившій ему амуницію въ этомъ году.

Вахмистръ особенно сердечно пожалъ ему руку и облегченно вздохнулъ: слава Богу, Нидерлейнъ могъ на худой конецъ перевѣсить Вольфа! Разъ онъ засталъ его, когда тотъ, оставшись одинъ въ комнатѣ, забрался въ шкафъ сосѣда и вытащилъ оттуда кусокъ колбасы. Это было важное преступленіе—воровство у товарища, и за это полагалось позорное наказаніе, но Шуманъ зналъ новобранца: онъ былъ немного легкомысленный малый, и это была скорѣй глупая шутка, чѣмъ преступленіе,—деньги, лежавшія рядомъ съ колбасой, онъ не тронулъ. Онъ, вахмистръ, притянулъ тогда молодца къ столу и отсчиталъ ему двадцать пять ударовъ своимъ ременнымъ поясомъ. Онъ не поручился бы, было ли это вполнѣ по закону,—пожалуй, на него можно было жаловаться за нанесеніе побоевъ,—но несомнѣнно это было правильно; теперь Нидерлейнъ былъ едва ли не лучшимъ солдатомъ во всей батареѣ, и за вахмистра готовъ былъ въ огонь и въ воду.

Солдатикъ долго смотрѣлъ вслѣдъ Шуману, пока тотъ не скрылся за рощей. Потомъ онъ бѣгомъ побѣжалъ въ казарму, такъ какъ батарея собиралась уже на ученье.

Шуманъ выбралъ дорогу черезъ лѣсъ, такъ какъ на шоссе ему навѣрно встрѣтились бы офицеры. Пришлось бы останавливаться съ ними, а вѣдь, въ сущности, несмотря на двойные погоны и офицерскую саблю, онъ гораздо больше принадлежалъ къ солдатамъ, чѣмъ къ офицерамъ.

Дорога шла вверхъ на холмъ и тамъ поворачивала налѣво къ городу, направо былъ крутой обрывъ, съ котораго открывался красивый видъ на всю долину. Снизу можно было отчетливо видѣть всякаго, останавливавшагося тамъ.

Шуманъ, конечно, остановился на вершинѣ и посмотрѣлъ на знакомыя мѣста. Дорога тянулась прямо, какъ по линейкѣ, около нея расположился большой четырехъугольникъ казарменныхъ зданій. По обѣимъ длиннымъ сторонамъ тянулись жилыя помѣщенія и конюшни. На короткихъ сторонахъ были манежъ и штабная канцелярія. За манежемъ шли запасные магазины, образуя внѣшнюю сторону четырехъугольника. За бѣлыми стѣнами зданій, вверхъ по холму, на вершинѣ котораго онъ стоялъ, тянулся большой учебный плацъ.

вицу. Наконецъ нашелся какой-то смѣльчакъ, который подошелъ къ шару на нѣсколько шаговъ и всадилъ въ него ружейный выстрѣлъ. Пробитый во многихъ мѣстахъ дробью, шаръ окончательно потерялъ газъ; тогда толпа съ остервенѣніемъ бросилась на него (см. рис. 14) и, мстя за причиненный ей испугъ, привязала къ хвосту лошади, послѣ чего отъ шара остались одни лоскутки.

Случай этотъ произвелъ удручающее впечатлѣніе въ высшихъ сферахъ Парижа и вскорѣ послѣ этого правительство напечатало и разослало по всей Франціи слѣдующее предупрежденіе:

Парижъ, 27-го августа 1783 г.

„Предупрежденіе народа относительно поднятія шаровъ или воздушныхъ глобусовъ. Шаръ, которымъ оно вызвано, былъ пущенъ августа 27-го дня 1789 г. въ 5 часовъ вечера на Марсовомъ полѣ".

„Недавно было сдѣлано открытіе, о которомъ правительство считаетъ нужнымъ довести до всеобщаго свѣдѣнія, въ видахъ предупрежденія паники, которая можетъ быть вызвана имъ въ населеніи. Изъ разсчета разности между вѣсомъ воздуха нашей атмосферы и вѣсомъ такъ называемаго воспламеняемаго воздуха было найдено, что шаръ, наполненный послѣднимъ, долженъ самостоятельно подниматься вверхъ до тѣхъ поръ, пока между обоими видами воздуха не установится равновѣсіе, что̀ можетъ имѣть мѣсто лишь на весьма значительной высотѣ. Первый опытъ этого рода былъ произведенъ въ Аннонэ, въ Виварэ изобрѣтателями Монгольфьерами. Шаръ, сдѣланный изъ полотна и бумаги и имѣющій сто шаговъ въ окружности, будучи наполненъ воспламеняемымъ воздухомъ, поднялся самъ собою на высоту, которую нельзя было опредѣлить. Подобный же опытъ былъ только что повторенъ въ Парижѣ (27-го августа въ 5 часовъ вечера) въ присутствіи многочисленной публики. Шаръ изъ тафты, пропитанной резиновымъ лакомъ, имѣющій 36 шаговъ въ окружности, поднялся съ Марсова поля до облаковъ, гдѣ его потеряли изъ виду: нельзя было предвидѣть, куда его унесетъ дувшій въ это время сѣверо-восточный вѣтеръ. Предполагается повторить опытъ съ шарами значительно большихъ размѣровъ. Поэтому каждый, кто замѣтилъ бы подобный шаръ на небѣ, долженъ быть поставленъ въ извѣстность, что, не заключая въ себѣ ничего страшнаго, шаръ этотъ представляетъ собою машину, состоящую неизмѣнно изъ тафты или легкаго полотна, покрытаго бумагой, каковая машина не только не можетъ причинить никакого зла, но, напротивъ, есть основаніе предполагать, что современемъ изъ нея сдѣлаютъ примѣненія, полезныя для потребностей общества".

Опытъ Шарля произвелъ огромное впечатлѣніе на парижанъ. Въ теченіе нѣкотораго времени въ обществѣ и печати не было другихъ разговоровъ, какъ о воздушномъ шарѣ. Появился новый спортъ пусканія игрушечныхъ шаровъ, послѣ того какъ какому-то любителю удалось пустить небольшой шаръ изъ животнаго пузыря, наполненнаго водородомъ.

Между тѣмъ въ Парижъ прибылъ Этьенъ Монгольфьеръ для устройства опыта съ своимъ шаромъ на счетъ академіи наукъ. Неожиданная конкурренція со стороны Шарля и братьевъ Роберъ сначала было смутила его, но найдя горячую поддержку и помощь въ лицѣ своего друга, бумажнаго фабриканта Ревельона, онъ ободрился и энергично принялся за работу.

Первый шаръ, приготовленный Монгольфьеромъ во дворѣ дома Ревельона въ улицѣ Монтрейль, имѣлъ видъ (см. рис. 15) усѣченной пирамиды въ 8 метровъ высоты, основаніе которой покоилось на выпуклой призмѣ такой же высоты; послѣдняя, въ свою очередь, оканчивалась усѣченнымъ конусомъ въ 6 метровъ высоты. Шаръ былъ сдѣланъ изъ плотнаго упаковочнаго холста и съ обѣихъ сторонъ оклеенъ толстой бумагой. Снаружи шаръ былъ выкрашенъ въ небесно-голубой цвѣтъ и богато декорированъ золоченными вензелями и различными орнаментами. Въ виду значительныхъ размѣровъ шара (общій вѣсъ его рав-

нялся 1.000 фунтовъ, а вѣсъ вытѣсняемаго имъ воздуха, по приблизительнымъ разсчетамъ,—4.500 фунтовъ), его сооруженіе было сопряжено съ большими трудностями, которыя увеличивались еще благодаря неблагопріятной погодѣ. Наконецъ, 11-го сентября шаръ былъ оконченъ, и на слѣдующій день рѣшено было произвести пробный опытъ, въ присутствіи представителей отъ академіи наукъ. Въ день опыта погода стояла не особенно надежная: можно было опасаться бури, но тѣмъ не менѣе опыта рѣшили не откладывать. Наполненный дымомъ отъ горящей смѣси соломы и шерсти (при наполненіи было сожжено до 50 фунтовъ одной соломы) шаръ быстро поднялся на нѣсколько метровъ отъ земли и натянулъ удерживавшія его привязи. Благодаря своимъ размѣрамъ, формѣ, а также окраскѣ и украшеніямъ, онъ представлялъ собою чрезвычайно эффектное зрѣлище. Присутствующимъ, однако, пришлось недолго любоваться этимъ зрѣлищемъ, такъ какъ вскорѣ полилъ проливной дождь, поднялась буря, и шаръ стало качать изъ стороны въ сторону. «Единственное средство спасти шаръ, — говоритъ Фужа де-Сенъ-Фонъ, было оборвать привязи и пустить его. Но въ виду того, что онъ предназначался для опыта въ Версали въ присутствіи короля, его рѣшили во что бы то ни стало удержать и усилія, которыя должны были употребить, чтобы притянуть его къ землѣ, бѣшеные порывы вѣтра и потоки дождя, способствовали поврежденію шара во многихъ мѣстахъ. Такъ какъ буря все усиливалась, то дальнѣйшіе маневры съ шаромъ становились невозможными, и онъ болѣе сутокъ долженъ былъ оставаться подъ дождемъ; бумага отклеилась, отпадая въ видѣ лоскутьевъ, полотно обнажилось, и эта чудная величественная машина, стоившая столькихъ трудовъ, была окончательно разрушена въ столь короткое время».

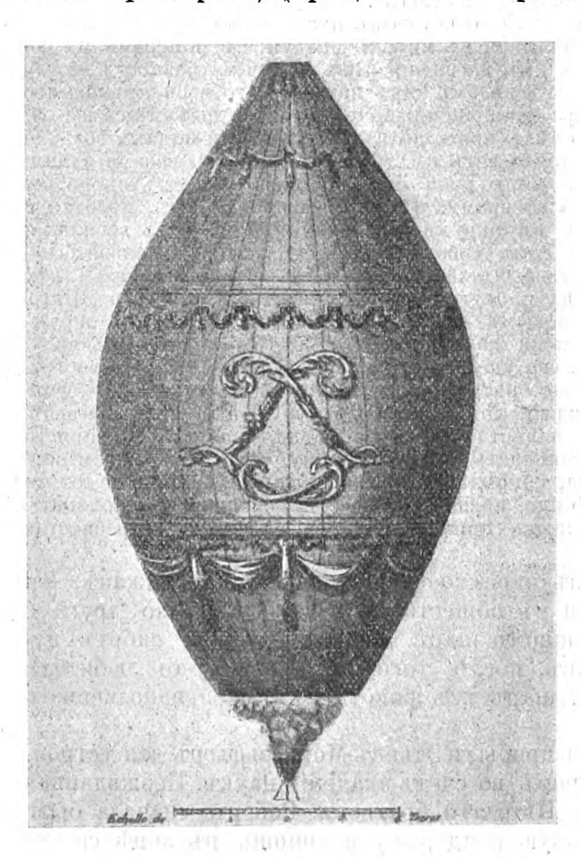


Рис. 15. Первый монгольфьеръ, построенный въ Парижѣ на счетъ академіи наукъ.

Эта неудача не обезкуражила Этьена Монгольфьера. Такъ какъ опытъ въ Версали былъ назначенъ на 18-е сентября, то онъ съ удвоенной энергіей принялся за изготовленіе новаго аэростата. Благодаря помощи Ревельона и трехъ другихъ помощниковъ, черезъ пять дней онъ былъ уже готовъ. 18-го сентября аэростатъ былъ подвергнутъ испы-

танію въ присутствіи представителей отъ академіи, а 19-го утромъ доставленъ въ Версаль. Аэростатъ имѣлъ на этотъ разъ сферическую форму и былъ сдѣланъ изъ крѣпкой бумажной ткани, покрытой клеевой краской. Объемъ его почти равнялся объему прежняго шара, украшенія и окраска оставались тѣ же. Шаръ былъ помѣщенъ въ большомъ дворѣ королевскаго замка, по серединѣ огромной эстрады, закрытой полотномъ. Въ центрѣ эстрады было продѣлано отверстіе,

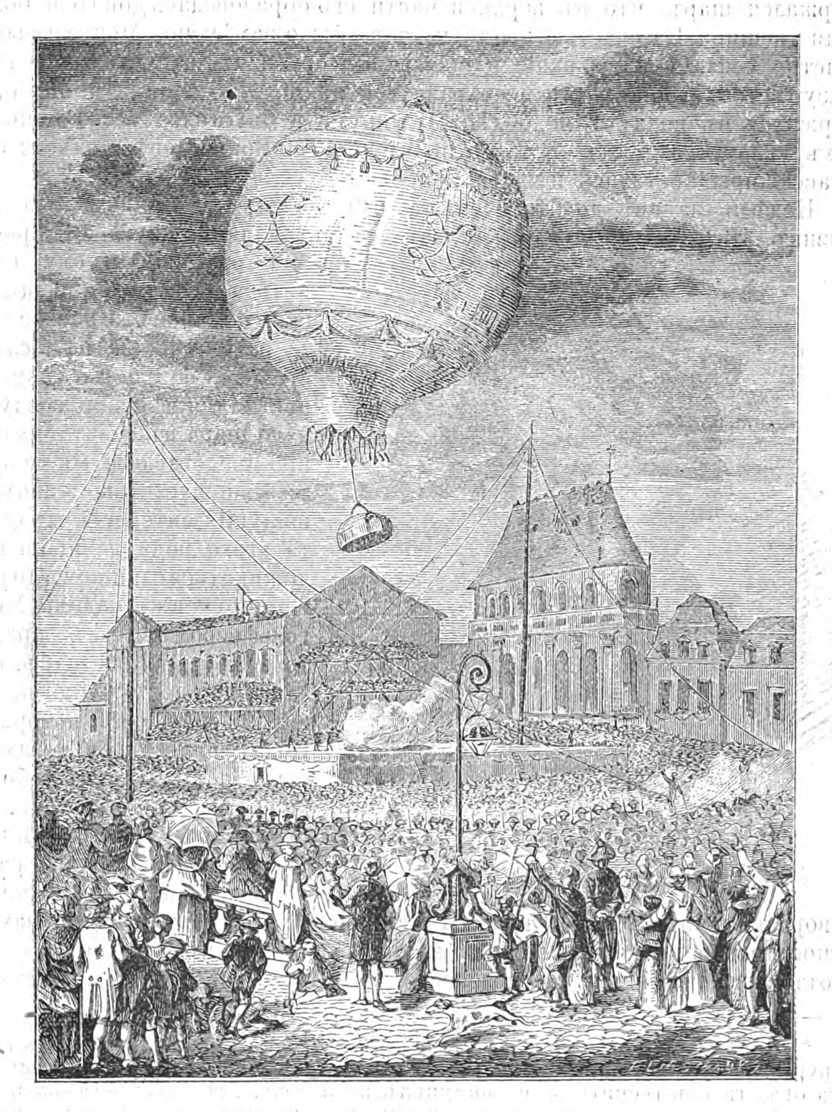


Рис. 16. Монгольфьеръ, пущенный въ Версали въ присутствіи королевской фамиліи 19-го сентября 1783 г.

черезъ которое должно было производиться наполненіе шара нагрѣтымъ воздухомъ. Отъ натиска огромной толпы, прибывшей изъ Парижа и окрестностей, эстрада охранялась двойными шпалерами войскъ. Въ 1 часъ дня сигналъ возвѣстилъ о началѣ опыта: было приступлено

*

къ наполненію шара. Король и его семья пожелали лично присутствовать при этой операціи. Когда шаръ былъ готовъ къ отправленію, къ нему привязали клѣтку, въ которую были помѣщены баранъ, пѣтухъ и утка, которые оказались, такимъ образомъ, первыми воздухоплавателями. Между прочимъ успѣхъ опыта подвергался большому риску и на этотъ разъ. Почти въ самый моментъ спуска сильнымъ порывомъ вѣтра до такой степени натянуло веревки, на которыхъ держался шаръ, что въ верхней части его образовалась довольно большая трещина. Къ счастью, это тотчасъ же было замѣчено, Монгольфьеръ быстро усилилъ нагрѣваніе и поспѣшилъ приказать отпустить веревки. Разумѣется, это не могло не отразиться на полетѣ аэростата: онъ продержался въ воздухѣ не болѣе 10 минутъ и опустился всего лишь въ 4-хъ километрахъ отъ мѣста отправленія, въ Вокрессонѣ, причемъ его «пассажиры» остались цѣлы и невредимы.

Недѣли за двѣ до этого опыта (30-го августа) одинъ молодой физикъ, Пилатръ де-Розье *), обратился къ академіи наукъ съ просьбой разрѣшить ему подняться вмѣстѣ съ версальскимъ шаромъ. Просьба была оставлена безъ послѣдствій, но вопросъ о возможности примѣненія воздушнаго шара къ воздухоплаванію представлялъ въ то время уже настолько животрепещущій интересъ, что опыта этого рода не пришлось дожидаться слишкомъ долго. По порученію академіи Монгольфьеромъ былъ приготовленъ пробный шаръ, обладающій достаточной подъемной силой, на которомъ Пилатръ де-Розье долженъ былъ подняться на небольшую высоту на привязи. Опытъ былъ повторенъ нѣсколько разъ и каждый разъ удавался блестяще. Вотъ что говорится по этому поводу въ «Отчетѣ, представленномъ академіи наукъ относительно аэростатической машины гг. Монгольфьеровъ»: «Въ этотъ разъ, находясь на галлерейкѣ **) новаго аэростата, г. Пилатръ

Рис. 17. Пилатръ-де-Розье.

*) Пилатръ де-Розье родился въ Мецѣ въ 1756 г. Желая сдѣлать изъ него хирурга, родители Пилатра отдали его на обученіе въ мѣстный госпиталь, но онъ бѣжалъ изъ госпиталя и поступилъ въ аптеку, гдѣ, заинтересовавшись физикой, съ жаромъ принялся за изученіе этой науки. Затѣмъ Пилатръ переселился въ Парижъ и открылъ тамъ курсъ публичныхъ лекцій по физикѣ. Его опыты по электричеству обратили на него вниманіе и вскорѣ онъ былъ назначенъ хранителемъ физико-химическаго кабинета, принадлежащаго брату короля.

**) Къ монгольфьеру была прикрѣплена небольшая галлерейка изъ тальниковыхъ прутьевъ, на которой могъ свободно помѣщаться 1 человѣкъ. Въ отверстіе, находившееся въ серединѣ галлерейки, вставлялась проволочная корзинка, которая служила очагомъ для сожиганія соломы или другого горючаго матеріала во время подъема аэростата.

де-Розье былъ поднятъ на высоту приблизительно ста шаговъ *), на каковой высотѣ шаръ удерживался привязями. Намъ казалось, что онъ чувствуетъ себя хозяиномъ положенія, то спускаясь, то поднимаясь на шарѣ, смотря по величинѣ пламени, которое онъ поддерживалъ въ очагѣ; но опытъ, имѣвшій мѣсто въ слѣдующее воскресенье доказалъ еще съ большей убѣдительностью возможность регулировать движенія аэростата вверхъ и внизъ. Чтобы устранить излишнюю тяжесть, часть галлерейки, на которой помѣщался г. Пилатръ, была удалена, а для равновѣсія съ противоположной стороны была привязана корзинка съ грузомъ. Шаръ быстро поднялся на высоту, которую допускала длина веревокъ. Продержавшись на ней нѣкоторое время, онъ сталъ спускаться, вслѣдствіе прекращенія огня. Въ этотъ моментъ порывомъ вѣтра шаръ нанесло на деревья сосѣдняго сада, и когда удалось освободить веревки, которыя его удерживали и Пилатръ въ то же время возобновилъ огонь, то шаръ быстро поднялся и безъ малѣйшихъ затрудненій былъ приведенъ въ садъ Ревельона. Ободренные такими результатами, устранявшими мысль объ опасности подобныхъ опытовъ, на шарѣ послѣдовательно поднялись Жиру-де-Вильетъ и маркизъ д'Арланъ. Нужно замѣтить, что при этихъ опытахъ аэростатъ поднимался на высоту трехсотъ восьмидесяти шаговъ, т.-е. въ полтора раза выше башенъ собора парижской Богоматери, и что г. Пилатръ де-Розье, благодаря своей энергіи и ловкости, отлично управлялъ топкой, заставляя шаръ то подниматься, то опускаться до прикосновенія съ землей и подниматься снова, словомъ, сообщалъ ему движенія, какія ему хотѣлось».

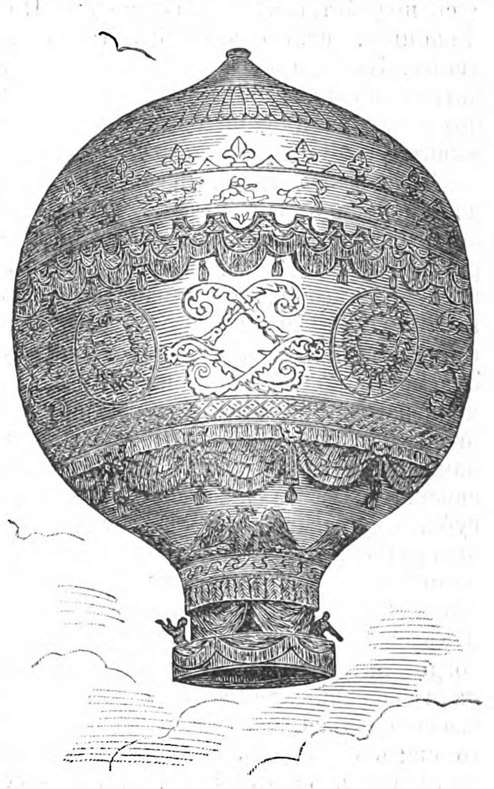


Рис. 18. Шаръ, на которомъ былъ совершенъ первый воздушный полетъ.

Интересно между прочимъ отмѣтить, что уже первые экспериментаторы предвидѣли то значеніе, какое могутъ имѣть привязные шары (ballons captifs) въ военномъ дѣлѣ. «Я тотчасъ же убѣдился,—писалъ въ своемъ письмѣ въ «Парижскую Газету» Жиру де-Вильетъ,—что эта не особенно дорогая машина можетъ оказать значительныя услуги арміи, позволяя обнаруживать позиціи, маневры и передвиженія непріятельскихъ войскъ и сообщать объ этомъ своимъ отрядамъ при помощи сигналовъ. Я думаю, что съ нѣкоторыми предосторожностями ею можно пользоваться для этой цѣли и на морѣ».

*) Шагъ (pied)—старинная французская мѣра длины равняется 0,324 метра.

Послѣ этихъ опытовъ Пилатръ де-Розье съ еще большей настойчивостью сталъ просить о позволеніи совершить ему свободный полетъ на аэростатѣ. Монгольфьеръ не рѣшался принять на себя отвѣтственность за жизнь Пилатра и ссылался на необходимость дальнѣйшихъ опытовъ. Къ тому же о желаніи молодого смѣльчака узналъ Людовикъ XVI и отдалъ приказъ полиціи воспрепятствовать его попыткѣ, разрѣшивъ, однако, воспользоваться для этого опыта двумя осужденными на смерть преступниками, которымъ было обѣщано помилованіе, въ случаѣ благополучнаго исхода полета. Мысль, что честь перваго воздушнаго путешествія будетъ принадлежать отбросамъ общества, глубоко возмущала Пилатра. Онъ рѣшилъ во что бы то ни стало добиться этой чести самъ. Черезъ маркиза д'Арлана, который былъ большимъ другомъ братьевъ Монгольфьеровъ, ему удалось подѣйствовать на герцогиню Полиньякъ, воспитательницу «дѣтей Франціи», пользовавшуюся тогда могущественнымъ вліяніемъ при дворѣ. Благодаря ея вмѣшательству Пилатру удалось, наконецъ, добиться осуществленія завѣтной мечты. Вмѣстѣ съ маркизомъ д'Арланомъ ему разрѣшено было произвести опытъ свободнаго подъема на аэростатѣ 21-го ноября.

Подъемъ состоялся изъ сада Мюетъ въ Пасси при огромномъ стеченіи публики. Шаръ началъ подниматься въ 1 ч. 54 м. пополудни и опустился на землю черезъ 25 минутъ въ другомъ предмѣстьи Парижа, Бютъ-о-Гайль, пройдя разстояніе въ 8 километровъ и почти пересѣкши городъ. Сохранилось собственноручное письмо д'Арлана къ Фожа де-Сенъ-Фону, въ которомъ онъ подробно описываетъ свое путешествіе. Изъ письма этого между прочимъ видно, какой серьезной опасности подвергались смѣлые путешественники очутившись чуть не на высотѣ 1.000 метровъ. Дѣло въ томъ, что вѣтромъ разбросало огонь изъ очага, и галлерейка, на которой находились путешественники, начала тлѣть. Д'Арланъ замѣтилъ это только тогда, когда уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ галлерейки прогорѣли дыры. При помощи влажной губки ему удалось затушить на время огонь въ очагѣ и шаръ началъ опускаться. Въ этотъ моментъ они находились какъ разъ надъ Сеной; пришлось снова развести огонь, пока шаръ не отнесло въ сторону отъ рѣки. Самый спускъ совершился также не совсѣмъ благополучно. Д'Арланъ соскочилъ на землю прежде, чѣмъ шаръ коснулся ея, и когда онъ успѣлъ уже сплющиться и опустился всей тяжестью на галлерейку, на которой находился Пилатръ. Ему удалось кой-какъ высвободиться, но такъ какъ въ очагѣ галлерейки еще тлѣлъ огонь, то шаръ рисковалъ сгорѣть. Отдѣлить его отъ галлерейки они вдвоемъ были не въ состояніи, и чтобы потушить огонь пришлось разорвать оболочку шара Толпа восторженно привѣтствовала Пилатра и д'Арлана при возвращеніи ихъ въ городъ. Въ тотъ же день былъ составленъ протоколъ, подписанный представителями высшей аристократіи и академіи наукъ. Въ числѣ подписавшихся былъ между прочимъ Веніаминъ Франклинъ, который находился въ то время въ Парижѣ. Говорятъ, когда кто-то спросилъ въ его присутствіи, къ чему послужитъ это изобрѣтеніе, то Франклинъ отвѣтилъ: «Развѣ можно сказать, что выйдетъ изъ ребенка, только что появившагося на свѣтъ!»

Примѣру Розье и д' Арлана рѣшились послѣдовать Шарль и одинъ изъ Роберовъ. Они устроили подписку на сооруженіе водороднаго шара изъ шёлка съ подъемной силой для двухъ пассажировъ. Подписка дала до 10.000 франковъ и мѣсяцъ спустя шаръ былъ готовъ и выставленъ

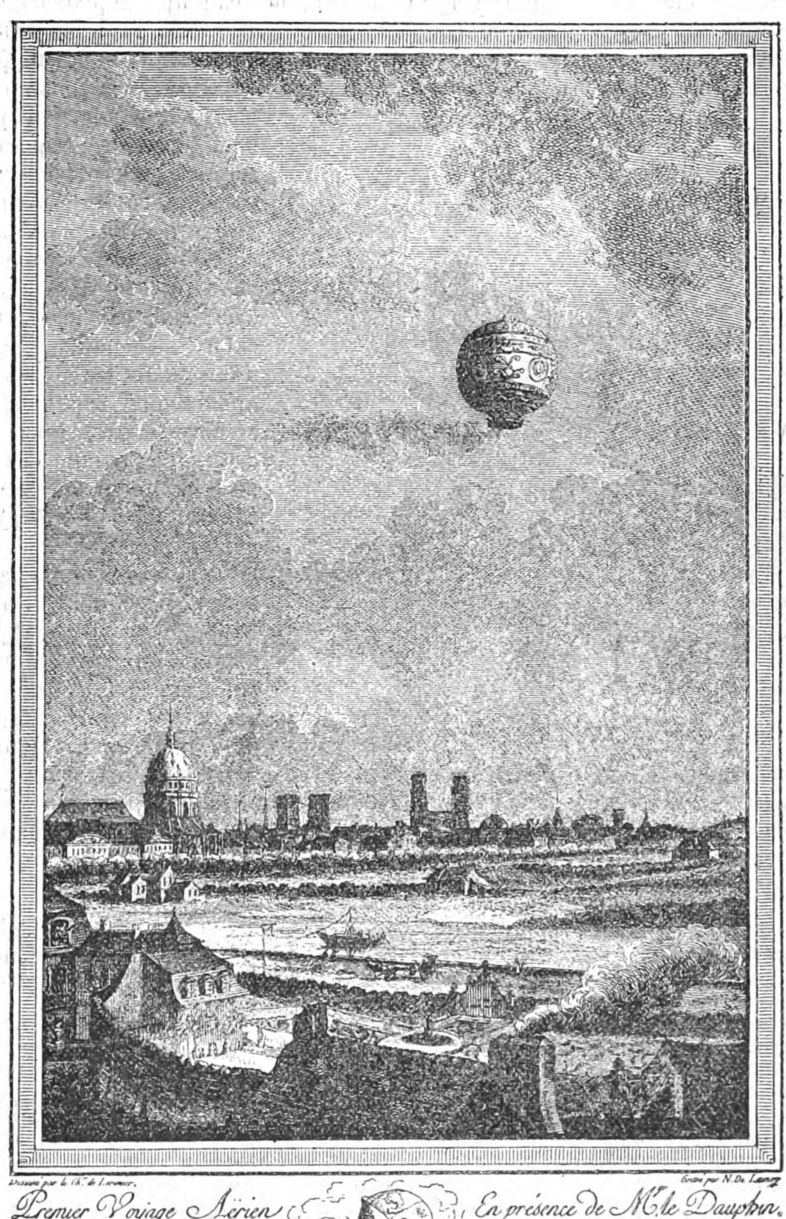


Рис. 19. Первый полетъ на монгольфьерѣ Пилатра де-Розье и маркиза д'Арлана 21-го ноября 1783 г.

въ Тюьерійскомъ саду. Операція наполненія оболочки газомъ была сопряжена еще съ большими трудностями, нежели при первомъ опытѣ Шарля и чуть было не кончилась катастрофой, такъ какъ въ одномъ изъ бочонковъ воспламенился водородъ. Къ счастью, бочонокъ былъ во-время разъединенъ съ шаромъ и такимъ образомъ удалось избѣжать опасности страшнаго взрыва. Аэростатъ Шарля имѣлъ форму шара (9 метровъ въ діаметрѣ), составленнаго изъ шелковыхъ полосъ краснаго и желтаго цвѣта. Гондола, въ видѣ римской колесницы, была подвѣшена къ сѣткѣ, покрывавшей верхнюю половину шара, такъ что вѣсъ ея распредѣлялся по всей поверхности аэростата. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что съ технической стороны аэростатъ былъ оборудованъ образцово. Вмѣстѣ съ огромными научными познаніями Шарль обнаружилъ при этомъ геніальную изобрѣтательность.

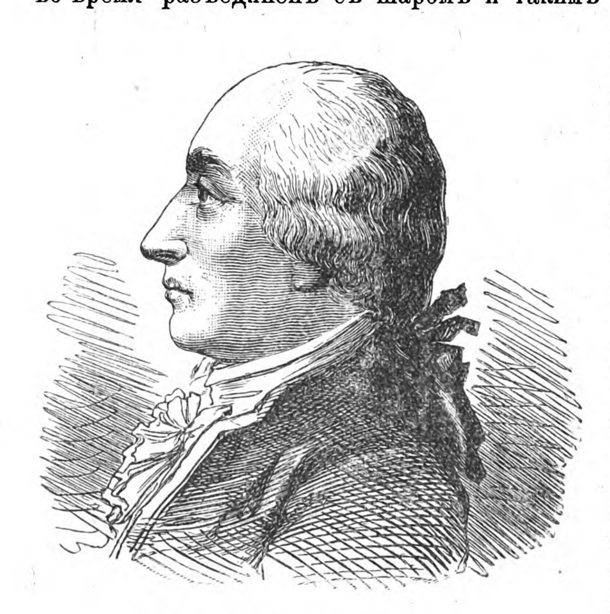


Рис. 20. Физикъ Шарль.

Можно сказать, что почти весь аэростатическій матеріалъ въ томъ видѣ, въ какомъ имъ пользуются въ настоящее время, былъ созданъ Шарлемъ, и въ этомъ между прочимъ заключается величайшая заслуга этого замѣчательнаго изобрѣтателя *).

---

*) Для болѣе яснаго пониманія послѣдующаго, мы считаемъ не лишнимъ сообщить здѣсь читателю нѣкоторыя свѣдѣнія, касающіяся устройства и снаряженія аэростатовъ. Подробное изложеніе этого предмета читатель найдетъ въ одной изъ главъ слѣдующаго отдѣла.

Въ монгольфьерахъ, какъ мы видѣли, подъемъ и опусканіе шара регулируется простымъ нагрѣваніемъ заключеннаго въ немъ воздуха. Въ газовыхъ аэростатахъ измѣненія температуры газа должны оказывать несомнѣнно также огромное вліяніе на подъемную силу аэростата, но здѣсь воздухоплаватель уже не можетъ произвольно управлять этими измѣненіями. Они являются здѣсь слѣдствіемъ совершенно случайныхъ метеорологическихъ условій (нагрѣваніе отъ солнечныхъ лучей, охлажденіе отъ облаковъ, холоднаго вѣтра и . п.) и съ ними приходится лишь считаться. Отсюда необходимость примѣненія другихъ способовъ для управленія вертикальными движеніями газовыхъ аэростатовъ шара. Такими способами являются во 1-хъ, баластъ и, во-2-хъ клапанъ въ верхней части аэростата. Баластомъ служатъ обыкновенно мѣшки, наполненные пескомъ, по мѣрѣ высыпанія котораго уменьшается грузъ шара и, слѣдовательно, увеличивается его подъемная сила—шаръ поднимается. Но по мѣрѣ подъема шара равновѣсіе между давленіями наружнаго воздуха и внутренняго газа нарушается, такъ какъ плотность и давленіе воздуха въ верхнихъ, разряженныхъ слояхъ атмосферы становится меньше, слѣдовательно, и давленіе газа на внутреннія стѣнки оболочки шара, встрѣчая меньшее сопротивленіе со стороны наружнаго воздуха при подъемѣ шара, будетъ увеличиваться, пока не разорветъ этой оболочки. Чтобы устранить возможность этого, къ нижнему отверстію аэростата придѣлывается рукавъ, соединенный съ отросткомъ въ который излишекъ

Подъемъ состоялся (1-го декабря 1783 г.) изъ Тюльерійскаго сада въ присутствіи невиданной массы народа, достигавшей, какъ полагаютъ, огромной цифры въ 400 тысячъ. Когда почти все уже было готово, и народъ съ напряженіемъ ожидалъ сигнала, отъ короля пришло распоряженіе не допускать полета. Въ толпѣ пронесся ропотъ. Злые языки пустили слухъ, что распоряженіе вызвано настоятельными просьбами самого Шарля. Сейчасъ же было сочинено и пошло циркулировать въ толпѣ обидное для Шарля четверостишіе.

Profitez bien, messieurs, de la commune erreur:
La recette est considerable.
C'est un tour de Robert le Diable,
Mais non pas de Richard sans peur *).

Шарль негодовалъ. Онъ бросился къ министру двора барону де-Бретейлю и умолялъ его разрѣшить полетъ, говоря, что иначе онъ навсегда будетъ обезчещенъ и предпочтетъ лишить себя жизни. Министръ поддался и принялъ разрѣшеніе на свою отвѣтственность.

Въ 1 ч. 30 м. пополудни выстрѣлъ возвѣстилъ, что подъемъ начинается. Прежде чѣмъ сѣсть въ гондолу, Шарль долженъ былъ пустить небольшой пробный шаръ, который онъ держалъ за веревочку. Въ это время онъ замѣтилъ въ числѣ зрителей Этьена Монгольфьера. Шарль подошелъ къ Монгольфьеру и, передавая веревочку, просилъ его самого пустить шаръ. «Вамъ, сказалъ онъ при этомъ, надлежитъ указать намъ дорогу къ небесамъ». Этимъ, какъ потомъ объяснилъ Шарль, онъ хотѣлъ выразить Монгольфьеру публично свое уваженіе и признаніе его первенства. Наконецъ путешественники сѣли въ гондолу и, когда раздался второй выстрѣлъ, шаръ началъ медленно подниматься.

«Ничто,—писалъ потомъ Шарль,—не можетъ сравниться съ тѣмъ радостнымъ состояніемъ, которое овладѣло всѣмъ моимъ существомъ, когда я почувствовалъ, что поднимаюсь отъ земли; это было не удовольствіе, это было счастье... Это чувство смѣнилось затѣмъ восторгомъ передъ величественнымъ зрѣлищемъ, которое открывалось предъ нами. Внизу нашему взору представлялись повсюду лишь головы, вверху—безоблачное голубое небо; вдали открывались чудные горизоны. «О мой другъ, сказалъ я Роберу, какъ мы счастливы!.. Какъ небо благопріятно намъ, какая ясность, какія восхитительныя сцены!»

газа можетъ свободно выходить изъ шара. Хотя при этомъ объемъ шара остается прежнимъ, его подъемная сила уменьшается и именно настолько, насколько плотность вытѣсняемаго имъ воздуха становится меньше, такъ что при идеальномъ устройствѣ шара (т.-е. если бы не было неизбѣжной потери газа черезъ поры и незамѣтныя отверстія въ оболочкѣ и при идеальныхъ температурныхъ условіяхъ), въ дальнѣйшемъ движеніи шара вверхъ можетъ наступить моментъ, когда установится полное равновѣсіе между нимъ и воздушной атмосферой,—шаръ повиснетъ въ воздухѣ.

Единственная возможность заставить шаръ спуститься въ этомъ случаѣ заключается въ уменьшеніи его объема, т.-е. въ выпусканіи части газа. Это и достигается при помощи клапана, устроеннаго въ верхней части аэростата. Клапанъ открывается простымъ потягиваніемъ веревки, конецъ которой находится въ гондолѣ аэростата. При спускѣ шара внизъ его тяжесть, на основаніи уже извѣстныхъ соображеній, будетъ, наоборотъ, увеличиваться и чтобы избѣгнуть опасности слишкомъ быстраго спуска, приходится иногда усиленно выбрасывать баластъ.

Приставаніе къ землѣ совершается при помощи особаго рода якорей. Иногда для этого служатъ также и такъ называемые гайдъ-ропы.

*) Т.-е. пользуйтесь, господа, всеобщимъ заблужденіемъ: сборъ не дуренъ. Это штука Роберта Дьявола, а не Ричарда безстрашнаго.

Продержавшись нѣкоторое время надъ Монсо, аэростатъ направился затѣмъ на другую сторону Сены по направленію къ Аржантейлю пролетѣлъ послѣдовательно надъ Саннуа, Франконвилемъ, Вилье, Лиль-Аданомъ и спустился въ мѣстечкѣ Нельи, пройдя такимъ

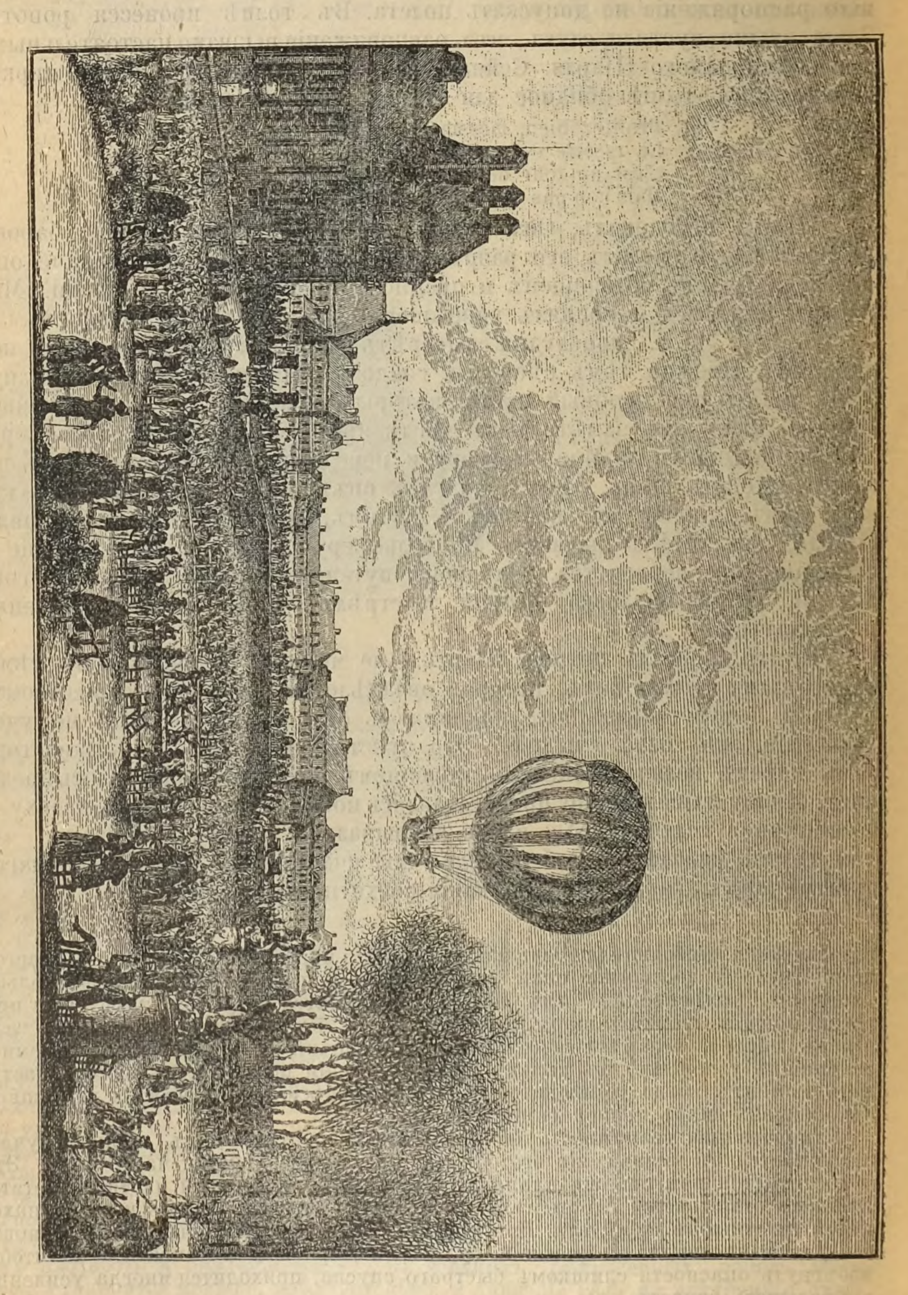


Рис. 21. Подъемъ Шарля и Робера въ Тюльери 1-го декабря 1783 г.

образомъ около 36 километровъ. Путешественники были встрѣчены чрезвычайно радушно мѣстными жителями, которые засыпали ихъ всевозможными вопросами и наперерывъ старались выразить имъ свое участіе. Вскорѣ въ Нельи прискакали верхами герцогъ Шартрскій, гер-

цогъ Фицъ-Джемсъ и англичанинъ Фареръ, которые гнались за шаромъ во все время его полета. Ими былъ подписанъ протоколъ, составленный Шарлемъ. Шарль былъ въ такомъ восторгѣ отъ всего перечувствованнаго и пережитаго имъ за эти нѣсколько часовъ, что тутъ же рѣшилъ подняться одинъ на аэростатѣ, обѣщая герцогу Шартрскому возвратиться черезъ полчаса. Облегченный на половину аэростатъ взлетѣлъ съ головокружительной быстротой, что менѣе чѣмъ черезъ 10 минутъ Шарль почувствовалъ себя на высотѣ 3000 метровъ. Съ нимъ былъ барометръ и термометръ, по которымъ онъ тщательно записывалъ всѣ измѣненія температуры и давленія, держа въ лѣвой рукѣ часы и бумагу, а въ правой карандашъ и веревку отъ клапана.

«Я спокойно анализировалъ, говоритъ онъ, мои ощущенія, я такъ сказать *вслушивался въ свое самочувствіе* и могу увѣрить, что въ первый моментъ я не испытывалъ никакой непріятности отъ столь внезапнаго измѣненія условій температуры и давленія... Я всталъ по серединѣ гондолы и предался созерцанію зрѣлища, которое представлялъ необозримый горизонтъ. Я началъ подниматься, когда солнце уже закатилось въ равнинѣ, съ которой совершился подъемъ, но вскорѣ оно снова показалось для меня одного, и еще разъ озолотило своими лучами шаръ и гондолу. Я былъ единственнымъ освѣщеннымъ предметомъ на горизонтѣ, и вся остальная природа представлялась мнѣ погруженною въ тѣнь. Но вотъ солнце изсчезло и для меня, и, такимъ образомъ, я имѣлъ удовольствіе наблюдать два заката въ одинъ и тотъ же день»...

Помня свое обѣщаніе Шарль дѣйствительно спустился черезъ полчаса, очутившись всего лишь въ 4-хъ километрахъ отъ мѣста своего отправленія. Благодаря искусству, съ какимъ Шарль пользовался клапаномъ и баластомъ, спускъ произошелъ очень спокойно. Несмотря на такую удачу подъема, говорятъ, что, выйдя изъ гондолы, Шарль поклялся все-таки не повторять больше этого опыта—такъ сильны были пережитыя имъ впечатлѣнія, въ особенности при его второмъ молніеносномъ подъемѣ, когда онъ остался въ гондолѣ одинъ. И дѣйствительно, онъ больше уже никогда не поднимался на аэростатѣ.

Подробности этого путешествія произвели огромную сенсацію въ Парижѣ. Возвращеніе Шарля въ Парижъ было настоящимъ тріумфомъ. Толпа устроила ему овацію, академія наукъ назначила своимъ сверхштатнымъ членомъ—честь, которая была оказана также Роберу, Пилатру де Розье и маркизу д'Арлану. Король назначилъ ему пенсію въ 2.000 ливровъ и пожелалъ, чтобы его имя фигурировало рядомъ съ Монгольфьеромъ на медали, которая должна была быть выбита въ честь изобрѣтенія воздушнаго шара.

ГЛАВА III.

Дальнѣйшіе подъемы на воздушныхъ шарахъ, увлеченіе ими.—Первыя попытки управленія аэростатами. Опыты Бланшара, Гюйтона де-Морво, Міолана и Жанинэ и братьевъ Роберъ. Труды генерала Менье. Докладъ Бриссона въ академіи.—Аэромонгольфьеръ Пилатра де-Розье. Первый полетъ черезъ Ломаншъ.—Первыя жертвы воздухоплаванія: смерть Пилатра де-Розье и Ромена. Профессіональные воздухоплаватели: Бланшаръ и Тести Брисса. Шаръ аэропланъ—Скотта. Геликоптеръ Лонуа и Бьенвеню и проекты динамическаго воздухоплаванія.

Подъемъ Пилатра де-Розье и въ особенности два послѣдовательныхъ подъема Шарля послужили началомъ для длиннаго ряда аэростатическихъ полетовъ, совершенныхъ, главнымъ образомъ, во Фран-

ціи. Увлеченіе воздушными путешествіями приняло здѣсь въ то время такія размѣры, что воздухоплаваніе сдѣлалось почти спортомъ, который встрѣчалъ поддержку и поощреніе со стороны академіи наукъ и правительства. Это, конечно, не могло не отразиться благопріятно на развитии и разработкѣ во Франціи аэростатической техники, которая, какъ и само изобрѣтеніе аэростатовъ, есть продуктъ французскаго генія по преимуществу *). Вотъ почему исторія аэростатическаго воздухоплаванія и аэростатовъ неразрывно связана съ судьбой этого изобрѣтенія на него родинѣ.

Хотя подъемы Шарля выяснили несомнѣнныя преимущества газовыхъ аэростатовъ передъ монгольфьерами, послѣдніе однако, еще не сразу уступили мѣсто шарльерамъ и нѣсколько позднѣйшихъ полетовъ было совершено на монгольфьерахъ. Наиболѣе замѣчательный изъ нихъ былъ совершенъ въ Ліонѣ. Гиганскихъ размѣровъ монгольфьеръ 43 метра высоты и 35 въ діаметрѣ былъ сооруженъ подъ наблюденіемъ Жозефа Монгольфьера. Онъ былъ разсчитанъ на нѣсколько человѣкъ и большой запасъ топлива, такъ какъ на немъ предполагалось совершить путешествіе въ Парижѣ или Авиньонъ, смотря по направленію господствующаго вѣтра. Полетъ откладывался по случаю дурной погоды и состоялся наконецъ 5-го января 1784 г. Въ моментъ подъема въ гондолѣ находилось 7 человѣкъ, между прочимъ Пилатръ де-Розье и Жозефъ Монгольфьеръ, причемъ грузъ былъ и такъ уже достаточно тяжелъ для подъемной силы шара. Но при его подъемѣ грузъ этотъ неожидано увеличился еще однимъ пассажиромъ. Нѣкій Фонтенъ, молодой человѣкъ, состоящій на службѣ у Монгольфьера, былъ обиженъ отказомъ послѣдняго принять его въ число путешественниковъ и рѣшился насильно сдѣлаться пассажиромъ шара. Для этого онъ забрался на высокій заборъ, отдѣлявшій шаръ отъ публикѣ, и въ тотъ моментъ, когда шаръ сталъ подниматься, прыгнулъ въ самую середину гондолы къ изумленію путешественниковъ и огромной массы зрителей. Прыжокъ вызвалъ такое сотрясеніе шара, что сѣтка порвалась въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Путешественникамъ грозила опасность оборваться вмѣстѣ съ гондолой, тѣмъ болѣе что шаръ понесло надъ Роной, и спускъ сдѣлался невозможнымъ. Многіе изъ присутствующихъ бросились къ лодкамъ и стали слѣдовать за направленіемъ шара; въ это время вѣтеръ перемѣнился и шаръ полетѣлъ надъ болотами Жениссье, начавъ въ то же время быстро опускаться. Оказалось, что, когда шаръ находился на высотѣ 800 метровъ, его оболочка дала огромную трещину. Толчокъ, полученный пассажирами при соприкосновеніи съ землей былъ такъ силенъ, что у Монгольфьера оказались сломанными три зуба, маркизъ Лорансьенъ вывихнулъ ногу, а остальные получили болѣе или менѣе серьезные ушибы.

Слѣдующій за этимъ подъемъ на монгольфьерѣ произошелъ въ

---

*) Въ тѣ времена французы считали воздухоплаваніе чуть не своей національной миссіей. Между прочимъ особенной популярностью пользовалось тогда слѣдующее четверостишие:

Les Anglais, nation trop fière,
S'arrongent l'empir des mers;
Les francais, nation légere,
S'emparent de celui des airs.

Т.-е. англичане, нація гордая, присваиваютъ себѣ власть надъ морями; Французы же, нація легкомысленная, захватываютъ власть надъ воздухомъ.

Миланѣ 25-го февраля 1784 г. и былъ совершенъ двумя братьями Джерли и Паоло Андреани, причемъ полетъ длился около двухъ часовъ.

24-го сентября того же года, въ Ліонѣ состоялся первый полетъ женщины. Нѣкая г-жа Тибль поднялась на монгольфьерѣ въ присутствіи шведскаго короля Густава III. Шаръ достигъ высоты 2.700 метровъ и опустился черезъ три четверти часа.

14-го сентября того же года былъ произведенъ полетъ въ Лондонѣ однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ воздухоплавателей того времени, итальянцемъ Лунарди. Это былъ первый подъемъ на воздушномъ шарѣ, совершенный въ Англіи.

Послѣдній и въ то же время самый замѣчательный полетъ на монгольфьерѣ былъ совершенъ Пилатромъ де-Розье и извѣстнымъ химикомъ Пру (Proust) 23-го іюня 1784 г. въ Версали. Подъемъ состоялся въ присутствіи Людовика XVI-го и шведскаго короля на шарѣ, который назывался «Марія-Антуанетта». Шаръ поднялся на высоту 4.000 метровъ и опустился въ Шантильи, пролетѣвъ, такимъ образомъ наибольшее разстояніе, когда-либо пройденное на монгольфьерѣ.

Но всѣ эти опыты привели въ концѣ концовъ къ убѣжденію, что оптимистическія надежды, которыя возлагались на воздушные шары, какъ на рѣшеніе проблемы воздухоплаванія, черезчуръ преувеличены и что пока шаръ будетъ оставаться игрушкой вѣтра и не будутъ найдены способы подчинить его движенія волѣ воздухоплавателя, о воздухоплаваніи въ истинномъ смыслѣ слова не можетъ быть и рѣчи. На отысканіи этихъ способовъ съ тѣхъ поръ сосредоточивается вниманіе и энергія воздухоплавателей.

Уже послѣ перваго же подъема Пилатра де-Розье, Монгольфьеровъ начала занимать мысль о возможности направлять шаръ по желанію воздухоплавателя. Вскорѣ Жозефъ Монгольфьеръ приходитъ къ заключенію, что задача эта динамическимъ путемъ разрѣшена быть не можетъ. «Я не вижу,—писалъ онъ своему брату Этьену,—дѣйствительной возможности управлять шаромъ, кромѣ знанія воздушныхъ теченій, изученіемъ которыхъ слѣдуетъ заняться; рѣдкія изъ нихъ не мѣняютъ направленія вмѣстѣ съ высотой». Тѣмъ не менѣе онъ задумалъ примѣнить къ своему аэростату наклонныя плоскости, которымъ бы можно было при помощи веревокъ придавать желательное положеніе и направлять этимъ до извѣстной степени полетъ аэростата. Самый аэростатъ долженъ былъ имѣть плоскую форму и заключенъ въ эллиптическое кольцо. Онъ издержалъ до 40 тысячъ франковъ на опыты и построилъ лишь небольшую модель аэростата. Между прочимъ двое изъ его братьевъ, старшій Жанъ и младшій Александръ, впервые предложили для аэростата продолговатую форму, которую столь часто придаютъ управляемымъ аэростатамъ въ наше время. Шарль, конечно, также не могъ не интересоваться вопросомъ объ управленіи аэростатомъ, хотя и понималъ всю трудность его разрѣшенія. «Съ этого момента,—говоритъ онъ между прочимъ въ отчетѣ о своемъ подъемѣ,—я возымѣлъ, можетъ быть, нѣсколько преждевременную надежду найти способъ управленія. Впрочемъ, это будетъ возможно лишь послѣ нащупыванія, наблюденій и длиннаго ряда опытовъ». Затѣмъ одинъ за другимъ начали появляться многочисленные проекты управляемыхъ воздушныхъ шаровъ, которые, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, свидѣтельствовали скорѣе о смѣлости, чѣмъ о научныхъ познаніяхъ ихъ авторовъ. Изъ всѣхъ этихъ проектовъ осуществлены были весьма немногіе. Опыты съ ними сколько-нибудь существеннаго успѣха не имѣли, но они цѣнны уже

потому, что облегчали задачу послѣдующихъ изобрѣтателей, экспериментально устанавливая ошибочность и непримѣнимость извѣстныхъ идей и способовъ.

Первый опытъ съ управляемымъ воздушнымъ шаромъ принадлежитъ знаменитому Бланшару, который, какъ мы раньше видѣли, проявилъ столько энергіи, работая надъ осуществленіемъ своей летательной машины. Аэростатъ Бланшара *) наполнялся водородомъ и былъ снабженъ парашютомъ, который помѣщался между аэростатомъ и гондолой. Самая гондола была снабжена двумя парами крыльевъ; при помощи ихъ-то Бланшаръ и думалъ управлять аэростатомъ. Опытъ состоялся 2-го марта 1784 г. на Марсовомъ полѣ. Вмѣстѣ съ Бланшаромъ долженъ былъ подняться одинъ бенедиктинскій монахъ, физикъ Пекъ, страстно интересовавшійся вопросомъ воздухоплаванія. Но въ виду того, что во время предварительныхъ маневровъ шаръ далъ небольшую трещину и потерялъ нѣкоторое количество газа, его подъемная сила оказалась недостаточной для двухъ пассажировъ, и Пекъ долженъ былъ оставить гондолу. Наскоро исправивъ поврежденія, Бланшаръ уже готовъ былъ пуститься въ путь, когда въ гондолу ворвался какой-то молодой человѣкъ въ военной формѣ и выразилъ рѣшительное желаніе подняться вмѣстѣ съ Бланшаромъ. Такъ какъ Бланшаръ сопротивляется, то между ними завязывается борьба, во время которой юноша, выхвативъ изъ ноженъ шпагу, разрѣзалъ ею парашютъ и слегка ранилъ Бланшара въ кисть руки. Неизвѣстно чѣмъ бы все это кончилось, если бы въ дѣло не вмѣшалась военная стража и не освободила Бланшара отъ настойчиваго компаньона **), послѣ чего Бланшару удалось, наконецъ, подняться. Аэростатъ достигъ высоты 4.000 метровъ, причемъ ему угрожала опасность лопнуть вслѣдствіе того, что онъ былъ слишкомъ наполненъ газомъ при отправленіи. Передъ полетомъ Бланшаръ заявилъ, что онъ спустится въ предмѣстьѣ Парижа, Ла-Вильетъ; на самомъ же дѣлѣ спускъ произошелъ въ совершенно противоположной сторонѣ города, въ Бильянкурѣ. Тѣмъ не менѣе Бланшаръ утверждалъ, что ему удалось совершить нѣкоторыя маневры съ шаромъ и даже направить его противъ вѣтра. Его утвержденія, однако, опровергались учеными, которыя внимательно слѣдили за движеніями аэростата во время его полета. Благодаря этому Бланшаръ снова сдѣлался предметомъ насмѣшекъ печати и общества. Появилось нѣсколько эпиграммъ и остроумныхъ пѣсенокъ, въ которыхъ Бланшаръ высмѣивался самымъ безпощаднымъ образомъ, и которыя быстро подхватывались парижской толпой. Вообще аэростаты давали обильную пищу остроумію парижанъ, которое выливалось обыкновенно въ форму уличной пѣсенки. «По этимъ пѣснямъ,—говоритъ Лекорню,—можно прослѣдить всю исторію этого періода воздухоплаванія» ***). Еще можетъ быть въ большей степени тогдашнее увлеченіе воздухоплаваніемъ нашло выраженіе въ искусствѣ и модахъ той эпохи. Рисунки, эстампы, каррикатуры, касающіяся аэростатовъ можно было видѣть повсюду. Даже украшенія предметовъ домашней обстановки: посуда, мебель, часы, зеркала—и тѣ носили печать моднаго увлеченія. Нѣко-

*) Аэростатъ этотъ изображенъ на рис. 22, подъ портретомъ Бланшара.

**) Долго думали, что это былъ Бонапартъ, который въ то время учился въ бріенской военной школѣ. Въ своихъ мемуарахъ Наполеонъ опровергнулъ это предположеніе и выяснилъ, что героемъ скандала былъ его школьный товарищъ Дюпонъ-де-Шанбонъ.

***) Lecornu „La Navigation aerienne“, стр. 89.

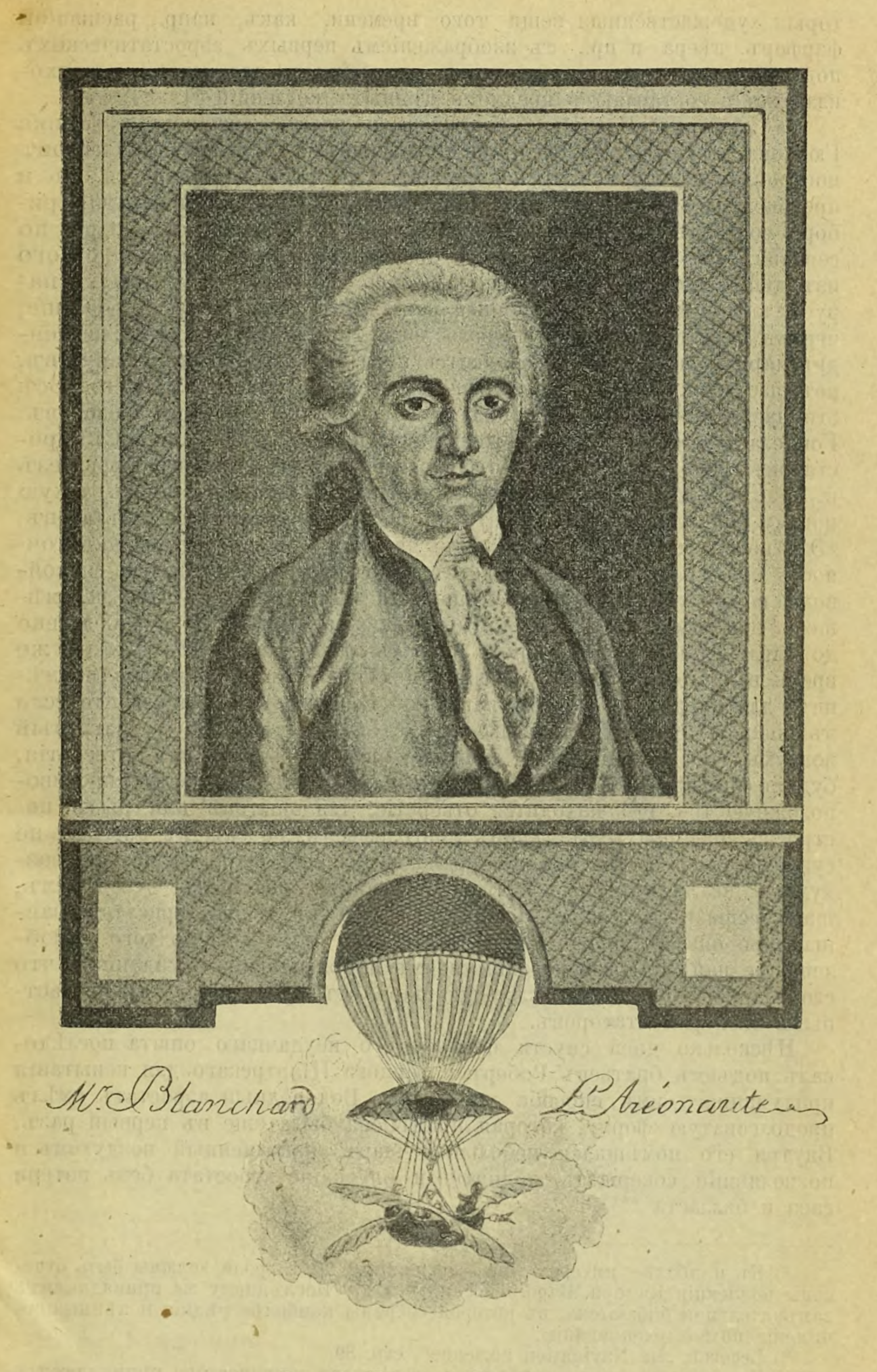


Рис. 22. Портретъ Бланшара.

торыя художественныя вещи того времени, какъ, напр., расписной фарфоръ, вѣера и пр., съ изображеніемъ первыхъ аэростатическихъ подъемовъ являются интересными документами для исторіи воздухоплаванія и составляютъ предметъ цѣнныхъ коллекцій *).

За опытомъ Бланшара послѣдовалъ опытъ дижонскаго физика Гюйтона де-Морво. На средства дижонской академіи наукъ Гюйтонъ построилъ великолѣпный водородный аэростатъ, на которомъ онъ и производилъ опыты со своимъ приборомъ для управленія шарами. Приборъ состоялъ изъ экваторіальнаго круга, охватывающаго шаръ по серединѣ (см. рис. 23). На двухъ противоположныхъ концахъ одного изъ діаметровъ этого круга помѣщались два четырехъугольныхъ паруса, натянутыхъ на деревянныя рамы. Изъ нихъ одинъ, побольше, игралъ роль руля, а другой—роль носа. На концахъ діаметра, перпендикулярнаго къ первому находилтсь пара меньшаго размѣра парусовъ, которые должны были ударять по воздуху на манеръ крыльевъ. Всѣ эти части приводились въ движеніе посредствомъ веревокъ и блоковъ. Гондола аэростата была снабжена двумя небольшими веслами. Съ аэростатомъ, снабженнымъ этими приспособленіями Гюйтонъ произвелъ въ Дижонѣ нѣсколько опытовъ и утверждалъ, что въ очень тихую погоду ему удавалось достигать вполнѣ благопріятныхъ результатовъ. «Это весьма возможно,—замѣчаетъ Лекорню,—несмотря на недостаточность примѣненныхъ имъ средствъ, такъ какъ въ абсолютно-спокойномъ воздухѣ хорошо уравновѣшенный шаръ можетъ быть перемѣщенъ при малѣйшемъ усиліи. Но отсюда еще, конечно, очень далеко до управленія въ собственномъ смыслѣ этого слова» **). Въ это же время въ Парижѣ аббатъ Міоланъ и нѣкій Жанинэ вздумали примѣнить для управленія шаромъ нагрѣтый воздухъ. Они рѣшили, что если въ боковой сторонѣ монгольфьера сдѣлать отверстіе, то нагрѣтый воздухъ, сообщающій шару движеніе вверхъ, выходя изъ отверстія. будетъ сообщать ему и горизонтальное движеніе въ сторону, противоположную той, гдѣ находится отверстіе. Для опытовъ ими былъ построенъ огромныхъ размѣровъ монгольфьеръ, но самымъ опытамъ не суждено было состояться. Во время наполненія шара нагрѣтымъ воздухомъ, вслѣдствіе сильной тяги, вызванной боковымъ отверстіемъ, шаръ вспыхнулъ и сгорѣлъ до тла. Огромная толпа, присутствовавшая при опытѣ (за извѣстную плату, конечно), была до того озлоблена, не найдя удовлетворенія своимъ напряженнымъ ожиданіямъ, что сломала перегородку, отдѣлявшую шаръ отъ публики и избила несчастныхъ экспериментаторовъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ этого неудачнаго опыта послѣдовалъ подъемъ братьевъ Роберъ и герцога Шартрскаго для испытанія придуманнаго имъ способа управленія. Водородный аэростатъ имѣлъ продолговатую форму, которая примѣнена была еще въ первый разъ. Внутри его помѣщался небольшой шаръ, наполненный воздухомъ и позволявшій совершать поднятіе и опусканіе аэростата безъ потери газа и балласта ***).

---

*) Къ наиболѣе интереснымъ коллекціямъ этого рода должны быть отнесены коллекціи Надара, Баро, Тиссандье и др. Послѣднему же принадлежитъ замѣчательная библіотека, въ которой собраны наиболѣе рѣдкія и цѣнныя сочиненія по воздухоплаванію.

**) Lecornu „La Navigation aerienne", стр. 89.

***) Какъ мы увидимъ ниже, идея этого шара-компенсатора принадлежитъ генералу Менье.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

„МІРЪ БОЖІЙ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(28 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Разъѣзжая, 7 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. **Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы**—въ конторѣ *Печковской*, Петровскія линіи и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) *Рукописи*, присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны*, снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей.

2) Непринятые мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) **Принятыя статьи**, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе **полугода** и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица*, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ **семикопѣечную марку.**

5) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

6) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи.

7) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

8) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

9) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 25 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

10) При переходѣ петербургскихъ подписчиковъ въ иногородніе доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногороднихъ въ петербургскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того же разряда 14 копѣекъ.

11) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годоваго экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, **кромѣ праздниковъ**, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ*, отъ 3 до 4½ час. *по пятницамъ* отъ 3 до 4½ час. *кромѣ праздничныхъ дней.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи **8** руб., безъ доставки **7** руб., за границу **10** руб.

Адресъ: С.-Петербургъ, Разъѣзжая, 7.

Издательница М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Ѳ. Д. Батюшковъ.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 098032714